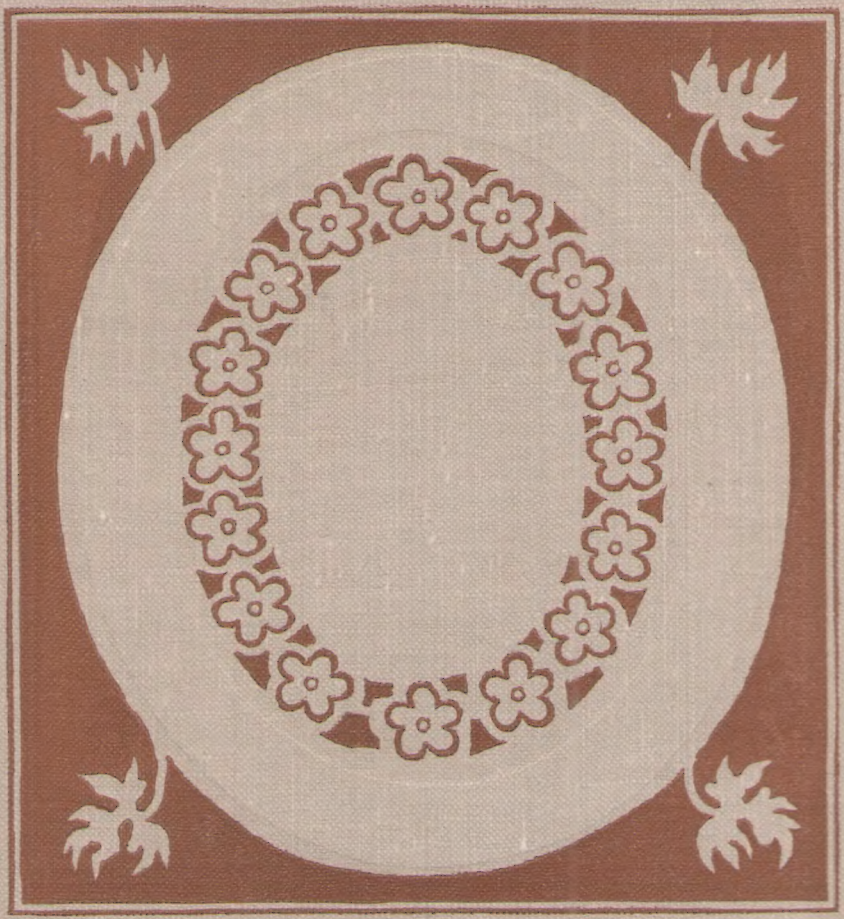
ТАРАС ШЕВЧЕНКО



ТОМ

5

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

ТВОРИ У П'ЯТИ ТОМАХ

ВИДАВНИЦТВО ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ «ДНІПРО»
КИЇВ ✲ 1971

Т. Шевченко. Фото 1860 р.

АВТОБІОГРАФІЯ

Тарас Шевченко — сын крепостного крестьянина Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25. В селе Кирилловке [1], Звенигородского уезда, Киевской губернии. В имении помещика Василия Васильевича Энгельгардта. На осьмом году, лишившись отца и матери [2], приютился он у дьячка в школе в виде школяра-п о п ы х а ч а. По многотяжком двухлетнем испытании прошел он граматку, часословец и, наконец, псалтырь. Дьячок, убедившись в досужестве своего школяра-п о п ы х а ч а, посылал его вместо себя читать псалтырь по усопших крепостных душах, за что и платил ему десятую копейку, яко поощрение. Но, несмотря на столь лестное к себе внимание сурового спартанца-учителя, в один из многих дней и ночей, когда спартанец-учитель со своим другом Ионою Л ы м а р е м были мертвецки пьяны, школяр-п о п ы х а ч без зазрения совести, обнажив задняя своего наставника и благодетеля, всыпал ему великую дозу березовой каши. Помстившись до отвала и похитивши какую-то книжечку с к у н ш т ы к а м и [3], в ту же ночь бежал в местечко Лысянку, где и нашел себе учителя живописи отца диакона, тоже спартанца. Терпеливо бродяга-школяр носил из Тикича три дня ведрами воду и растирал медянку на железном листе и на четвертый день бежал. Бежал он в село Тарасовку к дьячку-маляру, славившемуся в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана-воина; у последнего для большего эффекта рисовал он на левом рукаве две солдатские нашивки. К сему-то Апеллесу [4] обратился школяр-бродяга с твердым намерением перенести все испытания, только бы хоть малость научиться его великому искусству. Но увы! Апеллес посмотрел внимательно на левую ладонь бродяги, отказал ему наотрез, не находя в нем таланта не только к малярству или к шевству, ниже к бондарству.

Потеряв всякую надежду сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром, с сокрушенным сердцем бродяга возвратился в свое родное село с намерением наняться в погонычи или пасти громадскую в а т а г у и, ходя за стадом овец и свиней, читать краденую книжечку с к у н ш т ы к а м и.

И это не сбылось. Помещику Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что наследовавшему достояние побоч-

ного отца своего, понадобился расторопный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие же шаровары и, наконец, в комнатные козачки. В должности козачка он втихомолку срисовывал украденным у конторщика карандашом картины суздальской школы, украшавшие панские покои. Странствуя с обозом за своим дидычем в Киев, Вильно и в Петербург, на постоялых дворах крал он изображения разных исторических героев, как-то: Соловья Разбойника, Кульнева, Кутузова, козака Платова и прочих, с намерением скопировать их на досуге точь-в-точь.

Случай и досуг представился в Вильне. Это было в 1829 году, декабря 6. Пан и пани уехали в рессурсы[5] на бал, в доме все успокоилось, уснуло. Тогда он развернул краденые сокровища и, выбрав из них козака Платова, принялся благоговейно-тщательно копировать. Уже дошел до маленьких козачков, гарцующих около дюжих копыт коня козака Платова, как растворилась дверь — пан и пани возвратились с балу. Пан с остервенением выдрал его за уши, надавал пощечин за то, дескать, что он мог не только дом,— город сжечь. На другой день пан велел кучеру Сидорке выпороть его хорошенько, что и было исполнено сугубо.

В 1832 году в С.-Петербурге, по неотступной его просьбе, помещик законтрактовал его на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширяеву. Ширяев был ретивее всякого дьячка-спартанца. Но, несмотря ни на какие стеснения, он в светлые летние ночи бегал в Летний сад рисовать с безобразных неуклюжих статуй (достойное украшение Петрового сада!). В этом саду и в то же время начал он делать этюды в стихотворном искусстве; из многочисленных попыток он впоследствии напечатал только одну балладу «Причинна». В один из этих сеансов познакомился он с художником Иваном Максимовичем Сошенком[6], с которым и до сих пор в самых искренних братских отношениях. По совету Сошенка он начал пробовать портреты с натуры акварелью. Для многочисленных проб терпеливо служил ему моделью его земляк и друг Иван козак Нечипоренко, дворовый человек того же Энгельгардта. Однажды тот же Энгельгардт увидел у Нечипоренка работу своего крепостного артиста, которая ему, верно, очень понравилась, потому что он начал употреблять его для снятия портретов с своих люби-

мых любовниц, за которые иногда и награждал рублем серебра, не более.

В 1837 году И. М. Сошенко представил его конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу, с целию освободить его от горестного состояния. В. И. Григорович просил о нем В. А. Жуковского, а В. А. Жуковский, предварительно узнавши цену от помещика, просил К. П. Брюллова написать его, В. А. Жуковского, портрет для императорской фамилии с целью разыграть его в лотерею в царском семействе. Великий Брюллов охотно согласился. Портрет написан. В. А. Жуковский с помощию графа М. Ю. Виельгорского устроили лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и этою ценою была куплена свобода Т. Шевченка в 1838 году, апреля 22.

С того же дня начал он посещать классы Академии художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей великого Карла Брюллова.

В 1844 году удостоился он звания свободного художника, а в 1847 году был арестован вместе с Костомаровым, Кулишем и многими другими по доносу студента Киевского университета, некоего Петрова. Без суда и следствия разослали их в разные крепости, а 30 мая того же года из каземата Третьего отделения [7] Т. Г. Шевченко был сослан в Орскую крепость и потом в Новопетровское укрепление с строжайшим запрещением писать и рисовать.

В 1858 году 22 августа по ходатайству графини Анастасии Ивановны Толстой [8] освободили его из Новопетровского укрепления. И по ее же ходатайству всемилостивейше повелено быть ему под надзором полиции в столице и заниматься своим художеством.

В 1859 году летом, после долгой и тяжкой разлуки, увидел он свою прекрасную родину, крепостных братьев, сестру и благополучно осенью возвратился в Академию художеств, где, благодаря правящим Академиею, с любовью истинного художника занимается гравюрою акватинта и аквафорта [9].

После долгих двухлетних проволочек Главный цензурный комитет разрешил ему напечатать только те из своих сочинений, которые были печатаны до 1847 года, вычеркнувши из них десятки страниц (прогресс).

1860 года, в первой половине генваря [...] [10].

[*Перша половина лютого 1860, С.-Петербург*]

ЩОДЕННИК

1857

12 июня

Первое замечательное происшествие, которое я вношу в мои записки, суть следующее. Обрезывая сию первую тетрадь для помянутых записок, я сломал перочинный нож. Происшествие, по-видимому, ничтожное и не заслуживающее того внимания, которое я ему оказываю, внося его как что-то необыкновенное в сию пеструю книгу. Случись этот казус в столице или даже в порядочном губернском городе, то, натурально, он не попал бы в мою памятную книгу. Но это случилося в киргизской степи, т. е. в Новопетровском укреплении [1], где подобная вещица для грамотного человека, как, например, я, дорого стоит; а главное, что не всегда ее можно достать и даже за порядочные деньги. Если вам удастся растолковать свою нужду армянину-маркитанту, который имеет сообщение с Астраханью, то вы все-таки не ближе как через месяц — летом, а зимою — через пять месяцев получите прескверный перочинный ножик и, разумеется, не дешевле монеты, т. е. рубля серебром. А случается и так, и весьма часто, что вместо ожидаемой вами с нетерпением вещи он вас попотчует или московской бязью, или куском верблюжьего сукна, или, наконец, кислым, как он говорит, дамским чихирем [2]. А на вопрос ваш, почему он вам не привез именно то, что вам нужно, он вам пренаивно ответит,— что мы люди коммерческие, люди неграмотные, всего не упомнишь. Что вы ему на такой резонный довод? Ругнете его, он усмехнется, а вы все-таки без ножа останетесь. Теперь понятно, почему в Новопетровском укреплении утрата перочинного ножа — событие, заслуживающее бытописания. Но бог с ним — и с укреплением, и с ножом, и с маркитантом; скоро, даст бог, вырвусь я из этой безграничной тюрьмы. И тогда подобное происшествие не будет иметь места в моем журнале.

13 июня

Сегодня уже второй день, как сшил я себе и аккуратно обрезал тетрадь для того, чтобы записывать, что со мною

и около меня случится. Теперь еще только девятый час, утро прошло, как обыкновенно, без всякого замечательного происшествия, увидим, чем кончится вечер. А пока совершенно нечего записать. А писать охота страшная. И перья есть очиненные. По милости ротного писаря я еще не чувствую своей утраты. А писать все-таки не о чем. А сатана так и шепчет на ухо:

— Пиши, что ни попало, ври, сколько душе угодно. Кто тебя станет поверять? И в шканечных журналах [1] врут, а в таком, в домашнем, и бог велел.

Если бы я свой журнал готовил для печати, то, чего доброго, пожалуй, и искусил бы лукавый враг истины, но я, как сказал поэт наш,

Пишу не для мгновенной славы,
Для развлеченья, для забавы,
Для милых искренних друзей,
Для памяти минувших дней [2].

Мне следовало бы начать свой журнал со времени посвящения моего в солдатский сан, сиречь с 1847 года. Теперь бы это была претолстая и прескучная тетрадь. Вспоминая эти прошедшие грустные десять лет, я сердечно радуюсь, что мне не пришла тогда благая мысль обзавестись записной тетрадью. Что бы я записал в ней? Правда, в продолжение этих десяти лет я видел даром то, что не всякому и за деньги удастся видеть. Но как я смотрел на все это? Как арестант смотрит из тюремного решетчатого окна на веселый свадебный поезд. Одно воспоминание о прошедшем и виденном в продолжение этого времени приводит меня в трепет. А что же было бы, если бы я записал эту мрачную декорацию и бездушных, грубых лицедеев, с которыми мне привелось разыгрывать эту мрачную, монотонную десятилетнюю драму? Мимо, пройдем мимо, минувшее мое, моя коварная память! Не возмутим сердца любящего друга недостойным воспоминанием, забудем и простим темных мучителей наших, как простил милосердый человеколюбец своих жестоких распинателей. Обратимся к светлому и тихому, как наш украинский осенний вечер, и запишем все виденное и слышанное и все, что сердце продиктует.

От второго мая получил я письмо из Петербурга от Михайла Лазаревского [3] с приложением 75 рублей. Он из-

вещает меня, или, лучше, поздравляет с свободою. До сих пор, однако ж, нет ничего из корпусного штаба, и я, в ожидании распоряжений помянутого штаба, собираю сведения о волжском пароходстве. Сюда приезжают иногда астраханские флотские офицеры (крейсеры от рыбной экспедиции). Но это такие невежды и брехуны, что я, при всем моем желании, не могу до сих пор составить никакого понятия о волжском пароходстве. В статистических сведениях я не имею надобности, но мне хочется знать, как часто отходит пароход из Астрахани в Нижний Новгород [4] и какая цена местам для пассажиров. Но увы! При всем моем старании я узнал только, что места разные и цена разная, а пароходы из Астрахани в Нижний ходят очень часто. Не правда ли, точные сведения?

Несмотря, однако ж, на эти точные сведения, я уже успел (разумеется, в воображении) устроить свое путешествие по Волге уютно, спокойно и, главное, дешево. Пароход буксирует (одно-единственное верное сведение) несколько барок, или, как их называют подчалками, до Нижнего Новгорода с разным грузом. На одной из таких барок я думаю устроить свою временную квартиру и пролежать в ней до нижегородского дилижанса. Потом в Москву, а из Москвы, помолившись богу за Фультонову душу [5], через 22 часа и в Питер [6]. Не правда ли, яркая фантазия? Но на сегодня довольно.

Нынешний вечер ознаменован прибытием парохода из Астрахани. Но как событие сие совершилось довольно поздно, в девятом часу, то до следующего утра я не получу от него никаких известий. Важного ничего я и не ожидаю от астраханской почты. Вся переписка моя идет через Гурьев-городок [7]. А через Астрахань я весьма редко получаю письма. Следовательно, мне от парохода ждать нечего. Не вздумает ли батько кошовый [8] Кухаренко написать мне? То-то бы одолжил меня старый черноморец. Замечательное явление между людьми этот истинно благородный человек. С 1847 года, по распоряжению высшего начальства, все друзья мои должны были прекратить со мною всякое сношение. Кухаренко не знал о таком распоряжении. Но также не знал и о моем местопребывании. И, будучи в Москве во время коронации депутатом от своего войска, познакомился со стариком Щепкиным [9] и от него узнал о месте моего заключения. И, благороднейший друг! написал мне самое искреннее, самое задушевное

письмо. Через девять лет и не забыть друга, и еще в несчастии друга. Это редкое явление между себялюбивыми людьми. С этим же письмом, по случаю, как он пишет, по случаю получения им Станислава первой степени, прислал он мне на поздравку 25 рублей серебром. Для семейного и небогатого человека большая жертва. И я не знаю, чем и когда я ему воздам за эту искреннюю, нелицемерную жертву.

По случаю этого дружеского неожиданного приветствия я расположил было мое путешествие таким образом: через Кизляр [10] и Ставрополь проехать в Екатеринодар [11] прямо к Кухаренку. Насмотревшись досыта на его благородное, выразительное лицо, я думал проехать через Крым, Харьков, Полтаву, Киев и Минск, Несвиж [12] и, наконец, в село Чирковичи [13] и, обняв своего друга и товарища по заключению Бронислава Залецкого [14], через Вильно [15] проехать в Петербург. План этот изменило письмо М. Лазаревского от 2 мая. Из письма этого я увидел, что мне, нигде не останавливаясь, нужно поспешить в Академию художеств и облобызать руки и ноги графини Настасии Ивановны Толстой и ее великодушного супруга, графа Федора Петровича [16]. Они единственные виновники моего избавления, им и первый поклон. Независимо от благодарности, этого требует простая вежливость. Вот главная причина, почему я, вместо ухарской тройки, выбрал тридцатидневное монотонное плавание по матушке по Волге. Но состоится ли оно, я этого еще наверное не знаю. Легко может статься, что я еще в хламиде поругания и с ранцем за плечами попунтирую в Уральск в штаб баталиона № 1. Всего еще можно ожидать. И потому не следует давать слишком много воли своему неугомонному воображению. Но утро вечера мудренее. Посмотрим, что завтра будет. Или, лучше сказать, что привезет гурьевская почта.

14 июня

Я что-то чересчур усердно и аккуратно взялся за свой журнал. Не знаю, долго ли продлится этот писательский жар? Как бы не сглазить. Если правду сказать, я не вижу большой надобности в этой пунктуальной аккуратности. А так — от нечего делать. На безделье и это рукоделье. Записному литератору или какому-нибудь поставщику

фельетона,— тому необходима эта бездушная аккуратность как упражнение, как его насущный хлеб. Как инструмент виртуозу, как кисть живописцу, так литератору необходимо ежедневное упражнение пера. Так делают и гениальные писатели, так делают и пачкуны. Гениальные писатели потому, что это их призвание. А пачкуны потому, что они иначе себя и не воображают, как гениальными писателями. А то бы они и пера в руки не брали.

Какое же казусное событие запишу я сегодня? А вот какое. Вчерашний пароход разрешился порядочным мешком целковых и арапчиков. Это третное жалованье гарнизона. Офицеры сегодня же его и получили и сегодня же отнесли его Попову (маркитанту) и спиртомеру (целовальнику), а остальное тоже отослали к спиртомеру и начали кутить, или, вернее, пьянствовать. Завтра выдадут жалованье солдатам, и солдаты тоже начнут кутить, т. е. пьянствовать. И это продлится несколько дней сряду. И кончится как солдатская, так и офицерская попойка дракой и, наконец, курятником, т. е. гауптвахтой.

Солдаты — самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, одним словом,— все. Ему простительно окунуть иногда свою сирую, одинокую душу в полштофе сивухи. Но офицеры, которым отдано всё, все человеческие права и привилегии, чем же они разнятся от бедняка солдата? (Я говорю о Новопетровском гарнизоне). Ничем они, бедные, не разнятся, кроме мундира. И добро бы еще были так называемые старые б у р б о н ы. А то ведь юноши и воспитанники кадетских корпусов. Хорошо должно быть воспитание? Бесчеловечное воспитание. Зато дешевое. А главное, скорое. Восьмнадцатилетний юноша — уж он офицер. Восторг и загляденье матери и опора дряхлого отца. Жалкая мать и глупый отец.

Кажется, Казак Луганский [1] написал книгу под заглавием «Солдатские досуги». Заглавие ложное. У русского солдата досуга не имеется. А если же солдат и встречается с ним иногда, то непременно в кабаке. Какая же, спрашивается, была цель прославленного сочинителя писать подобные досуги? И что нравственного в подобных досугах, если они написаны с натуры (я книги не читал)? А если же это просто сочинение, т. е. фантазия, то опять — какая цель подобной фантазии? А не лучше ли

бы сделал почтеннейший автор сих ненужных фантастических досугов, если бы написал истинные досуги линейных, армейских и даже гвардейских молодых офицеров. Этим он оказал бы величайшую услугу чадолюбивым и эполетолюбивым родителям.

15 июня

Что же я сегодня занесу в свой журнал? Совершенно нечего занести. А ни-ни, ничего хоть сколько-нибудь выходящего из круга обыденной монотонной жизни. Сегодня поутру начал я рисовать портрет г. Бажанова [1] черным и белым карандашом в киргизской кибитке на огороде. Прекрасное освещение. И я с охотой принялся за работу. Черт принес приятельницу — помешала. Я закрыл портфель и вышел из кибитки. Скромная приятельница не утерпела, взглянула одним глазком на мою работу и нашла решительное сходство, если бы рот и нос поменьше. И, не удовольствовавшись собственным замечанием, спросила мнения у горничной и у своего фаворита Молчалина А. Это меня решительно взбесило, и я, не простившись, ушел в укрепление. В укреплении видел пьяную официю и выслушал историю о том, как вчерашнего числа раскроил лоб чубуком тесть своему будущему зятю Чарцу [2] тоже по случаю жалованья. Солдатам выдавали жалованье. Мне тоже выдали, я передал его своему еще трезвому дядьке и велел ему сшить из подкладочного холста торбу для дороги. Потом зашел к Мостовскому [3], выслушал в другой раз историю (с некоторыми прибавлениями) о будущем тесте и зяте, выпил рюмку водки и возвратился на огород. Обедал, после обеда, по доброму обычаю предков, заснул часика два, и тем кончилось 15 число июня. О вечере совершенно нечего написать.

16 июня

Сегодня воскресенье. Я ночевал на огороде. Поутру был в укреплении. Дождь (весьма редкое явление) помешал мне возвратиться на огород, и я остался обедать у Мостовского. Мостовский один-единственный человек во всем гарнизоне, которого я люблю и уважаю. Человек не сплет-

ия, не верхогляд, человек аккуратный, положительный и в высокой степени благородный. Говорит плохо по-русски, но русский язык знает лучше воспитанников Неплюевского корпуса. Во время восстания поляков в 1830 году служил он в артиллерии бывшей польской армии и из военнопленных зачислен был рядовым в русскую службу. Я много от него слышал чрезвычайно интересных подробностей о революции 1830 года. Достойно замечания то, что поляк рассказывает о собственных подвигах и неудачах без малейших украшений: редкая черта в военном человеке, тем более — в поляке. Одним словом, Мостовский — человек, с которым можно жить, несмотря на сухость и прозаичность его характера.

Сегодня же милейшая миледи Мешкова сообщила мне, впрочем не по секрету, со всеми подробностями, историю о побоище, происшедшем между будущим тестем и будущим зятем. Из этой истории можно бы выкроить водевиль, разумеется, водевиль для здешней публики. Назвать его можно «Свадебный подарок, или Недошитая кофта». Дело вот в чем. Жених в прошедшем месяце отправился в Астрахань купить свадебные подарки для своей невесты. Для этой милой необходимости взял он у своего будущего тестя, такого же голыша, как и сам, последние крохи с тем, чтобы при получении жалованья возвратить эти крохи. Хорошо. Жених возвращается из Астрахани и отдает унтер-офицерше Петровой сшить для своей невесты ситцевое платье и коленкоровую кофту. Хорошо. Унтер-офицерша шьет, а между тем получается на гарнизон жалованье. Но увы! Несчастному жениху выдают на руки всего-навсего два с полтиной, а все остальное удержано в баталионе, по его же собственным распискам. Но герой, как ни в чем не бывало, посылает своего верного раба Григория к спиртомеру за четвертью полугару и с торжествующей физиономией, сопровождаемый Григорием с четвертью в руках, отправляется к будущему тестю. Начинается поздравка с получением жалованья. Но увы! И на старуху бывает проруха. Бедный жених слишком увлекся будущим счастием и в жару мечтаний проговорился, что он получил жалованья всего-навсего только два с полтиной. Разочарованный будущий тесть, тоже в жару негодования, хватил своего милого зятька чубуком по лбу, да так хватил ловко, что кровь полилась с благородного чела. Но чтобы не показать соседям, что между ими вышло контро, они

принялись вдвоем бить собаку. Бедная собака! Но этим дело не кончилось. Догадливый раненый герой бежит к портнихе, но, увы, платье уже отдано невесте, осталась только недошитая кофта; он отбирает у портнихи этот неоконченный предмет и закладывает жидку-солдату за две чары водки. Премиленький и назидательный мог бы выкроиться водевильчик.

И это гнусное происшествие — не выходящее из круга обыкновенных происшествий в Новопетровском укреплении. И я в этом омуте, среди этого нравственного безобразия, седьмой год уже кончаю. Страшно! Теперь, когда уже узнали о моем освобождении, то ближайшие мои начальники, фельдфебель и ротный командир, не увольняя меня от ученья и караула, позволили мне свободные часы от службы проводить на огороде, за что я им сердечно благодарен. На огороде, или в саду — летняя резиденция нашей комендантши [1], и все свободное время теперь я провожу в ее семействе; у нее двое миленьких детей, Наташенька и Наденька, и это единственный мой отдых и рассеяние в этом отвратительном захолустье.

17 июня

Сегодня, в четвертом часу утра, пришел я на огород. Утро было тихое, прекрасное. Иволги и ласточки нарушали изредка только сонную и сладкую тишину утра. С некоторого времени, с тех пор как мне позволено уединяться, я чрезвычайно полюбил уединение. Милое уединение! Ничего не может быть в жизни слаще, очаровательнее уединения, особенно перед лицом улыбающейся, цветущей красавицы матери Природы. Под ее сладким, волшебным обаянием человек невольно погружается сам в себя и видит бога на земле, как говорит поэт [1]. Я и прежде не любил шумной деятельности, или, лучше сказать, шумного безделья. Но после десятилетней казарменной жизни уединение мне кажется настоящим раем. А я все-таки не могу ни за что приняться. Ни малейшей охоты к труду. Сижу или лежу молча по целым часам под моею любимою вербою, и хоть бы на смех что-нибудь шевельнулося в воображении. Таки совершенно ничего. Настоящий застой. И это томительное состояние началося у меня с 7 апреля, т. е. со дня получения письма от М. Лазарев-

ского. Свобода и дорога меня совершенно поглотили. Спасибо еще Кулишу, что догадался прислать книг, а то я не знал бы, что с собою делать. В особенности благодарен я ему за «Записки о Южной Руси» [2]. Я эту книгу скоро наизусть буду читать. Она мне так живо, так волшебно живо напомнила мою прекрасную бедную Украину, что я как будто с живыми беседую с ее слипыми лирниками и кобзарями. Прекраснейший, благороднейший труд. Бриллиант в современной исторической литературе. Пошли тебе господи, друже мой искренний, силу, любовь и терпение продолжать эту неоцененную книгу. Прочитавши в первый раз эту алмазную книгу, я дерзнул было делать замечания, но когда прочитал в другой и в третий раз, то увидел, что заметки мои — заметки пьяного человека и ничего больше. Окроме Субботова [3], т. е. насчет места бывшего дома Богдана Хмельницкого. Но такое ничтожное пятнышко не должно быть замечаемо на драгоценной ткани. Я обещал, начитавшись до отвала этой книги, послать ее Кухаренку и теперь жалею, что обещал. Во-первых, потому, что я ее никогда не начитаюсь до отвала. А во-вторых, потому, что поля книги испачканы нелепыми замечаниями. Даст бог, я ему из Петербурга вышлю чистенький экземпляр.

Вчерашний водевиль кончился, как и следовало ожидать, сегодня миром и гомерической попойкой с песельниками. Интересно знать, чем кончится свадьба. Вероятно, дракой.

18 июня

Сегодня я, как и вчера, точно так же рано пришел на огород, долго лежал под вербою, слухал иволгу и наконец заснул. Видел во сне Межигорского Спаса [1], Дзвонковую криницю и потом Выдубецкий монастырь [2]. А потом — Петербург и свою милую Академию. С недавнего времени мне начали грезиться во сне знакомые, давно не виданные предметы. Скоро ли увижу все это я наяву? Сновидение имело на меня прекрасное влияние в продолжение всего дня, а тем более, что сегодня гурьевскую, т. е. оренбургскую, почту ожидали. К вечеру действительно почта пришла, но ни мне, ни обо мне ничего не привезла. Опять я спустил нос на квинту. Опять тоска и бесконечное ожидание. Неужели от 16 апреля до сих пор не могли сделать

в корпусном штабе насчет меня распоряжения? Холодные, равнодушные тираны! Вечером возвратился я в укрепление и получил приказание от фельдфебеля готовиться к смотру. Это результат давно ожиданной почты и с таким трепетом ожиданной свободы. Тяжело, невыразимо тяжело! Я одурею наконец от этого бесконечного ожидания.

Как быстро и горячо исполняется приказание арестовать, так, напротив, вяло и холодно исполняется приказание освободить. А воля одного и того же лица. Исполнители одни и те же. Отчего же эта разница? В 1847 году, в этом месяце, меня на седьмые сутки доставили из Петербурга в Оренбург. А теперь дай бог на седьмой месяц получить от какого-нибудь баталионного командира приказание отобрать от меня казенные вещи и прекратить содержание. Форма, но я не возьму себе в толк этой бесчеловечной формы.

19 июня

Вчера ушел пароход в Гурьев и привезет оттуда вторую роту и самого баталионного командира. А по случаю прибытия сюда этой важной особы остающаяся здесь рота, к которой принадлежу и я, готовится к смотру. Для этого важного грядущего события мне сегодня пригоняли амуницию. Какое гнусное грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции! Неужели и это еще не в последний раз меня выведут на площадь, как бессловесное животное, напоказ? Позор и унижение! Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать навытяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина. И это единственный, опытом дознанный способ убивать разом тысячу себе подобных. Гениальное изобретение! Делающее честь и христианству, и просвещению.

Странно, что даже благоразумные люди, как, например, наш лекарь Никольский [1], любят посмотреть, как вытягивает носок посиневший от напряжения человек. Не понимаю этого нечеловеческого наслаждения. А наш почтенный Гиппократ [2], несмотря на зной и холод, целые часы просиживает у калитки и любуется унижением себе подобного. Палач ты, как видно, по призванию и только по названию лекарь.

В детстве, сколько я помню, меня не занимали солдаты, как это обыкновенно бывает с детьми. Когда же я начал приходить в возраст разумения вещей, во мне зародилась неодолимая антипатия к христолюбивому воинству. Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего христолюбивого звания. Не знаю, случай ли, или оно так есть в самой вещи, только мне не удалося даже в гвардии встретить порядочного человека в мундире. Если трезвый, то непременно невежда и хвастунишка. Если же хоть с малой искрою разума и света, то также хвастунишка и вдобавок пьяница, мот и распутник. Естественно, что антипатия моя возросла до отвращения. И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито, злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок этого христолюбивого сословия. Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнято благороднейшую часть моего бедного существования. Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора. А бездушные исполнители приговора исполнили его с возмутительною точностию.

Август-язычник, ссылая Назона [3] к диким гетам, не запретил ему писать и рисовать. А христианин Николай [4] запретил мне то и другое. Оба палачи. Но один из них палач-христианин! И христианин девятнадцатого века, в глазах которого выросло огромнейшее государство в мире, выросло на началах Христовой заповеди. Флорентинская республика — полудикая, исступленная средневековая христианка, но все-таки как материальная христианка она поступила с своим строптивым гражданином Дантом Алигьери [5]. Боже меня сохрани от всякого сравнения себя с этими великомучениками и светочами человечества. Я только сравниваю материального, грубого язычника и полуозаренную средневековую христианку с христианином девятнадцатого века.

Не знаю наверное, чему я обязан, что меня в продолжение десяти лет не возвели даже в чин унтер-офицера. Упорной ли антипатии, которую я питаю к сему привилегированному сословию? Или своему невозмутимому хохлацкому упрямству? И тому, и другому, кажется.

В незабвенный день объявления мне конфирмации я сказал себе, что из меня не сделают солдата. Так и не сделали. Я не только глубоко, даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приема. И это льстит моему самолюбию. Ребячество — и ничего больше. Майор Мешков [6], желая задеть меня за живое, сказал однажды мне, что я когда буду офицером, то не буду уметь в порядочную гостиную войти, если не выучусь, как следует бравому солдату, вытягивать носка. Меня, однако ж, это не задело за живое. И бравый солдат мне казался менее осла похожим на человека, почему я и мысли боялся быть похожим на бравого солдата.

Вторая и не менее важная причина моего неповышения. Бездушному сатрапу и наперснику царя [7] пригрезилось, что я освобожден от крепостного состояния и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится, неблагодарный. Откуда эта нелепая басня — не знаю. Знаю только, что она мне не дешево обошлась. Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации, где в заключении приговора сказано: «Строжайше запретить писать и рисовать». Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском языке. А рисовать — и сам верховный судия не знает, за что запрещено. А просвещенный блюститель царских повелений непоясненное в приговоре сам пояснил, да и прихлопнул меня своим бездушным всемогуществом. Холодное, развращенное сердце. И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славою щедрого и великодушного благодетеля края. Как близоруки, или, лучше сказать, как подлы эти гнусные славельщики. Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятитысячные фермуары, а они прославляют его щедрость и благодеяния. Мерзавцы!

20 июня

Сегодня рота придет в Гурьев, а по случаю полноводия в Урале она пройдет прямо на Стрелецкую косу и сегодня же сядет на пароход. Завтра рано пароход подымет якорь и послезавтра высадит роту в Новопетровской гавани. Держись, наша официя. Гроза, гроза ужасная бли-

зится. Баталионный командир, подобно тучегонителю Крониону [1], грядет на тебя во облаце мрачне, в том числе и на нас бессловесных. В ожидании сего грозного судии и карателя пропившиеся до снаги блажат и умоляют эскулапа [2] выдумать и форменно засвидетельствовать их небывалые немощи душевные и телесные, и паче душевные, и тем спасти их от праведного суда громоносного Кроциона. Но мрачный эскулап неумолим. И только нашего брата солдата, также пропившегося до снаги и не имеющего в чем явиться пред лицо отца-командира, Никольский кладет на койки и прописывает слабительное. Непопулярный эскулап наш намерен сделаться популярным коновалом. Сегодня не без видимого удовольствия сказал смотритель полугоспиталя, что на его попечение, т. е. продовольствие, прибыло семнадцать жильцов. Следовательно, рубль семь гривен в продолжение суток в кармане, не считая отопления и освещения. Не здесь ли скрывается и причина великодушия нашего эскулапа? Шепнуть разве Нагаеву [3] и другим чающим и не могущим вымолить защиты у жестокосердого эскулапа?

К добру ли это я так сегодня расфантазировался? В прежние годы, в эти истинно критические дни, со мною этого не было. Не было, однако же, и того, не в похвалу будь сказано, чтобы я прятался под кровом стонов и воздыханий. В этом случае я никогда не искал медицинского пособия. С трепетным замиранием сердца я всегда фабрил усы, облачался в бронь и являлся пред хмельно-багровое лицо отца-командира сдать экзамен в пунктах, ружейных приемах и в заключение выслушать глупейшее и длиннейшее наставление о том, как должен вести себя бравый солдат и за что он обязан любить бога, царя и своих ближайших начальников, начиная с дядьки и капрального ефрейтора.

Смешно. Потому смешно, что я освоился с этим отвратительным спектаклем. Но каково было прежде, когда я не умел, а должен был похоронить в самом себе всякое человеческое чувство, сделаться бездушным автоматом и слушать молча, не краснея и не бледнея, слушать нравственное назидание от грабителя и кровопийцы. Нет, тогда это не было смешно. Гнусно! Отвратительно! Дожду ли я тех блаженных дней, когда из памяти моей испарится это нравственное безобразие? Не думаю. Потому что медленно и глубоко врезывалось в нее это безобразие.

Странно еще вот что. Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошел мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Хорошо ли это? Хорошо. По крайней мере, мне так кажется. И я от глубины души благодарю моего всемогущего создателя, что он не допустил ужасному опыту коснуться своими железными когтями моих убеждений, моих младенчески светлых верований. Некоторые вещи просветлели, округлились, приняли более естественный размер и образ. Но это следствие невозмутимо летущего старика Сатурна [4], а никак не следствие горького опыта.

Получивши от Кухаренка письмо с приложением 25 рублей, значит, с приложением весьма вещественным, я отблагодарил его письмом же, со вложением собственного поличия, и вторым письмом, со вложением еще менее вещественным. Со вложением небывалого рассказа мнимого варнака под названием «Москалева криныця» [5]. Я написал его вскоре по получении письма от батька-атамана кошового. Стихи оказались почти одной доброты с прежними моими стихами. Немного упруже и отрывистее. Но это ничего; даст бог, вырвуся на свободу, и они у меня потекут плавнее, свободнее, и проще, и веселее. Дождусь ли я этой хромой волшебницы свободы?

21 июня

Вперед, вперед, моя историья,
Лицо нас новое зовет [1].

У кого что болит, тот о том и говорит. Сегодня вечером, возвращаясь из огорода в укрепление вместе с комендантом, он мне в сотый раз повторил со всевозможными подробностями историю о коварном друге своем, некоем полковнике Киреевском. Полковник этот Киреевский, как видно, птица высшего полета, а по словам коменданта, настоящий аристократ. А что он птица высокого полета, это я заключаю по тому, что он служил чиновником особых поручений при графе В. А. Перовском и был с ним в весь-

ма близких отношениях. Следовательно, это не какая-нибудь шваль, а человек с достоинством. Потому что такой вельможа, как граф Перовский, какую-нибудь шваль к себе и в прихожую не допустит. А следующее дело показывает, что граф Перовский весьма неразборчив на своих приближенных и приближает к своей высокой персоне именно шваль. Да еще какую шваль? Самую грязную, кабашную шваль, прикрытую полковничьим мундиром и 600-ми крепостных душ.

История такого содержания. Ираклий Александрович Усков (наш комендант), будучи хорошо знаком в Оренбурге с помянутым полковником и аристократом Киреевским, просил его, когда он выехал в Петербург, просил он его и лично, и письмом из Новопетровского укрепления, как в некотором роде химика и знатока фотографического дела, просил выслать ему из Петербурга камеру со всем необходимым для фотографии. Киреевский изъявил (тоже письмом) самую обязательную готовность услужить другу. И потребовал на эту услугу 350 рублей серебром. Деньги тотчас же были посланы (в сентябре прошлого года). Получено также весьма дружеское письмо о получении этой суммы, с означением месяца и даже числа, в которое непременно получится помянутая камера с прибором и со всеми необходимыми химическими солями. Тем все и кончилось. Благородный, обязательный друг как в воду канул. Ираклий Александрович между бесконечными предположениями решил, что друг его отправился на пароходе Харона [2] прогуляться в Елисейском парке. Другой причины его молчания и подозревать нельзя. Но чтобы убедиться в этой непреложной истине, я написал, по просьбе Ираклия Александровича, в Петербург приятелю своему Марковичу [3], чтобы он разведал и сообщил мне, что случилось с таким-то полковником Киреевским. От Марковича еще известие не получено. А из «Русского инвалида» [4] видно, что обязательный друг мая 16 выехал из Петербурга в Москву. А из Оренбурга уведомляют коменданта, что полковник Киреевский принят новым генерал-губернатором Катениным [5] тоже в чиновники по особым поручениям, но по домашним обстоятельствам подал в отставку. Из всего этого оказывается, что помещик 600 душ крестьян, аристократ, наперсник графа Перовского, наконец, полковник Киреевский — подлец и негоднейшая тряпка.

Ираклий Александрович дает мне форменную доверенность получить обратно от Киреевского эти деньги; я охотно готов услужить ему, если не удастся добром и миром, то, делать нечего, бесконечными стезями закона. Во всяком случае, я буду очень рад, если удастся мне эта сомнительная операция.

Сегодняшним же числом мне хочется записать или, как зоологи выражаются, определить еще одно отвратительное насекомое. Но как бы не напичкать мой журнал этой негодной тварью до того, что и порядочному животному в нем места не останется. А впрочем, ничего, это миниатюрное насекомое места немного требует. Это — двадцатилетний юноша, сын статского советника Порциенка. Следовательно, тоже птица не низкого полета.

25 июня

Только что успел я написать «Следовательно, тоже птица не мелкого полета», как раздалось во всех концах огорода слово «пароход». Я, разумеется, бросил свое писание и побежал в крепость. С пароходом я ожидал оренбургской почты, а с почтой и свободы. Вышло, однако ж, совершенно противное тому, чего я ожидал. Пароход почты не привез, а следовательно, и волшебного, очаровательного слова. А вместо оного слова привез дело в виде рыжей весьма непривлекательной персоны, т. е. привез баталионного командира, первым делом которого было обегать казармы, надавать зубочисток фельдфебелям и прочим нижним чинам, даже до профоса [1]. А ротным командирам и прочей официи, смотря по лицу и образу жизни,— приличное родительское наставление. И после этого нежного, грациозного вступления назначен был формальный смотр той несчастной роте, к которой и я имею несчастие принадлежать. Бедная рота всю ночь готовилась к этому истинно страшному суду и в пять часов утра 23 июня, умытая, причесанная, нафабренная, выстроилась на полянке, точно игрушка, вырезанная из картона. От 5-ти и до 7-ми часов, в ожидании судии праведного, рота равнялась. В 7 часов явился во всем своем грозном величии сам судия и испытывал, или, лучше сказать, пытал ее, несчастную, ровно до 10-ти часов. В заключение спектакля спросил претензию, ругнул в общих выражениях, посулил суд и

розги и даже зеленую аллею, т. е. шпицрутены. Для всех гроза прошла, а для меня она еще только собиралась. В числе прочих конфирмованных должен был и я предстать после обеда в 5 часов на вторичное, и еще горшее, испытание. К этому вторичному испытанию я готовился довольно равнодушно, как человек вполовину свободный. Но когда предстал пред неумолимого экзаменатора, куда что девалось. Ниже малейшей тени, ничего похожего на человека, вполовину свободного, во мне не осталось, та же самая мучительная холодная дрожь пробежала по моему существу. То же самое, что и в прежние года, чувство — нет, не чувство, а мертвое бесчувствие — охватило меня при взгляде на эту деревянную выкрашенную фигуру. Одним словом, я превратился в ничто. Не знаю, на всех ли так сильно действует антипатия, как на меня? Экзамен повторился слово в слово, как и десять лет тому назад, четверти буквы ни прибавлено, ни убавлено. Зато и я а ни на йот не подвинулся на поприще военного просвещения. Упорство обоюдное и невозмутимое. По примеру прежних годов экзаменатор и блюститель нравственности спросил нас по ранжиру, кто и за что удостоился нести сладкую сердцу обязанность солдата.

— Ты за что? — спросил он у первого.

— За утрату казенных денег, ваше высокоблагородие.

— Да, знаю, ты неосторожно загнул угол. Надеюсь, вперед не будешь гнуть углы,— сказал он насмешливо и обратился к следующему:— А ты за что?

— По воле родительницы, ваше высокоблагородие.

— Хорошо. Надеюсь, вперед не будешь и...— и обратился к следующему:— Ты за что?

— За буйные поступки, ваше высокоблагородие.

— Хорошо. Надеюсь, вперед... и...— Ты за что?— спросил он у следующего.

— По воле родителя, ваше высокоблагородие.

— Надеюсь... а ты за что? — спросил он, обращаясь ко мне.

— За сочинение возмутительных стихов, ваше высокоблагородие.

— Надеюсь, вперед не будешь...— А ты за что, за что? — спросил он у последнего.

Последний отвечал, что тоже по воле родительницы, и, не выслушавши последнего, он обратил к нам сильную

назидательную речь, замкнувшуюся весьма новой истиной, что за богом молитва и за царем служба не пропадают.

В заключение церемонии спросил он у ротного командира, почему Порциенко не явился на испытание, на что тот отвечал, что Порциенко болен, т. е. пьян, и находится под сохранением у свинопаса. Все эти конфирмованные, так называемые господа дворяне, с которыми я теперь представлялся пред лицо отца-командира, все они люди замечательные по своим нравственным качествам, но последний субъект, под названием Порциенко, всех их перещеголял. Все их отвратительные пороки вместил в своей подлой двадцатилетней особе. Странное и непонятное для меня явление этот отвратительный юноша. Где и когда успел он так глубоко заразиться всеми гнусными нравственными болезнями? Нет мерзости, низости, на которую бы он не был способен. Романы Сю [2] с своими отвратительными героями — пошлые куклы перед этим двадцатилетним извергом. И это сын статского советника, следовательно, нельзя предполагать, чтобы не было средств дать ему не какое-нибудь, а порядочное воспитание. И что же? Никакого. Хорош должен быть и статский советник. Да и вообще должны быть хороши отцы и матери, отдающие детей своих в солдаты на исправление. И для чего, наконец, попечительное правительство наше берет на себя эту неудобоисполнимую обязанность? Оно своей неуместной опекой растлевает нравственность простого хорошего солдата, и ничего больше. Рабочий дом, тюрьма, кандалы, кнут и неисходимая Сибирь — вот место для этих безобразных животных, но никак не солдатские казармы, в которых и без них много всякой сволочи. А самое лучшее — предоставить их попечению нежных родителей, пускай спотешаются на старости лет своим собственным произведением. Разумеется, до первого криминального проступка, а потом отдавать прямо в руки палача.

До прибытия моего в Орскую крепость [3] я и не воображал о существовании этих гнусных исчадий нашего православного общества. И первый этого разбора мерзавец меня поразил своим зловредным существованием. Особенно, когда мне сказали, что он тоже несчастный, такой же, как и я, разжалованный, и, следовательно, мой товарищ по званию и по квартире, т. е. по казармам. Слово «несчастный» имело для меня всегда трогательное значение, пока я его не услышал в Орской крепости. Там оно для меня

опошлело, и я до сих пор не могу возвратить ему прежнего значения. Потому что я до сих пор вижу только мерзавцев под фирмою несчастных.

По распоряжению бывшего генерал-губернатора, довольно видного политика Обручева, я имел случай просидеть под арестом [4] в одном каземате с колодниками и даже с клейменными каторжниками и нашел, что к этим заклейменным злодеям слово «несчастный» более к лицу, нежели этим растленным сыновьям безличных эгоистов-родителей.

26 июня

Два дня уже прошло, как выехал от нас отец командир наш, но я все еще не могу освободиться от тяжелого влияния, наведенного его коротким присутствием. Этот отвратительный смотр так плотно притиснул мои блестящие розовые предположения, так меня обескуражил, что если бы не Лазаревского письмо у меня в руках, то я бы совсем обессилел под гнетом этого тяжелого впечатления Но слава богу, что у меня есть этот неоцененный документ; значит, у меня есть канва, по которой я могу выводить самые прихотливые, самые затейливые арабески.

«Надеждою живут ничтожные умы» [1],— сказал покойник Гете. И покойный мудрец сказал истину вполовину. Надежда свойственна и мелким, и крупным, и даже самым материальным положительным умам. Это наша самая нежная, постоянная, до гробовой доски неизменная нянька-любовница. Она, прекрасная, и всемогущего царя, и мирового мудреца, и бедного пахаря, и меня, мизерного, постоянно лелеет доверчивое воображение и убаюкивает недоверчивый ум своими волшебными сказками, в которые всякий из нас так охотно верит. Я не говорю — безотчетно. Тот действительно ничтожный ум, который верит, что на вербе вырастут груши. Но почему же не верить мне, что я хотя к зиме, но непременно буду в Петербурге? Увижу милые моему сердцу лица, увижу мою прекрасную Академию, Эрмитаж [2], еще мною не виденный, услышу волшебницу оперу. О, как сладко, как невыразимо сладко веровать в это прекрасное будущее. Я был бы равнодушный, холодный атеист, если бы не верил в этого прекрасного бога, в эту очаровательную надежду.

Материальное свое существование я предполагаю устроить так, разумеется, с помощию друзей моих. О живописи мне теперь и думать нечего. Это было бы похоже на веру, что на вербе вырастут груши. Я и прежде не был даже и посредственным живописцем. А теперь и подавно. Десять лет неупражнения в состоянии сделать и из великого виртуоза самого обыкновенного, кабашного балалаечника. Следовательно, о живописи мне и думать нечего. А я думаю посвятить себя безраздельно гравюре акватинта [3]. Для этого я полагаю ограничить свое материальное существование до крайней возможности и упорно заняться этим искусством. А в промежутке времени делать рисунки сепиею с знаменитых произведений живописи, рисунки для будущих эстампов. Для этого, я думаю, достаточно будет двух лет прилежного занятия. Потом уеду на дешевый хлеб в мою милую Малороссию и примусь за исполнение эстампов, и первым эстампом моим будет «Казарма» [4] с картины Теньера. С картины, про которую говорил незабвенный учитель мой, великий Карл Брюллов [5], что можно приехать из Америки, чтобы взглянуть на это дивное произведение. Словам великого Брюллова в этом деле можно верить.

Из всех изящных искусств мне теперь более всего нравится гравюра. И не без основания. Быть хорошим гравером — значит быть распространителем прекрасного и поучительного в обществе. Значит быть распространителем света истины. Значит быть полезным людям и угодным богу. Прекраснейшее, благороднейшее призвание гравера. Сколько изящнейших произведений, доступных только богачам, коптилось бы в мрачных галереях без твоего чудотворного резца? Божественное призвание гравера!

Кроме копий с мастерских произведений, я думаю со временем выпустить в свет в гравюре акватинта и собственное чадо — «Притчу о блудном сыне», приноровленную к современным нравам купеческого сословия. Я разделил эту поучительную притчу на двенадцать рисунков, они уже почти все сделаны на бумаге. Но над ними еще долго и прилежно нужно работать, чтобы привести их в состояние, в котором они могут быть переданы меди. Общая мысль довольно удачно приноровлена к грубому нашему купечеству. Но исполнение ее оказалось для меня не по силе. Нужна ловкая, меткая, верная, а главное — не карикатурная, скорее драматический сарказм, нежели насмешка.

А для этого нужно прилежно поработать. И с людьми сведущими посоветоваться. Жаль, что покойник Федотов [6] не наткнулся на эту богатую идею, он бы из нее выработал изящнейшую сатиру в лицах для нашего темного полутатарского купечества.

Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, например, как «Жених» Федотова или «Свои люди — сочтемся» Островского [7] и «Ревизор» Гоголя [8]. Наше юное среднее общество, подобно ленивому школьнику, на складах остановилось и без понуканья учителя не хочет и не может перешагнуть через эту бестолковую т м у- м н у. На пороки и недостатки нашего высшего общества не стоит обращать внимания. Во-первых, по малочисленности этого общества, а во-вторых, по застарелости нравственных недугов, а застарелые болезни если и излечиваются, то только героическими средствами. Кроткий способ сатиры тут недействителен. Да и имеет ли какое-нибудь значение наше маленькое высшее общество в смысле национальности? Кажется, никакого. А средний класс — это огромная и, к несчастию, полуграмотная масса, это половина народа, это сердце нашей национальности, ему-то и необходима теперь не суздальская лубочная притча о блудном сыне, а благородная, изящная и меткая сатира. Я считал бы себя счастливейшим в мире человеком, если бы удался мне так искренно, чистосердечно задуманный мой бессознательный негодяй, мой блудный сын.

Свежо предание, а верится с трудом. Мне здесь года два тому назад говорил Н. Данилевский [9], человек, стоящий веры, что будто бы комедия Островского «Свои люди — сочтемся» запрещена на сцене по просьбе московского купечества. Если это правда, то сатира, как нельзя более, достигла своей цели. Но я не могу понять, что за расчет правительства покровительствовать невежество и мошенничество. Странная мера!

27 июня

От купечества перехожу к офицерству. Переход не резкий, даже гармонический. Эта привилегированная каста также принадлежит среднему сословию. С тою только

разницею, что купец вежливее офицера. Он офицера называет: вы, ваше благородие. А офицер его называет: эй ты, борода. Их, однако ж, нисколько не разъединяет это наружное разъединение, потому что они по воспитанию родные братья. Разница только та, что офицер вольтерьянец, а купец — старовер. А в сущности — одно и то же.

Сегодня к вечеру появились комары на огороде, и я, чтобы избавиться этих несносных насекомых, ушел на ночь в укрепление. Но увы! Неумолимая Немезида преследует меня на каждом шагу. Избегая комаров, я наткнулся на шмелей. С подобающим почтением проходя мимо офицерского флигеля, я услышал новую для меня песню, начинающуюся так:

Коврики на коврики
И шатрики на шатрики.

Далее я ничего не мог расслышать, потому что певец слишком густо забасил и потому что пьяный Кампиньони [1], инженерный офицер и отчаянный пьяница, выбежал на площадь, не знаю для какой надобности, и, увидя меня, вздумал оказать мне небольшую услугу, покровительство, познакомив меня с вновь прибывшими офицерами, с лихими ребятами, по его выражению. Для этого схватил он меня за рукав и потащил в коридор. Вновь прибывшие лихие ребята сидели и лежали в одних красных рубахах на разостланной кошме, и перед ними красовалась полуведерная бутыль сивухи. Живая сцена из «Двумужницы» князя Шаховского [2]. Я, чтобы не дополнить собою группы волжских разбойников, вырвался из объятий покровителя и выбежал на площадь. Покровитель выбежал за мною, закричал дежурного унтер-офицера по роте и велел взять меня на гауптвахту за лично нанесенную дерзость офицеру. Приказание офицерское было исполнено в точности. После пробития зори дежурный по караулам доложил коменданту о вновь прибывшем арестанте, и комендант сказал: «Пускай проспится». Итак я, избегая кровопийц комаров, отдан был на терзание клопам и блохам. Как после этого не верить в предопределение?

Сегодня новый дежурный по караулам разъяснил темное происшествие коменданту, и я милостиво освобожден от беспощадных инквизиторов. Записывая в журнал эту весьма обыкновенную в моем положении трагишутку, я в

глубине души прощаю моих гонителей и только молю всемогущего бога избавить скорее от этих получеловеков.

Сегодня ожидают пароход с почтою из Гурьева. И никто его не ожидает с таким трепетным нетерпением, как я. Что, если не привезет он мне так долго ожидаемой свободы? Что я тогда буду делать? Придется, во избежание гауптвахты с блохами и клопами, знакомиться со вновь прибывшими офицерами и в ожидании будущих благ пьянствовать с ними. Мрачная, отвратительная перспектива! А если, паче чаяния, привезет эту ленивую колдунью свободу? О какая радостная, какая светлая перспектива! Иду в укрепление и, на всякий случай, упакую в ч у в а л (торба) мою мизерию, авось-либо и совершится.

28 июня

Совершилось, только совершенно не то, чего я ожидал. А совершилась мерзость, которую нельзя было предполагать даже в совершителе ее, мерзавце Кампиньони. Пошел я вчера в укрепление, во ожидании парохода, паковать свою мизерию, и как это обыкновенно бывает, когда человек ожидает чего-нибудь хорошего, то на этом хорошем и хорошие строит планы. Так и я, во ожидании вестника благодатной свободы, развернул ковер-самолет, и еще одна, одна только минута, и я очутился бы на седьмом Магометовом небе. Но, не доходя укрепления, встретился мне посланный за мною вестовой от коменданта.

— Не пришел ли пароход? — спрашиваю я у вестового.

— Никак нет,— отвечает он.

«Какая же встретилась во мне надобность коменданту?» — спросил я сам себя и прибавил шагу.

Прихожу. И комендант, вместо всякого приветствия, молча подает мне какую-то бумагу. Я вздрогнул, принимая эту таинственную бумагу, как несомненную вестницу свободы. Читаю и глазам не верю. Это рапорт на имя коменданта от поручика Кампиньони о том, что я в нетрезвом виде наделал ему дерзости матерными словами. В чем свидетельствуют и вновь прибывшие офицеры. И в заключении рапорта он просит и требует поступить со мной по всей строгости закона, то есть немедленно произвести следствие. Я остолбенел, прочитавши эту неожиданную мерзость.

— Посоветуйте, что мне делать с этой гадиной? — спросил я коменданта, придя в себя.

— Одно средство,— сказал он,— просите прощения или, по смыслу дисциплины, вы арестант. Вы имеете свидетелей, что вы были трезвы, а он имеет свидетелей, что вы его ругали.

— Я приму присягу, что это неправда,— сказал я.

— А он примет присягу, что правда. Он офицер, а вы все еще солдат.

У, как страшно отозвалось во мне это почти забытое слово. Делать нечего, спрятал гордость в карман, напялил мундир и отправился просить прощения. Простоял я в передней у мерзавца битых два часа. Наконец он допустил меня к своей опохмелившейся особе. И после многих извинений, прошений, унижений даровано мне было прощение с условием сейчас же послать за четвертью водки. Я послал за водкой, а он пошел к коменданту за рапортом. Принесли водку. А он принес рапорт и привел своих благородных свидетелей.

— Что, батюшка,— сказал один из них, подавая мне пухлую, дрожащую с похмелья руку,— вам не угодно было познакомиться с нами добровольно, как следует с благородными людьми, так мы вас заставили.

На эту краткую и поучительную речь уже пьяная компания захохотала, а я чуть-чуть не проговорил: мерзавцы! да еще и патентованные мерзавцы.

29 июня

«Широкий бытый шлях из раю, а в рай узенька стежечка, та й та колючим терном поросла»,— говорила мне, еще ребенку, одна замиравшая старуха. И она говорила истину. Истину, смысл которой я теперь только вполне разгадал.

Пароход из Гурьева пришел сегодня и не привез мне совершенно ничего, ни даже письма. Писем, впрочем, я не ожидаю, потому что верные друзья мои давно уже не воображают меня в этой отвратительной конуре. О мои искренние, мои верные друзья! Если бы вы знали, что со мною делают на расставанье десятилетние палачи мои, вы бы не поверили, потому что я сам едва верю в эти гнусности. Мне самому это кажется продолжением десятилет-

него отвратительного сна. И что значит эта остановка? Никак не могу себе ее растолковать. Мадам Эйгерт [1], от 15 мая, из Оренбурга поздравляет меня со свободой. А свобода моя где-нибудь с дельцом-писарем в кабаке гуляет. И это верно, верно потому, что ближайшие мои мучители смотрами, ученьями, картами и пьянством проклажаются, а письменные дела ведает какой-нибудь писарь Петров, разжалованный в солдаты за мошенничество. Так принято искони, и нарушить священный завет отцов из-за какого-то рядового Шевченка было бы противно и заповеди отцов, и правилам военной службы.

На сердце страшная тоска, а я себя шуточками спотешаю. А все это делает со мною ветреница надежда. Не вешаться же и в самом деле из-за какого-нибудь пьяницы отца-командира и достойного секретаря его.

Сегодня празднуется память величайших двух провозвестников любви и мира. Великий в христианском мире праздник. А у нас колоссальнейшее пьянство по случаю храмового праздника.

О святые, великие, верховные апостолы, если бы вы знали, как мы запачкали, как изуродовали провозглашенную вами простую, прекрасную, светлую истину! Вы предрекли лжеучителей, и ваше пророчество сбылось. Во имя святое, имя ваше так называемые учители вселенские подрались, как пьяные мужики, на Никейском вселенском соборе. Во имя ваше папы римские ворочали земным шаром и во имя ваше учредили инквизицию и ужасное автодафе. Во имя же ваше мы поклоняемся безобразным суздальским идолам и совершаем в честь вашу безобразнейшую вакханалию. Истина стара и, следовательно, должна быть понятна, вразумительна, а вашей истине, которой вы были крестными отцами, минает уже 1857 годочек. Удивительно, как тупо человечество.

30 июня

Чтобы придать более прелести моему уединению, я решился завестись медным чайничком. И эту мысль привел я в исполнение только вчера вечером, и то случайно. К тихому прекрасному утру на огороде прибавить стакан чаю — мне казалось это роскошью позволительною. С самого начала весны меня преследует эта милая, непышная

затея. Но я никак не мог привести ее в исполнение по неимению здесь в продаже такой затейливой вещицы. Только вчера вечером пошел я к Зигмонтовским [1] (поверенный винной конторы и отставной чиновник 12 класса), и, проходя мимо кабака, увидел я оборванного, но трезвого денщика одного из вновь прибывших офицеров с медным чайником в руке такой величины, какой мне нужно.

— Не продаешь ли чайник? — спросил я его.

— Продаю,— отвечает он.

— Не хапаный ли?

— Никак нет-с. Сами барин велели продать. Они думают самовар завести.

— Хорошо, я спрошу. А что стоит?

— Рубль серебра.

— Полтину серебра,— сказал я, сколько мог хладнокровнее, и пошел своей дорогой.

Едва успел я сделать несколько шагов, как он догнал меня и без торгу вручил мне давно желанную посуду. А денщик, получивши полтину серебра, отправился прямо в кабак и через минуту вышел из него со штофом в руке и направился прямо к офицерским квартирам. «Туда и дорога»,— подумал я. Проведя вечер в сообществе Филемона и Бавкиды (так я в шутку называю Зигмонтовских), по дороге зашел я к маркитанту, взял у него полфунта чаю, фунт сахару и сегодня в 4 часа утра сибаритствую себе на огороде и вписываю в свой журнал происшествие вчерашнего вечера, благословляя судьбу, пославшую мне медный чайник.

Собираясь путеплавать по Волге от Астрахани до Нижнего, я обзавелся чистой тетрадью для путевого журнала и пологом от комаров, которые неутомимо преследуют путешественника от устьев Волги до самого Саратова. Запасаясь этими необходимыми вещами, мне и в ум не приходил медный чайник. И вчера только, спасибо старику Зигмонтовскому, он объяснил мне важность этой нехитрой посуды во время плавания на речной воде, где необходим крепкий чай во избежание поноса и просто для препровождения времени, как он выразился в заключение. И многим еще кое-чем советовал он мне запастись в Астрахани на дорогу. Но это все лишнее. Я отправлюсь, да не на пароходе, а на одной из барок, буксируемых пароходом, просто отставным солдатом.

Странно, что меня считают здесь все, в том числе и

Зигмонтовские, темным богачом. Это, вероятно, потому, что если я делаю долги, разумеется, ничтожные, то в сказанный срок аккуратно их выплачиваю, не прибегая к помощи Израиля, и не закладываю последней рубашки, как это делают многие из офицеров. Когда я сказал Зигмонтовским, что весь мой капитал состоит из 100 рублей серебра, на который я, кроме дорожных издержек, намерен еще сделать в Москве необходимое платье, то они в один голос назвали меня Плюшкиным. Я не нашел нужным разочаровывать их своей нищетой и расстался с ними, как настоящий богач.

Странные старые люди эти Зигмонтовские! Бездетные, старые, одинокие, имеют обеспечивающее даже прихотливую старость состояние, вздумали поселиться в этой безводной, бесплодной пустыне. И добро бы на отдых! Нет, он взял обязанности почти целовальника. Я думаю, что это необходимая потребность усвоенной в юности физической деятельности или просто жажда к приобретению. Последнее, может быть, только вполовину, потому что в нем не заметно скряжничества, нередко сопровождающего в могилу одинокую, беспомощную старость. Она, т. е. Зигмонтовская, мне очень нравится; это — добродушно улыбающаяся, гостеприимная кубическая старушка, бывшая немка, а теперь православная. Он тоже добродушный старик, но пренаивный и самый безвредный лгунишка. Например, он очень простодушно и каждый раз с новыми вариациями рассказывает, какие он прошел мытарства, пока достиг настоящего звания. Происхождение свое ведет он от какого-то короля польского Сигизмонда, вероятно — Третьего. О ближайших предках он не упоминает, равно как и о виновнике собственного существования. Детство тоже покрыто мраком неизвестности. Первую часть юности провел он в звании домашнего учителя у известного табачника Онисима Головкина в Петербурге. И в этот-то период его жизни случилось с ним таинственное происшествие, которое разом поставило его на ноги. Происшествие такого сорта. Однажды ночью на улице, ему кажется, что на Литейной, но за достоверность не ручается, схватывают его два гайдука, сажают в карету, завязывают глаза, везут, везут и наконец приводят прямо в роскошнейший будуар, надо думать, какой-нибудь графини или княгини. Является наконец и таинственная обитательница будуара, вся в дезабилье (собственное выражение), только лицо покрыто

маской. По совершении таинства любви завязывают ему опять глаза, сажают в карету, привозят на то самое место, где взяли, и один из гайдуков вручает ему пачку ассигнаций — не более не менее как 20 тысяч. Долго он думал, какую основать будущность на этом незыблемом фундаменте и, хладнокровно отринув почести и злато, вступил (внемля внутреннему призванию) в скромный кружок поклонников Мельпомены, где имел блестящий успех в ролях Эдипа, Фингала, Димитрия Донского [2] и в «Ябеде» Капниста [3] — к несчастию, не помнит, в какой именно роли. Но по проискам знаменитого учителя Каратыгина [4], Яковлева [5], должен был оставить избранное поприще и вступить в морскую службу, разумеется, лейтенантом. Здесь он совершил плавание (два раза) вокруг света и один только раз к Южному полюсу вместе с Лазаревым [6]. И что во время этих плаваний он узнал досконально, откуда добывается деревянное масло, неправильно называемое прованским. Вот где его родник. Между Ливорно и Сингапуро (удивительное знание географии!) есть остров Прованс. А на этом острове Провансе растет огромное масличное дерево, из которого и выпускают масло, как у нас, например, весною сок из березы. Островом и деревом владеет англичанин, француз и итальянец, а мы и немцы уже от них получаем этот дорогой продукт. Из корабля переселился он в земский одесский суд, неизвестно в каком ранге. Тут он вел жизнь отчаянного кутилы, попал в сонмище декабристов и был сослан бессрочным арестантом в крепость Измаил, где в скором времени сделался правой рукой коменданта и по стечению удивительных обстоятельств был переведен в город Астрахань в звании квартального надзирателя. Но не всегда чистые обязанности по долгу этого звания заставили его подать в отставку и принять от питейной конторы звание поверенного в Новопетровском укреплении, где его окрестили именем Спиртомора.

Кампиньони, мой покровитель, не меньший враль, но вредный и бессовестный, заврался однажды до того, что назвал себя племянником графа Закревского, московского генерал-губернатора, и кандидатом Дерптского университета. Чтобы разом озадачить и уничтожить дерзкого лгунишку, Зигмонтовский разом махнул в ротмистры лейб-гусар и в ближайшие родственники фельдмаршалу графу Гудовичу. Знай наших!

Но несмотря на этот невинный недостаток, он все-таки добрый и наивный старик. А она также добрая, кроткая, невинная говорунья и немножко сентиментальная старушка. И я их не иначе называю, как Филемон и Бавкида. Они получают вместе с Никольским «Петербургские ведомости» [7]. И я частенько приношу им с огорода укроп, петрушку и тому подобный злак, пью чай, прочитываю фельетон и выслушиваю волшебные похождения наивного Филемона, за что и пользуюсь полной доверенностью Бавкиды.

1 июля

Сегодня послал я с пароходом письмо М. Лазаревскому. Быть может, последнее из душной тюрьмы — дал бы бог. Я много виноват перед моим нелицемерным другом. Мне бы следовало отвечать ему на письмо его от 2 мая тотчас же по получении, т. е. 3 июня. Но я, в ожидании радостной вести из Оренбурга, которую хотелось мне сообщить ему первому, прождал напрасно целый месяц и все-таки должен был ему написать, что я не свободен и до 20 июля, а может быть, и августа, такой же точно солдат, как и прежде был, с тою только разницею, что мне позволено нанимать за себя в караул и ночевать на огороде, чем я и пользуюсь с благодарностью. До 20 июля я удалил от себя всякие возмутительные помышления. И наслаждаюсь теперь по утрам роскошью совершенного уединения и даже стаканом, правда, неказистого, но все-таки чаю. Если бы еще хорошую сигару воткнуть в лицо, такую, например, как прислал мне 25 штук мой добрый друг Лазаревский, тогда бы я себя легко мог вообразить на петергофском празднике. Но это уж слишком. А сегодня действительно в Петергофе [1] праздник. Великолепный царский праздник! Когда-то давно, в 1836 году, если не ошибаюсь, я до того был очарован рассказами об том волшебном празднике, что, не спросясь хозяина (я был тогда в ученье у маляра, или так называемого комнатного живописца, некоего Ширяева [2], человека грубого и жестокого) и пренебрегая последствиями самовольной отлучки (я знал наверное, что он меня не отпустит), с куском черного хлеба, с полтиною меди в кармане и в тиковом халате, какой обыкновенно носят ученики-ремесленники, убежал с работы прямо в Петергоф на гулянье. Хорош, должно быть,

я был тогда. Странно, однако ж, мне и вполовину не понравился тогда великолепный Самсон и прочие фонтаны, и вообще праздник против того, что мне об нем наговорили. Слишком ли сильно было воспламенено воображение рассказами или я просто устал и был голоден. Последнее обстоятельство, кажется, вернее. Да ко всему этому я еще увидел в толпе своего грозного хозяина с пышною своею хозяйкой. Это-то последнее обстоятельство вконец помрачило блеск и великолепие праздника. И я, не дождавшись иллюминации, возвратился вспять, совершенно не дивяся бывшему. Проделка эта сошла с рук благополучно. На другой день нашли меня спящим на чердаке, и никто и не подозревал о моей самовольной отлучке. Правду сказать, я и сам ее считал чем-то вроде сновидения.

Во второй раз, в 1839 году, посетил я петергофский праздник совершенно при других обстоятельствах. Во второй раз, на Бердовском пароходе, сопровождал я в числе любимых учеников, Петровского [3] и Михайлова [4], сопровождал я своего великого учителя Карла Павловича Брюллова. Быстрый переход с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века. Самому теперь не верится, а действительно так было. Я из грязного чердака, я, ничтожный замарашка, на крыльях перелетел в волшебные залы Академии художеств. Но чем же я хвалюся? Чем я доказал, что я пользовался наставлениями и дружеской доверенностью величайшего художника в мире? Совершенно ничем. До его неуместной женитьбы и после уместного развода я жил у него на квартире, или, лучше сказать, в его мастерской. И что же я делал? Чем занимался я в этом святилище? Странно подумать, я занимался тогда сочинением малороссийских стихов, которые впоследствии упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу. Перед его дивными произведениями я задумывался и лелеял в своем сердце своего слепца кобзаря и своих кровожадных гайдамаков. В тени его изящно-роскошной мастерской, как в знойной дикой степи наддиепровской, передо мною мелькали мученические тени наших бедных гетманов. Передо мной расстилалася степь, усеянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непорочной меланхолической красоте своей. И я задумывался, я не мог отвести своих духовных очей от этой родной чарующей прелести. Призвание, и ничего больше.

Странное, однако ж, это всемогущее призвание. Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того, чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто ни гроша не заплатил и которые наконец лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю. И даже подумываю иногда о тиснении (разумеется, под другим именем) этих плаксивых, тощих детей своих. Право, странное это неугомонное призвание.

Не знаю, получу ли я от Кухаренка здесь его мнение насчет моего последнего чада («Москалева криниця»). Я дорожу его мнением чувствующего, благородного человека и как мнением неподдельного, самобытного земляка моего. Жаль мне, что я не могу теперь посетить его на его раздольной Черномории. А как бы хотелось! Но что делать? Сначала уплачивается долг, потом удовлетворяется голодная нужда, а на остатки покупается удовольствие. Так, по крайней мере, делают порядочные люди. А я и тенью боюсь быть похожим на безалаберного разгильдяя. Кутнул и я на свой пай когда-то. Довольно.

Пора, пора душой смириться,
Над жизнью нечего глумиться,
Отведав горького плода [5].

В прошлом году получалась здесь комендантом «Библиотека для чтения» [6]. Бывало, хоть перевод Курочкина с Беранже прочитаешь, все-таки легче станет, а нынче, кроме фельетона «Петербургских ведомостей», совершенно ничего нет современно литературного. Да и за эту тощую современность нужно платить петрушкою и укропом. Хоть бы редька скорее вырастала, а то совестно уже стало потчевать стариков одним и тем же продуктом.

2 июля

Две случайно сделанные мною вещи так удачно, как редко удаются произведения глубоко обдуманные. Первая вещь — это сей журнал, который в эти томительные дни ожиданий сделался для меня необходимым, как страждущему врач. Вторая вещь — это медный чайник, который

делается необходимым для моего журнала, как журнал для меня. Без чайника, или без чаю, я как-то лениво, бывало, принимался за сие рукоделие. Теперь же, едва успею налить в стакан чай, как перо само просится в руку. Самовар — тот шипением своим возбуждает к деятельности, это понятно. Правда, я не имел случая испытать на себе это благодетельное влияние самовара. Но имел случай существенно убедиться в этом волшебном влиянии на других. А именно Был у меня во время оно приятель [1] в Малороссии, некто г. Афанасьев, или Чужбинский. В 1846 году судьба столкнула нас в «Цареграде», не в Оттоманской столице, а в единственном трактире в городе Чернигове. Меня судьба забросила туда по делам службы, а его по непреодолимой любви к рассеянности, или, как он выражался, по влечению сердца. Я знал его как самого неистового и неистощимого стихотворца, но не знал скрытого механизма, которым приводилось в движение это неутомимое вдохновение. И тогда только, когда поселились мы, во избежание лишних расходов, во-первых, а во-вторых, чтобы, как товарищи по ремеслу, созерцать друг друга во все минуты дня и ночи,— тогда только узнал я тайную пружину, двигавшую это истинно неутомимое вдохновение. Пружина эта была шипящий самовар. Сначала я не мог взять в толк, почему мой товарищ по ремеслу не спросит, когда ему вздумается, стакан чаю из буфета, как я это делаю, а непременно велит подать самовар. Но когда я рассмотрел приятеля поближе, то оказалось, что он, собственно, не самовар велел подавать, а велел подавать вдохновение, или пружину, приводящую в движение эту таинственную силу. Я прежде удивлялся, откуда, из какого источника вытекают у него такие громадные стихотворения, а оказалось, что ларчик просто отворялся.

Мы прожили с ним вместе весь великий пост, и не оказалось в городе не только барышни, дамы, даже старухи, которой бы он не написал в альбом не четырехстишие какое-нибудь (он мелочь презирал), а полную увесистую идиллию. Если же альбома не обреталось у какой-нибудь очаровательницы, как, например, у старушки Дороховой, вдовы известного генерала 1812 года, то он преподносил ей просто на шести и более листах самое сентиментальное послание.

Но это все ничего. Кто из нас без слабостей? А главное дело в том, что когда пришлося нам платить дань облада-

телю «Цареграда», то у товарища по ремеслу не оказалось наличной дани. И я должен был заплатить, не считая другие потребления, но собственно за локомотив, приводивший в движение вдохновение, 23 рубля серебром, которые, несмотря на дружеское честное слово, и до сих пор не получил. Вот почему я существенно узнал действие шипящего самовара на нравственные силы человека.

В моем положении естественно, что я постоянно нуждался в копейке. И я писал ему в Киев два раза о помянутых 23 руб., но он даже стихами не ответил. Я так и подумал, что увы! Россия лишилась второго Тредьяковского [2]. Но я ошибся. Прошлой зимой в фельетоне «Русского инвалида» вижу на бесконечных столбцах бесконечное малороссийское стихотворение, по случаю, не помню, по какому именно случаю,— помню только, что отвратительная и подлая лесть русскому оружию. Ба, думаю себе, не мой ли это приятель так отличается? Смотрю, действительно он, А. Чужбинский. Так ты, мой милый, жив и здоров, да еще и подличать научился. Желаю тебе успеха на избранном поприще, но встретиться с тобою не желаю.

Не помню, кто именно, а какой-то глубокий сердцеведец сказал, что вернейший дружбометр есть деньги. И он сказал справедливо. Истинная, настоящая дружба, которая высказывается только в критических, трудных случаях, и она даже требует этого холодного мерила. Самый живой, одушевленный язык дружбы — это деньги. И чем более нужда, тем дружба искреннее, прогоняющая эту голодную ведьму. Я был так счастлив в своей, можно сказать, коловратной жизни, что неоднократно вкушал от плода этого райского дерева. И в настоящее, мне кажется, самое критическое, время я получаю 75 рублей — за что? За какое одолжение? Мы с ним виделись всего два раза. Первый раз в Орской крепости; второй раз в Оренбурге. Пошли, господи, всем людям такую дружбу и такого друга, как Лазаревский. Но искорени эти плевелы, возросшие на ниве благороднейшего чувства. Искорени друзей, подобных Афанасьеву, Бархвицу [3] и Апрелеву [4]. Положим, это дрянь, мелочь, и Бархвиц, и Афанасьев, но Апрелев — это крупный, видный человек. Это не какой-нибудь чугуевский улан или забулдыга линейный поручик, а ротмистр кавалергардского ее величества полка. Сибарит и обжора, известный в столице. Это, как говорится, видное лицо. С этим видным лицом познакомился я в 1841 году у одного земляка

моего, у некоего Соколовского. Первое впечатление было в его пользу. Молодой, свежий, румяный толстяк (я, не знаю почему, особенно верую в доброкачественность подобного объема и колорита людей). И чтобы довершить свое очарование, я вообразил его еще и либералом. Вот мы знакомимся, потом дружимся, переходим на «ты» и, наконец, входим в финансовые отношения. Он мне заказывает свой портрет. И я ему позволяю приезжать ко мне на сеансы с собственным фриштиком, состоящим из 200 устриц, четверти холодной телятины, 6 бутылок портеру и 1 бут. джину. Все это съедалось и выпивалось в продолжение сеанса самым дружеским образом. Третий сеанс начался у нас на «ты» и кончился шампанским. Я был в восторге от друга-аристократа. Кончились сеансы, отправился я к другу за мздой; друг занят, никого не принимает; другой раз — то же самое; третий, четвертый, и так до десяти раз — все то же самое. Я плюнул другу на порог да и ходить перестал. Таких друзей у меня было много, и, как на подбор, все люди военные. Я уверен, что если бы Афанасьев не был прежде уланом, он мог бы писать стихи без помощи самовара, и мы бы с ним расстались иначе.

Вера без дел мертва есть. Так и дружба без существенных доказательств — пустое, лукавое слово. Блаженны, стократ блаженны друзья, которых жизнь была осенена радужным сиянием улыбающегося счастия и голодная нужда своим железным посохом испытания ни разу не постучала в дверь их бескорыстной дружбы. Блаженны, они и в могилу сойдут, благословляя друг друга.

3 июля

Сегодня во сне видел я Лазаревского. Будто бы он приехал за мною в укрепление и, несмотря на мои доводы о невозможности оставить мне укрепление без пропуска, увез меня насильно, не позволив проститься даже с Мостовским. Вскоре очутились мы в каком-то русско-татарско-немецком городе, вроде Астрахани. И верблюды, и англизированные лошади по улице ходят, и фонтаны бьют, и кумыс продают, и папиросная фабрика, и театр, наконец — вечер, ночь. Лазаревский скрылся, ищу его, спрашиваю и просыпаюсь. Проснувшись, я обрадовался, что это только сон и что я, слава богу, не дезертир. А иначе

опять бы меня вооружили лет на десять за престол и отечество. Нужно будет зайти к сотнику Чеганову посмотреть в сонник, что значит видеть во сне самовольную отлучку.

Сегодня, т. е. 4 июля, когда я, по обыкновению, встал в три часа, согрел свой чайник, налил стакан чаю и взялся за перо, начали собираться дождевые тучки. А через несколько минут пошел тихий, меланхолический дождик, и я, оставив всякое писание и мечтание, любуюсь этим прекрасным и чрезвычайно редким здесь явлением. Ветер из Астрахани, т. е. норд-вест. Можно надеяться, что дождик усилится и продлится за полдень. Какая была бы благодать для этой безводной пустыни.

4 июля

Ночевал на огороде, в комендантской беседке. Это моя теперешняя резиденция. Вскоре по пробитии вечерней зори пошел тихий дождик, и по этому случаю я ранее обыкновенного лег спать. Под тихий гармонический шум падающих на крышу беседки капель дождя я сладко задремал. И видел во сне покойника Карла Павловича Брюллова и с ним вместе товарища своего Михайлова. Сначала в какой-то огромной галерее, в которой, кроме какого-то эскиза Гвидо Рени [1], ничего не было и который Михайлов собирался копировать. Потом перешли мы в мастерскую, что в портике, вместе с Карлом Павловичем. Тут тоже ничего не было, кроме большого, во всю залу натянутого и загрунтованного полотна, как это делается для декораций, и к стене приклеенной грубо раскрашенной литографии Калама [2] с подписью Рио-Джанейро. Потом Карл Павлович пригласил нас на лукьяновский ростбиф, как это бывало во времена незабвенные. Но ударил гром и я проснулся. Пошел проливной дождь. Затворив двери и окна беседки, я снова уснул. Во второй сеанс увидел я в Москве Михайла Семеновича Щепкина таким же свежим и бодрым, как видел я его в последний раз в 1845 году. Говорили о театре, о литературе. Я ему заметил, почему он не продолжает свои «Записки артиста», начало которых напечатано в первой книжке «Современника» [3] за 1847 год. На что он мне сказал, что жизнь его протекла так тихо, счастливо, что не о чем и писать. Я хотел ему на это возра-

зить что-то, но мы очутились в Новопетровском укреплении и встретились с П. А. Кулишом, собирающим какие-то тощие растения. Я, как хозяин, захлопотал об обеде и пошел искать полевой спаржи, которой здесь и в помине нет. Но новый удар грома разбудил меня и я уже не мог заснуть.

С недавнего времени мне начали представляться во сне давно виденные мною милые сердцу предметы и лица. Это, вероятно, оттого, что я об них теперь постоянно думаю. Ложась спать вчера, я думал об «Осаде Пскова» и о «Гензерихе» Брюллова. И увидел во сне самого их великого творца. Довольно! Утро после ночной грозы тихое, свежее, редкое в здешней знойной пустыне утро. И я буду большой руки тетеря, если проведу его за своим журналом.

5 июля

Голенький ох, а за голеньким бог. Из моей библиотеки, которую я знаю наизусть всю и которую уже давно упаковал в ящик, не нашлось книги, достойной сопутствовать мне в моем радостном одиноком путешествии по Волге. Ригельмана [1] «История Донского войска» показалась мне слишком старою спутницей, и я упаковал ее на самый спуд, Что же делать без книги в таком медленно-спокойном путешествии, как плавание по Волге от Астрахани до Нижнего? Это меня беспокоило. И в самом деле, что я буду делать целый месяц без хоть какой-нибудь книги? Но фортуна, эта гордая повелительница повелителей мира, эта безглазая царица царей,— сегодня мой лакей, хуже — бердичевский фактор.

Насладившись прекрасным, свежим утром на огороде, я в девятом часу пошел в укрепление. Мне нужно было взять хлеба у артельщика и отдать высушить на сухари для дороги. Прихожу в ротную канцелярию, смотрю, на столе рядом с образцовыми сапогами лежат три довольно плотные книги в серой подержанной обертке. Читаю заглавие. И что же я прочитал? «Estetyka czyli umnictwo piękne przez Karola Libelta» [2]. В казармах! Эстетика!

— Чьи это книги? — спрашиваю я писаря.

— Каптенармуса унтер-офицера Кулиха [3].

Отыскал я вышеекомого унтер-офицера Кулиха. И на вопрос мой, не продаст ли он мне «Umnictwo piękne», он

отвечал, что оно принадлежит мне. Что Пшевлоцкий [4], уезжая из Уральска на родину, передал ему, Кулиху, эти книги с тем, чтобы они были переданы мне. И что он, Кулих, принес их с собою сюда, положил в цейхгауз и забыл про их существование, и что вчера только они попались ему на глаза, и что он очень рад, что теперь может их препроводить по принадлежности. Для вящей радости я послал за водкой, а книги положил в свою дорожную торбу.

Видимое, осязательное дело услужливой факторши фортуны. Итак, по милости этой слепой царицы царей я имею в дороге чтение, на которое вовсе не рассчитывал. Чтение, правда, не совсем по моему вкусу, но что делать, на безрыбьи и рак рыба. Я, несмотря на мою искреннюю любовь к прекрасному в искусстве и в природе, чувствую непреодолимую антипатию к философиям и эстетикам. И этим чувством я обязан сначала Галичу [5] и окончательно почтеннейшему Василию Ивановичу Григоровичу [6], читавшему нам когда-то лекции о теории изящных искусств, девизом которых было: п о б о л ь ш е р а с с у ж д а т ь и п о м е н ь ш е к р и т и к о в а т ь. Чисто Платоновское изречение.

С Либельтом я немного знаком по его «Деве Орлеанской» и по его критике и философии. На первый взгляд он мне показался мистиком и непрактиком в искусствах. Посмотрим, что дале будет. Боюсь, как бы вовсе не разазнакомиться.

6 июля

Видел во сне Академию художеств. Михайлов показывал мне какую-то неоконченную копию и потом скрылся от меня вместе с копиею. Из Академии я вышел на Большой проспект и, не доходя церкви Андрея Первозванного, встретился с семейством здешнего коменданта и от радости проснулся.

Третьего дня вечером был я случайным зрителем, кажется, последней сцены из водевиля под названием «Недошитая кофта». Я не хотел было вносить в мой журнал эту балаганную сцену, но как она оказалася важною по своему неожиданному результату, то я и заношу ее со всею пошлою точностию в мою неизменную хронику.

Сие событие совершилось 5 числа текущего месяца. В отсутствие родителя нареченной жениху пришла благая

мысль попотчевать свою будущую супругу серенадой со всеми онерами. Для этого собрал он из двух рот песельников, также со всеми онерами: с бубном, тарелками, ложками, треугольником и еще с какими-то погремушками. И когда был пропет, разумеется, с танцами, весь репертуар солдатских песен и даже «После батюшки остался сиротою молодец» с небольшими изменениями, восторженному этой последней песней жениху, которая изображала в некотором роде его собственное положение, ему захотелося, чтобы ребята маненько его покачали. Почему же и не так? Ребята принялись за дело, и, о судьба-злодейка! Когда верные и усердные ребята затянули десятое «ура», в воротах показался комендант. Протяжное громкое «ура» вдруг оборвалося, и верные, неизменные ребята бросили своего отца-командира среди улицы, а сами скрылись, где кто мог. Положение жениха действительно критическое, и тем более критическое, что он без нежного участия своей возлюбленной нареченной не мог стать на ноги по случаю бесхитростной радости, или, проще, он был мертвецки пьян.

На другой день рано является с рапортом к коменданту отец нареченной и просит на законном основании избавить его опозоренную дочь, а равно и все его семейство, от гнусного, безобразного пьяницы жениха, подпоручика Чарца. На такое законное требование резолюция еще не воспоследовала.

Каково же быть порядочному и семейному человеку комендантом этого заграничного гнездилища безграничных мерзостей! Быть судьей и разбирателем этих бесконечных ежедневных гадостей! А он, как начальник, обязан пачкаться в этой вонючей грязи. Отвратительная обязанность.

7 июля

Видел сегодня во сне Москву, не встретил никого знакомых и храма Спаса не видал. Был на Красной площади и Василия Блаженного не видал. Искал в Гостином дворе ивановского полотна для рубах и не нашел. Так и проснулся. Проснувшись, я по обыкновению нагрел свой чайник, положил чаю и начал вытирать стакан, как является ко мне мой дядька и объявляет мне повеление фельдфебеля немедленно явиться к пригонке амуниции.

— Да ее недавно пригоняли,— говорю я.

— Не могу знать-с, приказано,— отвечает он.

Итак, для воскресенья не удалось мне чайком побаловать себя. Прихожу в укрепление и узнаю, что вчера пришел какой-то татарин из Астрахани с казенным провиантом и распустил слух, что в конце августа месяца в Астрахань дожидают великого князя Константина Николаевича [1] и что по этому случаю в Астрахани делаются большие приготовления для встречи августейшего гостя. Капитан Косарев [2], заведующий двумя ротами 1 баталиона, тотчас смекнув дело и, чтобы не ударить в грязь лицом, вчера же, с помощию писаря Петрова, назначил почетный караул, в число которого, по протекции писаря Петрова, назначен и я. Головоломная эта задача была кое-как решена к рассвету, а с восходом солнца (несмотря на воскресенье) приказано пригнать амуницию и, как будет готова, вывести людей на смотр перед телячье лицо капитана Косарева и верного его сподвижника писаря Петрова.

Сказано — сделано. К 7 часам все было готово, в полной амуниции люди были выведены на полянку, в том числе и я; в 7 часов явился сам капитан Косарев во всем своем ослином величии и после горделивого приветствия подошел прямо ко мне, благосклонно хлопнув меня по плечу, и сказал:

— Что, брат, отставка? Нет, мы еще из тебя сделаем отличного правофлангового, а потом и с богом.

И тут же отдал приказание капральному ефрейтору заняться со мной маршировкой и ружейными приемами часика четыре в день. Я ужаснулся, услышав это благосклонное приказание. Вот тебе и безмятежное уединение на огороде!

Тот же самый татарин вместе с накладной привез коменданту письмо из Астрахани, в котором его уведомляют, что адмирал Васильев [3] получил известие из Петербурга, чтобы его высочество в Астрахань не ожидали и, следовательно, не трепетали. Комендант, узнавши о распоряжении предупредительного капитана Косарева, натянул ему нос и даже погрозил ему гауптвахтой, если он вперед осмелится тревожить людей без его ведома. Тем все и кончилось. И я, как ни в чем не бывало, встал сегодня по обыкновению в 3 часа утра, нагрел свой чайник, очинил новое перо и занес сей невероятный казус в мою верную хронику. Господи, настанет ли наконец для меня час

искупления? Настанут ли когда-нибудь для меня те блаженные дни, когда я буду читать эти отвратительные правдивые сказания, как ложный сон, как небывалую небылицу?

8 июля

Сегодня ушла почтовая лодка в Гурьев. Ветер — зюйд-вест. В среду или в четверг она должна быть на Стрелецкой косе, 15 верст от Гурьева. В субботу получит последнюю оренбургскую почту. Воскресенье попразднует, а в понедельник в обратный путь. Как раз через неделю. При благополучном ветре ее должно ожидать 17-го или 18-го числа. И никак не дальше 20-го. Неужели она для меня ничего не привезет? Не может быть. Это было бы уже умышленное тиранство.

Сегодня же поутру пригласил я к себе на огород унтерофицера Кулиха, того самого, что принес мне из Уральска «Umnictwo piękne» Libelta. Разговор наш, разумеется, вертелся на баталионе, и в особенности на 2-й роте, которая два года назад тому ушла отсюда и которая теперь сюда возвратилась. И тогда, и теперь я имею несчастие состоять в этой роте. Начиная с бывшего тогда ротного командира поручика Обрядина [1], мы перебрали всю роту поодиночке и наконец дошли до рядового Скобелева. Этот рядовой Скобелев, несмотря на свое прозвание, был мой земляк, родом Херсонской губернии. И в особенности мне памятен по малороссийским песням, которые он пел своим молодым мягким тенором удивительно просто и прекрасно. С особенным же выражением он пел песню:

Тече річка невеличка
З вишневого саду.

Я забывал, что я в казармах слушаю эту очаровательную песню. Она меня переносила на берега Днепра, на волю, на мою милую родину. И я никогда не забуду этого смуглого полунагого бедняка, штопающего свою рубаху и уносившего меня своим безыскусственным пением так далеко из душной казармы.

По сложению своему и по манерам он не был похож на бравого солдата, за что я его особенно уважал. Но он пользовался в роте славою честного и смышленного солдата. И несмотря на смуглое, аляповатое и оспою изрытое лицо,

в его лице светилась отвага и благородство. И я любил его как земляка и как честного человека, независимо от песен. Он был, как он мне говорил по секрету, беглый крепостной крестьянин. Попался в бродяжничестве, сказался непомнящим родины и семейства и был зачислен в солдаты, где и дали ему прозвище Скобелева, в честь известного балагура — Русского Инвалида, Скобелева [2]. Так об этом-то бедняке Скобелеве Кулих мне рассказал следующую возмутительную повесть.

Вскоре по прибытии 2-й роты в г. Уральск командир роты поручик Обрядин взял к себе в постоянные вестовые рядового Скобелева, как трезвого и благонадежного, но слабого по фронту солдата. А рядовой Скобелев неумышленно сделался поверенным сердечных тайн своего командира и постоянным лакеем его любовницы. Не прошло и полгода, как неуклюжий лакей Скобелев также неумышленно сделался любовником любовницы своего повелителя. И однажды, в минуты сердечных излияний, коварная изменница открыла Скобелеву, что два месяца тому назад на его имя получены Обрядиным из Москвы 10 рублей серебром от какого-то его бывшего товарища (вероятно, по бродяжничеству), теперь лавочного сидельца. И в доказательство истины слов своих показала ему конверт с пятью печатями. Поручик же Обрядин, будучи еще батальонным адъютантом и казначеем, не только подозреваем, но даже был уличаем в краже подобных присылок. Но он как-то умел концы в воду прятать и слыть вообще порядочным человеком. Скобелев, узнавши такую проделку отца-командира, явился к нему с пустым пакетом в руках требовать вынутых из него денег. Отец-командир попотчевал его пощечиной, а он отца-командира оплеухой. Будь это сам на сам, тем бы и кончилось, но как эта сцена была представлена при благорожденных зрителях, при офицерах, то сконфуженный поручик Обрядин, арестовав рядового Скобелева, подал батальонному командиру рапорт о случившемся. Вследствие рапорта произведено следствие, а вследствие следствия поручику Обрядину велено подать в отставку, а рядового Скобелева предали военному суду. А по приговору военного суда рядовой Скобелев прошел по зеленой аллее, как выражаются солдаты, сквозь 200 шпицрутенов и сослан в Омск на семь лет в арестантские роты. Печальное и, к несчастью, не единственное в этом роде происшествие.

Бедный Скобелев! Родился ты и вырос в невольничестве. Вздумалось тебе попробовать широкой, сладкой вольной воли, и ты залетел в Эдикуль [3] (так обыкновенно называют солдаты Новопетровское укрепление), залетел ты в мою семилетнюю тюрьму певуньей-птицей из Украины, как будто для того только, чтобы своими сладкими, заунывными песнями напомнить мне мою милую, мою бедную родину. Бедный, несчастный Скобелев! Ты честно, благородно возвратил пощечину благородному вору, грабителю, и за это честное дело прошел ты сквозь строй и понес тяжелые кандалы на берега пустынного Иртыша и Оми. Встретишь ли в своей новой неволе такого внимательного и благородного слушателя, товарища твоих заунывных сладких песен, как я был? Встретишь и не одного такого же, как и ты, невольника-сирому, земляка, варнака заклейменного, который прольет слезу благодарности на твои тяжелые кайданы за отрадные, сердцу милые, родные звуки. Бедный, несчастный Скобелев.

9 июля

Перед закатом солнца заштилело. А в сумерки поднялся свежий ветер от норд-оста, прямо в лоб нашей почтовой лодке. Она теперь в открытом море бросила якорь, а когда подымет, бог знает. Норд-ост здесь господствующий ветер. Он может простоять долго и продлит мою и без того длинную неволю далеко за предначертанную мною границу, т. е. за 20-е июля. Грустно, невыразимо грустно. В продолжение ночи я не мог заснуть; меня грызла и гоняла, как на корде, вокруг огорода самая свирепая тоска. На рассвете я пошел к морю, выкупался и тут же на песке заснул. Видел во сне покойника Аркадия Родзянку [1] в его Веселом Подоле, близ Хорола. Показывал он мне свой чересчур затейливый сад. Толковал о возвышенной простоте и идеале в искусствах вообще и в литературе в особенности. Ругал наповал грязного циника Гоголя, и в особенности «Мертвые души» казнил немилосердно, потом потчевал какими-то герметически закупоренными кильками и своими грязнейшими малороссийскими виршами вроде Баркова. Отвратительный старичишка. Разбудил меня мелкий тихий дождик, и я прибежал на огород мокрой курицей.

Говорят, о чем наяву думаешь, то и во сне пригрезится. Это не всегда так. Я, например, Аркадия Родзянку видел всего один раз, и то случайно, в 1845 году, в его деревне Веселый Подол, и он мне в несколько часов так надоел своею глупой эстетикой и малороссийскими грязнейшими и глупейшими стихами, что я убежал к его брату Платону, к его ближайшему соседу и, как водится, злейшему врагу. Я забыл даже, что я виделся когда-то с этим сальным стихоплетом, а он мне сегодня во сне пригрезился. Какая же связь между моими вчерашними грустными мечтами и между этим давно забытым мною человеком? Каприз нашей нравственной природы, и совершенно никакой логической связи. И оракул сотника Чеганова едва ли объяснит загадку подобных сновидений. Пойду, однако ж, на всякий случай, посмотрю в это зерцало сокровенных таинств натуры.

10 июля

Ветер все тот же. Тоска та же самая. Дождь продолжает омывать новую луну. Такие длинные любезности здесь с ним редко случаются. Я недвижимо пролежал весь день в беседке и слушал однотонную тихую мелодию, производимую мелкими и частыми каплями дождя о деревянную крышу беседки. Принимался несколько раз дремать, но неудачно. Проклятые мухи со всего огорода слетелись в беседку и не дают покоя. Принимался несколько раз строить воздушные замки на своих будущих эстампах акватинта также неудачно. «Гензерих» и «Осада Пскова» Брюллова мне особенно не удавались. Нужно избегать на первый раз наготы. Нужен опыт и опыт, а иначе эта очаровательная брюлловская нагота выйдет в эстампе безобразие. Я не желал бы, чтобы мои будущие эстампы были похожи на парижский эстамп акватинта с картины «Последний день Помпеи». Топорный, безобразный эстамп. Поругано, обезображено гениальное произведение.

В таком скверном настроении унывающей души вспомнил я про «Umnictwo pięknе» Либельта, принялся жевать: жестко, кисло, приторно. Настоящий немецкий суп-вассер. Как, например, человек, так важно трактующий о вдохновении, простосердечно верит, что будто бы Иосиф Вернет [1] велел себя во время бури привязывать на марсах к мачте

для получения вдохновения. Какое мужицкое понятие об этом неизреченно божественном чувстве! И этому верит человек, пишущий эстетику, трактующий об идеальном, возвышенно-прекрасном в духовной природе человека. Нет, и эстетика сегодня мне не далась. Либельт, он только пишет по-польски, а чувствует (в чем я сомневаюсь) и думает по-немецки. Или, по крайней мере, пропитан немецким идеализмом (бывшим, не знаю, как теперь?). Он смахивает на нашего В. А. Жуковского [2] в прозе. Он так же верит в безжизненную прелесть немецкого тощего, длинного идеала, как и покойный В. А. Жуковский.

В 1839 году Жуковский, возвратившись из Германии с огромною портфелью, начиненною произведениями Корнелиуса [3], Гессе [4] и других светил мюнхенской школы живописи, нашел Брюллова произведения слишком материальными, придавляющими к грешной земле божественное, выспреннее искусство. И, обращаясь ко мне и покойному Штернбергу [5], случившемуся в мастерской Брюллова, предложил зайти к нему полюбоваться и поучиться от великих учителей Германии. Мы не преминули воспользоваться сим счастливым случаем. И на другой же день явились в кабинете германофила. Но боже! Что мы увидели в этой огромной развернувшейся перед нами портфели! Длинных безжизненных мадонн, окруженных готическими тощими херувимами, и прочих настоящих мучеников и мучеников живого, улыбающегося искусства. Увидели Гольбейна [6], Дюрера [7], но никак не представителей живописи девятнадцатого века. До какой степени, однако ж, помешались эти немецкие идеалисты-живописцы. Они не заметили, что в архитектуре Кленца [8], для которой они творили свои готические безобразные творения, и тени нет напоминающего готическую архитектуру. Странное, непонятное затмение.

«Umnictwo piękne» Либельта спрятал я в дорожную торбу и снова привел свою фигуру в горизонтальное положение. Что дальше будет, не знаю.

Незабвенные, золотые дни, мелькнули вы светлым, радостным сновидением передо мною, оставив по себе неизгладимый след чарующего воспоминанья. Мы были тогда с Штернбергом едва оперившиеся юноши и, рассматривая эту единственную коллекцию идеального безобразия, высказывали вслух свое мнение и своим простодушием довели до того кроткого, деликатного Василия Андреевича,

что он назвал нас испорченными учениками Карла Павловича и хотел было уже закрыть портфель перед нашими носами, как вошел в кабинет князь Вяземский [9] и помешал благому намерению Василия Андреевича. Мы продолжали с невозмутимым равнодушием перелистывать портфель и были награждены за терпение первоначальным эскизом «Последнего дня Помпеи», ловко начерченным пером и слегка попятнанным сепиею. За этим гениальным очерком, почти не измененным в картине, следовало несколько топорных чертежей Бруни [10], которые ужаснули нас своим заученным, однообразным безобразием. И где и из какого тлетворного источника почерпнул и усвоил г. Бруни эту ненатуральную манеру? Неужели это одно желание быть оригинальным так страшно обезобразило произведения неутомимого Бруни? Жалкое желание. Грустный результат. И этот человек мечтал еще равняться с Карлом Великим! (так обыкновенно называл Брюллова В. А. Жуковский).

Один мой знакомый, не художник и даже не записной, а так просто любитель изящного, смотря на «Покров божией матери», картину Бруни, в Казанском соборе, сказал, что если бы он был матерью этого безобразного ребенка, что валяется на первом плане картины, то он не только взять на руки,— боялся бы подойти к этому маленькому кретину. Замечание чрезвычайно верное и ловко высказано. А «Медный змий» его? Это толпа безобразных и самых бесталанных актрис и актеров. Я видел эту картину в подмалевке, и она меня ужаснула. Неприятное, но все-таки впечатление. Оконченная же эта огромная картина не произвела на меня даже и этого неприятного чувства. А ведь цель ее была уничтожить «Последний день Помпеи» Колоссальное, но, увы, неудачное намерение.

11 июля

В полночь переменился ветер. Отошел к норд-весту. Я полюбовался прозрачными исчезающими облаками и лег спать. Проснулся до восхода солнца. Небо было чисто. Только одна-единственная звездочка, как алмаз, горела высоко на востоке. Это должна быть Аврора. Солнце не успело выглянуть из-за горизонта, и она исчезла. Я весело принялся за свой чайник. И когда все было готово для моего утреннего одинокого пиршества, я очинил

внимательно перо, развернул свой журнал и, что называется, полбуквы не мог написать, так мне вдруг сделалось весело. И я, напившись чаю и наслушавшись чириканья веселых ласточек, отправился в укрепление заказать торбу для сухарей и взять второй том Либельта. Зашел к Мостовскому, он мне предложил стакан чаю, от которого я не имел силы отказаться, потому что чай был с лимоном — неслыханная роскошь в этой пустыне. За чаем сообщил он мне о начавшемся следствии над женихом и невестой. Следствие началось медицинским освидетельствованием невесты, как водится, в присутствии понятых. Причем лекарь Никольский сострил, найдя невесту нерастленною, что подало повод к грубым насмешкам над женихом. Мерзость!

Заказавши торбу для сухарей, я окончательно упаковал свою мизерию, взял второй том Либельта и три оставшиеся сигары, из числа тех 25 сигар, что прислал мне Лазаревский вместе с сепиею. Отличные сигары, настоящие гаванские. Возвратившись на огород, я по обыкновению до обеда лежал под своею любимою вербою и читал Либельта. Сегодня и Либельт мне показался умеренным идеалистом и более похожим на человека с телом, нежели на бесплотного немца. В одном месте он (разумеется, осторожно) доказывает, что воля и сила духа не может проявиться без материи. Либельт решительно похорошел в моих глазах. Но он все-таки школяр. Он пренаивно доказывает присутствие всемогущего творца вселенной во всем видимом и невидимом нами мире. И так хлопочет об этой старой, как свет, истине, как будто это его собственное открытие.

За обедом было веселее обыкновенного. Комендант подтрунивал над моими сборами в поход, другие ему вторили более или менее любезно, но вообще вся компания была, как говорится, в своей тарелке. После обеда я, также по обыкновению, заснул под своей фавориткою-вербою, а перед вечером надел чистый китель, соломенную шляпу-самодельщину и пошел на туркменские б а к ч и (баштаны), и, несмотря на скудость зелени, мне и бакчи понравились. Я зашел к хозяевам в аул. Около кибиток играли с козлятами нагие смуглые дети, визжали в кибитках женщины, должно быть, ругались. А за аулом мужчины творили свой намаз перед закатом солнца. Вечер был тихий, светлый. На горизонте чернела длинная полоса моря, а на берегу его горели в красноватом свете скалы, и на одной из скал

блестели белые стены второй батареи и всего укрепления. Я любовался своею семилетнею тюрьмою. Возвращаясь на огород, набрел я на тропинку, на уже засохшей грязи которой видны были отпечатки миниатюрных детских ножек. Я любовался и следил этот крошечный детский след, пока он не исчез в степной полыни вместе с тропинкою. На огород пришел я к вечернему чаю и попотчевал Ираклия Александровича (коменданта) и Николая Ефремовича (смотрителя полугоспиталя) своими заветными сигарами. И сам закурил остальную. Все, начиная с Наташеньки, немало удивились, увидев в моем лице торчащую дымящуюся сигару. А нянька Авдотья, уральская козачка, та совершенно во мне разочаровалась, она до сих пор думала, что я, по крайней мере, часовенный [1], а я такой же еретик-щепотник, как и другие. Все же вообще находили, что мне сигара к лицу и что с сигарой в лице я похож на вояжера порядочного тона. Такому удачному сравнению я и не думал противуречить. И мысленно переносился на палубу парохода «Меркурия» или «Самолета». А о скромной расшиве, о бурлацких песнях, о преданиях про Стеньку Разина [2] забыл и думать.

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна. Но все не впрок [3].

Отуманенный лестию, я, против обыкновения и, разумеется, во вред желудку, не имел силы отказаться от пельменей. Пельмени были мастерски приготовлены, и я оказал им неложную честь. После ужина я долго гулял вокруг огорода. И мало-помалу освобождаясь от влияния самолюбия, привел наконец свой гордый дух в нормальное состояние и тихо запел гайдамацкую песню:

Ой поїжджає по Україні та козаченько
Швачка...[4]

От этой любимой моей песни я незаметно перешел к другой, не менее любимой:

Ой ізійди, зійди, ти, зіронька та вечірняя...

Эта меланхолическая песня напомнила мне тот вечер, когда я и молодая жена Кулиша [5] пели в два голоса эту очаровательную песню. Это было на другой день после их

свадьбы, в роковом 1847 году. Увижу ли я эту прекрасную блондинку? Запою ли с нею эту задушевную песню?

Воспоминания меня убаюкали, я сладко заснул. И видел во сне Новгород-Северский (вероятно, вследствие недавнего чтения «Алексея Однорога»)[6]. По улице ездили в старосветском огромном берлине огромные рыжие пьяные монахи, и между ними очутился мой трезвый друг Семен Гулак-Артемовский[7]. Это все пельмени так наметаморфозили.

12 июля

Одиннадцатым нечетным, но счастливым для меня числом кончился первый месяц моего журнала. Какой добрый гений шепнул мне тогда эту мысль? Ну, что бы я делал в продолжение этого минувшего бесконечно длинного месяца? Хотя и это занятие мимоходное, но все-таки оно отнимает у безотвязной скуки несколько часов дня. А это важная для меня теперь услуга. В первые дни не нравилось мне это занятие, как не нравится всякое занятие, пока мы его себе не усвоим, не смешаем его с нашим насущным хлебом. Сначала я принимался за свой журнал, как за обязанность, как за п у н к т и к и, как за ружейные приемы. А теперь, и особенно с того счастливого дня, как завелся я медным чайником, журнал для меня сделался необходимым, как хлеб с маслом для чая. И не случись этого несносного ожидания, этого тягостного бездействия, мне бы и в голову никогда не пришло обзавестись этой эластической мебелью, на которой я теперь каждое утро так безмятежно отдыхаю. Справедливо говорится: нет худа без добра.

Сегодня утром, записавши счастливое одиннадцатое число, я вздумал попробовать ветчины собственного приготовления. Для этого я выпил фундаментальную рюмку водки, закусил молодой редькой, потом уже приступил к собственному произведению. Ветчина оказалась превосходною, свежею, несмотря на то, что приготовлена еще в генваре месяце. Первого генваря текущего года получил я первое радостное письмо из Петербурга от графини Толстой. И с того же дня начал готовиться в дорогу. Так как путешествовать мне предстояло, может быть, и теперь еще предстоит, по серебряным берегам Урала, где благочестивые уральцы, а особенно уралки, нашему брату нераскольз-

нику воды напиться не дадут, то я и заготовил для трудного пути сей необходимый копченый продукт. Не знаю, чем восхищается в уральцах этот статистико-юморист и вдобавок враль Небольсин? Грязнее, грубее этих закоренелых раскольников я ничего не знаю. Соседи их, степные дикари киргизы, тысячу раз общежительнее этих прямых потомков Стеньки Разина. А помянутый враль в восторге от их общежития и мнимого гостеприимства. Верно, ему пьяному в грязном погребке диктовал какой-нибудь Железнов статейку под названием «Уральские козаки», а он под веселую руку записал да и посвятил еще В. И. Далю. Бессовестны, вредны и подлы, наконец, такие списатели [1].

Попробовавши дорожного продукта и найдя оный более нежели удовлетворительным, я самодовольно успокоился под своей фавориткою-вербою и принялся за Либельта. Он сегодня мне решительно нравится. Или он в самом деле хорош, или он мне только кажется таким потому, что мне вот уже другой день даже вовсе непривлекательные предметы кажутся привлекательными. Блаженное состояние. Либельт, например, весьма справедливо замечает и высказывает эту, правда, не совсем моложавую истину, коротко, изящно и ясно, что религия и древних, и новых народов всегда была источником и двигателем изящных искусств. Это верно. А вот это так не совсем. Он, например, человека-творца в деле изящных искусств вообще, в том числе и в живописи, ставит выше натуры. Потому, дескать, что природа действует в указанных ей неизменных пределах, а человек-творец ничем не ограничен в своем создании. Так ли это? Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вечными неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красавицы природы, он делается богоотступником, нравственным уродом, подобным Корнелиусу и Бруни. Я не говорю о дагерротипном подражании природе. Тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинных художников, а были бы только портретисты вроде Зарянка [2].

Великий Брюллов черты одной не позволял себе провести без модели, а ему, как исполненному силою творчества, казалось бы это позволительным. Но он, как пламенный поэт и глубокий мудрец-сердцеведец, облекал свои выспренние светлые фантазии в формы непорочной вечной

истины. И потому-то его идеалы, полные красоты и жизни, кажутся нам такими милыми, такими близкими, родными.

Либельт сегодня мне решительно нравится. В продолжение десяти лет я, кроме степи и казармы, ничего не видел и, кроме солдатской рабской речи, ничего не слышал. Страшная, убийственная проза. И теперь случайный собеседник Либельт — самый очаровательный мой собеседник. Искренняя, сердечная моя благодарность унтер-офицеру Кулиху.

Как начался приятно, так и кончился этот второй для меня день приятно. Вечер был тихий, прекрасный. Для моциона я обошел два раза укрепление. Начал было и третий обход, только у второй батареи остановил меня уральский козак своею старинной песней про Игнашу Степанова сына Булавина [3]. Первый стих песни мне чрезвычайно нравится:

Возмутился наш батюшка,
Славный тихий Дон,
От верховьица
Вплоть до устьица.

Эта песня, собственно, донская, но она усвоена и уральцами, как братьями по происхождению. Я немало удивился, услышав в первый раз здесь эту песню, потому что приходящие сюда на службу уральцы большею частию народ бывалый в Москве и в Петербурге и поют всё модные нежные романсы, захваченные ими в салонах на К о з и х е и в Мещанских и Подьяческих улицах. Так я немало удивился, услыхав этого отступника от закона моды.

С удовольствием слушал я незримого певца, пока он замолчал и, вероятно, заснул, чему и я благоразумно последовал. На рассвете приснилося мне, будто бы приехал в Новопетровское укрепление фельдмаршал Сакен [4] вместе с другом своим митрополитом киевским Евгением [5] и потребовал меня к себе. Но так как у меня не оказалось солдатского облачения, кроме шинели, и то без эполет, то, пока нашивали эполеты, я проснулся. И был сердечно рад этой неудаче.

13 июля

Сегодня суббота, ветер все тот же — норд-вест. Это хорошо, значит волею-неволею лодка должна дождаться оренбургской почты. Чем ближе ко мне это радостное событие, тем делаюсь я нетерпеливее и трусливее. Семь тяжелых лет в этом безвыходном заточении мне не казались так длинными и страшными, как эти последние дни испытания. Но все от бога. Заглушив в себе по мере возможности это ядовитое сомнение, я принялся за моего неизменного друга Либельта и с наслаждением пробеседовал с ним до самого вечера. Вечером пошел я опять ко второй батарее в надежде услышать вчерашнего Баяна. Но вчерашний Баян обманул мои ожидания. Я возвратился на огород, лег под своей заветною вербою, и, сам не знаю, как это случилося, уснул, и проснулся уже на рассвете. Редкое, необыкновенное событие! Такие дни и такие события я должен вносить в мою хронику, потому что я вообще мало спал, а в последние дни сон меня решительно оставил.

14 июля

Сегодня воскресенье, ветер все тот же. Не пора ли отойти к норд-осту? О, как бы он меня обрадовал, если бы хоть к завтрему отошел. Лучше решительный удар обуха, нежели тупая деревянная пила ожидания.

В полдень ветер засвежел и отошел к норду. Добрый знак. Сегодня третьи сутки, как я не посещал вертепа мерзостей, т. е. укрепления. И это теперь мое единственное счастие, что я безнаказанно могу делать такое укрывательство. И чтобы не видеть еще сутки топорной декорации вертепа и его пьяных разбойников, я не побрился и не пошел к обедне. А перед вечером, во избежание встречи с теми же разбойниками (они по праздникам имеют обыкновение нарушать спокойствие обитателей огорода), я, надевши чистый белый чехол на фуражку и положивши в карман огурец и редьку, отправился к Филемону и Бавкиде. Филемон, вопреки своему постоянному расположению духа, был не в духе. И Бавкида, вопреки своей постоянной улыбке, была тоже не в духе и даже не показала мне своей новой соломенной шляпки, о которой я слышал стороною. Я вспомнил пословицу: «Не вовремя гость —

хуже татарина» — и взялся за фуражку. Но Филемон остановил меня, просил садиться и также просил свою печальную Бавкиду подать на пробу недавно полученного из Астрахани варенья, а сам принес кружку холодной воды. И после первой апробации поведал мне свое горе. Неосторожный или жадный лоцман, взявшийся представить ему товар из Астрахани, нагрузил свою утлую ладью так грузно, что при первом свежем ветре должен был половину груза выбросить в море. К несчастию Филемона и Бавкиды, их товары лежали на палубе, состоящие из двух ящиков горячих напитков и 30 мешков муки, и, разумеется, первые полетели за борт. Уцелели только ничтожные мелочи, как-то: варенья, лимоны, соленые огурцы и соломенная шляпка. Откровенная беседа, как исповедь, умиляет наше тоскующее сердце. Старики, рассказавши мне про постигшее их несчастие, пришли в свое нормальное положение. Филемон простодушно начал врать о какой-то стычке с французами в 1812 году, а Бавкида показала мне шляпку и даже мантилью, а на прощанье подарила мне лимон, с которым я имею радость сегодня, т. е. в понедельник, пить чай, записывая сей визит и грустное событие, совершившееся в ущерб торговле моего Филемона и Бавкиды.

Вчера, как я сегодня узнал, несмотря на воскресенье и хорошую погоду, ни один из официю имеющих не появлялся на огороде. Странная, непонятная антипатия к благоухающей зелени. Они предпочитают пыль и несносную вонючую духоту в укреплении прохладной тени, цветам и свежей зелени на огороде. Непонятное затвердение органов. Настоящие суровые сыны Беллоны [1]. Одно, чем я могу растолковать себе это отсутствие обоняния и зрения у суровых детей Беллоны, это всепокоряющая владычица водочка. На огороде, извольте видеть, хотя и можно пропустить рюмочку-другую, потому что сам комендант предлагает, но нельзя нализаться как следует. Не потому, чтобы это было неприлично, а потому, чтобы не очутиться в Калабрии, т. е. на гауптвахте. Так что же и в самом деле за удовольствие посещать огород? Не лучше ли дома втихомолку нализаться так, чтобы в глазах позеленело? Вот тебе и огород с цветами и с благоуханием.

Независимо от этой глубокой политики, в великороссийском человеке есть врожденная антипатия к зелени, к этой живой блестящей ризе улыбающейся матери природы. Ве-

ликороссийская деревня — это, как выразился Гоголь, наваленные кучи серых бревен с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют. А деревня, как будто нарочно, вырубилась на большую дорогу из-под тени этого непроходимого сада, растянулась в два ряда около большой дороги, выстроила постоялые дворы, а на отлете часовню и кабачок, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатия к прелестям природы.

В Малороссии совсем не то. Там деревня и даже город укрыли свои белые приветливые хаты в тени черешневых и вишневых садов. Там бедный, неулыбающийся мужик окутал себя великолепною, вечно улыбающеюся природою и поет свою унылую, задушевную песню в надежде на лучшее существование. О моя бедная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоим живительным сладким воздухом? Милосердый бог — моя нетленная надежда.

15 июля

Ветер все тот же — норд. Хоть бы на одну четверть румба отошел к осту, все бы мне легче было. В продолжение двухлетнего плавания по не исследованному еще Аральскому морю [1] я одного раза не взглянул на компас, а в эти последние бесконечно длинные дни и ночи я изучил его во всех самомалейших направлениях. О ветер, ветер, если бы ты мог сочувствовать моему неусыпному горю, ты бы еще третьего дня отошел к норд-осту, и сегодня я бы уже сидел с карандашом в руке на палубе аргонавтом татарского корабля, идущего к берегам Колхиды, т. е. к Астрахани, и в последний раз рисовал бы вид своей тюрьмы. Хорошо, если бы так. А если иначе, тогда что? Тогда я и сам не знаю что.

Вчера вечером обошел я два раза укрепление и, придя на огород, прилег усталый под своей заветною вербою с крепким намерением вздремнуть хоть полчасика. Я уже другие сутки глаз не смыкаю. Но Морфей, по обыкновению, изменил мне, и я лежал себе под вербою и рассеянно слушал болтовню огородников, недалеко от меня расположившихся на травке. Между ними был уральский козак,

он-то и владел разговором или болтовнею. После разных случаев, случившихся с рассказчиком в разных походах, свел он речь на колдунов, мертвецов и наконец на самоубийц. Он рассказал историю о каком-то самоубийце, которая меня совершенно не интересовала, но меня заинтересовало религиозное поверье уральских козаков о душе самоубийцы, которое он при этом случае рассказал. Самоубийцу хоронят без всяких церковных обрядов и не на общем кладбище, а выносят далеко в поле и закапывают, как падаль. В дни поминовения усопших родственники несчастного или просто добрые люди выносят и посыпают его могилку хлебным зерном — житом, пшеницею, ячменем и прочая,— для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили бога о отпущении грехов несчастному. Какое поэтически христианское поверье!

За моей памяти в Малороссии на могилах самоубийц совершался обряд не менее поэтический и истинно христианский, который наши высшие, просвещенные пастыри, как обряд языческий, повелели уничтожить.

В Малороссии самоубийц хоронили также в поле, но непременно на перекрестной дороге. В продолжение года идущий и едущий мимо несчастного покойника должен был что-нибудь бросить на его могилу. Хоть рукав рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истечении года, в день его смерти, а более в зеленую субботу (накануне троицына дня), сжигают накопившийся хлам как очистительную жертву, служат панихиду и ставят крест на могиле несчастного.

Может ли быть чище, возвышеннее, богоугоднее молитва, как молитва о душе нераскаявшегося грешника? Религия христианская, как нежная мать, не отвергает даже и преступных детей своих, за всех молится и всем прощает. А представители этой кроткой, любящей религии отвергают именно тех, за которых должны бы молиться. Где же любовь, завещанная нам на кресте нашим спасителем-человеколюбцем? И что языческое нашли вы, лжеучители, в этом христианском всепрощающем жертвоприношении?

В требнике Петра Могилы [2] есть молитва, освящающая нареченное или крестовое братство. В новейшем требнике эта истинно христианская молитва заменена молитвою о изгнании нечистого духа из одержимого сей мнимой болезнью и о очищении посуды, оскверненной мышью. Это даже и не языческие молитвы. Богомудрые пастыри церк-

ви к девятнадцатому веку стараются привить двенадцатый век. Поздненько спохватились.

Туркменцы и киргизы святым своим (аулье) не ставят, подобно батырям, великолепных абу (гробниц), на труп святого наваливают безобразную кучу камней, набросают верблюжьих, лошадиных и бараньих костей. Остатки жертвоприношений. Ставят высокий деревянный шест, иногда увенчанный копьем, увивают этот шест разноцветными тряпками, и на том оканчиваются замогильные почести святому. Грешнику же, по мере оставленного им богатства, ставят более или менее великолепный памятник. И против памятника, на двух небольших изукрашенных столбиках, ставят плошки, в одной по ночам ближние родственники жгут бараний жир, а в другую плошку днем наливают воду для птичек, чтобы птичка, напившись воды, помолилась богу о душе грешного и любимого покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, в чистоте и возвышенности которой наши просвещенные архипастыри, вероятно бы, усомнились и запретили бы как языческое богохуление.

16 июля

После заката солнца заштилело, и в первом часу ночи ветер поднялся от зюйд-оста. Ветер тихий и ровный, такой самый, какой нужен для нашей почтовой лодки. Дождавшись рассвета, я вскарабкался на самую высокую прибрежную скалу и просидел там до тех пор, пока мне захотелось есть, т. е. до полудня. Не увидевши на горизонте ни заветного, ни какого паруса, я в унынии пришел на огород и, в ожидании обеда, принялся за свою ветчину подорожную. Копченый продукт мой с каждым днем умаляется. Еще несколько дней ожидания, и от него останутся ни к чему не годные руины. Хорошо, если я поеду через Астрахань. Там есть лавки сарептских колонистов, а между ими, вероятно, есть и колбасные: без колбасы немец и дня не проживет. Следовательно, копченый продукт можно пополнить. А если придется прогуляться через Гурьев и Уральск, по злачным и серебряным берегам благочестивого Урала, тогда что? Аппетит в торбу, а зубы на полку. Или, во избежание голодной смерти, прикинуться

ворожейкой, а лучше всего — мучеником за веру, расстригою-попом: тогда, как по щучью веленью, все явится перед тобой, начиная с каймака и джурмицы [1] и оканчивая свальным грехом. Мать единственную дочь свою предложит святому мученику за веру для ночной забавы. Отвратительно! Хуже всяких язычников.

В 1848 году, после трехмесячного плавания по Аральскому морю, возвратились в устье Сыр-Дарьи, где должны были провести зиму. У форта на острове Кос-Арале, где занимали гарнизон уральские козаки, вышли мы на берег. Уральцы, увидев меня с широкою, как лопата, бородою, тотчас смекнули делом, что непременно мученик за веру, донесли тотчас же своему командиру, есаулу Чарторогову. А тот, не будучи дурак, зазвал меня в камыш да бац передо мною на колени.

— Благословите,— говорит,— батюшка, мы,— говорит,— уже все знаем.

Я тоже, не будучи дурак, смекнул, в чем дело, да и хватил самым раскольничьим крестным знамением. Восхищенный есаул облобызал мою руку и вечером задал нам такую пирушку, какая нам и во сне не грезилась.

Вскоре после этого казуса, уже обривши бороду, отправился я в Раим [2], главное тогда укрепление на берегу Сыр-Дарьи. В Раиме встретили меня уральцы с затаенным восторгом, а отрядный начальник их, полковник Марков, тоже не будучи дурак, испросив мое благословение, предложил мне 25 рублей, от которых я неблагоразумно отказался и этим, по их понятиям, беспримерным бескорыстием подвинул благочестивую душу старика отговеться в табуне, в кибитке, по секрету и, если возможность позволит, приобщиться святых тайн от такого беспримерного пастыря, как я.

Чтобы не нажить себе хлопот с этими седыми беспримерными дураками, я поскорее оставил укрепление и уже аккуратно, каждую неделю два раза, брею себе бороду. Случись это глупое, смешное происшествие где-нибудь на берегах Урала, где были бы женщины, я не разделался бы так легко с этими изуверами. Весь фанатизм, вся эта мерзость гнездится в их распутных дочерях и женах. В Уральске постоянно набит острог беглыми солдатами, их мнимыми пресвитерами. И, несмотря на явные улики, они благоговеют перед этими разбойниками и бродягами. И это не

простые, а почетные, чиновные коза́чки. Непонятная закоснелость.

После полудня отошел ветер к зюйд-весту, прямо в лоб почтовой лодке.

17 июля

Ветер все тот же, как заколдованный. Перед вечером по направлению Астрахани на горизонте показался пароход. В укреплении засуетились, увидя это неожиданное явление, а в особенности капитан Косарев с своим почетным караулом и с ординарцами. Но кого несет пароход? Никому положительно не известно, но все, даже самые умеренные фантазеры, догадывались, что ежели не великого князя Константина Николаевича, то непременно адмирала Васильева, губернатора астраханского. Последней догадки, или предположения, капитан Косарев сначала и слушать не хотел, не внимая доводам ученого друга своего, лекаря Никольского, о невозможности такого чисто исторического события в таком темном уголке империи, как наше укрепление. И ученый муж подкрепил свое мнение историческим фактом, сказавши, что после Петра Великого никто из членов царской фамилии не посетил не только полуострова Мангишлака, даже знатного портового города Астрахани. Против этого аргумента сказать было нечего. Но сметливый капитан Косарев нашелся, сказавши:

— Ну, что ж, если и не великий князь, так, по крайней мере, губернатор, все же особа в генеральском чине, и почетный караул необходим.

На такое простое, по-видимому, слово даже ученый муж полез в карман за возражением. Но увы, пока ученый эскулап рылся в своем умственном кармане, таинственная загадка разрешилась. Прискакал козак с пристани и донес коменданту, что на пароходе, кроме его командира, лейтенанта Поскочина, никого не имеется. Гора мышь родила.

Комендант послал тарантас за командиром парохода и велел его просить к себе на огород. А я, чтобы мой поход в укрепление не втуне совершился, зашел в казармы и побрился. Потом зашел к Мостовскому. Посмеявшись над совершившимся, мы, по поводу подобного же происшествия, случившегося в 1847 году в Орской крепости, перенесли наш разговор в Орскую крепость, как ему, так и мне хорошо памятную. И Мостовский своим неживописным слогом

так живо описывал эту неживописную пустынную крепость, что я заслушался его. И первые темные дни моей неволи просветлели и улыбнулись в моем воспоминании. Неужели и для настоящего моего положения придет когда-то светлое, улыбающееся воспоминание? Факт перед глазами, а все-таки не верится.

В девятом часу вечера возвратился я на огород и застал еще моряков, громко любезничавших с комендантшею. Но мне так опротивели эти пустые хвастунишки, астраханские моряки, что я, издали заслышав их громкие голоса, сделал полоборота направо и до пробития зори обошел вокруг укрепления. Несвоевременная прогулка утомила меня и прежде времени, к великому моему удовольствию, уложила спать. За что я в душе поблагодарил любезных астраханских мореходов.

Сон мой не был, однако ж, так спокойный, как я ожидал. В продолжение ночи я несколько раз просыпался и наблюдал ветер. Перед рассветом ветер затих, и я в надежде на его непостоянство успокоился и заснул. Во сне видел Кулиша, Костомарова [1] и Семена Артемовского, будто бы я встретил их в Лубнах во время успенской ярманки. Кулиша и Костомарова в обыкновенных, а Артемовского в каком-то театральном костюме. В этом фантастическом наряде он представлялся на улице Петру Великому, а я тут же для Кулиша рисовал молодого слепого лирныка в тирольском костюме. Продолжению этой безалаберщины помешал мой услужливый дядька. Он принес мне на огород новый китель и разбудил меня, за что наградил я его большим огурцом и редькой.

Ветер не изменил моей надежде. К утру отошел к зюйд-осту. Пароход поутру вышел из гавани и направился к Кизляру. Я проводил его глазами на горизонт, принялся за свой чайник и потом за журнал.

18 июля

Кончивши сказание о вчерашнем событии, я подумал о рюмке водки и о умеренном куске ветчины, как присылает за мной Бажанова, просит на чашку кофе. Наш Филат чему и рад. Пошел я. Прихожу. Комендантша тут же. После поздоровань речь началась о вчерашних гостях. Я спросил о цели их кратковременного пребывания на наших бе-

регах. И на прямой мой вопрос получил ответ довольно косвенный и перепутанный, как водится, отступлениями, ни к чему не ведущими. Одним словом, я выслушал из милых уст такую чепуху, какой иному не удастся выслушать и в модном салоне. Гостей оказалось не двое, как я полагал, а пятеро. Кроме флотских, командира парохода и его штурмана, весьма образованного (по словам рассказчиц) молодого человека, еще трое штатских, два ученые, а третий доктор. И что пароход ходит около наших берегов для каких-то наблюдений, и что штатские ученые должны быть не ученые, а просто политические шпионы, потому что говорили все о влиянии на здешнюю Туркменскую орду. Один из них, что помоложе, блондин с длинными волосами á la мужик, может быть, и действительно ученый, потому что вместе с Данилевским и другими участвовал в экспедиции Бэра [1]. И что точно так же, как и Бэр, собирает степной полынь и другие травы. И что он спрашивал обо мне, но так двусмысленно, что милые собеседницы даже косвенно не умели удовлетворить его любопытства, и, как я догадываюсь, ловко отстранивши этот, по их понятиям, щекотливый вопрос, они, как водится, перенесли свою болтовню в Астрахань, прямо в персидские лавки с канаусом и другими недорогими материями.

Если это был сколько-нибудь порядочный человек, то какое понятие получил он о нашем бонтоне, о сливках здешнего дамского общества. Заплесневшие, прокисшие сливки.

Собравши такие положительные сведения о вчерашних таинственных посетителях, я, разумеется, перестал об них думать и до самого обеда лежал под вербою и читал Либельта. О ветре я также старался не думать. Он из меня душу вытянет, этот проклятый зюйд-вест. На одни сутки, на полсуток отойди он к осту, и я свободен. Невыносимая пытка!

За обедом опять завязался разговор о таинственных путешественниках. И, благодаря коменданту, он вполовину пояснил это загадочное событие. В числе вчерашних гостей не было главного двигателя всей этой суматохи, именно астронома, который остался на пароходе и делал вычисления. Звездочет сей прислан гидрографическим департаментом проверить астрономические пункты на берегах Каспийского моря, определенные в прошлом году каким-то не

совсем дошлым звездочетом. Вот настоящая цель неожиданного прибытия парохода к нашему берегу. А два ученые мужи, которые сделали честь огороду и его милым обитательницам своим посещением, не кто иные как один чиновник, мнимый политический агент, отправляющийся на службу в гебрийский город Баку [2], а другой — учитель словесности при астраханской гимназии, пользующийся свободным каникулярным временем, и чуть ли еще не земляк мой, потому что передал мне поклон через здешнего плац-адъютанта, за что я ему сердечно благодарен.

Таинственное происшествие, к немалому удивлению наших романтических дам, объяснилось очень просто и даже прозаически. Но новость, которую сообщил коменданту плывущий в Баку чиновник, мне кажется просто сочинением будущего великого администратора. Он сообщил, и даже с подробностями, что образовалась коммерческая компания пароходства на Каспийском море, на началах Триестской Ллойды [3], и что уже вызывает морских офицеров служить на ее пароходах с правом чинопроизводства, и что уже назначены три директора, и что он, сей будущий великий администратор, едет в Баку занять место помощника при директоре, некоем бароне Врангеле, с содержанием 1500 рублей серебром в год. Что будет делать эта Ллойда на Каспийском озере? И какое доверит поручение этому помощнику директора, выпущенному в настоящем году, по его словам, из Петербургского университета?

С закатом солнца ветер отошел к зюйд-осту, но слабый, безнадежный. Кончится ли наконец это гнусное существование, это однообразное записывание однообразнейших бесконечных дней?

19 июля

С закатом солнца ветер засвежел и отошел к норду. Обрадовавшись такому неожиданному явлению, я принялся ходить вокруг укрепления. И до пробития зори обошел четыре раза. Значит, я сделал без присесту 12 верст. Прогулка порядочная, но я не почувствовал и тени усталости. Ночь лунная, прекрасная, и я не перенес своего лагеря в беседку, оставив его под вербою, чтобы удобнее было наблюдать ветер по флюгеру, вертящемуся на голубятне. Часы в укреплении пробили 12, ветер не переменился и не

ослабел. Добрый знак. В надежде на добрый знак я задремал и на крыльях волшебника Морфея перелетел в Орскую крепость и в какой-то татарской лачуге нашел М. Лазаревского, Левицкого [1] и еще каких-то земляков, играющих на скрипках и поющих малороссийские песни. Я присоединил свой тенор к капелии, и мы пели стройно и согласно:

У степу могила з вітром говорила...

Не кончивши этой песни, мы начали другую, а именно «Петруся», и я так громко пропел стихи —

Люблю, мамо, Петруся,
Поговору боюся,—

что капелия замолчала, а я на последней ноте проснулся. Очнувшись от этого сладкого сновидения, я посмотрел на флюгер. Ветер, слава богу, все тот же, не переменился. Поворочался, прочитал сколько помню стихов из песни про счастливого белолицого соперника Грыця, снова заснул, моля Морфея продолжить прерванное милое сновидение.

Морфей исполнил мою молитву, только не совсем. Он перенес меня в какой-то восточный город, утыканный, как иглами, высокими минаретами. В тесной улице этого восточного города встречаю я будто ренегата Николая Эврестовича Писарева [2] в зеленой чалме и с длинною бородою. А безрукий Бибиков и рядом с ним Софья Гавриловна Писарева сидят на балконе и тоже в турецком костюме. Они что-то говорили о Киевском пашалыке. Но мне на лицо вскочила холодная лягушка, и я проснулся. Перенеся одр свой в беседку, я снова было скорчился под шинелью, но при всем моем старании заснуть не мог. У меня все вертелся перед глазами ренегат Писарев со своим всемогущим покровителем и со своею бездушной красавицей супругой. Где он? И что теперь с этим гениальным взяточником и с его целомудренной помощницей? Я слышал здесь уже, что он из Киева переведен был в Вологду гражданским губернатором и что в Вологде какой-то подчиненный ему чиновник публично в церкви во время обедни дал ему пощечину. И после этой истинно торжественной сцены неизвестно куда скрылся так громогласно уличенный взяточник.

В ожидании утра я на этом полновесном фундаменте построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина, перенеся место действия на Восток. И назвал ее «Сатрап и Дервиш» [3]. При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски.

Есть еще у меня в запасе один план, основанный на происшествии в Оренбургской сатрапии. Не присоединить ли его как яркий эпизод к «Сатрапу и Дервишу»? Не знаю только, как мне быть с женщинами. На Востоке женщины — безмолвные рабыни. А в моей поэме они должны играть первые роли. Их нужно провести, как они и в самом деле были, немыми, бездушными рычагами позорного действия.

Если бы я знал, что эта общипанная «Ласточка» (название почтовой лодки) не принесет мне свободы, я сегодня же приступил бы к делу, вопреки поговорке: тише едешь, дальше будешь.

Пока я записывал свои сновидения, ветер отошел к весту и «Жаворонок» (другая почтовая лодка) на всех парусах полетела в Гурьев. Несносный ветер, мучительная неизвестность.

20 июля

Ильин день. Илья-косматый; так пишется он в библии. Должно быть, этот библейский циник был безграмотный, потому что не оставил по себе, подобно другим пророкам, писанного пророчества. У палестинских магометан (если верить Норову) [1] он пользуется таким же почетом, как у евреев и христиан.

Ильин день. Ильинская ярманка в Ромни, теперь, кажется, в Полтаве. В 1845 году я случайно видел это знаменитое торжище. Три дня сряду глотал пыль и валялся в палатке покойного Павла Викторовича Свички [2]. Сам он себя называл только огарком от большой свечки, и сальным огарком. Это был сын того самого полковника Свички, что, шутки ради, закупил во время контрактов в Киеве все шампанское вино без всякой коммерческой цели, а так, чтобы подурачить польских панов, приехавших в Киев с единственной целью покутить. А в своем местечке Городище (Пирятинского уезда) он учредил заставу, что-

бы не пропускать никого, ни идущего, ниже в берлине едущего, не накормив его до отвала и не напоив до положения риз. После таких шуток натурально, что после большой Свечки едва остался маленький огарок. Да и тот скоро погас. Мир праху твоему, мой благородный друже!

Тогда же я в первый раз видел гениального артиста Соленика[3] в роли Чупруна («Москаль-чаривнык»). Он показался мне естественнее и изящнее неподражаемого Щепкина. И московских цыган тогда же я в первый и в последний раз слышал и видел, как они отличались перед ремонтерами и прочею пьяною публикою и как в заключение своего дико-грязного концерта они хором пропели:

Не пылит дорога,
Не дрожат листы,
Подожди немного,
Отдохнешь и ты[4],—

намекая этим своим пьяным покровителям, что им тоже не мешало бы отдохнуть немного и с силами собраться для завтрашнего пьянства.

Думал ли великий германский поэт, а за ним и наш великий Лермонтов, что их глубоко поэтические стихи будут отвратительно-дико петы пьяными цыганками перед собором пьянейших ремонтеров? Им и во сне не снилась эта грязная пародия.

Что же я еще видел тогда замечательного на этом замечательном торжище? Кажется, ничего больше. Познакомился с распутным стариком Якубовичем[5] (отцом декабриста) и с его меньшим сыном Квазимодо, которому дал на честное слово до завтра два полуимпериала и которые, разумеется, пропали. Еще познакомился с одним из бесчисленных членов фамилии Родзянки. И на третий день моего пребывания в Ромни купил на жилет какой-то материи, фунт донского балыка и с непоименованным Родзянкою выехал из этого омута на Ромодановский шлях[6].

Вот и все, что я на досуге припомнил о роменской ярманке по поводу Ильина дня.

20 июля — день, в который я предполагал проститься с моею тюрьмою, так написал и Лазаревскому, и Кухаренку, а ветер, олицетворенная судьба, распорядился иначе. Что делать, посидим еще за морем да подождем погоды. В продолжение Ильина дня и ночи ветер не шелохнулся. Мертвая тишина.

21 июля

Записавши роменские воспоминания, я по случаю воскресенья пошел в укрепление побриться и от первого унтер-офицера Кулиха услышал, что в 9-м часу утра пришла почтовая лодка. Побрившись, скрепя сердце, я возвращался на огород, и, выходя из укрепления, встретил смотрителя полугоспиталя Бажанова, и он первый поздравил меня с свободой. 21 июля 1857 года в 11 часов утра.

В первом часу получил Залесского письмо от 30 мая.

От трех часов пополудни до трех часов пополуночи под вербою с Фиалковским [1] пили чай и лимоновку, и на выдержку прочитали несколько мест Либельта, и нашли, что подобные книги пишутся для арестантов, которым даже библии не дают читать. Замечание довольно резкое и почти верное. Но об этом на досуге.

22 июля

По случаю сего радостного для меня события можно бы и оставить небольшой пробел в сей прозаической хронике. Но так как в физической моей деятельности, или, лучше сказать, бездействии не последовало решительной перемены и, как кажется, раньше 8 дня августа не должно ожидать сицевой перемены, то во избежание решительного бездействия, а паче — соблазнительной лимоновки, и буду, не нарушая заведенного порядка, по утрам нагревать свой чайник и число за числом стройно, как солдатская шеренга, вести свой журнал. От безделья и это рукоделье.

Сегодня комендант сказал мне, что он не может дать мне пропуск от Новопетровского укрепления через Астрахань до Петербурга, потому что он не имеет приказа по корпусу о моем увольнении, и если таковой приказ не получится на следующей почте, то предполагаемое мною живописное, спокойное и дешевое путешествие Волгою не состоялось. Но это поправная беда. В Оренбурге, с помощию друзей моих Бюрно и Герна [1], я восстановлю свои оскудевшие финансы. Жаль только, что ненужное удаление от прямого пути заставляет меня отказаться от желания видеть в нонешнем году художественную выставку в Академии, опоздаю, а еще больше жаль, что я должен отсрочить радостное свидание с Лазаревским и прочими

моими земляками-друзьями. А еще более жаль мне, что совершенно лишние 1000 верст отдалят от меня минуту блаженнейшего счастия. Минуту, в которую я сердечною слезою благодарности омочу руку моей благороднейшей заступницы графини Настасии Ивановны и ее великодушного супруга графа Федора Петровича. О мои незабвенные благодетели! Без вашего человеколюбивого заступничества, без вашего теплого, родственного участия к моей печальной судьбе меня бы задушил всемогущий сатрап в этом безотрадном заточении. Благодарю вас, мои заступники, мои избавители. Вся радость, все счастие, вся моя светлая будущность суть ваше нетленное добро, мои единые, мои святые заступники!

Графу Федору Петровичу с этой же почтою я напишу письмо. О, как бы мне не хотелось писать этих бездушных каракуль, которые выражают только одну чопорную вежливость, и ничего больше. Графине Настасии Ивановне я не могу теперь писать: все, что бы я ни написал ей, это и тени не выскажет того восторженно-сладкого чувства благодарности, которым переполнено мое сердце и которое я могу излить только слезами при личном моем свидании с нею.

Лазаревскому вместо письма пошлю эти две тетради моего журнала, пускай читает с Семеном во ожидании меня, его искреннего, счастливого друга.

На сегодня довольно. Пойду в укрепление, достану свежих чернил от Кулиха, новое перо и бумаги на третью тетрадь для сего журнала. Настала новая эпоха, в моей старой жизни должно быть все новое.

23 июля

Кулих, снабдивши меня бумагою, пером и чернилом, предложил мне с собою пообедать, быть может, в последний раз. На такой трогательный довод сказать было нечего, и я согласился тем охотнее, что и Фиалковский, веселый и умный малый, случился тут же и тоже не отказывался от солдатской трапезы. Кулих, как каптенармус, к обыкновенным щам и каше прибавил кусок жареной баранины, я достал из кармана большой огурец (без этого лакомства я не являюсь в укреплении). А Фиалковский тоже достал из кармана и поставил на стол бутылку с водкой.

Непышно, но с аппетитом и так искренно-весело мы пообедали, как дай бог всем добрым людям так каждый день обедать. За обедом и после обеда Фиалковский забавно подтрунивал над Кулихом, его чином и в особенности над его тепленьким местом. Кулих, чтобы отделаться от неистощимого Фиалковского, обратился ко мне с вопросом, как мне нравится книга, которую он принес для меня из Уральска. Я, разумеется, сказал, что очень нравится, на что Фиалковский страшно захохотал и громогласно назвал Либельта просто дурнем за то, что он написал такую книгу, Пшевлоцкого, за то, что он купил эту книгу, а Кулиха дубельтовым дурнем за то, что он 500 верст нес на плечах своих эту пустую увесистую книгу. Кулих не на шутку обиделся такой нецеремонной критикой и требовал ясных доказательств на такую грубую клевету. Чтобы утишить возникавшую ссору, я пригласил приятелей к себе на огород пить чай. Предложение было принято, и мы отправились под мою вербу. Либельт лежал у меня под подушкой, и я, во ожидании чайника, предложил Фиалковскому прочесть вслух страничку из сего великого творения. Он охотно это исполнил. Кулих не поверил слышанному. Он думал, что Фиалковский импровизирует и продолжает трунить над его тяжелою ношею. Вырвал у него из рук книгу и прочитал сам весь параграф «О фантазии».

— Что? — спросил Фиалковский наивно изумленного Кулиха.

— Пшевлоцкий,— отвечал он,— цивилизованный дурень, вот и все.

Насмешки Фиалковский возобновил с прежней силою, пока не остановил его своим приходом общий наш приятель Кампиньони. Этот бессовестный пьяница, ради рюмки лимоновки, не постыдился подойти к нам и поздравлять меня с получением свободы. Мы встали и разошлись в разные стороны, предоставив в полное распоряжение незваного гостя чайник и бутылку с лимоновкой. Вежливость за вежливость.

Ночь была лунная, тихая, очаровательная ночь. Я долго гулял по огороду. А нежные наши дамы (комендантша и Бажанова), из опасения простудиться, сидели за сальным огарком в вонючей киргизской кибитке и, разумеется, сплетничали. Им бы предложить эстетику Либельта, что бы они из нее сделали? Наверное, папильотки. И это естественно. Для человека-материалиста, которому бог отказал

в святом, радостном чувстве понимания его благодати, его нетленной красоты, для такого получеловека всякая теория прекрасного — ничего больше, как пустая болтовня. Для человека же, одаренного этим божественным разумом-чувством, подобная теория также пустая болтовня, и еще хуже — шарлатанство. Если бы эти безжизненные ученые эстетики, эти хирурги прекрасного, вместо теории писали историю изящных искусств, тут была бы очевидная польза. Вазари [1] переживет целые легионы Либельтов.

24 июля

Перед рассветом прошел сильный дождь с грозою, и около огорода в запруженную балку налилося с каменных оврагов столько воды, что можно плавать порядочной лодке, что мы и пробовали с Ираклием Александровичем после обеда. Жаль, что в этой лощине песчаный грунт и вода на поверхности его не может удержаться долго. А какое бы было украшение и польза этому безводному месту.

Вечером капитан Косарев объявил мне, с претензией на благодарность, что он, по приказанию коменданта, отдал приказ по полубаталиону о моем увольнении. За что я нижайше благодарил господина коменданта.

25 июля

Весь день провел в гостях у Мостовского на ближней пристани. Он арестован на неделю по распоряжению окружного начальника артиллерии генерала Фреймана, вследствие кляуз своего цейхвахтера, отвратительнейшего надворного советника Мешкова. Арест Мостовского — ничего больше как маска. А надворному советнику велено подать в отставку и передать свою подполковничью должность нижнему чину, какому-то фейерверкеру Михайлу Иванову. Это в своем роде маска.

Перед вечером приехал на пристань комендант и взял меня с собою на огород. А ввечеру еще раз покатались мы в лодке по дождевому ставу.

26 июля

Сегодня во весь день и до половины ночи работал я над письмом графу Федору Петровичу и ничего не мог сделать с этим неудающимся письмом. Мне хочется высказаться как можно проще и благороднее, а оно выходит или высокопарно до смешного, или чувствительно до нелепого, или, наконец, льстиво до подлого, но никак не выходит то, чего бы мне хотелось. Это, вероятно, оттого оно у меня не клеится, что я еще не пришел в себя от радости; нужно подождать, еще время терпит, раньше 8 августа почта не отправится из укрепления. Время еще терпит. Записать разве черновое на память и исподволь на досуге поправить во избежание поговорки: поспешить — людей насмешить, как я это сделал моим ответом на письмо графини Настасии Ивановны от 12 октября минувшего года, которым она первая известила меня о предстоящей свободе и на которое я хватил ей такую восторженную чепуху (второпях, разумеется), что она сочла меня или с ума спятившим, или просто пьяным. А чтобы этого и теперь не случилось, то напишу сначала черновое письмо, а, попростывши немного, напишу и беловое.

«Ваше сиятельство, граф Федор Петрович!

Вашему великодушному заступничеству и святому, человеколюбивому участию графини Настасии Ивановны обязан я моей новою жизнию, моим радостным обновлением. Я теперь так счастлив, так невыразимо счастлив, что не нахожу слов достойно выразить вам мою сердечную, мою бесконечную благодарность. Без вашего человеколюбивого, христианского участия в моей безотрадной судьбе меня задушили бы в этой широкой тюрьме, в этой бесконечной безлюдной пустыне. А теперь я свободен, теперь независимо ни от чьей воли я строю свое радужное будущее, свое безмятежное грядущее. Какая радость, какое полное счастие наполняет мою душу при мысли, что я снова увижу Академию, увижу вас, моего единого спасителя, и слезами радости и благодарности омочу ваши чудотворящие руки. Молю милосердного господа сократить путь и время к этому беспредельному счастию. А теперь, боже всемогущий, услыши мою чистую, искреннюю молитву и надолго, долго продли ваши драгоценные дни для славы божественного искусства и для счастия людей, близких вашему любящему сердцу.

21 июля получено здесь официальное известие о моем освобождении. В тот же день я просил коменданта дать мне пропуск через Астрахань до Петербурга, но он без воли высшего начальства не может этого сделать. И я, для получения драгоценного этого паспорта, должен побывать еще раз в Оренбурге и сделать по этому случаю 1000 верст лишних почти по пустыне. Но господь милосердый, помогавший мне исходить во всех направлениях эту безлюдную пустыню, не оставит меня и на этом, теперь коротком, пути. Грустно только, что этот ненужный путь отдалит, по крайней мере, на месяц радостную минуту свидания с вами и с графиней Настасией Ивановной, главной виновницей моего счастия.

Всемогущий и премилосердый господь не оставил меня здоровьем в этом долголетнем и суровом испытании; и любовь, которую я с раннего детства бессознательно питал к прекрасным искусствам, теперь посылает он мне любовь сознательную, и светлую, и крепкую, как алмаз. Живописцем-творцом я не могу быть, об этом счастии неразумно было бы и помышлять. Но я, по приезде в Академию, с божию помощию и с помощию добрых и просвещенных людей, буду гравером à la aguatinta и, уповая на милость и помощь божию и на ваши советы и покровительство, надеюсь сделать что-нибудь достойное возлюбленного искусства. Распространять посредством гравюры славу славных художников, распространять в обществе вкус и любовь к доброму и прекрасному — это чистейшая, угоднейшая молитва человеколюбцу-богу и посильно бескорыстная услуга человеку. Это мое единственное, непреложное стремление. На большее я не могу надеяться. И только буду просить не оставить меня вашим просвещенным содействием в этой моей милой лучезарной надежде.

Целую руки моей святой заступницы графини Настасии Ивановны, целую вас, ваше семейство, целую все близкое вашему доброму сердцу и остаюсь по гроб благодарный.

Художник Т. Шевченко»

Я не мог себе отказать в радости подписать под этим черновым письмом «художник Т. Шевченко». В продолжение 10 лет я писался и подписывался «рядовой Т. Шевченко». И сегодня в первый раз написал я это душу радующее звание.

27 июля

Сегодня за обедом Ираклий Александрович сообщил мне важную художественную новость, вычитанную им в «Русском инвалиде». Новость эта для меня интересна своею неновостью. «Инвалид» извещает, что наконец колоссальное чудо живописи, картина Иванова [1] «Иоанн-креститель» окончена! И была представлена римской публике во время пребывания в Риме вдовствующей императрицы Александры Федоровны. И, по словам самого художника, в газете сказано — скромного, произвела фурор, какого он не ожидал. Дай боже нашому теляті вовка з'їсти. Но мне что-то страшно за автора «Марии Магдалины». Двадцатилетний труд сохранил ли сочность и свежесть жизни? Не увял ли он, как южный роскошный цветок от долгого и ненужного поливания? Не заплесневел ли он, как хмельное пиво от долгого брожения? Боже сохрани всякого артиста от такого печального и запоздалого урока.

Еще будучи в Академии, я много слышал об этом колоссальном, тогда уже почти оконченном, труде. Художники нерешительно говорили о нем. Аматоры решительно восхищались, в том числе и покойный Гоголь. Карл Павлович Брюллов никогда ни слова не говорил о картине Иванова, самого же Иванова в шутку называл немцем, т. е. кропуном. А кропанье, по словам великого Брюллова, верный признак бездарности, с чем я не могу согласиться в отношении Иванова, глядя на его «Марию Магдалину».

Восторженное письмо Гоголя [2] ничего не сказало художнику, ни даже опытному знатоку об этом произведении. Теоретики все одним миром мазаны. Граф де Кенси [3] написал отличнейший трактат о «Юпитере Олимпийском» — статуе Фидия. Издал его in folio великолепно для своего времени (в начале текущего столетия), и если бы не приложил к своему роскошному изданию рисунков, художники бы подумали, что душа самого великого Фидия говорит устами вдохновенного графа. Но неуклюжие изобличители-рисунки испортили все дело. Как после этого верить этим восторженным теоретикам? Говорит как будто бы и дело, а делает черт знает что. Почтенному графу, вероятно, нравились эти рисунки-уроды, если он приложил их к своему ученому трактату.

Как бы я был рад, если бы картина Иванова опровергла мое предубеждение. К коллекции моих будущих эстампов

à la aquatinta прибавился бы еще один великолепный эстамп.

О картине Моллера[4] «Иван-богослов проповедует на острове Патмосе во время праздника вакханалий», о которой я случайно прочитал в «Русском инвалиде», что она показывается в Петербурге публично в пользу раненных в Севастополе. Не знаю, почему я имею выгоднее понятие о картине Моллера, чем о многолетнем произведении Иванова.

28 июля

Еще вчера, т. е. в субботу вечером, уговорились мы с Фиалковским провести сегодняшний воскресный день где-нибудь подальше от противного укрепления, и для сей уединенной радости назнали место в балке, в глубоком диком овраге, верстах в пяти от укрепления, где можно найти и защиту от солнца под скалами, и родниковую свежую воду. Уговорились мы идти туда рано и провести весь день в ущельях этого мрачного оврага. Насчет провианта положено было, чтобы он взял кусок сырой баранины, фунтов 5, для к е б а б а[1], хлеба соразмерную долю и бутылку водки. А я — чайник, чаю, сахару, стакан и 5 огурцов. Все улажено как нельзя лучше, и дешево, и забористо. И я уже по своему обыкновению сибаритствовал умственно в объятиях мрачного оврага. Прошла ночь, настало утро, и солнышко взошло, а Фиалковский не является на огород, как мы условились. Я ждать-пождать, а его все нет как нет. Я нагрел чайник и принялся за чай, не переставая смотреть на укрепление. Наконец ругнул я изменника хорошенько и принялся строчить новую тетрадь. А Андрий Обеременко (огородник от подвижной команды и близкий мой земляк), которого я пригласил с собою в балку в виде товарища и мехоноши, выпивши вместо стакана чаю рюмку водки, принялся ругать проклятого нечестивого ляха.

Поусумнившись достаточно в достоинстве многолетнего труда Иванова, я закрыл тетрадь и пошел в укрепление разрешать задачу, заданную мне паном Фиалковским. Прихожу, а он сидит на крылечке около казарм и ругает Дахмищина, солдата-жида, за то, что он не дает ему более 20 копеек за койку. «А что же ты,— говорю я,— про балку забыл?» — «Постой, дай кончить гандель»,— говорит

он. Кончивши гандель, он признался мне, что от заката до восхода солнца тянул штоса и протянулся до снаги. Кулих даже подушку взял. Пособолезновав немного о его неудаче, я предложил снова путешествие в балку уже в 3 часа после обеда, взявши на свой кошт и хлеб, и мясо, и водку. Он охотно согласился, и мы, сказавши друг другу «непременно», расстались. Взял я у артельщика в долг 5 фунтов баранины, столько же фунтов хлеба и, возвратясь на огород, послал Обеременка в кабак за водкою.

После обеда я по обыкновению вздремнул немного под вербою, и ровно к трем часам собрались мы с Обеременком в дорогу. Собравшися, уселись мы снова под вербою; пробило 4 часа, нема нашего пана Фиалковского. Андрий молча посмотрел на меня и принялся снова за свою люльку-буруньку. Пробило и пять часов, а пана Фиалковского не видать. Андрий снова посмотрел на меня и уже не вытерпел — плюнул. Прошло еще полчаса, и Андрий начал розташовувать торбу з провиантом и, вынимая баранину, проговорил: «Понапрасну тілько добро знівечили. Сказано — лях,— прибавил он как бы про себя,— невіра. То так і пропаде, так і здохне невірою».

Я не нашел нужным убеждать Андрия в противном, велел ему отдать баранину в комендантскую кухню и просить повара зажарить ее к вечеру, а сам пошел на ближнюю пристань навестить заключенного друга Мостовского.

Проходя мимо первой батареи, или флагштока, я увидел внизу под скалою кучку солдат, играющих в орлянку. Сначала я не обратил внимания на эту весьма обыкновенную картину. Но мне как будто шепнул кто-то: не здесь ли Фиалковский? Всматриваюсь и глазам не верю. Мой Фиалковский, спустив с правого плеча шинель, с ловкостью знатока дела бросил что-то вверх, кружок игроков быстро поднял головы и потом медленно опустил, крикнувши: «Орел!» Фиалковский нагнулся очистить кон, а я, пожелав ему успеха, пошел далее.

Погостивши у Мостовского до восхода едва ущербленной луны, я собрался в обратный путь. Прощаясь, он благодарил меня за навещение и еще за то, что два года тому назад я не принял его благородного предложения поселиться у него на квартире. Теперь он только понял, какую подлую кляузу мог вывести Мешков из нашего сожительства. У него не дрогнула бы рука воспользоваться силою военных уголовных законов, где сказано, что офи-

цер, позволивший себе фамильярное обращение с нижним чином, предается военному суду. Теперь только он увидел пропасть, от которой я его отвел, зная лучше отвратительного надворного советника Мешкова.

Ночь лунная, тихая, волшебная ночь. Как прекрасно верно гармонировала эта очаровательная пустынная картина с очаровательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочитал несколько раз, как лучшую молитву создателю этой невыразимой гармонии в своем бесконечном мироздании. Не доходя укрепления, на каменистом пригорке я сел отдохнуть. И, глядя на освещенную луной тоже каменистую дорогу, еще раз прочитал:

Выхожу один я на дорогу,
Предо мной кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Отдыхая на камне, я смотрел на мрачную батарею, высоко рисовавшуюся на скале, и многое, многое вспомнил из моей прошлой невольнической жизни. В заключение поблагодарил всемогущего человеколюбца, даровавшего мне силу души и тела пройти этот мрачный, тернистый путь, не уязвив себя и не унизив в себе человеческого достоинства.

Успокоив себя святою молитвою, я побрел тихонько на огород, нарушив глубокую тишину очаровательной ночи песнею:

Та нема в світі гірш нікому,
Як сіромі молодому.

Не доходя с полверсты до огорода (это уже было в первом часу ночи), меня встретил Андрий Обременко вопросом:

— Де це вас бог носить до такої доби?

— У гостях,— кажу,— був.

— Та я бачу, що в гостях, бо добрі люди, тілько йдучи з гостей, співають.

Я, как будто не слышу его слов, запел:

Іде багач, іде дукач,
П'ян шатається,

Над бідною голотою
Насміхається.

— Та годі вже вам,— перебивает меня ласково Андрий,— ідіть лучче та покладіться спать.

А я продолжаю:

Один веде за чуприну,
Другий з тилу б'є,—
Не йди туди, вражий сину,
Де голота п'є.

Андрий, убедившись, что я совершенно пьяный, взял меня осторожно под руку, привел к вербе, разостлал свою шинель, нарвал и положил под голову бурьяну, положил меня, перекрестил и ушел. Мне не приходилось разочаровывать старика в его богоугодном подвиге и тем более являть перед ним свои лицедейские качества. Я от души молча поблагодарил его и, недолго поворочавшись, заснул.

29 июля

Видел во сне Семена Артемовского с женою [1], выходящего от обедни из церкви Покрова. На Сенной площади будто бы разведен парк, деревья еще молодые, но огромные, в особенности поразил меня своею величиною папоротник. Настоящий китайский ясень. В парке встретили Кулиша, тоже с женой, и вместе пошли в гости к Михайлу Лазаревскому.

Все, что сердцу дорого, сгруппировалось на этот раз в моем сновидении. И если б не проклятые курчата своим несносным чокотаньем меня разбудили, я непременно бы увидел еще кого-нибудь из дорогих моих друзей. И мало того, что бегают около тебя, визжат, кокочут. Нет, нужно еще тебе на лицо вскочить да за нос ущипнуть. Счастлив ты, храбрый молодец, что не попался мне под руку, а то бы я оторвал смелую голову, чтобы ты знал, как клевать доброго человека, когда он спит и видит во сне такие отрадные, милые сердцу лица.

Разбуженный так некстати чубатеньким пахалом, я встал и ушел в беседку с твердым намерением продолжить прекрасное видение. Но при всем моем желании этот про-

ект мне не удался. Солнце, которое другой раз так вяло, медленно поднимается из-за горизонта, тут, как на смех, быстро выскочило, как бы желая поощрить бесчеловечный поступок чубатого нахала и поднять на ноги смиренно в углах дремавших мух. Делать нечего. Трудно противу рожна прати; делать нечего, я встал, уготовал себе трапезу, т. е. чай, и пошел искать человеколюбивого Андрия, так любовно успокоившего меня вчера под вербою. Чтобы столь милосердый подвиг достойно оценить, я думал его попотчевать

Чаєм шклянкою
І горілки чаркою [2].

Но увы! Это доброе намерение мне не удалось. Андрий (чего я никак не ожидал) спал сном праведника в своей темной землянке. Зная из недавнего опыта, как невежливо и нехорошо нарушать чужой покой, я оставил Андрия в покое, вполне уверенный, что старик позволил себе вчера лишнюю чарку, что с ним если и случается, то весьма-весьма редко. Артиллерийский огородник, его друг и товарищ по землянке, приятно рассеял мое не совсем выгодное предположение в отношении Андрия. Он сказал мне, что прошлой ночью Андрий был очередным ночным сторожем огорода и, разумеется, во всю ночь не спал. Так теперь и пополняет ущерб.

Делать нечего. Чаю шклянку і горілки чарку отложил до другого разу, а теперь напишу несколько строк в моем журнале на память о тебе, мой настоящий, простой, благородный земляк.

Вскоре по прибытии моем в укрепление я заметил в солдатской публике (другой публики в укреплениях не имеется), в этой однообразной жалкой публике, совершенно не солдатскую фигуру. Походка, физиономия, даже шапка-чабанка — все в нем обличало моего земляка. Спрашиваю, что это за человек такой. Мне отвечают, что это Андрий, госпитальный служитель и хохол. Этого-то мне и нужно. Физиономия его показалась мне более суровою, нежели вообще у земляков моих. И потому-то я начал с ним сближаться издалека и осторожно. Удостоверившись от его ближайшего начальства, от унтер-офицера Игнатьева и капитана Балагурова, смотрителя полугоспиталя, что Андрий Обременко примерной честности и трезвой жизни

человек, я начал искать случая поговорить с ним наедине по-своему. Но он как будто бы заметил мои маневры и, как казалось, старался отклонить от себя эту честь. Меня это более подстрекало на сближение.

Большую часть бессонных ночей в Новопетровском укреплении провел я, сидя на крылечке у офицерского флигеля. Однажды, это было зимой часу в третьем ночи, сижу я по своему обыкновению на крылечке, смотрю — из лазаретной кухни выходит Андрий. Он тогда занимал должность хлебопека и квасника. Завидное место огородника я уже ему выхлопотал.

— А що,— говорю,— Андрію, і тобі, мабуть, не спиться?

— Та не спиться, матері його ковінька,— сказал он.

Я затрепетал, услыша его чистый, неиспорченный родной выговор. Я попросил его посидеть трохи со мною, на что он неохотно согласился. Разговор начал я, как это обыкновенно водится между солдатами, спросом, которой земляк губернии и т. д. На мой спрос Андрий отвечал, что он губернии Киевской, повита Звенигородского, из села Ризанои,— тут, коло Лысянки, коли чували,— прибавил он; а я прибавил, что не тілько чував, а сам бував і в Лисянці, і в Різаній, і в Русалівці, і всюди. Одним словом, оказалось, что мы самые близкие земляки.

— Я сам бачу,— сказал он,— що ми свої, та не знаю, як до вас приступити, бо ви все то з офіцерами, то з ляхами тощо. Як тут, думаю, до його підійти. Може, воно й сам який-небудь лях, та так тілько ману пускає.

Я принялся снова уверять его, что я настоящий его земляк, искренно желал продолжать разговор, но пробило 3 часа, и он ушел топить печь для хлебов и для квасу.

Так началося наше личное знакомство с Андрием Обеременком. И чем далее — более узнавали мы друг друга и более привязывались друг к другу. Но наружные отношения наши остались те же самые, что и в первое наше свидание. Он себе не позволял ни одного шагу наружного сближения, ни тени ласкательства, как это делали другие. Подозревая во мне, не знаю почему, богача-земляка и даже родственника коменданта, Андрий наравне с другими верил во всё это, но при других он даже не кланялся со мною, чтобы не подумали другие, что он навязывается ко мне в друзья. Местом наших постоянных свиданий было помянутое крылечко, а время — ночь, когда всё, кроме пере-

кликавшихся часовых, спало. Невозмутимо холодная и даже суровая наружность его обличала в нем человека жестокого, равнодушного. Но это маска. Он страстно любит маленьких детей, а это верный знак сердца кроткого, незлобивого. Я часто, как живописец, любовался его темно-бронзовой усатой физиономией, когда она нежно льнула к розовой щечке младенца. Это была одна-единственная радость в его суровой одинокой жизни. Независимо от его простого, благородного характера, я полюбил его за то, что он в продолжение двадцатилетней солдатской пошлой, гнусной жизни не опошлил и не унизил своего национального и человеческого достоинства. Он остался верным во всех отношениях своей прекрасной национальности. А такая черта благородит и даже неблагородного человека. Если мелькали светлые минуты в моем темном долголетнем заточении, то этими сладкими минутами я обязан ему, моему простому, благородному другу Андрию Обеременку.

Пошли ж тебе господи, мой неизменный друже, скорый конец испытанию. И поможи тебе пресвятая матерь всех скорбящих пройти эти безводные пустыни, напиться сладкой днепровой воды и вдохнуть в измученную грудь живительный воздух нашей прекрасной, нашей милой родины!

В продолжение дня я не видался с Андрием. Перед вечером пошел я нарисовать вид первой батареи с того самого места, с которого я ночью любовался ею, возвращаясь от Мостовского. Когда-нибудь сделаю акварельный рисунок. Уже стемнело, когда я возвратился на огород. Под вербою сидел Андрий и встретил меня таким вопросом:

— А що ми будем робить з отим м'ясом?

— З яким?

— А що на льоді другий день валяється.

— Собакам його викинуть. А як не смердить, то повечеряєм.

— Я вже вечеряв.

— А я не хочу вечеряти,— сказал я и уже хотел идти в беседку.

— А знаєте що? — сказал Андрий, останавливая меня.

— Не знаю що.

— Ходімо з отим м'ясом завтра раненько в балку та поснідаємо до ладу.

— Добре, ходімо.

— Та не беріть з собою отого цигана, отого проклятого ляха. Нехай він сказиться.

— Добре, не візьмемо нікого.

И мы расстались.

5 августа

В 5 часов вечера приплыл я на самой утлой рыбачьей ладье в город Астрахань. Все это так нечаянно и так быстро совершилось, что я едва верю совершившемуся. Я, как во сне виденную, припоминаю теперь прогулку мою в балку с Андрием Обеременком, после которой на другой день, т. е. 31 июля, Ираклий Александрович внезапно согласился дать мне пропуск прямо в Петербург. На другой же день он сдержал свое слово, а на третий, т. е. 2 августа в 9 часов вечера, оставил я Новопетровское укрепление. И после трехдневного благополучного плавания по морю и по одному из многочисленных рукавов Волги прибыл в Астрахань.

6 августа

Астрахань — это остров, омываемый одним из протоков Волги, перерезанный рядом вонючих болот, называемых рекою Кутумом, и каналом, ни в чем не уступающим реке Кутуму. Полуостров этот окружен густым лесом мачт и уставлен живописными бедными лачугами и серыми, весьма неживописными деревянными домиками с мезонинами, не похожими на лачуги потому только, что из них выглядывают флотские и вообще официальные физиономии. Всю эту огромную безобразную серую кучу мусора венчают зубчатые белые стены кремля и стройный великолепный пятиглавый собор московской архитектуры 17-го столетия. Таков город Астрахань. Но не таким он мне представлялся, когда я, подходя к Бирючей косе (главная застава в устьях Волги), увидел сотни, правда, безобразных, кораблей, нагруженных большею частию хлебом; мне представлялась Венеция времен дожей, а оказалось — гора мышь родила. А проток Волги, окружающий Астрахань и сообщающий ее с Каспийским морем, глубиной и шириной Босфору не уступит. Но проток этот омывает не Зо-

лотой Рог, а огромную кучу вонючего навоза. Где же причина этой нищеты (наружной) и отвратительной грязи (тоже наружной) и, вероятно, внутренней? Где эта причина? В армяно-татарско-калмыцком народонаселении или в другой какой политическо-экономической пружине? Последнее вероятнее. Потому вероятнее, что и другие наши губернские города ничем не уступают Астрахани, исключая Ригу.

Из множества частных пароходов теперь ни одного нет в Астрахани по причине Макарьевской ярманки. Пароход «Меркурий» возвратится в Астрахань не прежде 15 августа, а к 20 августа нагрузится и пойдет в Рыбинск и меня довезет до Нижнего. А пока я волею-неволею делаюсь соглядатаем сего нарочито грязного города.

7 августа

Ай да Астрахань! Ай да портовый город! Ни одного трактира, где бы можно хоть как-нибудь пообедать, а о квартире в гостинице и говорить нечего. Зашел я в одну сегодня из так называемых гостиниц на косе Герап (на астраханском Золотом Роге), спросил чего-нибудь поесть. И запачканный вертлявый половой отвечал мне, что все, что прикажете, все есть, кроме чаю. А на поверку оказалось, что ничего не имеется, кроме чаю, даже обыкновенной ухи. Это в Астрахани, в городе, который половину огромного русского царства кормит осетриной! И если бы не приехал сюда по делам службы, двумя месяцами прежде меня, Новопетровского укрепления плац-адъютант Бурцов [1], то мне пришлось бы ночевать если не на улице, так в калмыцкой кибитке. Они здесь так же чисты, как и грязные лачуги, но гостеприимнее. Спасибо Бурцову, он приютил и накормил меня в этом негостеприимном улусе.

8 августа

На человека, прозябавшего, как я, семь лет в нагой пустыне, всякий, даже богоспасаемый город Белебей (самый ничтожный городишко Оренбургской губернии), должен бы был сделать приятное впечатление. Со мной случилося не так. Стало быть, я не совсем еще одичал. Это хорошо.

Сегодня поутру вышел я в город с намерением отыскать колбасную лавку, чтобы запастись прочной провизией для дороги и попристальнее всмотреться в наружность города. Проходя по Московской улице (Невский проспект), у меня начало сглаживаться первое неприятное впечатление. Улица — хоть куда. Дома большей частию трехэтажные, украшенные снизу, как водится, вывесками, преимущественно голубыми с золотом. Из лавок, преимущественно галантерейных, выглядывают вяло красивые армянские, а изредка и персидские выразительные физиономии. Гостиный двор, несмотря на массу, здание легкое и даже грациозное, здание во вкусе Гваренги [1]. Губернаторский дом тоже здание массивное, в отношении к частным домам, бельэтаж а-ля ренессанс, смотрит весело, вроде бонтонного отеля, поддерживаемый массивною галереею аркад, под которыми помещаются лавки с разными благородными товарами, в том числе и с кумысом. Сначала меня это поразило своей дисгармонией — в жилище представителя верховной власти лавки с разными товарами, в том числе и с кумысом. Странно. Но как мирная промышленность не может иначе процветать, как под эгидою власти, то я на этой мысли помирился и пошел далее. Обойдя вокруг покрытый пылью сквер, я вышел в другую, параллельную Московской улице, уже менее украшенную вывесками и армянами. Из этой, ничем особенно не примечательной улицы я взял налево и, перейдя деревянный мост, очутился за Кутумом.

Пройдя шагов сто по улице, перед домом, наружностию своей напоминающим загородный трактир средней руки,— деревянный одноэтажный с бельведером, и по широкой, окружающей бельведер галерее усатый кавалер в сером пальто-сак и с серебряным георгием прохаживается и с достоинством посматривает на снующихся плебеев, калмыков и татар. Настоящий гренадер под фирмою Лон-лакея. «Не дворянское ли это астраханское собрание?» — подумал я и хотел идти далее, как мне мелькнула в глазах над воротами желтая табличка с надписью: «Дом Сапожникова» [2]. Не будь Александр Александрович Сапожников бриллиантовою звездою астраханского горизонта и безмездным астраханским метрдотелем, я зашел бы к нему, как к старому знакомому, но эти великолепные его недостатки меня остановили.

За домом и садом Сапожникова видны вдали лачуги. Я, как живописец, люблю шляться по этим грязным живо-

писным закоулкам, но как человек, искренно любящий человека, я перед домом миллионера сделал налево кругом и вскоре очутился в центре города.

В центре города, т. е. на Московской улице, зашел я в гостиницу под фирмою «Москва», спросил себе пару чаю и уселся в компании татар и армян. Машину накрутил какой-то молодец в солдатской шинели, и она задребезжала увертюру «Роберта-Дьявола» [3]. Несмотря на отсутствие всякой гармонии, меня тронула, и до слез тронула, эта изуродованная красавица мелодия. Значит, я давно уже не слушал ничего и похожего на музыку. Барабан и горн очерствил мой слух, но не очерствил сердца, воспринимающего прекрасное.

После увертюры «Роберта» машина зашипела «Уж как веет ветерок» [4]. Я и это шипение прослушал с наслаждением и, почти примиренный с Астраханью, заплатил пятиалтынный за чай, вышел на улицу.

Московская улица. Существует ли хоть один губернский город в России без Московской улицы? Кажется, нет. А без колбасной лавки существуют многие губернские города, в том числе и портовый город Астрахань. Дрянь, никуда не годный портовый город Астрахань. Я обошел все главные и неглавные улицы. Прочитал всех цветов большие и малые вывески, говорившие большею частию о продаже чихиря и панских товаров, но ни одна из них не сказала о продаже копченых колбас. Эх, немцы, немцы сарептские, и вы акклиматизировались, а я наверняка рассчитывал на вашу стойкую колбасолюбивую натуру.

После обеда, по наставлению Авдотьи, кухарки Бурцова, пошел я отыскивать немецкую булочную, в которой, по ее словам, продаются и немецкие колбасы. Топография города уже мне более или менее известна. И я, по указаниям той же Авдотьи, без особенного труда нашел немецкую булочную. Добродушная, круглая физиономия немца вытянулась и осторожно улыбнулась, когда я вместо булки спросил колбасу. Но как я не шутя спрашивал, то немец не шутя и отвечал мне, что он булочный, но не колбасный мастер, и что колбасного мастера во всем городе нет ни одного, и что если в сарептской лавке я не найду этого товара, то до самого Саратова я не увижу ни одной колбасы. Но так как сарептская лавка, по сказаниям того же немца, весьма не близка к центру города, то я и отложил мои поиски до завтрашнего дня.

Сегодня 8 августа. Сегодня выйдет почтовая лодка из Новопетровского укрепления в Гурьев-городок и возьмет с собою Фиалковского [5] и прочих освобожденных вместе со мною. Желаю тебе лучшей будущности, Фиалковский, ты вполне ее достоин. На расставанье он и Мостовский дали мне свои будущие адреса, но едва ли у нас завяжется когда-нибудь переписка, потому что я не принадлежу к касте пустомелей, а они, как люди более меня практические, тоже не будут переливать из пустого в порожнее. Но я всегда сохраню воспоминание об вас, мои благородные друзья.

9 августа

В 5 часов утра пошел я от нечего делать на косу (пристань) проведать моих новопетровских аргонавтов, так быстро переплывших со мною Хвалынское море [1]. Рыбу они свою продали, купили хлеба и с этим золотым руном отплывут завтра к пустынным берегам полуострова Мангишлака. Желаю вам счастливого плавания, бесстрашные плаватели. Поклонитеся от меня прибрежным скалам, на которых я провел столько бессонных ночей. Поклонитесь от меня коменданту и благородному Мостовскому. И больше никому.

Простившись с аргонавтами, я прошел на малые исады (съестной базар). Кроме фруктов, огородной зелени и хлеба печеного, на этих исадах я ничего не заметил, мясо не продается по случаю поста, а рыба продается на лодках. Публика рыночная, как и везде, перекупки, повара и кухарки, изредка попадается заплывшая жиром купчиха-гастрономка да такого же содержания особа духовного чина, сугубо рачащая о плоти греховной. У щеголя краснобородого кизылбаша купил я за 5 копеек серебра 5 головок чесноку (это добро доставляется сюда из Персии) и отправился в кремль полюбоваться вблизи красавцем собором Он, как щеголь 17-го века, красуется в кружевах перед всем городом.

По слухам знаю я о существовании книги под названием «Описание города Астрахани» [2]. Но о приобретении ее здесь на месте и помышлять нечего. Город, не имеющий книжной лавки, значит и читателей не имеет. А как бы кстати иметь теперь в руках эту книгу. Там, верно, поме-

щены документальные сведения о времени построения кремля и собора, как главного украшения города. Кто же мне заменит эту дорогую книгу? К кому обратиться мне с моим любопытством? И как ранняя обедня еще не отошла, то я пошел прямо в собор с целию встретить там священника и обратиться к нему с моей антикварской любознательностью. К счастию моему, я встретил самого ключаря собора отца Гавриила Пальмова. Так он мне рекомендовался. Но удовлетворить мое любопытство сегодня он не мог по недостатку времени и назначил мне свидание в соборе в воскресенье после поздней обедни. Подожду.

10 августа

Ходил в контору «Меркурия» узнать, скоро ли прилетит этот сын Юпитера. И мне сказали, что его ожидают не ближе 15 августа, а к 20 августа выйдет обратно в Нижний. Ожидание, как всякое ожидание, несносно. Но к этому ожиданию лепятся еще издержки, которые я думал устранить, прилепившись у Бурцова на квартире. А он, на грех, вздумал жениться (это общая слабость Новопетровского гарнизона). 17 августа у него свадьба, и я, разумеется, оказался совершенно лишним человеком. С целью отыскать себе угол на несколько дней, пошел я шляться по переулкам вокруг конторы «Меркурия». Здесь все заперто, кроме скворешниц на высоких шестах, свидетельствующих о жилищах меломанов. Постучался я в несколько запертых ворот наугад, потому что билетиков здесь над воротами не приклеивают, как это водится в порядочных городах. После долгих поисков удалось мне открыть наемный чулан с миниатюрным окном, выходящим прямо на помойную яму. На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома человек, говорит пословица. Вследствие этой мудрой пословицы, с завтрашнего дня я ночую в чулане за 20 коп. серебра в сутки. 6 рублей в месяц чулан с помойною ямой! Да это хоть и в Сан-Франциско, так впору.

Давши задаток, я пришел к Бурцову, и по случаю духоты и пыли на улице я пробыл весь день в комнате, написал радостные письма друзьям моим Лазаревскому и Герну. Кухаренку напишу завтра. Ожидаю от него ответа на «Москалеву криницю». Не знаю, что значит его молчание?

Перед вечером вышел я, как говорится, и себя показать, и на людей посмотреть. Вышел я на набережную канала. Здесь это английская набережная, в нравственном отношении, а в физическом — деревянная, досчатая. Канал сам по себе дрянь. Но как дело частного лица, это произведение гигантское, капитальное. Я не мог добиться время его построения, узнал только, что он построен на кошт некоего богатого грека Варвараци [1]. Честь и слава покойному эллину. Так на этой-то набережной по вечерам рисуется цвет здешнего общества.

Женщины здешние ненатурально белы и преимущественно чахоточны. Мужчины вообще в белых фуражках с кокардою, не исключая и мужчин гражданского ведомства. Непонятная любовь к ливрее. Нередко попадаются львы и львицы, эти повсеместные плотоядные не климатизируются, они и здесь такой же шерсти, как и в Архангельске, как и везде. Плебейская же физиономия калмыка и татарина здесь редко покажется, ее место на и с а д а х и в грязных переулках. Всматриваясь пристальнее в господствующую здесь узкоглазую физиономию калмыка, я нахожу в ней прямодушное, кроткое выражение. И эта прекрасная черта благородит этот некрасивый тип. Вернейшие слуги и лучшие работники здесь суть калмыки. Любимый цвет — желтый и синий, пища — какая угодно, не исключая и падали. Место жительства — кибитки, а занятия — рыбная ловля и вообще тяжелая работа. Мне понравились эти родоначальники монгольского племени [2].

11 августа

После поздней обедни в соборе обязательный отец Гавриил показал мне ризницу собора, замечательную немногими, но по достоинству работы и старины весьма редкими вещами. Первое, что он мне показал, это плащаница [1], шитая шелками и золотом, времен Ивана Грозного и, по преданию, отбитая у Марины Мнишек. 2. Печатное, плохо сохранившееся евангелие 1606 года. 3. Сакос, шелками и золотом шитый, епископа Иосифа, убиенного Р а з и н ы м. 4. Фелон, шелками и золотом шитый, того же епископа. 5. Архиерейский посох удивительно тонкой работы, дар царя Бориса Годунова. 6. Серебряный ковш искусной работы, дар царя Петра Первого 1701 года. Огромный потир

венецианской работы 1705 года. Время заложения собора — 1698 года и освящения — 1710 года 14 августа. На вопрос мой, кто был архитектором этого колоссального и прекрасного собора, отец Гавриил отвечал — простой русский мужичок. Не мешало бы Константину Тону [2] поучиться строить соборы у этого русского мужичка. Я, разумеется, не противуречил и спросил его о времени построения кремля. Он отвечал: «Борисом Годуновым. А малый Троицкий собор построен царем Иваном Грозным вскоре после взятия у татар Астрахани»,— прибавил он, закрывая ризницу. И на том спасибо.

12 августа

В 7 часов утра пришел сверху пароход «Князь Пожарский», принадлежащий компании «Меркурия». Я пошел в контору справиться о его обратном рейсе. Определительно в конторе мне ничего не сказали. Хотел взять билет, и его не дали за отсутствием главного приказчика. В надежде на скорое отплытие и по случаю умеренной духоты, я пошел шляться из улицы в улицу, не теряя надежды отыскать хоть какую-нибудь колбасную лавку. Но увы! Кроме пыли, смраду и вечной вывески — продажа чихиря,— я ничего не встретил.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Возвращаясь из сарептского магазина, в котором все есть, кроме копченой колбасы и сарептской горчицы в банках, ругнул я моих приятелей-немцев, разумеется, выйдя на улицу. Полюбовался вычурно-грубой старой архитектурой церкви рождества богородицы, морского ведомства. И, по наставлению отца Гавриила, пошел отыскивать градскую библиотеку. Против губернаторского сквера прочитал я на бледно-голубой вывеске: «Публичная библиотека для чтения». «Браво,— подумал я,— в Астрахани публичная библиотека. Стало быть, и чтецы имеются». Замарашка мальчуган указал мне вход в это святилище, и я благоговейно поднялся во второй этаж и вступил в единственную залу библиотеки. Библиотекарь, в сюртуке с красным воротником и с гренадерскими усами, которого я принял за полицейского чиновника, сказал мне, что книги Рыбушкина «Описание города Астрахани» в настоящее время в библиотеке не имеется, а что она находится у бухгалтера общественного

призрения Васильева. Я объяснил ему, что я нездешний, но он все-таки послал меня в приказ общественного призрения. Делать нечего, отправился я к помянутому бухгалтеру Васильеву. И от сего почтенного старичка получил надежду прочитать книгу Рыбушкина завтра в 9 часов утра.

13 августа

Переночевал кое-как в новой квартире, или, вернее, в чулане. Поутру пошел отворить ставню, и меня какой-то сытый бородач окатил помоями из полоскательной чашки и меня же выругал за то, что меня черт носит спозаранку под окнами. Я ругнул его бородатым старым ослом и отправился к Бурцову чай пить. После чаю написал Кухаренку письмо, нарочито небольшое. И с лоскутком бумаги и кусочком карандаша пошел в Публичную библиотеку для чтения. Библиотекарь с красным воротником и гренадерскими усами объявил мне, что бухгалтер Васильев не сообщил еще желаемой мною книги. Я остался ждать, потому что бухгалтер Васильев вчера сам мне обещал представить книгу в библиотеку непременно к 9 часам.

В ожидании «Описания города Астрахани» Рыбушкина я спросил каталог Публичной астраханской библиотеки. Каталог тоже был на дому у какого-то важного лица (не у Сапожникова ли?), и так без каталога в руках я увидел на полках запыленный «Вестник Европы» [1], длинную фалангу «Московского телеграфа» [2], в нескольких экземплярах графа Хвостова [3], Державина [4], Карамзина [5], «Дух законов» [6] и свод законов с прибавлениями, а остальные полки завалены творениями Дюма и Сю [7] не в подлиннике. О манускриптах, касающихся истории города и края, я, не знаю отчего, совестился спросить.

Но что всего интереснее было для меня в этой Публичной библиотеке, это «Русский вестник» [8], журнал, уже несколько лет издаваемый, а я его сегодня в первый раз вижу. В какой же я дикой пустыне прозябал до сих пор!

Первая книжка «Русского вестника» за 1856 год попалась мне в руки, оглавление мне понравилось. Там были выставлены имена Гоголя, Соловьева [9], Аксакова [10], имена, хорошо известные в нашей литературе. Я развертываю книгу, и мне попалась литературная летопись. Читаю. И что же я читаю? Наша славная-преславная Савор-Моги-

ла [11] раскопана. Нашли в ней какие-то золотые и другие мелочи, не говорящие даже, действительно ли это была могила одного из скифских царей.

Я люблю археологию. Я уважаю людей, посвятивших себя этой таинственной матери истории. Я вполне сознаю пользу этих раскапываний. Но лучше бы не раскапывали нашей славной Савор-Могилы. Странная и даже глупая привязанность к безмолвным, ничего не говорящим курганам. Во весь день и вечер я все пел:

У степу могила
З вітром говорила:
«Повій, вітре буйнесенький,
Щоб я не чорніла».

14 августа

В продолжение ночи шел проливной дождь. И из пыльной, серой Астрахани поутру я увидел Астрахань черную, грязную. Вооружившись туркменским чапаном, я пошел к Бурцову пить чай. Потом отнес на почту письмо и пошел в библиотеку. Но сия Публичная библиотека, вероятно, по случаю дождя и грязи, была заперта. И я, поклонившись дверям сего недоступного таинственного святилища, ушел восвояси с миром, дивяся бывшему.

И что мне этот Рыбушкин так завяз в зубах? Интереснейшее в Астрахани и без его указаний я видел (соборную ризницу), а об остальном стоит ли хлопотать? Не стоит.

15 и 16 августа[1]

В день успения пресвятой богородицы встретил я в Астрахани старого моего бывшего профессора Киевского университета [2], дражайшего и любимейшего нашего поэта, и встретил я его с величайшей радостию в такой далекой стороне, которого я встретил, как отца, как брата, как величайшего друга, и имел счастие прожить с ним несколько дней почти вместе.

Воспитанник Киевского университета
Иван Клопотовский [3]

В тот же день, и я был осчастливлен встречею с любимым и уважаемым мною поэтом Тарасом Григорьевичем Шевченко, с которым

я провожу эти дни, что оставит во мне глубокое воспоминание навсегда.

Воспитанник того же университета
Степан Незабытовский[4]

Я запишу в своем дневнике, что 16 августа я провел день с поэтом Малороссии Шевченко.

Евгений Одинцев

16 августа

С душевным восторгом я встретил и провел несколько часов с моим милым батьком, старым козаком Тарасом Григорьевичем Шевченко, за что очень благодарен богу, что он довел меня быть вместе с ним.

Федор Чельцов[1]

17 августа

Иван Рогожин из дружбы к Перфилу поступил за него на полгода в солдаты; но как ни хитер и ни изворотлив был бес, но никак не мог примениться к порядку, и его, бідного, драли, як сидорову козу, так что, когда прошло уже полгода, ему стыдно было показаться к своему набóльшему. Бедный бес не рассчитал, что как наденет ранцы, то выходит крест, и так ему поистине пришлось несть крест господень, а Перфил, когда услышал от него рассказ о службе, сказал ему: «В чужие сани не садись». С тех пор ни один бес уже не хотел служить в солдатах: а ти ж то, батьку, десять літ пробув в них. Офицеры, як почули от Перфила о том, что Рогожин за него пробыл полгода, выразили свой восторг словами: «Знатно, и бес побывал в наших руках».

Скрепил Иван Рогожин[1]
Фельдфебель Перфил

18 августа

В. Кишкин[1], встреча со старым знакомым.

19 августа

Lekarz Karol Nowicki
Paweł Radziejowski
Tytus Szalewicz.

20 августа

Krasomówstwo niewielu otrzymało w udziale; mnie zaś, pozbawionemu tego boskiego daru, pozostaje w milczeniu tylko podziwiać i hołdować twórczej twej potędze, Swięty narodowy wieszczu mężczeniku Małejrosii. Twoja dzisiejsza przytomność wśród nas zupełnie szczęśliwym mnie czyni i chwile obecne nigdy się w mej pamięci nie zatrą. O, stokroć, stokroć błogosławię ten drogi dzień, w ktorym niebo pozwoliło mi osobiście poznać się z tobą, gorliwy i nieulękły opowiadaczu słowa prawdy. Niech że słów tych kilka przypominają ci [...]* poetomalarzu głęboką czcią poważającego ciebie Tomasza Zbrożka[1].

23 августа

С 15 по 22 августа был у меня в грязной и пыльной Астрахани такой светлый, прекрасный праздник, какого еще не было в моей жизни. Земляки мои, большею частию кияне, так искренно, радостно, братски приветствовали мою свободу и до того распростерли свое гостеприимство, что лишили меня свободы самому вести свой журнал и взяли эту обязанность на себя. Благодарю вас, благородные, бескорыстные друзья мои. Вы подарили меня такою радостию, таким полным счастием, которое едва вмещаю я в моем благодарном сердце. И память об этих счастливейших днях я вношу не в прозаический журнал мой,— я внесу в сокровищницу моего сердца.

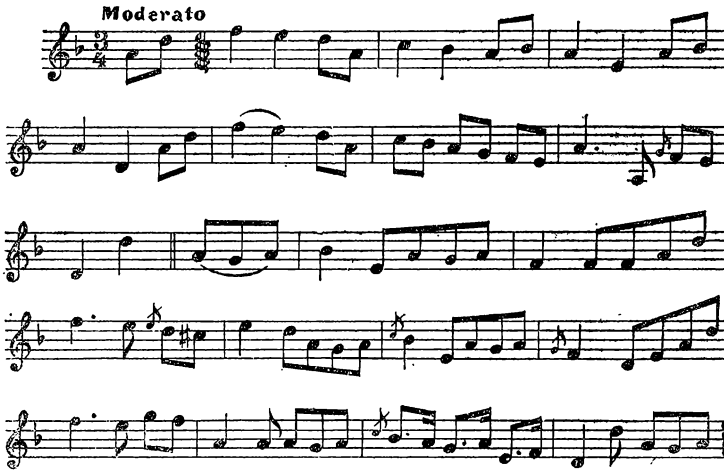
15 же августа вечером Зброжек случайно у Сапожниковых проговорился, что я в Астрахани. И 16 августа я возобновил старое знакомство с Александром Александровичем. Это уже был не шалун-школьник в детской курточке, которого я видел в последний раз в 1842 году. Это уже был мужчина, муж и, наконец, отец прекрасного дитяти. А сверх всего этого, я встретил в нем простого, высокоблагороднейшего, доброго человека. Черта, характеризующая семейство Сапожниковых. Он, не знаю как надолго, оставляет Астрахань и до Нижнего Новгорода предложил мне каюту на абонированном им пароходе «Князь Пожарский». Пятирублевый билет, взятый мною, я возвратил в контору пароходной компании «Меркурий» с тем, чтобы он был отдан первому бедняку безденежно. Капитан парохода «Князь Пожарский» Владимир Васильевич Кишкин

* При оправленні щоденника зрізано слово. *(Ред.)*

распорядился так, что вместо одного бедняка поместил на барже пять бедняков, не могших заплатить за место до Нижнего даже по целковому. Черта практически благородная.

25 августа

Парохода «Князь Пожарский» буфетчик Алексей Панфилов Панов [1], отпущенник г-на Крюкова.



27 августа

Ночи лунные, тихие, очаровательно поэтические ночи! Волга, как бесконечное зеркало, подернутая прозрачным туманом, мягко отражает в себе очаровательную бледную красавицу ночи и сонный обрывистый берег, уставленный группами темных деревьев. Восхитительная, сладко-успокоительная декорация! И вся эта прелесть, вся эта зримая немая гармония оглашается тихими, задушевными звуками скрипки. Три ночи сряду этот вольноотпущенный чудотворец безмездно возносит мою душу к творцу вечной гармонии пленительными звуками своей лубочной скрипицы. Он говорит, что на пароходе нельзя держать хороший инструмент, но и из этого нехорошего он извлекает волшебные звуки, в особенности в мазурках Шопена [1]. Я никогда

не наслушаюсь этих общеславянских, сердечно, глубоко унылых песен. Благодарю тебя, крепостной Паганини[2]. Благодарю тебя, мой случайный, мой благородный. Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ. Скоро ли долетят эти пронзительные вопли до твоего свинцового уха, наш праведный, неумолимый, неублажимый боже?

Под влиянием скорбных вопиющих звуков этого бедного вольноотпущенника пароход в ночном погребальном покое мне представляется каким-то огромным, глухо ревущим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готовою проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон![3] И великий Уатт![4] Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуется, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты[5], то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мое пророчество несомненно. Молю только многотерпеливого господа умалить малую часть своего бездушного терпения. Молю его коснуться своим свинцовым ухом хоть одной полноты этого душу раздирающего вопля, вопля своих искренних, простосердечных молителей.

28 августа

Со дня выхода парохода из Астрахани, т. е. с 22 августа, я не могу ни за что, ни даже за свой журнал, приняться аккуратно, как это было в Новопетровском укреплении. Я все еще не могу и не желаю освобождаться из-под влияния, произведенного на меня в Астрахани моими земляками. И повторившего это чудное влияние Александром Александровичем Сапожниковым, и всеми сопутствующими ему его родственниками и друзьями. Все они, начиная с хозяйки (Нины Александровны) и хозяина, все они так дружески просты, так внимательны, что я от избытка восторга не знаю, что с собою делать, и, разумеется, только бегаю взад и вперед по палубе, как школьник, вырвавшийся из школы. Теперь только я сознаю отвратительное влияние десятилетнего уничижения. Теперь только я вполне чувствую, как глубоко во мне засела казарма со всеми ее

унизительными подробностями. И такой быстрый и неожиданный контраст мне не дает еще войти в себя. Простое человеческое обращение со мною теперь мне кажется чем-то сверхъестественным, невероятным.

Берега Волги от Царицына и Дубовки с часу на час делаются выше, живописнее, очаровательнее. И я не сделал еще ни одного очерка. Недосуг. Все книги всех русских журналов за текущий год добрейший Александр Александрович предложил к моим услугам, и я только сегодня начал читать «Королеву Варвару» Попова [1]. И только начал. А журнал свой, который в эти дни должен бы был наполняться такими очаровательными событиями, я совсем оставил, извиняя себя невозможностью писать по случаю вздрагивания палубы. О как бы я желал продлить это сладкое состояние, это чувство животворного, очаровательного бездействия.

Я оставил знойную степь в кителе и туркменском верблюжьем чапане. В Астрахани я думал только о пологе от комаров. А север, к которому стремлюсь, мне и в голову не приходил. И сегодня я мог бы быть порядочно наказан за невнимание к беловласому Борею [2], если бы не выручил меня Александр Александрович. В продолжение ночи дул свежий норд-ост, и к утру сделалось порядочно холодно, так порядочно, что не прочь бы был и от тулупа. А у меня, кроме кителя и помянутого чапана, совершенно ничего не оказалось. Александр Александрович, спасибо ему, предложил мне свое теплое пальто, брюки и жилет. Я с благодарностью принял все это, как дар, ниспосланный мне свыше, и через минуту явился на палубе преображенным в настоящего денди. Бог да наградит тебя, мой добрый Саша, за это братски-дружеское преображение!

29 августа

Берега Волги с каждым часом делаются выше и привлекательнее. Я попробовал сделать очерк одного места с палубы парохода, но, увы, нет никакой возможности. Палуба дрожит, и контуры берегов быстро меняются. И я со своим давнишним новопетровским предположением рисовать берега матушки Волги должен теперь проститься. Сегодня с полуночи и до восхода солнца пароход грузился дровами около Камышина [1], и я едва успел сделать легонь-

кий очерк камышинской пристани с правым берегом Волги. Дров взято до Саратова, и, значит, я ближе Саратова ничего не сделаю. Выше Камышина в 60 верстах на правом берегу Волги лоцман парохода показал мне бугор Стеньки Разина. Это было на рассвете, и я не мог хорошо рассмотреть этой замечательной, но неживописной местности. Исторический бугор этот,— я не знаю, почему его называют бугром,— он и на вершок не выше окружающей его местности. И если бы лоцман мне не указал его, я и не заметил бы этой ничтожной твердыни славного лыцаря Стеньки Разина, этого волжского барона и, наконец, пугала московского царя и персидского шаха. Открытые большие грабители испугались скрытого ночного воришки! Так белоголового великана хищника беркута пугает иногда ничтожный нетопырь.

Самое плоское суздальское изображение прославленного предмета так же интересно, как и самое изящное произведение живописи. Сознавая эту истину, мне еще досаднее, что я не мог сделать ниже слабого очерка с этого весьма прославленного бугра. Солнце еще не всходило, а бугор оставался за нами верстах в десяти, и я должен был довольствоваться небольшим фантастическим рассказом несловоохотливого лоцмана.

Волжские ловцы и вообще простой народ верит, что Стенька Разин живет до сих пор в одном из приволжских ущелий близ своего бугра и что (по словам лоцмана) прошедшим летом какие-то матросы, плывшие из Казани, останавливались у его бугра, ходили в ущелье, видели и разговаривали с самим Семеном Степановичем Разиным. Весь он, сказывали матросы, оброс волосами, словно зверь какой, а говорит по-человечьи. Он уже начал было рассказывать что-то про свою судьбу, как настал полдень, и из пещеры выполз змий и начал сосать его за сердце, а он так страшно застонал, что матросы от ужаса разбежались, куда кто мог. А за то его, прибавил лоцман, ежедневно змий на сердце сосет, что он проклят во всех соборах, а проклят он за то, что убил астраханского архиерея Иосифа [2]. А убил он его за то, что тот его волшебству сопротивлялся.

По словам того же рассказчика, Разин не был разбойником, а он только на Волге брандвахту держал и собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям. Коммунист, выходит.

30 августа

Из уважения к имениннику и принятому обычаю дарить именинников, я сегодня подарил Александру Александровичу портрет его тещи m-me Козаченко [1]. Портрет сделан в один сеанс белым и черным карандашами, довольно аляповато, но не лишен экспрессии. Именинник, по обыкновению своему, был весел и любезен, а гости его, в том числе и нас господи устрой, также охулки на руку не положили, и нецеремонная милая гармония царила на палубе «Князя Пожарского».

Ввечеру от саратовской пассажирки, некоей весьма любезной дамы Татьяны Павловны Соколовской, случайно узнал я, что Н. И. Костомаров уехал за границу. А мать его живет в Саратове. Я просил у нее адрес Костомаровой [2] и... *

31 августа

Едва пароход успел остановиться у саратовской набережной, как я уже был в городе и, по указаниям обязательной m-me Соколовской, я как по писаному, без помощи дорогого извозчика нашел квартиру Татьяны Петровны Костомаровой. Добрая старушка, она узнала меня по голосу, но, взглянувши на меня, усомнилась в своей догадке. Убедившись же, что это действительно я, а не кто иной, она привитала, как родного сына, радостным поцелуем и искренними слезами.

Пароход постоял в саратовской пристани до следующего утра, и я с полудня до часу пополуночи провел у Татьяны Петровны. И, боже мой, чего мы с ней ни вспомнили, о чем мы с ней ни переговорили. Она мне показывала письма своего Николаши из-за границы и лепестки фиалок, присланные ей сыном в одном из писем из Стокгольма, от 30 мая. Это число напомнило нам роковое 30 мая 1847 года [1], и мы, как дети, зарыдали. В первом часу ночи я расстался с счастливейшею и благороднейшею матерью прекраснейшего сына.

---

* Не закінчено автором. *(Ред.)*

1 сентября

Петр Ульянов Чекмарев [1].

Новый месяц начался новым приятнейшим знакомством. За полчаса до поднятия якоря явился в капитанской каюте и в моем временном обиталище человек некрасивой, но привлекательно-симпатической наружности. После монотонно произнесенного: «Петр Ульянов Чекмарев»,— он сказал с одушевлением: «Марья Григорьевна Солонина [2], не знаемая вами ваша милая землячка и поклонница, поручила мне передать вам ее сердечный сестрин поцелуй и поздравить вас с вожделенной свободой». И тут напечатлел на моей лысине два полновесных искренних поцелуя, один за землячку, а другой за себя и за саратовскую братию. Долго я не мог опомниться от этого нечаянного счастия, и, придя в себя, я вынул из моей бедной коморы какую-то песенку и просил своего нового друга передать эту лепту моей милой, сердечной землячке. Вскоре начали подымать якорь, и мы расстались, давши друг другу слово увидеться будущею зимой в Петербурге.

2 сентября

Пятнадцать лет не изменили нас,
Я прежний Сашка все, ты также все Тарас.
Александр Сапожников [1]

Сегодня в 7 часов утра случайно собрались мы в капитанской каюте и слово за слово из обыденного разговора перешли к современной литературе и поэзии. После недолгих пересудов я предложил А. А. Сапожникову прочесть «Собачий пир» из Барбье [2] Бенедиктова [3], и он мастерски его прочитал. После прочтения перевода был прочитан подлинник, и общим голосом решили, что перевод выше подлинника. Бенедиктов, певец кудрей и прочего тому подобного, не переводит, а воссоздает Барбье. Непостижимо! Неужели со смертию этого огромного нашего Тормоза [4], как выразился Искандер [5], поэты воскресли, обновились? Другой причины я не знаю. По поводу «Собачьего пира» наш добрый, милый капитан Владимир Васильевич Кишкин достал из своей заветной портфели его же, Бенедиктова, «Вход воспрещается» и с чувством поклонника родной обновленной поэзии прочитал нам, внимательным

слушателям. Потом прочитал его же «На новый 1857 год». Я дивился и ушам не верил. Много еще кое-чего упруго-свежего, живого было прочитано нашим милым капитаном. Но я все свое внимание и удивление сосредоточил на Бенедиктове. А прочее едва слушал.

Итак, у нас сегодня из обыкновенной болтовни вышло необыкновенно эффектное литературное утро. Приятно было бы повторять подобную импровизацию. В заключение этой поэтической сходки А. А. Сапожников вдохновился и написал двустишие, грациозное и братски-искреннее.

Ночью против города Волжска [6] (место центральной конторы дома Сапожниковых) пароход на несколько часов остановился. А. А. сошел на берег и в скором времени возвратился на пароход с своим главным управляющим Тихоном Зиновьевичем Эпифановым. Белый с черными бровями, свежий, удивительно красивый старик, с прекрасными манерами, и тени не напоминающими русского купца. Он мне живо напомнил своей изящной наружностию моего дядю Шевченка-Грыня.

3 сентября

Не забывайте любящего вас И. Явленского [1].

Ел, пил, спал. Во сне видел Орскую крепость и корпусного ефрейтора Обручева. Я так испугался этого гнусного ефрейтора, что от страха проснулся и долго не мог прийти в себя от этого возмутительного сновидения.

4 сентября

В продолжение ночи пароход грузился дровами против города Хвалынска [1]: одно-единственное место на берегах Волги, напоминающее древнее название Каспийского моря. Поутру, снявшись с якоря, мы собрались в каюте нашего доброго капитана, и после недлинного прелюдия составилось у нас опять литературно-поэтическое утро. Обязательный Владимир Васильевич прочитал нам из своей заветной портфели несколько животрепещущих стихотворений неизвестных авторов и, между прочим, «Кающуюся Россию» Хомякова [2]. Глубоко грустное это стихотворение я занес в свой журнал на память о наших утренних беседах на пароходе «Князь Пожарский».

Неуклони сердце твое в словеса лукавствия непщевати о гресех твоих,

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да совершишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни, быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело;
Своих рабов он судит строго,
А на тебе, увы, как много
Грехов ужасных налегло.

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Бесчестной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

И, недостойная избранья,
Ты избрана; скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой.

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели.

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч.

Борись за братьев крепкой бранью,
Держи сталь крепкой божьей дланью,
Рази мечом — то божий меч!

А. Хомяков

5 сентября

Берега Волги более и более изменяются, принимают вид однообразный и суровый. Плоские возвышенности правого берега покрыты лесом, большею частию дубовым. Кое-где изредка блестят белые стволы берез и серые матовые стволы осины. Древесный лист заметно желтеет. Температура воздуха изменяется, холодеет. Как бы она меня не захватила врасплох. Сегодня был первый утренник. Ноги прозябли. Нужно будет в Самаре купить коты и дубленый полушубок. Ничего не читаю и не рисую. Рисовать не дает машина своим неугомонным шумом и трепетанием, а читать — ненаглядные берега Волги. Во сне видел церковь святыя Анны в Вильне и в этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобровую Гусиковскую [1]. Это, верно, вследствие чтения «Королевы Варвары Радзивилл». Г. Попов историк нового и прекрасного стиля. Он, кажется, ученик Соловьева. Нужно будет прочитать его в «Русском вестнике» «Турецкую войну при царе Федоре Алексеевиче» [2]. Мне теперь много нужно прочитать. Я совершенно отстал от новой литературы. Как хороши «Губернские очерки» [3], в том числе и «Мавра Кузьмовна» Салтыкова, и как превосходно их читает Панченко (домашний медик Сапожникова), без тени декламации. Мне кажется, что подобные, глубоко грустные произведения иначе и читать не должно. Монотонное, однообразное чтение сильнее, рельефнее рисует этих бездушных, холодных, этих отвратительных гарпий. Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостию возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!

6 сентября

В 10 часов утра «Князь Пожарский» бросил якорь у набережной города Самары [1]. Издали эта первой гильдии отроковица весьма и даже весьма неживописна. Я вышел на берег и пошел взглянуть поближе на эту чопорную юную купчиху и купить коты. На улице попался мне И. Явленский, и мы сообща пустилися созерцать город. Ровный, гладкий, набеленный, нафабренный, до тошноты однообразный город. Живой представитель царствования неудобозабываемого Николая Т о р м о з а.

Как из любопытства, так и вследствие вопиющего аппетита — это случилось часу около второго — мы велели извозчику ехать к самому лучшему трактиру в городе; он и поехал и привез нас к самому лучшему заведению, т. е. трактиру. Едва вступили мы на лестницу сего заведения, как оба в один голос проговорили: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет» — т. е. салом, гарью и всевозможной мерзостью. У нас, однако ж, хватило храбрости заказать себе котлеты, но, увы, не хватило терпения дождаться этих бесконечных котлет. Явленский бросил половому полтинник, ругнул маненько, на что тот молча с улыбкою поклонился, и мы вышли из заведения. Огромнейшая хлебная пристань на Волге, приволжский Новый Орлеан! И нет порядочного трактира. О Русь!

После мнимого завтрака мы поехали в лавки. В лавках, даже в лавочках не оказалось такого товару, какой мне был необходим (коты), и мы отправились на пароход.

В капитанской каюте на полу увидел я измятый листок старого знакомца «Русского инвалида», поднял его и от нечего делать принялся читать фельетон. Там говорилось о китайских инсургентах и о том, какую речь произнес Гонг [2], предводитель инсургентов, перед штурмом Нанкина. Речь начинается так: «Бог идет с нами. Что же смогут против нас демоны? Мандарины эти — жирный убойный скот, годный только в жертву нашему небесному отцу, высочайшему владыке, единому истинному богу». Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?

В Самаре живет богатый купец Светов. Глава секты молоканов. Правительство (кроткими мерами) заставляло его принять православие, но он, несмотря на кроткие меры,

решительно отказался от православия и изъявил желание принять кальвинизм. На что, однако ж, правительство не изъявило своего желания и оставило его в покое, запретив ему и его секте торговать (одна из кротких мер).

7 сентября

В 10 часов утра при свежем норде с дождем и снегом мы оставили Самару. От Самары вверх начинает подыматься левый берег Волги; это плоская возвышенность Жигулевских гор [1]. Через два часа мы подошли к воротам Жигулевских гор. Это ущелье, сузившее Волгу до одной версты; за горами, как за рамой, открылась нам новая, доселе не виданная панорама, испятнанная темно-синими полосами. Это — обитатель севера, сосновый лес. На первый план этой панорамы из-за ущелья, поросшего черным лесом, высунулась обнаженная отдельная гора. Это Царев курган; народное предание говорит, что Петр Первый, путешествуя по Волге, останавливался на этом месте и всходил на эту гору, вследствие чего она и получила название Царева кургана.

Гора эта своею формою и величиною напомнила мне такую же гору близ Звенигородки, Киевской губернии, в селе Гудзивци [2]. И Гудзивскую гору, быть может, какой-нибудь помазанник-пройдоха освятил своим восшествием, но земляки мои как-то тупо сохраняют в своей памяти подобные освящения. Они (земляки мои) чуть ли не догадываются, что если царь взойдет на такую гору, то, верно, недаром, а уповательно для того, чтобы несытым оком окинуть окрестность, на которой (если он полководец) сколько в один прием можно убить верноподданных. А если он, боже сохрани, агроном, то это еще хуже, особенно если окрестность окажется бесплодною, то он высочайше повелит ее сделать плодоносною, и тогда потом и кровью крепостного утучнится бесплодный солончак. Земляки мои, верно, не без причины, не освящают своей памятью подобных урочищ.

Не мог я дознаться, на каком народном предании основываясь, покойный князь Воронцов [3] назвал в своих Мошнах [4] гору обыкновенную Святославовою горою, с которой будто бы этот пьяный варяг-разбойник любовался на свою шайку, пенившую святой Днепр своими разбойничьими ладьями. Я думаю, это просто фантазия сиятельной башки, и ничего больше. Сиятельному англоману просто пожела-

лося украсить свой великолепный парк башнею вроде маяка, вот он и сочинил народное предание, приноровив его к местности, и аляповатую свою башню назвал башнею Святослава. А Михайло Грабовский [5] (не в осуд будь сказано) чуть-чуть было документально не доказал народного предания о Святославовой горе.

Капитан наш, спасибо ему, догадался сегодня из своей каюты-ажур сделать посредством кошем каюту-темницу и учредил в ней чугунную печь, и я теперь буквально нахожусь в теплых объятиях друга.

Вот тебе и волжские комары, которых я так боялся.

8 сентября

Утро ясное, тихое, с морозцем. Левый берег Волги от самого Царева кургана заметно понижается, и сегодня рано я его увидел таким точно, как и до Самары: ровный, плоский, однообразный. Правый берег по-прежнему угрюмо возвышен и покрыт мелким лесом. Если бы и можно было рисовать, то совершенно рисовать нечего, кроме разве огромной расшивы, стоящей на якоре посредине Волги, как на зеркале.

Я рассчитывал, что казенные смотровые сапоги послужат мне, по крайней мере, до Москвы, а они и до Симбирска [1] не дотянули, изменили, проклятые, то бишь казенные. Иван Никифорович Явленский заметил этот ущерб в моем весьма нещегольском костюме и предложил мне свои сапоги из числа запасных, за что я ему сердечно благодарен. Сапоги его пришлись мне по ноге, и я теперь щеголяю почти в новых сапогах, вдобавок на высоких каблуках, что мне не совсем нравится, но дареному коню в зубы не смотрят.

9 сентября

Симбирск-от видишь,
А неделю йдешь.
Бурлацкая поговорка

С восходом солнца далеко, на пологой возвышенности, упирающейся в Волгу, показался Симбирск, т. е. несколько белых пятнышек неопределенной формы. Матрос вахтен-

ный, указывая мне на беленькие пятнышки, проговорил бурлацкую поговорку, которую я тут же и записал. От Сенгилея до Симбирска 50 верст, и это пространство мы прошли не в продолжение недели, но в продолжение битых десяти часов. «Князь Пожарский» сегодня как-то особенно медленно двигался вперед. А может быть, мне это так показалось, потому что Симбирск не сходил с горизонта, в котором мне хотелось побывать засветло, взглянуть на монумент Карамзина [1]. Симбирск же, вместо того чтобы приблизиться ко мне, он — увы! — совершенно скрылся за непроницаемой завесой, сотканной из дождя и снега. Мерзость эта усиливалась, вечер быстро близился, и я терял надежду видеть на месте, видеть музу истории, которую я видел только в глине в мастерской незабвенного Ставассера. Чего я боялся, то и случилось. Едва к пяти часам «Князь» положил свой якорь у какой-то досчатой пристани, прочая декорация была закрыта дождем с снегом. Несмотря на все это, я решился выйти на берег. Черноземная, моя родная грязь по колена, и ни одного извозчика. Промочивши в луже и грязи ноги, я возвратился, нельзя сказать — благополучно, на пароход.

Другой раз я проезжаю мимо Симбирска, и другой раз не удается видеть мне монумент придворного историографа. Первый раз в 1847 меня провез фельдъегерь мимо Симбирска. Тогда было не до монумента Карамзина. Тогда я едва успел пообедать в какой-то харчевне, или, вернее сказать, в кабаке. Во мне была (как я после узнал) экстренная надобность в Оренбурге, и потому-то фельдъегерь неудобозабываемого Тормоза не дремал. Он меня из Питера на осьмые сутки поставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошадь на всем пространстве. Теперь же, в 1857 году, вместо экстренности, ночь и с такими отвратительными вариациями, что глупо бы и думать о монументе Карамзина.

По случаю двадцатиоднолетней супружеской жизни Катерины Никифоровны Козаченко за завтраком побороли мы двух великанов, под именем пироги, с разными удивительными внутренностями, и по этому-то необыкновенному случаю обедали поздно, ровно в 7 часов, и ровно в 7 часов положил рядом с «Князем» якорь пароход «Сусанин». Капитан «Сусанина» Яков Осипович Возницын был приглашен самим хозяином к обеду. По случаю неудачи видеть Симбирск и монумент Карамзина у меня родился и

быстро вырос великолепный проект: за обедом напиться пьяным. Но, увы, этот великолепный проект удался только вполовину.

После обеда зашли мы в капитанскую светелку (так называют волжские плаватели (матросы) напалубную капитанскую каюту) и принялися за чай. Между прочими интересными разговорами за чаем Возницын сказал, что он после закрытия волжской навигации едет в свое поместье (Тверской губернии) по случаю освобождения крепостных крестьян. Он хотя и либерал, но, как сам помещик, проговорил эту великолепную новость весьма не с удовольствием. Заметя сие филантропическое чувство в помещике Тверской губернии, я почел лишним завести разговор с помещиком о столь щекотливом для него предмете. И не разделив восторга, пробужденного этой великой новостью, я закутался в свой чапан и заснул сном праведника.

В 6 часов приходил к капитану нашему некий герр Ренненкампф, агент компании фирмы «Меркурий». Пошлая, лакейско-немецкая физиономия, и ничего больше! А между прочим, эта придворно-лакейская физиономия принадлежит статскому советнику и председателю какой-то палаты, чуть ли не казенной!

10 сентября

Вчерашний мой великолепный, вполовину удавшийся проект сегодня,— и то уже, слава богу, только вечером,— удался, и удался с мельчайшими подробностями, с головной болью и прочим тому подобным.

11 сентября [1]

Так как от глумления пьянственного у Тараса колеблется десница и просяй шуйцу — но и оная в твердости своей поколебася (тож от глумления того ж пагубного пьянства), вследствие чего из сострадания и любви к немощному приемлю труд описать день, исчезающий из памяти ослабевающей, дабы оный был некиим предречением таковых же будущих и столпом якобы мудрости (пропадающим во мраке для человечества — не быв изречено литерами), мудрости, говорю, прошедшего; историк вещает одну истину, и вот она сицевая:

Борясь со страстьми обуревающими — и по совету великого наставника — «не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, блажен убо» — и совлекая ветхого человека — Тарас имк, вооружася духом смирения, и удаливыйся во мрак думы своея — ретива-бо есть

за человечество — во един вечер,— был причастен уже крещению духом по смыслу св. писания «окрестивыйся водою и духом — спасен будет», вкусив по первому крещению водою (в зловонии же и смердении непотребного человечества — водкою сугубо прозываемое) — был оный Тарас зело подходящ по духу св. еванг.— пропитан бе зело; не остановился на полупути спасения, глаголивый «Елицы во христа крестистися — во христа облекостеся». Не возмогивый — по тлению и немощи телесне — достичи сего крайнего предела идеже ангелы уподобляются. — Тарас зашел таки далеко уподобясь — тому богоприятному состоянию — коим не все сыны божии награждаются — иже на языце — порока и лжи тлетворной — м у х о ю зовется. И бе свиреп в сем положении — не давая сомкнуть мне зеницы в ночи — часа одного — и вещая неподобные изреки — греховному миру сему — изрыгая ему проклятия — выступая с постели своей бос и в едином рубище — яко Моисей преображенный, иже бе писан рукою Брюно, выступающим с облак к повергшемуся во прах израильтянину, жертвоприносящему тельцу злату. В той веси был человек некий— сего излияния убояхуся — шубкой закрыся — и тут же яко мельчайшийся инфузорий легким сном забывся.— Тут следует пробел — ибо Тарас имел свидетелем своего величия и торжества немудрого некоего мужа — мала, неразумна и на языке того же злоречия к о ч е г а р о м зовомого, кой бе тих и тупомыслен на дифирамбы невозмутимого Тараса.— В. Кишкин.

P. S. Далее не жди тож от Тараса, о! бедное, им любимое человечество! никакого толку, и большого величия, и мудрого слова, ибо опохмелившийся, яко некий аристократ (по писанию крестивыйся водкою); опохмеление не малое и деликатности не последней водка вишневая счетом пять (а он говорит 4, нехай так буде), при оной цыбуль и соленых огурцов велие множество.

12 сентября

Погода отвратительная. «Князь Пожарский» и «Сусанин» положили на ночь якорь в Спасском затоне. Это зимняя стоянка пароходов Меркуриевской компании. Здесь устроены мастерские, квартиры для капитанов, помещение для мастеровых, школа и кабак. Местность прекрасная, окруженная молодыми дубовыми рощами, и, несмотря на холодную погоду, в рощах сохранилась свежая зелень и некоторые цветы, из которых я набрал маленький букет и, как истинный Терсис Посошков, преподнес его милейшей баронессе Медем, одной из пассажирок «Князя Пожарского» и жене одного из капитанов Меркуриевской компании. Милая, привлекательная женщина.

Утро ясное с морозом до пяти градусов. К двенадцати часам дня погода по-вчерашнему изменилась в перемежа-

ющий дождь с снегом. «Князь Пожарский» благополучно перешел Красновидовский перекат (мели) и в одиннадцать часов вечера положил якорь в десяти верстах от Казани [1].

13 сентября

Казань городок — Москвы уголок.

Эту поговорку слышал я в первый раз в 1847 году на почтовой станции в Симбирской губернии, когда препровождался я на фельдъегере в Оренбург. Какой-то упитанный симбирский степняк, описывая моему препроводителю великолепие города Казани, замкнул свое описание этою ловкою поговоркою. Сегодня поутру увидел я издали Казань, и давно слышанная поговорка сама собою вспомнилась и невольно проговорилась. Едва пароход успел положить якорь, как я выскочил на берег, поместился за четвертак в татарской тележке и пустился в город. Как издали, так и вблизи, так и внутри Казань чрезвычайно живо напоминает собою уголок Москвы: начиная с церквей, колоколен до саек и калачей,— везде, на каждом шагу, видишь влияние белокаменной Москвы. Даже башня Сумбеки, несомненный памятник времен татарских, показалась мне единоутробною сестрою Сухаревой башни. Большая улица (конечно, Московская), ведущая в кремль, смахивает на Невский проспект своею чопорностью и торцовой мостовою. Улица эта начинается великолепным зданием университета, украшенного грандиозными тремя ионическими портиками. Жаль, что этому прекрасному зданию недостает площади. Оно бы много выиграло, и монумент певца Екатерины [1] не красовался бы на дворе в миниатюрном палисаднике, меланхолически созерцаемый рудою коровою.

Полюбовавшись вместе с рудою коровою статуею сплетателя торжественных од и иной гнусной лести, я, проходя через двор, встретил студента с порядочно синим подбородком, по чему и заключил, что он не новичок в здешней аудитории. На этом основании я обратился к нему с вопросом, не помнит ли он Посяду и Андрузского [2], переведенных в 1847 году из Киевского университета в Казанский. Он сказал, что не помнит, и советовал мне обратиться к старому сторожу Игнатьеву. Я вежливо поблагодарил его за наставление, но, не находя нужным применить к делу это милое наставление, я вышел на улицу. Выйдя

на улицу, я услышал глухой шум барабана и увидел густую толпу народа, провожавшего на казнь преступника. Чтобы не встретить эту гнусную процессию, я своротил в переулок, и в числе бегущих смотреть эту процессию я увидел молодую девушку с шарманкою за плечами и ободранного мальчика с тамбурином в руках. Мне сделалось не грустно, а как-то особенно скверно, и я опять взял за четвертак татарскую тележку и возвратился на пароход.

Возвращаясь на пароход, я увидел в правой стороне от дороги памятник, воздвигнутый над костями убитых при взятии Казани царем Иваном Лютым. Это усеченная пирамида с портиками, поставленная будто бы на том самом месте, где стоял шатер царя Лютого. Печальный памятник.

14 сентября

По случаю принятия нового груза пароход наш простоял до 11 часов утра у казанского берега. Пользуясь этим редким случаем и хотя пасмурною, но не мокрою погодою, я вышел на берег, и сделал два абриса: общий вид Казани и вид на Волгу против Казани и села Услон. Возвращаясь на пароход, купил я у смазливой перекупки соленого отваренного ляща. И, придя на пароход, задал себе настоящий плебейский пир. Кроме ляща и новопетровской ветчины, заключил я свой пир головкой чесноку с черным хлебом и провонял не только капитанскую светелку,— всего «Князя Пожарского». Сопутники мои бегали от меня, как черт от ладану. Одна только милая хозяйка и добрейшая ее мамаша Катерина Никифоровна Козаченко нашли, что чеснок хотя и воняет, но не так несносно, чтобы при встрече со мною необходимо было закрывать нос, и еще более, чтобы доказать им, господам, не любящим чесноку, что чеснок вещь не только не противная, но даже приятная, обещалися заказать обед с чесноком и обкормить хулителей. Милейшая Катерина Никифоровна.

Против города Свияжска прошли благополучно Васильевский перекат (мель) и встретили пароход «Адашев» Меркуриевской же компании. Он буксирует две баржи с дровами и одну из них посадил на мель. «Князь Пожарский» попытался было стащить ее с мели, но безуспешно и, пройдя

несколько верст вперед, положил якорь на ночь, из опасения сесть на Вязовском перекате. Выше устья Камы Волга заметно сделалась уже и мельче.

15 сентября

Проспал я ровно до девяти часов утра. Надо думать, что это случилось со мною под глухой шум «Князя Пожарского», потому что со мною этого прежде не случалося, ни даже под нетрезвую руку. Это на диво долгое спание заключилось отвратительным сновидением. Будто бы Дубельт [1] с своими помощниками (Попов и Дестрем) [2] в своем уютном кабинете перед пылающим камином меня тщетно навращал на путь истинный, грозил пыткой и в заключение плюнул и назвал меня извергом рода человеческого. Едва успел он произнести этот милый эпитет, как явился в полном мундире капитан Косарев и сделал мне почти палочный выговор за то, что я опоздал на учение. Тем и кончилось это позорное сновидение. Меня разбудил гром падающего якоря, т. е. цепи, перед Ураковским перекатом.

Пользуясь сей непродолжительной стоянкой и продолжительным тихим переходом через сей Ураковский перекат, я нарисовал белым и черным карандашом, довольно удачно, портрет Михайла Петровича Комаровского, будущего капитана будущего парохода А. Сапожникова, за то, что он подарил мне свои бархатные теплые сапоги.

В 10 часов вечера «Князь Пожарский» положил якорь перед Гремячевским перекатом.

За ужином Нина Александровна наивно рассказывала содержание «Дон-Жуана» Байрона [3], который она прочитала на днях в французском переводе. И еще милее и наивнее просила своего мужа учить ее английскому языку.

16 сентября

СОБАЧИЙ ПИР

(Из Барбье)

Когда взошла заря и страшный день багровый,
Народный день настал;
Когда гудел набат и крупный дождь свинцовый
По улицам хлестал;

Когда Париж взревел, когда народ воспрянул
И малый стал велик;
Когда, в ответ на гул старинных пушек, грянул
Свободы звучный клик!
Конечно, не было там видно ловко сшитых
Мундиров наших дней;
Там действовал напор лохмотьями прикрытых
Запачканных людей,
Чернь грязною рукой там ружья заряжала,
И закопченным ртом
В пороховом дыму там сволочь восклицала:
«Е[...]м[...], умрем!»

А эти баловни в натянутых перчатках,
С батистовым бельем,
Женоподобные, в корсетах на подкладках,
Там были ль под ружьем?
Нет! Их там не было, когда, все низвергая
И сквозь картечь стремясь,
Та чернь великая и сволочь та святая
К бессмертию неслась!
А те господчики, боясь громов и блеску
И слыша грозный рев,
Дрожали где-нибудь вдали за занавеской,
На корточки присев!

Их не было в виду, их не было в помине
При общей свалке там.
Затем, что, видите ль, свобода не графиня,
И не из модных дам,
Которая, нося на истощенном лике
Румян карминных слой,
Готова в обморок при первом падать крике,
Под первою пальбой.
Свобода — женщина с упругой, мощной грудью,
С загаром на щеке.

17 сентября

Вчера мне ничто не удалось. Поутру начал рисовать портрет Е. А. Панченка, домашнего медика А. Сапожникова. Не успел сделать контуры, как позвали завтракать. После завтрака пошел я в капитанскую светелку с твердым

намерением продолжать начатый портрет, как начал открываться из-за горы город Чебоксары. Ничтожный, но картинный городок. Если не больше, то, по крайней мере, наполовину будет в нем домов и церквей. И все старинно-московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для п р а в о с л а в и я. Главный узел московской старой внутренней политики — православие. Неудобозабываемый Тормоз по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул. Он теперь на одном волоске держится.

Когда скрылися от нас живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портрет. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его кончить, и кончил, разумеется, скверно.

От этой первой неудачи я с досады лег спать и проспал прекрасный вид села Ильинского. Ввечеру, когда «Князь Пожарский» положил на ночь якорь и все успокоилось, я, чтобы хоть чем-нибудь вознаградить две неудачи, принялся переписывать «Собачий пир», как вошел в светелку А. Сапожников с Кишкиным и Панченко, и ни с сего ни с того составился у нас литературный вечер. Капитан наш вытащил из-под спуда «Полярную звезду» [1] 1824 года и прекрасно прочитал нам отрывки из поэмы «Наливайко», а Сапожников — отрывки из поэмы «Войнаровский» [2]. Потом Александр Александрович пригласил нас ужинать. И как это случилось в 12 часов, то за ужином оказалась именинница, а именно, бабушка Любовь Григорьевна Явленская. Поздравили, и не один, и не два, а три раза поздравили. Потом начали отсутствующих именинниц поздравлять, и я таки порядком напоздравлялся.

Несмотря на последнее вчерашнее событие, я сегодня проснулся рано и, как ни в чем не бывало, принялся за свой журнал и, пока братия еще в объятиях Морфея, буду продолжать «Собачий пир» до новой перепойки.

С зажженным фитилем, приложенным к орудью,
В дымящейся руке!
Свобода — женщина с широким гордым шагом,
Со взором огневым
Под гордо вьющимся по ветру красным флагом,
Под дымом боевым;
И голос у нее не женственный сопрано,
Но жерл чугунный ряд,

Ни медь (звон) колоколов, ни палка барабана
Его не заглушат!
Свобода — женщина, но в сладострастье щедром,
Избранникам своим верна,
Могучих лишь одних к своим приемлет недрам
Могучая жена.
Ей нравится плебей, окрепнувший в проклятьях,
А не гнилая знать.
И в свежей кровию дымящихся объятьях
Ей любо трепетать.

Когда-то ярая, как бешеная дева,
Явилась вдруг она,
Готовая дать плод от девственного чрева,
Грядущая жена.
И гордо вдаль она, при кликах исступленья,
Свой совершая ход,
И целые пять лет горячкой вожделенья
Сжигала свой народ!
А после кинулась вдруг к палкам, к барабану.
И маркитанткой в стан
К двадцатилетнему явилась капитану:
«Здорово, капитан!»
Да,— это все она! Она с отрадной речью
Являлась нам в стенах,
Избитых ядрами, испятнанных картечью,—
С улыбкой на устах;
Она! Огонь в глазах, в ланитах жизни краска,
Дыханье горячо,
Лохмотья, нищета, трехцветная повязка
Чрез голое плечо!
Она! В трехдневный срок французов жребий вынут!
Она! Венец долой!
Измята армия, трон скомкан, опрокинут
Кремнем из мостовой!

И что же? О позор! Париж, столь благородный
В кипенье гневных сил,
Париж, где некогда великий вихрь народный
Власть львиную сломил,—
Париж, который весь гробницами уставлен
Величий всех времен!

Париж, где камень стен пальбою продырявлен,
Как рубище знамен!
Париж — отъявленный сын хартий, прокламаций,
От головы до ног
Обвитый лаврами, апостол в деле наций,
Народов полубог!
Париж, что некогда, как светлый купол храма
Всемирного, блистал,
Стал ныне скопищем нечистоты и срама,
Помойной ямой стал.
Вертепом подлых душ, мест ищущих в лакеи
Паркетных шаркунов,
Просящих нищенски для рабской их ливреи
Мишурных галунов;
Бродяг, которые рвут Францию на части
И сквозь плевки, толчки,
Визжа, зубами рвут издохшей тронной власти
Кровавые клочки!

Так вепрь израненный, сраженный смертным боем,
Чуть дышит в злой тоске
Покрытый язвами, палимый солнца зноем,
Простертый на песке;
Кровавые глаза померкли; обессилен
Могучий зверь. Поник,
Отверстый зев его шипучей пеной взмылен
И высунут язык...
Вдруг рог охотничий пустынного простора
Всю площадь огласил.
И спущенных собак неистовая свора
Со всех рванулась сил!
Завыли, жадные! Последний пес дворовый
Оскалил острый зуб
И с визгом кинулся на пир ему готовый,
На неподвижный труп!
Борзые, гончие, лягавые, бульдоги;
«Пойдем! — и все пошли: —
Нет вепря-короля! Возвеселитесь, боги!
Собаки короли!
Пойдем! Свободны мы! Нас не удержат сетью,
Веревкой не скрутят!
Суровый сторож нас не приударит плетью,
Не крикнет: «Пес, назад!»

За те щелчки, толчки хоть мертвому отплатим!
Коль не в кровавый сок
Запустим морду мы, так падали ухватим
Хоть нищенский кусок!
Пойдем!» И начали из всей собачьей злости
Трудиться что есть сил;
Тот пес щетины клок, а тот кровавой кости
Обгрызок ухватил,
И рад бежать домой, вертя хвостом мохнатым,
Чадолюбивый пес,
Ревнивой суке в дар и в корм своим щенятам
Хоть что-нибудь принес.
И, бросив из своей окровавленной пасти
Добычу, говорит:
«Вот, ешьте! Эта кость — урывок царской власти!
Пируйте! Вепрь убит».

Бенедиктов

18 сентября

Вчера праздновали именины милейшей бабушки Любовь Григорьевны Явленской. Сегодня празднуем день рождения ее милейшего внучка А. А. Сапожникова. А пока еще не грозит завтрак, то я по-вчерашнему воспользуюсь безмятежным утром и перепишу еще одно стихотворение из заветной портфели нашего обязательнейшего капитана.

РУССКОМУ НАРОДУ[1]

1854 года

«Меня поставил бог над русскою землею,—
Сказал нам русский царь.—
Во имя божие склонитесь предо мною,
Мой трон — его алтарь!
Для русских не нужны заботы гражданина,
Я думаю за вас!
Усните. Сторожит глаз царский властелина
Россию всякий час.
Мой ум вас сторожит от чуждых нападений,
От внутреннего зла,
Пусть наша жизнь течет вдали забот в смиренье
Спокойна и светла!

Советы не нужны помазаннику бога:
Мне бог дает совет.
Гордитесь, русские, быть царскими рабами.
Закон ваш — мысль моя!
Отечество вам — флаг над гордыми дворцами,
Россия — это я».
Мы долго верили, в грязи восточной лени
И мелкой суеты,
Покорно целовал ряд русских поколений
Прах царственной пяты.
Бездействие ума над нами тяготело.
За грудами бумаг,
За перепискою мы забывали дело
В присутственных местах.
В защиту воровства, в защиту нераденья
Мы ставили закон;
Под буквою скрывались преступленья,
Но пункт был соблюден;
Своим директорам, министрам мы служили,
Россию позабыв,
Пред ними ползали, чинов у них просили,
Крестов наперерыв.
И стало воровство нам делом обыденным,
Кто мог схватить, тот брал,
И тот меж нами был всех более почтенный,
Кто более украл.
Развод определял познанье генерала —
Глуп он или умен,
Церемониальный марш и выправка решала,
Чего достоин он.
Бригадный командир был лучший губернатор,
Отличный инженер, правдивейший сенатор,
Честнейший человек;
Начальник, низшие права не признавая,
Был деспот, полубог;
Бессмысленный сатрап был царский бич для края,
Губил, вредил, где мог;
Стал конюх цензором, шут царский — адмиралом,
Клейнмихель [2] графом стал!
Россия отдана в аренду обиралам...
Что ж русский? Русский спал...
Кряхтя, нес мужичок, как прежде, господину
Прадедовский оброк,—

Кряхтя, помещик нес вторую половину
Имения в залог,
Кряхтя, по-прежнему дань русские платили
Подьячьим и властям,
Качали головой, шептались, говорили,
Что это стыд и срам,
Что правды нет в суде, что тратят миллионы —
России кровь и пот —
На путешествия, киоски, павильоны [3],
Что плохо все идет.
Потом за сералаш садились по полтине,
Косясь по сторонам;
Рашели [4] хлопали, бранили Фреццолини [5],
Лорнировали дам
И низко кланялись продажному вельможе
Отечества сыны!
Иль удалялись в глушь прадедовских имений
В бездействии жиреть,
Мечтать о пироге, беседовать о сене,
Животным умереть.
А если кто-нибудь, средь общей летаргии
Мечтою увлечен,
Их призывал на брань за правду и Россию,—
Как был, бедняк, смешон!
Как ловко над его безумьем издевался
Чиновный фарисей;
Как быстро от него, бледнея, отрекался
Вчерашний круг друзей!
И под анафемой общественного мненья,
Средь смрада рудников
Он узнавал, что грех прервать оцепененья
Тяжелый сон рабов.
И он был позабыт; порой лишь о безумце
Шептали здесь и там:
«Быть может, он и прав... да, жалко вольнодумца,
Но что за дело нам?»

Спасибо Ивану Никифоровичу Явленскому за то, что он отказался от завтрака и помог мне кончить превосходную прелюдию к превосходнейшему стихотворению, которое я, если бог поможет, перепишу завтра.

19 сентября

Не хвалися, идучи на рать,
А хвалися, идучи с рати.

Вчера вечером путешественники и путешественницы сыграли по последней пульке преферанса в кают-компании

«Князя Пожарского», рассчитались и расплатились до денежки за все пульки, сыгранные в продолжение рейса, т. е. от 22 августа. Покончивши эту статью, сели за ужин, приготовленный из последней провизии. Поужинали, разумеется, в последний раз в кают-компании. Выпили последний херес, мадеру и, кажется, шампанское, составили проект завтрашнего обеда в Нижнем Новеграде и разошлися спать. Хорошо. С рассветом «Князь Пожарский» поднял якорь, свистнул, фыркнул и весело захлопал своими огромными колесами. Хорошо. Берега быстро меняют свои контуры. Пролетаем мы мимо красивого по местоположению села Зименки помещика Дадьянова и замечательного по следующему происшествию. Прошедшего лета, когда поспело жито и пшеница, мужичков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благополучном ветре. Жаль, что яровое не поспело, а то и его бы за один раз покончили бы. Отрадное происшествие. Так вот, летим мы во весь дух мимо этого замечательного села. Как вдруг левое колесо перестало вертеться и из «Князя Пожарского»-дельфина сделалась черепаха.

— Что случилось? — раздался общий голос.

— Шатун лопнул! — раздался в ответ одинокий голос машиниста.

Я смекнул, что прежде вечера мы не будем в Нижнем Новгороде, т. е. прежде вечера не будем обедать; смекнувши делом, я пошел в капитанскую светелку, выпил добрую чару лимоновки, закусил остатком новопетровской ветчины, взял какую-то газету, лег да и заснул себе с богом. Просыпаюсь, а наш «Князь Пожарский» стоит себе, тоже с богом, на Телячьем броде. Собачий брод кое-как переполз, а Телячий невмоготу стало. Что делать? Паузиться, т. е. перегружаться. Пауза эта длится до сих пор, т. е. до первого часу ночи. А путешественницы и путешественники пробавляются натощак в ералаш в ожидании нижегородского обеда.

20 сентября

Пауза продолжалась за полночь. С рассветом «Князь Пожарский» поднял якорь и, как подстреленный орел, захлопал одним колесом своим. Взошло солнце и осветило

очаровательные окрестности Нижнего Новаграда. Я хотел было хоть что-нибудь начертить, но, увы, дрожание палубы при одном колесе еще ощутительнее, а серые сырые тучки не замедлили закрыть животворящее светило и задернуть прозрачным серым туманом живую декорацию. Декорация от тумана сделалась еще очаровательнее, но рисовать ее решительно невозможно; тучки небесные, вечные странницы, пустили из себя такую мерзость, что я укрылся в капитанскую светелку и принялся за свои чувалы (торбы).

В одиннадцать часов утра «Князь Пожарский» положил якорь против Нижнего Новаграда. Тучки разошлися, и солнышко приветливо осветило город и его прекрасные окрестности. Я вышел на берег и без помощи извозчика, мимо красавицы 17 столетия, церкви св. Георгия, поднялся на гору. Зашел в гимназию к Бобржицкому [1], бывшему студенту Киевского университета; не нашел его дома, я пошел в кремль. Новый собор — отвратительное здание. Это огромная квадратная ступа с пятью короткими толкачами. Неужели это дело рук Константина Тона? Невероятно. Скорее это произведение самого неудобозабываемого Тормоза. Далее. Приношение благодарного потомства гражданину Минину и кн. Пожарскому [2]. Копеечное, позорящее неблагодарное потомство приношение! Утешительно, что этот грошовый обелиск уже переломился.

Из кремля зашел я опять к Бобржицкому и опять не застал его дома. Из гимназии пошел я искать в Покровской улице дом Сверчкова, квартиру А. А. Сапожникова. Нашел. И только что успел поздравить с временным новосельем хозяйку, хозяина и вообще сопутниц и сопутников, как является Николай Александрович Брылкин (главный управляющий компании пароходства «Меркурий») и по секрету от других объявляет сначала хозяину, а потом мне, что он имеет особенное предписание полицеймейстера дать знать ему о моем прибытии в город. Я хотя и тертый калач, но такая неожиданность меня сконфузила. Позавтракавши кое-как, я отправился на пароход, поблагодарил моего доброго друга капитана за его обязательности, взял свой паспорт и передал его вместе с вещами Н. А. Брылкину. Успокоившись немного, я в третий раз пошел к Бобржицкому и на сей раз нашел его дома с широко распростертыми объятиями. В 8 часов вечера я отправился к Н. А. Брылкину, провел у него часа два времени в дру-

жеской беседе, взял у него для прочтения «Голоса из России» [3], лондонское издание, и отправился к Павлу Абрамовичу Овсянникову [4], на мою временную квартиру.

21 сентября

Добрые мои новые друзья, Н. А. Брылкин и П. А. Овсянников, посоветовали мне прикинуться больным, во избежание путешествия, пожалуй по этапам, в Оренбург, за получением указа об отставке. Я рассудил, что не грех подлость отвратить лицемерием, и притворился больным. До первого часу лежал, читал «Голоса из России» и дожидал медика и полицеймейстера. А в первом часу махнул рукою и отправился к Сапожниковым. После обеда проводил моих добрых, милых спутников и спутниц до почтовой конторы и простился с ними. Они в почтовых каретах отправились в Москву. Когда увижусь я с вами, прекраснейшие люди? Просил Комаровского и Явленского целовать в Москве моего старого друга М. С. Щепкина, а Сапожникова просил в Петербурге целовать мою святую заступницу графиню Н. И. Толстую. Вот тебе и Москва! Вот тебе и Петербург! И театр, и Академия, и Эрмитаж, и сладкие дружеские объятия земляков, друзей моих Лазаревского и Гулака-Артемовского! Проклятие вам, корпусные и прочие командиры, мои мучители безнаказанные! Гнусно! Бесчеловечно! Отвратительно гнусно!

В 7 часов вечера зашел я к Н. А. Брылкину, встретил у него Овсянникова и Кишкина и дружеской откровенной беседой заглушил вопли так внезапно, так гнусно, подло уязвленного сердца. Если бы не эти добрые люди, мне бы пришлось теперь сидеть за решеткой и дожидать указа об отставке или просто броситься в объятия красавицы Волги. Последнее, кажется, было бы легче.

22 сентября

Сегодня, как и вчера, погода дрянь, слякоть и мерзость. На улицу выйти нет возможности. Из-за стены кремля показывает собор свои безобразные толкачи с реповидными верхушками, и ничего больше не видно из моей квартиры. Скучно. Медика и полицеймейстера по-вчерашнему дожидал и, не дождавшись, пошел к Н. А. Брылкину обедать.

После обеда, как и до обеда, лежал и читал «Богдана Хмельницкого» Костомарова [1]. Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениального бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулась вперед в продолжение последнего десятилетия. Она осветила подробности, закопченные дымом фимиама, усердно кадимого перед порфирородными идолами.

23 сентября

Погода постоянно скверная. Я постоянно лежу и читаю «Зиновия Богдана». Прекрасная, современная книга! От нечего делать нарисовал сегодня портрет В. В. Кишкина удовлетворительно. Обедал по обыкновению у Н. А. Брылкина и по обыкновению после обеда читал и спал.

24 сентября

Н. А. Брылкин сэдил в Балахну с мистером Стремом, американским инженером, посмотреть на строящийся там пароход и баржи для компании «Меркурий». От нечего делать и я напросился им сопутствовать. Щегольской, новенький пароход «Лоцман» в полдень поднял якорь и понес нас вверх по Волге. С разными остановками в 5 часов вечера мы наконец остановились у Балахны. Едва успел вскарабкаться на кучу бревен и взглянуть на эту родительницу бесчисленных живописных расшив, как инспектация кончилась, и я пошел к «Лоцману».

Из рассказов я узнал, что Балахна одна из главных верфей на берегах Волги, то же, что на Оке Дедново, где строился голландскими мастерами первый русский корабль «Орел». В десятом часу возвратились в Нижний, пообедали или поужинали и разошлися спать.

25 сентября

Утро было хотя и неясное,— по крайней мере, без ветру и дождя. Воспользовавшись сиею бесцветною погодой, я с крылечка моей квартиры начертил верхушку церкви св. Георгия. Хоть что-нибудь да делал.

26 сентября

Опять дождь, опять слякоть. Настоящее безвыходное положение. Старинные нижегородские церкви меня просто очаровали. Они так милы, так гармонически пестры, и отвратительная погода не дает мне рисовать их. Я, однако ж, сегодня перехитрил упрямую погоду. Рано поутру пошел в трактир, спросил себе чаю и нарисовал из окна Благовещенский собор. Древнейшая в Нижнем церковь. Нужно будет узнать время ее построения. Но от кого? К пьяным косматым жрецам не хочется мне обращаться, а больше не к кому. Нижний Новгород во многих отношениях интересный город и не имеет печатного указателя. Дико! По-татарски дико!

27 сентября

Проходя мимо церкви святого Георгия и видя, что двери церкви растворены, я вошел в притвор и в ужасе остановился. Меня поразило какое-то безобразное чудовище, нарисованное на трехаршинной круглой доске. Сначала я подумал, что это индийский Ману или Вишну заблудил в христианское капище полакомиться ладаном и деревянным маслицем. Я хотел войти в самую церковь, как двери растворились и вышла пышно, франтовски разодетая барыня, уже не совсем свежая, и, обратясь к нарисованному чудовищу, три раза набожно и кокетливо перекрестилась и вышла. Лицемерка! Идолопоклонница! И наверное б[...]. И она ли одна? Миллионы подобных ей бессмысленных, извращенных идолопоклонниц. Где же христианки? Где христиане? Где бесплотная идея добра и чистоты? Скорее в кабаке, нежели в этих обезображенных животных капищах. У меня не хватило духу перекреститься и войти в церковь; из притвора я вышел на улицу, и глазам моим представилась по темному фону широкого луга блестящая, грациозно извивающаяся красавица Волга. Я вздохнул свободно, невольно перекрестился и пошел домой.

28 сентября

Нарисовал портрет мамзель Анхен Шауббе. Гувернантка Брылкиных, очень милая молодая немочка, резвая, наивная, настоящий мальчик в юбке.

Прочитал комедию Островского «Доходное место» [1]. Не понравилось. Много лишнего, ничего не говорящего. И вообще аляповато, особенно женщины ненатуральны. В скором времени ее будут давать на здешней сцене. Нужно будет посмотреть.

Перед вечером требовала меня зачем-то полиция, но я не пошел.

29 сентября

Солнце сегодня взошло светло, весело. Я пошел в кремль и начал рисовать соборную колокольню, но руки так озябли, окоченели, что я едва мог сделать общий абрис. Пользуясь улыбкою осеннего дня, я после завтрака отправился к Печерскому монастырю с намерением нарисовать эту живописную обитель. Выбрал точку. Прилег отдохнуть. И, лелеемый теплыми лучами солнца, задремал, и так плотно задремал, что проснулся уже перед закатом солнца. Возвращаясь на квартиру мимо Георгиевского публичного сада, я зашел в сад, встретил много гуляющей публики обоих полов и всех возрастов. Между женщинами, как на подбор, ни одной не только красавицы или хорошенькой, даже сносной не встретил. Уроды и, как кажется, большей частию старые девы! Бедные старые девы!

30 сентября

В ожидании незваного гостя, г. полицеймейстера, я предложил сеанс моему доброму хозяину Павлу Абрамовичу Овсянникову. Портрет был окончен к двум часам довольно удачно, а г. Лапа [1] (так прозывается) к нам не жаловал. Погода прекрасная. Я вышел на бульвар. Между прочей публикой встретил я на бульваре детей — три девочки и мальчик. Прехорошенькие и резвые дети. Костюм их показался и странным, и жалким. На девочках были какие-то коротенькие легонькие дырявые мантильки дворянско-немецкого покроя. Ручонки нагие, и почти босиком. На мальчике — поярковая серая шляпа с пером, мантилька такая же, как и на девочках, а башмаки еще хуже. Вообще показались мне они похожими на труппу младенцев-комедиантов. Я дошел с ними до кондитерской, купил им сладких пирожков на полтину и познакомился. Зовут их:

Катя (самая бойкая), Надя и Дуня, а мальчика Саней; дети они некоего Арбеньева, театрального музыканта. Значит, я немногим ошибся. На расставанье они просили меня к себе в гости, и я, разумеется, обещал прийти.

Расставшись с детьми, вспомнил я Алексея Панфилыча Панова, крепостного Паганини на «Князе Пожарском». Он зимует в Нижнем и квартирует где-то против архиерейского дома. С Георгиевской набережной пошел я к архиерейскому дому с целию найти квартиру и навестить моего возлюбленного виртуоза. Квартиры виртуоза я, однако ж, не нашел, а мимоходом зашел в архиерейский сад. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревянным забором, посередине которой красуется, вроде казармы, огромное трехэтажное здание (архиерейская келья). Невдалеке от здания, между деревьями, беседка с колоколами, и в другой стороне, также между деревьями, четыре улья, отделаны наподобие надгробных памятников. Везде пусто и уныло, физическая гниль и нравственный застой на всем отражается. Скверно. Придя на квартиру, я на сон грядущий прочитал «Рассказ маркера» [2] графа Толстого. Поддельная простота этого рассказа слишком очевидна.

1 октября

Грязь, туман, слякоть и прочая атмосферическая гадость, вследствие чего я предложил сеанс г. Грасу, зятю Н. А. Брылкина. Сеанс на половине был прерван приходом г. Лапы и г. Гартвига [1]. Первый — бравый и любезный гвардейский полковник и полицеймейстер. Второй — не бравый, но не менее любезный полицейский медик. Оба поляки или литвины, и оба не говорят по-польски. Гартвиг, спасибо ему, без малейшей формальности нашел меня больным какой-то продолжительной болезнью, а обязательный г. Лапа засвидетельствовал действительность этой мнимой болезни, и после взаимных нецеремоний мы расстались. Вследствие этого обязательного визита я представляю себе мое возвращение в Оренбург сомнительным.

С сегодняшнего дня начинаются здесь спектакли, и после обеда Н. А. Брылкин пригласил меня в свою ложу. Давали народную сентиментально-патриотическую драму Потехина [2] «Суд людской — не божий». Драма — дрянь с подробностями. Г. Мочалова [3], независимо от своей бедной,

натянутой роли, мне понравилась. У нее есть движения настоящей артистки. Г. Климовский [4], как и роль его, приторен. Водевиль — «Коломенский нахлебник» [5]. Водевиль балаганный и исполнен был соответственно своему назначению. Маленький оркестр в антрактах играл несколько номеров из «Дон-Жуана» Моцарта [6] прекрасно, может быть, потому что это очаровательное создание трудно сыграть не прекрасно. Зала театра небольшая, но отделана просто и со вкусом. Публика, в особенности женская, замечательно неблестящая и немногочисленна.

2 октября

Утро ясное, тихое, с морозом. Нужно было вчера начатый портрет г. Граса сегодня кончать, и я принялся за работу с тем, чтобы скорее кончить и идти к Печерскому монастырю с целию нарисовать его. Но, увы, монастырь этот мне не дается. Кончивши портрет, я нечаянно, но нелицемерно позавтракал, прилег на минутку вздохнуть и проспал ровно до двух часов. Непростительное свинство! Едва успел я проснуться, как вошел Н. А. Брылкин и предложил мне идти с ним на бульвар погулять перед обедом. На бульваре встретили мы некоего господина Якоби [1]. Н. А. отрекомендовал меня сему господину Якоби. Он просил нас к себе обедать, и мы не отказались. Г. Якоби — один из нижегородских аристократов, весьма любезный и довольно едкий либерал и вдобавок любитель живописи. Он показал мне свой альбом, ничем особенно не замечательный, и картину, плохо освещенную, картину с большими достоинствами, изображающую молящегося какого-то молодого святого; выражение лица прекрасно. По уверению хозяина, эта драгоценность принадлежит кисти Гверчино [2], а по-моему она больше похожа на хорошую копию с Доменикино Цампиери [3]. Но я хозяину не сказал моего мнения, по опыту зная, как трудно противуречить знатокам живописи. На расставанье он взял с нас слово быть завтра вечером в клубе при выборе старшин, где обещал меня познакомить со своими товарищами и угостить музыкой. Я не прочь и от музыки, и от знакомства, в особенности от знакомства. Мне необходима денежная работа, а иначе я должен буду обратиться опять за святыми финансами к моему искреннему М. Лазаревскому. Попробую, не удастся ли устранить эту необходимость.

3 октября

Русские люди, в том числе и нижегородцы, многим одолжились от европейцев и, между прочим, словом «клуб». Но это слово совершенно не к лицу русскому человеку. Им бы лучше было одолжиться подобным словом,— а оно, верно, существует в китайском языке,— одолжиться бы у китайцев и японцев, если они отринули свое родное слово посиделки, удивительно верно изображающее русские дворянские сборища. У европейцев клуб имеет важное политическое значение, а у русских дворян это даже и не мирская сходка, а просто посиделки. Они собираются посидеть за ломберными столами, помолчать, поесть, выпить, и если случай поблагоприятствует, то и по сусалам друг друга смазать.

После выбора старшин любезнейший г. Якоби представил меня своим товарищам, в том числе генералу Веймарну [1] и г. Кудлаю (полицеймейстер № 2). Генерал Веймарн замечателен тем, что он не похож на русского генерала, а похож вообще на прекрасного простого человека, а г. Кудлай, кроме того, что не похож на полицеймейстера, как и товарищ его Лапа, замечателен тем, что он друг и дальний родственник моего незабвенного друга и товарища покойного Петра Степановича Петровского. Многое и многое разбудил он в моем сердце своим живым воспоминанием о прекрасных минувших днях. Мы с ним до того увлеклись минувшим, что не заметили, как настоящие посиделки кончились. В заключение усоветовали мы писать к брату покойного моего друга, к Павлу Степановичу Петровскому, чтобы он, отложа всякое попечение, навестил бы нас в Нижнем Новгороде. И, если можно, захватил бы с собою и моего искреннего Михайла Лазаревского.

4 октября[1]

Додвенацети чесов вел Себя хорошо Некончивше потрет адилаиди Алексеевне брилкиной попросил я униколая Александровича брылкина екапажа снамереньям зделать очайныя везита, пришлого дома выридилса спомощию павла обрамовича овсяникова как первой статейной франт начил свою визидацыю Г. веймора Г. веймар наперьвой раз показалса мне вдомашнем виду человеком окуратном нонечопорном. вели мы речей о том что унас пути соопщенели вроссии болие нежели гнусны например 1843 году в Чернигови набазари продавали муку 20 ко серб пуд. А вместечко гомели туже самую му продавали

1 срб пуд. поговоривши апутей сообщеньи, мы, слегка коснулиса, и военo сословья — однам словом совсем отвритительне что конечно неподлежит немалейшем сомненью заключившим нашева обоюднаго любезничиство таким мнением овоеном сословии я простилса Г. Генералом и поехал гдотору градвингу.

5 октября

Михайло — хороший слуга, но в секретари не годится — малограмотен. Я хотел по примеру Юлия Цезаря и работать, т. е. рисовать, и диктовать, но мне ни то, ни другое не удалось. За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Пословица очень справедлива. Не знаю, умел ли Юлий Цезарь рисовать? А диктовать, говорят, он мог разом письма о пяти совершенно разных предметах, чему я почти не верю. Но не о том речь, а речь о том, что у меня и сегодня еще колеблется десница от позавчерашнего глумления пьянственного, и я вчера только вид показывал, что я будто бы рисую, а где там, и фон не мог к о н о п а т и т ь. Так только, абы-то.

Остановились мы на том, как я приехал к доктору Гартвигу.

6 октября

Вчера только я успел обмакнуть перо в чернило, чтобы описать визит мой доктору Гартвигу и перейти к нецеремонному визиту г. Кудлаю, как дверь с шумом растворилась, и вошел в комнату сам Кудлай. Разумеется, я положил омоченное в чернило перо, встретил дорогого светского гостя в подштанниках, и после лобызаний ударились сначала в обыкновенный пустой разговор, а потом перешли к воспоминаниям о Питере, о покойном Петровском и о великом Брюллове. Воспоминания наши были прерваны приходом слуги от Н. А. Брылкина с предложением обеда. Я проводил моего гостя, оделся и отправился к Николаю Александровичу обедать. После обеда резвушка мамзель Анхен Шауббе предложила сопутствовать ей в театр. Я с удовольствием принял ее предложение и во второй раз слушал музыку Моцарта из «Дон-Жуана» и в первый раз видел драму Коцебу «Сын любви» [1], о существовании которой я знал по слуху. Драма моей резвой сопутнице очень понравилась, как произведение Коцебу, а мне, к ужасу

моей дамы, тоже понравилась, только не совсем. За что я и получил из улыбающихся уст восторженной немки название грубого варвара, не способного сочувствовать ничему прекрасному и моральному. Роль Амалии, дочери барона, исполняла артистка московского театра госпожа Васильева [2] натурально и благородно, а прочие, кроме г. Платонова (роль барона), лубочно. За драмою последовала «Путаница» [3]; по-здешнему хорошо, а по-моему — тоже лубочно. Спектакль кончился в первому часу, к удовольствию публики вообще и моей спутницы в особенности.

7 октября

Мороз закалил наконец непроходимую грязь, это хорошо. Нехорошо только то, что если он установится, то лишит меня возможности нарисовать здешние старинные церкви, которые мне так понравились. Вследствие уже не слякоти, а преждевременного гостя — мороза — я сидел дома. Написал Михайлу Лазаревскому о притче, случившейся со мною в Нижнем Новгороде, и просил прислать мне сколько-нибудь денег, потому что я на публику здешнюю плохо надеюся.

8 октября

Пользуясь хорошею погодою, я позавтракал сыто и пошел гулять. Обогнувши два раза кремль и полюбовавшись окрестными видами и коническими старинными колокольнями, как лисица виноградом, зашел к моему поставщику чтения, к милейшему Константину Антоновичу Шрейдерсу [1], бывшему студенту Киевского университета и в некотором роде земляку моему. Встретил у него некоего барона Торнау, полковника генерального штаба, человека либерала, прекрасно и неутомимо говорящего. Во время последней войны он был при русском посольстве в Вене военным агентом. Следовательно, ему есть о чем говорить. Жалею, что разговор его длился не более получаса, он здесь проездом и, кроме того, торопился на обед к губернатору.

Барон Торнау, между прочим, рекомендовал мне на всякий случай своего близкого приятеля, известного

путешественника Петра Егоровича Ковалевского [2], в настоящее время начальника азиатского департамента, по уверению барона, человека царем любимого, а следовательно, и многомогущего.

9 октября

Сегодня поутру любезнейший Н. А. Брылкин принес мне давно жданное «Краткое историческое описание Нижнего Новагорода», составленное некоим Н. Хрящовским [1]. Но так как сегодня погода довольно сносная, то я, оставя сию интересную книгу до вечера, отправился к Печерскому монастырю. Кое-как набросав вид монастыря, я с окоченелыми руками прибежал домой. Позавтракал, поотогрелся и принялся за книгу. Книга хорошая и достаточно знакомит с историею края и города. Жаль, что г. Хрящовский об архитектурных памятниках и вообще о памятниках старины говорит слишком экономно. Но и за то спасибо. Печерский монастырь, что я сегодня рисовал, построенный при царе Федоре Ивановиче в 1597 году вместо разрушившегося древнего монастыря, основанного архимандритом Дионисием.

10 октября

Сегодня погода не поблагоприятствовала моему доброму намерению рисовать Архангельский собор в кремле, и я предложил сеанс Н. А. Брылкину и нарисовал его портрет.

11 октября

А сегодня с горем пополам отправился поутру рисовать Архангельский собор, озяб до слез, и ничего бы не сделал, если бы не попался мне на глаза генерал Веймарн, командир учебного карабинерного полка и, разумеется, главный хозяин в казармах, под которыми я расположился рисовать. Я рассказал ему о своем горе, и он обязательно позволил мне поместиться у любого окна в казармах, чем я и воспользовался с благодарностию. Поработавши, отправился я обедать к Н. К. Якоби. Вместо десерта, он угостил меня брошюрой Искандера лондонского второго издания «Кре-

щеная собственность»[1]. Сердечное, задушевное человеческое слово! Да осенит тебя свет истины и сила истинного бога, апостол наш, наш одинокий изгнанник!

12 октября

Окончил вчера начатый рисунок Архангельского собора. Оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся здание в Нижнем Новегороде. Собор этот построен во время великого князя нижегородского Юрия Всеволодовича в 1227 году.

13 октября

Рисовал карандашами портрет Анны Николаевны Поповой, слывущей здесь красавицей первой стати. Действительно, она красивая и еще молодая женщина, но, увы, маненько простовата. Может быть, и к лучшему. Первый портрет рисую за деньги, за 25 рублей. Посмотрим, что дальше будет. Не худо б, если б этаких тароватых красавиц было погуще в Нижнем. Хоть бы на портного заработал.

После сеанса отправился обедать к Н. К. Якоби, а после обеда отправился в театр. Спектакль был хоть куда. Васильева, в особенности Пиунова[1] была естественна и грациозна. Легкая, игривая роль ей к лицу и по летам. Увертюра из «Вильгельма Телля»[2] была исполнена прекрасно. Словом, спектакль был блестящий.

Каковы-то теперь спектакли в Питере, на Большом театре? Хоть бы одним глазом взглянуть, одним ухом послушать.

14 октября

К величайшему удовольствию красавицы и ее благоверного сожителя и, в особенности, к своему собственному удовольствию, сегодня я портрет окончил, отдал и весело вечер провел с моим милым капитаном В. В. Кишкиным. На днях он едет в Петербург. Когда же я поеду в Петербург? Отвратительное положение. Немногим лучше, чем в Новопетровском укреплении.

15 октября

При ветре и морозе нарисовал вид двух безыменных башен, часть кремлевской стены и вид на Заочье. В целом вышел порядочный рисунок. Я тороплюсь сделать побольше эскизов на случай, если придется мне здесь зазимовать, так чтобы была хоть какая-нибудь работа. Обедал у Н. К. Якоби. Первую часть вечера провел у Брылкиных, а вторую с Овсянниковым в клубе за «Пчелой» [1] и бутылкой эля. В клубе познакомился с некоим г. Варенцовым [2]. Это инспектор института благородного при здешней гимназии и товарищ по университету Н. И. Костомарова. От него я узнал, что Костомаров еще не возвратился из-за границы в Саратов и что Кулиш издал второй том «Записок о Южной Руси».

16 октября

От нечего делать зашел я сегодня к Варенцову. Заговорили, разумеется, о Костомарове, и он сообщил мне (по известиям, полученным им из Москвы), что будто бы в Москве между молодежью ходит письмо Костомарова, адресованное на имя государя. Письмо исполненное всякой истины и вообще пространнее и разумнее письма Герцена, адресованного тому же лицу. Письмо Костомарова якобы написано из Лондона. Если это правда, то наверное можно сказать, что Николай Иванович сопричтен к собору наших заграничных апостолов. Благослови его, господи, на сем великом поприще!

От Варенцова зашел я к новому знакомому, некоему Петру Петровичу Голиховскому, милому, любезному человеку. Он здесь мимоездом из Питера в Екатеринбург. Он отрекомендовал меня своей эффектной красавице жене. Она — мужественная брюнетка, родом молдаванка, и такой страстно-чувственно-электризующей красоты, какой я не встречал еще на своем веку. Удивительная огненная женщина. П. П. Голиховский, между прочим, сообщил мне, что в Париже образовался русский журнал под названием «Посредник», редактор Сазонов [1]. Главная цель журнала — быть посредником между лондонскими периодическими изданиями Искандера и русским правительством и еще — обнаруживать подлости «Пчелы», «Le Nord» [2] и вообще правительственные гадости. Прекрасное наме-

рение. Жаль, что это не в Брюсселе или не в Женеве. В Париже как раз коронованный Картуш [3] по-дружески прихлопнет это новорожденное дитя святой истины.

От красавицы Голиховской зашел я к красавице Поповой и остался у нее обедать. Но эта красавица не молдаванке чета: она показалась мне сладкою, мягкою, роскошною, но далеко не такою полною жизни красавицей, как бурная, огненная молдаванка.

После обеда у Поповых зашел я к Н. К. Якоби и познакомился у него с некоим симбирским барином Киндяковым, родственником Тимашева, теперешнего начальника штаба корпуса жандармов. Так как Киндяков едет в Петербург, то я и просил его узнать от своего родственника, долго ли еще продлится мое изгнание и могу ли я когда-нибудь надеяться на совершенную свободу?

У Якоби же встретился я и благоговейно познакомился с возвращающимся из Сибири декабристом, с Иваном Александровичем Анненковым [4]. Седой, величественный, кроткий изгнанник в речах своих не обнаруживает и тени ожесточения против своих жестоких судей, даже добродушно подтрунивает над фаворитами коронованного фельдфебеля — Чернышевым и Левашевым [5], председателями тогдашнего верховного суда. Благоговею перед тобою, один из первозванных наших апостолов!

Говорили о возвратившемся из изгнания Николае Тургеневе [6], о его книге, говорили о многом и о многих и в первом часу ночи разошлись, сказавши до свидания.

17 октября

Сегодня получил письмо от М. Лазаревского и два письма от милого моего, неизменного Залесского. Лазаревский пишет, что он виделся с графиней Настасией Ивановной и что они усоветовали, в случае воспрещения мне въезда в столицу, просить письмом графа Федора Петровича, чтобы он исходатайствовал мне это разрешение через президента нашего Марию Николаевну [1] для Академии художеств, классы которой я буду с любовью посещать, как было во время оно. Добрые, благородные мои заступники и советники.

Залесский, кроме обыкновенного своего сердечно-искреннего прелюдия, пишет, что рисунки мои получил все сполна,

что некоторые из них уже пристроил в добрые руки и деньги 150 рублей переслал на имя Лазаревского. Неутомимый друг! Знакомит он меня еще с какой-то своей землячкой-литвинкой, недавно возвратившейся из Италии с огромным грузом изящных произведений. Для меня и за глаза подобные явления очаровательны, и я сердечно благодарю моего друга за это письменное знакомство.

Что значит, что Кухаренко мне не пишет? Неужели он не получил моего поличия и мою «Москалеву криницю»? Это было бы ужасно досадно.

Упившись чтением этих дружеских милых посланий, вечером, вместе с Овсянниковым, отправились мы к огненной молдаванке. Страшная, невиданная женщина! Намагнетизировавшись хорошенько, мы пожелали ей счастливой дороги до нелюбимого ею Екатеринбурга и расстались, быть может, навсегда. Чудная женщина! Неужели кровь древних сабинянок так всемогуще, бесконечно жива? Выходит, что так.

18 октября

Написал и отослал письма моим милым друзьям М. Лазаревскому и Б. Залесскому.

19 октября

В клубе великолепный обед с музыкою и повальная гомерическая попойка...

20 октября

Ночь и следующие сутки провел в очаровательном семействе madame Гильде.

22 октября

Вздумалось мне просмотреть рукопись моего «Матроса» [1]. На удивление безграмотная рукопись, а писал ее не кто иной, как прапорщик Оренбургского отдельного корпуса, баталиона № 1, г. Нагаев, лучший из воспитанников Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Что же посредственные и худшие воспитанники, если лучший из

них безграмотный и вдобавок пьяница? Проклятие вам, человекоубийцы — кадетские корпуса!

23 октября

При свете великолепного пожара вечером, часу в 9, встретился я с А. К. Шрейдерсом. Он сообщил мне, что обо мне получена форменная бумага на имя здешнего военного губернатора от командира Оренбургского Отдельного корпуса. Для прочтения сей бумаги зашли мы в губернаторскую канцелярию, к правителю канцелярии, милейшему из людей, Андрею Кирилловичу Кадинскому. Бумага гласит о том, что мне воспрещается въезд в обе столицы и что я обретаюсь под секретным надзором полиции. Хороша свобода! Собака на привязи. Это значит, не стоит благодарности, ваше величество.

Что же я теперь буду делать без моей Академии? Без моей возлюбленной акватинты, о которой я так сладко и так долго мечтал? Что я буду делать? Обратиться опять к моей святой заступнице графине Настасье Ивановне Толстой? Совестно. Подожду до завтра. Посоветуюсь с моими искренними друзьями, с П. А. Овсянниковым и с Н. А. Брылкиным. Они люди добрые, сердечные и разумные. Они научат меня, что мне предпринять в этом безвыходном положении.

24 октября

Сегодня мы усоветовали так. На неопределенное время остаться мне здесь, по случаю мнимой болезни, а тем временем писать графу Ф. П. Толстому и просить его ходатайства о дозволении мне жительства в Петербурге хотя на два года. В продолжение двух лет я с помощию божиею успею сделать первоначальные опыты в моей возлюбленной акватинте.

25 октября

Продолжаю по складам прочитывать и поправлять «Матроса» и ругать безграмотного переписчика, пьяницу прапорщика Нагаева. Прочитывая по складам мое творение,

естественно, что я не могу следить за складом речи. Убедился только в одном, что название этого рассказа необходимо переменить. Пока не придумаю моему «Матросу» другого, более приличного имени, назову его так: «Прогулка с пользою и не без морали».

26 октября

Заходил к Варенцову и взял у него для прочтения два номера, 2 и 3, «Русской беседы» [1]. В эпилоге к «Черной раде» П. А. Кулиш, говоря о Гоголе, Квитке и о мне грешном, указывает на меня, как на великого, самобытного поэта. Не из дружбы ли это?

Во 2 номере «Русской беседы» я с наслаждением прочитал трехкуплетное стихотворение Ф. Тютчева [2].

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что скользит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

27 октября

Несколько дней сряду хорошая, ясная погода, и я сегодня не утерпел, пошел на улицу рисовать. Нарисовал церковь пророка Илии с частью кремля на втором плане. Церковь пророка Илии построена в 1506 году в память огненного стреляния, спасшего Нижний от татар и ногаев.

28 октября

Сегодня погода тоже почти позволила мне выйти рисовать на улицу. Нарисовал я кое-как церковь Николая за Почайной, построенную в 1372 году. Вероятно, тоже в ознаменование какого-нибудь кровопролития. По дороге зашел я к моему любезному доктору Гартвигу, застал его дома, позавтракал, выпил отличнейшей вишневки собственного приготовления и в старом изорванном нижегородском адрес-календаре прочитал, что в Княгининском уезде Нижегородской губернии в селе Вельдеманове, от крестьянина Мины и жены его Марьяны в 1605 году, в мае месяце, родился знаменитый патриарх Никон [1].

29 октября

Ходил к Трубецкому, весьма милому князю-человеку, и не застал его дома. Обедал у Н. К. Якоби, а после обеда в театре слушал между прочим увертюру из «Роберта» Мейербера в антрактах какой-то кровавой драмы. Возможно ли двадцатиинструментным, вдобавок нетрезвым, оркестром исполнять какую бы то ни было увертюру? А тем более увертюру «Роберта» Мейербера? Прости им, не видят-бо, что творят. К концу кровавой драмы половина ламп в зале погасла, и тем кончился великолепный спектакль.

30 октября

Пользуясь погодой, я совершил прогулку вокруг города с удовольствием и не без пользы. В заключение прогулки нарисовал Благовещенский монастырь. Старое, искаженное новыми пристройками здание. Главная церковь, колокольня не совсем уцелели от варварского возобновления. Остались только две башни над трапезой неприкосновенными. И какие они красавицы! Точно две юные, прекрасные, чистые отроковицы грациозно подняли свои головки к подателю добра и красоты и как бы благодарят его, что он заступил их от руки новейшего архитектора. Прекрасное, ненаглядное создание!

Благовещенский монастырь основан в XIV столетии св. Алексеем митрополитом. К этому времени принадлежат

и прекрасные башни. Соборная церковь монастыря построена в 1649 году. Местоположение монастыря очаровательное.

31 октября

Сегодня только наконец дочитал своего «Матроса». Он показался мне слишком растянутым. Может быть, оттого, что я по складам его читал. Прочитаю еще раз в новом экземпляре, и если окажется сносным, то пошлю его к М. С. Щепкину, пускай где хочет, там его и приютит.

Вечером И. П. Грас познакомил меня с Марьей Александровной Дороховой. Директриса здешнего института. Возвышенная, симпатическая женщина! Несмотря на свою аристократическую гнилую породу, в ней так много сохранилось простого, независимого человеческого чувства, и наружной силы, и достоинства, что я невольно сравнил с изображением Свободы Барбье (в «Собачьем пире»). Она еще мне живо напомнила своей отрывистой прямой речью, жестами и вообще наружностию моего незабвенного друга, княжну Варвару Николаевну Репнину [1]. О, если бы побольше подобных женщин-матерей, лакейско-боярское сословие у нас бы скоро перевелось.

1 ноября

Рисовал портрет М. А. Дороховой и после удачного сеанса по дороге зашел к Шрейдерсу, встретил у него милейшего М. И. Попова и любезнейшего П. В. Лапу. Выпил с хорошими людьми рюмку водки, остался обедать с хорошими людьми и с хорошими людьми за обедом чуть-чуть не нализался, как Селифан. Шрейдерс оставлял меня у себя отдохнуть после обеда, но я отказался и пошел к madame Гильде, где и положил якорь на ночь.

2 ноября

Возвращаясь домой с благополучного ночлега, зашел я проститься к Варенцову. Он сегодня едет в Петербург. У меня было намерение послать с ним в Москву своего «Матроса», но переписчик мой тоже с добрыми людьми загулял, и рукопись остановилась. Досадно. Придется подождать Овсянникова. Когда я сбуду с рук этого несносного «Матроса»?

Придя домой, от нечего делать раскрыл генварскую книжку «Отечественных записок» [1], и какая прелесть случайно попалася мне на глаза. Это стихотворение без названия З. Тур.

Во время сумерек, когда поля и лес
Стоят, окутаны полупрозрачной дымкой,
С воздушных ступеней темнеющих небес
Спускается на землю невидимкой
Богиня стройная с задумчивым лицом.
Для ней нет имени. Она пугливей грезы;
Печальный взор горит приветливым огнем,
А на щеках заметны слезы.
С корзиною цветов, с улыбкой на губах,
Она украдкою по улицам проходит,
И озирается на шумных площадях,
И около дворцов пугливо бродит.
Но увидав под крышею окно,
Где одинокая свеча горит мерцая,
Где юноша, себя и всех забыв давно,
Сидит, в мечтах стих жаркий повторяя,
Она порхнет туда и, просияв, войдет
В жилище бедное, как мать к родному сыну,
И сядет близ него, и счастье разольет,
И высыплет над ним цветов корзину.

3 ноября

Сегодня воскресенье, и я, как порядочный человек, причепурився и вышел из дому с намерением навестить моих добрых знакомых. Зашел я к первому мистеру Гранду, англичанину от волоска до ноготка. У него, у англичанина, я в первый раз увидел сочинения Гоголя, изданные моим другом П. Кулишом. Друг мой немного подгулял. Издание вышло немного мужиковато, особенно портрет автора до того плох, что я удивляюсь, как знаменитый Иордан [1] позволил подписать под ним свое прославленное имя.

У него же, у Гранда, и в первый же раз увидел я «Полярную звезду» [2] Искандера за 1856 год, второй том. Обертка, т. е. портреты первых наших апостолов-мучеников, меня так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления.

Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью «Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне медали — портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью «Не первый русский коронованный палач».

4 ноября

Кончил сегодня портреты М. А. Дороховой и ее воспитанницы Нины, побочной дочери Пущина [1], одного из декабристов. Удивительно милое и резвое создание. Но мне как-то грустно делается, когда я смотрю на побочных детей. Я никому, и тем более заступнику свободы, не извиняю этой безнравственной независимости, так туго связывающей этих бедных побочных детей. Простительно какому-нибудь забубенному гусару, потому что он только гусар, но никак не человек. Или какому-нибудь помещику-собачнику, потому что он собачник, и только. Но декабристу, понесшему свой крест в пустынную Сибирь во имя человеческой свободы, подобная независимость непростительна. Если он не мог стать выше обыкновенного человека, то не должен и унижать себя перед обыкновенным человеком.

5 ноября

Сегодня окончательно проводил Варенцова в Петербург и сегодня же через него получил письмо от Костомарова из Саратова. Ученый чудак пишет, что напрасно прождал меня две недели в Петербурге и не хотел сделать ста верст кругу, чтобы посетить меня в Нижнем. А сколько бы радости привез своим внезапным появлением. Ничего не пишет мне о своих глазах и вообще о своем здоровье.

6 ноября

Написал письмо Костомарову и моим астраханским землякам-друзьям. Хотя погода и не совсем благоприятствовала, но я все-таки отправился на улицу. С некоторого

времени мне, чего прежде не бывало, нравится уличная жизнь, хотя нижегородская публика ни даже в воскресный ясный день не показывается на улице, и Большая Покровка, здешний Невский проспект, постоянно изображает собою однообразный длинный карантин. А я все-таки люблю побродить час-другой вдоль этого пустынного карантина. Откуда же эта нелепая любовь к улице? После десятилетнего поста я разом бросился на книги, объелся и теперь страдаю несварением в желудке. Другой причины я не знаю этому томительному нравственному бездействию. Рисовать ничего порядочного не могу, не придумаю, да и помещение мое не позволяет. Рисовал бы портреты,— за деньги не с кого, а даром работать совестно. Нужно что-нибудь придумать для разнообразия. А что — не знаю.

Погрузившись в это мудрое размышление или сочинение, я нечаянно наткнулся на дом Якоби. Зашел, пообедал и после обеда отправился в гостиную на чай к старушкам, т. е. madame Якоби и ее неумолимо говорливой сестрице. В числе разных, по ее мнению, чрезвычайно интересных приключений ее быстроминувшей юности она рассказала мне о Лабзине [1], о том самом конференс-секретаре Академии художеств, который предложил Илью Байкова, царского кучера, выбрать в почетные члены Академии, потому что он ближе Аракчеева [2] к государю. За эту остроту Аракчеев сослал его в Симбирск, где он и умер на руках моей почтенной собеседницы. Мне приятно было слышать, что этот замечательный мистик-масон до самой могилы сохранил независимость мысли и христианское незлобие.

После Лабзина речь перешла на И. А. Анненкова, и я из рассказа моих собеседниц узнал, что происшествие, так трогательно рассказанное Герценом в своих воспоминаниях про Ивашева, случилося с супругою И. А. Анненкова, бывшей некогда гувернанткой, мадмуазель Поль [3].

Она жива еще и теперь. Меня обещали старушки познакомить с этою достойнейшею женщиною. Не знаю, скоро ли я удостоюсь счастия взглянуть на эту беспримерную, святую героиню.

Дюма, кажется, написал сентиментальный роман на эту богатырскую тему.

По поводу портрета М. А. Дороховой и ее воспитанницы Ниночки, которые я на днях рисовал, старушки

сообщили мне, что мать Ниночки простая якутка и теперь еще жива в Ялуторовске, а что отец ее, г. Пущин, служит где-то на видном месте в Москве и что он женился на богатой вдове, некоей madame Коцебу [4], собственно для того, чтобы достойно и прилично воспитать свою Ниночку. Отвратительный отец.

7 ноября

На днях как-то проходил я через кремль и видел большую толпу мужиков с открытыми головами перед губернаторским дворцом. Явление это показалось мне чем-то необыкновенным, и до сегодняшнего дня я не мог узнать его содержания, а сегодня Овсянников рассказал мне, в чем было дело.

Крестьяне помещика Демидова, того самого мерзавца Демидова, которого я знал в Гатчине кирасирским юнкером в 1837 году и который тогда не заплатил мне деньги за портрет своей невесты, теперь он, промотавшийся до снаги, живет в своей деревне и грабит крестьян. Кроткие мужички, вместо того чтобы просто повесить своего грабителя, пришли к губернатору просить управы, а губернатор, не будучи дурак, велел их посечь за то, чтобы они искали управы по начальству, т. е. начинали с станового.

Интересно знать, что дальше будет.

8 ноября

Рисовал сегодня до обеда портреты м. и м. Якоби, а вечером пошел к Веймарну; у него сегодня полковой праздник и, следовательно, пирушка. Войдя в первую комнату, я совершенно растерялся, меня поразила толпа военных людей. Я этих почтенных господ давно уже, слава богу, не встречаю. В особенности один между ними так живо напомнил мне своею толстою телячьею рожею капитана Косарева, что я чуть-чуть не вытянул руки по швам и не возгласил: «Здравия желаю, ваше благородие!» Из этого отвратительного состояния вывел меня сам гостеприимный хозяин, пригласив меня в гостиную; между прочими гостями в гостиной встретил я И. А. Анненкова, и в продолжение вечера я не расставался с ним.

9 ноября

Окончил портреты Якоби.

10 ноября

Получил от Кулиша книги: «Записки о Южной Руси», два тома, и «Чорну раду». Какой милый оригинал должен быть этот г. Жемчужников[1]. Как бы я счастлив был увидеть человека, который так искренно, нелицемерно полюбил мой милый родной язык и мою прекрасную бедную родину.

11 ноября

Сегодня у меня день великий, торжественный, радостный день. Сегодня получил я письмо от моей святой заступницы графини Н. И. Толстой дружеское, родственное письмо. За что она меня удостоивает этого неизреченного счастья? И чем я воздам ей за этот нечаянный светлый, сердечный праздник? Слезы радости и чистая молитва — твоя единая награда, моя благородная, моя святая заступница.

Она советует мне написать графу Федору Петровичу письмо и просить его ходатайства о разрешении явиться мне в столице. Это была моя первая мысль, но мне совестно было беспокоить старика. А теперь решительно решаюсь. Еще просит она передать поклон В. И. Далю от ее самой и от какого-то г. Жадовского. С Далем я здесь не виделся, хотя с ним прежде и был знаком, и теперь придется очима лупать. И поделом.

12 ноября

Ответивши на письмо моей святой заступницы, причепурился я и отправился к В. И. Далю. Но почему-то, не знаю, прошел мимо его квартиры и зашел к адъютанту здешнего военного губернатора, к Владимиру Федоровичу князю Голицыну, весьма милому молодому человеку, раненному под Севастополем. Вслед за мной зашла к нему

сестра его, чернобривое, милое, задумчивое создание. О чем грустит, о чем задумывается эта едва развернувшаяся сантифолия?

От князя зашел я к его зятю Александру Петровичу Варенцову, пообедал, послушал машинной музыки и отправился в театр. Все было порядочно, кроме г-жи Васильевой. Она, бедняжка, думала очаровать зрителей своим фанданго [1] и совсем не надела панталон. Какое варварское понятие об искусстве. Г-н Климовский в роли Филиппа IV был прекрасен, одет изящно и верно портрету этого испанского государя. А вообще драма «Мать-испанка» [2] — так себе, дюжинная драма.

13 ноября

Сегодня написал, а завтра отошлю просительное письмо графу Ф. П. Толстому. Прошу его просить кого следует о дозволении мне жить в Петербурге и посещать классы Академии. Письмо, кажется, мне удалось. Овсянников говорит, что при нужде я мог бы занять видное место между кропателями просьб. Посмотрим, пожнем ли желаемые плоды от сего хитрого сочинения.

Сегодня же написал письмо М. С. Щепкину. Прошу свидания с ним где-нибудь на хуторе в окрестностях Москвы. Как бы я рад был увидеть этого славного артиста-ветерана.

14 ноября

Начал портрет М. Варенцовой. Плотная, кавалергардмадам. Ничего женственного, ни даже самого обыкновенного кокетства.

15 ноября

Получил письмо от моего милого Бронислава, жалуется, что его отец захворал, и рекомендует мне какую-то свою приятельницу Елену Скирмонд, любительницу изящных искусств, мечтательницу и вообще женщину эксцентрическую. Это тоже нехорошо. Но все же лучше, нежели моя

новая знакомая М. Варенцова, правда, она тоже женщина эксцентрическая. Только она сосредоточилась не на поэзии, не на изящных искусствах, а на конюшне и на псарне. А может быть, и это своего рода поэзия.

16 ноября

Кончил портрет своей отчаянной амазонки и начал ее милое чадо. Мальчик лет пяти, избалованный, будущий собачник, камер-юнкер и вообще человек дрянь.

17 ноября

Сделал визитацию В. И. Далю, и хорошо сделал, что я наконец решился на эту визитацию. Он принял меня весьма радушно, расспрашивал о своих оренбургских знакомых, которых я не видел с 1850 года, и в заключение просил заходить к нему запросто, как к старому приятелю. Не премину воспользоваться таким милым предложением, тем более, что мои нижегородские знакомые начали понемногу пошлеть.

18 ноября

После неудачного, вялого сеанса у М. Варенцовой зашел я по соседству к ее больному брату, князю Голицыну и застал у него его меньшую милую, задумчивую сестру. Впечатление неудачного сеанса как ветром свеяло. Полюбовавшись на это кроткое создание, я во весь день был счастлив. Какое животворно-чудное влияние красоты на душу человека.

19 ноября

К общему великому удовольствию сегодня наконец я окончил портрет гусароподобной М. Варенцовой и ее будущего собачника-сына. Она чрезвычайно довольна портретом, потому что он похож на какую-то кокетливую нимфу в амазонке с хлыстом, а я еще больше доволен, что наконец развязался с этою неуклюжею Бобелиною [1].

26 ноября

Я хотел было совсем оставить свой монотонный журнал, но сегодня совершилось со мною то, чего прежде никогда не совершалось. Шрейдерс, Кадинский и Фрейлих просили меня нарисовать их портреты и предложили деньги вперед. Я никогда не брал денег вперед за работу, а сегодня взял, и, добре помогорычовавши, отправился я в очаровательное семейство м. Гильды и там переночевал. И там украли у меня деньги — 125 рублей. И поделом, вперед не бери незаработанных денег. Поутру прихожу домой, другое горе: ночью проехал Федор Лазаревский [1]. Был у Даля, посылал искать меня по всему городу и, разумеется, меня не нашли. И теперь его карточка лежит у меня на столе, как страшный упрек на совести.

27 ноября

Волей-неволей сегодня я должен был обедать у Даля и сочинять необыкновенное происшествие, случившееся со мною прошедшей ночью. Но вместо фигурной лжи, я сказал ложь лаконическую: я сказал, что ездил в Балахну с Брылкиным, так, ради собственного удовольствия, и тем покончил дело.

28 ноября

Жаль мне стало незаработанных денег. В такой досаде отправился я к Кудлаю просить полицейского участия в моем горе. Кудлай сам нездоров, не может выйти из квартиры, но обещался мне завтра прислать одного из своих сподручников, какого-то отъявленного доку. Посмотрим, сотворит ли чудо вышереченный дока.

29 ноября

Сегодня поутру в ожидании полицейского доки написал я М. Лазаревскому письмо и насчет роковой ночи повторил ему ту же самую ложь, что и В. И. Далю. Одна ложь ведет за собою другую, это в порядке вещей.

Часу в первом явился ко мне дока, я рассказал ему, в чем дело, и посулил за труды 25 рублей. Но, увы, при всем его старании результата никакого. Что с воза упало, то пропало. Следовательно, об этом скверном анекдоте и думать больше нечего. Я так и сделал. Пошел к Шрейдерсу обедать, с досады чуть опять не нализался. После обеда зашел к той же коварной мадам Гильде (какое христианское незлобие!), отдохнул немного в ее очаровательном семействе и в семь часов вечера пошел к князю Голицыну. У Голицына встретил я львов здешней сцены — актеров Климовского и Владимирова. Болтуны и, может быть, славные малые.

Князь прочитал нам свое «Впечатление после боя». Неважное впечатление. После «Впечатления» зашла речь о переводах Курочкина из Беранже. И я прочитал им наизусть не перевод, а собственное произведение. А чтобы не забыть это прекрасное создание поэта, то я вношу его в мой журнал.

Как в наши лучшие года,
Мы пролетаем без участья
Помимо истинного счастья!
Мы молоды, душа горда...
Как в нас заносчивости много!
Пред нами светлая дорога.
Проходят лучшие года.

Проходят лучшие года,
Мы все идем дорогой ложной
Вслед за мечтою невозможной,
Идем, неведомо куда.
Но вот овраг,— вот мы споткнулись...
Кругом стемнело... оглянулись —
Нигде ни звука, ни следа.

Нигде ни звука, ни следа,
Ни светлых дней, ни сожаленья,
На сердце тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нет силы, подкосились ноги.
Погасла дальняя звезда.

Погасла дальняя звезда!
Пора, пора душой смириться —
Над жизнью нечего глумиться,
Отведав горького плода;
Или с бессильем старой девы
Твердить упорно: где вы, где вы?
Вотще минувшие года!

Вотще минувшие года
Не лучше ль справить честной тризной!
Не оскверним же укоризной
Господний мир — и никогда
С бессильной злобой оскорбленных
Не осмеем четы влюбленных,
Влюбленных в лучшие года.

В. Курочкин

30 ноября

Сегодня начал портреты в группе своих щедрых приятелей. Не знаю, будет ли толк из этой затеи: приятели неаккуратны в сеансах, обстоятельство важное при работе. Посмотрю, что дальше будет, и если сеансы затянутся, то нарисую отдельно каждого карандашом и тем покончу мой счет с приятелями. Чего бы мне больно не хотелось, и тем более, что предполагаемый рисунок сепиею очень удачно сгруппировался. И мне бы хотелось достойно заплатить им свой долг.

1 декабря

Получил письмо от М. С. Щепкина, в котором он предлагает мне свидание в селе Никольском (имение его сына), или же, если я не имею лишних денег на эту поездку (125 рублей были у меня совершенно лишние), то он обещает сам приехать ко мне в Нижний. Как бы он возвеселил и меня и своих нижегородских поклонников! Напишу ему, пускай едет сюда и пускай на здешней бедной сцене тряхнет стариною. Теперь же, кстати, здесь дворянские выборы.

После сеанса у Шрейдерса и после обеда у Фрейлиха случайно попал я на полупьяный музыкальный вечер к путейскому офицеру Ультрамарку и услышал там виртуоза на фортепьяно, какого я и не подозревал услышать здесь в захолустье. Виртуоз этот некто господин Татаринов. Между прочим он сыграл несколько номеров из «Пророка» и из «Гугенотов» Мейербера и вознес меня на седьмое небо.

2 декабря

Сегодня сделал я визит вдохновенному моему виртуозу Татаринову и видел у него, чего я также не воображал увидеть в Нижнем. Я увидел у него настоящего, великолепнейшего Гюдена [1]. Такие две прекраснейшие нечаянности разом — наслаждение редкое и высокое. И какие же варвары нижегородцы: они знают Татаринова только как чиновника при компании, строящей железную дорогу. А о картине Гюдена и даже о самом Гюдене никто и не слыхивал, кроме старика Улыбашева [2], с которым я сегодня познакомился в театре. Это известный биограф и критик Бетговена [3] и самый неизменный посетитель здешнего театра.

3 декабря

Три дня сряду нечаянности и самые приятные нечаянности. Это великая редкость в здешней монотонной жизни. Сегодня посетил меня Густав Васильевич Кебер. Гость совершенно неожиданный. Он большой приятель Ф. Лазаревского, и тот, уезжая из Нижнего, поручил ему увидеться со мною, и добрейший Густав Васильевич сегодня исполнил поручение своего и моего друга. Если бы больше подобных нечаянностей, как бы прекрасно текли дни нашей жизни.

4 декабря

Написал письма Щепкину и Кулишу. Прошу их, друзей моих великих, отложить всякое житейское или служебное

попечение и приехать ко мне недели на две, а аще совесть не зазрит, то и больше. Как бы я счастлив был, если б сбылось мое желание. Авось-либо и сбудется.

8 декабря

В продолжение этих четырех дней писал поэму, названия которой еще не придумал. Кажется, я назову ее «Неофиты, или Первые христиане». Хорошо, если бы не обманул меня Щепкин, я ему посвящаю это произведение, и мне бы ужасно хотелось ему прочитать и услышать его верные дружеские замечания. Не знаю, когда я примусь за «Дервиша и Сатрапа», а поползновение большое чувствую к писанию.

9 декабря

В компании честных артистов — Климовского, Владимирова и Платонова — праздновал именины общей и в особенности театральной красавицы, по имени Анны Дмитриевны, а по прозванию не знаю, и праздновал без хитрости, т. е. с приличным случаю и месту продолжением,— яснее, в ущерб очаровательному семейству мадам Гильды.

10 декабря

Сегодня вечером Варенцов возвратился из Петербурга и привез мне от Кулиша письмо и только что отпечатанную его «Граматку». Как прекрасно, умно и благородно составлен этот совершенно новый букварь. Дай бог, чтобы он привился в нашем бедном народе. Это первый свободный луч света, могущий проникнуть в сдавленную попами невольничью голову.

Из Москвы Варенцов привез мне поклон от Щепкина, а от Бодянского [1] поклон и дорогой подарок — его книгу «О времени происхождения славянских письмен» с образчиками древнего славянского шрифта. Сердечно благодарен Осипу Максимовичу за его бесценный подарок. Эта книга удивительно как пополнила современную нашу историческую литературу.

Еще привез он для Н. К. Якоби свинцовым карандашом нарисованный портрет нашего изгнанника, апостола Искандера. Портрет должен быть похож, потому что не похож на рисунки в этом роде. Да если бы и не похож, то я все-таки скопирую для имени этого святого человека.

12 декабря

Сегодня видел я на сцене «Станционного смотрителя» [1] Пушкина. Я был всегда против переделок и эту переделку пошел смотреть от нечего делать. И что же: переделка оказалась самою мастерскою переделкою, а исполнение неподражаемо. В особенности сцены второго акта и последняя сцена третьего были так естественно-трагически исполнены, что хоть бы и самому гениальному артисту так впору. Исполать тебе, господин Владимиров. Исполать тебе и тетенька Трусова, ты так естественно-зло исполнила роль помещицы Лепешкиной, что сама Коробочка перед тобой побледнела. Вообще ансамбль драмы был превосходен, чего я никак не ожидал. И если бы не усатые отставные гусары-помещики пьяные шумели в ложе, то я вышел бы из театра совершенно доволен.

Кстати о помещиках. Их теперь нахлынуло в Нижний на выборы видимо и невидимо. И все без исключения с бородами и усами, в гусарских, уланских и других кавалерийских мундирах. Пехотинцев и флотских не заметно. Говорят между собою только по-французски. Пьянствуют и шумят в театре и, слышно, составляют оппозицию против освобождения крепостных крестьян. Настоящие французы!

13 декабря

Получил письма от Щепкина и от Лазаревского. Старый друзяка пишет, что он приедет ко мне колядовать на праздник. Добрый, искренний друг! Он намерен подарить несколько спектаклей нижегородской публике. Какой великолепный праздничный подарок!

Лазаревский между прочим пишет, что он получил на мое имя 175 рублей через Льва Жемчужникова, с оговоркой — не объявлять мне своего имени. Жертва тайная, великодушная! Чем же я заплачу вам, добрые, велико-

душные земляки мои, за эту искреннюю жертву? Свободной, искренней песней, песней благодарности и молитвы!

Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша», и если бог поможет окончить с успехом, то посвящу его честным, щедрым и благородным землякам моим. Мне хочется написать «Сатрапа» в форме эпопеи. Эта форма для меня совершенно новая. Не знаю, как я с нею слажу?

14 декабря

Вечером отправился к старику Улыбашеву с благою целью послушать музыку. Старик прихворнул и не принимал гостей. Возвращаясь домой, попалась мне на улице недавняя именинница и, не совершенно против желания, затащила меня в маскарад. Явление редкое и оригинальное в Нижнем. Это танцкласс Марцинкевича в Петербурге со всеми подробностями. Небольшая разница в костюмах. Там пьяные черкесы заключают спектакль, а здесь просто офицеры с помощью приезжих помещиков-французов. Одним словом, блестящий маскарад!

15 декабря

Через В. И. Даля получил письмо от Федора Лазаревского. Пишет он, что незабаром поедет опять куда-то через Нижний, и просит меня не ездить в Балахну. Не поеду. Цур ий!

16 декабря

Ввечеру отправился я к В. И. Далю засвидетельствовать ему глубокое почтение от Ф. Лазаревского. После поздорованья и передачи глубочайшего почтения, одна из дочерей его села за фортепьяно и принялась угощать меня малороссийскими песнями. Я, разумеется, был в восторге не от уродливых песен, а от ее наивной вежливости. Заметив, что она довольно смело владеет инструментом, я попросил ее сыграть что-нибудь из Шопена. Но так как моего любимца налицо не оказалось, то она заменила его увертюрою из «Гугенотов» Мейербера. И, к немалому

удивлению моему, исполнила это гениальное произведение лучше, нежели я ожидал. Скромная артистка удалилась во внутренние апартаменты, а мы с Владимиром Ивановичем, между разговором, коснулись как-то нечаянно псалмов Давида и вообще библии. Заметив, что я неравнодушен к библейской поэзии, Владимир Иванович спросил у меня, читал ли я Апокалипсис. Я сказал, что читал, но, увы, ничего не понял; он принялся объяснять смысл и поэзию этой боговдохновенной галиматьи и в заключение предложил мне прочитать собственный перевод откровения с толкованием и по прочтении просил сказать свое мнение. Последнее мне больно не по душе. Без этого условия можно бы, и не прочитав, поблагодарить его за одолжение, а теперь необходимо читать. Посмотрим, что это за зверь в переводе?

17 декабря

Получил письмо от П. Кулиша. Он отказывается от свидания со мною здесь не по недостатку времени и желания, но во избежание толков, которые могут замедлить мое возвращение в столицу. Я с ним почти согласен. От журнала, о котором я ему писал, он наотрез отказался. Готовит материалы для третьего тома «Записок о Южной Руси» и что-то начал писать серьезного, но что такое, не говорит.

Вечером был на бенефисе г. Климовского. И несмотря на порядочное исполнение, все-таки «Дообеденный сон» [1] Островского мне не понравился. Повторение, и повторение вялое. Прочее так себе шло, кроме попури, пропетого в антракте бенефициантом, вдобавок собственного сочинения.

18 декабря

Читал и сердцем сокрушился,
Зачем читать учился [1].

Читая подлинник, т. е. славянский перевод Апокалипсиса, приходит в голову, что апостол писал это откровение для своих неофитов известными им иносказаниями, с целию скрыть настоящий смысл проповеди от своих при-

ставов. А может быть, и с целию более материальною, чтобы они (пристава) подумали, что старик рехнулся, порет дичь, и скорее освободили бы его из заточения. Последнее предположение мне кажется правдоподобнее.

С какою же целию такой умный человек, как Владимир Иванович, переводил и толковал эту аллегорическую чепуху? Не понимаю. И с каким намерением он предложил мне прочитать свое бедное творение? Не думает ли он открыть в Нижнем кафедру теологии и сделать меня своим неофитом? Едва ли. Какое же мнение я ему скажу на его безобразное творение? Приходится врать, и из-за чего? Так, просто из вежливости. Какая ложная вежливость.

Не знаю настоящей причины, а, вероятно, она есть. Владимир Иванович не пользуется здесь доброй славою, почему — все-таки не знаю. Про него даже какой-то здешний остряк и эпиграмму смастерил; вот она:

У нас было три артиста,
Двух не стало — это жаль.
Но пока здесь будет Даль,
Все как будто бы не чисто.

19 декабря

Monsieur Брас (учитель французского языка в гимназии) рассказал мне сегодня недавно случившееся ужасное происшествие в Москве. Трагедия такого содержания.

Ловкий молодой гвардеец по железной дороге привез в Москву девушку, прекрасную, как ангел. Привез ее в какой-то не слишком публичный трактир. Погулял с нею несколько дней, что называется, на славу и скрылся, оставив ее расплатиться с трактирщиком, а у нее ни денег, ни паспорта. Она убежала из дому со своим обожателем с целью в Москве обвенчаться, и концы в воду. Трактирщик посмотрел на красавицу и, как человек бывалый, смекнул делом, подослал к ней сводню. Ловкая тетенька приласкала ее, приголубила, заплатила трактирщику долг и взяла ее к себе на квартиру. На другой или на третий день она убежала от обязательной старушки и явилась к частному приставу, а вслед за нею явилась и ее покровительница. Подмазала частного пристава, а тот, несмотря на ее доводы, что она благородная, что она дочь генерала,

Сторінка «Щоденника». Автограф запису від 12 грудня 1857 р. з портретом О. Герцена.

Т. Шевченко. Байгуші під вікном. Сепія. 1855—1856 рр.

Т Шевченко. Портрет М. Щепкіна. Італійський та білий олівець. 1858 р.

Т. Шевченко. Кара шпіцрутенами. Туш, бістр. 1856—1857 рр.

высек ее розгами и отправил в рабочий дом на исправление, где она через несколько дней умерла. Ужасное происшествие! И все это падает на военное сословие. Отвратительное сословие!

20 декабря

С благотворительной целью составляется спектакль из благородных субъектов под непосредственной дирекцией г. Голынской и г. Варенцова. Спектакль составят живые картины и концерт.

Г. Варенцов меня как живописца пригласил сегодня на репетицию, собственно для живых картин, т. е. для освещения этих бестолковых картин. Я по простоте души и попробовал осветить одну из них так, что главная фигура в свету, а прочие в полутоне. Освещение вышло довольно эффектно. Но жалкие маменьки подняли шум, почему одна такая-то освещена, а наши дочки разве хуже ее, что их совсем не видно, что их только по афише будут знать. Я плюнул и хотел уйти, но меня остановила Марья Александровна Дорохова и просила поставить и осветить ее Ниночку. Ниночка, не красавица, явилась в картине очаровательною. Чадолюбивые маменьки хотя и заметили, в чем дело, но все-таки не согласились оставить своих дочерей в полутоне.

Сегодня должен выехать из Москвы М. С. Щепкин. Ах, как бы он хорошо сделал, если бы выехал. Послезавтра я имел бы радость поцеловать моего старого, моего единого друга!

21 декабря

Сегодня получил письмо от М. С. Щепкина. Он сегодня выехал из Москвы, и послезавтра я обниму моего старого, моего искреннего друга. Как я счастлив этой нелицемерной дружбой! Не многим из нас бог посылает такую полную радость, и весьма, весьма немногие из людей, дожив до семидесяти лет, сохранили такую поэтическую свежесть сердца, как Михайло Семенович. Счастливый патриарх-артист!

Сегодня же получил письмо от моей святой заступницы, от графини Настасии Ивановны Толстой. Она пишет, что

письмо мое, адресованное графу Федору Петровичу, на праздниках будет передано Марии Николаевне. И сообщает мне адрес Н. О. Осипова [1]. Боже мой! Скоро ли я увижу мою Академию? Скоро ли обниму мою святую заступницу?

Спектакль с благотворительной целью сошел хорошо, кроме живых картин и народного гимна. Ниночка Пущина была очаровательна.

24 декабря

Праздникам праздник и торжество есть из торжеств! В три часа ночи приехал Михайло Семенович Щепкин.

29 декабря

В 12 часов ночи уехал от меня Михайло Семенович Щепкин. Я, Овсянников, Брылкин и Олейников проводили моего великого друга до первой станции и ровно в три часа возвратились домой. Шесть дней, шесть дней полной, радостно-торжественной жизни! И чем я заплачу тебе, мой старый, мой единый друже? Чем я заплачу тебе за это счастие? За эти радостные, сладкие слезы? Любовью! Но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любит? Чем же? Кроме молитвы о тебе, самой искренней молитвы, я ничего не имею.

30 декабря

Я все еще не могу прийти в нормальное состояние от волшебного, очаровательного видения. У меня все еще стоит перед глазами городничий, Матрос, Михайло Чупрун и Любим Торцов [1]. Но ярче и лучезарнее великого артиста стоит великий человек, кротко улыбающийся друг, мой единый, мой искренний, мой незабвенный Михайло Семенович Щепкин.

1858

1 января *

Дружески весело встретил Новый год в семействе Н. А. Брылкина.

Как ни весело встретили мы Новый год, а придя домой, мне скучно сделалось. Поскучавши немного, отправился я в очаровательное семейство мадам Гильде, но скука и там меня нашла. Из храма Приапа [1] пошел я к заутрени; еще хуже — дьячки с похмелья так раздирательно пели, что я заткнул уши и вышел вон из церкви. Придя домой, я нечаянно взялся за библию, раскрыл, и мне попался лоскуток бумаги, на котором Олейников записал басню со слов Михайла Семеновича. Эта находка так меня обрадовала, что я сейчас же принялся ее переписывать. Вот она:

На улице, и длинной, и широкой,
И на большом дворе стоит богатый дом.
И со двора разносится далеко
Зловоние кругом.
А виноват хозяин в том.
«Хозяин наш прекрасный, но упрямый,—
Мне дворник говорит,—
Раскапывать велит помойную он яму,
А чистить не велит».
Зачем раскапывать заглохшее дерьмо?
И не казнить воров, не предавать их сраму?
Не лучше ль облегчить народное ярмо
Да вычистить велеть помойную-то яму.

Сочинение этой басни приписывают московскому актеру Ленскому [2]. Это не похоже на водевильный куплет. Басня эта так благодетельно на меня подействовала, что я, дописывая последний стих, уже спал.

Сегодня же познакомился я в семействе Брылкина милейшую Катерину Борисовну Пиунову (актрису). Она в восторге от этого знакомства и не знает, как меня благодарить.

---

* В автографі — 1 генваря. *(Ред.)*

Как благодетельно подействовал Михайло Семенович на это милое и даровитое создание. Она выросла, похорошела, поумнела после «Москаля-чаривныка», где она сыграла роль Тетяны, и так очаровательно сыграла, что зрители ревели от восторга, а Михайло Семенович сказал мне, что она первая артистка, с которой он с таким наслаждением играл Михайла Чупруна, и что знаменитая Самойлова [3] перед скромной Пиуновой — солдатка.

2 января

Обязательнейший Олейников сегодня сообщил мне стихотворение Курочкина на смерть Беранже, но так скверно переписанное, что я едва мог прочесть. Прочитал, однако, и записал на память. Прекрасное, сердечное стихотворение [1].

16-е ИЮЛЯ 1857 ГОДА

Зачем Париж волнуется опять?
На площадях и улицах солдаты,
Народных масс не может взор обнять,
Кому хотят последний долг воздать?
Чей это гроб и катафалк богатый?
Тревожный слух в Париже пролетел,
Угас поэт — народ осиротел.

Великая скатилася звезда,
Светившая полвека кротким светом
Над алтарем страданья и труда!
Простой народ простился навсегда
С своим родным учителем-поэтом,
Воспевшим блеск его великих дел.
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем же блеск и роскошь похорон?
Мундиры войск и ризы духовенства?
Тому, кто жил так искренно, как он,
Певец любви, свободы и равенства,
Несчастным льстил, но с сильными был смел,
Угас поэт — народ осиротел.

Зачем певцу напрасный фимиам?
И почестей торжественных забава?

Не быть ничем хотел он в жизни сам,
И в бедности нашла любимца слава.
И слух о нем далеко прогремел!
Угас поэт — народ осиротел.

Народ всех стран; страданье, труд
И сладких слез над звуками — отрада,
И в них, поэт, тебе великий суд!
Великому великая награда,
Когда, свершив завидный свой удел,
Угас поэт — народ осиротел.

3 января

Получил от Кулиша письмо со вложением 250 рублей. Деньги эти выручены им за рисунки, которые я послал из Новопетровского укрепления Залесскому для продажи. Залесский передал их Сераковскому [1], от Сераковского я не имел об них никакого известия и совершенно потерял их из виду. Не знаю, как они попали в руки Кулиша, и тот нашел им какого-то щедрого земляка-любителя, и мне как будто подарил 250 рублей к Новому году. Спасибо ему.

4 января

Весь день был посвящен писанию писем. Обязанность скучная, но неизбежная. Написал полдюжины посланий, в том числе и автору «Семейной хроники», приславшему мне с Михайлом Семеновичем экземпляр своей очаровательной хроники. Кулишу при письме послал свои «Неофиты». Интересно мне знать его мнение о сем новом моем произведении.

В 8 часов вечера проводил своего хозяина Овсянникова в Петербург и отправился на бал-маскарад к Варенцову, директору театра, и познакомился там с доктором Рейковским, ученым и весьма интересным человеком.

5 января

Возвратился почталион из Москвы, который сопровождал Михайла Семеновича. Привез мне от него письмо и

четыре экземпляра своего портрета для раздачи своим нижегородским друзьям. Письмо свое заключает он печальным известием, полученным на пороге своего дома, о смерти сына Димитрия [1], умершего за границей.

6 января

Пиунова сегодня в роли Простушки (водевиль Ленского) была такая милочка, что не только московским — петербургским, парижским бы зрителям в нос бросилась. Напрасно она румянится. Я ей скажу об этом. С роли Тетяны (в «Москали-чаривныку») она видимо совершенствуется, и, если замужество ей не попрепятствует, из нее выработается самостоятельная великая артистка.

7 января

Круликевич, возвращаясь на родину из изгнания (с берегов Сыр-Дарьи), узнал случайно о моем пребывании в Нижнем и сегодня посетил меня. Между многими неинтересными степными новостями он сообщил отвратительно интересную новость. Побочный сын гнилого сатрапа Перовского собственноручно зарезал своего денщика, за что был только разжалован в солдаты; но мелкая душонка не вынесла и этого всемилостивейшего наказания: он вскоре умер или отравил себя. Туда й дорога. Выходит, яблоко недалеко от яблони упало. Мать этого малодушного тигренка, жена какого-то паршивого барона Зальц и купленная б[...] растленного сатрапа Перовского, однажды, собираясь к обедне, рассердилась за что-то на горничную да и хватила ее утюгом в голову. Горничную похоронили, и тем дело покончил всемогущий сатрап. О Николай, Николай! Какие у тебя лихие сподручники были. По Сеньке шапка.

8 января

С сегодняшнего числа я занимаю две квартиры. Прежнюю — у Овсянникова и новую — у Шрейдерса. Остается наделать долгов, а спрятаться есть куда.

9 января

На новоселье у Шрейдерса нарисовал сегодня портрет Олейникова с условием, чтобы он написал фельетонную статейку для «Московских ведомостей»[1] о пребывании М. С. Щепкина в Нижнем. Хорошо, если бы не соврал.

10 января

Нарисовал портрет Шрейдерса, и довольно удачно. Часть долга, значит, уплачена. Нужно еще нарисовать Фрейлиха и Кадинского, и тогда — квиты. Но когда это случится, не знаю.

11 января

Сегодня суббота. По субботам я и милейшая К. Б. Пиунова обедаем у М. А. Дороховой. Но сегодня я должен отказаться от этой радости, и моя милая компаньонка отправилась сам-друг с портретом М. С. Щепкина, присланным им в подарок Марье Александровне, а я поехал провожать до первой станции, по Казанской дороге, моего привлекательно-благородного капитана В. В. Кишкина.

Грустно расставаться с такими добрыми людьми, как этот симпатический Кишкин. Я, возвратившись домой, чувствовал себя совершенным сиротой. Но тягостное мое одиночество недолго длилось. Я вскоре вспомнил, что я один из счастливцев мира сего. М. С. Щепкин, уезжая из Нижнего, просил меня полюбить его милую Тетясю, т. е. Пиунову, и я буквально исполнил его дружескую просьбу. А сегодня, прощаясь со мной, Кишкин со слезами на глазах просил меня полюбить его кроткую любимицу Варенькy Остафьеву. И после таких милых обязанностей я скучаю. Дурень, дурень, а в школи вчився. Остафьева выехала куда-то из города, и я в 6 часов вечера отправился к Пиуновой. Застал ее дома. Продиктовал ей стихи Курочкина «Как в наши лучшие года», а она прочитала мне некоторые вещи Кольцова и потом чуть-чуть не все басни Крылова. Я в восторге был от этого импровизированного литературного вечера и пришел домой совершенно счастлив. Она любит чтение, значит, она далеко пойдет в своем искусстве. Дай бог, чтобы сбылось мое пророчество.

12 января

Не ради воскресенья и светского пошлого визита пошел я к П. М. Голынской (племянница здешнего губернатора), а по просьбе моего искреннего Михайла Семеновича пошел передать ей его портрет и приятельский поклон. В огромной гостиной старушку Шаховскую и Голынскую окружали столь холодные, официальные, чопорные фигуры, что после приветствия и самого коротенького приседа и на меня пахнуло холодом от этой честнòй компании. Вышел сам губернатор, я поздравил его с получением через плечо Анны, раскланялся и вышел вместе с А. Э.* Бабкиным. Заехал к Бабкину на квартиру, взял у него Пушкина и Гоголя и повез к Пиуновой. Прочитал ей «Сцены из рыцарских времен» и отогрел губернаторским холодом обвеянную душу. Она прочитала мне «Каменного гостя», и потом мы поехали к Брылкиным обедать. После обеда М. А. Грас повезла ее в театр, куда последовал и я, совершенно доволен таким теплым, прекрасным окончанием холодно начавшегося дня.

13 января

Бабкин подарил мне прекрасную акватинту, изображающую смерть Людовика XVI [1], а я сегодня, за это назидательное изображение, изобразил его собственную персону, и довольно удачно. Вечер провел у милейшего юноши, виртуоза виолончелиста Весловского, и, возвратясь домой, нашел у себя на столе письмо Сергея Тимофеевича Аксакова. Самое любезное, самое сердечное письмо.

В заключение любезностей он пишет, что «Матрос» мой наконец пошел в ход — он передал его Каткову [2], редактору «Русского вестника». В ожидании будущих благ принимаюсь переписывать вторую часть «Матроса».

14 января

Сегодня случайно зашел я к Пиуновой. Речь зашла о конце ее театрального года, о возобновлении контракта.

* В автографі помилково — Э. А. *(Ред.)*

Ей, бедняжке, ужасно не хочется оставаться в Нижнем, а не знает, куда девать себя. В Казань ей и хотелось бы, но она боится там какой-то Прокофьевой, не соперницы, но ужасной интриганки. В таком ее горе я предложил ей посильные услуги. Я напишу письмо директору Харьковского театра и буду просить Михайла Семеновича Щепкина о ее заступничестве. Как бы это хорошо было, если б удалося ей переселиться в Харьков.

15 января

Не откладывая в длинный мешок, сегодня же я написал и директору Харьковского театра, и моему великому другу. Каков-то будет результат из моих нехитрых затей?

16 января

Только что хотел заключить письмо моему великому другу, да вспомнил, что сегодня не почтовый день. Оставил послание и принялся за «Матроса». Несносно скучная работа. Литераторам должны платить не за писание, а за переписывание собственных произведений.

Вечером возвратился я из театра и нашел у себя письмо моего гениального друга. И хорошо, что я своего письма не кончил. Между прочим он пишет мне, что рисунки мои он уж пустил в ход. Спасибо ему, неутомимому.

17 января

Окончил неоконченное письмо, отправил на почту и принялся за «Матроса». Несносная работа, когда я ее кончу?

18 января

К немалому моему удивлению, сегодня встретил я у Брылкина давнишнего и нелицемерного своего поклонника В. Н. Погожева. Он здесь по делам службы и завтра едет в Москву.

19 января

Сегодня повторилась моя любимица в роли Тетяны. Очаровательна, как и в первый раз. Но Климовский в роли Чупруна и по выговору, и по мимике — вандал. Лапти плел, варвар, и только мешал моей милой Тетяси.

20 января

Проводил в Петербург доктора Кутерема, Кебера, Шрейдерса, Фрейлиха и Н. А. Брылкина — в Казань и на компанейский завод близ Казани. Сегодня у меня день провод.

21 января

Бенефис милочки Пиуновой. Полон театр зрителей и очаровательная бенефициантка,— прекрасная тема для газетной статейки. Не попробовать ли? Попробуем наудалую [1].

22 января

Проездом из Петербурга в Вятку на службу посетил меня сегодня Яков Лазаревский [1]. Он недавно из Малороссии. Рассказал о многих свежих гадостях в моем родном краю, в том числе и о грустном Екатеринославском восстании 1856 года, и про своего соседа и родственника Н. Д. Белозерского [2]. Этот филантроп-помещик так оголил своих крестьян, что они сложили про него песню, которая кончается так:

А в нашого Білозера
Сивая кобила,—
Бодай же його побила
Лихая година.
А в нашого Білозера
Червоная хустка,—
Ой не одна в селі хата
Осталася пустка.

Наивное, невинное мщение!

23 января

«Дочь второго полка» — глупейшее произведение Доницетти [1]. Либретто тоже нелепо и неестественно. Покойному нашему Тормозу, надо думать, очень нравилось это топорное произведение. Да не по его ли заказу оно и родилось на свет божий? При нем, я помню, когда-то в Петербурге оперетка эта исполнялась с большей дисциплиной. Теперь она и это существенное свое достоинство утратила Что бы сказал на это Тормоз? Он бы Гедеонова [2] на месяц на гауптвахту упрятал.

Старуха Шмитгоф в роли Марии безобразна, а мой любимец Владимиров в роли старика, дворецкого маркизы, был тоже безобразен.

24 января

Получил письма от Кулиша и от М. Лазаревского.

25 января

Получил письмо от Костомарова с выговором за молчание. Я действительно виноват перед ним на сей раз. Но что писать? О чем писать? Что я здесь скучаю и ничего не делаю? И не могу, наконец, ничего делать. Лучше молчать, нежели переливать из пустого в порожнее.

26 января

Встретил масленицу катанием за город. Я предложил это удовольствие милейшей Пиуновой с семейством. Она согласилась. И мы поехали в село Бор, напились чаю в каком-то кабаке, и на обратном пути она все пела известную свадебную или святочную песню:

Меня миленькой он журил-бранил,
Он журил-бранил, добром говорил,
Ай люли-люли, выговаривал,
Не ходи, девка молода, замуж,
Наберись, девка, ума-разума,

Ума-разума да сундук добра,
Да сундук добра, коробок холста.

Жидовское начало в русском человеке. Он без приданого не может даже полюбить.

27 января

В церкви Покрова отпели тело Д. А. Улыбашева, знаменитого критика и биографа Бетховена и Моцарта.

28 января

Николай Петрович Болтин, губернский дворянский предводитель, изъявил желание познакомиться со мною. Я удовлетворил его любезному желанию и не раскаиваюсь. Он человек здраво и благородно мыслящий, горячо сочувствующий вопросу о крепостных крестьянах и усердно хлопочет о составе комитета, который должен порешить это дело в Нижегородской губернии.

29 января

Аляповатый бенефис г-жи Васильевой и сплетни.

30 января

Любимая и многоуважаемая Катерина Борисовна!

Я сам принес вам книги и принес их с тем, чтобы вы их прочитали. Но вы, не прочитавши их, прислали мне назад. Как объяснить мне ваш поступок? Он ставит меня решительно в тупик, особенно если принять в соображение наш сегодняшний разговор. Уж не ответ ли это на мое предложение? Если это так, то я прошу вас высказать мне его яснее. Дело слишком для меня важно. Я вас люблю и говорю это вам прямо, без всяких возгласов и восторгов. Вы слишком умны для того, чтобы требовать от меня пылких изъяснений в любви, я слишком люблю и уважаю вас, чтобы употреблять в дело пошлости, так принятые в свете. Сделаться вашим мужем для меня величайшее счастие и отказаться от этой мысли будет трудно. Но если судьба решила иначе, если я имел несчастие не понравиться вам и если возвращенные мне вами книги выражают отказ, то, нечего делать, я должен покориться обстоятельствам. Но во всяком случае ни чувства

мои, ни уважение к вам не изменятся, и если вы не можете или не хотите быть моей женою, то позвольте мне оставить себе хоть одно утешение — остаться вашим другом и постоянною преданностью и почтительностью заслужить ваше доброе расположение и уважение.

В ожидании ответа, который должен решить мою участь, остаюсь преданный вам и глубоколюбящий

Тарас Шевченко

31 января

Я совершенно не гожусь для роли любовника. Она, вероятно, приняла меня за помешанного или просто за пьяного и вдобавок за мерзавца. Как растолковать ей, что я ни то, ни другое, ни третье и что не пошлый театральный любовник, а искренний, глубоко сердечный ее друг. Сам я ей этого не умею рассказать. Обращусь к моему другу М. А. Дороховой. Если и она не вразумит ее, тогда я самый смешной и несчастный жених.

1 февраля

Получил письмо от М. С. Щепкина с двумястами рублей и с самой сердечной готовностью переселить мою прекрасную невесту в Харьков. Он желает знать ее условия, а она не желает свидания со мной. Но так как это свидание не любовное, а деловое, то оно и необходимо. Делать нечего, принимаюсь опять за послание.

2 февраля

Дело мое не так плохо, как я думал. Она приняла мое внезапное предложение за театральную сцену. Настоящая актриса, она во всем видит свое любимое искусство, даже во мне она открыла сценического артиста тогда, когда я менее всего был похож на актера. Я действительно тогда был похож на помешанного или, скорее, на пьяного, а она, бедняжка, приняла меня за лицедея. Но перемелется — мука́ будет.

Все это объяснил мне ее отец, который явился на мое приглашение по поводу письма Михайла Семеновича.

Старик не высказал прямо своего мнения насчет моего сватовства, но согласился со мною, что ей необходимо чтение, и взял у меня «Губернские очерки» и несколько ливрезонов [1] Гогарта [2]. Добрый знак.

В заключение спектаклей дана была драма «Парижские нищие» [3]. Роль Антуанетты исполнила она, и исполнила лучше, нежели в первый раз, но я не аплодировал. А почему, и сам не знаю. Мне казалась она выше всяких аплодисментов. Но я этого никому не сказал.

3 февраля

Ниночка Пущина именинница. Вчера я уведомил Пиунову об этом, с намерением увидеться и поговорить с нею, но политика мне не далась. Возлюбленная моя явилась, поздравила именинницу и через полчаса уехала, и я успел, и то уже в передней, пожать и поцеловать ее руку и не проговорить ни слова. Лукавое создание! Теперь я тебе не западню, а капкан поставлю. Посмотрим, кто кого перехитрит?

Тут же при ней прочитал я вслух уже напечатанную статейку собственного изделия о ее бенефисе. Быть может, ей не понравилось мое нельстивое рукоделие, и она поторопилась уехать. Да не плюнуть ли мне на эту сердечную затею? Не плюй в колодец, придется воду пить.

4 февраля

Лучше хоть что-нибудь, нежели ничего. Другой день нет спектаклей, бедных нижегородских спектаклей. И будто чего-то необходимого недостает.

5 февраля

Я видел ее во сне. К добру ли это? Будто бы она слепая нищая, но такая молодая и хорошенькая. Стоит у какой-то ограды или забора и протягивает руку Христа ради. Я хотел подойти с какою-то мелкою монетою, но она внезапно исчезла. Это продолжение роли Антуанетты. Ничего больше.

Вечером был у Татаринова. Белов и Татаринов играли в четыре руки увертюру из «Вильгельма Телля» и из «Фрейшица» [1], а потом некоторые вещи духовного содержания Гайдена [2]. Божественный Гайден! Божественная музыка!

После музыки зашла речь о театре и о таланте моей возлюбленной Пиуновой. Сначала слушал я с удовольствием расточаемые ей похвалы, но потом так мне грустно стало, что я хотел уйти. Что бы это значило? Не ревность ли? Глупо, нелепо ревновать актрису к зрителям, ее истинный любовник должна быть публика, а муж — друг.

В заключение вечера хозяин прочитал нам песню Беранже, переведенную Ленским, под названием «Старый холостяк». Мне она очень понравилась, потому, может быть, что я, если не одружуся с моей возлюбленной артисткой, должен буду вступить в эту непочтенную категорию.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

(Беранже)

Десятый час, пора на боковую,
Маланьюшка, поди ко мне, душа;
Сем, я тебя разочек поцелую...
Кухарочка, а как ведь хороша!
Мне кажется, ты видишь и по взгляду,
Что стал бодрей я в эти шесть недель...
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Маланьюшка, ты не дивись нимало,
Что я хочу служанкой быть любим:
Я в старину ухаживал бывало
За личком — дрянь перед твоим.
Что есть любовь, пять лет не знал я сряду,
А прежних чувств все не проходит хмель.
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Дружочек, будь со мною без отлучки.
Ты с этих пор на кухне не слуга,
И можно ли, чтоб щечки, ручки
Коптилися весь день у очага.
Я дам тебе хорошую награду,

Одену так, как лучшую мамзель...
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Что слышу я? Опять ответ всегдашний:
«Да полноте! Как можно! Стыд какой!»
Сударыня, я знаю ваши шашни
С Петрушкою, племянника слугой!..
В знакомстве с ним ни складу нет, ни ладу.
Того смотри, что сядешь тут на мель...
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

Маланьюшка! Ты на мое желанье
Без дальних слов должна бы отвечать,
Вот, видишь ли, я скоро завещанье
Духовное намерен написать.
Чем приводить хозяина в досаду,
Пойми, мой друг, его благую цель...
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

А! Наконец мои приятны ласки...
Но... Как я слаб!.. Проклятие судьбе!..
Не плачь, душа: я не боюсь огласки
И немощен женюся на тебе.
Пожалуйста, в крови моей прохладу
Хоть как-нибудь поразогрей, мамзель...
Свари-ка мне с ванилью шоколаду
Да приготовь мою постель.

6 февраля

М. А. Дорохова сегодня репетировала предстоящий акт выпускным своим юным питомицам. Юные питомицы в зеленых платьицах и белых пелеринках числом * чинно сидели на скамейках, вроде театральных зрителей, и благоговейно внимали, как их досужие подруги исполняли на фортепиано руколомные пьесы. Между прочим, была исполнена на двух инструментах, весьма недурно, увертюра из

* Біле місце (пропуск числа). (*Ред.*)

«Вильгельма Телля». Потом прочитаны стихи по-французски, по-немецки и в заключение девица Беляева прочитала русские стихи собственного сочинения на тему — благодарность за воспитание. Для ее возраста стихи хороши, за что я ей обещался подарить сочинения И. Козлова [1], если найду в Нижнем. В заключение пропет был хором так называемый народный гимн, и репетиция тем кончилась.

Все это обыкновенно дурно, но вот что отвратительно. В залах института, кроме скамеек и грозного лубочного изображения самодержца, ни одной картины, ни одной гравюры. Чисто, гладко, как в любом манеже. Где же эстетическое воспитание женщины? А оно для нее, как освежающий дыхание воздух, необходимо. Душегубцы.

После этой театральной репетиции зашел к Марье Александровне. Встретил у нее старого моего знакомого, некоего г. Шумахера [2]. Он недавно возвратился из-за границы и привез с собою 4 № «Колокола». Я в первый раз сегодня увидел газету и с благоговением облобызал.

7 февраля

Сегодня получил письмо, да еще страховое, от директора Харьковского театра. Он весьма любезно просит меня сообщить ему условия Пиуновой и ее самое поторопить приездом. Сердечно рад, что мне удалось это дело. Вечером пошел я обрадовать ее этим любезным письмом и поговорить окончательно об условиях и о времени выезда в Харьков. Ее самой не застал дома, а глупая мамаша так меня приняла, что я едва ли когда-нибудь решусь переступить порог моей милой протеже. Необходимо прибегнуть к письменным объяснениям.

8 февраля

Она прислала за мной, чтобы объясниться по поводу харьковского предложения. Я, разумеется, охотно согласился на это деловое свидание, имея в виду и любовное. Но увы! Старая ворчунья мамаша одного шагу не ступила из комнаты, и я должен был ретироваться с одними поручениями. Она предпочитает с отцом ехать в Харьков. Это стеснит ее денежные средства, потому что отец должен

оставить контору, от которой получает 30 рублей в месяц. Но, вероятно, мамаша и ей навязла в зубах.

9 февраля

После беспутно проведенной ночи я почувствовал стремление к стихословию, попробовал и без малейшего усилия написал эту вещь. Не следствие ли это раздражения нервов?

I

ДОЛЯ

Ти не лукавила зо мною,
Ти другом, братом і сестрою
Сіромі стала. Ти взяла
Мене, маленького, за руку
І в школу хлопця одвела
До п'яного дяка в науку.
«Учися, серденько, колись
З нас будуть люде!» — ти сказала.
А я й послухав, і учився,
І вивчився. А ти збрехала.
Які з нас люде? Та дарма!
Ми не лукавили з тобою,
Ми просто йшли; у нас нема
Зерна неправди за собою.
Ходімо ж, доленько моя,
Мій друже щирий, нелукавий!
Ходімо дальше: дальше слава,
Ходімо ж, доленько моя.

II

МУЗА

І ти, пречистая, святая,
Ти, сестро Феба молодая!
Мене ти в пелену взяла
І геть у поле однесла;
І на могилі серед поля,
Як тую волю на роздоллі,
Туманом сивим сповила.
І колихала, і співала,

І чари діяла... І я...
О чарівниченько моя!
Мені ти всюди помагала,
І всюди, зоренько моя,
Ти не марніла, ти сіяла!
В степу безлюдніім, в чужині,
В далекій неволі
Ти в кайданах пишалася,
Як квіточка в полі.
Із казарми смердячої
Чистою, святою
Вилетіла, як пташечка,
І понадо мною
Полинула, заспівала,
Моя сизокрила...
Мов живущою водою
Душу окропила.

І я живу, і надо мною
Своєю божою красою
Витаєш ти, мій херувим,
Золотокрилий серафим,
Моя порадонько святая!
Моя ти доле молодая!
Не покидай мене; вночі,
І вдень, і ввечері, і рано
Витай зо мною... і учи,
Учи неложними устами
Хвалити правду. Поможи
Молитву діяти до краю...
А як умру, моя святая,
Моя ти мати, положи
Свого ти сина в домовину...
І хоть єдиную сльозину
В очах безсмертних покажи.

III

СЛАВА

А ти, задрипанко, шинкарко,
Перекупко п'яна!
Де ти в ката забарилась
З своїми лучами?

У Версалі над злодієм
Набор розпустила?
Чи з ким іншим мизкаєшся
З нудьги та з похмілля?
Горнись лишень коло мне,
Та вйтнемо з лиха,
Гарнесенько обіймемось
Та любо та лихо
Пожартуєм, чмокнемося
Та й поберемося,
Моя крале мальована.
Бо я таки й досі
Коло тебе мизкаюся.
Ти хоча й пишалась
І з п'яними королями
По шинках шаталась,
І курвила з Миколою
У Севастополі...
Та мені про те байдуже.
Мені, моя доле,
Дай на себе надивитись,
Дай і пригорнутись
Під крилом твоїм, і любо
З дороги заснути.

10 февраля

Получил письмо от кошевого батька Я. Кухаренка от 7 августа. Оно из Екатеринодара прогулялось через Новопетровское укрепление и Оренбург и только сегодня достигло своей цели. А все-таки лучше позже, нежели никогда. Кухаренко не знал о моей резиденции. А я не знал, как растолковать себе его молчание. А теперь все объяснилось.

И. А. Усков из Новопетровского укрепления пишет, что у них все обстоит благополучно. Не завидую вашему благополучию.

В. Н. Погожев [1] пишет из Владимира, что он на днях виделся в Москве с М. С. Щепкиным и что он ему читал наизусть какую-то мою «Пустку» [2]. Совершенно не помню этой вещи. А слышу о ней уже не в первый раз.

11 февраля

М. С. Щепкин с сокрушением сердца пишет мне о моем безалаберном и нетрезвом существовании. Интересно бы знать, из какого источника он почерпнул эти сведения. Стало быть, и у меня не без добрых людей. Все же лучше, нежели ничего.

Благодарю тебя, мой старый, мой добрый, но чем тебя разуверить, не знаю.

Далее он пишет о перемещении Пиуновой в Харьков. Он сомневается, чтобы ей дали там требуемое ею содержание. Будет досадно, если не состоится это перемещение. Подождем, что скажет Иван Александрович Щербина [1].

Боже мой, как бы мне хотелось вырвать ее из этой тухлой грязи.

12 февр[illegible]

Сегодня нарисовал портрет Кадинского. Остается нарисовать Фрейлиха — и квиты.

14 февраля

Кончил наконец вторую часть «Матроса». Переписывание — это самая несносная работа, какую я когда-либо испытывал. Она равняется солдатскому учению. Нужно будет прочитать еще это рукоделие, что из него выйдет? Как примет его С. Т. Аксаков? Мне ужасно хочется ему нравиться, и только ему. Странное чувство!

15 февраля

Приглашал запиской свою мучительницу обедать у М. А. Дороховой. Сказалась больной, несносная лгунья. Мне необходимо с ней поговорить наедине до выезда из Нижнего, а как это устроить, не придумаю. Писать не хочется, а, кажется, придется писать. Опять видел ее во сне слепою нищею, только уже не у церковной ограды, как в первый раз, а в живой картине, в малороссийской белой свитке и в красном очипке.

16 февраля

Отправивши на почту письма Кухаренку и Аксакову, зашел в собор послушать архиерейских певчих. Странно, или это с непривычки, или оно так есть. Последнее вернее. В архиерейской службе с ее обстановкою и вообще в декорации мне показалось что-то тибетское или японское. И при этой кукольной комедии читается евангелие. Самое подлое противуречие.

Нерукотворенный чудовищный образ, копия с которого меня когда-то испугала в церкви Георгия. Подлинник этого индийского безобразия находится в соборе и замечателен как древность. Он перенесен из Суздаля князем Константином Васильевичем в 1351 году. Очень может быть, что это оригинальное византийское чудовище.

Вечером были живые картины в театре, которые я не пошел смотреть, несмотря даже на то, что в них участвовала моя несравненная. Я боялся увидеть византийский стиль в этих картинах. Опасения мои основательны. Г. Майоров [1] малейшего понятия не имеет в этом простом деле. В театральном кафе, или, как его здесь называют, в кабаке, встретил старика Пиунова, которому, как он мне сказал, очень бы хотелось, чтобы его Катя что-нибудь прочитала в следующее воскресенье на сцене. Я обещал порыться в российской поэзии. Порылся. И выбор мой пал на последнюю сцену из «Фауста» Гете, перевод Губера [2]. Она прочитает хорошо, только нужно будет одеть ее сообразно с местом и временем. Жаль, что нет под рукой Реча [3]. Да достану ли еще и книгу Губера в этом затхлом городе?

17 февраля

Не без труда, однако же, достал «Фауста» Губера. Послал книгу моей артистке и часа через три являюсь к ней в полной уверенности, что она уже наизусть читает роль Маргариты. Ничего не бывало. Она нашла почему-то неудобной эту сцену для чтения. На зов матери вышла из комнаты, а я полчаса проболтал с отцом и ушел, как несолоно хлебал. Замечательная простота нравов.

18 февраля

Проездом из Киева в Иркутск посетили меня земляки мои Волконский и Малюга. Они едут в звании медиков заслуживать казне за воспитание. Какая нелепость посылать молодых медиков в такую даль от центра просвещения! Где средства на будущее развитие? Варварство!

Малюга сообщил мне, что Марко Вовчок [1] — псевдоним некоей Маркович и что адрес ее можно достать от Данила Семеновича Каменецкого, поверенного Кулиша в Петербурге. Какое возвышенно прекрасное создание эта женщина. Не чета моей актрисе. Необходимо будет ей написать письмо и благодарить ее за доставленную радость чтением ее вдохновенной книги [2].

19 февраля

В шесть часов утра приехал Шрейдерс из Петербурга, привез мне письмо от Лазаревского, песни Беранже Курочкина и четыре экземпляра моего портрета, фотографированного с моего же рисунка.

В 12 часов в зале дворянского собрания происходило торжественное открытие комитета [1], собранного для окончательного решения свободы крепостных крестьян. Великое это начало благословлено епископом и открыто речью военного губернатора А. Н. * Муравьева [2], речью не пошлою, официальною, а одушевленною, христианскою, свободною речью. Но банда своекорыстных помещиков не отозвалась ни одним звуком на человеческое святое слово. Лакеи! Будет ли напечатана эта речь? Попрошу М. А. Дорохову, не может ли она достать копию.

20 февраля

Один экземпляр моего нерукотворенного образа подарил М. А. Дороховой, он ей не понравился: выражение находит слишком жестким. Просил достать копию речи Муравьева, обещала.

---

* В автографі помилково — Н. А. *(Ред.)*

21 февраля

Писал Лазаревскому, чтобы он свои письма ко мне адресовал на имя М. С. Щепкина в Москву.

Начал переписывать свою поэзию для печати, писанную с 1847 года по 1858 год [1]. Не знаю, много ли выберется из этой половы доброго зерна?

22 февраля

Третий раз вижу ее во сне, и все нищею. Это уже не вследствие роли Антуанетты, а вследствие каких данных— не уразумею. Сегодня представилась мне она грязною, безобразною, оборванною, полунагою и все-таки в малороссийской свитке, но не в белой, как прежде, а в серой, разорванной и грязью запачканной. Со слезами просила у меня и милостыни, и извинения за свою невежливость по случаю «Фауста» Губера. Я, разумеется, простил ее и в знак примирения хотел поцеловать, но она исчезла. Не предсказывают ли эти ночные грезы нам действительную нищету?

23 февраля

Сон в руку. Возвращаясь с почты, зашел я к Владимирову и услышал, что моя возлюбленная Пиунова, не дождавшись письма из Харькова, заключила условие с здешним новым директором театра, с г. Мирцовым [1]. Если это правда, то в какие же отношения поставила она меня и Михайла Семеновича со Щербиною? В отвратительные!

Вот она где, нравственная нищета, а я боялся материальной. Дружба врозь, и черти в воду. Кто нарушил данное слово, для того клятва не существует.

24 февраля

Получил письмо от Кулиша с дороги в Бельгию, с хутора Матроновки около Борзны. Он предлагает мне рисовать сцены из малороссийской истории, из песен и из современного народного быта. Рисунки, которые бы можно

было вырезать на дереве, печатать в большом количестве, раскрашивать и продавать по самой дешевой цене. Мысль его та, чтобы заменить в нашем народе суздальское изделие. Прекрасная, благородная мысль, но она может осуществиться только при больших деньгах и принести даже материальную пользу. Теперь я не могу приняться за такую работу. Для этого нужно жить постоянно в Малороссии, чтобы была разница между моими рисунками и суздальскими. И потому еще, что я не теряю надежды быть в Академии и заняться любимой акватинтой.

Я так много перенес испытаний и неудач в своей жизни, казалось бы, пора уже освоиться с этими мерзостями. Не могу. Случайно встретил я Пиунову, у меня не хватило духу поклониться ей. А давно ли я видел в ней будущую жену свою, ангела-хранителя своего, за которого готов был положить душу свою? Отвратительный контраст. Удивительное лекарство от любви — несамостоятельность. У меня все как рукой сняло. Я скорее простил бы ей самое бойкое кокетство, нежели эту мелкую несамостоятельность, которая меня, а главное, моего старого знаменитого друга поставила в самое неприличное положение. Дрянь госпожа Пиунова! От ноготка до волоска дрянь!

Завтра Кудлай едет во Владимир [1], попрошу его взять и меня с собой. Из Владимира как-нибудь доберусь до Никольского и в объятиях моего старого искреннего друга, даст бог, забуду и Пиунову, и все мои горькие утраты и неудачи. Отдохну и на досуге займусь перепиской для печати моей невольничьей поэзии. А сегодня перепишу чужую, не поэзию, но довольно удачные стишки, посвященные памяти неудобозабываемого фельдфебеля.

Когда он в вечность преселился [2],
Наш незабвенный Николай,
К Петру апостолу явился,
Чтоб дверь ему он отпер в рай.
— Ты кто? — спросил его ключарь.
— Как кто? Известно, русский царь.
— Ты царь? Так подожди немного;
Ты знаешь, в рай тесна дорога
И узки райские врата,
Смотри, какая теснота!
— Что ж это все за сброд?
— Простой народ!

Аль не узнал своих? Ведь это россияне,
Твои бездушные дворяне,
А это — вольные крестьяне.
Они все по миру пошли
И нищими к нам в рай пришли.
Тогда подумал Николай:
«Так вот как достается рай!»
И пишет сыну: «Милый Саша!
Плоха на небе участь наша.
И если подданных своих ты любишь,
То их богатства поубавь,
А если хочешь в рай ввести,
То всех их по миру пусти».

25 февраля

В 7 часов утра получил письмо Лазаревского. Он пишет, что мне дозволено приехать и жить в Петербурге. Лучшего поздравления с днем ангела нельзя желать.

В три часа собрались к обеду Н. Брылкин, П. Брылкин, Грас, Лапа, Кудлай, Кадинский, Фрейлих, Климовский, Владимиров, Попов, Товбич. За обедом было и шумно, и весело, и изящно, потому что компания была единодушна, проста и в высокой степени благородна. За шампанским я сказал спич: сначала поблагодарил гостей моих за сделанную мне честь и в заключение прибавил, что я не буду на бога в претензии, если буду встречать всюду таких добрых людей, как они, теперь сущие со мною, и что память о них навсегда сохраню я в моем сердце.

Праздник мой совершился в квартире добрейшего К. Шрейдерса.

Вечером пошел я проводить отъезжающего в Петербург Климовского, с которым предполагал и сам отправиться в гости к М. С. Щепкину, но письмо Лазаревского меня вовремя остановило.

26 февраля

Товбич предложил мне прогулку за 75 верст от Нижнего. Я охотно принял его предложение, с целью сократить данное ожидание официального объявления о до-

зволении жить мне в Питере. Мы пригласили с собой актера Владимирова и некую девицу Сашу Очеретникову, отчаянную особу. Скверно пообедали на мой счет в трактире Бубнова и пустились в дорогу.

27 февраля

В селе Медновке, цели поездки Товбича, пробыли мы до 8 часов вечера. Тут встретился я с путейским капитаном Петровичем, приехавшим туда по одному делу с Товбичем. Петрович по происхождению серб, образованный, прямой и сердечный человек, хорошо разумеющий и глубоко сочувствующий всему современному. Мне больно, что я прожил столько времени в Нижнем и только сегодня встретился с этим редким человеком.

28 февраля

В 7 часов утра возвратились мы благополучно в Нижний. Поездка наша была веселая и не совсем пустая. Саша Очеретникова была отвратительна, она немилосердно пьянствовала и отчаянно на каждой станции изменяла, не разбирая потребителей. Жалкое, безвозвратно потерянное, а прекрасное создание. Ужасная драма!

1 марта

На имя здешнего губернатора от министра внутренних дел получена бумага о дозволении проживать мне в Петербурге, но все еще под надзором полиции. Это работа старого распутного японца Адлерберга [1].

2 марта

Получил письмо от графини Н. И. Толстой. Она пишет, что ее сердечное желание наконец исполнилось и что она с нетерпением ждет меня к себе. Доброе, благородное создание! Чем я воздам тебе за добро, которое ты для меня сделала? Молитвою, бесконечною молитвою!

Овсянников просит, чтобы подождать его здесь до 7 числа. Подожду. А если он обманет, прокляну и без денег уеду.

3 марта

Давно ожидаемую книгу «Детство Багрова внука» сегодня получил с самою лестною надписью сочинителя. Книга была послана из Москвы 7 февраля и пролежала до сегодня у сухого Даля. Могла бы и навсегда остаться у него, если бы я сегодня случайно не зашел к нему и не увидел ее. Он извиняется рассеянностью и делами. Чем хочешь извиняйся, а все-таки ты сухой немец и большой руки дрянь. И что вздумалось Сергею Тимофеевичу делать моим комиссионером Даля, тогда как ему мой адрес известен? Не думал ли он через это познакомить меня с ним? Добрейший Сергей Тимофеевич!

4 марта

В ожидании Овсянникова и полицейского пропуска в Питер принялся переписывать «Видьму» [1] для печати. Нашел много длинного и недоделанного. И слава богу, работа сократит длинные дни ожидания.

5 марта

Послал письмо графине Н. И. Толстой. Писал ей, что 7 числа в 9 часов вечера оставлю Нижний Новгород. Сбудется ли это? Это будет зависеть от Овсянникова, а не от меня. Глупо.

Продолжаю работать над «Видьмою».

6 марта

Я слишком плотно принялся за свою «Видьму», так плотно, что сегодня кончил, а работы было порядочно, и, кажется, порядочно кончил. Переписал и слегка поправил «Лилею» и «Русалку» [1]. Как-то примут земляки мои мою невольническую музу?

Часов в 7 вечера явился ко мне жандармский унтер-офицер и предложил довезти меня за 10 рублей до Москвы. Сердечно благодарен за предложение. Он отвозил в Вятку какого-то непокорного отцу своему капитана Шлипенбаха. И на обратном пути искал себе попутчика и нашел меня в Нижнем. Еще раз спасибо ему.

Условившись в цене и времени выезда, я пошел к Кудлаю поторопить его насчет полицейского пропуска. Кудлая не застал дома и по дороге зашел к Вильде [2], где встретил Татаринова, мамзелей Шмитгоф и брата их, молодого, весьма талантливого скрипача и сценического артиста. После ужина хозяин, прощаясь со мной, подарил мне на память несколько миниатюрных медальонов, копии с известных скульптурных произведений древних и новых, сделанных разными художниками. Милый и умный подарок.

7 марта

От часу пополудни до часу пополуночи прощался с моими нижегородскими друзьями. Заключил расставанье у М. А. Дороховой ужином и тостом за здоровье моей святой заступницы графини А. И. Толстой.

10 марта

В три часа пополудни 8 марта оставил Нижний на санях, а во Владимир приехал 9-го ночью на телеге. Кроме этого весьма обыкновенного явления в настоящее время года, ничего особенного не случилось, кроме легкого воспаления в левом глазе и зуда на лбу. Во Владимире я взял розовой воды и думал все покончить этим ароматическим медикаментом. А вышло не так, как я думал.

Во Владимире на почтовой станции встретил А. И. Бутакова [1], под командою которого плавал я два лета 1848 и 49 по Аральскому морю. С тех пор мы с ним не видались. Теперь он едет с женою в Оренбург, а потом на берега Сыр-Дарьи. У меня при одном воспоминании об этой пустыне сердце холодеет, а он, кажется, готов навсегда там поселиться. Понравилась сатана лучше ясна сокола.

В 11 часов вечера приехал в Москву. Взял номер за рубль серебра в сутки в каком-то великолепном отеле и

едва мог добиться чаю, потому что уже было поздно! О Москва! О караван-сарай! Под громкою фирмою — отель. Да еще и со швейцаром.

11 марта

В 7 часов утра оставил я караван-сарай со швейцаром и пустился отыскивать своего друга М. С. Щепкина. Нашел его у старого Пимена в доме Щепотьевой и у него поселился, и, кажется, надолго, потому что глаз мой распух и покраснел, а на лбу образовалось несколько групп прыщей. Облобызав моего великого друга, отправился я к доктору Ван-Путерену, моему нижегородскому знакомому. Он прописал мне английскую соль, зеленый пластырь, диету и, по крайней мере, неделю не выходить на улицу. Вот тебе и столица! Сиди да смотри в окно на старого безобразного Пимена.

12 марта

Посетил меня доктор Ван-Путерен, прибавил еще два лекарства для внутреннего и наружного употребления. И посулил мне, по крайней мере, неделю заточения и поста. Веселенькая перспектива!

Вслед за доктором посетил меня почтеннейший Михайло Александрович Максимович [1]. Молодеет старичина, женился, отпустил усы да и в ус себе не дует.

Вечером, по настоянию моих гостеприимных хозяев, сошел я вниз в гостиную с повязанной головой, где встретил несколько человек гостей и между ними Кетчера [2], Бабста [3] и Афанасьева [4], с которыми тут и познакомил меня хозяин. Время быстро прошло до ужина. Подали ужин, гости сели за стол, а я удалился в свою келию. Проклятая болезнь!

13 марта

Доктор Ван-Путерен уехал сегодня в Нижний; рекомендовал мне своего приятеля, какого-то немца, которого я, однако ж, не дождался и просил Михайла Семеновича

пригласить медика, какого он лучше знает, потому что болезнь моя не шутя меня беспокоит. Михайло Семенович пригласил доктора Мина [1]. Завтра я его дожидаю.

Навестил меня Маркович, сын Н. Марковича [2], автора «Истории Малороссии», и М. А. Максимович с брошюрою «Исследование о Петре Конашевиче-Сагайдачном». Сердечно благодарен за визит и за брошюру.

14 марта

Отправил Лазаревскому два рисунка, назначенные для преподнесения Марии Николаевне [1].

После обеда явилися ко мне два доктора, хорошо еще, что не вдруг. Приятель Ван-Путерена прописал какую-то микстуру в темной банке, а Мин — пильнавскую воду и диету. Я решился следовать совету последнего.

Дмитрий Егорович Мин — ученый переводчик Данта и еще более ученый и опытный медик. Поэт и медик. Какая прекрасная дисгармония!

У старого друга моего Михайла Семеновича везде и во всем поэзия, у него и домашний медик поэт.

15 марта

Вчера было у меня два доктора, а сегодня ни одного. Мне, слава богу, лучше, скоро, может быть, они для меня будут совсем не нужны. Как бы это хорошо было. Надоело смотреть в окно на старого Пимена.

Михайло Семенович ухаживает за мною, как за капризным больным ребенком. Добрейшее создание! Сегодня вечером пригласил он для меня какую-то г. Грекову, мою полуземлячку, с тетрадью малороссийских песен. Прекрасный, свежий, сильный голос, но наши песни ей не дались, особенно женские. Отрывисто, резко, национальной экспрессии она не уловила. Скоро ли я услышу тебя, моя родная задушевная песня?

Петр Михайлович [1], старший сын моего великого друга, подарил мне два экземпляра — фотографические портреты апостола Александра Ивановича Герцена.

16 марта

Нарисовал портрет, не совсем удачно, Михайла Семеновича. Причиной неудачи были сначала Максимович, а потом Маркович. Пренаивные посетители. Им и в голову не пришла поговорка, что не вовремя гость — хуже татарина. А кажется, люди умные, а простой вещи не понимают.

После обеда посетил меня Д. Е. Мин и, кроме диеты и пильнавской воды, ничего не присоветовал. Дня через три обещает выпустить на улицу. Ах, как бы было хорошо!

17 марта

Сегодня опять посетили меня оба медика и, слава богу, кроме диеты и сидения в комнате, ничего не прописали. Я, однако ж, и этого немного не исполнил. Вечером втихомолку навестил давно не виданного друга моего, княжну Варвару Николаевну Репнину. Она счастливо переменилася, потолстела и как будто помолодела, и вдарилась в ханжество, чего я прежде не замечал. Не встретила ли она в Москве хорошего исповедника?

18 марта

Кончил переписывание или процеживание своей поэзии за 1847 год. Жаль, что не с кем толково прочитать. Михайло Семенович в этом деле мне не судья. Он слишком увлекается. Максимович — тот просто благоговеет перед моим стихом, Бодянский тоже. Нужно будет подождать Кулиша. Он хотя и жестоко, но иногда скажет правду; зато ему не говори правды, если хочешь сохранить с ним добрые отношения.

В первом часу поехали мы с Михайлом Семеновичем в город. Заехали к Максимовичу. Застали его в хлопотах около «Русской беседы». Хозяйки его не застали дома. Она была в церкви. Говеет. Вскоре явилась она, и мрачная обитель ученого просветлела. Какое милое, прекрасное создание. Но что в ней очаровательней всего — это чистый, нетронутый тип моей землячки. Она проиграла для нас на фортепиано несколько наших песен так чисто,

безманерно, как ни одна великая артистка играть не умеет. И где он, старый антикварий, выкопал такое свежее, чистое добро? И грустно, и завидно. Я написал ей на память свой «Весенний вечер» [1], а она подарила мне для ношения на шее киевский образок. Наивный и прекрасный подарок.

Расставшись с милою, очаровательною землячкою, заехали мы в школу живописи, к моему старому приятелю А. Н. Мокрицкому [2]. Старый приятель не узнал меня. Немудрено, мы с ним с 1842 года не видались. Потом заехали в книжный магазин Н. Щепкина [3], где мне Якушкин [4] подарил портрет знаменитого Николая Новикова [5]. Потом приехали домой и сели обедать.

Вечером был у О. М. Бодянского. Наговорились досыта о славянах вообще и о земляках в особенности, и тем заключил свой первый выход из квартиры.

19 марта

В 10 часов утра вышли мы с Михайлом Семеновичем из дому и, несмотря на воду и грязь под ногами, обходили пешком, по крайней мере, четверть Москвы. Я не видал Кремля с 1845 года. Казармовидный дворец его много обезобразил, но он все-таки оригинально прекрасен. Храм Спаса вообще, а главный купол в особенности безобразен. Крайне неудачное громадное произведение. Точно толстая купчиха в золотом повойнике остановилась напоказ среди белокаменной. Из Кремля прошли мы на Большую Дмитровку, зашли к Елене Константиновне Станкевич [1], моей старой знакомой; напилися чаю, отдохнули и пошли в книжный магазин Н. М. Щепкина. Из магазина возвратилися опять к Станкевич, где я встретил еще одну мою старую знакомую, Олимпиаду Ивановну Миницкую. Пообедали у Станкевич и в 6 часов вечера благополучно пешком же возвратились восвояси, дивяся бывшему.

20 марта

Мой неразлучный спутник и чичероне Михайло Семенович сегодня ставил себе банки, и я один от 10 до 4 часов месил московскую грязь. Поутру велел я кучеру вымазать

себе сапоги добрым дегтем. Вооружился и по Тверской отправился в Кремль. Полюбовавшися старым красавцем Кремлем, прошел я к юному некрасавцу Спасу, с целию посмотреть скульптурные работы. Но меня и на двор не пустили. «Не приказано»,— сказал сторож. Я ему не противуречил и возвратился в Кремль. Полюбовавшись еще раз стариком, вышел я на Ильинку и потом на Покровку. Зашел к А. А. Сапожникову, моему спутнику из Астрахани до Нижнего. Болен, никого не принимает. И хорошо делает, потому что я весь облеплен грязью. Расспросил у будочника дорогу к почтамту, поплелся тихонько к Мокрицкому. Отдохнул у него, полюбовался эскизами незабвенного друга моего, покойного Штернберга, и пошел к уральскому козачине Савичу. Взял у него летопись Велички [1], которую он получил от О. М. Бодянского два года тому назад для пересылки мне и держал у себя, сам не знает, с каким намерением. От Савичева зашел в харчевню, напился чаю с кренделями и Страстным бульваром вышел на Дмитровку. Потом к старому Пимену и ровно в 4 часа пришел домой.

Вечером Михайло Семенович был готов на новые подвиги, и мы отправились к Станкевичам. Весело, нецеремонно поболтали о Малороссии, о днях минувших, и на расставанье А. В.* Станкевич [2] подарил мне экземпляр стихотворений Тютчева.

21 марта

В 10 часов утра не пешком, а в пролетке пустились мы с Михайлом Семеновичем Москву созерцать. По дороге заехали к сыну его Николаю. Выпили по стакану чаю и потягли далее. Заехали также по дороге к Кетчеру, встретили там Бабста. Кетчер подарил мне все издания своей компании, кроме своего перевода Шекспира,— он еще в типографии. А Бабст подарил свою речь о умножении народного капитала, издание той же компании. Выпили у Кетчера по рюмке сливянки и поехали к Якушкину. Хозяина не застали дома, а милейшая хозяйка подарила нам по экземпляру портрета кн. Волконского [1], декабриста, и мы

---

* В автографі помилково — В. А. *(Ред.)*

раскланялись и поехали к Красным воротам, к Забелину [2]. Это молодой еще человек, самой симпатической кроткой физиономии, обитающий не в квартире, а в библиотеке. Он не совсем здоров, и я не решился просить его показать мне Оружейную палату, где он служит помощником Вельтмана [3]. От Забелина поехали мы в книжный магазин Николая Михайловича, и тут расстался я с моим путеводителем.

Грешно роптать мне на судьбу, что она затормозила мой поезд в Питер. В продолжение недели я здесь встретился и познакомился с такими людьми, с какими в продолжение многих лет не удалось бы встретиться. Итак, нет худа без добра.

Вечер провел у своей милой землячки М. В. Максимович. И несмотря на страстную пятницу, она, милая, весь вечер пела для меня наши родные задушевные песни. И пела так сердечно, прекрасно, что я вообразил себя на берегах широкого Днепра. Восхитительные песни! Очаровательная певица!

22 марта

Радостнейший из радостных дней. Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее мое пребывание в Москве. Человек этот — Сергей Тимофеевич Аксаков. Какая прекрасная, благородная старческая наружность! Он нездоров и никого не принимает. Поехали мы с Михайлом Семеновичем сегодня поклониться его семейству. Он узнал о нашем присутствии в своем доме и, вопреки заповеди доктора, просил нас к себе. Свидание наше длилось несколько минут. Но эти несколько минут сделали меня счастливым на целый день и навсегда останутся в кругу моих самых светлых воспоминаний.

После постного обеда в Троицком трактире отправился я домой с намерением приготовиться к ночному кремлевскому торжеству. Намерение мне не удалось... Прочитав статью в 3 № «Полярной звезды» о записках Дашковой [1], в 11 часов я отправился в Кремль. Если бы я ничего не слыхал прежде об этом византийско-староверском торжестве, то, может быть, оно бы на меня и произвело какое-нибудь впечатление, теперь же ровно никакого. Свету мало, звону много, крестный ход, точно вяземский пряник,

движется в толпе. Отсутствие малейшей гармонии и ни тени изящного. И до которых пор продлится эта японская комедия?

В 3 часа возвратился домой и до 9 часов утра спал сном праведника.

23 марта

Христос воскрес!

В семействе Михайла Семеновича торжественного обряда и урочного часа для разговен не установлено. Кому когда угодно. Республика. Хуже,— анархия! Еще хуже,— кощунство! Отвергнуть веками освященный обычай обжираться и опиваться с восходом солнца. Это просто поругание святыни!

В 10-м часу пришел к Михайлу Семеновичу с праздничным поклоном актер Самарин [1] и сообщил ему очень миленькую эпиграмму Щербины, которую при сем и прилагаю [2].

Боже! В каком я теперь упоении
С «Вестником русским» в руках,
Что за прекрасные стихотворения.
Ах!
Тут Данилевский, Плещеев таинственный,
Майков, наш флюгер-поэт.
Лучше же всех несравненный, единственный
Фет!
Много нелепостей патетических,
Множество фраз посреди.
Много и рифм. Но красот поэтических —
Жди!

24 марта

Еще раз виделся с Сергеем Тимофеевичем Аксаковым и с его симпатическим семейством и еще раз счастлив. Очаровательный старец! Он приглашает меня к себе в деревню на лето, и я, кажется, не устою против такого искушения. Разве попечительная полиция воспрепятствует.

От Аксаковых заехали к В. Н. Репниной. А от нее к актеру Шумскому [1]. Вкусили священной пасхи с вестфаль-

ской колбасой и поехали к Станкевичам. Не застали дома. Отправились в книжный магазин Н. М. Щепкина и ком., где и остались обедать. Обед был званый. Николай Михайлович праздновал новоселье своего магазина и по этому случаю задал пир московской учено-литературной знаменитости. И что это за очаровательная знаменитость! Молодая, живая, увлекающая, свободная! Здесь я встретил Бабста, Чичерина [2], Кетчера, Мина, Кронеберга-сына [3], Афанасьева, Станкевича, Корша [4], Крузе [5] и многих других. Я встретился и познакомился с ними, как с давно знакомыми родными людьми. И за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу М. С. Щепкину.

В 8 часов вечера отправились к купцу Варенцову, музыканту и любителю искусств. Тут встретился я с некоторыми московскими художниками и музыкантами и, послушавши Моцарта, Бетховена и других великих представителей слышимой гармонии, в 11 часов удалились восвояси, дивяся бывшему.

25 марта

Многоуважаемый М. А. Максимович задал мне обед, на который пригласил, между прочим, и ветхих деньми товарищей своих — Погодина [1] и Шевырева [2]. Погодин еще не так стар, как я его воображал себе. Шевырев старше и, несмотря на седенькую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает. Сладкий до тошноты старичок. В конце обеда амфитрион прочел в честь мою стихи собственного сочинения [3]. А после обеда милейшая хозяйка пропела несколько малороссийских песен, и восхищенные гости разошлись кто куда, а я заехал к Сергею Тимофеевичу Аксакову с намерением проститься. Он спал, и я не имел счастия облобызать его седую прекрасную голову. До 9 часов пробыл я у Аксаковых [4] и с наслаждением слушал мои родные песни, петые Надеждой Сергеевной. Все семейство Аксаковых непритворно сердечно сочувствует Малороссии, и ее песням, и вообще ее поэзии. В 9 часов с Иваном и Константином Аксаковыми поехал я к Кошелеву [5], где встретился и познакомился с Хомяковым и со стариком декабристом кн. Волконским. Кротко, без малейшей желчи рассказал он мне некоторые эпизоды из своей 30-летней ссылки и в заключение прибавил, что те

из его товарищей, которые были заточены поодиночке, все перемерли, а те, которые томились по нескольку вместе, пережили свое испытание, в том числе и он.

26 марта

В 9 часов утра расстался я с Михайлом Семеновичем Щепкиным и с его семейством. Он уехал в Ярославль, а я, забравши свою мизерию, поехал к железной дороге, и в 2 часа, закупоренный в вагоне, оставил я гостеприимную Москву. В Москве более всего радовало меня то, что я встретил в просвещенных москвичах самое теплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии. Особенно в семействе С. Т. Аксакова.

27 марта

В 8 часов вечера громоносный локомотив свистнул и остановился в Петербурге. В 9 часов я был уже в квартире моего искреннейшего друга М. М. Лазаревского.

28 марта

По снегу и слякоти пешком обегал я половину города почти без надобности. На перепутье зашел в гостиницу Клея и нашел там только что приехавшего из Москвы Григория Галагана [1]. Он передал мне письмо Максимовича с его стихами, читанными им за обедом 25 марта, записку на получение «Русской беседы» и моего в Москве обретшегося «Еретика», т. е. «Яна Гуса» [2], которого я считал невозвратно погибшим. В 3 часа возвратился я домой и обнял моего задушевного Семена Артемовского. А через полчаса я был уже в его доме, как в своей родной хате. Много и многое мы вспомнили и переговорили, а еще большего не успели ни вспомнить, ни переговорить. Два часа мелькнули быстрее одной минуты. Я расстался с моим милым Семеном, и в 6 часов вечера вместе с Лазаревским отправились мы к графине Н. И. Толстой.

Сердечнее и радостнее не встречал меня никто и я никого, как встретились мы с моей святой заступницей и с

графом Федором Петровичем. Эта встреча была задушевнее всякой родственной встречи. Многое хотелось мне пересказать ей, и я ничего не сказал. В другой раз. Бутылкой шампанского освятили мы святое радостное свидание и в 8 часов расстались.

Вечер провели мы у В. М. Белозерского [3], моего соузника и соседа по каземату в 1847 году. У него встретил я моих соизгнанников оренбургских — Сераковского, Станевича и Желяковского (Сову) [4]. Радостная, веселая встреча. После сердечных речей и милых родных песен мы расстались.

29 марта

В 10 часов утра явился я казанским сиротой к правителю канцелярии обер-полицеймейстера, к земляку моему И. Н. Мокрицкому [1]. Он принял меня полуофициально, полуфамильярно. Старое знакомство сказалось в скобках. В заключение он мне посоветовал сбрить бороду, чтобы не произвести неприятного впечатления на его патрона, графа Шувалова [2], к которому я должен явиться, как главному моему надзирателю.

От Мокрицкого я опять пошел гранить уже высушенную мостовую и упражнялся в сем хитром ногодельи до 12 часов, а в 12 часов с М. Лазаревским поехали к Василию Лазаревскому [3]. На удивление симпатические люди эти прекрасные братья Лазаревские, и все шесть братьев, как один, замечательная редкость. Василь принял меня как давно не виданного своего друга. А мы с ним в первый раз в жизни встречаемся. От земляк, так земляк!

Вечером отправились мы в цирк-театр смотреть и слушать живописную лекцию геологии профессора Роде [4]. Лекция мироздания прекрасна. И астрономические картины почти не лишни, но к чему эти аляповатые суздальские виды городов и зданий, оскорбляющих искусство? И к чему эти живые вертящиеся ситцевые узоры, оскорбляющие науку? Странно! А еще более странно то, что публика рукоплещет этой балаганной пошлости. Толпа. Да еще столичная толпа!

30 марта

Заказал фотографический портрет в шапке и тулупе для М. А. Дороховой. Искал квартиру Бабста и не нашел. Жаль. Несмотря на возмутительную погоду, прошел на Васильевский остров, зашел к художнику Лаврову [1] и от него узнал о смерти Павла Петровского. Отвратительная новость. Бедная старуха мать, она не переживет этой страшной новости.

Вечером графиня Настасья Ивановна представила меня своим знакомым, собравшимся у нее в этот вечер порядочной толпою. Они приветствовали меня как давно ожиданного и дорогого гостя. Спасибо им. Боюсь, как бы мне не сделаться модной фигурой в Питере. А на то похоже.

31 марта

С художником Лукашевичем [1] был в Эрмитаже. Новое здание Эрмитажа показалось мне не таким, как я его воображал. Блеск и роскошь, а изящества мало. И в этом великолепном храме искусств сильно напечаталась тяжелая казарменная лапа неудобозабываемого дрессированного медведя [2].

В три часа возвратился домой и, под влиянием виденного, привел себя в горизонтальное положение, как вошел ко мне мой старый, не забытый, но из виду потерянный знакомый и щирый земляк Л. Н. Дзюбин. Вспомнили старину и отправились в отель «Париж» обедать. После обеда прошлись по Невскому и на сегодняшний день расстались.

Вечер провел у Семена [3].

1 апреля

Обманывают и обманываются. Хорошо, если бы это случалось только первого апреля. Откуда взял свое начало этот нелепый обычай?

Долго шлялся по Невскому проспекту без всякой цели. Потом прошел на Бассейную, нашел квартиру Кокорева [1], а самого хозяина не нашел дома. Обедал у Белозерского. После обеда получил записку от графини Настасьи Ивановны и вечером отправился к ней. Никакой экстренности. Ей

просто хотелось меня видеть. Доброе создание! К графине заехал Сошальский и увез меня к именинице землячке Марье Степановне [2]. Мы с ней не видались с 1845 года. Едва заметно постарела. На удивление прочная землячка.

2 апреля

В первом часу Сошальский повез меня к землячке Ю. В. Смирновой. Я знал ее наивной, милой институткой в 1845 году. А теперь черт знает что! Претензия на барыню, а в самом деле и на порядочную горничную не похожа. От Смирновой заехали к Градовичу. Тоже старый знакомый. От Градовича зашел я, уже без Сошальского, в Палкин трактир, пообедал и отправился домой.

Вечером в цирке-театре смотрел и слушал «Бронзового коня» [1]. Великолепная постановка, и больше ничего. Один старик Петров и Семен со славою поддержали «Бронзового коня». А прочее — чепуха.

3 апреля

НАВУХОДОНОСОР [1]

(Из Беранже. В. Курочкина)

В давнопрошедшие века,
До рождества еще Христова,
Жил царь под шкурою быка:
Оно для древних это ново,
Но так же точно льстил и встарь,
И так же пел придворных хор:
Ура! Да здравствует наш царь
Навуходоносор!

«Наш царь бодается — так что ж?
И мы топтать народ здоровы»,—
Решил совет седых вельмож.
Да здравствуют рога царевы!
Ведь и в Египте государь
Был божество с давнишних пор.
Ура! Да здравствует наш царь
Навуходоносор.

Державный бык коренья жрет,
Вода речная ему пойло.
Как трезво царь себя ведет!
Поэт воспел бычачье стойло.
И над поэмой государь,
Мыча, уставил мутный взор.
Ура! Да здравствует наш царь
Навуходоносор.

В тогдашней «Северной пчеле»
Печатали неоднократно.
Что у монарха на челе
След виден думы необъятной,
Что из сердец ему алтарь
Воздвиг народный приговор.
Ура! Да здравствует наш царь
Навуходоносор.

Бык только ноздри раздувал,
Упитан сеном и хвалами,
Но под ярмо жрецов попал...
И, управляемый жрецами,
Мычал рогатый государь —
За приговором приговор.
Ура! Да здравствует наш царь
Навуходоносор.

Тогда не выдержал народ.
В цари избрал себе другого,
Как православный наш причет,
Жрецы — любители мясного...
Как злы-то были люди встарь!
Придворным-то какой позор!
Был съеден незабвенный царь
Навуходоносор.

Льстецы царей! Вот вам сюжет
Для оды самой возвышенной,
Да и цензурный комитет
Ее одобрит непременно.
А впрочем... слово государь
Не вдохновляет вас с тех пор,
Как в бозе сгнил последний царь
Навуходоносор.

Только что успел я положить перо, дописавши последний куплет этого прекрасного и меткого стихотворения, как вошел ко мне Каменецкий, за ним Сераковский, а за ним Коневич, в заключение Дзюбин, который и пригласил меня обедать. Вот тебе и письма. Нужно где-нибудь спрятаться.

После не совсем умеренного обеда вышли мы на улицу и, пройдя несколько шагов, встретили мы вездесущего вечного жида, брехуна Элькана[2]. После продолжительной прогулки мы с ним расстались и по его указаниям пошли искать квартиру актера Петрова и, разумеется, не нашли. Ругнули всеведущего Элькана и по дороге зашли к Бенедиктову. Встретил он меня непритворно радостно и после разнородных разговоров он по моей просьбе прочитал нам некоторые места из «Собачьего пира» (Барбье), и теперь только я уверился, что этот великолепный перевод принадлежит действительно Бенедиктову.

4 апреля

Каменецкий сообщил мне все мои сочинения, переписанные Кулишом, кроме «Еретика». Нужно будет сделать выбор и приступить к изданию. Но как мне приступить к цензуре?

В 3 часа пообедал с Дзюбиным, тоже не совсем умеренно, и вечер провел у Семена.

5 апреля

Приезжал Смаковский просить меня обедать с ним и с Дзюбиным. Я спал. Меня, спасибо, не збудили. И я, под предлогом болезни, не поехал на лукулловский обед. Бог с ними. С непривычки можно серьезно захворать. Вечер провел у Галагана.

6 апреля

Имел великое несчастие облачиться во фрак и явиться к своему главному надзирателю графу Шувалову. Он принял меня просто, неформенно, а главное, без приличных случаю назиданий, чем сделал на меня выгодное для себя впечатление.

При этом удобном случае познакомился с женою правителя канцелярии обер-полицеймейстера И. Н. Мокрицкого. Она урожденная Свичка и настоящая моя землячка. Мы с ней встретились, как старые знакомые.

Расставшись с милейшей землячкой, прошел я в Академию художеств на выставку. Пейзажи преимущественно перед другими родами живописи мне бросились в глаза. Калам имеет сильное влияние на пейзажистов. Самого Калама две вещи не первого достоинства.

Вечер провел у графини Настасьи Ивановны. Слышал в первый раз игру Антония Контского [1] и лично познакомился с поэтом Щербиною [2].

7 апреля

Было намерение съездить в Павловск к старику Бюрно. Но этому доброму намерению невинно поперечил художник Соколов [1], к которому я зашел по дороге, пробыл у него до 4 часов и опоздал на железную дорогу. Непростительная рассеянность.

Вечером пошли с Михайлом до Семена и не застали его дома.

8 апреля

Воспользовавшись хорошею погодою, пустился я пешком в Семеновский полк искать квартиру Олейникова. Квартиру нашел, а хозяина не нашел и прошел в Бассейную к Кокореву. И сего откупщика-литератора не нашел дома. По дороге зашел на Литейную к Василию Лазаревскому, отдохнул немного и пустился пешком же в Большую Подьяческую к Семену обедать. После обеда вышли на улицу и случайно зашли к бедному бесталанному генералу Корбе [1]. Плачет, бедный, не о том, что из службы выгнали, а о том, что Станислава не дали. Бедный, несчастный человек!

Вечером зашел к Кроневичу, к моему соизгнаннику, и между многими поляками встретил у него и людей русских, между которыми и две знаменитости: графа Толстого, автора солдатской севастопольской песни [2], и защитника Севастополя генерала Хрулева [3].

Последняя знаменитость мне показалась приборканою.

9 апреля

Квитался за неумеренный ужин Кроникевича.

10 апреля

Посетил московского знакомого, некоего Безобразова. Потом Рамазанова [1] и Михайлова, хотел пройти на выставку, да не удалось. Царь помешал. Смотрел в цирке-театре «Москаля-чаривныка». Очаровательный Семен. А прочие — чушь.

11 апреля

Поручил Каменецкому хлопотать в цензурном комитете о дозволении напечатать «Кобзаря» и «Гайдамаки» под фирмою «Поэзия Т. Ш.»). Что из этого будет?

Зашел по пути к певцу-актеру Петрову [1]. Он только потолстел, а она, увы, из миленькой Анны Яковлевны сделалась почтенная, но все-таки милая старушка. Непрочный пол! Забежал к Семену, выпил рюмку водки и пошел к Корбе обедать. Скучно и грязно, как у старого холостяка, и вдобавок у военного. Вечером у Белозерского слушал новую драму Желяковского (Совы) и с успехом доказал Сераковскому, что Некрасов [2] не только не поэт, но даже стихотворец аляповатый.

12 апреля

Снег, слякоть, мерзость; невзирая на все это, отправились мы, т. е. я, Семен и М. Лазаревский, в Академию смотреть выставку. Во избежание простуды завернули к Смурову, выпили по рюмке джину и проглотили по десятку устриц. С выставки пошли мы на званый обед к графине Настасье Ивановне, данный ею своим близким многочисленным приятелям по случаю моего возвращения. За обедом граф Федор Петрович сказал коротенькое слово в честь милостивого царя. А в честь моего невольного долготерпения сказал почти либеральное слово Николай Дмитриевич Старов [1]. Потом Щербина, и в заключение сама графиня Настасья Ивановна. Мне было и приятно, и вме-

сте неловко. Я не чаял себе такой великой чести. Для меня это было совершенно ново. Семен заметил, что за столом все были бледны, тощи и зелены, кроме несчастного изгнанника, т. е. меня. Забавный контраст.

После обеда повез меня Сошальский к землячке М. С. Кржисевич, а часу в первом — к Борелю. А от Бореля к Адольфине, где я его и оставил.

13 апреля

От Н. Д. Старова поехали мы с Семеном к М. В. Остроградскому [1]. Великий математик принял меня с распростертыми объятиями, как земляка и как надолго отлучившегося куда-то своего семьянина. Спасибі йому. Остроградский с семейством едет на лето в Малороссию. Пригласил бы, говорит, и Семена с собою, но боится, что в Полтавской губернии сала не хватит на его продовольствие.

Обедал у Семена, вечер провел у графини Настасьи Ивановны. Слушал стихотворения Юлии Жадовской [2]. Жалкая, бедная девушка!

14 апреля

Семен познакомил меня с весьма приличным юношею, с В. П. Энгельгардтом [1]. Многое и многое пошевелилось в душе моей при встрече с сыном моего бывшего помещика. Забвение прошедшему. Мир и любовь настоящему.

Вечером Грицько Галаган познакомил меня с черниговскими землячками, с Карташевскими [2]. Не жеманные, милые, настоящие землячки.

15 апреля

По желанию графини Настасьи Ивановны представлялся шефу жандармов кн. Долгорукову [1]. Выслушал приличное случаю, но вежливое наставление, и тем кончилась аудиенция.

Вечер провел у земляка Трохима Тупыци [2], где встретился с Громекою [3], автором статьи «О полиции и о взятках», и познакомился с стариком Персидским [4]. С декабристом.

16 апреля

Грицько Галаган приехал просить записать ему мой «Весенний вечер». Я охотно исполнил его желание, а он, чтобы не остаться у меня в долгу, записал прекрасное стихотворение Хомякова.

И. Н. Дзюбина познакомил я с Семеном, а он, чтобы тоже не остаться в долгу, вздумал попотчевать меня каким-то молодым генералом Крыловым, земляком из Харькова. Несмотря на молодость и любезность, генерал оказался далеко не симпатичным. А обед его, почти царский, тоже показался как-то приторным.

Вечером Мей [1] прислал мне тот самый «Весенний вечер», который я поутру записал для Галагана, в русском переводе собственного изделия. Спасибо ему.

СТИХОТВОРЕНИЕ ХОМЯКОВА

Тебя избрал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев бог тебя зовет
Чрез волны буйного Дуная
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод!

Но помни: быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело,
Своих рабов он судит строго,
А на тебе, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени гнусной и позорной,
И всякой мерзости полна.

О! Недостойная избранья, ты избрана,
Скорей омой себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой.

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной

И раны совести растленной
Елеем плача исцели.

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом,— то божий меч.

17 апреля

Н. Д. Старов прислал М. Лазаревскому написанное слово, сказанное им в честь мою на обеде у графини Н. И. Толстой. Как вещь, дорогую для меня, заношу его в мой журнал.

«Признательное слово Т. Г. Шевченку.

Несчастие Шевченка кончилось, а с тем вместе уничтожилась одна из вопиющих несправедливостей. Мы не нарушим скромности тех, чье участие способствовало этому добру и приобрело благодарность всех, сочувствующих достоинству блага... Мы скажем, что нам отрадно видеть Шевченка, который среди ужасных, убийственных обстоятельств, в мрачных стенах казармы смердячои — не ослабел духом, не отдался отчаянию, но сохранил любовь к своей тяжкой доле, потому что она благородна. Здесь великий пример всем современным нашим художникам и поэтам, и уже это достойно обессмертить его!..

Позвольте же предложить тост признательности за Шевченка, который своими страданиями поддержал то святое верование, что истинно нравственную природу человека не в силах подавить никакие обстоятельства!..

Н. Старов

12 апреля, 1858».

В. М. Белозерский познакомил меня с профессором Кавелиным [1]. Привлекательно-симпатическая натура.

Тот же Белозерский познакомил меня с тремя братьями Жемчужниковыми [2]. Очаровательные братья!

Вечером в цирке-театре слушал оперу «Жизнь за царя» [3]. Гениальное произведение! Бессмертный М. И. Глинка!

Петров в роли Сусанина попрежнему хорош, и Леонова в роли Вани хороша, но далеко не Петрова, которую я слышал в 1845 году.

18 апреля

Получил милейшее письмо от милейшего Сергея Тимофеевича Аксакова, на которое буду отвечать завтра,— сегодня я увлекся своею «Лунатикою» [1]. Если бы не помешал обязательный Сошальский, то я кончил бы «Лунатику». Но, увы, нужно было оставить невещественное слово и приняться за вещественное дело, т. е. за увесистый обед.

Вечером с тем же обязательным Сошальским поехали мы к милой и талантливо-голосистой певице мадмуазель Грубнер [2]. Там встретился я с Бенедиктовым, Даргомыжским [3] и с архитектором Кузьминым [4], старым и хорошим знакомым. Музыкальное наслаждение заключилось смешным и приторным мяуканьем Даргомыжского. Точно мышонок в когтях кота. А ему аплодируют. Странные люди эти меломаны. А еще страннее такие певцы, как Даргомыжский.

19 апреля

Вчера Сошальский пригласил меня с Михайлом на борщ с сушеными карасями и на вареники. А сегодня графиня Настасья Ивановна просит запиской к себе обедать и обещает познакомить с декабристом бароном Штейнгелем [1]. Мы предпочли декабриста борщу с карасями и за измену были наказаны бароном. Он не пришел к обеду. Одичалый барон.

За обедом познакомился я с адмиралом Голенищевым [2]. Адмирал — товарищ графа Федора Петровича. Простой и, кажется, хороший человек.

Вечер провел у Галагана. Он прочитал описание своего будынка, збудованого им в старом малороссийском вкусе в Прилуцком уезде. Барская, но хорошая и достойная подражания затея.

20 апреля

Обедал у Н. Д. Кавелина и там же познакомился с Галаховым [1], составителем русской хрестоматии.

21 апреля

Без всякой цели до обеда шлялся по городу. Вечером пошел в театр. Спектакль вообще был хорош, а увертюра «Вильгельма Телля» очаровательна. Хваленый тенор Сетов [1] ниже всякой посредственности. Просто дрянь. А ему аплодируют. Семен в роли отца Линды де Шамуни очень хорош.

Из театра зашел к Белозерскому и застал у него К. Д. Кавелина. С разговора о минувшей и будущей судьбе славян мы перешли к психологии и философии. И просидели до трех часов утра. Школьничество. Но очаровательное школьничество!

22 апреля

Тоже без всякой цели шлялся до обеда, только уже не один, а с Семеном. Вечером с Семеном же пошли к землячке М. Л. Мокрицкой и до второго часу с удовольствием переливали из пустого в порожнее.

23 апреля

Вчера условились мы с Семеном, чтобы сегодня часу в первом ехать посмотреть дачи. Ровно до двенадцати часов была погода хорошая, потом пошел дождь, затяжной, как его называют. Мы просидели весь день дома, читали Гумбольдта «Космос» [1] и, глядя в окно, повторяли поговорку: «Вот те, бабушка, и Юрьев день».

24 апреля

Предположения мне никогда не удаются, а не могу отказать себе в удовольствии сочинять предположения. Сегодня, например. Выходя из дому, я располагал провести время до обеда так: сначала зайти в Академию посмотреть выставку, потом зайти к Иордану, своему будущему профессору, потом к барону Клодту [1] и в заключение к графине Настасье Ивановне и у нее остаться обедать. Таков был проект. А случилось вот как. В первой зале в Академии

встретился мне Зимбулатов [2] и Бориспольц [3], мои старые и искренние друзья. Наскоро обошли мы выставку, отправились к Зимбулатову и время до обеда провели в воспоминаниях. Я совершенно доволен неудачею.

Вечером собрались мы с Михайлом к брату его Василю, да зашли к Семену и там провели вечер. Тоже неудача.

25 апреля

В 10 часов утра пошел проститься с А. Н. Мокрицким, отъезжающим в Москву. По дороге зашел к М. И. Сухомлинову [1] да по дороге же зашел к барону Клодту, полюбовался монументом неудобозабываемому и прошел в Академию на выставку. В первой зале встретился с Жемчужниковым, а в последней с Семеном. Из Академии поехали с Семеном на Петербургскую сторону искать дачу. Дачу нашли, оставили задаток и в 6 часов вечера приехали домой. Вечером с Семеном же были у Н. И. Петрова [2], слушали бесконечные и бесплодные толки о эмансипации.

26 апреля

На обеде у Сошальского лично познакомился с поэтом Курочкиным и с братом его Николаем [1], достойным молодым человеком. Поэт Курочкин много обещает в будущем. Дай бог, чтобы сбылись мои надежды.

27 апреля

Обещался обедать у художника Лукашевича и по рассеянности соврал.

28 апреля

Сошальский подарил мне часы стенные. А Василь Лазаревский — термометр. По милости добрых людей главные инструменты имею для опытов над акватинтой. Когда же я примусь за самые опыты?

29 апреля

Зашел к Дзюбину. Не застал его дома, спросил завтрак и оставил ему за угощение случившуюся со мною рукопись: «Послание к мертвым, живым и ненарожденным землякам» [1], надписавши: «На память 1 мая», тоже по рассеянности.

30 апреля

Пошли с Семеном в Летний сад с намерением посмотреть монумент Крылова. По дороге зашли в Казанский собор посмотреть картину Брюллова. Но, увы, она так умно, удачно поставлена премудрыми попами, что и кошачьими глазами видеть ее невозможно. Отвратительно! По дороге зашли в Пассаж, полюбовались шляющимися красавицами и алеутскими болванчиками и прошли в Летний сад. Монумент Крылова, прославленный «Пчелой» и прочими газетами, ничем не лучше алеутских болванчиков. Бессовестные газетчики! Жалкий барон Клодт! Вместо величественного старца он посадил лакея в нанковом сюртуке с азбучкой и указкою в руках. Барон без умысла достиг цели, вылепивши эту жалкую статую и барельефы именно для детей, но никак не для взрослых. Бедный барон! Оскорбил ты великого поэта, и тоже без умысла.

Оскорбленные бароном, мы взяли ялик и поплыли на биржу. Полюбовались величественной биржевой залой, прошли в сквер, посмотрели на обезьян и попугаев и зашли на постоянную выставку художественных произведений. Бедный Тыранов [1], он и свое болезненное маранье тут же выставил. Грустное, тяжелое впечатление!

Находившись до упаду, мы на ялике переплыли Неву, прошли часть бульвара, в окнах магазина Дациаро [2] полюбовались акватинтами, взяли извозчика и отправились домой обедать.

Вечером был у Белозерского и у Кроневича.

1 мая

Решили мы с Семеном провести день как-нибудь, а вечером отправиться в Екатерингоф [1] посмотреть праздничную публику. Часу в первом пошли мы в Академию на

выставку и зашли к графине Настасье Ивановне. Не застали ее дома и прошли к Остроградскому с намерением там и пообедать. Не удалось. Михайло Васильевич и его благоверная В. Д. больны, а дети гулять ушли. Мы последовали их примеру и, пошлявшись по набережной Невы, возвратились домой.

В 8 часов вечера вместо Екатерингофа зашли к Белозерскому и весело проболтали до первого часа.

2 мая

Были с Семеном в Эрмитаже, в отделении древней и новой скульптуры. Я не воображал в таком количестве остатков древней скульптуры в Эрмитаже, вероятно, они собраны со всех дворцов. Прекрасная мысль. В отделении новой скульптуры меня очаровал Танерини [1] своей умирающей Душенькой и обидно разочаровал покойник Ставассер своей неуклюжей русалкой. Смотрели музей древностей, библиотеку и на первый раз тем кончили. Внимание утомилось. Залы музея отделаны с бо́льшим вкусом, нежели картинная галерея.

Из Эрмитажа прошли мы на выставку цветов. Изумительная роскошь цветов и растений. Но густая толпа хорошеньких зрительниц мешает вполне наслаждаться произведениями флоры. В толпе посетителей встретил старых друзей моих Маслова и толстейшего Сережу Уварова. Не графа, а просто Уварова.

3 мая

Был в Эрмитаже один, без Семена. Его утомила вчера античная галерея и древности, и он отказался мне сопутствовать. Ледащо! В Эрмитаже встретился и познакомился с знаменитым гравером Иорданом. Он слышал о моем намерении заняться акватинтой и предложил мне свои услуги в этом новом для меня деле. Обрадованный его милым, искренним предложением, я обошел два раза все залы, с целию выбрать картину для первой пробы избранного мною искусства. После внимательного обозрения остановился я на эскизе Мурильо [1] «Святое семейство». Наивное, милое сочинение. Я не видал картины этого содержания,

которой бы так шло это название, как гениальному эскизу Мурильо. Итак, с божиею и Иордановою помощию принимаюсь за опыты, а потом и за Мурильо.

В 4 часа оставил я Эрмитаж и зашел на выставку цветов. Волшебный переход! В продолжение нескольких часов внимательного созерцания произведений великих мастеров я утомился, отяжелел духом, и вдруг живая, свежая прелесть природы и искусства благотворно охватывает меня и обновляет. Разнообразная зелень, массы свежих роскошных цветов, музыка и в довершение очарования — толпы прекрасных, молодых и свежих, как цветы, женщин. Я обещался в 5 часов обедать у Уваровых и пробыл в этом раю до 6 часов. О столица!

Вечером передавал мои впечатления Семену и его милейшей Александре Ивановне.

4 мая

Был у Ф. И. Иордана. Какой обязательный, милый человек и художник и вдобавок живой человек, что между граверами большая редкость. Он мне показывал в продолжение часа все новейшие приемы гравюры акватинты, изъявил готовность помогать мне всем, что от него будет зависеть. Я расстался с ним вполовину будущим гравером.

От Иордана зашел ненадолго к графине Настасье Ивановне, а от нее прошел к граверу и печатнику Служинскому [1], тоже за сведениями; застал его за обедом, и о деле не было речи.

Зашел к старым друзьям, к Уваровым, с целью у них обедать. Старик Уваров сообщил мне, что сопутник мой от Астрахани до Нижнего, А. А. Сапожников, здесь и завтра уезжает в Москву. Я пустился к нему, застал его дома, но он меня не принял по случаю скорого обеда. Это меня немного сконфузило, я отряхнул прах от ног своих и по дороге зашел к черниговскому земляку своему Н. И. Петрову, где и пообедал нараспашку.

Вечером поехали с Семеном к графине Настасье Ивановне, где и пробыли до бела дня.

5 мая

В Эрмитаже встретил товарища по Академии Михайлова, бывшего фаворита К. П. Брюллова. Обойдя картинную и античную галерею, зашли мы в «Лондон» позавтракать. До выезда своего из Рима в Мадрид Михайлов часто виделся с К. П. Брюлловым в Риме. И рассказал про его изумительное, неслыханное скаредничество. Великий Брюллов великого Рембрандта [1] перещеголял в этом таинственном искусстве. Расставшись с Михайловым, пошел я обедать к Лукашевичу. Тоже ученик и любимец великого Брюллова. Лукашевич повторил мне слова Михайлова с вариациями. Кроме нравственного бессилия, нечем растолковать подобное явление.

С Служинским зашел к Н. И. Уткину и не застал его дома. Вечером с М. Лазаревским пошли к Семену и тоже не застали дома.

6 мая

С Семеном поехали мы к Энгельгардту и не застали дома. Зашли к Курочкину — тоже, зашли к землячке, М. С. Кржисевич, и она нас встретила резвая, веселая, молодая, как и десять лет назад. Чудная женщина, ее и горе не берет. А горя у нее немало. Она на днях возвратилась из Москвы и привезла мне три короба поклонов от моих московских друзей. Гостеприимная землячка предложила нам завтрак, а мы не отказались. Плотно позавтракавши и весело поболтавши, мы взялись за шапки, как вошел Громека и с ним еще какой-то киевский земляк. Громека по праву кума вместо ручки поцеловал ножку у хозяйки. Эта нежность нам не понравилась, и мы вскоре ушли.

Семен за какой-то надобностью зашел к Юзефовичу [1], обер-секретарю синода, и меня потащил с собою. Новый знакомый, несмотря на приветливость, мне не понравился, быть может потому, что он родной брат предателя — киевского Юзефовича.

Расставшись с новым знакомым, поехали мы обедать тоже к новым знакомым, к Степановым из Харькова. После обеда Семен пошел в театр, а я к Сухомлинову, где и встретил старого знакомого и земляка, академика Ники-

тенка [2]. Из декламатора, актера, профессора Никитенко превратился в простого любезного старика, в разговоре не избегающего даже малороссийских выражений. Приятное превращение!

7 мая

От 10 до 12 часов Семен с своим учеником пел разные дуэты, а Александра Ивановна им аккомпанировала на фортепиано, а я слушал и по временам аплодировал. С каким трепетным наслаждением я воображал подобную сцену в Новопетровском укреплении. А теперь, когда осуществилось мое лихорадочное ожидание, я смотрю и слушаю как самую обыкновенную вещь. Странный человек вообще, в том числе и я. После дуэтов вышли мы с Семеном на улицу без всякой цели. Зашли случайно в музыкальный магазин Пеца, поболтали и потом зашли к художнику Соколову; полюбовались рисованными нашими земляками и землячками и пошли к Дзюбину — не застали дома; зашли к М. Лазаревскому, тоже не застали дома. Возвратились к Семену и, дождавшись Юзефовича с семейством, принялись обедать.

8 мая

Написал письмо Н. А. Брылкину, отослал на почту и собрался идти в Эрмитаж работать, как вошел Н. Курочкин и Вильбуа [1]. План мой внезапно изменяется. Вместо Эрмитажа пошли мы к Семену потолковать насчет постановки на сцену оперы Вильбуа. Семена не застали дома. Зашли к Софье Федоровне — то же самое. Зашли в трактир, пообедали и разошлись.

9 мая

Было намерение вытащить Дзюбина в Павловск, он не согласился, и я пустился пешком на Крестовский к Старову. В ожидании обеда обошел с Ноздровским половину Крестовского и Петровского острова. Пообедал и пешком же возвратился домой.

Вечером были с Семеном у миленькой Гринберг. Она много и прекрасно пела. Досадно, что она мала ростом, для сцены не годится, а какая бы славная, пламенная была актриса.

10 мая

Начал работать в Эрмитаже. В добрый час сказать, в худой помолчать. Во втором часу пошел на Английскую набережную проводить Сухомлинова за границу. Простившись с Сухомлиновым, зашел к Н. И. Петрову. У него случился билет для входа в Исаакиевский собор [1], и мы отправились, и нас не впустили, потому что билет подписан Васильчиковым, а не Гурьевым. Китайский резон.

11 мая

Работал в Эрмитаже до трех часов. Обедал с Желяковским у Белозерского, и за успех будущего польского журнала «Слово» [1] выпили бутылку шампанского. Вечером с Семеном отправились к графине Н. И. Толстой и возвратились в четыре часа утра. К великой радости хозяйки, последний весенний вечер был оживлен, как обыкновенно, и необыкновенно весел. Семен и мадмуазель Гринберг были душою общей радости.

12 мая

Проводил Грицька Галагана в Малороссию и пошел к графине Настасье Ивановне с целью устроить себе постоянную квартиру в Академии. Она обещает, и я верю ее обещанию. Расставшись с Настасьей Ивановной, зашел ненадолго к художнику Микешину [1] и потом к Глебовскому. Счастливые юноши и пока счастливые художники!

По приглашению Троцины [2] и прочих земляков пришел я к Дюссо в 5 часов обедать и неожиданно встретил нижегородских моих приятелей — Лапу и Бабкина. После обеда ездили с Троциною и Макаровым [3] кое-куда неудачно.

13 мая

Заказал медную доску. По дороге зашел к Курочкину и не застал дома. Зашел к землячке Кржисевич — то же самое. Зашел к Градовичу и в дверях встретил сестру Троцины, сегодня возвратившуюся из-за границы. Свежая и здоровая. Поездки за границу старых больных дев без прислуги должно принять за нормальное лекарство.

DO BRATA TARASA SZEWCZENKI [1]

Wieszczu ludu — ludu synu,
Tyś tem dymny, boś szlachetny,
Bo u skroń twych liść wawrzynu,
Jak ton pieśn twych, smutny, świetny.

Dwa masz wieńce męczenniku,
Oba piękne, chociaż krwawe,
Boś pracował nie na sławę,
Lecz swe braci słuchał krzyku.

Im zamknięto w ustach jęki —
Ach! i jęk im liczon grzechem!
Tyś powtórzył głośnem echem
Zabronionych jęków dźwięki.

I nad każdym tyś przebolał
I przepłakał nim urodził,
Lecz duch ś wyżyn się okolał
I duch pierś twą oswobodził,

Smutny wieszczu! patrz cud słowa!
Jako słońca nikt nie schowa.
Gdy dzień wzejdzie, tak nie może
Schować słowa nikt z tyranów;
Bo i słowo jest też boże
I ma wieszczów za kapłanów.

Jak przed grotem słońca pryska
Ciemnej nocy mrok i chłód,
Tak zbawienia chwila bliska,
Kiedy wieszczów rodzi lud!

Antoni Sowa

Забіліли сніги, заболіло тіло, ще й головонька,
Та ще й головонька.
Ніхто не заплаче по білому тілу, по бурлацькому,
Та й по бурлацькому.
Ні отець, ні мати, ні брат, ні сестриця, ні жона його,

Та й ні жона його,
Ой тілько заплаче по білому тілу товариш його,
Та й товариш його.
«Прости мене, брате, вірний товаришу, можеть, я умру,
Та й, можеть, я умру.
Зроби мені, брате, вірний товаришу, з клен-древа труну,
Та з клен-древа труну.
Поховай мене, брате, вірний товаришу, в вишневім саду,
Та в вишневім саду;
В вишневім садочку, на жовтім пісочку під рябиною,
Та й під рябиною.
Рости, рости, древо тонке, високее, кучерявее,
Та й кучерявеє;
Та іспусти гілля зверху до коріння, лист додолоньку,
Та й лист додолоньку;
Покрий тее тіло бурлацькее біле, ще й головоньку,
Та ще й головоньку.
А щоб тее тіло бурлацькее біле та й не чорніло,
Та й не чорніло,
Од буйного вітру, од ясного сонця та й не марніло,
Та й не марніло.

Вечером был у Желяковского, и он мне записал свое прекрасное стихотворение. А Каменецкий записал малороссийскую песню. Первая песня, которую я знаю без рифмы.

14 мая

Дни нечаянных встреч. Третьего дня с Лапой, вчера с Троциной, а сегодня прихожу к графине Настасье Ивановне обедать и встречаюсь с моим единым, моим незабвенным другом М. С. Щепкиным. Он приехал сюда по случаю юбилея Гедеонова, и, не зная моего адреса, искал меня в Академии и зашел к графине, зная, что я там бываю. Догадливый мой великий друг.

После обеда графиня со всем семейством и мы с нею отправились к адмиралу А. В. Голенищеву. Старик был в восторге от неожиданного гостя. Тут же встретил я и познакомился с декабристом бароном Штейнгелем, с тобольским другом М. Лазаревского.

15 мая

Обещался быть у Михайла Семеновича в 7 часов утра и проспал до 10. Хорош приятель. Ушел в Эрмитаж и

работал до трех часов. Вечером пошел до Семена и не застал дома.

16 мая

Не умывшись, поехал к Михайлу Семеновичу, но он уже исчез. С горя зашел к Курочкину — спит. Зашел к Энгельгардту — в ванне. Пошел к меднику, взял доску и на авось зашел к землячке Марье Степановне — застал дома. Наболтавшись досыта, провел ее к Градовичам и пошел домой. Вечером восхищался пением милочки Гринберг; с Сошальским и Семеном в восторге заехали ужинать к Борелю и погасили свои восторги у Адольфины. Цинизм!

17 мая

Из приюта Адольфины в 7 часов утра отправился к Михайлу Семеновичу, застал еще в халате. Наговорились и уговорились обедать у К. Д. Кавелина, что и исполнили в 4 часа. Вечером был у Семена и не застал дома. Гульвиса!

18 мая

Очаровательная Александра Ивановна Артемовская сегодня именинница. М. Лазаревский купил для нее роскошный букет цветов, а я отнес ей и преподнес. И я в барышах, и она не вправе сказать, что я поздравил ее с пустыми руками. И вежливо, и дешево.

Отобедав у именинницы, я с Лазаревским вскоре отправились к графине Настасье Ивановне и нашли там М. С. Щепкина. Великий друг мой по просьбе графини прочитал монолог «Скупого рыцаря» Пушкина, «Фейерверк» и рассказ охотника из комедии Ильина [1]. И прочитал так, что слушатели видели перед собою юношу пламенного, а не 70-летнего старика Щепкина. Гениальный актер и удивительный старик. По обещанию и я с горем пополам прочитал им свои «Неофиты». Не знаю, насколько они меня поняли. По крайней мере, внимательно слушали.

19 мая

В 12 часов проводил моего великого друга М. С. Щепкина на Московскую железную дорогу. На Михайловском театре смотрел Садовского [1] в роли Расплюева («Свадьба Кречинского») [2]. После Щепкина я не знаю лучшего комика. Самойлов [3] далеко уступает Садовскому. Г. Снеткова 2-я просто кукла. Как бы хороша была в этой роли моя незабвенная Пиунова.

20 мая

До трех часов работал в Эрмитаже. Обедал у моих старых друзей Уваровых. Сергей Уваров, веселейший толстяк на свете, сказал следующий экспромт разносчику апельсинов:

Напрасно, разносчик, в окно ты глядишь
Под бременем тягостной ноши.
Напрасно ты голосом звонким кричишь:
«Лемоны, пельцыны хороши!»
Не обольщай меня мечтой
Плодов привозных из чужбины,
Нет, душу, полную какой-то пустотой,
Не соблазнят златые апельсины.
Я отжил жизнь свою давно
И все души моей желанья
Сосредоточивши в одно
Разоблаченное от счастья ожиданье.

Напрасно, разносчик, в окно ты глядишь.

Вечером был у Семена, и милейшая Александра Ивановна играла лучшие места из «Трубадура» [1]. Очаровательно играла.

Повернувся я з Сибірі,
Та не маю долі,
Хоч, здається, не в кайданах,
Та не маю волі.

Слідять мене злії люди
День, час і годину,—

Прийде туга до серденька,
То ледьве не згину.

Комісари, ісправники
За мною ганяють;
Більше вони людей вбили,
Чим я грошей маю.

Зовуть мене розбойником,
Кажуть, що вбиваю,—
Я нікого не вбив іще,
Бо сам душу маю.

Возьму гроші в багатого,
Убогому даю,
І, так людей поділивши,
Сам гріха не маю.

Маю жінку, маю діток,
Однак їх не бачу;
Як згадаю про їх долю,
То гірко заплачу.

Треба мені в лісі жити,
Треба стерегтися,
Хоть, здається, світ широкий,
Та ніде подіться.

Сочинение этой весьма немудрой песни приписывают самому Кармелюку. Клевещут на славного лыцаря. Это рукоделье мизерного Падуры [2].

13 июля

СОН

На панщині пшеницю жала,
Втомилася. Не спочивать
Пішла в снопи, пошкандибала
Івана сина годувать.
Воно сповитеє кричало
У холодочку за снопом;
Розповила, нагодувала,
Попестила і, ніби сном,
Над сином сидя, задрімала.
І сниться їй: той син Іван
І уродливий, і багатий,

Не одинокий, а жонатий
На вольній, бачиться: бо й сам
Уже не панський, а на волі;
Та на своїм веселім полі
Удвох собі пшеницю жнуть,
А діточки обід несуть...
Та й усміхнулася небога.
Прокинулась — нема нічого.
На Йвася глянула, взяла
Його гарненько сповила;
Та щоб дожать до ланового,
Ще копу дожинать пішла...
Остатню, може; бог поможе,
То й сон твій справдиться *.

---

* Поезією «Сон» закінчується текст щоденника Шевченка. Після цього рукою М. М. Лазаревського записано: «Этот дневник подарен Т. Г. Шевченком М. М. Лазаревскому 12 июля 1858 года, в день именин Лазаревского».

ВИБРАНІ ЛИСТИ

1841 рік

1. До Г. Ф. Квітки-Основ'яненка [1]

19 лютого 1841 р. Петербург

С.-Петербург — февраля 19. 1841.

Або прокляті поштарі не довезли мого письма до Вас, або Ви його прочитали та розсердились на мене. Що-небудь та є. Нехай же що є, то те й буде, а я таки знову буду просить Вас, щоби Ви, коли буде Ваша ласка, прислали мені дівочу с о р о ч к у, гарно пошиту, плахту, стрічок зо дві, та й годі. Пришліть, будьте ласкаві. А коли прислать не можна — то, ради великого бога, й високого неба, й широкого моря, не сердьтесь на мене, хоч воно й справді є за що. Як таки ні з сього ні з того, зроду чоловіка в вічі не бачив,— а прошу того, що треба купить за гроші, та, може, ще й не за малі. Що ж маю робить!!! Наймав прокляту московку — і дуже делікатну м а д а м, щоб пошила мені дівочу сорочку,— не втне, та й годі, хоч кіл на голові теши, вона таки своєї. Що тут на світі робить! Попросив би батька, матір, щоб прислали, та ба, де їх взять,

і на Україні
Я сирота, мій голубе,
Як і на чужині.

Тілько й рідні, що Ви 'дні... Не цурайтеся ж, любіть мене так, як я Вас люблю, не бачивши Вас зроду. Вас не бачив, а Вашу душу, Ваше серце так бачу, як, може, ніхто на всім світі. Ваша «Маруся» так мені Вас розказала, що я Вас навиліт знаю. Далебі правда, частенько сижу собі один в чужій хаті та й думаю — гора з горою не сходиться, а чоловік з чоловіком спіткнеться. Що то якби благословив милосердний бог нам з Вами зустрінуться.

Ото б побалакали! Ух, аж душно!! Авжеж, коли не вмремо, то дїждемо, хоч і не швидко, матері його ковінька, а колись-то буде. Я, не Вам кажучи, пустився в малярство. Трошки пізненько, а коли, каже, взявся, то вези до краю. Не хочеться, щоб москалі насміялись. Ради цього самого я Академію не швидче покину, як через два годи. Через два годи як прочитаєте в якім-небудь журналі, що якийсь-то

Шевченко намалював картину дуже до ладу! а за таке малювання Академія його (мене б то) посилає в Італію в самий Рим. Весело, батьку, дуже весело! Тойді запряжу коні — та прямісінько в Харков. А поки те буде... я сього літа повинен намалювать для Академії картину, як наша чорнобрива дівчина молиться богу, лягаючи спать. Так от, бачите, лебедику, все є, і модель — чи по-тутешньому натурщиця,— і справа всяка,— а одежі нема. Та й де її тут взять? Кругом москалі та німота, ні одної душі хрещеної. Просив би кого-небудь, щоб прислали з України, так, єйбогу, окроме Вас, не знаю нікого, пришліть, будьте ласкаві. Тілько сорочку, плахту і стрічок зо дві, а я Вам за те намалюю, яку зумію, картину, звичайне, нашу — або Марусю, або сердешну Оксану (її вже друкують), або панну Сотниківну[2], як вона, богобоязлива, сидя у вікна, орарь[3] лагодить, намалюю, єй-богу, намалюю! І дуже буду дякувать. Написав би до Вас ще що-небудь, та нема паперу і перо зопсувалось. Так, як я Вас люблю, любіть і Ви мене, хоч половину, коли є за що. А коли будете мать час написать мені що-небудь,— то адрес мій отак — в Императорской Академии художеств — звичайне, в С.-Петербурге. На квартиру професора Карла Брюллова[4], ученику Т. Шевченку.

2. До Г. Ф. Квітки-Основ'яненка

8 грудня 1841 р. Петербург

С.-Петербург. 8 декабря, 1841.

Вибачайте, батечку, що найшлося, те і посилаю, а «Ганнусю»[1] сьогодні нашвидку скомпонував, та і сам не знаю, чи до ладу, чи ні. Подивіться Ви на неї гарненько та й скажіть щиру правду, як побачите, що вона вже дуже безецна* (бо вона мені так здається), то не давайте й друкувать. Нехай іде, відкіль взялася. Ще посилаю Вам кацапські вірші своєї роботи. Коли доладне що, то друкуйте, а коли ні, то закуріть люльку, коли люльку курите. Це, бачте, пісня з моєї драми «Невеста», що я писав до Вас, трагедія «Никита Гайдай». Я перемайстрував її в драму. Я ще одну драму майструю. Назоветься «Слепая

* Похабна *(Прим. Т. Г. Шевченка).*

красавица» [2]. Не знаю, що з неї буде, боюсь, щоб не сказали москалі mauvais sujet, бо вона, бачте, з українського простого биту. Ну, та цур їм, москалям. Посилаю Вам білети на «Гайдамаки», роздайте, будьте ласкаві, як уміете, вони вже надруковані. Та... ей-богу, сором сказать, нема чим викупить з друкарні. Малюю Вашу панну Сотниківну. Хотів кончить до різдва, та й не знаю, бо тут тепер ні день, ні ніч, так чортзна-що. Прокинешся рано, тільки що заходишся малювать, дивишся, вже й ніч. Отакето лихо. Тільки пензлі миєш, більш нічого. Спасибі вам і панові Артемовському [3] за ласкаве слово. І спасибі всім тим, хто пише по-нашому або про наше. Покланяйтеся їм, кого знаєте і хто чув про мене.

Оставайтеся здорові, не забувайте, а Вас ніколи не забуде

Т. Шевченко

3. До О. О. Корсуна [1]

11—12 січня 1842 р., Петербург

МАР'ЯНА-ЧЕРНИЦЯ

Поема [2]

Отак зачинається моя «Черниця» [3] — а що дальше буде, то я і сам не знаю. Здається, і люльки не курю, а шматочки паперу, що була написана «Черниця», розгубилися — треба буде знову компонувать. А поки що буде, надрукуйте хоч це, що маю,— тільки друкуйте своєю граматикою [4], бо вона мені дуже полюбилась.

Т. Шевченко

4. До Г. С. Тарновського [1]

26 березня 1842 р., Петербург

С.-Петербург — 1842, марта 26.

Григорий Степанович!

Я думаю, Вы меня хорошенько побранили за «Гайдамаки» [2]. Было мне с ними горя, насилу выпустил цензурный комитет, возмутительно да и кончено, насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю Вам три экземпляра, один возьміть собі, другий оддайте Николаю Андреевичу maestro Маркевичу [3], третій Віктору Забілі [4] на заочное знакомство. По Вашему реестру я поручил И. М. Корбе [5] раздать экземпляры. Прощайте, желаю Вам встретить весну весело. А у нас еще зима.

Ваш покорный слуга Т. Шевченко

P. S. Трохи-трохи був не забув. Я чув, що у вас є молоденькі дівчата. Не давайте їм, будьте ласкаві, і не показуйте мої «Гайдамаки», бо там є багато такого, що аж самому сором. Нехай трошки підождуть, я їм пришлю «Черницю Мар'яну», к великодню думаю надруковать. Це вже буде не возмутительное.

Ще раз P. S. Поправляйте, будьте ласкаві, самі граматику, бо так погано видержана коректура, що цур йому.

5. До Г. Ф. Квітки-Основ'яненка

28 березня 1842 р., Петербург

С.-Петербург, 28 марта 1842 г.

«Надруковав, бодай йому очі повилазили»,— отак Ви скажете, як зачнете читать мої «Гайдамаки»; а що скажете, як прочитаєте,— не знаю. Не лайте дуже, коли найдете що-небудь не до ладу, бо і написано, і надруковано навмання — та я ще й досі не знаю, чи получили Ви мою «Утоплену» [1], що я послав Вам через Корсуна, і білети на «Гайдамаки». Коли маєте субскрибентів, то напишіть до мене швидче, бо вже тільки сто екземплярів осталось. Та якби ви не поліновались прислать мені свої сочиненія, хоч півекземпляра, так — на пам'ять, то велике спасибі Вам сказав би.

Т. Шевченко

Поцілуйте любого Гулака-Артемовського і отдайте йому книжку, а друге, не цілуючи, отдайте Корсуну.

6. До П. М. Корольова [1]

22 травня 1842 р., Петербург

СПб., 22 мая, 1842.

Спасибі тобі, добрий чоловіче, за ласкаве слово, за гроші і за «Старину запорозьку» [2], спасибі і тільки що спасибі, а більше нічого я не маю. Прийми, не гніваючись, «Гайдамаки», а за «Кобзаря» вибач. Нема ні одного. Як надрукую вдруге, то пришлю не один екземпляр. З дякою шлю вам 6 екземплярів «Гайдамаки» — і сьомий вам на пам'ять, не забувайте мене, коли маєте чим поминать. Лежу оце п'яті сутки та читаю «Старину», добра книжка, спасибі вам і Срезневському. Я думаю дещо з неї зробить, коли здоров буду, там багато є дечого такого, що аж губи облизуєш, спасибі вам. Напиши, будь ласкав, земляче, коли будеш мать час, як там у вас, у Харкові, привітали

мої «Гайдамаки», чи лають, чи ні, напиши щиру правду, і за щиру правду скаже щире спасибі

Т. Шевченко

7. До П. М. Корольова

18 листопада 1842 р., Петербург

Ноября 18—1842.
С.-Петербург

Спасибі тобі, мій голубе, що хоч ти мене не забуваєш. Прочитав я твоє ласкаве письмо тілько позавчора, бо позавчора вернувся в Петербург,— мене носив проклятущий пароход у Шведчину і Датчину [1]. Пливши в Стокгольм, я скомпонував «Гамалія» [2], невеличку поему, та так занедужав, що ледве привезли мене в Ревель [3], там трошки очуняв. Приїхав у це прокляте болото та й не знаю, чи вже й виїду. Хоч лікар і говорить, що ничево, одначе так кивне головою, що аж сумно дивиться. Сьогодні оце трошки легше стало, можна хоч перо в руках удержать. А, лебедику, як не хочеться кидать землю, хоч вона й погана! а треба буде, хоч воно ще й рано. Молю тілько милосердного бога, щоб поміг мені весни діждати, щоб хоч умерти на Україні.

Заставили мене злидні продать свої компонування всі — і друковані, і недруковані. Як побачите Корсуна, то скажіть йому, що «Мар'яна» продана, коли друкує він тепер, то нехай, а коли ні, то щоб і не зачинав, бо з перших чисел декабря купець зачинає друковать. Хоч би бог привів подивиться на свої сльози, докупи зібрані. Поклоніться старому Грицькові [4], як побачите, і Петрові Гулаку [5]. Скажіть Грицькові, що я змалював його панну Сотниківну [6] і, може, на цім тижні пошлю йому, як здужатиму письмо написать. Не забувайте мене, будьте ласкаві, напишіть, коли матимете час, щвиденько до мене, бо вже з півроку, як не чую нічого із рідної моєї України, може, вже й ніколи не почую. Прокляте море, що воно мені наробило. Бувайте здорові, не забувайте мене.

Щирий ваш Т. Шевченко

Поклоніться, будьте ласкаві, Метлинському [7], спасеть його бог за його «Думки і ще дещо»; тіль і полегкості, що вони.

8. До Я. Г. Кухаренка [1]

Кінець лютого 1843 р., Петербург

Отамане!

Шкода, що в тебе руки не такі довгі, щоб досягти до моєї чуприни, а воно б добре було. Якби ніколи, або нездужав, або що-небудь таке, то ще б нічого, а то все так, як треба, та ледащо, не вам кажучи, хоч і сором, та що маю робить — такий уже вдався. Тепер зачну: спершу. Як будете ви мені розказувать про вареники та проче, то я вас так вилаю, як батька рідного не лаяв. Бо проклятуща ота страва, що ви розказували, неділь зо три снилась. Тілько що очі заплющу, вареник так, так тобі і лізе в очі, перехрестишся, заплющишся, а він знову. Хоч «Да воскреснет» читай, таке лихо! А вдруге, чом ви мені не присилаєте костюма для Головатого? [2] Ваш кошовий [3], здається, тут, але я його не бачив. Я ось що думаю: замість того щоб малювать Головатого для Вас одного, то я лучше зроблю літографію в 200 екземплярів, то і тойді тілько, як буду мать гроші, бо це таке діло, що без грошей не втнеш. А коли хочете, щоб швидче, то ви спитайте у своїх, чи багато їх найдеться таких, що хотять мать у себе Головатого. Я зроблю рисунок і пошлю в Париж літографіровать, бо тут не зроблять так, як треба. А коштувать се буде 1000 руб. асигнаціями; так воно, бачите, гроші, хоч і не нашому братові сердешному.

Так я думаю, щоб у мене все це не сиділо на потилиці, зробіть Ви подписку меж товариством на 100 чоловік або як знаєте. Коли все це, що я говорю, зробить можна, то Ви й напишіть мені і пришліть одежу, а я Вам пришлю ескіз. Я думаю його нарисовать, що він стоїть сумний коло Зимнього дворця, позаду Нева, а за Невою крепость, де конав Павло Полуботок [4]. Поміркуйте самі, як це лучше зробить, бо мені й самому дуже хочеться кликнуть на світ Головатого, на Україну я не надіюсь, там чортма людей, німці прокляті — більш нічого. «Чорноморський побит» [5] вийшов з цензури так, як треба. Театральний цензор сказав, що йому не треба підписуваться, коли воно буде надруковано. Я в марті місяці їду за границю [6], а в Малоросію не поїду, цур їй, бо там, окрім плачу, нічого не почую.

То ви напишіть, що мені робить з «Чорноморським побитом». Скомпоновав ще я маленьку поему «Гамалія», друкують у Варшаві. Як видрукують, то пришлю. І «Назара Стодолю» — драма в трьох актах. По-московському. Буде на театрі після великодня. Хтодонт [7] умер у Києві. У Гулака [8] вчора був концерт, і він вам кланяється. Елькан [9] джеркоче на всіх язиках-так, як і перше, теж кланяється. Семененко [10] оженився. Кіндрат [11] рисує, та сумує, та згадує вас. А я гуляю собі на безголов'я.

Бувайте здорові.

Т. Шевченко

9. До В. М. Рєпніної [1]

Між 23 і 25 листопада 1843 р., Яготин

Я, как мастер, выученный не горем, а чем-то страшнее, рассказываю себя людям, но рассказать Вам то чувство, которым я теперь живу, все мое горе — мастерство бессильно и ничтожно. Я страдал, открывался людям, как братьям, и молил униженно одной хотя холодной слезы за море слез кровавых — и никто не капнул ни одной целебной росинки в запекшиеся уста. Я застонал, как в кольцах удава. «Он очень хорошо стонет»,— сказали они —

И свет погас в душе разбитой!

О бедный я и малодушный человек! Девушка, простая девушка (камни бы застонали и кровью потекли, когда бы они услышали вопль этой простой девушки); но она молчит, гордо молчит, а я, о господи! удесятери мои муки, но не отнимай надежды на часы и слезы, которые ты мне ниспослал чрез своего ангела! О добрый ангел! молюсь и плачу перед тобою, ты утвердил во мне веру в существование святых на земле!

10. До В. І. Григоровича [1]

28 грудня 1843 р., Яготин

28 декабря 1843, Яготин

Батьку мій рідний!

Пора́й мені, як синові, що мені робить? Чи оставаться до якої пори, чи їхать до вас? Я щось не дуже ударяю на Академію, а в чужоземщині хочеться бути. Я тепер заробляю гроші (аж дивно, що вони мені йдуть в руки!), а заробивши, думаю чкурнуть, як Аполлон Ніколаєвич [2]. Думаю, що так лучше, а може, і помиляюсь. Порайте, будьте ласкаві! Якраз на свят-вечір був я у Пирятині у старої матері вашої, батьку мій. Рада, дуже рада була старенька, спасибі їй. Тричі заставила мене прочитать вслух письмо, що ви писали о Ваничке. Єй-богу, і я заплакав, хоч я і не дуже сльозоточивий. Батечку мій! Пишіть до старої частенько, бо вона чита всяке ваше письмо, аж поки не получить другого. І це вся її радість. З плачем нарікає на меншого сина, що він до неї не їде. Перехрестила мене, поблагословила, і я пішов до брата вашого через улицю снідать, взявши у старенької цвіти оці. Навдивовижу і на радість вам посилаю, батьку мій!

Од сентября я не бачився з Григорієм Степановичем [3], а побачуся швидко. Я тойді просив у вас в и д а [4], і як ви його прислали, то я його ще й не бачив. А тепер ось чого прошу. Коли побачите, що мені треба вернуться до вас, то, будьте ласкаві, пришліть ще на два місяця; а коли мені не треба вертаться в Академію, хоч мені й дуже хочеться, то пришліть, батьку мій, б е з с р о ч н и й а т е с т а т на ім'я Григорія Степановича. Страшно дивиться мені на грядущеє, бо воно погане. А тепер мені добре, дуже добре. Порайте, що мені робить. Коли не зберу грошей, щоб поїхать за границю, то зберу так, щоб приїхать в Академію, бо, єй-богу, хочеться вчиться.

Багато, багато треба б мені написать до вас, та ніколи, бо вже сідають, а я дописую. Нехай вам бог пошле того, чого ви самі собі просите.

Щирий син ваш Т. Ш е в ч е н к о

На звороті:

В Яготин-местечко, Пирятинского уезда,
Варваре Николаевне княжне Репниной,
писать мне.

11. До С. О. Бурачека [1]

Між 22 і 24 березня 1844 р., Петербург

Дайте мені, будьте ласкаві, коли маєте, дома «Історію» Маркевича [2]. Бо я нездужаю, не вихожу з хати, а нічого читать. А коли нема «Історії», то дайте «Маяка», бо я його ще і в вічі не бачив з нового року.

Щирий Ваш Т. Шевченко

12. До С. О. Бурачека

Між 29 і 31 березня 1844 р., Петербург

Христос воскрес!

Спасибі Вам за оцей «Молодик» [1]. Коли маєте Ви ще остатні книжки цього «Молодика», то дайте, будьте ласкаві, прочтенія ради. Окроме малоросійського, цей я маю, та ще коли є зайвий новий «Маяк», то теж дайте. Та [дайте ще], коли готова коректура [Маяка] *, що для мене, більш нічого. Бувайте здорові. Я щось трохи недомагаю. А може, увечері зайду, як трохи полегша.

Щирий Ваш Т. Шевченко

На звороті:

Его высокородию Степану Онисимовичу Бурачеку
В 14 линии, в доме Мальгиной.

13. До Й. М. Бодянського [1]

29 червня 1844 р., Петербург

29 июня.

Чи Ви на мене розсердились, чи недобра Вас знає, уже другий місяць, як жду од Вас звістки, хоч якої-небудь,

* Папір в куті на згині листа перетлів і випав. Слова в квадратних дужках відновлюються за контекстом.

нема, та й годі. Чи получили Ви «Тризну» [2] і «Гамалія», чи ні, і як там у Вас їх привітали, скажіть мені, будьте ласкаві; я рисую тепер Україну [3] і для історії прошу Вашої помоги; я, здається, тойді Вам розказував, як я думаю це зробить. Бачте, ось як. Нарисую види, які єсть на Україні, чи то історією, чи то красотою прикметні, вдруге — як теперішній народ живе, втретє — як він колись жив і що виробляв; із теперішнього биту посилаю вам одну картину для шталту, а ще три будуть готові в августі, а в год буде виходить 10 з текстом, а текст исторический будете Ви компоновать, бо треба, бачте, по-нашому або так, як єсть в літописах. А Ви як що-небудь начинаєте таке, що можна нарисовать, то зараз мені і розкажіть, а я й нарисую. Буткова [4] і Стороженка [5] я теж оцим турбую, а Грабовський [6] буде мені польські штуки видавать, а Куліш [7] буде компоновать текст для народного теперішнього биту, так отаку-то я замісив лемішку, якби тілько добрі люде помогли домісить, а потім і виїсти.

Бувайте здорові, пишіть швидше, бо лаятиму.

Щирий Ваш Т. Шевченко

14. До М. А. Цертелєва [1]

23 вересня 1844 р., Петербург

Князю мій сіятельний!

Якби мені бог поміг докончить те, що я тепер зачав, то тойді склав би руки та й у домовину. Було б з мене: не забула б Україна мене, мізерного. Так ось що! Зачав-то я зачав, а бже кончу не знаю як, бо без людей і грошей не втну нічого. Та, здається, що ще ніхто нічого не зробив без цього товариства. На те вони люди, на те вони гроші, будьте ласкаві, помагайте мені, Ви маєте і силу, і славу, і любите ту країну, що я тепер заходився рисовать. Ось як я її рисую. Спершу види, чи то історією, чи то красотою прикметні, вдруге, народний бит, так, як він тепер єсть, втретє, історію, все те, що робилося на нашій Україні колись-то. Тепер уже три картини готові, а ще три вийдуть к Новому року. Посилаю Вам оці три і вельми прошу: наберіть мені субскрибентів [2] у Харкові, коли Вам бог поможе, і шліть до мене з грішми за квитками і картинами. За

6 картин — три карбованці. Спасибі, сіятельний наш генерал-губернатор [3] узявся мені помагать. Та ще як Ваша мость та інші добрі люди скинуться та поможуть, то тойді оживе наша країна хоч на папері. Шлю Вам оці три картини і квит на шталт, а Ви як що там зберете, то шліть до мене в С.-Петербург в Академію художеств на ім'я Тараса Григоровича Шевченка. На той рік, як доживемо, то, дасть бог, побачимось, я буду в Вашому Харкові. А поки що прийміть милостиво мою просьбу і не осудіть щиро почитаючого Вас

Тараса Шевченка

С.-Петербург,
1844, сентября 23.

15. До П. І. Гессе [1]

1 жовтня 1844 р., Петербург

Ваше превосходительство
милостивый государь Павел Иванович!

История Южной России изумляет каждого своими происшествиями и полусказочными героями, народ удивительно оригинален, земля прекрасная. И все это до сих пор никем не представлено пред очи образованного мира, тогда как Малороссия давно имела своих и композиторов, и живописцев, и поэтов. Чем они увлеклись, забыв свое родное,— не знаю. Мне кажется, будь родина моя самая бедная, ничтожная на земле — и тогда бы она мне казалась краше Швейцарии и всех Италий. Те, которые видели однажды нашу краину, говорят, что желали бы жить и умереть на ее прекраснейших полях. Что же нам сказать, ее детям? Должно любить и гордиться своею прекраснейшею матерью. Я, как член ее великого семейства, служу ей ежели не на существенную пользу, то, по крайней мере, на славу имени Украины. Обладая в мале искусством в живописи, предпринял я издание, названное мною «Живописная Украина». Издание разделяется на три части. 1-е — виды примечательные или красотою, или историческими воспоминаниями. 2-е — народный быт настоящего времени и 3-е — история. В настоящее полугодие выйдет 6 картин. 3 уже готовы, которые и имею честь при сем пре-

проводить вашему превосходительству, а остальные три выйдут в декабре месяце. В последующие годы будут выходить по 12 картин в год, гравированных на меди a l'eau — forte.

Его сиятельство князь Николай Андреевич принял живое участие в моем предприятии. Ободренный его вниманием, я осмелился утруждать Ваше превосходительство своею покорнейшею просьбою представить труд мой почтенным землякам моим, труд, для которого крайне искреннее мое желание издать как нельзя лучше, недостает собственных средств, для расходов в таком случае неизбежных. Я льщу себя надеждою, что Ваше превосходительство удостоите вниманием мою просьбу и влиянием вашим, дадите возможность достигнуть цели моего предприятия.

Первые два выпуска, состоящие из 6 картин, стоят 3 рубля серебром. Требования Ваши с именами подписчиков благоволите адресовать или в канцелярию военного генерал-губернатора князя Николая Андреевича Долгорукова, или в С.-Петербург на имя Тараса Григорьевича Шевченка в Академию художеств.

С истинным почтением имею честь быть Вашего превосходительства покорный слуга

Т. Шевченко

1844 года,
октября 1 дня,
С.-Петербург.

16. До Я. Г. Кухаренка

26 листопада 1844 р., Петербург

Друже мій!

Єй-богу, й досі не знаю, що я за погань на сім світі! Сказать би ледащо, так же ні, бо б'юсь як овечий хвіст...; сказать гордий, так ти ж мене знаєш. Та й після чого мені кирпу драть? Далебі я чортзна-що. Оце другий рік, як я з тобою не балакаю, друже мій, а чому? і сам не знаю. Вертишся ти у мене всякий день на думці і на серці, а ти, може, думаєш?.. Та цур йому, не думай, братику, про мене нічого поганого. Далебі я не поганший меж людьми.

Єй-богу, не знаю, з чого й начинать і що тобі розказувать. Був я уторік на Україні — був у Межигорського Спаса [1]. І на Хортиці, і скрізь був і все плакав, сплюндрували нашу Україну катової віри німота з москалями [2], щоб вони переказилися.

Заходився оце, вернувшися в Пітер, гравировать и издавать в картинах остатки нашої України. На тім тижні вийде 6 картин, і тобі пришлю. Я на те літо буду у Таганрозі, напиши, будь ласкав, як там найти шлях до тебе, от набалакаємось!

На різдвяних святках наші земляки отут компонують театр у Медицинській академії. Так я думав, щоб ушкварить твій «Чорноморський побит», але тепер уже пізно, а якби ти його звелів переписать гарненько та прислав к великодню, то б це так. А тепер вони розучують «Москаля-чарівника», «Шельменка», «Сватання на Гончарівці» і мого «Назара Стодолю».

З поганими отими черкесами я частенько отут зустрічаюсь, але про тебе вони ні один нічого мені не казали, хоч я їх і розпитував. Шамрай [3] собі хлопець як того треба. Але воно, здається, сирота і не пащикує собі на лихо.

Оставайся здоров, друже мій. Низенько кланяюсь твоїй жінці. Гулак [4] і все товариство здравствує. Хтодот [5], ніврокy йому, в Полтаві оженився та й байдуже, а я тим часом бурлакую.

Чого ти сам собі хочеш, то й я тобі того желаю.

Т. Шевченко

1844, ноября 26.
СПб.

Спасибі Вам, добродію, за пам'ять обо мні; нехай Вам бог пошле здравіє і спасеніє; на враги побіду і одолініє, і да сохранить Вас і всіх окружающих Вас от огня, меча і нашествія іноплеменников. Амінь.

Любящий Вас Семен Артемовський-Гулак

Чом ми не зустрілися в Москві ту зиму? Я там проживав той самий тиждень, що й ти. Цур йому, аж нудно згадувать.

17. До Я. Г. Кухаренка

Грудень 1844 р., Петербург

Отамане!

Будьте ласкаві, пришліть «Чорноморський побит» до мене в Академію.

Отамане, якби ти знав, що́ тут робиться. Тут робиться таке, що цур йому і казать. Козацтво ожило!!!

Оживуть гетьмани
В золотім жупані,
Прокинеться доля,
Козак заспіва:
Нема в краю нашім
Ні німця... *

---

* Далі лист не зберігся

18. До Я. Г. Кухаренка

23 березня 1845 р., Петербург

Отамане!

Я сьогодні Петербург покидаю. Буду літом у Таганрозі [1], то, будь ласкав, напиши до мене, як там шлях найти до твого гнізда. Бо мені дуже треба побачиться з тобою. Я якось оце писав до тебе, та, мабуть, не дійшло. Або запишався, або тобі ніколи, або, може, ждеш півтора року, щоб заплатить мені так, як я за твоє с а л о, ласку і добре слово заплатив. Не згадуй злого, а пом'яни добре і напиши мені хоч, де ти живеш, щоб я знав, як долетіть до тебе. Бувай здоров. Отамане, пиши, коли матимеш час, до мене.

В Полтавскую губернию, в Миргородский повіт, в село Мариенское. На ім'я А л е к с а н д р а А н д р е е в и ч а Л у к ь я н о в и ч а [2] з передачею щирому твоєму Шевченкові.

23 марта.
1845. Академія.

19. До А. Г. та Н. Я. Родзянків [1]

23 жовтня 1845 р., Миргород

Добрые мои Аркадий Гаврилович и
Надежда Акимовна!

Как я теперь раскаиваюсь, что оставил Ваши места. С того времени как приехал я в Миргород, ни разу еще не выходил из комнаты, и ко всему этому еще нечего читать. Если бы не библия, то можно бы с ума сойти. Я страшно простудился, едучи из Хорола, и верите ли, что знаменитый Миргород не имеет ни врача, ни аптеки, а больница градская красуется на главной улице. В отношении Миргорода Гоголь немножко прав, странно только, что такой наблюдательный глаз не заметил одной весьма интересной строфы. Чиновники, оконча дневное служение

в судах земском и уездном, отправляются компанией за десять верст на вольную (то есть вольную продажу водки) и, выпив по осьмушке, возвращаются по домам обедать. Не правда ли это оригинально?

Много бы я дал хоть за один час беседы с Вами, но, увы, настали дни, дни испытаний. Попробовал было стихи писать, но такая дрянь полезла с пера, что совестно в руки взять... Дочитываю библию, а там... а там... опять начну. На скорое выздоровление не надеюсь. В той комнате, из которой я бежал, на полке забыл я тетрадь, ту самую, что давал Мечеславу Вячеславичу [2], то и прошу вручителю сего вручить оную, оно хоть дело и не важное, но все-таки нужное. Коли увидите Фанни Ивановну и Осипа Ивановича [3], то пожелайте им от меня того, чего они сами себе желают. Писал я в Киев к тому художнику, о котором я Вам говорил, но не получил еще ответа. Как только получу, то немедля сообщу Вам. Прощайте, целую весь дом Ваш. Аминь.

Искренно желающий Вам всех благ Т. Шевченко

1845,
октября
23.

На звороті:

Его высокоблагородию
Аркадию Гавриловичу Родзянко.
В селе Веселом Подоле.

20. До М. І. Костомарова

1 лютого 1847 р., Борзна

Борзна.

Друже мій великий Миколаю!

Я оце й досі в Борзні і не роблю нічогісінько, лежу собі, та й годі. У Київ страх їхать не хочеться, а треба. Коли б то ви були такі трудящі й добрі, щоб розпитали в університеті (хоть у Глушановського [1], він усі діла знає), чи я утверждений при університеті, чи ні? Та й напишіть до мене у славний город Борзну, на ім'я Виктора Николаевича Забелы з передачею мені. Та ще ось що: пошліть Хому [2] до мого товариша, нехай він возьме у його портфель, ящик або скриньку з красками і Шекспіра, та ще й брилі, і все сіє сохраніте у себе, бо товариш мій хоче їхать із Києва.

Як побачите Юзефовича [3], то поклоніться од мене. О братстві не пишу, бо нічого й писать. Як зійдемось, то поплачем. Куліш блаженствує, а Василь Білозер [4] поїхав у Полтаву одказуваться од учительства. А я і кругом мене діється ні зле ні добре.

Подвизаюсь потроху то коло чарочок тощо. Коли б то бог дав мені притулиться до університету, дуже добре було б. Напишіть, будьте ласкаві, як що́ добре почуєте. Свої композиції з грішми або сам привезу, або пришлю із Чернігова. Оставайтеся здорові.

Не забувайте ж щирого брата

Т. Шевченка

21. До А. І. Лизогуба [1]

22 жовтня 1847 р., Орська кріпость

Крепость Орская,
22 октября, 1847.

Добродію і друже!

На другий день, як я од Вас поїхав, мене арестували в Києві, на десятий — посадили в каземат в Петербурзі, а через три місяці я опинився в Орской крепости в солдат-

ській сірій шинелі, чи не диво, скажете! Отже воно так. І я тепер точнісінький, як той москаль, що змалював Кузьма Трохимович [2] панові, що дуже кохався в огородах. От вам і кобзар! Позабирав грошики та й шморгнув за Урал до киргиза [3] гуляти. Гуляю! Бодай нікому не довелося так гуляти. А що маємо робить? Треба хилитися, куди нагинає доля. Ще слава богу, що мені якось удалося закрепить серце так... що муштруюся собі, та й годі. Шкода, що я не покинув тойді у вас рисунок київського саду, бо він і всі, що були при мені, пропали. У І. І. Фундуклея [4]. А тепер мені строжайше запрещено рисовать і писать (окроме писем), нудьга, та й годі; читать — хоч би на сміх одна буква, і тії нема. Брожу понад Уралом та... ні, не плачу, а щось ще поганше діється зо мною. Одішліть, будьте ласкаві, моє письмо і адрес мій княжні Варварі Миколаєвні [5], а адрес ось який: в город Оренбург, в пограничную комиссию. Его благородию Федору Матвеевичу Лазаревскому [6] з передачею. А цей добрий земляк уже знатиме, де мене найти. Бувайте здорові, низенько кланяюсь Ілії Івановичу [7] і всьому дому вашому, не забувайте безталанного Т. Шевченка. Поклоніться, як побачите, од мене Кікуатовим [8].

22. До В. М. Рєпніної

24 жовтня 1847 р., Орська кріпость

Крепость Орская,
24 октября, 1847.

По ходатайству Вашему, добрая моя Варвара Николаевна, я был определен в Киевский университет [1], и в тот самый день, когда пришло определение, меня арестовали и отвезли в Петербург 22 апреля (день, для меня чрезвычайно памятный) [2], а 30 мая мне прочитали конфирмацию [3] и я был уже не учитель Киевского университета, а рядовой солдат Оренбургского линейного гарнизона!

О, как неверны наши блага,
Как мы подвержены судьбе [4].

И теперь прозябаю в киргизской степи, в бедной Орской крепости. Вы непременно рассмеялись бы, если б увидели теперь меня. Вообразите себе самого неуклюжего гарнизонного солдата, растрепанного, небритого, с чудовищными

усами,— и это буду я. Смешно, а слезы катятся. Что делать, так угодно богу. Видно, я мало терпел в моей жизни. И правда, что прежние мои страдания, в сравнении с настоящими, были детские слезы: горько, невыносимо горько. И при всем этом горе мне строжайше запрещено рисовать что бы то ни было и писать (окроме писем), а здесь так много нового, киргизы так живописны, так оригинальны и наивны, сами просятся под карандаш, и я одуреваю, когда смотрю на них. Местоположение здесь грустное, однообразное, тощая речка Урал и Орь, обнаженные серые горы и бесконечная киргизская степь. Иногда степь оживляется бухарскими на верблюдах караванами, как волны моря, зыблющими вдали, и жизнию своею удваивают тоску. Я иногда выхожу за крепость, к караван-сараю или меновому двору, где обыкновенно бухарцы разбивают свои разноцветные шатры. Какой стройный народ, какие прекрасные головы! (чистое кавказское племя) и постоянная важность без малейшей гордости. Если бы мне можно рисовать, сколько бы я вам прислал новых и оригинальных рисунков. Но что делать! А смотреть и не рисовать — это такая мука, которую поймет один только истинный художник! И я все-таки почитаю себя счастливым в сравнении с Кулишом и Костомаровым. У первого жена прекрасная, молодая, а у второго бедная добрая старуха мать, а их постигла та же участь, что и меня, и я не знаю, за какое преступление они так страшно поплатились. Вот уже более полугода я не имею никакого понятия о нашей бедной новой литературе, и я просил бы Вас, добрая Варвара Николаевна, ежели достанете последнее сочинение Гоголя «Письма к друзьям» [5], то пришлите мне, Вы сделаете доброе дело, и, если можно, «Чтение Московского археологического общества» [6], издаваемое Бодянским. Я мог бы выписать все это сам, но... пришлите, добрая Варвара Николаевна, это будет вернее, и бог Вам заплатит за доброе дело. Адрес мой сообщит Вам Андрей Иванович. Моя сердечная благодарность княгине Варваре Алексеевне [7] и всему дому Вашему моя любовь и уважение, прощайте, желаю Вам всех благ и иногда вспоминать бесталанного

Т. Шевченка

На звороті:

Княжне Варваре Николаевне.

23. До А. І. Лизогуба

11 грудня 1847 р., Орська кріпость

Крепость Орская, 1847.
Декабря 11.

Великим веселієм звеселили Ви мене своїм добрим, християнським листом у цій бусурманській пустині. Спасибі Вам, друже мій добрий, я з самої весни не чув рідного, щирого слова. Я писав туди декому. А вам першим бог велів розважить мою тяжку тугу в пустині щирими словами. Спасибі Вам. Не знаю, чи дійшов мій лист до Ваших рук (бо я послав у Седнєв 24 октября, не знаючи, що Вас бог заніс аж у Одесу). Жаль і дуже мені Вашої маленької [1], згадаю, то так неначе бачу, як воно, манюсіньке, танцює, а Ілья Іванович грає і приспівує... не скорбіть, може, воно добре зробило, що перейшло на той світ, не мучене страстьми земними. Були ви у Яготині літом, що там діється? Де тепер живуть яготинськії анахоретки? [2] Я писав через вас до Варвари Ніколаєвни, не знаю, чи дійшло. Що вона, сердешна, поробляє? Скажіть їй, як побачите, або напишіть, нехай до мене напише хоч одну стрічечку, її прекрасная, добрая душа мене частенько навідує в неволі. Бодай і ворогові моєму лютому не довелося так каратись, як я тепер караюсь. І до всього того треба було ще й занедужать, восени мучив мене ревматизм, а тепер цинга, у мене її зроду не було, а тепер така напала, що аж страшно. Холера, благодарить бога, минула нашу пустиню,— а ходила близько. Сажин [3] мені нічого не пише, не знаю, де він дів мою портфель з рисунками дрібними, там цілий жмут їх було. Як побачите його, то спитайте, та й возьміть до себе, а ящик з олійними фарбами нехай собі оставить. Ви питаєте, чи покину я малювання. Рад я його покинуть, так не можна. Я страшно мучуся, бо мені запрещено п и с а т ь и р и с о в а т ь. А ночі, ночі! Господи, які страшні та довгі! — та ще й у казармах. Добрий мій друже! Голубе сизий! Пришліть ящичок Ваш, де є вся справа, альбом чистий і хоч один пензель Шаріона [4]. Хоч інколи подивлюся, то все-таки легше стане.

Просив я Варвару Ніколаєвну, щоб мені книжечок деяких прислала, а тепер і Вас прошу, бо, опріче біблії, нема й однії літери. Якщо найдете в Одесі Ш е к с п і р а, перевод Кетчера [5], або «Одиссею» [6], перевод Жуковського, то

пришліть ради розп'ятого за нас, бо, єй-богу, з нудьги одурію. Послав би вам грошей на все сіє, так дасьбі, до шеляга пропали. А може, бог пошле, що я вам коли-небудь оддячу. Як будете посилать, то шліть на моє ім'я. Та, бога ради, напишіть що-небудь про Варвару Ніколаєвну і про Глафіру Івановну [7] та поклоніться од мене Ілії Івановичу, Надежді Дмитрієвні [8] і всьому дому Вашому.

Бувайте здорові, не забувайте щирого свого і безталанного

Т. Шевченка

Адрес: В Оренбургскую губернию, в крепость Орскую.

24. До М. М. Лазаревського [1]

20 грудня 1847 р., Орська кріпость

20 декабря, 1847.
Крепость Орская.

З Новим годом будьте здорові, любий і щирий мій земляче!

Де Вас бог носить, чи Ви вже во Пітері, чи ще й досі во Одесі? Нехай, де хоче, носить, та тільки шляхи таланом стеле та не любить Вас, бо сказано, кого любить, того і карає. Тяжко, брате мій добрий, каратися і самому не знати, за що. Отже, так зо мною трапилося, спершу я сміливо заглянув лихові в очі. І думав, що то була сила волі над собою, аж ні, то була гордость сліпая. Я не розглядів дна тії бездни, в котру впав. А тепер, як розглядів, то душа моя убогая розсипалась, мов пилина перед лицем вітра. Не по-християнській, брате мій, знаю, а що ж діяти? Опріче того, що нема з ким щире слово промовити, опріч нудьги, що в серце впилася, мов люта гадина, опріче всіх лих, що душу катують,— бог покарав мене ще й тілесним недугом, занедужав я спершу ревматизмом, тяжкий недуг, та я все-таки потроху боровся з ним, і лікар, спасибі йому, трохи помагав, і те, що я прозябав собі хоч у поганій, та все-таки вольній хатині, так бачите, щоб я не зрисував (бо мені рисувать заказано) свого недуга (углем у комині), то і положили за благо перевести мене в казарми. До люльок, смороду і зику став я потрохи привикать, а тут спіткала мене цинга лютая, і я тепер мов Іов на гноїщі, тільки мене

ніхто не провідає. Так мені тепер тяжко, так тяжко, що якби не надія хоч коли-небудь побачить свою безталанную країну, то благав би господа о смерті.

Так Дніпро крутоберегий
І надія, брате,
Не дають мені в неволі
О смерті благати.

Іноді так мене нудьга за серце здавить, що (без сорома казка) аж заплачу.

Якби все те розказувать, що я терплю тепер по любові і милості милосердого бога, то і за тиждень не розказав би. Цур же йому, нехай воно сниться тому, хто людям добра не хоче.

Поклонітесь гарненько од мене Дзюбіну [2], як побачите. Добряга чоловік. Нагадайте йому про Ізлера [3] і розтягаї, про Адольфінку і прочії дива. Скажіть, що я його частенько згадую, N. N. Плетньов [4] повинен мене знать, тілько нагадайте йому П. Бориспольца [5], та, будьте ласкаві, побачтесь з Чернишовим [6], він тепер уже в Петербурзі (спитайте в Академії художеств, де він живе), а як побачитесь, то розпитайте його, чи він пооддавав мої письма, що я посилав через його, і що йому сказано на ті письма, та попросіть його од мене, щоб він докучав моєю просьбою надто Карлу Павловичу [7], а з Дубельтом [8] щоб притьмом побачився. Як побачитесь з В. І. Далем [9], то, поклонившися йому од мене, попросіть його, щоб він ублагав В. Перовського [10], щоб той визволив мене хоч із казарм (сиріч випросив мені позволеніє рисовать). Даль чоловік добрий, розумний і могущий, він добре знає, як тут ми пропадаємо, то тяжкий гріх йому буде, як він не схоче промовить за мене хоч одно слово.

Докучаю я Вам, добрий мій земляче! Та що ж я маю робить? Якби мені тілько рисовать було можна, то я і не журився б, ходив би собі в сірій шинелі, поки дійшов би до домовини, та все б таки хвалив бога, а тепер!.. ой лишенько! І вимовить не хочеться...

Напишіть до мене, коли матимете час, хоч малесенький листочок, нехай хоч трошки я заплачу добрими сльозами.

Будьте ласкаві, розпитайте гарненько, де тепер живе Василий Андреевич Жуковский, він перше жив у Дюссельдорфі на Рейні, а тепер не знаю, та й

пришліть мені його адрес, а коли надрукована його «О д и с с е я», то і її пришліть. Прочитавши, я оддам вам або Федору Матвеевичу, бо, ей-богу, окроме біблії, нема в мене ні однісінької книжечки.

Та вже чи раз батька по лобу вдарить, чи двічі — однаково, хоч воно трохи і не до речі проси́ть, мов той старець. Та що ж робить, коли нігде взять, пришліть ради поезії святої Л е р м о́ н т о в а хоч один том, велику-превелику радість пришлете з ним Вашому вдячному і безталанному землякові.

Т. Ш.

Здається, ви знакомі з Василем Єзучевським [11]. Коли він вернувся з дому, то, як побачитесь, гарненько вилайте його за мене, за його щирість і добрість, і Г а л у з у [12], свояка його, добрі й щирі люде, щоб ти знав, земляче.

Не здивуйте, бога ради, що на такому клаптикові пишу до Вас, бо в цьому божому краї папір поштовий навдивовижу.

25. До А. І. Лизогуба

1 лютого 1848 р., Орська кріпость

Крепость Орская, 1848,
февраля 1-го.

Всяк друг речет[1]: содружихся ему и аз: но есть именем точию друг. Отак тепер і зо мною сталось. Було, на собаку кинь, то влучиш друга, а як прийшлось до скруту, то святий їх знає, де вони поділись! Чи не вимерли, крий боже? Ні, здравствують, та тілько одцурались безталанного свого друга. Бог їм звидить. Якби вони знали, що єдине слово ласкаве тепер для мене паче всякої радості. Так що ж, недогадливі.

З превеликою радістю і дякою прийняв я лист Ваш, уже другий, написаний 31 декабря.

Бог Вам заплатить за Вашу щирость і за Вашу ласку. Лихо діється зо мною, та не одно, а всі лиха упали на мою голову. Одно те, що нудьга і безнадія давить серце, а друге — нездужаю з того дня, як привезли мене в цей край, ревматизм, цингу перетерпів, слава богу, а тепер зуби і очі так болять, що не знаю, де дітись. І чи не чудно, скажете, як принесли Ваш лист, мені полегшало, так що на третій день мені вже можна було написать оцей лист до Вас. Вибачайте тілько, що коротенький, одно те, що боюся очі натрудить, а друге, сказавши правду, таки й паперу недостача і купить нема де, звичайне, як у степу. Як будете посилать Вашу обіцянку, то пришліть, будьте ласкаві, і паперу поштового і брістольського, коли найдете в Одесі. Вибачте, бога ради, що я так вередую; за гроші спасибі Вам, єдиний мій друже, у мене ще осталося трохи, а як матиму малярську справу, то, може, зароблю, а якщо пошлють весною в степ на Раїм[2], бо є така чутка, то тойді вже проситиму, та, може, бог дасть, що тут остануся. Ще: чи не найдете в Одесі сочинений Лермонтова и Кольцова, пришліть, поезії святої ради. А як будете писать, то пишіть на моє ім'я просто в кріпость Орську, бо я другий лист ваш прийняв уже з третіх рук, хоч воно і з добрих рук, та все-таки з третіх.

Прочитав я вдруге вже о скорбі Вашій, о Вашій Лізі. Що маємо робить, коли того бог хоче? Давид добре сказав [3]: «Кто возглаголет силы господни; слышаны сотворит вся хвалы его». Звичайне, не можна і без того, щоб інколи і сльозам не дать волі, бо хто не журиться, не плаче, то той ніколи й не радіє. Цур йому, такому. Будемо плакать і радіти, і за все те хвалить милосердого бога.

1 февраля.

На самому цьому слові одчинилися двері і п о ч т а л ь о н подав мені третій лист Ваш, написаний 7 января. Не знаю, чи зрадів би я так батькові або матері, як Вашому щирому слову. Да воздасть Вам господь і дому Вашому, що посітили єсте невольника і тяжку його тугу розважили. Як будете писать до Варвари Ніколаєвни, то од мене їй низесенько поклоніться та накажіть, щоб хоч одно слово написала, тілько не в Оренбург, а просто в кріпость Орську. Коли маєте «Свячену воду» [4], то спишіть та пришліть мені, бо та, що Ви мені передали, утрачена. А Татьяні Івановні [5] як будете писать, то їй і Федорові Іваненкові [6] од мене гарненько поклоніться. Нікому в світі я тепер отак не завидую, як м а л я р а м і Глафірі Івановні, а може, вже вона покинула, крий боже, малювать!

Бога для, пришліть малярську справу і паперу. Що у Вас робиться у Седнєві? Що поробляє Ілля Іванович? Поклоніться йому од мене. За Надію Дмитрівну, і Вас, і весь дом Ваш молюся господеві милосердому і благаю його, щоб Ви не забували

Т. Шевченка

26. До В. М. Репніної

25—29 лютого 1848 р., Орська кріпость

Крепость Орская, 1848,
25 февраля.

Тринадцатый день уже читаю Ваше письмо, наизусть выучил, а сегодня только нашел время и место (в казармах) ответить Вам, добрейшая и благороднейшая Варвара Николаевна. Я как бы ото сна тяжелого проснуся, когда получу письмо от кого-нибудь не отрекшегося мене, а Ваше письмо перенесло меня из мрачных казарм на мою родину — и в Ваш прекрасный Яготин,— какое чудное на-

слаждение воображать тех, которые вспоминают обо мне. Хотя их очень мало; счастлив, кто малым доволен, и в настоящее время я принадлежу к самым счастливым, я, беседуя с вами, праздную 25 февраля [1]. Не шумно, как это было прежде! но тихо, тихо, и так весело, как никогда не праздновал. И за эту великую радость я обязан вам и Глафире Ивановне. Да осенит вас благодать божия, пишите ко мне так часто, как вам время позволяет. Молитва и ваши искренние письма более всего помогут мне нести крест мой. Евангелие я имею, а книги, о которых я просил вас, пришлите, это для меня хотя малое, но все же будет развлечение.

26 февраля. Вчера я не мог кончить письма, потому что товарищи солдаты кончили ученье, начались рассказы, кого били, кого обещали бить, шум, крик, балалайка, выгнали меня из казарм, я пошел на квартиру к офицеру (меня, спасибо им, все принимают как товарища) и только расположился кончить письмо, и вообразите мою муку, хуже казарм, а эти люди (до простит им бог) с большой претензией на образованность и знание приличий, потому что некоторые из них присланы из западной России, боже мой! неужели и мне суждено быть таким? Страшно! Пишите ко мне и присылайте книги.

27 февраля. Только сегодня, и то может быть, кончу давно начатое письмо. Что делать!

Теперь самое тихое и удобное время — одиннадцатый час ночи. Все спит, казармы освещены одной свечкой, около которой только я один сижу и кончаю нескладное письмо мое,— не правда ли, картина во вкусе Рембрандта? Но и величайший гений поэзии не найдет в ней ничего утешительного для человечества. Со дня прибытия моего в крепость Орскую я пишу дневник свой, сегодня развернул тетрадь и думал сообщить вам хоть одну страницу,— и что же! так однообразно-грустно, что я сам испугался — и сжег мой дневник на догорающей свече. Я дурно сделал, мне после жаль было моего дневника, как матери своего дитяти, хотя и урода.

28 февраля. Вчера просидел я до утра, и не мог собраться с мыслями, чтобы кончить письмо; какое-то безотчетное состояние овладело мною (приидите все труждающиися и обремененные, и аз упокою вы). Перед благовестом к заутрени пришли мне на мысль слова распятого за нас, и я как бы ожил, пошел к заутрени и так радостно, чисто

молился, как, может быть, никогда прежде. Я теперь говею, и сегодня приобщался святых таин — желал бы, чтобы вся жизнь моя была так чиста и прекрасна, как сегодняшний день! Ежели вы имеете первого или хоть второго издания книгу Фомы Кемпейского [2] «О подражании Христу», Сперанского перевод, то пришлите, ради бога. Предстоит весною поход в степь, на берега Аральского моря, для построения новой крепости. Бывалые в подобных походах здешнюю в крепости Орской жизнь сравнивают с эдемом. Каково же должно быть там, коли здесь эдем! Но никто как бог не знает. Одно меня печалит: туда не ходит почта, и придется год, а может быть, и три, коли переживу, не иметь сообщения ни с кем близким моему сердцу! Пишите, еще март месяц наш, а там — да будет воля божия!

Пугает меня настоящая моя болезнь, с к о р б у т. А в степи, говорят, она ужасно свирепствует. Да заменим уныние надеждой и молитвой. Странно! прежде, бывало, я смотрел на природу одушевленную и неодушевленную как на совершеннейшую картину, а теперь как будто глаза переменились: ни линий, ни красок, ничего не вижу. Неужели это чувство прекрасного утрачено навеки? А я так дорожил им! так лелеял его! Нет, я, должно быть, тяжко согрешил перед богом, коли так страшно караюсь!

Ежели будете писать Андрею Ивановичу [3], просите его о том, о чем я его просил. И если можно, чтобы он поторопился, боюсь, ежели его посылка не застанет меня здесь. И вас прошу о том же. Одно спасение от одеревенения — книги.

29 ф е в р а л я в ы с о к о с н о г о. Читая и перечитывая Ваше письмо, я только сегодня заметил слова: «Вы меня вспомнили в далекой стороне». Не вспомнил, добрая, благородная Варвара Николаевна, а помнил со дня или вечера, когда я Вам жаловался на соседа Вашего Платона Лукашевича [4] (да простит ему господь), и буду помнить Вас, пока угодно будет богу оставить во мне хоть искру чувства доброго. Молитеся, молитеся, молитва Ваша угодна богу. Она меня оградит от этого страшного бесчувствия, которое уже начинает проникать в мою расслабленную душу.

Мир праху [5] доброго человека, который приветствовал меня в Новый год не как бесприютного скитальца, а как родного сына. Как это недавно было, мне кажется вчера, а сколько надежд моих не сбылося!

Вы говорите, что у Вас в Яготине все идет по-прежнему, общество то же самое, исключая Татьяны Ивановны, да исцелит ее господь. Сердечно рад, что добрый человек, бывший киевский студент, между Вами, благодарю его за память обо мне, и всех, кто не забыл меня. Князю Василию Николаевичу [6] и княгине мое глубочайшее почтение.

Прощайте и молитеся за несчастливого и душою Вам преданного

Т. Шевченка

Благодарю Вас, Глафира Ивановна, за Ваши немногие, но искренние строки, не пеняйте, что я поздно отозвался, так было угодно богу, и это письмо, не знаю, когда, придет к Вам! Когда бы ни пришло, передайте его доброй Вашей тете. И вспоминайте хоть изредка не забывающего Вас Т. Ш.

Татьяне Ивановне мое глубочайшее почтение; пришлите, ежели имеете, «Свячену воду»; она оросит мое увядающее сердце. Братьям и сестрам Вашим поклон. Скажите им и просите, ежели не забыли меня, да помолятся обо мне.

27. До А. І. Лизогуба

7 березня 1848 р., Орська кріпость

7 марта 1848.
Крепость Орская.

Не знаю, чи зраділа б так мала ненагодована дитина, побачивши матір свою, як я вчора, прийнявши подарунок твій щирий, мій єдиний друже, так зрадів, що ще й досі не схаменуся, цілісіньку ніч не спав, розглядав, дивився, перевертав по тричі, цілуючи всяку фарбочку. І як її не цілувать, не бачивши рік цілий. Боже мій! Боже мій! Який тяжкий та довгий рік! Та дарма. Бог поміг, минув-таки. Я, взявши в руки скриньку, подивився і неначе перелетів у малярню, в Седнєв. Чи згадаєте, як ви мені її вторік показували недороблену? Ще й радились зо мною, як би її химерніше улагодить, чи сподівався я, що через рік та сама скринька звеселить мене, неначе мати дитину, при лихій моїй годині! Благий і дивний єси, господи!

Сьогодня неділя, на муштру не поведуть. Цілісінький день буду переглядать твій подарунок щирий, мій єдиний друже, переглядать і молитись, щоб бог послав на довгі дні тобі такую радість, як послав він мені через тебе.

Перелічив, передивившись, все, все до крихотки ціле. І Шекспір, і папери, і фарби, і цизорик, і карандаші, і пензлі — все цілісіньке. Не утрачайся на альбом, друже мій! буде з мене і цього добра поки що.

Недавно з Яготина прийшов лист до мене. Спасибі їй, добрій Варварі Ніколаєвні, що не забуває мене, хоче мені, як сама достане, прислать книжок. Як пришле, то тойді я і тяжкого походу, і Аральського моря, і безлюдного степу киргизького не злякаюсь.

Одна тільки туга гризе мое серце: як заженуть у степ, то не доведеться ні од кого листа прийнять, ні самому послать, бо туди пошта не доходить, от моє горенько! А може, доведеться рік або й другий простерегти нікчемне оте море.

Не будемо журиться, а будемо молиться. Ще те лихо далеко, а всяке лихо здалеку страшніше, як то кажуть розумні люде. Цей і апріль місяць я ще буду в Орській кріпості, то напишіть до мене хоч стрічечку, бо тільки бог святий знає, як я радію, коли дійде до мене хоч одно Ваше слово з моєї бідної країни!

Я тепер (поздоров боже вас) хоч і багатий на папір, а все-таки на клаптику пишу, бо, сказано, пустиня, де я возьму, як потрачу, та таки і уділить декому треба хоч по аркушику.

Вибачте, голубе сизий, що так нашвидку пишу до Вас, бо одне те, що сьогодні пошта, а друге те, що коло десятої години треба виступить у караул!

Молюся богу, щоб послав здоров'я Надії Дмитрівні і радість всьому дому Вашому; спасибі Вам, бувайте здорові та напишіть хоч стрічечку до мене, до удячного Вам

Т. Шевченка

28. До Ф. М. Лазаревського

22 квітня 1848 р., Орська кріпость

22 апреля.

Чи не розсердилися Ви на мене часом? Або, крий мати божа, чи не забули мене, безталанного, що пишу, пишу до Вас, а Ви хоть би словечко! Думав спершу, що листи

мої не доходять до Вас, так же купець, що привіз Вам оту живущу «Історію» Устрялова [1], що і в солдатських руках не згинула, забожився мені, що притьмом у Ваші руки власниє оддав — а із Ваших рук (також власних) хоть би клаптик паперу, а то й того не добув. Що б це сталося з моїми добрими та щирими земляками? Міркую, міркую і гадки не дам, що воно таке! До Василя Матвійовича [2] писав аж двічі у Міліонну улицю,— а од його хоч би слово, і з Михайловської анітелень, од Вас... та, може, Вам ніколи? А як є коли? То гріх Вам великий забувать хоть і ликом шитого, та все-таки земляка Вашого.

Ох, якби-то так жартувало моє серце, як я оце з Вами словами жартую. Якби і йому, як рукам, можна було дать клапоть паперу та перо з каламарем, та й годі, то воно дуже добре було б, так що ж! Таким добром його не нагодуєш. Йому треба нудьги, тяжкої, невсипущої нудьги!

Цур йому, тому лихові, а то ще щоб не заплакать, а іноді, далебі, доходить до того, аж самому сором, та що ж, нічого не вдію з проклятущою нудьгою. Чи вернувся Василь із Пітера? Чи привіз він мені ту справу, що я його просив (бо мені за того можна буде рисовать). Нехай до мене хоч словечко напише. Напишіть, бога ради, чи получили ви «Історію» Устрялова, бо вона найшлась і я послав вам через тутешнього купця. Та ще коли получили Лермонтова од Василя, так пришліть, бо, може, доведеться поплентать на Раїм, то я там здохну без книжок. Та ще поскубіть за чуб отого ледачого Левицького [3] і поклоніться землякам моїм, в Оренбурге сущим.

Бувайте здорові та не забувайте безталанного

Т. Шевченка

Напишіть, будьте ласкаві, швиденько.

29. До А. І. Лизогуба

9 травня 1848 р., Орська кріпость

9 мая, 1848. Крепость Орская.

Воістинно воскрес!

Спасибі тобі, щирий мій друже, і за папір, і за лист твій, ще кращий паперу. Папір мені тепер дуже став у пригоді, а лист ще дужче! І тим самим, що мені тепер треба було

молитви і щирого дружнього слова, а воно якраз і трапилось. Я тепер веселий іду на оте нікчемне море Аральське. Не знаю, чи вернуся тільки!.. А іду, єй-богу, веселий.

Спасибі тобі ще раз за писанку; дійшла вона до мене цілісінька, і в той самий день прийшло мені розрішеніе малювать, а на другий день приказаніе у поход виступать. Беру з собою усю твою малярську справу; не знаю тільки, чи доведеться малювать!

Вибач мені, єй-богу, ніколи і сухар той з'їсти, а не те щоб лист написать до ладу. До Варвари Ніколаєвни напишу вже хіба з Раїма. Як будеш писать до неї, подякуй за книжку Гоголя.

Адрес мій: в крепость Орскую. Его высокоблагородию Михайлу Семеновичу Александрийскому[1] з передачею мені.

А цей чолов'яга буде посилать до мене через коменданта. Не забувай мене, єдиний мій! Коли не побачимося на сім світі, то вже певне зустрінемося на тім. До свидания!

Щирий твій Т. Шевченко

30. До О. І. Макшеєва [1]

26 березня 1849 р., Раїм

Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Кос-Арал, почему и не могу Вам сообщить ничего нового о тамошнем житьи-бытьи любезного Алексея Ивановича, а о Раиме и говорить нечего — неизменяемый!

В воспоминании Вашем о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для не забывающего Вас

Т. Шевченко

31. До А. І. Лизогуба

8 листопада 1849 р., Оренбург

Оренбург. Ноября 8, 1849.

Друже мій єдиний!

Позавчора вернувся я із того степу киргизького та моря Аральського до Оренбурга та й заходився оце писать до тебе. Пишу, а ще і сам добре не знаю, чи живий ти на світі, чи здоровий, бо вже оце трохи чи не півтора року, як ми не переписувались з тобою ані одним словом, а за таке врем'я багато води у море утекло. Може, і у вас кого не стало, бо холера, кажуть, здорово-таки косила. Коли живий ти та здоровий, то напиши до мене, друже мій, не гаючись, то я тойді вже і одпишу до тебе, геть усе розкажую, як мене носило по тому морю, як я у степу отім безкраїм пропадав. Геть усе розкажу, нічого не потаю. А тепер поки що поклонись од мене всьому дому вашому і добрій Варварі Ніколаєвні, скажи їй, що я живий, здоровий, і коли не дуже щасливий, то принамені веселий.

Оставайся здоров, не забувай на безталанні

Т. Шевченка

На звороті:

Адрес:
В г. Оренбург.
Его благородию Карлу Ивановичу Г е р н у [1]
в генеральный штаб
с передачею.

32. До В. М. Рєпніної

14 листопада 1849 р., Оренбург

На днях возвратился я из киргизской степи и из Аральского моря в Оренбург. И сегодня Лазаревский [1] сообщил мне письмо Ваше, где Вы именем всего дорогого просите сообщить обо мне хоть какое-нибудь известие. Добрый и единый друг мой! Обо мне никто не знал, где я прожил эти полтора года, я ни с кем не переписывался, потому что не было возможности, почта ежели и ходит через степь, то два раза в год. А мне всегда в это время не случалось бывать в укреплении. Вот причина! И да сохранит Вас господь подумать, чтобы я мог забыть Вас, добрая моя Варвара Николаевна. Я очень, очень часто в моем уединении вспоминал Яготин и наши кроткие и тихие беседы. Немного прошло времени, а как много изменилось, по крайней мере, со мною; Вы бы уже во мне не узнали прежнего глупо восторженного поэта, нет, я теперь стал слишком благоразумен; вообразите! в продолжение почти трех лет ни одной идеи, ни одного помысла вдохновенного — проза и проза, или, лучше сказать, степь и степь! Да, Варвара Николаевна, я сам удивляюсь моему превращению, у меня теперь почти нет ни грусти, ни радости, зато есть мир душевный, моральное спокойствие до рыбьего хладнокровия. Грядущее для меня как будто не существует. Ужели постоянные несчастия могут так печально переработать человека? Да, это так. Я теперь совершенная изнанка бывшего Шевченка и благодарю бога.

Много есть любопытного [2] в киргизской степи и в Аральском море, но Вы знаете давно, что я враг всяких описаний, и потому не описываю Вам этой неисходимой пустыни. Лето проходило в море, зима в степи, в занесенной снегом джеломейке в р о д е ш а л а ш а, где я, бедный художник, рисовал киргизов и между прочим нарисовал

свой портрет, который Вам посылаю на память обо мне, о несчастном Вашем друге.

Проживая в Одессе, быть может, встретитесь с Алексеем Ивановичем Бутаковым [3] — это флотский офицер и иногда бывает в Одессе, у него в Николаеве родственники и родные; это мой друг, товарищ и командир при описании Аральского моря. Сойдитесь с ним. Благодарите его за его доброе братское со мною обращение, он, ежели встретитесь с ним, сообщит все подробности о мне.

Прощайте, добрая моя Варвара Николаевна, кланяюсь Глафире Ивановне, князю Василию Николаевичу и всему дому Вашему.

Т. Шевченко

14 ноября.
1849 — Оренбург.

33. До А. І. Лизогуба

29 грудня 1849 р., Оренбург

Оренбург, 1849.
Декабря 29.

На самий свят-вечір сижу собі один-однісінький у хатині та журюся, згадуючи свою Україну і тебе, мій друже єдиний. Думаю: от бог дає і свято своє велике на радість добрим людям,— а мені нема з ким слова промовить. Аж гульк! входить в хатину добрий Герн і подає мені Ваш лист. Господи милостивий! Як я зрадів! Неначе батька рідного побачив або заговорив з сестрою на чужині! А надто як прочитав, що Вас всіх, мов праведних, минула кара господня, то аж заплакав, так мені любо стало! Ви пишете, друже мій добрий, що шлете альбом із papier torchon,— спасибі Вам, пришліть. А фарб сухих не посилайте, бо тут олії достать не можна, та мене ще знову весною поженуть у степ! Такий мій талан поганий! Що ж мені Вам послать, коли в мене нема нічого; послав би Вам вид Аральського моря, так таке погане, що крий боже! нудьгу ще наведе, прокляте. Ще Ви пишете, друже мій єдиний, щоб я виставляв ціну на моїх будущих рисунках; велике Вам спасибі! бо тут без грошей ще поганше, як меж жидами. Я, нарисовавши дещо, оддавав за самую убогую ціну, так що ж,— сміються! Мені здається, що якби сам Рафаель [1] воскрес отут, то через тиждень умер би з голоду або найнявся б

у татарина кози пасти. Отакі тут люде! Шлю вам киргизького «Баксу», або, по-нашому, «Кобзаря». Коли найдеться яка добра душа, то нехай купить, зробить добреє діло, а ціну я йому кладу 50 карбованців; може, задорого, то збавте, як знаєте. Буду посилать до Вас усе, що зроблю вартого послать, а ви вже робіть з ними, що хочете. Ще посилаю Вам оцього гарнадера (це я); згадуйте мене, дивлячись на його, друже мій добрий! Ще Ви пишете, щоб розказать Вам, що зо мною діялось на Аральськім морі два літа,— цур йому! бодай не діялось того ні з ким на світі! Опріч нудьги, всі лиха перебували в мене, навіть і нужа,— аж згадувать бридко!

Адресуйте Ваші листи на ім'я Г е р н а, а мого імені не пишіть: він знатиме по штемпелю. Бувайте здорові! Як будете писать Варварі Ніколаєвні, то поклоніться їй од мене. Всьому дому Вашому низенько кланяюсь.

Щирий до Вас Т. Ш е в ч е н к о

34. До В. М. Репніної

1 січня 1850 р., Оренбург

1 января, 1850, Оренбург.

Поздравляю Вас с Новым годом, молю господа о ниспослании Вам всех благ. Я теперь сижу один-одинешенек и вспоминаю то прошлое, когда мы с Вами в первый раз встретились в Яготине,— и многое пришло в мою грустную бесталанную голову — ужели и конец моей жизни будет так же печален, как настоящий день? В нещасті невольно делаешься суеверным — я теперь почти убежден, что мне не видеть веселых дней, и сердцу дорогих, и милой моей родины!

Для Нового года мне объявили, что следующей весною я должен буду отправиться опять на Аральское море, верно, мне оттуда не возвратиться! За прошедший поход мой мне отказано в представлении на высочайшее помилование! — и подтверждено запрещение писать и рисовать! Вот как я встречаю Новый год! не правда, весело?

Я сегодня же пишу Василию Андреевичу Жуковскому (я с ним лично знаком) и прошу его о исходатайствовании позволения мне только рисовать. Напишите и Вы, ежели Вы с ним знакомы. Или напишите Гоголю, чтобы он ему написал обо мне, он с ним в весьма коротких отношениях. О большем не смею вас беспокоить. Мне страшно делается, когда я подумаю о киргизской степи — с отходом моим в степь я должен буду опять прекратить переписку с вами и, может быть, на много лет, а может быть, и навсегда! Не допусти господи!

Я недавно Вам писал; не знаю, получили ли Вы? потому что адрес не тот, который мне прислал на днях Андрей Иванович. Ежели будете писать ко мне, то сообщите свой настоящий адрес — и сообщите адрес Гоголя — и я напишу ему по праву малороссийского виршеплета, я лично его не знаю.

Я теперь, как падающий в бездну, готов за все ухватиться — ужасна безнадежность! так ужасна, что одна только христианская философия может бороться с нею.

Я Вас попрошу, ежели можно достать в Одессе — потому что я здесь не нашел,— прислать мне Фому Кемпейского «О подражании Христу». Единственная отрада моя в настоящее время — это евангелие. Я читаю ее без изучения, ежедневно и ежечасно. Прежде когда-то думал я анализировать сердце матери по жизни святой Марии, непорочной матери Христовой, но теперь и это мне будет в преступление. Как грустно я стою между людьми! ничтожны материальные нужды в сравнении с нуждами души — а я теперь брошен в жертву той и другой! Добрый Андрей Иванович просит меня присылать все, что бы я ни нарисовал, и назначать самому цену — что я ему пошлю? когда руки и голова закованы! Едва ли кто-нибудь терпел подобное горе!

Я вас печалю для Нового года, добрая Варвара Николаевна, своим грустным посланием — что делать! у кого что болит, тот о том говорит. И мне хотя немного отраднее стало, когда я выисповедался перед Вами! Кланяюсь Глафире Ивановне и всему дому Вашему.

Пишите ко мне в г. Оренбург на имя его благородия Карла Ивановича Герна в генеральный штаб, не надписывая моей фамилии,— он узнает по штемпелю.

Прощайте, Варвара Николаевна; не забывайте бедного и искреннего к Вам

Т. Шевченка

35. До Й. М. Бодянського

3 січня 1850 р., Оренбург

Оренбург,
генваря 3. 1850.

Поздоровляю тебе з цим Новим роком, друже мій єдиний! Нехай з тобою діється те, чого ти у бога благаєш; давно-давно ми не бачились, та не знаю, чи й побачимося швидко, а може, вже й ніколи — крий мати господня! А думаю, що так, бо мене дуже далеко заправторила моя погана доля та добрії люде! Я оце вже третій рік, як пропадаю в неволі, в цім богом забутім краї! Тяжко мені, друже! дуже тяжко! та що маю робить? Перейшов я пішки двічі всю киргизькую степ аж до Аральського моря, плавав по йому два літа. Господи, яке погане! аж бридко згадувать! Не те що розказувать добрим людям.

Ось бач, як зо мною діялось. Поїхав я тойді в Київ, із Петербурга, тойді, як ми з тобою в Москві бачились, і думав уже в Києві оженитися та й жить на світі, як добрі люди живуть, уже було й подружіє найшлось. Та господь не благословив моєї доброї долі! не дав мені докончить віку короткого на нашій любій Україні. Тяжко! аж сльози капають, як згадаю, так тяжко! Мене з Києва загнали аж сюди — і за що? За вірші! І заказали писать їх, а що найгірше... рисовать! І отепер бачиш, як я отут пропадаю, живу в казармах меж солдатами, ні з ким слова промовить і нема чого прочитать — нудьга! Нудьга така, що вона мене незабаром вжене в домовину! Не знаю, чи карався ще хто на сім світі так, як я тепер караюсь? І не знаю, за що? Оцей, що привезе тобі лист мій,— наш земляк, Левицький, привітай його, друже мій добрий! добра, щира душа! Він мені в великій став пригоді на чужині! Дай йому мою «Тризну» і «Гамалія», коли вона ще жива, а мені, коли буде твоя ласка, пришли Конисського[1], добрез зробиш діло, нехай я хоч читатиму про нашу безталанную Україну, бо я вже її ніколи не побачу! Так щось серце віщує! Пришли і напиши, коли буде ласка, по адресу: в Оренбург, Карлу Івановичу Герну в генеральний штаб,— а мене на адресі не упоминай, цур йому, він знатиме по штемпелю. Оставайся здоров, друже мій єдиний! нехай тобі бог посилає, чого ти в його просиш. Згадуй інколи безталанного

Т. Шевченка

А щоб не оставалося гулящого паперу, то на́ тобі вірш з десяток своєї роботи.

Як маю я журитися,
Докучати людям,
Піду собі світ за́ очі,
Що буде, те й буде.
Найду долю — одружуся,
Не найду — втоплюся,
А не продам себе людям,
В найми не наймуся.
Пішов собі світ за́ очі —
Доля не спіткалась...
А воленьку добрі люди
І не торговали,

А без торгу закинули
В далеку неволю!
Щоб не було свободного
На нашому полю!

36. До В. А. Жуковського

Між 1 і 10 січня 1850 р., Оренбург

Я три года крепился, не осмеливался Вас беспокоить, но мера моего крепления лопается, и я в самой крайности прибегаю к Вам, великодушный благодетель мой. Я писал еще в первый год моего изгнания Карлу Павловичу Брюллову — и никакого результата; бедный он, великий человек! При всей своей великости, самой малости не хочет сделать; говорю, не хочет, потому что он может; позволяю себе думать — и первое добро (написание вашего портрета) было сделано случайно. (Простите мне подобное нарекание на великого человека. Печально, что с великим гением не соединена великая разумная добродетель).

Был я по долгу службы в киргизской степи и на Аральском море, при описной экспедиции, два лета; видел много оригинального, еще нигде не виданного, и больно мне, что ничего не мог нарисовать, потому что мне рисовать запрещено. Это самое большое из всех моих несчастий! Сжальтесь надо мною! Исходатайствуйте (вы многое можете!) позволение мне только рисовать — больше ничего и надеяться не могу и не прошу больше ничего. Сжальтесь надо мной! Оживите мою убогую, слабую, убитую душу! Ежели вы (в чем я не сомневаюсь) напишете графу Орлову [1] или кому найдете лучше, то, бог милостив, и я взгляну на божий свет хотя перед смертью, потому что казарменная жизнь и скорбут разрушили мое здоровье. Да, я теперь мог бы описать быт русского солдата не хуже всякого нравописателя. Печальный быт!.. Что делать?.. Таковы люди вообще, а наши особливо. И скорбут, и казарменная жизнь совершенно разрушили мое здоровье. Для меня необходима была бы перемена климата; но я на это не должен надеяться: рядовых, таких как я, не переводят. Мне бы хотелось в кавказский корпус, и врачи тоже советуют; а меня посылают опять на Сыр-Дарью потому только, что там расположен баталион, в котором я записан. Для моего здоровья этот поход самый убийственный:

новые укрепления, еще не совсем устроенные, плохая вода и жизнь самая однообразная. Если б можно было рисовать, я мог бы ее разнообразить, хоть самому грустно. Бога ради и ради прекрасного искусства, сделайте доброе дело, не дайте мне с тоски умереть! Я постараюсь, ежели мне будет позволено, нарисовать для вас все, что есть интересного в этом неинтересном, но пока таинственном крае.

Тарас

37. До В. М. Рєпніної

7 березня 1850 р., Оренбург

Оренбург.
7 марта, 1850.

Все дни моего пребывания когда-то в Яготыне есть и будут для меня ряд прекрасных воспоминаний. Один день был покрыт легкой тенью, но последнее письмо Ваше и это грустное воспоминание осветило. Конечно, Вы забыли? Вспомните! Случайно как-то зашла речь у меня с Вами о «Мертвых душах», и Вы отозвались чрезвычайно сухо. Меня это поразило неприятно, потому что я всегда читал Гоголя с наслаждением и потому, что я в глубине души уважал Ваш благородный ум, Ваш вкус и Ваши нежно возвышенные чувства. Мне было больно, я подумал, неужели я так груб и глуп, что не могу ни понимать, ни чувствовать прекрасного? Да, Вы правду говорите, что предубеждение ни в каком случае не позволительно, как чувство без основания. Меня восхищает Ваше теперешнее мнение — и о Гоголе, и его бессмертном создании! О я в восторге, что Вы поняли истинно христианскую цель его! Да!.. Перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям! Сю [1], по-моему, похож на живописца, который, не изучив порядочно анатомии, принялся рисовать человеческое тело, и, чтобы прикрыть свое невежество, он его полуосвещает. Правда, подобное полуосвещение эффектно, но впечатление его мгновенно! — так и произведения Сю, пока читаешь — нравится и помнишь, а прочитал — и забыл. Эффект, и больше ничего! Не таков наш Гоголь — истинный ведатель сердца человеческого! Самый

мудрый философ! и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним, как перед человеколюбцем! Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем. Личное знакомство с подобным человеком неоцененно, в личном знакомстве случайно иногда открываются такие прелести сердца, что не в силах никакое перо изобразить!

Я сделался настоящим попрошайкой! Что делать? Оренбург такой город, где и не говорят о литературе, а не то чтобы можно было в нем достать хорошую книгу! Вся эта речь к тому, чтобы вы мне (найвсепокорнейше прошу) прислали «Мертвые души». Меня погонят 1 мая в степь, на восточный берег Каспийского моря, в Новопетровское укрепление, следовательно, опять прервут всякое сообщение с людьми. И такая книга, как «Мертвые души», будет для меня другом в моем одиночестве.

Пришлите, Варвара Николаевна, ради бога — и ради всего высокого, заключенного в сердце человеческом; конечно, не надокучая Вам, можно бы выписать из М о с к в ы, но увы! Я не могу себе теперь позволить подобной роскоши. У меня давно было намерение просить у Вас эту книгу, но, помня тот грустный вечер в Яготыне, я не осмеливался. Пришлите, ради всего святого!

Новый завет я читаю с благоговейным трепетом. Вследствие этого чтения во мне родилась мысль описать сердце матери по жизни пречистой девы — матери спасителя. И другая — написать картину распятого сына ее. Молю господа, чтобы хоть когда-нибудь олицетворились мечты мои! Я предлагаю здешней католической церкви (когда мне позволят рисовать) написать запрестольный образ (без всякой цены и уговору), изображающий смерть спасителя нашего, повешенного между разбойниками, но ксендз не соглашается молиться перед разбойниками! Что делать! поневоле находишь сходство между 19 и 12 веком.

Молюся богу и не теряю надежды, что испытанию моему придет когда-нибудь конец. Тогда отправляюся прямо в Седнев и, по мере сил моих, олицетворю мою так долго лелеянную идею.

В седневской церкви над иконостасом два вделанные в стену железные крюка меня неприятно поражали, и я думал, чем закрыть их? и ничего лучше не мог выдумать, как картиною, изображающей смерть спасителя нашего.

Если не ошибаюсь, я говорил об этом с Андрей Ивановичем. Не помню.

Лазаревский теперь в отсутствии, но вы адресуйте свое письмо в пограничную комиссию. Он его получит. Это один из самых благородных людей! Он первый не устыдился моей серой шинели, и первый встретил меня по возвращении моем из киргизской степи и спросил, есть ли у меня что пообедать. Да, подобный привет дорог для меня! Напишите ему, благодарите его, потому что я и благодарить не умею за его приязнь!

Хотелось бы долго, вечно беседовать с Вами, единая сестро моя! Но что делать? Почта, как и время, не останавливаются ни для нашей грусти, ни для нашей радости. Адрес мой прежний: К. И. Герну.

До свидания.

Глафире Ивановне и всему дому Вашему поклон.

Т. Шевченко

38. До А. І. Лизогуба

14 березня 1850 р., Оренбург

14 марта 1850 г.
Оренбург.

Друже мій єдиний!

Я не знаю, що б зо мною сталося, якби не Ви? В великій пригоді стали мені оці 50 крб. Розпитайте Ілію Івановича, я йому пишу. Що значать гроші при убожестві! Якби не Ви, то мене б давно з пудьги не стало, а то все-таки, хоч украдучи, та трошки помалюю, а воно й полегша!

Не знаю, чи доведеться мені хоть що-небудь намалювать на Каспійському морі, бо мене весною туди поженуть. Якщо доведеться, то пошлю до вас; тільки вже ціни не поставлю, а продасте так, як вам бог поможе.

От яка моя доля погана! Я, вставши раненько, заходився писать до Вас лист оцей; тільки що заходився, а тут чорт несе єфрейтора (звичайно, найнятого, щоб давав знать, бо я живу тепер не в казармах): пожалуйте к фельдфебелю! Треба було лист покинуть, а сьогодні пошта одходить. То сяк, то так ублагавши фельдфебеля, вернувся я до хати і захожуюся знову, а часи беруться вже коло першого, то вибачте, коли не все розкажу, що хотілося б розказать, або що-небудь помилюся.

Подякуйте і Ви за мене Ілію Івановича за його благородную щедроту, а мені, бога для, вибачте! А якщо трапиться мені ще що-небудь прислать до Вас, то підписуйте Ви самі мою фамілію, ц и н о б р о ю, бо мені не можна.

Усе, що Ви з ласки своєї послали, я получив. І Ф о м у К е м п е й с ь к о г о получив. Спасибі тому доброму Михайлові [1], що він таки мене не забуває. Якщо Ви знаєте його адрес, то пошліть йому оцей листочок, а як ні, то одішліть Варварі Ніколаєвні, вона певно знає.

Спасибі Вам за всі Ваші блага! Не забувайте безталанного

Т. Ш.

До 1 мая адрес мій той самий, а там, здається, треба буде знову мовчать.

39. До В. М. Репніної

12 січня 1851 р., Новопетровське укріплення

Новопетровское укрепление,
12 генваря 1851 года.

Мне до сих пор живо представляется 12 число генваря и соседка ваша Татьяна Густавовна Вольховская [1]. Жива ли она, добрая старушка? Собираются ли по-прежнему в этот день к ней нецеремонные соседи со чады и домочадцы повеселиться денька два-три и потом разъехаться по хуторам до следующего 12 генваря? Жива ли она? И много ли еще осталося в живых, о которых с удовольствием вспоминаю? Да, в прошедшем моем хоть изредка мелькает не то чтобы истинная радость, по крайней мере, и не гнетущая тоска. Недавно, кажется, всего четыре года, а как тяжело они прошли над моей головою, как изменили они меня, что я сам себя не узнаю. Вообразите себе безжизненного флегму — и это буду я. Не следовало и говорить об этом, а лучшего нечего сказать.

В прошедшем году со мною ничего нового не случилось, разве только что меня перевели из Орской крепости в Новопетровское укрепление, на восточный берег Каспийского моря. Начальники мои — добрые люди, здоровье мое, благодаря бога, хорошо, только чтение весьма ограничено, что и удваивает скуку однообразия. Вот и весь быт мой настоящий. Когда будете писать Андрею Ивановичу, поклонитесь ему от меня. Жив ли Алексей Васильевич? [2] Я о нем совершенно ничего не знаю. Кланяюся Глафире Ивановне, и князю Василию Николаевичу, и всему дому Вашему и поздравляю Вас, единый друг мой, с Новым годом

Прощайте! Вспоминайте иногда искреннего Вашего

Т. Шевченка

В летние месяцы пишите ко мне через г. Астрахань, а в зимние через г. Гурьев [3] в Новопетровское укрепление, на имя г. коменданта его высокоблагородия Антона Петровича Маевского [4].

40. До В. М. Рєпніної

Між 10 і 20 вересня 1851 р., Новопетровське укріплення

Я здесь пользуюсь покровительством полковника Матвеева[1]. Напишите ему хоть пару строчек, Вас это не унизит, а мне принесет существенную пользу. Его зовут Ефим Матвеевич Матвеев, адресуйте письмо на имя Герна — с передачею Матвееву. Бога для, сделайте это, мое возвращение из Новопетровского укрепления будет зависеть от него.

Послал я здешнего краю произведение (кусок материи)[2] Андрею Ивановичу в первых числах генваря и до сих пор не имею ответа. Что бы значило? Когда будете писать к нему, упомяните и об этом.

Простите мне подобные требования.

41. До С. С. Гулака-Артемовського

1 липня 1852 р., Новопетровське укріплення

1 июля, 1852.

Всякое даяние благо, тем более, если оно неожиданно, как, например, твои 20 р., полученные сегодня. Благодарю тебя, искренний друже мой! Трижды благодарю. Ты знаешь, я прежде, в счастливое мое время, не ворочал, можно сказать, капиталами, а теперь, когда я уже шестой год и кисти в руки не беру (мне рисовать запрещено), то можешь себе представить, что значат для меня твои 20 руб.! Только вот что: если я не ошибаюсь, у нас с тобой уговору не было, чтобы платить мне за работу. Кажется, так. Правда, давно это было; я могу и забыть. Я помню только печене порося и пирожки в корзинке. Помнишь ли, добрый друг мой? Счастливое время! Кажется, недавно, а вот уже 12 год тому назад! Летят наши годы,— бог их знает, куда они так торопятся... Я как теперь вижу тебя, непосидящего Элькана, и флегму Федота, и щирого козака Кухаренка, та ще родича твого Скрипника, та ще... и, бог их пересчитает. Много их... где-то они теперь? Живут себе дома припеваючи; только я один, как отколотая щепка, ношуся без пути-дороги по волнам житейского моря! И в самом деле, где меня не носило в продолжение этих бедных пяти лет? Киргизскую степь из конца в конец всю исходил, море Аральское и вдоль и впоперек все исплавал, и теперь сижу в Новопетровском укреплении та жду, что дальше будет; а это укрепление, да ведомо тебе будет, лежит на северо-восточном берегу Каспийского моря, в киргизской пустыне. Настоящая пустыня! песок да камень; хоть бы травка, хоть бы деревцо — ничего нет. Даже горы порядочной не увидишь — просто черт знает что! Смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьмет — просто хоть давись; так и удавиться нечем. Да, человек в несчастии живет в самом себе, как говорят разумные люди, т. е. размышляет. А к чему ведет размышление? спросить бы этих умных людей. К тому, что разрушает надежду, эту всесветную прекрасную обманщицу! Признаюсь, я долго надеялся, но потом и рукой махнул. Да и в самом

деле, мне счастие не к лицу. Родился, вырос в неволе, да и умру, кажется, солдатом. Какой-нибудь да был бы скорее конец, а то, в самом деле, надоело черт знает по-каковски жить.

Если будешь писать Ивану Михайловичу [1], то благодари его от меня за его участие в твоем добром деле. Я сам хотел писать ему, да боюсь: бог его знает, может быть, он еще и рассердится, что как, дескать, смел солдат себе позволить то и то... Правда, он был когда-то человек негордый, да ведь это было давно, а время и счастье сильно людей изменяет. Впрочем, я не думаю, чтобы Ивана Михайловича переменило генеральство; он, мне кажется, такой же добряк и хлебосол, как и прежде был,— поэтому я все-таки напишу ему, только не с этой почтой. А почта у нас приходит и отходит один раз в месяц.

Чи жива в Городище твоя стара мати? Коли здравствує, то низько кланяюся їй.

И кланяюся всем общим нашим знакомым, особенно Л. Элькану и Семененку-Крамаревскому — когда здравствуют.

О новостях литературы, музыки и театра я не имею совершенно никакого понятия: кроме «Русского инвалида» [2], ничего у нас не имеется; «Северную пчелу» [3], газету литературную, забыл уже, как и зовут. Сначала было для меня ужасно тяжело без всякого чтения. Потом стал привыкать и, кажется, совсем привыкну; когда бы поскорее! а то сидишь, сидишь сложа руки, да и захочется прочитать что-нибудь новенькое, а его нет. Так больно станет, что не знаешь, куда деваться. Но самое мучительное для меня то, что мне рисовать не позволяют. А причины — не знаю почему. Тяжело! больно тяжело! А делать нечего...

Прощай, мой искренний друже, не забывай бесталанного

Т. Шевченка

P. S. Чи не зустрінешся часом з Василем або Михайлом Лазаревськими, то познакомся з ними.

Сегодня попался мне лоскуток печатной бумаги; читаю, а там говорится о концертах прошедшей весны и о концерте г. Артемовского, как о замечательнейшем, и артистке г-же Артемовской [4], очаровавшей слушателей игрой на

инструменте, давно забытом, т. е. на арфе! «Боже мой! — думаю себе.— Он уже женатый!»

Господи, пошли тебе счастие в твоей семейной жизни!..

42. До А. І. Лизогуба

16 липня 1852 р., Новопетровське укріплення

Новопетровское укрепление.
1852. Июля 16.

Единый друже мой!

Не прогневались ли Вы за что на меня? Думаю, думаю, вспоминаю и в догадках теряюся, не обретаю за собою вины ни единыя. Впрочем, едва ли кто себя обвинит! Простите великодушно, аще что содеях пред Вами по простоте моей, и напишите хоть единую строку, чтобы я мог ведать, что вас еще здрава бог милосердый носит по сей грешной земле. Вот уже третий год, как я не имею от вас никакого известия, последнее письмо ваше получил я в Оренбурге 1850, в последних числах мая, на которое по разным скверным приключениям не мог отвечать вскоре, а писал Вам уже из Новопетровского укрепления, того же года, месяца ноября, Вам и Варваре Николаевне, и ни от Вас, ни от Варвары Николаевны до сих пор не имею совершенно никаких известий. Право, не знаю, что думать! Или панихиду по Вас править, или думать, что Вы на меня сердиты. За что ж бы Вы на меня прогневались? Вопрос сей для меня — узел Гордиев. Скорблю сердечно, и тем паче плачу, что я во узах моих с Вами только и Варварой Николаевной иногда переписывался. Прошу Вас, умоляю! Когда получите письмо мое, то хоть чистой бумаги в конверт запечатайте та пришлите, по крайней мере, я буду знать, что Вы здравствуете.

Не пишу Вам ничего о самом себе потому, что нет хорошего материала для повествования, а описывать скверную мою долю тошно и грешно, по-моему. Это все равно, что роптать на бога. Пускай себе тянется жизнь моя невеселая, как мне бог дал. Одно, чего бы я просил у бога, как величайшего блага, это хоть перед смертью взглянуть разочек на Вас, добрых друзей моих, на Днепр, на Киев, на Украину, и тогда, как христианин, спокойно умер бы я. И теперь не неволя давит меня в этой пустыне, одиночество —

вот мой лютейший враг! В этой широкой пустыне мне тесно, а я один. До Вас, я думаю, не дошло сведение, где именно это Новопетровское укрепление, то я Вам расскажу. Это будет на северо-восточном берегу Каспийского моря, на полуострове Мангишлаке. Пустыня, совершенная пустыня, без всякой растительности, песок да камень, и самые нищие обитатели — это кочующие кой-где киргизы. Смотря на эту безжизненность, такая тоска одолеет, что сам не знаешь, что с собой делать, и если б можно мне было рисовать, то, право, ничего не нарисовал бы, так пусто. Да я до сих пор не имею позволения рисовать, шестой год уже. Ужасно!

Что же еще написать вам? Право, нечего, худого очень нет, а хорошего и подавно, монотонно, однообразно, больше ничего. Начальника мне бог послал человека доброго, вообще люди добрые меня не чуждаются. Живу я как солдат, разумеется, в казармах. Удобный случай изучить солдатские обычаи и нравы. Сміюся сквозь слезы, что делать, слезами горю не пособить, а уныние — грех великий. Дожидаем в укрепление нонешнего лета корпусного командира [1]. Думаю просить, чтобы позволил мне в здешнюю церковь безмездно написать запрестольный образ во имя воскресения Христова. Не знаю, что будет. Великой бы радостью подарил меня, если бы позволил, вот уже шестой год, как я кисти и не видал.

Прошу Вас, пишите ко мне хоть одну строчку, чтобы я знал, что Вы живы и здоровы. Илье Ивановичу и всему дому Вашему до земли поклон. Соседу Вашему и соседке в Бегаче [2] тоже.

Прощайте. Остаюсь в ожидании известия от вас.

Ваш искренний Т. Шевченко

На звороті:

Адресуйте ко мне так: Его высокоблагородию Антону Петровичу Маевскому, г. коменданту Новопетровского укрепления.

Летом в г. Астрахань.
Зимою в г. Гурьев, на Урале.

43. До А. Й. Козачковського [1]

16 липня 1852 р., Новопетровське укріплення.

Новопетровское укрепление, 1852.
Июля 16.

Поддерживает ли дружбу, или, по крайней мере, приязнь постоянная переписка? Вопрос прехитрый, на который я отвечаю вследствие многолетней опытности так: был у меня во время оно великий приятель (может быть, он здравствует и поныне?), так этот-то великий приятель, бывало, каждую почту дарил меня посланием, по крайней мере, на двух листах. И я, о! грустное воспоминанье! должен был отвечать ему, потому что он был хороший приятель, и если б не эти убийственные послания, может быть, и до сих пор остался хорошим приятелем. А то увы! терпение лопнуло, а дружба врозь. Мне кажется, что от подобной переписки не только дружба, но и самая нежная любовь не уцелеет. Но нам с Вами нечего опасаться за нашу дружбу вследствие частой переписки. Мне кажется, если не ошибаюсь, что со времени нашего знакомства это будет первое письмо, а знакомы мы с Вами ровно 10 лет. Да и это письмо, если правду сказать, порождение крайней необходимости. Чистосердечию моему простите великодушно. Вот какого роду необходимость заставила меня начертать послание сие (нехитрое в настоящем). В 1852 году я чувствую приближение той самой болезни, от которой Вы спасли меня в 1844 году. Если припомните тот целительный бальзам, которым Вы меня тогда врачевали, то, ради самого Эскулапа [2], пришлите рецепт оного... я для Вас субъект исследованный.

По прибытии моем в здешний край я два года сряду страдал скорбутом и головною болью. Дальний поход (от Орской крепости до Аральского моря) и продолжительное купанье в море были причиною того, что показались у меня на всем теле, особенно на ногах, золотушные нарывы, после чего я вскоре почувствовал облегчение в голове, а теперь повторяется та же боль и прыщи на голове точно такие, как были в 1844 году...

Теперь нужно бы Вам написать о нравственном моем житьи-бытьи. Но оно так скверно, что и писать не хочется, а коли говорить хорошего нечего, то лучше молчать. Живу я, можно сказать, жизнью публичною, сиречь в казармах,

муштруюсь ежедневно, хожу в караул и т. д., одно слово, солдат, да еще солдат какой! Просто пугало воронье. Усища огромные. Лысина что твой арбуз. Точь-в-точь солдатский портрет, что изобразил Кузьма Трохимович (у Основ'яненка). Шутки в сторону, а написать о себе не могу ничего хорошего, в противном случае это была б ложь. Живу, можно сказать, одним воспоминанием, да и кто им не живет! Помните ли нашу с вами прогулку в Андруши и за Днепр в Монастырище на гору. Вспомните тот чудный вечер, ту широкую панораму, и посередине ее длинную широкую фиолетовую ленту, а за лентой фиолетовой блестит как из золота кованный Переяславский собор. Какая-то чудная, торжественная тишина. Помните, мы долго не могли промолвить слова, пока наконец белое, едва заметное пятнышко не запело:

Та яром, яром за товаром.

Чудный вечер! Чудный край и песни дивные! Много добрых воспоминаний сохранил я о старом Переяславе и о тебе, мой искренний друже!

Кланяюсь всем добрым моим знакомым и особенно доброму гостеприимному Степану Никифоровичу Самойлову [3], ежели пишешь когда О. Бодянскому, то кланяйся за мене. Аминь.

Искренний твой Т. Шевченко

Адресуй так: Его высокоблагородию Антону Петровичу Маевскому, г. коменданту Новопетровского укрепления в город Астрахань, а зимою в город Гурьев.

44. До Ф. М. Лазаревського

2 серпня 1852 р., Новопетровське укріплення

Что ефто значит, что я сегодня именинница? я тебя ждала! ждала! Варила щеколад на цельном молоке, а ты не пришел!

Из частного письма.

Это значит (сиречь эпиграф сей), что я прошедшего года ждал от Вас не то чтобы письма, по крайней мере, доброго слова, и вельми ошибся. Спрашиваю F и Z [1], не видали ли такого и такого? Нет, говорят, а я было уже и руку

протянул за письмом. Не только не видали, и не слыхали! Що за недобра мати, думаю? Чи не вмер він там, думаю. Так же ні, бо восени вторік питаюся у Костромитенова [2], де, кажу, такий і такий? Чи не вмер, кажу, часом? Та ні! Живісінький і здоровісінький. Так, думаю, певно, розсердився, а сердиться, здається, нема за що? А може, й найшлося яке лихо, вибач, будь ласкав. Та напиши до мене хоч слово. А тим часом привітай оцього доброго й благородного сотника Хаїрова [3]. Ми з ним укупі жили два года і ні разу не лаялись, а це, я думаю, притча во язицех. Та ще скажи мені, чи не бачив ти Поспєлова? [4] Як він вернувся з Раїма, і хто такий поїхав з пароходами на те погане Аральське море? Та ще скажи, будь ласкав, Залецькому [5], як вернеться він в Оренбург, что все, посланное им мне, получено з благодарностью, та як побачиш Костромитенова, то поклонись йому гарненько. І старому тому татаринові, що в Малоросії якась наймичка віхтем його умила за те, що він її хотів теє... Та ще от що. Як будеш писать до Василя і Михайла, то кланяйся їм і спитай у Михайла, чи послав він те, що я його просив, до Лизогуба в Чернігівську губернію, бо я й досі нічогісінько не знаю, а обіщах до зіла.

Про себе якби я сказав, що мені тут добре, то тяжко збрехав би. Нехай тобі оцей добрий чоловік про мене розкаже: він мене добре знає. Кланяйся доброму Карлу Івановичу Герну і всім, хто мене там знає. Оставайся здоров. Нехай тобі бог помагає на все добре. Не забудь написать до Михайла. Амінь.

Ш.

2 августа.

45. До Й. М. Бодянського

15 листопада 1852 р., Новопетровське укріплення

Новопетровское укрепление, 1852.
Ноября 15.

Вітаю тебе, мій добрий, мій єдиний друже!

Лучше всего молчать бы, ежели нечего сказать доброго, но увы! Человеку необходимо исповедывать свое горе, а мое горе великое! И кому, как не тебе, его я исповедую? Шестой год уже, как я обезволен, и шестой год, как не

пишу никому ни слова. Та, правду сказать, и писать некому. В добре та счастии, бывало, на собаку кинеш, а влучиш друга або великого приятеля. Недаром Мерзляков [1] сказал: «Все други, все приятели до черного лишь дня». А покойный Данте говорит, что в нашей жизни нет горшего горя, как в несчастии вспоминать о прошлом счастии. Правду сказал покойный флорентинец, я это на себе теперь каждый день испытываю. Хоть тоже, правду сказать, в моей прошлой жизни не много было радостей, по крайней мере, все-таки было что-то похоже немного на свободу, а одна тень свободы человека возвышает. Прежде, бывало, хоть посмотришь на радости людей, а теперь и чужого счастия не видишь. Кругом горе, пустыня, а в пустыне казармы, а в казармах солдаты. А солдатам какая радость к лицу? В такой-то сфере, друже мой, я теперь прозябаю. И долго ли еще продлится это тяжкое испытание?

Не жаль бы было, если б терпел, да знал, за что. А то, ей-богу, не знаю. Например, мне запрещено рисовать, а я во всю жизнь мою одной черты не провел предосудительной. А не давать заниматься человеку тем искусством, для которого он всю жизнь свою посвятил, это ужаснейшая кара! Кроме душевных мучений, которые я теперь терплю, я не имею, наконец, кроме солдатской порции, ничего лишнего, не имею, наконец, бедного рубля денег, чтобы хоть святцы выписать, не говорю уже о журнале. Вот какое горе одолело! Просить стыдно, а красть грех, что тут делать? Я думал, думал, да и выдумал вот что: поиздержись немного, узника ради, и пришли мне «Летопись» Конисского или Величка [2], великое скажу тебе спасибо. Со времени моего изгнания я ни одной буквы не прочитал о нашей бедной Малороссии, а что знал о ее минувшем прежде, то и малое быстро забываю, и твой подарок будет для меня истинною радостию. Послал бы я тебе денег на эту книгу, так же, ей-богу, нет. Во всем укреплении только один лекарь [3] выписывает кой-что литературное, а прочие как будто и грамоты не знают. Так у него, у лекаря, когда выпросишь что-нибудь, так только и прочитаешь, а то хоть сядь та й плачь.

Нынешнюю осень посетил наше укрепление некто г. Головачов [4], кандидат Московского университета, товарищ известного Карелина [5] и член общества московского естествоиспытателей. Я с ним провел один только вечер, т. е.

несколько часов, самых прекрасных часов, каких я уже давно не знаю. Мы с ним говорили, говорили, и, боже мой, о чем мы с ним не переговорили! Он сообщил мне все, что есть нового и хорошего в литературе, на сцене и вообще в искусстве. О тебе вспомнил я, и Головачов, как ученик и почитатель твой, говорил о тебе с восторгом. В 9 часов вечера мы с ним расстались (по пробитии зори мне, кроме казарм, нигде быть нельзя). Я не мог с ним написать тебе и несколько слов, просил его тебе низенько поклониться, та й годі. В тот самый день, как я встретился с Головачовым, т. е. 1-го октября, получил я письмо от твоего товарища, а от моего доброго приятеля Андрея Козачковского [6] из г. Переяслава, благодарю его, он один меня не забывает в напасти.

Когда получишь мое послание, то раздери его надвое и одну половину отдай Андриану Филипповичу Головачову, ты его, вероятно, нередко видишь.

Прощай, мій друже, богу милий! Желаю тебе радости в благоугодных трудах твоих, не пишу тебе много потому, что и это немногое так печально, что, может быть, ты и читать не захочешь.

Оставайся здоров, не забывай бесталанного

Т. Шевченка

46. До А. П. Головачова [1]

15 листопада 1852 р., Новопетровське укріплення

Андриан Филиппович!

Вы, вероятно, и сами не подозреваете, что во время Вашего посещения Новопетровского укрепления Вы сотворили меня счастливым, по крайней мере, на несколько дней. А несколько дней счастья в нашей жизни — это много значит! Проведенный вечер с Вами мне снился несколько ночей сряду, и живо представлялась мне давно забытая картина человеческой жизни. Благодарю Вас! От души благодарю за эту великую радость! Слушая Вас в тот достопамятный вечер, я переселялся в Москву и Питер, видел и театры, и мою Академию, и все, что благодарит человека. Благодарю Вас!

Вы прочитали тогда небольшое стихотворение Щербины [2] — «Купанье». До сих пор не могу забыть того

сладкого чудного впечатления, какое произвело на меня это прекрасное произведение. Прошу вас, будьте так добры, поклонитесь от меня Щербине как истинному поэту, в наше время явлению редкому. А если увидите Островского, то и ему нижайший поклон, за его «Свои люди», а «Бедной невесты» еще не читал.

Вы обещали посетить наше укрепление на будущее лето, как я рад буду вам! С какою радостию послушаю опять ваши милые рассказы о том, что совершается среди людей. До свидания. Вспоминайте иногда курносого лысого старичка в белом кителе. До будущего лета прощайте!

Я чуть было не забыл вам сказать, что у меня есть в Москве товарищ, академик Н. Рамазанов [3], скульптор, прекрасный художник и благородный человек, при случае познакомьтесь с ним. Он вам, верно, понравится, занимает он место профессора скульптуры при Московском художественном училище.

Желаю вам всех благ. Вспоминайте иногда

Т. Шевченка

15 ноября.

47. До Ф. М. Лазаревського

Жовтень — грудень 1852 р., Новопетровське укріплення

Заграй мені, дуднику, на дуду —
Нехай свого лишенька забуду [1].

Сироті на чужині і сухар хлібом стане. То так і мені оце Ваше письмо. Були Ви, як здорові пишете, у Петербурзі, не питаю Вас, що Ви там бачили, а тілько дякую Вас за те, що привезли мені поклон од Василя Єзучевського и от братьев Ваших — спасибі їм, що не забувають мене на чужині, а надто Михайлові спасибі за гроші.

Пошли господи доброго здоров'я Левицькому. Спасибі Вам, що Ви про його написали. А башкирський офіцер, що я Вам рекомендовав, повинно буть умер, коли він до Вас не ходить, а як не вмер, то, певно, одурів, а ще й Казанського університету!

Багато дечого мені треба б було написать до Вас, та ніколи. Вибач мені ради св. Федора Тирона, що я до тебе нашвидку пишу. Сьогодні пошта прийшла, а завтра одходить.

Ш.

1853 рік

48. До С. С. Гулака-Артемовського

15 червня 1853 р., Новопетровське укріплення

Новопетровское укрепление.
Июня 15, 1853.

Я так думаю, друже мій милостивий, что только одни бесталанные одинокие с і р о м и ,— такие, как я теперь,— в одиночестве, на чужині, способны ощущать то счастие, ту великую радость, какую я почувствовал, получивши твое сердечно-дружеское письмо. Добре ти робиш, брате Семене. Нехай господь посилає твоє добро на тебе, і на жіночку твою, і на діточок твоїх!

В продолжение шести лет моей тяжкой неволи я пробовал писать декому из своих друзей-приятелей — так что ж!.. Тяжко, страшно тяжко, друже мій єдиний!

С июля прошедшего года я до сей поры не получил ни одного письма и думал уже, что я всеми забытый; только на прошлой неделе получается астраханская почта, а с почтою и письмо твое, друже мій добрий. Только какая история из того письма вышла: комендант Маевский умер прошедшею зимою, а новый комендант [1] письмо твое с 10 р. хотел обратить назад. Великого труда мені стоило ублагать його, чтобы он раскрыл конверт. Отаким-то побитом получил я твое искреннее послание. А де вже його не возили: і на Кавказ, і в Оренбург, і знову в Астрахань, та вже із Астрахані насилу прийшло в мої руки.

Что ж теперь написать тебе о моей бедной, невольнической жизни? Думаю, лучше всего — ничего не писать, потому что хорошего сказать нечего, а про дурное лучше промолчать. Нехай воно ворогам нашим сниться. Ты пишешь, что не знаешь дела, по которому меня постригли в солдаты! Знай же, что дело не подлое, и еще знай, что мне запрещено писать (окроме писем) и рисовать,— вот где истинное и страшное наказание. Шесть лет уже прошло, как я мучусь без карандаша и красок. Горе! И еще горе! От до чого довели меня стишки, трижды проклятые...

Нашел я близ укрепления хорошую глину и алебастр. И теперь, тоски ради, занимаюсь скульптурой. Но, боже, как жалко я занимаюсь этим новым для меня искусством:

в казармах, где помещается целая рота солдат; а про модель и говорить нечего. Бедное занятие!

Спасибі тобі, що нагадав ти мені про К. І. Ійохима [2]; хоть я, правду сказать, и не забываю моих добрых приятелей, но не писал ему потому, что боялся его молчания на мое послание, как это следали другие мои приятели, в том числе и Михайлов, товарищ мой по Академии. Кто его знает, где теперь он? Да и не один он такой. Перовский [3] привез с собою в Оренбург некоего Гороновича [4], тоже моего товарища по Академии, и когда его спросили, не знаком ли он со мною, то он просто сказал, что и не видал меня никогда. И такие бывают люди на свете! Ійохиму я пишу небольшую цидулу и прошу тебя передать ему и просить его о том на словах, о чем я его в письме прошу, а прошу я его вот о чем: если он и теперь занимается гальванопластикою, то у него, вероятно, есть форма небольших фигурок, то пускай из них выберет одну или две изящнейших та вилле хоть из папье-маше и пришле мне, ради святого искусства. Я мог бы их копировать из глины, и это заменило бы мне, в некотором роде, натурщика або натурщицу. Попроси его, брате Семене! Вылепил я небольшой барельеф, вылил его из гипса и хотел тебе послать один экземпляр, так не знаю, довезет ли почта такую хрупкую вещь, как гипс, это раз; а другое и то, что совестно и посылать в столицу такую ничтожную штуку, как мой первенец барельеф. А вот, даст бог, поучусь та вылеплю второй — так тот уже стеарином залью та пришлю тобі.

Я слышал, что граф Толстой [5] занимался опытом над гутаперчею, чтобы выливать свои медали, так спроси у Ійохима, не знает ли он, каковы результаты опытов г. Толстого. Вот бы хорошо было! Я бы и себе выписал гутаперчи та і заходився б выливать свои бедные произведения.

Я уже думал было устроить себе невеличкий гальванопластический аппарат. Так что ж! В великом городе Астрахани, окроме кумыса и тарани, ничего достать нельзя, даже немуравленного горшка, который при этом деле необходим, а о медной проволоке и не слыхала Астрахань. Вот город так город! Настоящий восточный, или, лучше сказать, татарский.

Я еще прошу Карла Ивановича, не сообщит ли он мне своих простых практических средств в отношении гальванопластики, потому что я, кроме физики Писаревского [6],

ничего не имею, а в ней говорится о сем предмете слишком лаконически.

Эх! то-то було б, дурний Тарасе, не писать було б поганих вірш та не впиваться почасту горілочкою, а учиться було б чому-небудь доброму, полезному,— от би тепер як нахідка. А то посивів, оголомозів, дурню, та і заходився вчиться фізики. Не думаю, чтобы из этого что вышло, потому что я от природы вышел какой-то некончeнный: учился живописи и не доучился, пробовал писать — и вышел из меня солдат, да какой солдат! просто копия с того солдатского патрета, что написал Кузьма Трохимович у покойного Основьяненка. А тим часом старіюсь и постоянно болею, бог его знает, от чего это. Должно быть, з нудьги та неволі. А конца все-таки не вижу моей грустной перспективе, та без протекции, правда, его и видеть невозможно, а у меня какая протекция? Правда, були деякі люди, так что ж?

Одних уж нет, а те далече,
Как Пушкин некогда сказал.

И мне теперь осталося одно — ходить отут, по степу,— долго еще ходить та мурлыкать:

Доле моя, доле, чом ти не такая,
Як інша чужая! [8]

Кланяюся низенько твоїй Александрі Івановні і щиро цілую твоїх діточок і Варвару, і Александру — нехай здорові ростуть та щасливі будуть.

Так тепер для тебе Городище — чуже село: стара твоя мати умерла, царство їй небесне.

Оставайся здоровий і будь щасливий во всех твоих начинаниях, мій іскренній, мій єдиний друже Семене!

Твій щирий Т. Шевченко

49. До А. Й. Козачковського

30 червня 1853 р., Новопетровське укріплення

Искренний мой друже!

Недавно я получил твое глубоко грустное письмо. Причина была та, что на кого оно было адресовано, помер

прошедшею зимою, а душеприказчики его не решились взять письмо с почты. Спасибо, уже новый комендант взял его и передал мне. Грустный мой, плачевный мой друже! Чем, скажи, я порадую твое горестное сердце? Ничем. На подобные слезы мы, люди, не имеем сушила, дружнее участие ослабляет наши полугорести, но великое горе, как твое теперь, может ослабить только один наш общий помощник и сердцеведец. Молися, если можешь молиться, и, моляся, веруй разумно, глубоко веруй в замогильную, лучшую жизнь. Сны твои, которые ты видел в самые критические часы твоей жизни, показывают нам что-то выше наших земных понятий. Веруй! И вера спасет тебя.

Недавно прибывший к нам комендант привез с собою жену и одно дитя, по третьему году. Милое, прекрасное дитя (а все, что прекрасно в природе, как в е л и ц а, вьется около нашего сердца). Я полюбил это прекрасное дитя, а оно, бедное, так привязалось ко мне, что, бывало, и во сне звало к себе л ы с о г о д я д ю. Я теперь совершенно лысый и сывый. И что же? Оно, бедное, захворало, долго томилося и умерло. Мне жаль моего маленького друга, я тоскую, я иногда приношу цветы на его очень раннюю могилу и плачу. Я чужой ему, а что делает отец его и особенно мать? Бедная, горестная мать, утратившая своего первенца! Что же теперь твоих детей мать? И что ты сам, горестный отец! Велико, страшно велико твое горе, мой единый, мой незабвенный друже!

Привітай і поцілуй за мене свою горестную подругу. Скажи ей, что и я вместе с нею плачу о ее и твоих детях.

Прощай, мой скорбный друже, не забывай меня, напиши ко мне хоть сколько можешь написать и адресуй так: Его высокоблагородию Ираклию Александровичу У с к о в у. Через г. Астрахань в Новопетровское укрепление.

Не забывай Т. Ш е в ч е н к о

30 июня
1853.

50. До С. С. Гулака-Артемовського

6 жовтня 1853 р., Новопетровське укріплення

6 октября, 1853.

В декабре (или генваре) теперешнего года получишь ты, єдиний друже мій Семене, из частных рук а не через почту, невеликий ящик с делом рук моих,— сказать по правді, з пренечепурним ділом: так що ж я маю робить? Виліпить я то ще як-небудь виліпив, а вилить і досі не вмію; не те, правду сказать, що і не вмію, але матеріалу доброго нігде взять, сиріч алебастру. Прийми богу приємшу, що єсть, та й не осуди: на той рік, бог дасть, пришлю що-небудь краще, і то тоді тілько, як достану алебастру із тієї поганої Астрахані.

Ежели в декабре или в генваре ты не получишь сього добра, то, як будеш на Васильевском острове, зайди в Академію наук, у ту, що коло біржі, и спроси на квартире у академика фон Бэра [1] камердинера его, Петра, а у Петра спроси ящик на твое имя, а може, тобі той Петро і сам принесе — не знаю.

К. І. Ійохиму не показуй мойого «Тріо», а то я добре знаю, що він мене вилає. А все-таки поклонися йому, як побачиш, і попроси його, щоб він мені прислав який-небудь маленький барельєфик; а щоб йому не тратиться на почту, то нехай оддасть тобі, а ти передай оцьому Петрові, а Петро і привезе його в марті місяці аж у Астрахань. А академік Бер весною буде знову у нас і привезе мені той подарок Карла Івановича.

Видишь ли, друже мій єдиний, для чого я так прошу от Карла Івановича барельєфа якого-небудь; мені, ти знаєш, рисовать запрещено, а ліпить — ні, то я й ліплю тепер, а кругом себе не бачу нічого, проч степу та моря; то хотілося б хоч подивиться на що-небудь хороше! Може б, подивившися, і моя стара мучена душа стрепенулася; хоча б і не стрепенулася, то, може б, на старості тихенько заплакала б, дивлячися на прекрасное создание души человеческой.

Тепер хоть би на стороні постоять коло тієї Академії, а перше! Та що те перше й згадувать! Коли буваєш часом у старого Григоровича, то поклонись йому, старому, од мене, і Софії Іванівні [2], коли жива, то теж поклонися.

Та ще, прошу тебе, зайди в магазин Даціаро [3] (на углу

Невского проспекта и Адмиралтейской площади) і подивися на тетрадь литографированных рисунков Калама[4], а подивившися, спитай, що вони коштують, і напиши мені. Амінь.

Жіночці твоїй і діточкам твоїм кланяюсь. Не забувай мене, друже мій єдиний.

Може, ти не получив (а я получив твої гроші) мого письма, то от тобі ще один адрес.

51. До Бр. Залеського

Вересень—листопад 1853 р., Новопетровське укріплення

Извини мне, друже мой добрый, что пишу так мало, не имея ни времени, ни места. Благодатное лето прошло и унесло с собою и самую тень чего-то похожего на свободу; до сих пор еще боятся позволить приютиться мне где-нибудь, кроме казарм. Эгоизм и эгоизм! больше ничего.

Добрый мой друже! Получил я с твоим последним письмом сердцу милые портреты. Бесконечно благодарю тебя; я теперь как бы еще между вами — и слушаю тихие задумчивые ваши речи. Если бы мне еще портрет Карла, и тогда бы я имел все, что для меня дорого в Оренбурге.

С последней почтой послал тебе «Байгушей»[1]; приюти их, если можешь, где-нибудь, а перед тем, как пустишь ты их в чужие люди, сделай мне, если это не трудно, фотографические копии в величину обыкновенного конверта; мне хотелось бы подарить их Агате[2], ей они очень нравятся. Я сделался настоящий попрошайка, в каждом моем письме я чего-нибудь прошу у тебя, просто бессовестный я! а совеститься в таких случаях друга, значит, не иметь друга: мое такое понятие о дружбе, и это понятие должно быть общее.

Попробуй, не удастся ли тебе на темном фоне детская головка, и чтоб не искать моделей, то посади secondo Цейзика[3]; я так люблю детей, что не насмотрелся бы на верный отпечаток ангела.

Хорошо бы было, если б коллекция картин начальника штаба[4] состояла не из его собственных произведений; но на безрыбье и рак рыба: может быть, в его копиях есть хоть что-нибудь похожее на оригинал, а если и этого нет, то все-таки есть человек, любящий прекрасное божественное искусство, а между варварами это дар божий.

Если в Защите [5] у Дмитриева [6] найдешь хорошие эстампы новой французской школы, как-то Делакруа [7], Деларош [8], Ораса Верньe [9] и других, то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый час; это так может научить и образовать вкус, как никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философия. Великий Брюллов говаривал, бывало: «Не копируй, а всматривайся», и я совершенно верю бессмертному Брюллову. Но я, кажется, взял на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой единый, потому что в Оренбурге тебе и этого некому сказать, а ты так любишь прекрасное искусство. Боже мой! Когда мы увидимся? Когда мы поговорим, с любовью глядя друг на друга? Неужели все к лучшему? Нет, это поговорка близоруких.

Я вчера только узнал от Мостовского [10], что Колесинский [11] в Оренбурге, кланяйся ему от меня и от Мостовского. Мостовский для меня теперь настоящий клад; это один-единственный человек, с которым я нараспашку, но о поэзии ни слова. Странно, человек тихий, добрый, благородный и безо всякого понятия о прекрасном! Неужели это доля всего военного сословия? Жалкая доля!

Мне давно хочется завести переписку с Совою [12], но не знаю, как и начать. По-польски я писать не умею, а по-русски как-то неловко, но на всякий случай сообщи мне его подробный адрес. Будешь писать ему, кланяйся и целуй его за меня.

Что мне еще написать тебе на скорую руку? Кажется, ничего больше, как только поцелуй щиро Михайла [13] и Карла [14], когда приедет. Поцелуй руку ojca prefekta [15], и если Средницкий [16] в Оренбурге, поцелуй его щиро. Где Турно [17] и что с ним?.. Прощай, мой единый друже. Будешь писать Аркадию [18], целуй его от меня. Пиши S. и его целуй, и всех, кто помнит обо мне, целуй.

52. До Бр. Залеського

Січень, 1854 р., Новопетровське укріплення

1854, Генваря.

Радуюсь твоею радостью, друже мой единый! Дай тебе господи увидеть твою скорбную мать и свою прекрасную родину.

Прости меня, друже мой единый, ежели найдешь письмо мое нескладным и, может быть, бессмысленным. У нас сегодня байрам у Ираклия [1], и я пишу тебе далеко за полночь, т. е. часу в 4-м, а в этом часу, я думаю, и у Юнга [2] мысли были бы не на месте. Но это в сторону, а вот в чем дело: благодарю тебя сердечно за «Трио» [3] и проч., благодарю тебя за письма к Аркадию; благодарю тебя за память о Варваре [4], и ежели ты получишь о ней какое бы то ни было известие и вскоре сообщишь мне, то я тебя не благодарить буду, а боготворить.

Еще раз благодарю тебя за копию «Монаха» [5], и — я тебе, как богу, верю — ежели Лев Филиппович [6] такой человек, как ты говоришь, то и ты, и он скоро увидите и Ак-Тау и Кара-Тау [7], ежели не красками, то, по крайней мере, с е п и ю.

С того времени, как мы расстались с тобою, я два раза был на Ханга-Бабе, пересмотрел и перещупал все деревья и веточки, которыми мы с тобою любовались, и признаюся тебе, друже мой, заплакал. Не было с кем посмотреть на творение руки божьей — вот причина слез моих: ты был далеко, близкие куропаток и диких голубей искали в поле; мне хотелося посетить Ханта-Бабу с Данилевским, и Данилевскому тоже хотелося, но фон Бэр такой аккуратный немец, какого и в сердце Германии редко встретить можно; три дня, говорит, буду на Мангишлаке, т. е. в Новопетровском укреплении; сказал как отрезал — просто хуже всякого немца.

Поцелуй Карла за меня и скажи ему, что ежели он решился побывать на Сыре, то я пойду за ним на Куань и на Аму, в Тибет и всюду, куда только он пойдет.

С следующею почтою напиши мне о делах Карла или, как ты говоришь, при первом добром известии. «Иорда-

на» [8] и Сову я знаю, как твое сердце, и, спасибо трем людям, теперь уже не в Петрозаводске, которые знали меня лично и не забыли меня, а тому, что остался один из трех, посылаю сердечный поцелуй, а тем, которые знают меня не лично и вспоминают обо мне, тысячу кровосердечных поцелуев и братскую любовь.

Ты говоришь мне о Белозерском и о моей бедной «Катерине», как будто ты их лично знаешь; а коли знаешь, то напиши мне о Белозерском и о «Катерине». Мы с тобою поговорим, когда увидимся, и тогда я тебя с нею познакомлю, а Ильяшенка и Петрова забудь и ты, так как я их не помню.

Алексею Ивановичу [9] пожелай всех благ от меня в его новой жизни; поблагодари его за память обо мне, а ее — за копии с «Монаха».

Поцелуй Поспелова, ежели он в Оренбурге.

Гороновичу скажи, что в Бельгии и прославленным художникам делать нечего... впрочем, поклонися ему.

Земляка из Тального и Михайла, земляка Сераковского, [10] обними и поцелуй так, как я бы его поцеловал. С Михайловым [11] ты виделся мимоходом, и говорил он тебе о «Быке с киргизом», и за то благодарю. Дай бог ему всего того, чего он сам себе желает, а нам с тобою дай боже еще раз увидеться в этой жизни.

Поздравь Фому [12] от меня и извинись за меня, что я ему не пишу с этой почтой; завтра ученье и караул, и Алексею скажи то же.

Из приказов я вижу, что ты назначен в 9 батальон, а ты пишешь, что вскоре отправляешься на Сыр, и я не знаю, что думать. Напиши мне, ради святого Брониславa, как тебе адресовать мои грешные послания.

Цейзика и Людвига поцелуй от щирого сердца.

Целую руки ojca prefekta.

Когда увидишь Фому Лазаревского [13], отдай ему мою грамотку и скажи ему, что не было времени больше написать.

Ты мне ничего не пишешь о Аркадии. Что он и что с ним? Пиши ему, и целуй его за меня, и скажи ему, чтобы он безбоязненно адресовал свои письма на имя коменданта Новопетровского укрепления.

Прощай, не забывай. Ш.

53. До Я. Г. Кухаренка

1, 10, 16 квітня 1854 р., Новопетровське укріплення

1 апреля, 1854.

Я оце сиджу та сидячи думаю: господи! господи! Як-то швидко ті літа минають; молодії то ще так і сяк, а що вже ті старі (погані літа), то так і летять, неначе той шуліка за куркою: так вони за нашою мерзенною грішною душею.

Я оце сидячи лічу літа та долічуюсь до того року, як ми з тобою вперше побачились. Угадай, чи багато я налічив їх, тих нікчемних, марних літ? Трохи чи не буде чотирнадцять, коли не брешу, а як матимеш час, то сам здоров перелічи. Останній лист твій получив я року божого 1846-го в Миргороді. І, того ж божого року написавши тобі лист і гарненько власними руками у тім же богоспасаємім граді Миргороді оддавши на пошту, поїхав собі гарненько в престольний град Москву [1]. От, не маючи гадки, приїхав я у тую Москву та й гуляю собі по улицях, звичайне, як чоловік іностранний, розглядую собі то церкви, то собори, тілько глядь — аж іде чорноморець. От, спинивши його, й питаю, чи давно з коша і чи далеко господь несе? З коша, каже, шоста чи сьома неділя, а гируємо аж у саму столицю Петербург. От я і питаю його про Шамрая-Маляра [2], про Порохню [3] та й кажу йому: «А що то там поробляє кошовий Кухаренко?» — «Який,— каже,— Кухаренко?» — «Та Яцько»,— кажу. «Еге! — каже.— Його на зелених святках поховали». «От тобі й на! — подумав собі.— Чи давно чоловік мені радив, щоб я бив лихом об землю, як той швець мокрою халявою об лаву, а його вже й поховали!» Попрощавшись з чорноморцем, зайшов у якусь стару-престару церков, одправив по твоїй душі панахиду та й пішов собі знову блукать по закарлючистих улицях московських аж до самого вечора. Увечері зайшов у театр та згадав твій «Чорноморський побит». Вийшов із театру та цілісіньку ніч не знав уже, що з собою й робить. Так мені тебе жаль стало!

З тиждень чи й більш блукав я після того по тій Москві, тілько вже не лічив ворон на Івані Великому, а все дивився по улицях, чи не зустріну де хоч поганенького чорноморця, щоб досконально розпитать про тебе, друже мій єдиний! бо мені все якось здавалось, що ти живий і здоровий (воно так-таки і було собі, благодарить господа ми-

лосердого), а чорноморець той мерзенний, уповательно думаю собі, то ніхто інший, як сам Сатана (бодай він здох), скинувши свою повшедну одежу (німецький куций жупанок), та надів чорноморську достатню одежу, щоб почваниться перед московками під Новинським, або на Трубе, або на Козихе. Та, правда, в Москві всюди єсть де пощеголять, а особливо такому козакові, як Сатана.

От я, упоравши в Москві, що мені там треба було, вернувся знову в Київ і тільки що ступив на дніпровський байдак... так зо мною таке трапилося, що против ночі не треба було б і розказувать, а то ще, прокляте, приснiться. Мене, про правді сказать, арештували та, посадивши з жандармом на візок, та прямо привезли аж у самий Петербург. Засадили мене в Петропавловську хурдигу та й двері замкнули, я вже думав, що й ключі в Неву закинули. Аж ні. Через півроку вивели мене на світ божий та знову посадили мене на чортопхайку, тільки вже не з жандармом, а з фельд'єгерем, та одвезли аж у Оренбург. А в Оренбурзі, і до прийому не водивши, наділи на мене солдатську зброю, і так з того часу, друже мій єдиний, став я солдатом. Не зробив я, і не думав я, отамане батьку мій, кому-небудь лихого, а терплю горе, і бог його знає за що. Така, мабуть, уже усім кобзарям погана доля, як і мені, недотепному, випала. Сьомий рік оце пішов з апреля, як я нуджу світом в киргизькім безводнім і безлюднім степу.

Вернувшися вторік з Аральського моря[4] в Оренбург та сидячи ввечері у одного земляка свого (мене, спасибі, земляки таки не цураються), та, сидячи, перебираю старий «Русский инвалид». Коли зирк, аж надруковано, що такий-то Яцько Кухаренко назначається в таке і таке військо кошовим. Ну, так і єсть, що то мені в Москві зустрівся не хто другий, як сам Іродів син Сатана! Та й справді, якатаки недобра мати понесе чорноморця в Москву? Чого він там не бачив? Адже чорноморці з коша прямують на столицю через Курське, через Орел та на Смоленське, а не на Москву. Аж тепер тільки догадався, що я хоч і в школі вчився, а сам бачу, що дурень. Та ще хто і одурив? Сатана, ледачий син, бодай йому і в пеклі добра не було!

10 апреля.

Христос воскресе! Друже мій єдиний!

Поки Христа дочитуються, то я тим часом допишу оцей нікчеменний лист; та воно, по правді сказавши, давно б його треба завершить, так що ж ти маєш робить,— ніколи, так ніколи, що за лежнею нема коли і посидіть. Ти, я думаю, бачив коли-небудь кавказькії укріпленія? То, певне, бачив, що там поробляє люд хрещений? Отак достеменно і у нас в Новопетровськім укріпленії, а найпаче зимою. Лежимо собі цілісіньку зиму та ждемо весни та парохода із Астрахані. Цю весну щось довгенько його нема, чи не було там у вас зими лютої часом? У нас, благодарить бога, снігу і не видно було.

Вернімося трохи назад. Так отак-то, друже мій єдиний! Прочитавши в тім «Інваліді», що ти, благодарить господа милосердого, живий і здоровий, я трохи не рік усе застругував перо, щоб написать до тебе лист, а тим часом мене з Оренбурга вислали в Новопетровское укрепление, а тут... думав я, думав, та й така з нудьги проклята думка напала! Що я йому напишу? Може, він тепер в своєму коші забув, як мене й зовуть.

Та ні, думаю, не такий козак, хоч він тепер, думаю, і кошовим, а все-таки повинен остаться добрим козаком.

16 апреля.

Завтра, слава богу, од нас пароход повезе пошту, а коли-то він привезе од тебе, друже мій єдиний, лист? То вже цього і сам найстарший не скаже.

Згадуй мене інколи, друже мій! а як час матимеш, то й напиши мені, як ти там, у тому А з о в і, сам пробуваєш. Стара твоя чи бгає ще хоч як-небудь метелицю, сини-соколи твої, де вони тепер повертаються? Поцілуй їх, друже мій, за мене, скажи їм, що се, мов, вас цілує той старий дядько, що з вами цілувався колись у Царському Селі. Добре було б, якби згадали. Та ні, не згадають. Малі були, забули. То ти їм нагадай, коли сам здоров згадаєш, як ми з Бориспольцем з вами попрощалися, не доїжджаючи Александровського корпусу.

А я й досі співаю, та, може, й довго ще співатиму, згадуючи дочку твою невеличку:

Тече річка
Невеличка

З вишневого сад
Кличе козак
Дівчиноньку
Собі на пораду [5].

Поцілуй її за мене, друже мій.

Чи ти надрукував свій «Чорноморський побит»? Якщо надрукував, то, ласкавий будь, пришли і мені хоч один екземпляр. У Харків до Метлинського, може, інколи пишеш, то кланяйся йому і скажи, що я ще, на лихо мені, живий і здоровий, блукаю, мов, по степах киргизьких та іноді і його згадую за його «Думки та ще дещо».

Живи здоровий, друже мій єдиний! Писав би тобі багато ще дечого про свою погану неволю, та, бачиш, ніколи. У другому листі все до крихти напишу.

Будь здоровий! Нехай тобі господь на все добре помагає.

Не забувай сірому т. Шевченка.

Якщо дійде цей лист до твоїх рук і ти, прочитавши його, сам собі скажеш — де ж то він, той Тарас, написать би йому. Якщо тобі така думка прийде, то пиши так: Его высокоблагородию Ираклию Александровичу Ускову [5], г. коменданту Новопетровского укрепления. Через г. Астрахань, а з и м о ю через Гурьев-городок.

Ще ось що. Якщо ти надрукував свій «Чорноморський побит», то пришли мені один екземпляр, ради святої поезії, а я тобі за це в другому листі опишу свій поганий солдатський побит. Бувай здоров, мені і богу милий, мій єдиний друже! Нехай з тобою все добре діється, не забувай безталанного

Т. Шевченка

54. До А. Й. Козачковського

14 квітня 1854 р., Новопетровське укріплення

14 апреля, 1854.

Христос воскресе! Друже мій єдиний!

Вчера только привезла почта из Гурьева твое письмо, написанное тобою 14 генваря. Видишь ли, в чем дело. Новопетровское укрепление в продолжение зимы не может

получать денежной почты, а получает ее только в продолжение лета, то по этому обстоятельству и я получил твое сердечное послание только 13 апреля, т. е. с первою летнею почтою.

Спасибі тобі, друже мій єдиний, за твои десять рублей, чи, як ти пишеш, якогось хорошого общезнакомого нашого, і йому, і паче тобі спасибі, йому спасибі за гроші, а тобі спасибі за те, що послав ти мені їх. Тільки за те спасибі не скажу, чому ти не написав мені, хто се такий о б щ е з н а к о м ы й наш такий пам'ятливий та щедрий? Троха лиш (я сам собі міркую) чи не ти се сам посилаєш мені, убогому, із своєї власної дірявої кишені? Я думаю, що так. Серце моє мені нашіптує, що так. Спасибі ж тобі ще раз, друже мій єдиний! Дай тобі господи милосердий не класти більше своїх любих діток в домовину, а ростити їх, на добро людям, а собі на тихую старечу радість. Поцілуй їх, малих, за мене і, жартуючи, скажи їм, що далеко десь старий, лисий, усатий солдат молиться богу і, молячись, просить його, милосердого, щоб ви єсте великі росли і здорові були, а жінку твою (чом ти мені не напишеш, як її звати?) поцілуй за мене тричі. Та ще чом ти мені не напишеш, чи великі виросли дерева, що посадив ти восени 1845 божого року, бо мені так і здається, що я як пишу оцей лист до тебе або як просто тебе згадую, то так неначе дивлюся на тебе, як ти коло баркана рядочком восени дерева сажаєш.

Друже мій милостивий! Як получиш сие нехитростное послание мое, то вибери хороший погодній день та повели запрягти у бричку коні, та возьми посади коло себе жіночку свою і діточок своїх невеличких, і поїдьте собі з богом у А н д р у ш і [1], погуляйте собі гарненько у архієрейському гаї, та, гуляючи попід дубами та вербами, згадай той день, як колись перед вечором ми з тобою в Андрушах гуляли.

Дурень я, та ще й великий дурень! Мені тепер здається, що й раю кращого на тім світі не буде, як ті Андруші, а вам там то, може, навіть остило дивиться і на сині Трахтемировські гори [2]. Боже мій, господи єдиний! Чи гляну я на ті гори коли-небудь хоч одним оком? Ні! ніколи я їх не побачу! а хоч і побачу, то, може, з того світа, або на сім світі присниться коли-небудь.

А! цур йому. Лучче його й не згадувать, а то як згадаю що-небудь про нашу бідную Україну, то сльози так і закапають із старих очей.

Давно ворушиться у мене в голові думка, щоб перевести на наш прекрасний український язик «Слово о полку Игоря»[3]. Так нема в мене подлинника, а перевода читать не втну. Так от що я думаю. У вашій семінарській бібліотеці, певно, єсть издание Шишкова[4] або Максимовича[5] «Слово о полку Игореве», перевод з текстом, то ти, великої ради моєї любові, попроси якого-небудь скорописця списать для мене один екземпляр з переводом текст сієї невеличкої, но премудрої книги, а я тобі за це... що ж я тобі зроблю, убогий? Подякую щирим серцем, та й більш нічого. Вонми гласу моления моего, друже мій єдиний, пришли мені текст «Слова о полку Игоря», а то на твоїй душі буде гріх, як не буде воно, те «Слово», переведено на наш задушевний, прекрасний язик.

Недавно публиковано в газетах перевод «Слова о полку Игоря» Н. Гербеля[6] и его же издание перевод з текстом і з рисунками якимись, а продається 3 рублі серебром — а бодай він сказився із своєю книжкою і з рисунками, проче текста святого.

Для текста думав був виписать сію хитро надруковану книгу, та як полічив свої гроші, то і рукою махнув, спасибі тобі, що ти мені оце поміг, а то... та цур йому, й розказувать аж нудно.

Оставайся здоров, друже мій милостивий, поцілуй за мене свою жінку і своїх невеличких діточок, згадуй інколи безталанного

Т. Шевченка

Пиши до Бодянського О. М. і кланяйся йому од мене.

55. До Й. М. Бодянського

1 травня 1854 р., Новопетровське укріплення

1854. 1 мая.

Христос воскресе!

Привітай, друже мій єдиний, оцього уральського козачину[1]; я познакомився не дуже давно, він мені тойді здавався добрим чоловіком і щирим уральським козаком, може, тепер зопсувався у вашій білокаменній. Ось що! він у тебе попросить для мене «Слово о полку Игоря» Максимовича або Шишкова, дай йому, ради святої нашої поезії,

один екземпляр, коли маєш. Бачиш, у мене давно вже думка заворушилась перевести його, те «Слово», на наш милий, наш любий український язик. Достань, будь ласкав, та передай цьому козачині. Спасибі тобі, друже мій милостивий, за летописи, получив я їх од Головачова всі до одної і тепер собі здоров прочитую потрохи. Писав ще я в Київ Іванишеву [2], щоб прислав мені летопись Величка, так от уже другий рік жду не дождуся, та, мабуть, Іванишев (без сорома казка) забув, як мене і зовуть, а коли так воно робиться на сім світі, то не забувай хоч ти мене, мій єдиний друже! Чи нема в тебе якого-небудь завалящого ледащички екземпляра тієї летописи Величка, якщо маєш, то оддай сьому козачині, а він мені перешле її, а я о твоїм здравії богу помолюся.

Чи не побачишся коли-небудь з Головачовим, поцілуй його за мене і скажи йому, що я досі жду-жду Щербину [3], бо бачиш, як ми з ним бачилися позаторік у цім поганім укріпленії, то він читав мені деякі вірші Щербини і обіцявся вислать мені із Москви один екземпляр, та й досі нема.

Оставайся здоровий. Як матимеш гулящий час, то піди в Симонов монастир [4] і за мене помолися богу на могилі Гоголя за його праведную душу.

Не забувай Т. Шевченка

На звороті:

О. М. Бодянському.

56. До Бр. Залеського

6 червня 1854 р., Новопетровське укріплення

6 июня, 1854.

Вітаю тебе, друже мій, богу милий!

Вітаю тебе на лоне девственной, торжественно прекрасной природы! Много бы и много молитв сердечных послал бы я ко престолу живого бога за один час, проведенный с тобою в дремучем сосновом лесу, под темною тенью широковетвистой, мрачной, как дума Оссиана [1], ели. Хорошо и, боже милый, как хорошо прошел бы этот час с тобою вместе. Мы бы выбрали хороший пункт и освещение и на-

рисовали бы, по мере сил, грустную и величественную царицу лесов туманного севера. Но увы! этой великой радости не суждено испытать мне, бесталанному. Самая горькая отрава нашего морального бытия — это безнадежность, и эту жестокую отраву я вполне чувствую.

Прочь! прочь! змия лютая, ненасытная, хоть на один час, пока беседую с тобою, друже мой милый, друже мой единый!

Первое твое письмо прочитал я и немало удивился, что ты в нем ничего не вспоминаешь о моей просьбе, а это вышло потому, что ты не читал моего письма от 5 февраля, а я читал твое письмо и не посмотрел, что оно писано 20 февраля. Слона-то, как говорит Крылов, я и не заметил, да сдуру и задаю себе вопрос, что бы это могло значить. Во втором твоем письме я прочитал, что ты получил мое письмо уже на месте твоего теперешнего пребывания: и слава богу, как ты говоришь. Письмо твое к Сигизмунду, вероятно, не застало уже Карла в Оренбурге, потому что и до сей поры не имею от него никакого известия. У Плещеева [2] действительно не оказалось германских книг, не оказалось даже денег, чтобы купить их; это естественно — человек перед походом. А ты до глубины обрадовал мое сердце обещанием прислать К е р н е р а [3] и особенно Б о г д а н а З а л е с с к о г о [4]. Благодарю тебя, друже мой милостивый! Благодарю я тебя и за прекрасные песни С о в ы: мне особенно понравилось из них «Два слова» и «Экспромт». Если ты с ним в переписке, то в каждом твоем письме целуй его за меня всею полнотою моего сердца.

От поэзии перехожу прямо в прозу. Что делать! Такова жизнь наша. Вот в чем дело: Ираклий просит тебя, чтобы ты заказал для него в Екатеринбурге яшмовую или топазовую печатку, для чего и посылается тебе это изображение, правду сказать, весьма неуклюжее, а потому ты и оставь его втуне, а закажи такой величины и формы, как ты свое последнее письмо запечатал, с изображением лука и колчана на щите, а на верху щита, вместо шлема, дворянская корона.

Если просьба эта не будет сопряжена с большими затруднениями, то, прошу тебя, исполни ее. Есть у меня в Екатеринбурге на гранильном заводе товарищ мой, некто Пономарев [5]: обратися к нему, или как найдешь лучше.

Кланяется тебе Ираклий и Агата, кланяется тебе Зелинский [6] и Никольский.

Вот еще что: если ты не запасся Каламом, то советовал бы тебе выписать его через Аркадия хоть несколько эпизодов; это было бы для тебя весьма полезно. Я из Одессы не имею совершенно никаких сведений, а сам не пишу туда потому, что не имею адреса. Бога ради, пришли ты мне адрес Аркадия.

В последнем письме Плещеев писал мне, что ojciec prefekt сильно и опасно захворал. Правда ли это?

Добрый Лев Филиппович просил Василия Алексеевича [7], чтобы позволил мне написать образ для здешней церкви, и мне отказано!

Грустно! невыносимо грустно! При таких неудачах, я думаю, и величайший поэт откажется от всякой надежды на лучшую долю, а мне, бесталанному, и давно можно закрыть глаза для будущего лучшего.

Прощай, друже мой верный! Да благословит господь все дела твои и все намерения твои! Не забудь выписать Оссиана, он, кажется, есть в французском переводе. Ты теперь его с наслаждением прочитаешь. Декорация у тебя для Оссиана превосходная.

Не имею больше тебе ничего сообщить, друже мой, ни хорошего, ни худого, окроме разве, что у меня ни полкарандаша Фабера не имеется. А хорошее вот что у нас: прошедшей осенью Ираклий посадил на известном тебе огороде несколько верб, и они теперь зеленеют; лет через 10 их можно будет рисовать, а пока я ограничиваюсь воображением; тебе ж советую, друже мой, как можно более делать этюдов с деревьев. Не упускай случая, учись, бог знает, придется ли другой раз провести лето в лесу.

Как бы я рад был, если бы хотя к зиме состоялся твой перевод в Оренбург; я бы себя чувствовал меньше сиротою, нежели это я теперь чувствую.

Кланяйся и целуй Аркадия и сына его Бронислава.

Еще раз прошу тебя насчет печатки, а в отношении формы я полагаюсь совершенно на тебя. Еще маленькое условие: чтобы печатка обошлась не более 10 рублей серебром.

Поцелуй Фому и извини меня перед ним, что я не пишу ему теперь,— в караул гонят.

57. До Бр. Залеського

9 жовтня 1854 р., Новопетровське укріплення

Вот что, мой искренний друже! Мы вообще более или менее любим извинять свои даже неизвинительные проступки и маскировать их чем попало, лишь бы казалось правдоподобно. Я тоже человек, только не маскирую перед тобою моего долгого, ничем не извинительного молчания, а расскажу тебе всю правду, как было. Почти вместе с твоим письмом прибыла к нам и экспедиция Бэра, а в этой экспедиции (как я тебе и прошлый год писал) находится и твой знакомый Н. Данилевский [1] (который помнит и кланяется тебе), а такое явление, как Данилевский, в нашей пустыне может скружить и не мою голову. В продолжение его пребывания здесь я почти с ним не разлучался. Он своим присутствием оживил во мне, одиноком, давно прожитые прекрасные дни. Теперь, я думаю, ты простишь меня за молчание. Вообрази меня несколько дней сряду счастливым, и ты, как мой самый искренний друг, простишь меня и в сердце порадуешься моей мимолетной радости. Данилевский уехал теперь на короткое время в устье Эмбы [2], и я, пользуясь его отсутствием, пишу панегирик прекрасному уму и сердцу Н. Данилевского, а впрочем, все, что мне бы хотелось написать тебе о нем, то это не уместилось бы и на двух дестях бумаги, а не то что на одном листе, а потому и ограничусь, сказав тебе, что он во всех отношениях прекрасный человек; жаль только, что он ученый, а то был бы настоящий поэт.

Но довольно пока о Данилевском, поговорю о себе: с наслаждением прочитал я твое искреннее письмо и душевно порадовался твоей надежде быть переселену в Оренбург, все-таки ближе ко мне. Сигизмунд даже пишет мне, что ты оставляешь военное сословие и делаешься библиотекарем оренбургской публичной библиотеки. Дал бы бог! Я, впрочем, поверю только тогда, когда ты мне сам напишешь. Так ли иначе, только я сердечно желаю, чтобы ты скорее переселился в Оренбург. Из твоего описания окрестностей Златоуста [3] я вижу, что тамошние леса совсем не похожи на оссиановские леса, а более похожи на полярные, безплодные пустыни, величавые только своим пространством.

Милого Богдана Z. [4] я получил с сердечною благодарностию и теперь с ним не разлучаюсь; многие пьесы

наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготит — некому слушать, некому передавать той прелести, которую заключает в себе поэзия, а одному тяжело носить этот избыток возвышенных, божественных идей. Во всех отношениях человек необходим для человека. Нынешнее лето прибыло сюда несколько человек конфирмованных; но лучше было б не видать мне их никогда. Пустота страшная! Но бог с ними.

Переводы Совы так прекрасны, как и его оригинальная поэзия, и я не из скромности авторской, а говорю, как понимаю вещь. «Катерина» моя не так хороша, а главное, не так цела, чтобы ее переводить, и переводить Сове, а впрочем он, может быть, это лучше меня знает. «Два слова»— эта идея так возвышенно прекрасна и так просто высказана у Совы, что Плещеева [5] перевод хотя и передает идею верно, но хотелось бы изящнее стиха, хотелось бы, чтобы стих легче и глубже ложился в сердце, как это делается у Совы.

Ты мне обещаешь еще том Bogdana Zaleskiego; благодарю тебя, друже мой добрый! Что же я тебе пошлю? Чем я с тобою поделюся?

Я здесь, по милости Никольского, читаю постоянно Новины русской литературы [6] и прочитал биографию Гоголя [7], которую ты мне рекомендуешь. Она заинтересовала меня, как и тебя, письмами как документами, но как биография она не полна.

Ты мне в первый раз говоришь о Гороновиче довольно ясно, и я рад, что ты его наконец увидел с настоящего пункта. Как живописца я его не знаю, а как человек он дрянь, это я знаю; но бог с ним.

Одесские события [8] и на милого нашего Аркадия имели влияние, а в том числе и на меня, разумеется, косвенно; я, впрочем, еще и «Цыгана» [9] не промотал, следовательно, до нужды еще далеко, а он-то, бедный, как видно, в порядочных тисках. Когда будешь писать ему, не забудь поцеловать его за меня.

Я так опоздал теперь со своим письмом, что не знаю, куда и адресовать. Не знаю. Теперь уже осень, и я тебя воображаю в Оренбурге, а ты, может быть, еще в Богословском заводе [10]: что делать, не знаю. Во всяком случае, я адресую на имя ojca prefekta, и когда ты уже в Оренбурге и Карл тоже, то, прошу тебя, поторопися выслать то, о чем я тебя

просил, кроме платья, поторопися потому, что к нам тяжелая почта приходит в последний раз в октябре. Если не успеешь, то отложи до марта. Сигизмунд прислал мне шесть карандашей Фабера № 2, и они лежат у меня без употребления. Не забудь, что карандаши мои в кармане в пальто, там же в кармане есть еще две гравировальные иглы и два куска черного лака для натирания медной доски; их тоже пришли.

Ираклий кланяется тебе и просит тебя не забыть о печати, и я о том же прошу тебя; ты этим меня заставишь долго и искренно благодарить тебя.

Агата тоже тебе кланяется; эта прекраснейшая женщина для меня есть истинная благодать божия. Это одно-единственное существо, с которым я увлекаюсь иногда даже до поэзии. Следовательно, я более или менее счастлив; можно сказать, что я совершенно счастлив; да и можно ли быть иначе в присутствии высоконравственной и физически прекрасной женщины? Она тебя помнит и вспоминает о тебе часто и с удовольствием.

Что же мне еще написать тебе, друже мой единый? Ничего не напишу, чтобы не испортить письма какою-нибудь грустною мыслию. Не правда ли, ни одно письмо мое к тебе не оканчивалось так отрадно, как это? Великая вещь — сочувствие ко всему благородному и прекрасному в природе, и если это сочувствие разделяется с кем бы то ни было, тогда человек не может быть несчастлив. Если будешь писать Сове, то поцелуй его за меня и пожелай ему много-много возвышенных мыслей и стихов.

А если ты теперь в Оренбурге, то целуй за меня руку ojca prefekta и поцелуй милого моего и доброго Цейзика. Сигизмунду я пишу теперь же.

Не забывай меня, друже мой единый.

9 октября.

58. До Й. М. Бодянського

3 листопада 1854 р., Новопетровське укріплення

Посилаю тобі, друже мій єдиний, с г. Семеновим [1] поличчя оцього нікчемного гетьманця [2]. Дивлячися на його, згадуй і мене інколи. Я боявся нарисувать себе москалем, щоб ти часом не перелякався, глянувши на поличчя моє

в московській шинелі або, боже крий, ще і в мундирі! А гетьманець, думаю, не перелякає тебе, а може, ще й порадує твою запорозьку душу. Прийми ж його та привітай, цього нікчемного гетьманця, друже мій єдиний! Послав би тобі що-небудь... краще, так у мене тепер, їй-богу, нема нічого, а про мою погану долю розпитай у г. Семенова, він тобі розкаже про мене, про такого, як мене добре бачив.

Писав я до тебе недавно через одного мого великого приятеля, уральського козака, та і досі не знаю, чи получив ти од його ту цидулу, чи ні.

Найшлося б тобі ще дещо про себе написати, та ніколи. Спасибі тобі ще раз за літописи, я їх уже напам'ять читаю. Оживає моя мала душа, читаючи їх! Спасибі тобі!

Згадуй інколи искреннего твоего

Т. Шевченка

Листопада 3.
1854 року.

На звороті:

Осипу Максимовичу Бодянскому в Москве.

59. До Бр. Залеського

8 листопада 1854 р., Новопетровське укріплення

8 ноября 1854 г.

Каждое письмо твое, друже мой добрый, приносит мне тихую, чистую, сердечную радость; но последнее твое короткое послание меня из мертвого сделало, по крайней мере, полуживым. Писал я тебе о Данилевском, что он прогостил у нас около двух месяцев; в продолжение этого времени я с ним сблизился до самой искренней дружбы. Он недавно уехал в Астрахань, и я, проводивши его, чуть не одурел. В первый раз в жизни моей я испытую такое страшное чувство. Никогда одиночество не казалось мне таким мрачным, как теперь, и письмо твое так кстати пришло ко мне, что я не знаю, как тебя и благодарить за него, друже мой единый! С получением твоего письма я начал приходить в себя, начал чувствовать и думать; правда, что

думы мои по-прежнему не радужные, но все-таки думы. Ты говоришь, что ты сроднился в своем углу с безотрадным одиночеством; я сам то же думал, пока не показался в моей тюрьме широкой человек! Человек умный и благородный, в широком смысле этого слова; и показался для того только, чтобы встревожить мою дремавшую бедную душу; все же я ему благодарен, и благодарен глубоко.

Сердечно благодарю тебя за известие о Варваре; целую трижды доброго Аркадия. Насчет «Монаха» напиши ему, чтобы он не беспокоился: деньги у меня пока еще имеются. Я тебя давно уже воображаю в Оренбурге и уже другое письмо адресую по прежнему адресу. Когда ты приедешь в Оренбург, то напиши мне и сообщи свой настоящий адрес.

Агата тебе кланяется, а Ираклий пишет тебе письмо и адресует в Богословск. Зелинский посылает тебе поклон. Почтарь стоит над головою и не дает писать. Извини меня, друже мой, за мое короткое писание и не разлюби искреннего твоего Ш.

Данилевский тебе кланяется.

60. До А. О. Краєвського [1]

Кінець 1854 або початок 1855 р., Новопетровське укріплення

Милостивый государь Андрей Александрович!

Для дебюта посылаю Вам мой рассказ «Княгиня» [2] и прошу Вас, если он не будет противоречить духу Вашего журнала, напечатать его. Если же окажется он неудобопечатаемым, то прошу переслать рукопись в г. Оренбург, на имя Бронислава Францевича Залесского, в баталион № 2. Если же я увижу напечатанным мой рассказ в Вашем журнале, то мне приятно будет сообщить Вам и будущие мои произведения.

Имею честь быть

К. Дармограй [3]

1855 рік

61. До Бр. Залеського

10 лютого 1855 р., Новопетровське укріплення

10 февраля.

Сердечно радуюсь твоему возвращению, мой милый, мой сердечный, мой единый друже! Мне легко и весело на сердце стало, когда я прочел твое милое письмо, писанное уже в Оренбурге. Мне отрадно думать, что ты ко мне хоть не совсем близко, а все-таки приблизился на несколько десятков миль, и теперь (завидую тебе, друже мой единый) любуешься добрыми и сердцу милыми лицами Карла и Михайла, и мне самому грустно думать, что для полной твоей радости недостает тебе вдохновенного Совы; завидую тебе и радуюсь твоею радостью, друже мой, богу милый!

Ты просишь бога — увидеться теперь со мною. О, как я прошу его об этом! Но молитвы, знать, наши до него не скоро доходят. Веришь ли, мне иногда кажется, что я и кости свои здесь положу, иногда просто одурь на меня находит, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себе нигде места не нахожу, и чем далее, тем более эта отвратительная болезнь усиливается. И то сказать: видеть перед собою постоянно эти тупые и вдобавок пьяные головы — человеку и более меня хладнокровному немудрено с ума сойти; и я в самом деле отчаиваюсь видеть когда-либо конец моим жестоким испытаниям.

Какое чудное, дивное создание непорочная женщина! Это самый блестящий перл в венце созданий. Если бы не это одно-единственное, родственное моему сердцу, я не знал бы, что с собою делать. Я полюбил ее возвышенно, чисто, всем сердцем и всей благодарной моей душою. Не допускай, друже мой, и тени чего-либо порочного в непорочной любви моей.

Она благодарит тебя сердечно за твое милое, искреннее приветствие, а я и благодарить тебя не умею.

Ты спрашиваешь меня, можно ли тебе взять кисть и палитру; на это мне отвечать тебе и советовать довольно трудно, потому что я давно не видел твоих рисунков, и теперь я могу тебе сказать только, что говаривал когда-то

ученикам своим старик Рустем [1], профессор рисования при бывшем Виленском университете: «Шесть лет рисуй и шесть месяцев малюй и будешь мастером». И я нахожу совет его весьма основательным; вообще, нехорошо прежде времени приниматься за краски. Первое условие живописи — рисунок и круглота, второе — колорит. Не утвердившись в рисунке, браться за краски — это все равно, что отыскивать ночью дорогу.

Если можно достать в Оренбурге хороший пейзаж, масляными красками написанный, то попробуй его скопировать; но без хорошего оригинала я тебе советую кистей в руки не брать.

Ты мне пеняешь, почему я тебе не прислал «Трио» или «Христа» [2]; эти вещи через почту посылать неудобно, а случаи здесь так редки, или, лучше сказать, их вовсе не бывает. Я начал еще лепить, в пандан Христу, «Ивана Крестителя», на текст «Глас вопиющего в пустыне», и мне бы ужасно хотелося весной же переслать тебе хоть форму, но не предвижу никакой возможности.

Кланяйся Карлу и скажи ему, что для смазывания формы употребляется деревянное масло, смешанное с свечным салом пополам, алебастр или гипс разводится в густоту обыкновенной сметаны и, заливши форму, нужно дать трое суток сохнуть в сухом и теплом месте или на солнце: потом немного погреть перед огнем и сейчас же тоненьким ножом отделить осторожно предмет от формы; но и в этом, как и во всем, важную роль играет опыт.

Я чрезвычайно рад, что тебе поручена новая библиотека; лучше для тебя занятия я не мог бы придумать.

Как бы я рад был, чтобы ты сблизился с Василием Алексеевичем.

Посылки, о которой ты мне пишешь, я еще не получил: она, верно, зазимовала в Гурьеве.

Что мне Сигизмонд ничего не пишет? Что он и где он? Напиши хоть ты об нем пару слов. Что делается с Людвигом? И не имеешь ли каких известий о Алексее Плещееве и Фоме? Сообщи мне.

А если увидишь Сову или будешь писать ему, то расцелуй его за меня за его прекрасные, сердечные стихи. Мне грустно, что я ему не могу ничего прислать своего произведения. Он должен быть в высшей степени симпатический человек. Как бы я был счастлив, если бы мне удалося когда-нибудь обнять и поцеловать его!

Будешь писать к Аркадию, кланяйся ему от меня. Кланяйся и Михайлу, и всем, кто не забыл меня.

Если увидишь Михайлова, скажи ему от меня, пускай он мне напишет хоть что-нибудь. Прощай, не забывай меня!

О чем так долго и так постоянно думаю, о том чуть было не забыл просить тебя. Уведоми меня, принял ли Василий Алексеевич представление Фреймана[3] обо мне и пошло ли оно дальше? Если ты знаком с Фрейманом, то попроси его, пускай он тебе покажет мою «Ночь»[4] акварелью.

Мы здесь о зиме и понятия не имеем: в продолжение генваря месяца с 5° тепло не сходило, а я в продолжение всей зимы не снимаю кителя.

Кланяюся тебе Zieliński и Ираклий.

Прощай еще раз, мой незабвенный друже

62. До О. М. Плещеєва

6 квітня 1855 р., Новопетровське укріплення

Перед отъездом вашим в степь писали Вы ко мне письмо, на которое я Вам не отвечал, во-первых, по недостатку адреса, а во-вторых, потому что совершенно не о чем было писать, а переливать из пустого в порожнее скучно. Вы пишете, что, может быть, в письме Вашем встретилось мне что-нибудь не по сердцу и потому я Вам не отвечал. Как Вам пришло в голову такое предположение! Можете ли Вы что-нибудь написать, что бы мне было не по сердцу? Спаси Вас, господи, от таких мыслей! Каждую строчку, каждое слово Вашего письма я принимал, как слово брата, как слово искреннего друга. Какие бы ни были Ваши предположения, однако же Вы на них не остановились. За то Вам сердечно благодарен. Поздравляя меня с Новым годом, Вы желаете мне, как брат, всего лучшего, и особенно, чтобы вырваться из этой пустыни. Благодарю Вас! Прекрасное, человеколюбивое желание! Но увы! Вашему доброму желанию и моей единой надежде не суждено осуществиться.

Вот что случилось со мною. В прошлом году генерал Фрейман представил меня в унтер-офицеры. Я существовал этой бедной надеждой до конца марта текущего года; а перед самой пасхой почта привезла приказ майора Льво-

ва [1], чтобы взять меня в руки и к его приезду непременно сделать меня образцовым фрунтовиком, а не то — я никогда не должен надеяться на облегчение моей участи. Хорошо я встретил праздник пасхи! Праздник прошел, и из меня, теперь пятидесятилетнего старика, тянут жилы по осьми часов в сутки!

Вот мои радости! вот мои новости! Не пеняйте же мне, что я не отвечал Вам на Ваши письма. Я ждал, и мне хотелось хоть малой радостию порадовать Вашу сострадательную душу; а рассказывать Вам о своих страданиях — значит заставлять Вас самих страдать. А у Вас и своего горя немало, а делить горе между страдальцем — значит увеличивать общую скорбь.

Еще вот что. У нас не получает никто «Отечественных записок» [2], а у вас, вероятно, кто-нибудь получает; то просмотрите Вы хорошенько май и июнь, не увидите ли там рассказ «Княгиня», подписанный — К. Дармограй. Если нет, то напишите кому-нибудь в Петербург, чтобы получил рукопись в конторе журнала и переслал Вам, а Вы адресуйте ее в «Современник» или что найдете лучшим, то с нею и сделайте.

Прощайте, мой добрый, мой незабвенный друже! С следующею почтою буду Вам писать больше.

Ш.

63. До С. Сераковського

6 квітня 1855 р., Новопетровське укріплення

Мой милый, мой добрый Zygmunte!

Благодарю тебя за твое ласковое, сердечное украинское слово, тысячу раз благодарю тебя. Рад бы я отвечать тем же сердцу милым словом, но я так запуган, что боюся родного милого звука. Особенно в настоящее время я едва и как-нибудь могу выражаться. О моем настоящем горе сообщаю я А. Плещееву, и ты у него прочитаешь эти гнусные подробности.

Кернера и прочее с письмом И. Станевича [1], писанным 25 октября, получил я сегодня, т. е. 6 апреля. Все это пролежало всю зиму в Гурьеве. Но лучше поздно, нежели никогда. Благодарю ж вас, друзья мои, мои братья милые, что вы не оставляете меня! Поцелуй доброго Станевича

за его ласковые письма и извини меня перед ним, что я теперь не пишу ему: до отхода почты осталось только два часа, а до смены караула — час, а я на карауле и написал, что только успел.

Кто такой киевский студент [2], посылаемый сюда? Если ты знал его в Оренбурге, то сообщи мне; а то я не мастер сразу узнавать людей так, чтобы не сделать маху.

Поцелуй Карла, Цейзика и будь здоров. Не забывай любящего тебя Ш.

64. До Бр. Залеського

10 квітня 1855 р., Новопетровське укріплення

10 апреля.

Я ничего не пишу тебе с этою почтою, мой друже единый, потому что доброго написать нечего, а о скверном ты узнаешь из письма А. Плещееву. Прошу тебя только, если ты можешь, объясни мне, что все это значит. Каким родом могло быть предпочтено представлению генерала представление майора? Это для меня вопрос темнее безлунной ночи. Напиши мне, кто такой Станевич? Я знаю, что это добрый человек, и больше ничего не знаю.

В последнем моем письме я забыл тебе сказать, чтобы ты ходил в свободное время за Урал в парк или рощу и делал этюды; там есть образцы живописных деревьев. И еще раз скажу тебе: с масляными красками будь осторожен, пока не утвердишься в карандаше. Ничего больше теперь не имею сказать тебе. Прощай! Не забывай меня, мой единый друже! Целуй ojca prefekta, Карла, Цейзика и всех, кто вспомнит обо мне.

В продолжение восьми лет, кажется, можно бы было приучить себя ко всем неудачам и несчастиям,— ничего не бывало... Настоящее горе так страшно потрясло меня, что я едва владел собою. Я до сих пор еще не могу прийти в себя; в таких случаях нужен сердцу самый искренний, самый бескорыстный друг. Полуучастью тут не место: оно хуже холодного эгоизма.

Счастливы те, для которых слово «участье» больше ничего, как пустое слово! Когда я доживу до этого счастия?

Агата, моя нравственная, моя единственная опора [1], и та в настоящее время пошатнулась и вдруг сделалась пустой

и безжизненной: картежница, ничего больше! Или это мне кажется так, или оно в самом деле так есть. Я так ошеломлен этою неудачею, что едва различаю черное от белого.

Когда будешь писать Сове, кланяйся ему, а мне об нем напиши подробнее, потому что я знаю его как поэта, и ничего больше.

Прощай, мой милый, мой единый друже! Кернера и прочее я получил исправно. Теперь ожидаю карандашей, и если можешь, то пришли 1 и 2 томы B. Zaleskiego.

65. До В. І. Григоровича

Близько 12 квітня 1855 р., Новопетровське укріплення

Христос воскрес, незабвенный мой благодетель!

Вот уже девятый раз [1] я встречаю этот светлый, торжественный праздник далеко от всех милых моему сердцу, в киргизской пустыне, в одиночестве и в самом жалком, безотрадном положении. Восемь лет я выстрадал молча. Я никому ни слова не писал о себе. Думал, что терпением все одолею. Но, к несчастию, я горько ошибся, терпение так и осталось терпением, а я, между тем, приближаюся к 50 году моей жизни. Силы, и нравственные и физические, мне изменили, ревматизм меня быстро разрушает. Но что в сравнении болезни тела с болезнию души, с той страшною болезнию, что зовется безнадежностью. Это ужасное состояние! На осьмом году моих тяжелых испытаний я был представлен корпусному командиру к облегчению моей горькой участи. И что же, мне отказано за то, что я маршировать не могу, как здоровый молодой солдат. Вот одна причина, почему я остался таким же, как был, солдатом, а другая — и самая важная причина та, что я, к великому моему несчастию, не имею заступника перед особою В. А. Перовского, и это-то самое вынуждает меня обратиться к Вам и просить Вас и графа Федора Петровича помочь мне в крайне горьком моем положении своим человеколюбивым представительством перед В. А. Перовским.

Вы, как конференц-секретарь Академии художеств и как лично и хорошо меня знаете, просите его за меня, если можно лично, он теперь должен быть в столице. Если же

он выехал, то напишите ему письмо. Оживите умершую мою надежду. Не дайте задохнуться от отчаяния в этой безвыходной пустыне.

66. До Ф. П. Толстого

12 квітня 1855 р., Новопетровське укріплення

Ваше сиятельство!

К Вам как к представителю изящных искусств и вице-президенту Императорской Академии художеств, покровительства которой я так безрассудно лишился, к Вам прибегаю я с моею всепокорнейшею просьбою.

В 1847 году, за сочиненные мною либеральные стихи, я высочайше конфирмован в солдаты Отдельного Оренбургского корпуса. По распоряжению бывшего тогда корпусного командира сослан я в Новопетровское укрепление, находящееся в киргизской степи на северо-восточном берегу Каспийского моря. И вот уже наступил девятый год моего изгнания, и я, забытый в этой безотрадной пустыне, потерял уже и надежду на мое избавление.

Ваше сиятельство! До сих пор не осмеливался я беспокоить вас о моем заступничестве, думая, что безукоризненной нравственностью и точным исполнением суровых обязанностей солдата возвращу потерянное звание художника, но все мое старание до сих пор остается безуспешным. Обо мне забыли! напомнить некому. И я остаюся в безвыходном положении.

После долгих и тяжких испытаний обращаюся к Вашему сиятельству с моими горькими слезами и молю Вас, вы, как великий художник и как представитель Академии художеств, ходатайствуйте обо мне у нашей высокой покровительницы [1]. Умоляю Вас, Ваше сиятельство! одно только предстательство Ваше может возвратить мне потерянную свободу, другой надежды я не имею.

Еще прошу Вас, напишите несколько слов о моем существовании его высокопревосходительству Василию Алексеевичу Перовскому, судьба моя в его руках, и только его представление может быть действительно.

Кроме всех испытаний, какие перенес я в продолжение этих осьми лет, я вытерпел страшную нравственную пытку. Чувство страшное, которое вполне может постигнуть

человек, посвятивший всю жизнь свою искусству. Мне запрещено рисовать, и, клянусь богом, не знаю, за что. Вот мое самое тяжкое испытание. Страшно! Бесчеловечно страшно мне связаны руки!

Василий Иванович Григорович меня знал лично как художника и как человека, и он засвидетельствует перед вами обо мне.

Молю Вас, ваше сиятельство, не оставьте моей печальной просьбы, оживите мои умершие надежды, уврачуйте мою страдающую душу.

С надеждою в бога и заступничество Вашего сиятельства остаюсь бывший художник

Т. Шевченко

Новопетровское укрепление,
1855 года, апреля 12.

Ваше сиятельство!

Только прошедшего марта дошло в нашу пустыню сведение о торжественном прекрасном празднике вашего юбилея[2]. Позвольте же и мне, почитающему Вас как великого художника и покровителя прекрасных искусств, от полноты сердца поздравить Вас с Вашим великим и вполне заслуженным праздником. Пошли Вам господи силу и долгие, долгие лета мужать и крепнуть для славы нашего отечества и славы прекрасного искусства.

67. До Бр. Залеського

10 червня 1855 р., Новопетровське укріплення

10 июня,

Сегодня я получил твое во всех отношениях для меня дорогое письмо. Сегодня же и отвечаю, сегодня вечером и почта отходит, и если мало напишу тебе, то это извини мне, друже мой милый.

Я начал уже было на тебя сердиться за твое долгое молчание, забывши мудрое правило: «Когда нечего сказать доброго, то лучше молчать». Ты мне напомнил это правило, и я тебе благодарен. Все, посланное тобою, я получил с благодарностью. Карандаши еще не пробовал, да не на чем, правду сказать, и попробовать; мне здесь все,

начиная с людей, так омерзело, что я и не смотрел бы на ничто. Пишешь ты, что Карл не нашел моих карандашей; он, вероятно, забыл или совсем не знает, где они хранятся. У него оставил я небольшой тюк с платьем; там, между прочим, есть пальто, а в том пальто в кармане две дюжины карандашей Фабера № 3. Если найдешь их, то возьми себе, а для меня и присланных тобою надолго станет, потому что термин моего заключения бесконечен, а здесь совершенно делать нечего. Приехал сюда старик Козлов [1], штейгер,— помнишь, что с Антиповым [2] ходил к Кара-Тау. Он тоже теперь отправляется там для собрания коллекций окаменелостей. Думал было и я с ним проситься, да раздумал. Хорошо, весело было тогда нам с тобою; а одному было бы мне точно так же скучно, как и в укреплении, с тою разве разницею, что я должен был подчиняться пьяному козачьему офицеру; и это-то больше и было причиною моего раздумья.

Я очень рад, что ты оставил масляные краски, и очень не рад, что ты занимаешься теперь фотографиею. Она у тебя много времени отнимает теперь, а после, я боюсь, ты увлечешься ею, когда покажутся удовлетворительные результаты. Это дело химии и физики; пускай Михайло и занимается ими, а тебе это, как художнику, повредит. Фотография как ни обольстительна, а все-таки она не заключает возвышенного прекрасного искусства. А между прочим, если ты не читал, то прочитай прекрасную статью Хотинского и Писаревского о фотографии в «Современнике» за 1852 г., не помню какой № [3].

Сигизмунду и Алексею [4] я писал, будучи совершенно уверен, что они в Оренбурге; но это все равно; благодарю тебя, что отослал им письмо. Я писал Алексею, чтобы он справился через своих знакомых в Петербурге о рукописи К[о б з а р я] Д а р м о г р а я; но так как ему теперь это почти невозможно, то прошу тебя, если ты имеешь знакомого в столице, то чтобы он зашел в контору «Отечественных записок» и взял (если она только не напечатана) рукопись под названием «Княгиня», К о б з а р я Д а р м о г р а я, и прислал бы ее тебе или передал в другой журнал; если же напечатана, то чтобы сделал условие с редактором, на каком может К о б з а р ь Д а р м о г р а й доставлять в редакцию свои рукописи. У Карла есть брат в Петербурге, попроси его,— у меня никого там знакомых не осталось.

А между прочим, скажи ты мне, ради всех святых, откуда ты взял эти вялые, лишенные малейшего аромата «Киевские ландыши»? [5] Бедные земляки мои думают, что на своем народном наречии они имеют полное право не только что писать всякую чепуху, но даже и печатать! Бедные! и больше ничего. Мне даже совестно и благодарить тебя за эту во всех отношениях тощую книжонку.

«Трио» пришлю тебе с Зелинским. Вероятно, вам опыты не удалися по моим наставлениям; хотел я и книги твои переслать тебе с ним, но он не берет. Перешлю осенью с штейгером.

Много еще кое-чего нашлося бы передать тебе, друже мой; но почта на носу висит, а потому и кончаю. Бывай здоров и счастлив, мой друже единый. Пиши и целуй от меня Сову. Кланяйся Карлу, и Михайлу, и Станевичу. Прощай.

Повидайся з Лазаревским и попроси его, чтобы он сообщил тебе адрес своего старшего брата, а ты сообщи его мне.

Узнай, пожалуйста, у Карла, цел ли мой альбом.

68. До Бр. Залеського

25 вересня 1855 р., Новопетровське укріплення

25 сентября 1855 г.

Вчера был я на Ханга-Бабе, обошел все овраги, поклонился, как старым друзьям, деревьям, с которых мы когда-то рисовали, а в самом дальнем овраге — помнишь, где огромное дерево у самого колодца обнажило свои огромные старые корни? — под этим деревом я долго сидел. Шел дождик, перестал; опять пошел, я все не трогался с места; мне так сладко, так приятно было под ветвями этого старого великана, что я просидел бы до самой ночи, если бы не охотники (чтоб им ни одного воробья не застрелить) меня потревожили. О, какие прекрасные, светлые, отрадные воспоминания в это время пролетели над моей головою! Я вспоминал наш каратавский поход со всеми его подробностями, тебя, Турно и кой-где изредка Антипова; и он, хоть это весьма редко бывало, иногда похож на человека. Когда же воспоминания мои перенеслись на Ханга-

Бабу, я так живо представил себе это время, что мне показалось, будто бы ты сидишь здесь за деревом и рисуешь; я тогда только опомнился, когда позвал тебя и ты не отозвался, а тут и охотники пришли. Поход в Кара-Тау надолго у меня останется в памяти, навсегда.

Я уже две почты пропустил, не писал тебе; чуть было и третьей не перепустил; а возвратясь из Ханга-Бабы, выдержал порядочный пароксизм лихорадки; боялся, чтобы не продлилась, но теперь, слава богу, ничего: как с гуся вода. Я извиняю себя еще и тем, что письмо мое все равно дожидало бы тебя на почте, пока ты возвратился из Уфы. Напиши мне подробнее, добрый мой друже, о бедном нашем Сове: как и чем он живет и что он делает? Напиши все: меня глубоко трогает этот страдалец. Что делает Турно и где он? Письмо вдохновенного Сигизмунда я с наслаждением прочитал. Настоящий поэт! Не отвечаю ему теперь, потому что надеюсь вскоре с ним увидеться в Ак-Мечети; а надеюсь я потому, что ты мне пишешь, не хочу ли я туда? Хочу, куда угодно хочу! Потому что я начинаю одуревать в этом безотрадно-однообразном прозябании. Прошу тебя, Карла и всех добрых людей, кто может помочь мне хотя единым словом. В Ак-Мечети хотя я не предвижу для себя слишком отрадной перспективы, но, по крайней мере, не буду видеть этих голых серых скал, которые мне до того опротивели, что я рад спрятаться от них. Но увы! куда спрятаться?

Послал я тебе с Зелинским экземпляр «Трио», а с Фрейманом экземпляр «Спасителя», сходи ты на квартиру Фреймана и у слуги его Матвея спроси ящик на твое имя; кроме медальона, найдешь ты в ящике книги, которые прошу тебя отдать переплести в два или в три волюма, как ты найдешь лучше, и оставь их у себя до весны, а весною, если я останусь здесь, то перешли мне их. Я посылал эти книги в Астрахань, и, вообрази себе, губернский и еще портовый город переплетчика не имеет! Настоящие скифы!!

Если ты можешь как-нибудь узнать о судьбе «Княгини», то сообщи мне: меня она очень беспокоит. Узнай, бога ради, цел ли у Карла мой тюк с платьем; там есть в кармане, в пальто, дюжины две карандашей Фабер № 3; возьми их себе, а платье прибереги. Я не знаю, на чем я основываю надежду, а мне кажется, что я это пальто носить еще буду, если его моль не съела. Нельзя ли тебе

будет достать, хоть у топографов, пару акварельных кистей; у меня одна-единственная осталась, да и та иступлена.

Я тебе надоедаю своими просьбами; но что же делать мне? Кроме тебя, обратиться не к кому, а в тебе я совершенно уверен, что ты не назовешь меня надоедалой, попрошайкою.

Вчера не дали мне кончить письмо, а сегодня, вопреки ожиданию, пришла почта и привезла твое второе письмо с драгоценным для меня подарком, с портретом Совы. Я не знаю, как тебя и благодарить, друже мой, за этот подарок. Что-то близкое, родное я вижу в этом добром, задумчивом лице; мне так любо, так отрадно смотреть на это изображение, что я нахожу в нем самого искреннего, самого задушевного собеседника! О, с каким бы наслаждением я прочитал бы теперь его «Иордана»! Но это желание несбыточное. Благодарю тебя, тысячу раз благодарю за этот сердечный подарок.

Ты пишешь, что желал бы сблизить меня с ним покороче. Дай бог, чтобы все люди были так коротко близки между собою, как мы с ним; тогда бы на земле было счастье! Пиши ему и целуй его за меня, как моего родного брата. Если ты хочешь, чтобы моя радость была полная, то в первое твое письмо, которое ты мне напишешь, вложи свой портрет и портрет Михайла, а если можно, то и Карла,— ты меня этим подымешь на седьмое небо.

Боже мой! Когда я увижу тебя? Когда я увижу доброе лицо Михайла и Карла? Грустно! Невыразимо грустно это бесконечное ожидание.

Ты пишешь, что к вам приехали два просвещенных любителя прекрасного искусства; сердечно радуюсь такому редкому явлению и душевно желаю, чтобы ты с ними скорее познакомился; быть может, в самом деле ты встретишь в их коллекциях что-нибудь замечательное, а это для тебя необходимо. Истинно изящное произведение на художника и вообще на человека сильнее действует, нежели самая природа. Говоришь, что будто бы в коллекции начальника штаба есть оригиналы голландских мастеров. Дай бог, чтобы это была правда! Я вот почему сомневаюсь: все произведения голландских артистов XVII века на перечете, а в последующем столетии Голландия была бедна замечательными мастерами. Но все-таки лучше увидеть что-нибудь, нежели не видеть ничего.

Прощай, мой единый друже! Кланяйся Средницкому и ojcu prefektu и не забудь мне написать об Аркадии.

Не знаю, имел ли какое влияние на судьбу мою всемилостивейший манифест [1]. Если узнаешь, то сообщи мне.

С последней морской почтой пошлю тебе что-нибудь вроде «Монаха», а теперь ничего не имею конченного, да, правда, и кончить порядочно нечем.

1856 рік

69. До Бр. Залеського

21 квітня 1856 р., Новопетровське укріплення

21 апреля.

Христос воскресе!

Я так давно не писал тебе, искренний мой друже, что теперь не знаю, с чего и начать. Начну с сердечной моей благодарности за твою пересылку, которую получил я от Ираклия, и за будущие твои пересылки, о которых ты мне пишешь; еще раз благодарю. Что же я тебе пошлю? Ропот на судьбу, ничего больше; а впрочем, кроме этой грустной посылки, посылаю тебе два куска шерстяной материи[1]; любой из них выбери себе на память обо мне, а другой продай и пришли фотографии. Еще посылаю тебе «Варнака»[2] и «Княгиню»; прочитай их и поправь, где нужно, отдай переписать и пошли по следующему адресу: «В С.-Петербург, в Академию художеств, художнику Николаю Осиповичу Осипову[3], на квартире графа Толстого»,— а если имеешь там доброго и надежного человека, то пошли на его имя для известного употребления. Еще посылаю тебе случайно мне попавшееся в руки объявление о издании «Monumenta Regum Poloniae Cracoviensia»[4]. Мне кажется, что это хорошее издание, то не вздумаешь ли ты его выписать.

Ты так прекрасно говоришь мне о генерале Бюрно[5], что и я полюбил его так, как ты его любишь; это явление весьма редко между господами генералами. Жаль, что он скоро, как ты говоришь, оставляет Оренбург. Он, говорят, пользуется добрым вниманием графа Василия Алексеевича. Попроси его, не может ли он для меня сделать что-нибудь, хоть вырвать меня из этого проклятого гнезда. Я не знаю, что мне думать о моем упорном несчастии. Львов ли причиною его или кто-нибудь выше его? Во всяком случае, без Василия Алексеевича для меня никто ничего доброго сделать не может, окроме государя. Напиши ты Аркадию и проси его от меня, чтобы он повидался или написал Варваре насчет прошения на высочайшее имя; она не должна отказать во имя нашей дружбы и христианского милосердия.

Т. Шевченко. Фото 1858—1860 рр.

Т. Шевченко. Серед розбійників. Туш, бістр. 1856—1857 рр.

Т. Шевченко. Мис Тюк-Карагай на півострові Мангишлак. Акварель. 1854—1857 рр.

Т. Шевченко. Крутий берег Аральського моря. Акварель. 1848—1849 рр.

Т. Шевченко. Фото 1860 р.

Теперь должен быть в Оренбурге А. И. Бутаков; кланяйся ему от меня и проси его, не может ли он ходатайствовать обо мне у Василия Алексеевича, проси его, проси всех, мой нелицемерный друже! Тебе более, нежели кому-нибудь, известно мое горькое положение. Такое продолжительное испытание, как я терплю, извиняет меня перед тобой в моей назойливости. Постоянное несчастие и твердейшие характеры разрушает, а мой и в лучшее время не принадлежал к числу прочных.

С следующей почтой, если буду в силах, напишу Сове, а в настоящее время я так встревожен, так нравственно убит, что не могу простой мысли связать в голове моей бедной, а не то чтобы написать что-нибудь похожее на дело. Пиши ему, целуй его за меня, желай ему, как и я ему желаю, полного здоровья и всякого счастия.

Кланяйся от меня Карлу и не забудь прислать мне фотографическое поличие.

Целую Михайла, Людвига, Евстафия, Сигизмунда и всех меня помнящих. Прощай, мой единый друже! Не забывай меня.

Я пишу тебе так редко и так мало, что мне совестно перед тобою; но что делать? Сам знаешь, о чем я, здесь сидя, могу писать пространно или хоть даже кратко, но о чем? Однообразие и тоска!

Чуть было не забыл. Бюрно советует тебе оставить службу и посвятить себя искусству. Он имеет основание так тебе советовать: у тебя есть любовь к искусству, а это верное ручательство за успех. Однако с оговоркою: к любви нужно прибавить хоть самое умеренное обеспечение, по крайней мере, лет на пять, чтобы прежде времени не начать работать из-за насущного хлеба. Нужда охолодит любовь, и тогда все пропало. Я больше ничего не могу сказать, искренний друже!

70. До А. І. Толстої

22 квітня 1856 р., Новопетровське укріплення

Христос воскресе!

Благородное письмо Ваше от 20 февраля получено мною 15 апреля и получено так кстати, как я еще никогда не получал (в день светлого Христова воскресения) такого искреннего сердечного письма и в такой день.

Страстная неделя была проведена мною в самом тревожном, в самом тяжком ожидании. Я в продолжение великого поста, и в особенности на страстной неделе, когда уже у нас открылось водное сообщение, я ждал из Оренбурга почты, которая должна была привезти мне прощение, вследствие высочайшего манифеста, обнародованного по случаю восшествия на престол государя императора. Оказалося что же? Что я не был представлен к этой высочайшей милости, что я не вычеркнут из реестра мучеников, что я забыт. Горько, да и как еще горько получать такое известие и в такой великий день. Это страшная насмешка меня карающей судьбы. О, не приведи господи никому так встретить этот радостный, торжественный день, как я его теперь встретил. Вообще, эти великие праздники вне семейства и родины встречаются невесело, каково же я его встретил? Я близок был к отчаянию, так меня ошеломило это безнадежное известие. Грустно, невыразимо грустно встретил и проводил я первый день праздника. На другой день ротный командир объявил мне, что получено страховое письмо на мое имя, и приказал писарю отдать его мне. Это было письмо Ваше, Ваше искреннее, великодушное послание.

Награди Вас господи и близких Вам бесконечной радостию и невозмутимым счастием и спокойствием! Я ожил, я воскрес! и остальные дни праздника я провожу как бы в родном семействе, между Вас и Николая Осиповича, мои милые, мои добрые, мои великодушные друзья! Я так обрадован, так осчастливлен Вашим ласковым приветом, что забываю гнетущее меня девятилетнее испытание. Да, уже девять лет, как казнюся я за грешное увлечение моей бестолковой молодости. Преступление мое велико, я это сознаю в душе. Но и наказание безгранично, и я не могу понять, что это значит? Конфирмован я с выслугою. Служу как истинный солдат. Один мой недостаток, что не могу делать ружьём, как бравый ефрейтор, но мне уже 50 лет [1].

Мне запрещено писать стихи, я знаю, за что, и переношу наказание безропотно, но за что мне запрещено рисовать? Свидетельствуюсь сердцеведцем богом — не знаю. Да и судьи мои столько же знают, а наказание страшное! Вся жизнь была посвящена божественному искусству. И что же? Не говорю уже о материальной пытке, о нужде, охлаждающей сердце. Но какова пытка нравственная? О,

не приведи господи никому на свете испытать ее, хотя с великим трудом я, однако ж, отказал себе в самом необходимом. Довольствуюсь тем, что царь дает солдату. Но как отказаться от мысли, чувства, от этой неугасимой любви к прекрасному искусству. О, спасите меня, или еще один год — и я погиб. Какое мое будущее? Что у меня на горизонте? Слава богу, если богадельня. А может быть... О, да не возмутится сердце ваше, мне снится иногда бедный ученик Мартоса и первый учитель покойника Виталия[2]. Малодушное, недостойное пророчество! но вода на камень падает и камень пробивает.

Простите мне, я возмущаю Ваше доброе сердце своими бесконечными жалобами. Что же делать, у кого что болит, тот о том и говорит.

Я не знаю, писал ли обо мне граф Федор Петрович оренбургскому генерал-губернатору? Если нет, то именем божиим молите его, пускай напишет, без него нельзя для меня ничего сделать. Коронация государя императора — предел моей единственной надежды.

Как в бога милосердого, так я верую в Ваше милосердие, и во имя этой святой веры подайте от себя прошение обо мне ее высочеству, нашему августейшему президенту. Во имя человеколюбия принесите эту жертву. Подобные жертвы приносятся матерями и сестрами, но у меня ни сестры, ни матери, никого нет. Замените же мне и ту, и другую, замените мне единственного испытанного друга!

Прощайте, мой искренний, мой великодушный аноним. Не оставляйте меня и делайте, что вам укажет ваше доброе сердце и что можете сделать, а чего нельзя, предоставим всемогущему человеколюбцу!

В отношении книг, я не прошу у Вас именно «Отечественные записки» за прошлый год, а полагаюсь совершенно на Ваш выбор. Не забудьте кисть и плитку сепии, пускай я хоть полюбуюсь на эти предметы, сердцу дорогие.

Николаю Осиповичу пишу с этой же почтой. Прощайте, не оставляйте беспредельно преданного Вам

Т. Шевченко

Не сообщите ли Вы мне насчет «Княгини» К. Дармограя, о которой я просил Николая Осиповича?

22 апреля, 1856.

Адрес: Оренбургской губернии в Новопетровское укрепление. Его высокоблагородию Ираклию Александровичу Ускову.

71. До М. Й. Осипова

20 травня 1856 р., Новопетровське укріплення

20 мая.

Письмо Ваше, мой благородный, мой искренний друже, получил я 16 мая, и хотя Вы и променяли лиру на меч и лучезарного Феба [1] на мрачного Арея [2], но невинная слабость задумчивых поклонников муз — рассеянность осталась при Вас. Вы начали Ваше доброе послание в Курске и кончили его на р. Бальбеке, и все-таки забыли написать число и год, когда оно было послано на почту. Я тоже в недоумении, куда Вам отвечать. Вы пишете, что дружина должна возвратиться летом восвояси, а теперь уже, слава богу, лето, и я Вас воображаю, по крайней мере, в Полтавской губернии, после длинного перехода, отдыхающего возле живописной белой хаты или в тени цветущих вишен и черешен. О, моя милая родина! Увижу ли я тебя хоть когда-нибудь? Я говорю не о том, о чем думаю; я думаю теперь о том, куда мне адресовать письмо мое: адресую я его по прежнему адресу, и оно, верно, найдет Вас, в какой бы вы губернии ни обретались.

Я потерял было уже надежду получить от Вас или об Вас хоть какое-нибудь известие, и бог знает, чего уже я не передумал. Думал даже... (простите мне), что Вы, и Вы меня покинули на моей терновой дороге. Только, о радость неизреченная! на другой день праздника, т. е. 16 апреля, получаю страховое письмо от неизвестной мне особы. Пошли ей, господи, все блага и радости в жизни! Из письма узнал я о Вашем превращении и, радость всем радостям, узнал я, что я не забыт, не покинут на волю меня карающей судьбы. Благороднейшее существо этот аноним. По милости его и у меня был праздник, как и у людей. Нет, больше ни у кого такого светлого, прекрасного праздника

не было, как у меня. Такие праздники даются только за долгие и тяжкие испытания.

14 апреля получил я известие из Оренбурга, что меня забыли представить в унтер-офицеры по случаю всемилостивейшего манифеста о восшествии на престол. Это роковое известие меня так озадачило, что я не знал, что с собою делать, потому что я считал свое производство делом конченным. Да и мог ли я думать иначе? Высочайшая милость была для всех, но увы! меня не осенила. Горькая, ядовитая насмешка судьбы! И так я встретил воскресенье человеколюбца, как отверженник. После этого можете судить о моей радости, когда я получил письмо от анонима. В остальные дни праздника я только и делал, что читал письмо и затвердил его до последней буквы, а все-таки не узнал, кто она, эта милостивая человеколюбивая душа! Да и зачем узнавать? Будем молиться богу, что еще существуют такие души между себялюбивыми людьми. И так от снедающей душу печали перешел я внезапно к улыбающейся радости, и праздник провел в кругу Вас, мои благородные друзья, как в кругу родного, сердцу милого семейства.

Только в конце святой недели я немного освободился от обаяния, произведенного на меня дорогим письмом, и написал ответ, за склад и лад которого пусть извинит меня великодушный аноним. Вам я тоже начал письмо на сообщенный мне Ваш адрес, но почта не ждала меня, ушла, и письмо осталось до следующей почты, а следующая привезла мне Ваше дорогое послание. Значит — справедливо сказал один древний воин, что на свете делается все к лучшему. Теперь я и спокойнее, и счастливее, следовательно, и написать Вам могу благообразнее и порядочнее.

Я очень рад, что случай привел Вас увидеть хоть один экземпляр амфибий, между которыми я прозябаю столько лет. Но заметьте, что Вы видели лучший экземпляр, экземпляр, одушевленный чем-то походящим на мысль и чувство. Доказательство, что он из линейного батальйона переведен в армию. Это самая блестящая рекомендация. Но если бы Вы увидели однородных с ним... Но нет, боже Вас сохрани и во сне увидеть такое нравственное безобразие человека. Геты, между которыми на берегах Дуная влачил остаток дней своих Овидий Назон — наисовершеннейшее создание всемогущего создателя вселенной,— были дикие варвары, но не пьяницы, а окружающие меня —

и то, и другое. Однажды я сказал Дармограю: «Вот настоящие гомерические питухи».— «Нет,— отвечал он.— Если бы Гомер увидел этих богатырей, так он бы покрутил свой седой ус и принялся бы переделывать свою славную эпопею от начала до конца».

Кстати о Дармограе: Вы сделали замечание на его «Княгиню», совершенно согласное с моим замечанием: недостаток отделки в подробностях, и то большой недостаток. Но этот рассказ — один из первых его ученических этюдов. Попишет еще годок-другой, даст бог, этот недостаток уничтожится. Покойный Карл Павлович говорил: чем малосложнее картина, тем тщательнее должна быть окончена, и это глубоко верно; а все-таки просите графиню Настасию Ивановну о напечатании этого незрелого творения: это польстит самолюбию творца, и, может быть, из этой шутки выйдут результаты серьезные. Ведь и столпы всемирной литературы, я думаю, так же начинали, как и мой бедный protégé, а это действительно так. Кроме меня, у него совершенно никого нет, к кому бы он мог обратиться. Он что называется круглый сирота. Прислал он мне еще один рассказ под названием «Варнак». Этот уже кажется немного круглее, но все-таки заметен тот же недостаток. Он, кажется, вовсе не читает великого шотландца [3]. Да и где его взять в этом богом забытом краю? Выписать? Он беднее меня, а выпросить не у кого. Скифы — варвары и вдобавок пьяницы. Но довольно о литературе. Поговорю о более сердцу близком искусстве и его жрецах.

Мир праху умерших, слава и долголетие живым! Вы говорите, что Логановский [4] имел для московского храма работы на 80 000 руб. На какую же сумму имеют другие достойнейшие художники, как, например, Пименов [5] и Рамазанов? [6] О, как бы мне хотелось взглянуть на эти колоссальные работы! Не знаю, участвует ли хоть один иностранец в этих работах, или Карл Иванович [7] сдержал свое слово: он когда-то говорил покойному моему великому учителю, что он ни одного немца и близко к храму не допустит. Похвальный патриотизм, и тем более похвальный, что у нас свои есть и Брадье [8], и Делакруа, и Деларош, а о Жаке [9] и Лядурнере [10] и говорить нечего. Но у нас есть и шишка предпочтения немцев всему отечественному. Например, старик Мельников [11] так и умер в забвении, построивши единоверческую церковь во имя св. Николая в

Грязной улице, а сенат поручили выстроить какому-то инженеру Шуберту; проект же Мельникова, великолепнейший проект, нашли неудобоисполнимым. Диво, да и только! Если случится Вам быть в Киеве, обратите внимание — что я говорю внимание? — взгляните на Институт благородных девиц [12]. Казармы, да еще казармы самые неуклюжие, а местность — самая восхитительная, и так бесчеловечно обезображена, и тоже инженером. Да и мало ли у нас на Руси подобных немецких безобразий, а мы уже, слава богу, не варвары готических времен. Я, кажется, немного увлекся духом патриотизма. Оставим это до другого раза и обратимся к моей бедной прозе.

Вы пишете мне, чтобы я Вам писал о моем житье-бытье. Вот Вам один эпизод, и, заметьте,— отраднейший. В 1850 г., когда меня препровождали из Орской крепости в Новопетровское укрепление, это было в октябре месяце, в Гурьеве-городке я на улице поднял свежую вербовую палку и привез ее в укрепление и на гарнизонном огороде воткнул ее в землю, да и забыл про нее; весною уже огородник напомнил мне, сказавши, что моя палка растет. Она действительно ростки пустила, я ну ее поливать, а она — расти, и в настоящее время она будет вершков шесть толщины в диаметре и, по крайней мере, сажени три вышины, молодая и роскошная; правда, я на нее и воды немало вылил, зато теперь в свободное время и с позволения фельдфебеля жуирую себе в ее густой тени. Нынешнее лето думаю нарисовать ее, разумеется, втихомолку. Она уже так толста и высока, что под карандашом Калама мог бы выйти из нее прекраснейший этюд. Вот вам один-единственный отрадный эпизод из моей монотонной, безотрадной жизни.

Верба моя часто напоминает мне легенду о раскаявшемся разбойнике. В дремучем лесу спасался праведный отшельник, и в том же дремучем лесу свирепствовал кровожадный разбойник. Однажды приходит он с своей огромной дубиной, окованной железом, к отшельнику и просит у него исповеди, а не то, говорит, убью, если не исповедуешь меня. Делать нечего, смерть не свой брат, праведник струсил и принялся, с божьей помощью, исповедывать кровожадного злодея. Но грехи его были так велики и ужасны, что он не мог сейчас же наложить на него эпитимию и просил у грешника сроку три дня для размышления и молитвы. Разбойник ушел в лес и через три дня возвратился. Ну что, говорит, старче божий, придумал ли ты

что-нибудь хорошее? Придумал, отвечал праведник и вывел его из лесу в поле на высокую гору, вбил, как кол, страшную дубину в землю и велел грешнику носить ртом воду из глубокого оврага и поливать свою ужасную палицу, и тогда, говорит, отпустятся тебе грехи твои, когда из этого смертоносного орудия вырастет дерево и плод принесет. Сказавши это, праведник ушел в свою келью спасаться, а грешник принялся за работу.

Прошло несколько лет, схимник забыл уже про своего духовного сына. Однажды он в хорошую погоду вышел из лесу в поле погулять; гуляет в поле и в раздумьи подошел к горе; вдруг он почувствовал чрезвычайно приятный запах, похожий на дулю. Праведник соблазнился этим запахом и пошел отыскивать фруктовое дерево. Долго ходил он около горы, а запах делался все сильнее и сильнее; вот он взошел на гору, и что представляется его изумленному взору? — великолепнейшее грушевое дерево, покрытое зрелыми плодами, и под деревом в тени отдыхает старец с длинною, до самых пят, бородою, как у св. Онуфрия. Схимник узнал в ветхом старце своего духовного сына и смиренно подошел к нему за благословением, потому что он уже был праведник больше самого схимника.

Верба моя также выросла и укрывает меня в знойный день своею густою тенью, а отпущения грехов моих нет как нет! Но тот был разбойник, а я, увы, сочинитель.

Я надоел Вам своею болтовнею, но как быть?

Погода к осени дождливей,
А люди к старости болтливей [13].

А я уже седой и лысый становлюсь. Вы пишете, что живете в землянке и бедствуете, вроде Робинзона Крузо. И вообразите, что я Вам завидую. Вам известен благородный и великодушный аноним. Пишите ему, молите его не оставлять моей просьбы. Коронация государя — предел моих надежд и упований. Прошу Вас, пишите ей и благодарите за ее искреннее участие, за ее материнское, теплое письмо. С повестями и рассказами Толстого я совершенно не знаком. Ежели будет возможность, познакомьте меня с ними во имя благородного искусства.

Не знаю, где и когда Вы получите письмо мое. Но где бы ни было и когда бы ни было, не оставляйте любящего и уважающего Вас

Т. Шевченко

72. До Бр. Залеського

20 травня 1856 р., Новопетровське укріплення

20 мая.

Благодарю тебя, мой благородный друже, за «Мертвые души» Гоголя и за лаконическое послание, на которое отвечаю тебе таким же и по тем самым причинам, т. е. по причине сегодня отходящей почты.

Ты, вероятно, не получил еще последнего моего письма и двух кусков шерстяной материи, потому что ничего не упоминаешь ни о посылке, ни о письме. Когда получишь, потрудись уведомить с первой же почтой. Один кусок, который ты выберешь, оставь у себя на память обо мне, а другой предложи Бюрно (разумеется, за деньги). Приятнее как-то, когда знаешь, что вещь находится у человека, понимающего вещи. А фотографии непременно сделай. Кстати, о фотографии: Ираклий просит тебя, когда получит Михайло фотографический прибор, напиши ему или мне о его свойствах и его цене и подробный адрес, от кого его выписать можно, и можно ли также и от кого выписывать химическую бумагу. У нас, видишь ли, есть желание заняться фотографией, да не знаю, будет ли толк.

Ты мне советуешь не просить многого. И с самой малой просьбой я не имею к кому обратиться, да и не смею; последняя неудача меня так озадачила, что я потерял всякую надежду хоть на малейшее облегчение моей отвратительной участи; хоть бы из этого гнезда проклятого меня вытянули. После этой катастрофы... (для меня она действительно катастрофа); но я после напишу тебе, что со мной случилось, а теперь и места, и времени мало, и происшествие слишком свежо для повествования. А кстати, о повествовании: по известному тебе адресу отошли только «Варнака», а «Княгиню» оставь у себя, она уже приютилась. Как бы ты достал карандаши, которые находятся у меня в пальто в кармане, у Карла. Мягкие, которые ты мне прислал, или у меня рука очерствела. Жив ли мой альбом чистый у Карла? Возьми его и спрячь у себя.

Прощай, мой искренний друже, кланяйся Сове, Михайлу и прочим. На «Варнаке» напиши Желиговскому или оставь так. Как ты найдешь лучше, так и сделай.

Целую тебя всем сердцем моим.

73. До С. С. Гулака-Артемовського

30 червня 1856 р., Новопетровське укріплення

30 июня.

Благороднійший ти із людей, брате-друже мій єдиний Семене! Не треба було б тее... та, знать, у тебе стала потилиця глибока, бо брешеш собі нівроку та й не схаменешся. Ну, скажи по правді, чи єсть та великая душа на світі, окроме твоєї благородної душі, щоб згадала про мене в далекій неволі, та ще й 15 карбованців дала? Нема тепер таких великих душ на світі. Може, і були коли-небудь, та в ірій полетіли. Одна твоя осталася меж нами зимовать та, тулячись самотня на морозі, і сочинила собі поему, да такую сердечную, задушевную поему, що я і досі читаю та плачу. Великий ти поет, друже мій Семене! Благодарю тебе всім серцем і всім помишленієм моїм! Чим, як і коли заплачу я тобі за твоє істинно християнське діло! Тепер, кроме сльоз благодарних, нічого в мене нема. Я — «нищий в полном смысле этого слова, и не только материально,— душою, сердцем обнищал». От що зробила з мене проклятая неволя! трохи-трохи не ідіота. Десятий год не пишу, не рисую і не читаю навіть нічого; а якби ти побачив, меж яким людом верчуся я оці десять літ! Та не дай господи, щоб і приснилися тобі коли-небудь такі недолюди, а я у їх «в кулаке сижу» — давят, без всякого милосердия давят, а я повинен ще і кланяться, а то візьме разом та й роздавить, як ту вошу меж ногтями. До тяжкого горя привів мене господь на старість, а за чиї гріхи? Єй же богу, не знаю.

Два чи, може, вже й три годи тому буде, як писав я до тебе, друже мій єдиний, і до Йохима, але одвіту не получив; думав, що письма мої пропали де-небудь. Або... прости мене, друже мій єдиний! була і така думка, що, може, ви мене занехаяли... аж бачу, що бог мене ще не покидає.

Як побачиш Йохима, то поклонися йому гарненько од мене і проси його, нехай він, ради святого Аполлона, пришле мені хоть маленький болванчик (статуетку) або барельєфчик який-небудь з купідонів своєї фабрики гальванопластическої. Йому воно не дорого коштуватиме, а мені буде великий подарок. Ще позаторік заходився я був ліпить із воску — і нічого не вдіяв, тим що перед очима нема нічого доброго скульптурного, а якби Йохим прислав мені

що-небудь, то я б знову заходився коло воску. Нудьга, крий мати божа, яка нудьга сидіть склавши руки, і так сидіть дні, місяці і годи. О господи, сохрани всякого чоловіка од такої живої смерті!

Кланяюсь твоїй добрій жіночці, цілую твоє єдинеє дитя і плачу разом з вами о погребенії вашої Олександри. Прощай, друже мій єдиний, не забувай безталанного, серцем преданного тобі земляка твого

Т. Шевченка

74. До М. Й. Осипова

10 вересня 1856 р., Новопетровське укріплення

10 сентября, 1856.

Пишу Вам это письмо под влиянием самого отчаянного безнадежья, безнадежья получить от Вас хоть какое-нибудь послание. И в самом деле, есть от чего обезнадежиться, в продолжение полулета жду от Вас письма, а его нет как нет. Терпение истощилось, а сомнение разрешил я вот как. Ни вы, Николай Осипович, ни мой добрый аноним [1] не получили моих писем. Ничего больше я не мог придумать в продолжение трех месяцев. Заключение мое верно. По крайней мере, я так воображаю. Да иначе и воображать мне нельзя. Рассердиться Вам на меня, кажется, не за что, а поссориться нам с вами ни физически, ни морально невозможно. Физически потому, что мы с вами разделены порядочным пространством; а морально потому, что мы поклонники прекрасного, а поклонники прекрасного должны быть незлобивые дети.

Прошу же Вас, мой единый друже, напишите мне хоть два слова о том, как Вас бог принял в столицу и что Вы поделываете в этой прекрасной столице? Ради Аполлона Бельведерского и Венеры Милосской, напишите мне, а то я умру от одиночества. Не забывайте покинутого

Т. Шевченка

75. До Бр. Залеського

Друга половина червня — 15 вересня 1856 р. Новопетровське укріплення

Какое, однако ж, себялюбивое создание человек вообще, а я в особенности! Ты с таким чистым восторгом (иначе и быть не может) пишешь мне о своем возвращении на милую родину, а я... Прости мне, мой единый друже! Я чуть не заплакал: разумеется, расстояние не может изменить тебя, моего истинного, испытанного друга, но без тебя все-таки я сирота круглый в оренбургском безлюдном краю. К кому я в этой пустыне прильну полным сердцем без тебя? К кому я так братски откровенно адресуюсь с моими нуждами, и кто так искренно, как ты, возьмет на себя тяжелый труд сбывать мою материю? Никто! А для меня необходим такой друг в Оренбурге, особенно теперь, потому особенно, что я все-таки не теряю надежды, разумеется, не раньше зимы, переменить солдатский бедный быт на что-нибудь лучшее. Но это еще в руках слепой фортуны! Скажи ты мне: навсегда ли ты оставляешь этот безлюдный край или только на время? Если только на некоторое время, то я подожду тебя, если же навсегда (чего желаю тебе от всего сердца), то я должен буду отправить материю к землякам моим, которые (чудаки, между прочим) непременно требуют моего штемпеля [1], на что я никогда не решуся, на каждом куске; а иначе в их глазах произведение никакой цены не имеет.

Из этого ты видишь, что земляки мои — порядочные вандалы.

Полученные мною фотографии не совсем удачны. Портрет С. Сераковского хотя и бледен, но его даже солдаты узнают, которые видели его когда-то в Уральске. Благодарю его за этот милый подарок, а за письмо не благодарю, потому что его до сих пор прочитать не могу — ужасно неразборчиво написано. Но все-таки целую его всею полнотою души. Попроси его, чтобы он мне прислал свой адрес из Екатеринослава и чтобы хоть немного умерил свой почерк. Ты, вероятно, заедешь в Уфу — поцелуй Сову и Людвика.

Бюрно у нас еще не был, и, вероятно, он будет здесь не раньше, как по окончании курса лечения в Пятигорске,

а к тому времени ты сделал бы доброе дело, если бы написал ему обо мне хоть несколько слов или, еще лучше, если бы письмо прислал мне; тогда я смело мог бы явиться к нему, а то я так одичал здесь, что едва ли безо всего осмелюсь явиться к военному генералу; ты не поверишь, какие для меня теперь это страшилища, просто ужас! Не поленися, напиши, мой добрый Бронславе!..

Сделаст ли без тебя Михайло для меня фотографию? О, если бы сделал! Как бы я ему благодарен был! Устрой это так, чтобы сделал, и непременно попроси уважаемого мною Карла. Я сам теперь пишу ему и прошу его об этом. Ираклий, кажется, немного охладел к фотографии. А знаешь ли, что у нас вышла маленькая контра? Агата имела неосторожность попрекнуть меня своими благодеяниями, и я отряхнул прах от ног моих и повторяю слова великого флорентинского изгнанника [2]:

Горек хлеб подаяния,
И жестки ступени чужого крыльца.

Происшествие неприятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнее и свободнее, нежели под покровительством этих, в сущности, добрых людей.

Что мне еще писать тебе? Ничего больше, как повторить мою просьбу насчет Бюрно, и, где бы ты ни был, пиши мне, не забывай меня, теперь совершенно одинокого; а когда будешь дома, то поцелуй за меня родившую тебя, моего искреннего, моего единого друга.

Если застанет тебя это письмо в Оренбурге, то возьми мою мизерию у Карла и передай Михайлу. Я весьма опрометчиво поступил с моим «Варнаком», и тем более, что черновую рукопись уничтожил. И теперь не знаю, что мне и делать. Если он у тебя переписан, то пришли его мне: там нужно многое поправить. Слог вообще довольно шершавый. Во всяком случае, не посылай его Осипову. Я содержание помню и напишу его вновь. Будешь писать Аркадию, целуй его от меня.

76. До М. М. Лазаревського

8 жовтня 1856 р., Новопетровське укріплення

Новопетровское укрепление.
8 октября, 1856.

Богу милий друже мій Михайле!

Коротеньке, невеличке та щире письмо твоє от 8 августа получив я 28 сентября. Довгенько-таки воно летіло, та все-таки, благодарить бога, долетіло. Спасибі тобі, друже мій єдиний, і за письмо твоє ласкавеє. Спасибі тобі і за гроші. У мене їх тепер так небагато, як у того Лазаря, що сліпці співають по ярмарках. Я сердечне рад, що ви познакомилися з Семеном [1]. Добрий, щирий чоловік. Не так давно і він мені прислав 15 руб. та бреше собі, нівроку йому. Пише, що хтось передав йому, щоб послать мені. Може, це і була коли-небудь правда, та тепер така стара стала, що по́хожа на міфологію, сиріч на брехню. Це, бачиш, я до того веду слово, що, познакомившися з Семеном, і ти трохи вивчився в його теє... І справді, за що ти мені винен? Ні за що! Спасибі тобі, друже мій єдиний! Такая неправда лучче всякої на світі правди. Тільки ось що: коли і чим я тобі заплачу за твою братерськую неправду?

Німець Ійохим, мабуть, на мене сердиться? Не знаю, за що б йому сердиться? Ми з ним жили і розійшлися добрими приятелями, ні за що б, здається, сердиться. А тим часом бог його знає. Статуетки мені не дуже потрібні, обійдуся і без їх. А от без чого не обійдуся: без жизненных припасов, як ти пишеш. Мені тепер дуже і дуже треба одну акварельну краску, називається вона сепія. Семен, я думаю, її знає, бо він таки трохи шнипорить в малярстві; вона буває різних фабрик, але найлучша римська сепія. Оце тобі форма плитки і надпись: Sepia di Roma. Достать її можна в красочном магазине, що коло Академії художеств. Пришли, ради святого искусства, дві плитки. Та ще якби ти мені з краскою прислав пару кистей добрих акварельних, толщины в обыкновенную папиросу, то тойді б уже я тобі спасибі сказав. Тільки кисті уміючи треба вибрать. Не знаю, чи Семен тямить що в сім ділі. Тут треба маляра-аквареліста. Та в Семена, я думаю, найдеться знакомий такий майстер. Та ще якби до кистей прибавить 6 штук карандашей № 3 фабрики Фабера, то тойді б я тілько богу помолився б, та й більш нічого.

Кланяюсь Семенові і жіночці його і цілую дочку його. Кланяюся Федорові і Василеві. Де він тепер? Як побачишся з здоровим Осипом Єзучевським [2], то і йому кланяюсь. Глухому Галузі [3], коли знаєш, і йому,— і всім землякам моїм, которые хоч згадують про мене.

Напиши мені, будь ласкав, про Левицького, де він повертається.

Прощай, мій іскренній, мій єдиний друже, не забувай безталанного і щиро люблящого тебе

Т. Шевченка

P. S. Чи раз батька по морді вдарить, чи двічі, перед богом, говорять, отвічать однаково. До всього того, що я тебе просив, прибав ще ось що: 4 штуки чорного французького карандаша № 2 фабрики Le Conté і білого 4 штуки, тієї ж фабрики, № 1, та тушовального чорного порошка 4 золотника. Тепер уже більш нічого не попрошу, бо зараз письмо печатаю. А якби ще день полежало, то, може б, ще що видумав. Пришли, мій голубе сизий, а я тобі на ту весну киргизя замурзане пришлю.

Може, трапиться, що не достанеш Sepia di Roma, то возьми фабрики Шанеля.

77. До М. М. Лазаревського та С. С. Гулака-Артемовського

5 листопада 1856 р., Новопетровське укріплення

5 ноября, Новопетровское укрепление.

Други мои искренние!

Посвящаю Вам сей не дуже хитрый этюд мой и первую половину теперь посылаю, а другую пришлю с будущею почтою. Прошу Вас, други мои, прочитайте єго вкупі, і поправте, що можна поправить, і оддайте доброму писареві переписать. І коли єсть у Вас знакомий чоловік в редакции «Современника» або «Отечественных записках», то оддайте йому, нехай надрукує под именем К. Дармограй. А як не маєте такої персони, то, прочитавши і переписавши, адресуйте в контору «Отечественных записок» его высокоблагородию Алексею Феофилактовичу Писемскому [1].

Ще ось що. Семен чи не буває часом у графа Ф. П. Толстого? Нехай би він там розпитав, де згинув академік Оси-

пов. Близько году, як жду я од його письма і наконець не знаю, що думать. Попроси Семена, нехай розпитає, та не полінується і напише мені, або ти сам напиши. Не знаю, чи получив ти моє посланіє. Пришли, ради самого бога, о чем я тебе просив. Умираю з нудьги, читать нічого, а на свободу и надежды не видно. Прощайте, мои искренние, нехай вам бог помагає во всех ваших начинаниях. Семенові, Василеві й Федорові поклон: не забувайте бідного Дармограя.

78. До Бр. Залеського

8 листопада 1856 р., Новопетровське укріплення

8 ноября.

Давно, очень давно я не пишу тебе, друже мой единый. Не было о чем писать, не было материала и ни малейших событий в нашем забытом захолустьи. Отвратительное бездействие и однообразие! 15 сентября посетил нас Бюрно, но так ненадолго (на пять часов), что я потерял надежду увидеться с ним. Он, однако ж, вспомнил обо мне перед самым выездом своим. Принял меня, как давно и хорошо знакомый человек. Свидание наше длилось несколько минут, и в эти короткие минуты я успел полюбить этого счастливого человека. Я его называю потому счастливым, что такие люди, как он, не требуют долгого и пристального взглядыванья в свой характер. Такие любимцы бога одним движением, одним взглядом говорят вам: нам можно все доверить. В продолжение нескольких минут такому сообщишь то, чего иному в продолжение жизни не скажешь.

Он не обещал мне много, чем я особенно доволен; много обещать — значит ничего не сделать. Он просил меня писать ему и присылать куски материи. Но я этого не делаю, мне кажется неделикатной такая корреспонденция. И встретились, и простились мы с ним, как старые и добрые приятели. Надолго, надолго останется в моем сердце это кратко-длинное свидание, эта симпатическая, благородная физиономия, издающая тихие, кроткие звуки. Напиши ты ему от меня самое глубокое сердечное приветствие.

О высочайших помилованиях, по случаю коронации, у нас еще ничего не известно. Я не ласкаю себя ни малей-

шей надеждою. Чем и как я могу уничтожить предубеждения Василия Алексеевича? Есть у меня на это оправдание, но я не смею привести его в исполнение. Необходимо, чтобы Василий Алексеевич спросил у графа Орлова, на чей счет я воспитывался в Академии и за что мне запрещено рисовать? Словом, чтобы граф Орлов пояснил мою темную конфирмацию. Но кто легко расстается с своими предубеждениями? Писал я через Михайлова [1] тебе еще в начале лета; не знаю, получил ли ты мое письмо? Михайлов не написал мне еще и двух строчек, и кажется, что и не напишет. Я не знаю, что бы это значило. Не время ли ему, или просто непростительная лень, или что-нибудь другое — не знаю. Во всяком случае, мне это больно. Кажется, один ты мой верный, неизменный корреспондент. Сердечно благодарю тебя, мой друже единый. Извини меня перед Сигизмундом, что я не пишу ему. Причина натуральная: не знаю, куда писать. Если он еще в Петербурге, то напиши ему мой искренний привет и покорнейшую просьбу уничтожить «Варнака» и (я настоящий попрошайка) прислать мне две плитки сепии фирмы Sepia di Roma или фабрики Шанеля. В настоящее время у меня этой краски ни полграна. Хорошо еще, что и других нет средств и главнейшего — помещения, а то бы я умер с досады.

Недавно мне пришла мысль представить в лицах евангельскую притчу о блудном сыне, в нравах и обычаях современного русского сословия. Идея сама по себе глубоко поучительна, но какие душу раздирающие картины составил я в моем воображении на эту истинно нравственную тему! Картины с мельчайшими подробностями готовы (разумеется, в воображении), и дай мне теперь самые бедные средства, я окоченел бы над работой. Я почти доволен, что не имею теперь средств начать работу. Мысль еще не созрела, легко мог бы наделать промахов; а в продолжение зимы обдумаю, взлелею, выношу, как мать младенца в своей утробе, эту бесконечно разнообразную тему, а весной, помолясь богу, приступлю к исполнению хотя бы то в собачьей конуре.

Если бог поможет мне осуществить мое предположение, то из этой темы составится порядочной толщины альбом, и если бы хоть когда-нибудь мне удалось издать в литографии, то я был бы выше всякого земного счастия. Но сохрани боже неудачи, то я умру: идея слишком тесно срослась с моей душою.

В следующем письме я опишу тебе несколько картин так, как они теперь мне представляются.

О чем же мне еще писать тебе, мой друже единый? Отвратительное однообразие. Полгода уже прошло, как я писал тебе, и теперь писать не о чем. Если продлится еще год мое заточение, то я непременно одурею, и из заветной моей мысли, из моего «Блудного сына» [2] выйдет жалкая карикатура, бесцветный образ расслабленного воображения, и ничего больше. Грустная, безотрадная перспектива! Для исполнения задуманного мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые типы. А где я их возьму в этом вороньем гнезде? А без них, без этих путеводителей, легко сбиться с дороги и наделать самых нелепых промахов. Но довольно об этом!

Напиши ты мне, как ты намерен распорядиться своим будущим. Кого ты намерен из себя сделать — артиста или чиновника? И на том и на другом поприще сердечно желаю тебе успеха. Но мне бы искренно хотелось, чтобы ты избрал поприще артиста. Не знаю твоих материальных средств,— фундамент всех наших предприятий. Моральными средствами ты владеешь, у тебя есть любовь к искусству, и этого достаточно; о способностях не хлопочи: они верные спутники этого прекрасного светила. О, если бы когда-нибудь привелось мне увидеть тебя и увидеть истинным артистом (не истинным ты не можешь быть)! Тогда радость моя была бы безгранична. Устрой свое будущее, если можно, так, а не иначе; тогда, где бы я ни был, пешком приду любоваться твоими произведениями. Посоветуй, что мне делать с лоскутьями шерстяной материи? У меня их накопилось кусков около десятка. Прошедшее лето благоприятствовало моей мануфактуре. В Оренбурге, кроме Бюрно, я никого не имею, но я ни за что не решусь беспокоить его таким материальным предложением. На Михайла и Карла надежда плохая, а на ленивых земляков моих и того хуже. Они непременно требуют п л о м б ы; простота, и ничего больше. Где Аркадий и что он делает? Пиши ему и целуй его за меня. Пиши Сове и его целуй. Пиши Михайлу и его сначала поцелуй, а потом попеняй за непростительную лень, если это лень только; не забудь написать Сигизмунду и в заключение пиши Бюрно и целуй за меня этого благороднейшего человека.

От всего сердца целую твою счастливейшую мать!

Не забывай меня, друже мой единый!

79. До М. М. Лазаревського

8 грудня 1856 р. Новопетровське укріплення

Любий мій єдиний Михайле!

Вместе с последними пятью главами сего произведения получил я и письмо от Дармограя, в котором он просит меня, а я тебе прошу, сделать его этюду такое заглавие:

Матрос,
или Старая погудка на новый лад [1].
(Рассказ), а не этюд.

Часть первая

Первая часть рассказа заключает в себе десять глав, а как будет велика вторая часть, этого он не пишет, может быть, и сам еще не знает. Еще просит он поправить ошибку, правду сказать, довольно грубую. Он написал, что местечко Лысянка замечательно месторождением знаменитого Богдана Хмельницкого. Неправда, в Лысянке родился не знаменитый гетман, а отец его, чигиринский сотник Михайло Хмельник, или Хмельницкий. И не по словам летописи Самовидца [2], как он написал, а по словам профессора Соловьева [3], который ссылается на Киевские акты. Еще, тоже не помню, на которой странице, он сделал пробел, а за ним и я, нужно было написать фамилию знаменитого череполога Лавatера [4], но он, вероятно, забыл, как прозывался этот мудреный немец, а я тоже не вспомнил. Больше он ничего не замечает. Я тоже больше ничего не замечаю, и он передает мне, а я, переписавши на досуге, передаю его новорожденное детище в полное ваше покровительство и распоряжение. Еще он пишет мне, что если и будет вторая часть этого рассказа, то не весьма скоро. Поэтому я и думаю, что лучше не писать «Часть первая».

Тепер от що я тебе проситиму, друже мій єдиний: якби ти сам побачився з Писемським (за знакомство з ним не будеш мене лаять) та спитав його, чи бачився він з графинею Толстой, і що вона сказала йому про Осипова і про «Княгиню» Дармограя, і чи получила вона мої письма. І що він тобі скаже, напиши мені, друже мій єдиний. Кланяюсь Василеві, Федорові і Семенові. Оставайтеся здорові, іскреннії други мої, не забувайте сироту на чужині.

8 декабря.

1857 рік

80. До А. І. Толстої

9 січня 1857 р. Новопетровське укріплення

Новопетровское укрепление,
1857. Генваря 9.

Драгоценное письмо Ваше, от 8 октября минувшего года, получено в укреплении 26 декабря, а мне передано распечатанное 1 генваря как подарок на Новый год. Какое мелкое материальное понятие о подарке и о празднике! Детское понятие. Есть люди, дожившие до седых волос, и все-таки дети. Иные тихие и кроткие, другие буйные и шаловливые дети. Дети, не наученные опытом понимать самые простые вещи. Как, например, не говорю уже о десятилетнем моем чистилище. Довольно и шестимесячного трепетного, душу гнетущего ожидания. И что же? Они, разумеется, бессознательно, крадут из моей мученической жизни самые светлые, самые драгоценные четыре дня. К шестимесячной пытке прибавляют еще четыре дня. Дикое преступление! А между тем бессознательное. Следовательно, только вандализм, а не преступление. И я с умилением сердца повторил слова распятого человеколюбца: «Прости им, не ведят бо, что творят».

Друже мой благородный, лично не знаемый! Сестро моя богу милая, никогда мною не виденная! Чем воздам, чем заплачу тебе за радость, за счастье, которым ты обаяла, восхитила мою бедную тоскующую душу? Слезы! Слезы беспредельной благодарности приношу в твое возвышенное благородное сердце. Радуйся, несравненная, благороднейшая заступница моя! Радуйся, сестро моя сердечная! Радуйся, как я теперь радуюсь, друже мой душевный! Радуйся, ты вывела из бездны отчаяния мою малую, мою бедную душу! Ты помолилася тому, кто, кроме добра, ничего не делал, ты помолилася ему молитвою бесплотных ангелов. И радость твоя, как моя благодарность, беспредельны.

Шатобриан [1] сказал в «Замогильных записках», что истинное счастие недорого стоит и что дорогое счастие — плохое счастье. Что он разумел под этим простым словом?

Счастие Лукулла[2] или Фамусова? Не думаю. Римскому и московскому барину не дешево обходилась трехчасовая еда, которая в продолжение трех суток в желудке не варилась. Следовательно, обжора не может похвалиться даже счастием скота, и выходит, что знаменитый турист, эмигрант, дипломат и, наконец, автор Атталы не имел никакого понятия о настоящем счастии, а на такого счастливца, как, например, я теперь, гордый аристократ-педант и взглянуть не хотел; не только завести речь о счастии со смердом. Бедный! Малодушный вы шевалье де Шатобриан де Комбур! Флорентинский изгнанник выдрал бы вас за уши, как болтуна школьника, за такую чепуху.

Дант Алигиери был только изгнан из отечества, но ему не запрещали писать свой «Ад» и свою Беатриче[3]... А я... Я был несчастнее флорентинского изгнанника, зато теперь счастливее счастливейшего из людей. И выходит, что истинное счастие не так дешево, как думает шевалье де Шатобриан. Теперь, и только теперь я вполне уверовал в слово: «Любя, наказую вы». Теперь только молюся я и благодарю его за бесконечную любовь ко мне, за ниспосланное испытание. Оно очистило, исцелило мое бедное больное сердце. Оно отвело призму от глаз моих, сквозь которую я смотрел на людей и на самого себя. Оно научило меня, как любить врагов и ненавидящих нас. А этому не научит никакая школа, кроме тяжкой школы испытания и продолжительной беседы с самим собою. Я теперь чувствую себя если не совершенным, то, по крайней мере, безукоризненным христианином. Как золото из огня, как младенец из купели, я выхожу теперь из мрачного чистилища, чтобы начать новый благороднейший путь жизни. И это я называю истинным, настоящим счастием, счастием, какого шатобрианам и во сне не увидеть.

Пока я мог взяться за перо, чтобы написать Вам хоть что-нибудь, не похожее на настоящую чепуху, я бродил несколько дней вокруг укрепления, и не с одним письмом вашим неоцененным, а с Вами самими, сестро моя, богу милая! И о чем я не говорил с Вами, чего не рассказал, чего не поверил я душе Вашей восприимчивой! Все. И мрачное минувшее, и светлое будущее, все с самомалейшими подробностями. И если, как Вы питаете надежду на личное свидание наше, если повторится эта сердечная исповедь, то боюсь, что это будет повторение слабое и бесцветное.

Я до того дошел в своих предположениях, что вообразил себя на Васильевском острове в какой-нибудь отдаленной линии, в скромной художнической келье об одном окне, работающем над медною доскою (я исключительно намерен заняться гравированием а к в а т и н т а, живописцем я себя уже и вообразить не могу). Далее воображаю себя уже искусным гравером, делаю несколько рисунков сепией с знаменитых произведений в Академии и в Эрмитаже, и с таким запасом отправляюсь в мою милую Малороссию и на хуторе у одного из друзей моих скромных, поклонников муз и граций, воспроизвожу в гравюре знаменитые произведения обожаемого искусства. Какая сладкая, какая отрадная мечта! Какое полное, безмятежное счастие! И я верую, я осязаю мое сладкое будущее. Я посвящаю мои будущие эстампы Вашему драгоценному имени, как единственной моей радости, как единственной причине моего безмятежного счастья.

Многое и многое хотел бы я сказать и рассказать Вам. Но во мне теперь такой беспорядок, хуже всякого ералаша. Дождусь ли я того тихого, сладкого счастья, когда вам лично стройно, спокойно, с умеренностью перерожденного христианина, расскажу Вам, как сон, мое грустное минувшее. А теперь все, что я пишу Вам, примите за самую безалаберную, хотя и искреннюю импровизацию. Примите и простите мне, друже мой единый, эту, быть может, грубую искренность... [три рядки нерозб.] существует на свете?

Всем сердцем моим целую графа Федора Петровича, Вас, детей ваших и всех, кто близок и дорог благородному сердцу Вашему. До свидания!

Где Осипов? Что с ним? С июня месяца я жду от него послания и плитку сепии и, верно, не дождусь. Не попал ли он в число друзей моих, которым было запрещено всякое сообщение со мною? Храни его господь.

81. До Бр. Залеського

10[1] 15 лютого 1857 р., Новопетровське укріплення

10 февраля 1857 г.

Письмо твое, мой искренний друже, от 18 сентября минувшего года получил я 28 генваря текущего года. Что значит та черепашняя медленность, я не понимаю. Ирак-

лий говорит, что ты адресовал его через Астрахань и что оно опоздало к последнему почтовому пароходу и должно было через Самару и Оренбург путешествовать в наше кочевье. Так ли, иначе ли, все же оно дошло до меня, и я со слезами сердечной радости прочитал его.

Друже мой единый! Твоя радость, твое счастие так беспредельно полны, что мне остается только пожелать тебе, твоей счастливой матери, отцу и всему близкому твоему сердцу, пожелать долгих и долгих и безмятежных дней. Ты так искренно, так живо, радостно описываешь свое свидание, что я как бы присутствую при этой прекрасной сцене, как будто сам целую и слезами обливаю руки твоей так долго скорбящей и теперь так полно счастливой матери. Ты боялся возмутить мое искренно любящее тебя сердце описанием своей радости. Напрасно, твоя радость нераздельна с моей радостию, нераздельна, как любящая душа с такой же любящей душою. Эта психологическая истина требует материальных доказательств.

Ты пишешь, что кароокие и голубоокие siostrzency [1] твои спрашивают тебя, когда приедет к ним старый друг твой, который любит добрых и милых детей? Целуй их, мой единый друже, и скажи им, что сердце мое давно уже с ними и что сам я приеду к ним скоро и поцелую их так, как ты их теперь целуешь. Фантазия! Воображаемое счастие! Пока и этого довольно. Для душ сочувствующих и любящих воздушные замки прочнее и прекраснее материальных палат эгоиста. Эта психологическая истина непонятна людям положительным. Жалкие эти положительные люди: они не знают совершеннейшего, величайшего счастия на земле, они, одурманенные себялюбием, лишены этого безграничного счастия,— рабы, лишенные свободы, и ничего больше.

Вместе с твоим радостным письмом получил я письмо из Академии художеств от жены нашего вице-президента графа Толстого. Она пишет мне, что сделано все для моего искупления и что в скором времени она ожидает счастливого результата. Как ты думаешь, можно ли на этом фундаменте строить воздушные замки? Ты скажешь: можно. А я уже их и построил. И какие прекрасные, какие светлые замки! Без бойниц и амбразур, без золота и мрамора мои роскошные, прекрасные замки! Но им позавидовал бы и сам несвижский «Panie kochanku» [2], если б он мог теперь завидовать чему-нибудь. Я вот что построил на этом прекрасном фундаменте.

Первое, или первая поэма, интродуксио: расставанье с пустыней, в которой я столько лет терпел, расставанье с Карлом, Михайлом и Бюрно, которого я только раз увидел и полюбил, потом пауза до Москвы, потом Москва, оставшиеся друзья и школьные товарищи, потом, потом... вот какой финал. Вместо петербургской железной дороги я выбираю простую почтовую дорогу — смоленскую или виленскую — и приезжаю прямо в Рачкевичи [3]. Здесь начинается вторая часть поэмы. Встречаюсь с тобою, плачу и целую руки твоей счастливой матери, целую твоего счастливого отца, сестер, карооких и голубооких siostrzeńców твоих и, в объятиях полного счастия, отдыхаю, повторяя стих великого поэта [4]: «Мало воздуха всей Аравии наполнить мою свободную грудь». Вместо «Аравии» я буду говорить — Литвы. Отдохнувши от этой полной радости, я почти силою беру тебя из объятий твоей счастливой матери, и в одно прекрасное утро мы с тобою молимся перед образом божией матери Остробрамской. Вильно так же дорого по воспоминаниям моему сердцу, как и твоему. Из литовской столицы по варшавскому шоссе мы летим прямо в Академию художеств и дополняем наше и без того полное счастие двумя годами студенческой затворнической жизни. А сколько радости в этой затворнической жизни! Эта радость и это счастие понятно только тому, кто любит божественное искусство так, как мы с тобою его любим. Не правда ли, прекрасный, великолепный и не совсем воздушный замок? Фундамент почти ручается за его сбыточность и прочность.

Второй воздушный замок, или поэма на одну и ту же тему: вступление то же самое, сцена в Москве та же самая, но вместо смоленской дороги выбрана петербургская железная, и я в Петербурге, в скромной квартире о двух комнатах, изучаю искусство гравирования а к в а т и н т а, ожидаю к себе тебя, моего искреннего друга. Ты приехал, живем мы с тобою скромно, почти бедно, в маленьких комнатках, неутомимо работаем, учимся и наслаждаемся своим учением. Два года пролетают незаметно над нами, и мы, ежели не полные, по крайней мере, сознательные артисты, через Вильно и Слуцк [5] возвращаемся в Рачкевичи, целуем твою мать, отца, сестер и карооких и голубооких сыновцев твоих.

Вторая моя поэма немного прозаичная, но в сущности полнее первой. Так или иначе, а ты должен быть в Академии художеств, или будет прореха, незашитая дыра в

твоей и моей жизни. Недостаточно видеть, любоваться прекрасным, умным, добрым челом человека, необходимо нарисовать его на бумаге и любоваться им, как созданием живого бога. Вот что нужно для полноты нашей радости, для полноты нашей жизни!

Позыч, выпроси 25 рублей на месяц, в продолжение двух лет. Как знаешь, сделай, только сделай; это для тебя и даже для меня необходимо: для меня потому, что я желаю видеть и целовать моего друга совершенного, а для твоего совершенства необходима Академия художеств. Без разумного понимания красоты человеку не увидеть всемогущего бога в мелком листочке малейшего растения. Ботанике и зоологии необходим восторг, а иначе ботаника и зоология будет мертвый труп между людьми. А восторг этот приобретается только глубоким пониманием красоты, бесконечности, симметрии и гармонии в природе. О, как бы мне хотелось теперь поговорить с тобою о «Космосе» [6], и послушать, как ты читаешь песни Вайделоты! [7]

Пускай молятся твои кароокие и голубоокие siostrzeńcy: молитва ангелов внятнее богу.

15 февраля.

Я остановился на высшем градусе моей сердечной фантазии, остановился для того, чтобы дождать следующей почты и подкрепить мои предположения ясным и положительным документом. Почта пришла 14 февраля и не привезла мне ничего такого, на чем бы основываясь, я мог продолжать свои предположения. Предвестие, вера, надежда, и ничего больше.

Получил ли ты мое письмо от октября, не помню которого дня, адресованное прямо в Слуцк, а не в Рачкевичи? Я писал тогда о свидании моем с сердечным старым Бюрно. Если не получил, то напиши мне; я тебе другой раз опишу это короткое и бесконечно длинное свидание. А теперь, как и тогда, прошу тебя, мой сердечный друже, пиши ему, целуй его седую-молодую голову, целуй его чистое живое сердце, целуй его божественную христианскую душу. Целуй его, как артиста, как брата, как человека. Я ничего теперь не могу больше сказать. Сердце мое переполняется любовью и изнемогает при воспоминании о нем.

Целуй Аркадия, жену его и детей его. Целуй Сигизмунда и желай ему самого блестящего успеха на избран-

ной им дороге. Писал бы тебе еще много и много, но, как я сказал, документа нет; а без него самая яркая фантазия ничего больше, как сальная свеча в казармах. Фантазия должна опираться на положительное. Семена джугары[8] и две штуки материи шерстяной пошлю тебе в последней половине марта, а когда ты его получишь, бог знает. Целую твою счастливую мать, твоего отца, твоих сестер и твоих ангелов siostrzenców. Не забывай меня, друже мой единый!

82. До Я. Г. Кухаренка

22 квітня 1857 р., Новопетровське укріплення

Христос воскрес! Батьку отамане кошовий!

Якраз на великдень привезла мені астраханська пошта твоє дружнє ласкове письмо і 25-рублевую писанку. Зробив ти мені свято, друже мій єдиний! Таке свято, таке велике свято, що я його і на тім світі не забуду! Не видержав, голубе мій сизий (та який би його вражий син і видержав?). Упився, та так щиро упився твоїм могоричем, що аж голомозину собі розкроїв. От що зробив ти мені своєю не так писанкою, як братнім щирим словом.

Тілько що схаменувся я од твого слова і взяв уже перо в руку, щоб написати тобі спасибі, аж приходить із Гур'єва пошта і привозить мені листи із самого Пітера. Один пише молодий козак Маркович[1] з товариством і шле мені на починок трохи грошенят. Пише, що молоде товариство в столиці складчину для мене зробило. Треба було б і в другий раз упиться, але я якось видержав, тілько (без сорома казка) тихенько заплакав. Другий лист із столиці ж. Пише мені курінний Лазаревський і упевняє мене, що незабаром мене випустять із цієї широкої хурдиги. Він пише, що добрий цар наш уже дав приказ розбивать мої кайдани. І плачу, і молюся, і все-таки не вірю. Десять літ неволі, друже мій єдиний, знівечили, убили мою і віру, і надію, а вона була колись чиста, непорочна, як те дитятко, взятеє од купелі, чистая і кріпкая, як той самоцвіт, камінь одшліфований! Але чого не зробить ритордa химська! Я трохи-трохи не одурів на сім тижні. Та й тиждень же удався! Недармо я його виглядав десять літ. Десять літ! Друже мій єдиний! Вимовить страшно. А витерпіть? І за що витерпіть? Цур йому, а то я справді одурію.

Тепер думаю ось як зробить. Як, дасть бог, дождуся з корпусного штабу одпуску, то думаю навпростець через Астрахань ушкварить на Чорноморію. Я ще її зроду не бачив. Треба хоч на старість подивиться, що то таке та славна Чорноморія. А поки те буде, посилаю тепер тобі, друже мій єдиний, своє поличчя. Нема в мене, брате, нічого більше тепер. Як дасть господь милосердний, приїду сам на Січ, то, може, ще який-небудь привезу тобі гостинець. Одного боюся, щоб не потребовали мене часом в Оренбург. А може, дасть бог, що й не потребують, на чортового батька я їм тепер здався.

Чи старий Щепкін ще живий? От щира козацька душа! І молода, як у дитини. Чи не пишеш ти йому часом? Як пишеш, то цілуй його за мене. Яку він там тобі «Пустку» [2] читав? Я, поганий з мене батько, забув свою рідну дитину.

Прислав мені з Пітера курінний Панько Куліш книгу своєї роботи, названу «Записки о Южной Руси», писану нашим язиком. Не знаю, чи дійшла до Чорноморії ся дуже розумна і щира книга. Якщо не дійшла, то випиши, не будеш каяться. Такої доброї книги на нашому язику ще не було друковано. Тут живо вилитий і кобзар, і гетьман, і запорожець, і гайдамака, і вся старожитна наша Україна як на долоні показана. Куліш тут свого нічого не додав, а тілько записав те, що чув од сліпих кобзарів, а тим самим і книга його вийшла книга добра, щира і розумна. Послав би тобі, друже мій єдиний, свій екземпляр, але я ще сам добре не начитався, мене, спасибі, люди добрі книгами не забувають. Нема, нема та й пришле хто-небудь, а журнала вже десятий рік і в очі ні одного не бачив і не знаю, що там і діється в тій новій, чи современній, літературі. Сам не написав нічого, бо мені було заказано писать. Але тепер уже і бог його святий знає, чи й напишу що-небудь путнє. Я ще не дуже зостарівся, та знівечився, друже мій єдиний. А може, дасть господь милосердний, ще одпочину та на старість попробую писать прозу. О віршах уже нічого й думать.

Прощай, мій єдиний друже! Може, дасть бог, що се літо побачимось, а поки те буде, цілую тебе, як брата рідного, а ти поцілуй за мене свою стару, і перецілуй своїх діточок, і не забувай іскреннього твого друга кобзаря

Т. Шевченка

Умисне пишу тобі на одному листочку, щоб було де поличіє положить і щоб конверт не дуже важив.

Апреля 22,
1857.
Новопетровское укрепление.

83. До А. М. Маркевича

22 квітня 1857 р., Новопетровське укріплення

Христос воскресе!

На самий великдень приплила з Гур'єва до нас пошта і привезла мені письмо твоє і 16 руб. грошей. Спасибі тобі, друже мій незнаємий! Подякуй і поцілуй твоїх товаришів і земляків моїх щирих, спасибі їм, що не забувають безталанного старого кобзаря. Нехай не забуде їх господь милосердий своєю доброю долею. Спасибі вам, молодії брати мої, і за книги. Спасибі йому, тому Николаю М. [1]. А Куліша як побачиш, то поцілуй його за мене і скажи йому, що такої книги, як «Записки о Южной Руси», я ще вроду не читав. Та й не було ще такого добра в руській літературі. Спасибі йому, він мене неначе на крилах переніс в нашу Україну і посадив між старими сліпими товаришами-кобзарями. Живо й просто вилита стареча мова. А може, воно тим і живо, що просто. І як не буде він продолжать своих «Записок», то його бог святий покарає. Так і скажи йому, друже мій, як його побачиш.

Ще ось що. Чи не зустрінешся там часом з Гербелем, переводчиком «Слова о полку Ігореві». Воно хоч і зоветься Гербель, а такий же сірий хохол, як і ми з тобою, молодий мій друже. Отож, як побачиш його, то подякуй йому за перевод «Малоросійської думи», надрукованої в «Библиотеке для чтения» [2].

З батьком твоїм, друже мій, ми були колись великі приятелі і стрічалися з ним не в одній Качанівці [3]. Чи здравствує він тепер? Цілуй його од мене. А матір твою тілько раз бачив у Качанівці, може, й тебе тойді з нею бачив, але ти тойді ще було мале, то я тепер і не згадаю; давно те діялось, молодий мій друже. В другий раз буду писать тобі більше, а тепер мені щось не пишеться, я неначе занедужав от твого письма. Як прийду трохи до нормального розуму, то напишу тобі цілу книгу, а тепер цілую тебе,

друже мій єдиний, і твоїх товаришів, а моїх земляків щирих, цілую і дякую всім моїм серцем. Дякую за гроші, а ще більше за те, що не забуваєте старого кобзаря

Т. Шевченка

Добре, що зосталося шматок паперу, єсть на чому написать P. S. Я напишу його по-руськи, так, бачиш, треба, ти й сам здоров догадаєшся, як прочитаєш, що так треба тілько, серце моє! Голубе мій сизий! Зроби для мене все те, що я проситиму. Я тебе тричі поцілую, як побачимось, а поки що (я й забув тобі сказать) сходи ты в Большую Морскую, в дом графа Уварова, найди там Михайла Матвійовича Лазаревського і поцілуй його за мене. Так треба, друже мій єдиний. «Записки о жизни Н. В. Гоголя» [4] прислав ти мені два томи і обидва перві.

22 апреля.
1857.

P. S. Дело вот в чем. Г. комендант Новопетровского укрепления Ираклий Александрович Усков просил г. полковника Илью Александровича Киреевского [5] выслать ему камер-обскюру для фотографии со всеми принадлежностями. И для этого снаряда послал ему 250 рублей серебром денег и 77 лебяжьих шкурок. Последнее письмо г. Киреевского от 10 ноября 1856 года получено г. комендантом с уведомлением о получении денег и посылки. Теперь дело в том, что ни вещь, т. е. камер-обскюра, до сей поры не получена здесь, ни письменного уведомления о причине такой непонятной медлительности. Естественно, что это Ираклия Александровича беспокоит. То я и прошу тебя, побывай ты у г. Киреевского и от имени Ираклия Александровича спроси у него о причине его безмолвия. Квартирует он в Большой Миллионной, в доме Славных. Если же, паче чаяния, ты не найдешь его по этому адресу, или он умер, или выехал из столицы, то ты вместо прогулки съезди в Павловск и на даче г. Киреевского найдеш кого-нибудь из родственников г. полковника Киреевского. И узнай, где он, и что с ним, и не поручал ли он этого дела, т. е. камер-обскюры, кому-нибудь из своих родственников или же знакомых, и проси, чтобы, кого ты найдешь из его родственников, чтобы написал Ираклию Александровичу и тем вывел из мучительного недоумения

В заключение зайди ты в магазин Прево, под фирмою «Выставка художественных произведений», у Полицейского моста, в доме голландской церкви, и спроси у самого г. Прево, поручил ли ему помянутый г. полковник в прошлом году осенью выписать из Берлина камер-обскюру со всеми препаратами для фотографии или нет. И, узнавши все это, напиши мне как можно обстоятельнее и как можно скорее.

Адресуй свое письмо на имя его высокоблагородия Ираклия Александровича У с к о в а, г. коменданта Новопетровского укрепления, Оренбургской губернии.

В случае же смерти г. полковника Киреевского, узнай, к кому можно обратиться Ираклию Александровичу о получении ежели не вещи, то обратно денег, на которые имеется у него, как документ, письмо г. полковника. Все это можно узнать в Павловске. Кто бы ни был из его близких родных — отец, мать, брат или сестра,— все равно, ты только самый подробный адрес узнай, кого найдешь из них. И еще раз прошу тебя, не медли и напиши по-русски.

84. До М. М. Лазаревського

22 квітня, 8 травня 1857 р., Новопетровське укріплення

22 апреля,
1857.

Христос воскресе, брате мій любий!

Удався ж мені сьогорічний великдень! Такого святого, радісного великодня у мене ще й зроду не було. Якраз 7 апреля прийшла до нас пошта і привезла твою дорогую посылку и твое радостное письмо от 17 генваря. Я трохи не одурів, прочитавши його, та ще як закурив твою сигару (я десять літ уже не курив сигари), то як закурив твою гавану, то так мені, друже мій єдиний, запахло волею, що я заплакав, як тая дитина. От що ти наробив з моїми старими очима! Нехай тобі господь милосердий заплатить за твою сердечную роботу. Та же самая пошта привезла мені письмо із Чорноморії і 25 рб. грошей од Я. Кухаренка (Семен його повинен знать). Але Кухаренко про волю мені нічого не пише. Та та же самая пошта із Петербурга привезла мені письмо і гроші 16 рублів од А. Марковича з товаришами. Се буде син того самого Николая Марковича, що написав Малороссийскую историю. З батьком

його ми були колись великії приятелі. А сина його, сього самого Андрія, то я, здається, що й не бачив, а може, й бачив, то ще дитиною. Найди його там та поцілуй за мене, мій друже єдиний. Воно квартирує в Почтамтской, в доме Логинова.

Так от який у мене був великдень! І чим я заплачу вам, брати мої, земляки мої щирії, чим заплачу я вам за моє велике свято! За мої сердечные, радостные слезы! Сльозами, і нічим більше.

Як побачиш Куліша, поцілуй його за книги, що він мені подарував, а особливо за «Записки о Южной Руси». Такої розумної книги, такого чистого нашого слова я ще не читав. Може, він і розсердиться на мене за те, що я його алмазний подарок «Записки о Южной Руси» послав на Чорноморію Кухаренкові. Так що ж! Скажи, не втерпів. І як він,— крий його мати господня! — не видасть второго тома, то не тільки я, ти — всі земляки наші і вся славʼянщина прокляне його і назове брехуном. Так і скажи йому.

А Білозерський [1], кажеш, поїхав жениться додому. Нехай йому бог помага. От ще щира християнська душа. Поцілуй його за мене, як побачиш.

Яка там моя картина була у Єзучевського, їй-богу, не знаю. Розіграли, кажеш, в лотерею, і вона досталася тобі. О мої добрії, мої щирії други! Нехай вас бог так не забуде, як ви не забули, не покинули мене, безталанного, на чужині, в неволі. Я нікуди не поїду, друже мій єдиний, як пошле мені господь милосердний волю, хіба тільки по дорозі заїду в Чорноморію на який тиждень, а там прямо в столицю до вас, до вас, други мої, брати мої. Мені здається, що я одурію, як побачуся з вами, мої рідніі, мої единые!

Сьогодні, 22 апреля, прийшла друга пошта з Гурʼєва і не привезла нічого офіціального насчет моєї отставки, і я не знаю, що й думать. Може, то форма требує такої проволоки? Не знаю, дождусь і третьої пошти. Що там буде, бо мені, бачиш, хотілося прибавить до цього письма два слова: я свободен. Тільки два слова, і нічого більше, друже мій єдиний.

Лихий його знає, де той Осипов дівся. І Писемського, кажеш, немає в Петербурге. А «Княгиня», пишеш, у якогось Н. Д. [2]. Не знаю, хто се Н. Д. Якби «Княгиню» взяв на свої руки Куліш, чи не лучче б було? Та й «Матроса»

прибгав би до «Княгині», та причепурив би їх гарненько, та й пустив би в люде. Дармограй написав уже и вторую часть «Матроса», в которой уже резче обозначилась общая идея рассказа. А в третій він дума уже выставить наголо свою нехитрую фантазию. Але коли-то те буде? А може, й буде коли-небудь. Треба підождать.

Не пишу тобі, друже мій єдиний, сьогодні більш нічого, бо нема чого писать, та і голова в мене сьогодні неначе позичена у москаля-коробейника або неначе клоччям начинена. А все то те лихо пошта наробила. Підожду другої пошти, чи не веселіша буде. Ось-ось трохи не забув! Чом ти мені нічого не пишеш про Василя і про Федора?

Чорти їх батька знають, що се вони зо мною роблять. І досі ще нема нічого із корпусу. Добивають вони мене, недолюди, не боячися бога! А нудьга, нудьга! Я ще зроду такої нудьги не коштував. Ні до чого руки не лежать. А в голові така нехворощ, що й ради не дам. Читаю по одному листочку в день біографію Гоголя, читаю та й боюся: може, й по листочку не стане, поки то прийде той одпуск. Грошей у мене тепер дуже небагато, але якби дав бог тую волю, то можна було б позичить трохи, щоб до Москви або до Чорноморії допхаться, а там уже я не загину. Ти мені пишеш про фотографію. Не робіть нічого, брати мої, други мої милые, поки я з вами не побачусь. З сією поштою не напишу тобі — я свободен; чи не дасть бог з будущою. Нудно мені, тяжко мені, друже мій єдиний! Думав собі, чи не легше буде, як з тобою поговорю хоч на папері. Ще гірше. Перо з руки випадає. На посилку твою тільки дивлюся, а більш нічого; в руки нічого взять не хочеться.

Бувай здоров, мій друже єдиний! Цілую тебе, Семена, Куліша і всіх моїх і твоїх земляків, добрих і щирих, таких, як ти. Не покидайте мене, други мої, брати мої милії!

8 мая.

85. До Бр. Залеського

8, 10, 13, 20 травня 1857 р., Новопетровське укріплення

8 мая.

Мой единый друже Брониславе!

Ради нашей святой дружбы, растолкуй ты мне, что значит твое упорное молчание? Или ты обленился и прокис

наконец в деревне, или ты заболел? Да хранит тебя господь! Или ты скрылся в неведомое тридесятое государство, где о почте и понятия не имеют? Или я не знаю, что и думать. До получения последнего письма твоего, от 18 сентября минувшего года, я писал к тебе два раза по адресу Билинского. Первый раз в ноябре, а второй раз в генваре, вместе с Б., и ни на один привет не получил ответа; что это значит, и ума не приложу. Письмо твое от 18 сентября получил я в последних числах марта, на которое отвечаю только теперь. Я все дожидал от тебя позднейших известий, и, не дождавшись, решился адресовать тебе третье послание в твои милые, задушевные Рачкевичи. Вместе с твоим последним письмом получил от тебя письмо и Ираклий, в котором ты просил о присылке семян джугары, а меня просил прислать тебе для известного употребления два куска материи собственного рукоделия. Просьба твоя исполнена не совсем удовлетворительно; посылка отправлена поздно, семена не получишь ты ко времени посева. Тебе небезызвестно, что на время зимы денежная и вообще интересная корреспонденция у нас прекращается. Вот причина запоздалости. Вместе с семенами послано тебе и мое рукоделье [1], три штуки. Две для твоего собственного употребления, т. е. для продажи по твоему усмотрению, а третья с надписью для графини Толстой, которой и прошу тебя немедля переслать с письмом или без письма, как знаешь, по нижеследующему адресу:

В С.-Петербург, графине Настасии Ивановне Толстой, в Академию художеств.

А деньги, вырученные за остальные два куска, отошли на имя Михайла Матвеевича Лазаревского в С.-Петербург, на Большой Морской улице, в доме графа Уварова. Сделай так, как я тебя прошу, друже мой единый! На днях мы дожидаем почты, и потому я не кончаю моего письма. Почта должна привезти мне твое письмо и... но я боюся выговорить... Ты замечаешь ли перемену моего почерка? Добрый знак, друже мой единый, знак свободы! Но подождем, что скажет почта.

10 мая.

Сегодня пришла почта и принесла твое от 3 марта, так долго-долго ожиданное дорогое письмо; но чего я дожидал с судорожным замиранием сердца, того не привезла, и при-

чина простая, которую объяснил мне М. Лазаревский своим братским письмом, полученным с этой же почтою. Не в генваре, как я тебе писал, а только к 7 апреля представлен я со многими другими; но чем разрешилось это представление, неизвестно. Во всяком случае, я не унываю, но ожидание, как и всякое ожидание, самое несносное чувство. Не говоря уже о разумном каком занятии, я даже романа читать не могу. Несносное состояние, и оно должно продлиться еще, по крайней мере, месяц, если не больше.

Глубоко уважаю твои чувства, друже мой милый, в отношении к матери; но все-таки не могу не пожалеть, что ты решительно отказался от моей милой Академии. Два года только, и ты артист, по крайней мере для себя, если не для публики. Мелкие города опасны, а столицы нечего бояться ни в каком отношении; а какое неизъяснимое блаженство увидеть волшебное искусство во всем его блеске, во всем его магическом очаровании! Рай, заповеданный только святым! Но если ты уже решительно посвятил себя идиллии, то сделай же эту идиллию полною, совершенною. Женись, а иначе идиллия будет вяла, суха и однообразна; а впрочем, ты не Улисс, а я не Ментор.

От Сигизмунда я не получил до сих пор ничего, а для «Блудного сына» мешал бистру с тушью, и вышел тон почти сепии. Готовых уже у меня 8 штук. Первых четырех сцен еще не начинал за неимением модели. Необходим русский типический купец, чего здесь не имеется. Я отложил это до Москвы или до Петербурга. Расскажу тебе о «Блудном сыне» подробно в следующем письме, а теперь тороплюсь, завтра почта отходит.

Ты пишешь, друже мой единый, насчет материи; в следующей почте пошлю тебе еще две штуки, не знаю, какого содержания, а для виленского альбома пришлю несколько штук из нашего кара-тауского вояжа и из здешних окрестностей, а что пришлю, о том напишу. Из посланных тебе кусков один, может быть, покажется тебе непонятным. Это предание о происхождении рисования. Дочь хиосского горшечника нарисовала на дверях хижины силуэт своего возлюбленного, и это была первая рисовальщица.

Экспедиция по Вилии может быть чрезвычайно интересна. Как бы я желал поплавать по этой матери литовских рек.

Целую Бюрно, Аркадия, Сигизмунда, целую твоего старика, твою добрую, любящую мать, сестер и твоих каро- и голубооких siostrzenców.

13 мая.

Почта отправляется еще через два дня, что и дало возможность мне устроить для тебя посылку.

Посылаю тебе 17 штук для «Виленского альбома». Выбери из них, которые тебе покажутся лучшими и пригоднейшими к делу, и сам назначь им цену, какую найдешь приличною. Поторгуйся, мне теперь более, нежели когда, деньги необходимы. Кроме предстоящей дороги, я похож теперь на турецкого святого, а турецкие святые, как тебе известно, неразборчивы в отношении костюма: они щеголяют иногда au naturel. Если бы заплатили по 15 рублей, я был бы более нежели доволен, и эти деньги посвятил бы на дорогу от Москвы до Рачкевич.

Еще посылаю тебе «Счастливого ловца» и «Ловкого продавца». Этим молодцам тебе цена известна. Устрой, друже мой, все это найлучше и найскорее и жди меня, твоего искреннего друга, в свои теплые объятия.

Форму и величину 17 штукам можно дать одну, это не повредит эффекту; такую, например, как 17 № «Когак».

Деньги перешли на имя Лазаревского, он у меня теперь центральный корреспондент. Целую тебя еще раз, друже мой единый, и целую всех окружающих тебя.

20 мая.

Сегодня только отходит почта, и я прибавляю еще две штуки. Я назвал их молитвою по умершим. Это религиозное поверье киргизов. Они по ночам жгут бараний жир над покойниками, а днем наливают воду в ту самую плошку, где ночью жир горел, для того, чтобы птичка напилася и помолилась богу за душу любимого покойника. Не правда ли, поэтическое поверье?

86. До М. М. Лазаревського

20 травня 1857 р., Новопетровське укріплення

20 мая.

Воистину воскрес! Мій друже єдиний!

Спасибі тобі, серце моє, за твоє письмо от 11 апреля. Мені полегшало, як прочитав я його. Я, дурний, думав, що ще в генварі моє діло кончене, а воно з 7 або з 17 апреля тіль що починається, і та самая дурная думка мене так тяжко мучила й досі. Тепер, слава богу, я повеселішав, а все-таки за що не возьмуся, із рук випадає. Серце якось лихорадочно б'ється. Ох, якби-то його швидше успокоїли!

Ти пишеш, що був дома. Як я тобі завидую, мій друже єдиний! Там і про мене згадували. Спасибі їм, землякам моїм рідним, що не забувають кобзаря свого, старого, безталанного.

Ти пишеш, що чув, що і в столиці єсть добрі душі, що хотять помагать мені на дорогу. Спасибі їм, добрим душам! Це чи не буде той самий А. Маркович з товаришами, про которого я тобі писав?

Ще ти питаєш, чи багато мені треба буде грошей на дорогу? Я і сам не знаю. І не знаю ще, як я і поїду. Чи на Оренбург, чи Волгою до Нижнього і на Москву, чи на Чорноморію? Яким би шляхом не поїхав, то я думаю, що не обійдуся менше як 200 рублями. Треба буде одежі, бо з мене як знімуть казенну, то я остануся, як той турецький святий, буквально голий. Получишь ты на свое имя от Б. Залесского из Минской губернии 50 рублей, то і ті пришпили до своїх та й пришли по прежнему адресу, з передачею. Я, може, не дождуся твоїх грошей, а позичу у Ираклия Александровича, то ти вже так і посилай на його ім'я. А якщо не буде од царя нічого, то не посилай і грошей. Нащо вони тойді мені? Як перепишуть «Матроса», то передай його Кулішеві та попроси його од мене, нехай він його прочитає гарненько та де що побачить, нехай і поправить, а за «Записки о Южной Руси» подякуй його ще раз од мене. Не тепер, а коли-небудь іноді я думаю удрать критику на сію воистино драгоценную книгу. Але то ще тільки думаю, а там бог його знає, як воно буде. Попроси Семена, нехай він коли-небудь розкаже вам, як, замиравши, Явдоха була на тім світі і що вона там бачила. У Куліша записане тільки пекло, а раю нема, опріч тих двох

діточок, що перед матір-божою золоті клубочки держать, а вона панчішечку плете.

Вибачай мені, друже мій єдиний, що пишу тобі так нашвидку. Ніколи. Сьогодні пошта одходить. Цілую тебе, Семена і всіх добрих земляків моїх. Не покидайте, брати мої, старого, безталанного кобзаря Дармограя.

87. До Я. Г. Кухаренка

5 червня 1857 р., Новопетровське укріплення

Батьку отамане кошовий і друже мій єдиний!

Постриг ти мене в брехуни своїм братерським листом і своєю щирою писанкою. Я писав тобі, друже мій єдиний, що вже не втну нічого віршами. Отже і збрехав. Збрехав і не схаменувся. Правда, я сам думав, що я вже зледащів, захолонув в неволі, аж бачу — ні. Нікому тільки було вогню положить під моє горем не добите старе серце. А ти, друже мій, догадався, взяв та й підкинув того святого огню. Спасибі тобі, друже мій єдиний. Довго я читав твій лист, разів з десять, чи не більше, та дочитався до того, що в мене не тілько очі — серце заплакало, мов та голодна дитина. А серце, сказано, не дитина, його галушкою не нагодуєш. «Що тут на світі робить?»— думаю собі, та, вставши раненько, помолився богу, закачав рукава та й заходився коло оції «Москалевої криниці» [1]. Бог поміг, то сяк, то так кончив. Мені і полегшало трохи. Не знаю тілько, чи подобається вона тобі, мій друже єдиний? Якщо подобається, то дай доброму писареві переписать і «Криницю», і «Ченця» [2], і «Вечір» [3]. Та пошли старому Щепкіну. Нехай на старість читає та не забуває безталанного кобзаря Тараса Дармограя. Я умисне приписав «Ченця» і «Вечір», щоб порівняв ти його з «Криницею», бо «Криниця», бач, сьоголітня, а «Чернець» і «Вечір» — бог зна колишні. Чи помолодшав я через 10 літ в неволі, чи постарішав серцем, скажи мені, мій брате рідний.

Ще ось що, чи продаються у вас на коші б і н о к л і або хоч добрі окуляри? Якщо ні, то нічого й читать моє писаніе, бо я так надрукував, що й сам ледве читаю. Правда, у тебе єсть сини з молодими очима, то нехай вони потроху розбирають, а ти тілько слухай та критику клади, більш нічого.

Не знаю, чи получив ти моє поличіє, завернуте в невеличку цидулку? Я там писав, що незабаром вирвуся із цієї каторги і приїду до тебе в гості, але ще й досі нема нічого офіціального, і чорт його знає, коли воно й буде, те прокляте офіціальне. Може, ще й зимовать останусь за сим скаженим морем. Але ти все-таки напиши мені, чи будеш ти се літо на коші, чи, може, знову підеш в р а ж о г о ч е р к е с а т а п р е с к у р в о г о с и н а п о к р у ч а х г а н я т и. Бо як дасть мені бог вирваться літом, то до кого я приїду, як тебе не буде на коші? А щоб швидше твоє письмо прийшло в мої руки, то пиши отак на конверті:

В г. Астрахань. Г-ну смотрителю госпиталя его высокоблагородию Христофору Моисеевичу Е л е н е в у[4]. С передачею Николаю Ефремовичу Б а ж а н о в у[5]. В Новопетровское укрепление.

Думав я тобі послать свій екземпляр «Записки о Южной Руси», але і сам ще добре не начитався тих записок. Дуже добра книга. Могила[6], кажуть, видає збірник наших пісень? Нехай йому бог помагає.

Пиши мені швиденько, не покидай мене, друже мій, брате мій єдиний. Цілую всім серцем твою стару і твоїх діточок.

Порохні, Літевському, і невеличкому Шамраю, і всьому товариству на коші і за кошем доброго здоров'я!

5 июня, 1857.

88. До М. М. Лазаревського

30 червня 1857 р. Новопетровське укріплення

Мой искренний друже!

Получивши это последнее от меня письмо из Новопетровского укрепления, сделай для меня величайшее одолжение, а для многоуважаемого мною Ираклия Александровича еще большее. Побывай ты с человеком практическим и хорошо знающим фотографическое дело, побывай с таким человеком у г. Чернягина по означенному адресу, и выберите, по крайней мере, освидетельствуйте выписываемую Ираклием Александровичем камеру для фотографии с прибором, в особенности обратите внимание на объективы

Фогтленгера. Деньги ему, г. Чернягину, посылаются с этой же почтою. В случае же недостачи этой суммы, заплати свои деньги, которые ты с глубочайшей благодарностью получишь от искреннего твоего

Т. Шевченка

P. S. Полковник Киреевский, о котором я просил тебя и Марковича, оказался подлой, ни на что не годной тряпкою. Я беру уполномочие от Ираклия Александровича выжать из этой тряпки всосанные ею 350 рублей.

Ираклий Александрович (щоб його лихо не знало) великий мені приятель. То ви вже, други, брати мої любії, зробіть, що він там пише. Зробіть для його і для мене. Він мене п'ятий рік годує і напуває.

Як побачиш Куліша, то поцілуй його і скажи йому, що я його «Записки о Южной Руси» послав на Чорноморію. Що там скажуть? Пришли мені Метлинського[1], він недорого коштує.

P. S. Маркович написав мені свій адрес, та чортзнакий: в Почтамтской, в доме Логинова, а на конверті написано вже [?] другою рукою — в доме полковника Поссе. То я тепер не знаю, що й робить. Найди його, мій друже єдиний, того неаккуратного Марковича, поскуби його за чуб або за ухо, а потім скажи йому, щоб адрес писав добре і по прилагаемой при сем записке исполнил аккуратно,— а то битиму, як приїду! А якщо можна, то й ти йому поможи в сій роботі. Мені це треба.

Скажи Марковичу, щоб писав [?] по-руському.

89. До М. М. Лазаревського

1 липня 1857 р., Новопетровське укріплення

1 июля.

Мій друже єдиний!

Письмо твоє і 75 рб. грішми од 2 мая получив я 3 іюня. Спасибі тобі, друже мій єдиний. Прочитавши твоє письмо, я перелицював свою дорогу в столицю. Чорноморію оставив до другого разу, а вдарив просто через Астрахань,

Волгою до Нижнього, а потім через Москву і до тебе, мій друже милий, мій єдиний. Перелицювавши шлях-дорогу, я того ж дня упакував свою мізерію, книги тощо, купив полог од комарів волзьких, зшив із шести листів паперу тетрадь для подорожнього журнала, і сів над морем ждать погоди, та й досі жду, мій друже єдиний. І бог його святий знає, коли я дождуся тієї доброї погоди. Полог вже у мене вкрали, тетрадь, що приготовив для дороги, всю до листочка списав м е с т н ы м и в п е ч а т л е н и я м и, а із Оренбурга ні слуху ні духу. Я не знаю, що той Л а д и ж е н с ь к и й[1] там робить. Шкода, що ти й просив його. Пошта із Оренбурга і Уральська получиться тут не раньше 15 июля, і якщо принесе мені свободу, то на другий же день покину оце смердяче укрепленіє і, дасть бог, в половині августа буду цілювать тебе, мій єдиний друже. О боже, якби-то так сталося! Молю милосердого бога, щоб оце було послідне письмо до тебе з цього проклятого укрепленія. І ти не пиши вже до мене сюди. Як побачишся з Марковичем, то поклонися йому од мене і скажи, нехай не турбується, не шукає того поганого полковника Кіреєвського, я сам його найду, як приїду. А тебе ще раз прошу: найди чоловічка, добре знающого фотографію, та вибери у Чернягіна камеру для Іраклія Александровича; він тобі велике спасибі скаже.

Як буду виїжджать із цього поганого укрепленія, то напишу тобі, куди я поїду, може, ще потребують в Оренбург, сохрани боже. Прощай, мій добрий, мій єдиний! Пароход пари розводить. Поцілуй Федора і Семена.

90. До Ф. П. Толстого

26—31 липня 1857 р., Новопетровське укріплення

Ваше сиятельство граф Федор Петрович!

Вашему великодушному заступничеству и святому участию графини Настасии Ивановны обязан я моей новой жизнью, моим радостным обновлением. Я теперь так счастлив, так невыразимо счастлив, что не нахожу слов достойно выразить Вам мою сердечную, мою бесконечную благодарность. Без Вашего человеколюбивого христианского заступничества меня задушили бы в этой безжиз-

ненной, безлюдной пустыне. А теперь я снова свободный художник, теперь я независимо ни от чией воли строю свое радужное будущее, свое безмятежное грядущее. Какая радость, какое полное счастие наполняет мою душу при мысли, что я снова увижу нашу Академию, увижу Вас — ее достойнейшего представителя, увижу мою святую заступницу графиню Настасию Ивановну, увижу все, радующее душу художника и простого человека. Омочу слезами тихой радости и сердечной благодарности Ваши чудотворящие руки... и, боже всемогущий и милосердый, сократи путь и время к этому невыразимому беспредельному моему счастию и надолго и долго продли Ваши дрогоценные дни для славы божественного искусства и для счастия и радости людей, близких вашему любящему сердцу.

21 июля получено здесь официальное известие о моем освобождении. В этот же день просил я коменданта дать мне пропуск через Астрахань до Петербурга. Но он без воли высшего начальства не может этого для меня сделать. И я за получением этого драгоценного паспорта должен еще раз побывать в Оренбурге и для этого сделать 1000 верст лишнего пути почти по безлюдной пустыне. Но господь милосердый, помогавший мне исходить эту нагую степь во всех направлениях, не оставит меня и на этом недолгом пути. Грустно только, что эта, как мне кажется, ненужная дорога отдалит, по крайней мере, на месяц радостную минуту свидания с Вами и с графиней Настасией Ивановной, главной виновницей моего неизреченного счастия.

Всемогущий и премилосердый господь не оставил меня здоровьем в этом долголетнем и суровом испытании. И любовь, которую я с раннего детства бессознательно питал к прекрасным искусствам, теперь по бесконечной своей любви ко мне посылает он мне любовь к искусствам, любовь разумную и сознательную. Живописцем-творцом я теперь не могу быть, об этом счастии неразумно было бы и помышлять. Живописцем-копиистом я не хочу быть. Об этом несчастии я страшусь и думать. А предполагаю и молю бога осуществить мое предположение, по приезде моем в Академию я намерен с помощию божиею, и с помощию добрых и просвещенных людей, приступить к гравированию à la aquatinta и, уповая на помощь божию и на Ваши советы и покровительство, надеюсь сделать что-нибудь достойное возлюбленного искусства.

Распространять посредством гравюры славу славных художников, распространять между непосвященными в таинства искусства людьми любовь к прекрасному и доброму. Это чистейшая, угоднейшая молитва человеколюбцу-богу. И посильно бескорыстная услуга человеку. Это мое единственное непреложное стремление. На большее я не могу рассчитывать. И только буду просить Вас, Ваше сиятельство, не оставить меня Вашим просвещенным содействием в этой моей малой сердце радующей надежде.

Целую руки моей святой заступницы графини Настасии Ивановны. Целую Ваши чудотворящие руки. Целую ваше семейство и все близкое Вашему доброму любящему сердцу и остаюсь по гроб благодарный.

Художник Т. Шевченко

Новопетровское укрепление,
1857 года, июля 23.

91. До Бр. Залеського

10 серпня 1857 р. Астрахань

Пишу тебе менее нежели мало, но пишу из Астрахани, на пути в Петербург, и, следовательно, это миниатюрное письмо родит в твоем благородном сердце огромную, роскошную библиотеку. В один день с твоим письмом от 30 мая получил я и официальное известие о моей свободе. Добрый Ираклий дал мне от себя пропуск прямо в Петербург, минуя Уральск и Оренбург, а следовательно, и 1000 верст лишнего и дорогого пути. Сердечно ему благодарен за эту экономию денег и времени, теперь для меня так драгоценного. 15 августа понесет меня пароход из Астрахани до Нижнего Новгорода, а оттуда дилижанс в Москву, а из Москвы паровоз в Петербург. Весело, друже мой единый, невыразимо весело, когда наши волшебные воздушные замки начинают быть осязательными. Я спешу теперь в Петербург для того единственно, чтобы поцеловать руки моей святой заступницы, графини Настасии Ивановны Толстой. Послал ли ты ей моего «Киргизенка»? Или, лучше сказать, получил ли ты сам его и его родных братьев — «Счастливого рыбака» и «Смышленного продавца»? В последнем своем письме ты мне ничего не пи-

шешь о моих посылках. Получил ли ты их? Если получил, то распорядись ими, как находишь лучше, и напиши мне в Петербург по адресу, тебе известному. Я так же, как и ты, вполне и совершенно верую, что мы с тобою увидимся, но когда и где, не знаю; во всяком случае — не в киргизской степи.

До свидания, мой друже единый! Не забывай своего искреннего друга и теперь свободного художника

Т. Шевченко

Целую твою святую мать, отца и все близкое твоему сердцу.

Астрахань,
10 августа, 1857.

92. До М. М. Лазаревського

14 серпня 1857 р., Астрахань

Мій єдиний друже!

Я свободен, я уже в Астрахани и завтра, 15 августа, як бог поможе, на пароходе «Меркурий» попливу за 5 карбованців на палубі в Нижний Новгород. Раньше 15 сентября я не допливу до Нижнього, і раньше 1 октября я не поцілую тебе, друже мій єдиний. Господи милосердий, скороти путь и время для нашего свидания з тобою.

21 июля получено официальное известие о моїй свободі. На другий день я просив Іраклія Александровича дать мені пропуск через Астрахань в Петербург, але він одказав мені. 23 июля написав я і послав через Астрахань письмо графу Толстому. Писав я йому, что я поїду через Оренбург.

1 августа прийшла пошта і привезла мені разрешение їхать, куда я хочу. 2 августа я вирвався із своєї тюрми, а 5 августа гуляв уже по славному городу Астрахані. 14 августа пишу тобі оце письмо невеличке, а завтра, дасть бог, попливу вверх по матушке по Волге аж до Нижнього. До свидания, мій друже єдиний. Цілую Семена, Федора, і всіх, і вся. А як побачиш Марковича, то поскуби його за ухо за те, що я не дождався його письма в Новопетровському укрепленії.

До свидания ще раз, мій єдиний друже. Не забувай твого щирого

Т. Шевченка

Астрахань,
14 августа.

93. До Я. Г. Кухаренка

15 серпня 1857 р., Астрахань

Батьку отамане кошовий і друже мій єдиний!

Я свободен, я уже в Астрахані, вчора бачився з тим Єленєвим, на ім'я которого просив я тебе переслать мені письмо о «Москалевій криниці». Письма твого нема, і я тепер не знаю, що й думать, бо вона вже давно тобі послана, ще 5 іюня. Може, тебе дома нема абощо? Думав я, їдучи в столицю, завернуть до Вас на Січ, поцілувать тебе, твою стару і твоїх діточок, але не так воно робиться, як нам хочеться. Мені велено одправиться прямо в столицю. Лихий їх знає для чого. І я тепер із Астрахані попростую на пароході аж до Нижнього Новгорода, а там через Москву в столицю. Але чи швидко я туда прибуду, святий знає. Я в Москві побачуся з старим Щепкіним (якщо він жив), і дуже добре зробив би ти, друже мій єдиний, якби через його хоч одну стрічечку прислав. Напиши тілько, чи жив ти, чи здоров і чи получив мою «Москалеву криницю». Мене вона турбує. А в столицю до мене пиши отак: В С.-Петербург. Его высокоблагородию Михайлу Матвеевичу Лазаревскому. В Большой Морской, в доме графа Уварова.

Не пишу тобі більше, бо нема чого і писать, та й пароход, спасибі йому, не дає. Завтра попливу вверх по матушке по Волге, а поки що цілую тебе, твою стару і твоїх діточок.

Не забувай мене, друже мій єдиний.

Чи получив ти моє поличіе?

Т. Шевченко

15 августа,
1857.

94. До М. М. Лазаревського

8 жовтня 1857 р., Нижній Новгород

8 октября.
Н. Новгород

Друже мій єдиний!

19 сентября прибыл я в Нижний Новгород, и только сегодня, слава богу, собрался с силою написать тебе о случившемся со мною. Никто больше, как черт, враг добрых наших помышлений, перешел мне дорогу в Питер. Новопетровский комендант по моей просьбе выдал мне пропуск прямо в Петербург, а командир баталиона, мой ближайший начальник, обиделся распоряжением Ираклия Александровича и уведомил нижегородского полицеймейстера, чтобы меня задержать и прислать в г. Уральск для получения указа об отставке с какими-то ограничениями. Я занедужав. Спасибо, нашлися здесь добрые люди, которые приютили меня и через посредство которых написано в Оренбург обо мне Катенину [1], чтобы он объяснил мое отвратительное положение.

Писал я графу Ф. П. Толстому из Новопетровского укрепления, что я отправляюсь через Оренбург, но после упросил Ираклия Александровича отпустить меня через Астрахань. О случившемся здесь со мною я теперь не пишу ему, а прошу тебя, друже мій єдиний, посети ты графиню Настасию Ивановну Толстую, это тебя нисколько не скомпрометирует, расскажи ей о моем гнусном положении, а главное — благодари ее от меня за ее святое о мне ходатайство, а также и добрейшего графа Федора Петровича. Друже мій єдиний! Во имя глубокой моей любви к тебе не откажи мне в этой великой просьбе.

Не знаю, как долго продлится мое сидение в Нижнем Новгороде; думаю, что я не скоро вырвуся. Пришли мне сколько-нибудь денег. Я почти не одет, а следовательно, не могу показаться в люди и начать работу за деньги. Если получил ты письма от Кухаренка и от Залесского, то перешли мне. От Залесского должны быть и деньги, не знаю только, как велики.

Прощай, мій друже єдиний! Поцілуй Семена і Марковича і не забувай искреннего твоего

Т. Шевченка

В другий раз буду тобі писать більше, а тепер нездужаю. Адресуй своє письмо в Нижний Новгород, его высокоблагородию Павлу Абрамовичу Овсянникову[2], в контору пароходства «Меркурий».

95. До М. М. Лазаревського

18—19 жовтня 1857 р., Нижній Новгород

19 октября.
Нижний Новгород.

Мій друже любий, мій єдиний!

Сегодня, 18 октября, получив я твоє братне, сердечное письмо. Спасибі тобі, моє серце! Ти пишеш, що Усков уже писав тобі о якімсь там недоразумении. Чом же він, дурень, не написав, яке там именно недоразумение? І тут його ніхто не знає. Я і сам не знаю, яке там те прокляте недоразумение. В Оренбург уже давно писано із Нижнього, але із Оренбурга ще нема нічого. І я сам не знаю, що ще зо мною буде. А тим часом живу собі добре і весело отут між добрими людьми. Овсянников — здешний архитектор — благородний, добрий і розумний чоловік, а до всього того ще і земляк наш конотопський. Мені тут добре з ним. Шкода тілько, що морози настали; не можна нічого рисовать з натури, а то було б і геть-то весело.

Спасибі тобі, друже мій єдиний, що ти побачився з графинею Настасією Іванівною. Не знаю, чи получила вона моє «Киргизя» од Сигізмунда. І чи получив граф Федір Петрович моє письмо із Новопетровська? Як будеш у неї, то спитай, будь ласкав, і мені напиши. Письмо тепер до графа писать не буду. Треба дождаться, що там мені напишуть із Оренбурга. Я просив Герна написать мені, а ти, як получиш моє письмо, то піди до графа Федора Петровича і подякуй його од мене за его доброе, человеколюбивое участие, которым я радостно воспользуюсь, як прийдеться мені до скруту.

Поздрав і поцілуй за мене Білозерського і його жіночку. Чому ти не оженишся? Чи ми вже з тобою разом пожениємось? Не швидко, я думаю, це лихо скрутиться.

Що там робить Кулиш? І де тепер його жіночка? Як побачиш її, то і її чмокни разів зо три за мене. А Кулішеві скажи, нехай мені пришле другий том «Записок о

Южной Руси». Тут єсть одна книжная лавка, та і в тій тілько букварі продаються. А як буде посилать вторий том, то нехай і первий прикине, бо я первий том «Записок о Южной Руси» подарував нашим київським землякам в Астрахані. Поцілуй же його та попроси, нехай мені вишле свої любії «Записки о Южной Руси», а я йому за те не пришлю, а, дасть бог, сам привезу гостинця из самой киргизской степи.

Читать у мене тепер, слава богу, єсть що, поздоров боже добрих людей, але свого рідного нічогісінько нема, опріч «Богдана Хмельницького» [1] Костомарова. От ще вчистив книгу, так так! В Саратові бачився я з старою Костомарихою, вона ждала його из-за границы к 15 сентября. Не знаю, чи вернувся він, чи ні ще. Чи не чуть у вас там про його чого-небудь?

Що там робить отой гульвіса Семен, що нічого мені не напише. Поскуби його за ухо і поцілуй за мене, а жіночку його і діточок не скуби, а тілько поцілуй.

Перелякав ти мене чорною печаттю на своїм письмі. Чи не случилось там у тебе, крий боже, чого недоброго?

Прощай, моє серце, мій голубе сизий! Я тепер, слава богу, здоровий і веселий, і щиро любящий тебе, мого єдиного друга.

Т. Шевченко

Як побачишся з графинею Настасією Івановною, то спитайся, чи був у неї Сапожников [2], з котрим я плив із Астрахані в Нижній.

96. До І. П. Клопотовського [1]

6 листопада 1857 р., Нижній Новгород

Нижній.
6 ноября.
1857.

Други мои, искренние мои, сущие в Астрахани, мир и любовь с Вами вовеки!

Сатана, он же и Иван Рогожин [2], не терпящий света истины и враг всяких добрых помышлений и намерений наших, самый сей сатана кровный родич, а може, и единоутробный брат німецький, перейшов мені шлях в Нижнем

Новегороде і не допустив мене, німецький син, до столиці. Полиция, родная сестра Ивана Рогожина, остановила мене в Нижнем и до вчорашнього дня сама не знала, для чого вона мене остановила, а вчора формально об'явила мені, что я нахожусь под ее секретным материнским надзором и что мені свыше воспрещено жить и даже переїзджать через столиці. Так от що мені наробив враг рода человеческого Иван Рогожин! А я, недотепний, забув на той час надіть на себе крестообразную амуницию, а то б нічого сього не було. Розумний лях по шкоді.

Тепер думаю так зробить. Проживу зиму отут з добрими людьми, а весною, як бог поможе, з моїм добрим капітаном Кишкиным попливу вниз по матушке по Волге і буду собі рисовать ее прекрасные берега. Та, може, дасть бог, і з вами побачуся, як здорові будете, други мои искренние. Та, може, ще раз уночі підемо з Незабутовским [3] под предводительством Ивана Рогожина и щирого друга його Перфіла шукать сестер милосердія, щоб змилосердилися. Дай-то боже! Я буду сердечно радий, побачивши Вас, здорових, веселих і щирих друзей моих.

Мені тут добре, весело, читаю так, що аж опух читаючи. Журнали всі до одного передо мною і даже... «Le Nord» [4] и прочее.

Не забувайте мене, друга Вашого щирого і щасливого

Т. Шевченка

Вибачте мені, други мої, що я Вам так мало пишу. Дасть бог, як начитаюся, то напишу більше. Як побачите А. П. Козаченка [5], то поцілуйте його за мене.

Адрес: В Нижний Новгород. Его высокоблагородию Павлу Абрамовичу Овсянникову, с передачею такому-то.

На конверті:

В г. Астрахань. Его благородию Ивану Петровичу Клопотовскому. В собственном доме.

97. До А. І. Толстої

12 листопада 1857 р., Нижній Новгород

Мой друже милый, мой единый!

Моя благородная, моя святая заступнице!

Бог сердцеведец наградит Вас за Ваше дружески родственное участие в моем безвыходном положении. Вы так искренно, с такою теплою любовию указываете путь, которым я могу достигнуть моей возлюбленной Академии. Благодарю Вас, мой друже милый, мой единый. Завтра же пишу графу Федору Петровичу письмо, и в ожидании благих последствий молюся и уповаю.

Со дня отбытия моего (со 2 августа) из Новопетровского укрепления я совершенно счастлив и в особенности сегодня. По прибытии в Нижний Новгород неумолимая полиция разрушила мое блаженство, и то на несколько дней. Вскоре я пришел в себя от этого неожиданного щелчка и, как человек испытанный подобными щелчками, сказал сам себе — все к лучшему. Я совершенно верую в это старое изречение, и на сей раз уверенность моя вполне оправдалась. Мне необходим был промежуток между Северной Пальмирой и киргизской пустыней, а иначе я явился бы к Вам настоящим киргизом. А теперь, с помощью добрых людей, я понемногу делаюся похожим на человека. Дело в том, что я в продолжение этих 10 лет, кроме «Русского инвалида», ничего не читал. Так можете себе вообразить, каким бы я чудаком безграмотным явился в обществе грамотных людей. Теперь же я, благодаря моих здешних друзей, завален книгами и запоем читаю, или, правильнее, отчитываюсь, а осенняя грязь мне удивительно как много помогла в этом сладком деле. Я прочитал уже все, что появилось замечательного в нашей литературе в продолжение этого времени. Теперь остались мне одни журналы за нынешний год, и я наслаждаюся ими, как самым утонченным лакомством. И выходит, что все к лучшему, что нет худа без добра. Пока позволяла погода, я сделал несколько рисунков с здешних старинных церквей. Оригинальная и даже изящная архитектура. А теперь во время слякоти и грязи делаю изредка портреты карандашом, а все остальные часы дня и ночи читаю. Вот и все мои теперешние занятия, которыми я бесконечно доволен.

Вчера, получивши Ваше дорогое, неоцененное письмо,

отправился я к Владимиру Ивановичу Далю, но не нашел его дома. Сегодня отнесу на почту письмо и пойду опять к Владимиру Ивановичу.

Прощайте, не прощайте — до свидания, мой милый, мой единый друже! Скоро два часа, и мне не хочется упустить сегодняшнюю почту. Завтра пишу графу Федору Петровичу. А пока целую его чудотворящую святую руку и молю милосердого господа осенить Вас и все семейство Ваше своим святым, нетленным кровом. До свидания, моя сестро, богу милая!

Вечно искренний и благодарный

Т. Шевченко

Не спрашивая, знаю, откуда и какие мои деньги у Вас, только прошу Вас, сохраните эту великую чистую жертву у себя до нашего свидания. Я теперь, слава богу, кое-как приоделся и в деньгах нужды не имею.

Нижний Новгород.
1857.
Ноября 12.

98. До М. С. Щепкіна

12 листопада 1857 р., Нижній Новгород

Нижний Новгород.
Ноября 12, 1857 г.

Друже мій давній, друже мій єдиний!

Із далекої киргизької пустині, із тяжкої неволі вітав я тебе, мій голубе сизий, щирими сердечними поклонами. Не знаю тільки, чи доходили вони до тебе, до твого щирого великого серця. Та що з того, хоч і доходили? Якби-то нам побачиться, якби-то нам хоть часиночку подивиться один на одного, хоть годиночку поговорить з тобою, друже мій єдиний! Я ожив би, я напоїв би своє серце твоїми тихими речами, неначе живущою водою!

Тепер я в Нижнім Новігороді, на волі,— на такій волі, як собака на прив'язі... * Так, щоб подивиться мені на тебе, великий мій друже, я, сидячи отут, от що видумав: чи не найдеться коло Москви якого-небудь села, дачі або

* В першодруку — цензурна купюра, якої відновити не вдалося.

хутора з добрим чоловіком? Якщо єсть у тебе такий чоловіяга з теплою хатою, то напиши мені, батьку, брате мій рідний! А я і приїду хоч на один день, хоч на одну годиночку. Зробімо так, мій славний друже! А якого б я тобі гостинця привіз ік празнику! Уже так — що гостинець! Порадься з своїм розумним серцем, мій друже єдиний! Та якщо можна буде побачиться нам і поколядувать на сих святках укупі, то поколядуєм. А до того року, бог знає, чи дождемося. Вибач мені, моє серце, за мою щирість, і як і що придумаєш, то напиши мені, а тим часом оставайся здоровий і веселий і не забувай іскреннього твого друга і поклонника

Т. Шевченка

Адрес: В Нижний Новгород. Его высокоблагородию Павлу Абрамовичу Овсянникову.

Чи не писав тобі чого-небудь про мене старий кошовий із Чорноморії — Яков Герасимович Кухаренко? Я йому ще з Новопетровського укреплєнія послав дещо і просив його, щоб він з тобою поділився, та й досі не маю од його ніякої чутки.

99. До І. О. Ускова

12 листопада 1857 р., Нижній Новгород

12 ноября, 1857.
Нижній Новгород.

Многоуважаемый Ираклий Александрович!

Давно уже я собираюсь описать Вам все случившееся со мною со дня, в который я послал Вам мое письмо из Астрахани, т. е. с 10 августа. Но для этого описания недоставало главного материала, т. е. конца, заключения этого на диво курьезного путешествия.

22 августа выехал я из Астрахани вместе с семейством А. А. Сапожникова, с которым мы возобновили наше старое знакомство. 19 сентября прибыли мы благополучно и весело в Нижний Новгород, и того же дня полицеймейстер объявил мне, что я за настоящим указом об отставке должен отправиться обратно в Оренбург. Такое милое предложение меня немного озадачило, но я вскоре оправился, т. е. заболел, и сам написал в Оренбург, и добрых людей просил написать о себе прямо Катенину, прося его

развязать сей гордиев узел как-нибудь помягче. Пока этот таинственный узел развязывался, я хворал, бродил по грязным нижегородским улицам и скучал до ипохондрии. Наконец вчера здешний военный губернатор получает от генерал-губернатора Оренбургского, Уральского и Самарского подробное объяснение моего увольнения от военной службы. Обьяснения эти вчера же прочитаны мне. В них изображено, что я, бывший художник, имею право поселиться где мне угодно в пределах Российской империи, кроме столиц. А около столиц даже мимо проезжать запрещено. Сегодня же написал я моим друзьям в Петербург об этой катастрофе и, в ожидании будущих благ, поселился в Нижнем Новегороде.

Мне здесь пока хорошо. Нижегородская аристократия принимает меня радушно и за работу платит, не торгуясь, 25 рублей серебром за портрет, нарисованный карандашом. Деньги у меня есть. Костюм себе построил первого сорта, начиная с голландского белья, и вдобавок запустил бороду, настоящее помело. А книгами и журналами, по милости моих новых друзей, вся комната завалена, просто купаюся в чтении. Теперь мне только недостает столицы, а то все, слава богу, имею, начиная с здоровья. Столицу я не раньше надеюсь увидеть, как через год. И я теперь не знаю, что мне делать с письмами Киреевского и с Вашей доверенностью. Напишите мне.

Весело ли у Вас? Здорова ли Агафья Емельяновна? Здоровы ли мои большие друзья Наташенька и Наденька? [1] Не посылаю им гостинца потому, что Нижний Новгород без ярмарки — та же деревня, еще хуже по дороговизне самых необходимых вещей.

Газетные новости Вам известны, о них и говорить нечего, а не газетные не стоят того, чтобы об них говорить. Занимает теперь всех самый животрепещущий вопрос о том, как освободить крестьян от крепостного состояния. С новым годом дожидают правительственных распоряжений по этому вопросу.

Прощайте, Ираклий Александрович, желаю Вам здоровья и счастия. Целую от души моих больших друзей Наташеньку и Наденьку, и свидетельствую мое глубочайшее почтение Агафье Емельяновне, и остаюся благодарный Вам

Т. Шевченко

Кланяюся Жуйковым, Бурцевым [2] и моему старому, незабвенному другу Мостовскому [3].

Адрес: В Нижний Новгород. Его высокоблагородию Павлу Абрамовичу Овсянникову.

100. До М. М. Лазаревського

29 листопада 1857 р., Нижній Новгород

Милий мій друже!

Позавчора чортові не було чого робить, то він носив мене в Балахну, трохи не за тридцять верст од Нижнього, а Федор якраз в той день і переїхав через Нижній! І що б йому було підождать до завтра. Недобрий він, поцілуй його за мене.

Письмо твоє, нашвидку писане, я получив і дякую тобі за його, а то вже я думав, що ти, крий боже, занедужав. Ти пишеш, чи получив я отставку із Оренбурга. Получив. Чисту получив. А ще до полученія цій поганої отставки писав я графині Настасії Іванівні і графу Федору Петровичу письма. Не знаю, чи получили вони їх, чи ні. Довідайся, будь ласкав, та й напиши мені. І напиши мені, чи до ладу я написав письмо графу Федору Петровичу, бо я на такі химерні письма не великий майстер. Та не забудь спитать у графині Настасії Іванівни, чи був у неї з моїм поклоном Сапожников.

Подякуй доброго і розумного Куліша за його «Чорну раду» і за «Записки о Южной Руси». Я вже в другий раз читаю «Чорну раду», і як прочитаю, то напишу йому прездоровенний мадригал. А поки що буде. Послав я йому з Варенцовим [1] «Москалеву криницю» і «Ченця». Та якби був знав, що він має од Щепкіна, то послав би що-небудь друге, у мене єсть багато дечого, тілько все то те понедоробляване. Як застане оце письмо Варенцова в Петербурге, то перешли мені з ним наші народные думы, изданные Метлинским. Або хоч поштою перешли, бо я ще і не бачив цій хваленої книги.

Нарисував я карандашем для тебе своє поличіє, та нема з ким переслать його, а по пошті боюся, зотреться. Думав переслать з Федором, так чорт — враг добрых наших помышлений — бачиш, що зробив.

Пише мені старий Щепкін і просить, щоб я приїхав до його на праздники в гості. В саму Москву мені їхать не можна, то він просить мене до свого сина на хутір, десь недалеко коло Москви. Я жду од його на днях письма, він мені напише, де той хутір і коли туди можна приїхать. А що, якби і ти, взявши Куліша та й Семена з собою, та й ви приїхали на той благодатний хутір. А дуже б добре було. Я тобі напишу, як получу од старого письмо. А поки що прощай, не забувай великої просьби твого іскреннього

Т. Шевченка

18 ноября.
Нижній.

101. До М. С. Щепкіна

5 грудня 1857 р., Нижній Новгород

5 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богу милий мій друже, за твої сердечнії, ласкавії письма. Спасибі тобі за приглашение в село Никольское, а тричі разом спасибі тобі за те, що ти хочеш сам приїхать в Нижній. О, як би ти добре зробив, якби приїхав! Тут би тебе, преславного, на руках понесли твої безчисленнії поклонники. Щасливий ти, дуже щасливий, мій славний, мій великий друже! Всі тебе бачили, всі до єдиного руського чоловіка, всі тебе знають і з любов'ю повторюють «твое обаятельное, прославленное имя».

Сьогодні був у мене Владимир Иванович Даль; я показав йому письмо твоє. Зрадів старий, як прочитав, що ти хочеш приїхать в Нижній. Низенько кланяється тобі Владимир Иванович і сердечно просить не перемінять доброго наміренія. На тім тижні почнуться тут дворянські вибори, уже почали збиратьсяся повітові пани, то, може б, ти здумав показать себе їм на тутешній сцені. Ото б порадував ти їх хуторянські душі, а мою щиру, любящую тебе душу переніс би на саме небо. На сей кінець я бачився з директором Нижегородського театру, з г. Варенцовим, питав його насчет условий, і він сказав мені, що «согласится на условие, какое ты ему предложишь». Чудний би був, якби і не согласився.

Добрий мій друже! Питаєш ти, чи багато у мене грошей. Дуже, дуже небагато, мій друже єдиний: нема де взять.

Заходився рисовать карандашем портрети,— так що ж? Нарисував три портрети, та й сижу склавши руки. Без столиці художник — риба без води. Погано, дуже мені погано у цім Нижнім. Граф Федор Петрович обіщає мені «выхлопотать позволение жить в столице». О, якби-то йому бог поміг! «ожила б тогда моя душа одинокая при виде великих произведений божественных искусств»! А тим часом, а тим часом... як ти приїдеш сюди та я подивлюся на тебе, подивлюся, неначе на всесвітнюю галерею, неначе на всесвітній театр, і забуду хоть на годину своє невсипуще горе.

Грошей у мене б стало, щоб поїхать до Нікольського і назад вернуться, та не в тім річ. Не я один прошу тебе приїхать сюди, а всі добрі і розумні люди просять тебе,— а їх тут таки чимало. Старий Улибишев [1], той самий, що написав біографію Бетховена, не пропускає ні одного спектаклю, так щиро любить театр; а як тебе побачить, то він, старий, як мала дитина, заридає,— та чи він один?

Рішися, друже мій великий, на мою просьбу і, рішившись, напиши мені гарненько, коли б тебе ждать до себе. Я сьогодні ж пишу і Кулішеві: може, і він заїде за тобою, та разом і приїдете, мої гості дорогії. А як побачиш мого давнього друга Варвару Николаевну Репнину, то привітай її од мене, мій друже єдиний, та в письмі своїм напиши її адрес. Прощай, моє серце! Нехай тебе бог милує і стереже на славу великого святого искусства. Не отринь же просьби любящого тебе друга

Т. Шевченка

Куліша не треба ждать: може, він і не поїде, а мені б з ним дуже-дуже треба було б побачиться. Напиши, будь ласкав, і ти йому: може, він тебе, батька нашого, лучче послухає. Посоромиться не послухать.

Ще, як приїдеш, то зараз пришли почталіона на квартиру Овсянникова, щоб тобі не турбуваться насчет помішення.

Чи не взяв би ти з собою рукопис «Москаля-чарівника»? [2] Тут єсть прехороша дівчина і талантлива артистка, Піунова [3]. То, може б, ви чи не вшкварили б сього «Чарівника», навдивовижу нижегородським людям?

Поцілуй старого Максимовича за мене, та чому він не шле мені своє «Слово о полку Игореве»?

Ще одно P. S. Поніс був уже я оце письмо на пошту, та зустрівся мені старий Улибишев і просив написать од себе глубочайший поклон і просить тебе, щоб ти приїхав просто до його на квартиру.

«Москаль-чарівник» єсть тут печатний. І Піунова сьогодні вчиться по-нашому говорить заходилась. Зраділо дівча — аж заплакало.

102. До П. О. Куліша

5 грудня 1857 р., Нижній Новгород

5 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богу милий друже мій великий, за твої дуже добрі подарунки і особливе спасибі тобі за «Чорну раду». Я вже її двічі прочитав, прочитаю і третій раз, і все-таки не скажу більш нічого, як спасибі. Добре, дуже добре ти зробив, що надрукував «Чорну раду» по-нашому. Я її прочитав і в «Руській бесіді» [1], і там вона добра, але по-нашому лучче. Розумний, дуже розумний і сердечний епілог вийшов; тілько ти дуже вже, аж надто дуже підпустив мені пахучого курева; так дуже, що я трохи не вчадів.

Не знав я, що в тебе єсть «Москалева криниця» і «Чернець» од Щепкіна, а то б я тобі послав що-небудь інше. У мене багато дечого зібралось через десять літ, та не знаю, що мені робить з моїм добром,— як його пустить в люде.

Спасибі тобі за «Наймичку» [2]. Чи не найдеш там у панночки-хуторяночки в альбомі мого «Івана Гуса»? [3] Добре було б, якби найшов, а то шкода буде, як пропаде.

Що се за дивний, чудний чолов'яга, Л. Жемчужников! [4] Поцілуй його за мене, як побачиш. Ще ось що. Чи багато в тебе преномерантів на «Записки о Южной Руси»? Боже мій, як би мені хотілося, щоб ти зробив свої «Записки о Южной Руси» постоянным периодическим изданием на шталт журнала. Нам з тобою треба б добре поговорить о сім святім ділі. Зроби ти ось що. Старий Щепкін на тім тижні хоче до мене приїхати в гості; а що, якби і ти, молодий, забіг за ним в Москву та вкупочці і прилетіли б до мене. Дуже б, дуже б добре ви зробили, други мої іскренні! Тут би ми порадились з старим майстром і нащот твоїх «Записок», і нащот мого нікчемного добра. Прилітай, мій

голубе сизий, хоч на тиждень, хоч на один день. Може, Варенцов не виїхав ще з Петербурга, то от би з ним разом і приїхав. Я жду тебе, а ти стань мені за рідного брата: поцілуй свою любу жіночку за мене і за себе та й гайда на залізний шлях.

Поцілуй Маркевича за мене за його ноти; добре, дуже добре, а особливо «Морозенко» [5]: він мені живісінько нагадав нашу милую безталанную Україну. Цілую Михайла, Федора [6] і Семена. Федорові скажи, що я вчора бачився з Кебером [7] і він його цілує.

Остаюся, ждучи тебе, мій друже єдиний! Остаюся твій іскренній

Т. Шевченко

Чи не трапиться в тебе «Літопис» Величка? Як поїдеш, то возьми з собою, а як не поїдеш, то передай Варенцову.

103. До М. Й. Осипова

23 грудня 1857 р., Нижній Новгород

Нижній Новгород.
Декабря 23,
1857 г.

Незабвенный Николай Осипович!

Сегодня я получил письмо от моей святой заступницы, графини Настасии Ивановны, и только сегодня из ее бесценного письма узнал Ваше мирное местопребывание, и сегодня же пишу Вам, сколько время позволяет. Дело, изволите видеть, предпраздничное; я же жду к себе из Москвы дорогого гостя на праздник, даже сегодня. И кого бы, Вы думали, я так трепетно дожидаю? 70-летнего знаменитого старца и сердечного друга моего, Михаила Семеновича Щепкина. Не правда ли, дорогой гость у меня будет? Да еще какой дорогой, единственный! И действительно, это единственный и счастливейший человек между людьми: дожить до дряхлости физической и сохранить всю юношескую свежесть нравственную! Это явление необыкновенное! Мы не видались с ним с 1847 г., и, как мне воспрещен въезд в столицы, то он, старец-юноша, несмотря на мороз и вьюгу, едет ко мне единственно для того, чтобы поцеловать меня! Не правда ли — юноша? И какой

сердечный, пламенный юноша! Я горжусь моим старым, моим гениальным другом, и горжусь справедливо. Не по причине сей великой гордости, а по причине великого недосуга Вы извините меня, что я на сей раз пишу Вам мало. Моя история вот в чем: в первых числах августа оставил я ненавистное Новопетровское укрепление с намерением пробраться прямо в Академию художеств; но на перепутье, т. е. в Нижнем Новгороде, меня полиция остановила и объявила, что въезд в обе столицы мне воспрещен и вдобавок, что моя особа поручена ее непосредственной опеке, т. е. надзору. Я и застрял в Нижнем и пробавляюся теперь чем попало, в ожидании будущих благ.

Последнее письмо Ваше из Курска я получил и ответ свой адресовал на имя графини; но, вероятно, мое письмо не дошло к Вам, потому что с тех пор уже прошло полтора года, а я сегодня только получил от Вас известие. Не забывайте же меня, добрейший Николай Осипович, пишите мне хоть изредка, а пока остаюсь Вашим аккуратнейшим корреспондентом и сердечно преданным Вам

Т. Шевченком

Напишите мне подробно свой адрес, а мой адрес таков: В Нижний Новгород, его высокоблагородию Павлу Абрамовичу Овсянникову, с передачею такому-то.

104. До А. І. Толстої

2 січня 1858 р., Нижній Новгород

2 генваря, 1858.

Простите ли Вы меня, моя святая заступница, за мое долгое молчание? Наверное простите, когда я Вам расскажу причину этой грубой невежливости. 23 декабря получил я Ваше драгоценное письмо, а 24 приехал ко мне из Москвы гость. И кто бы, Вы думали, был этот дорогой гость, который не дал мне написать Вам ни одной строчки? Это был ни больше ни меньше как наш великий старец Михайло Семенович Щепкин. Каков старец? За четыреста верст приехал навестить давно не виданного друга. Вот это что называется друг. И я бесконечно счастлив, имея такого искреннего друга. Он гостил у меня по 30 декабря. Подарил нижегородцам три спектакля, привел их в трепетный восторг, а меня, меня вознес не на седьмое, а на семидесятое небо! Какая живая, свежая, поэтическая натура! Великий артист и великий человек! И, с гордостью говорю, самый нежный, самый искренний мой друг! Я бесконечно счастлив!

Проводив Михайла Семеновича, я долго не мог прийти в себя от этого переполненного счастия. И только сегодня, и то с горем пополам, мог взяться за перо, чтобы благодарить Вас за драгоценное письмо Ваше и написать Вам о моем беспредельном счастии. Простите меня великодушно, моя святая заступница, что я Вам пишу мало. Ей-богу, не могу. Поздравляю Вас, графа Федора Петровича и милых детей Ваших с Новым годом и желаю Вам на всю жизнь такой радости, такого счастия, каким я теперь наслаждаюсь. Простите и не забывайте меня, искреннейшего и счастливейшего Вашего благодарного друга

Т. Шевченка

P. S. На днях явится к вам П. А. Овсянников, мой здешний добрый приятель и товарищ по квартире. Он Вам сообщит все подробности о мне и о моем дорогом, незабвенном госте. Благодарю Вас за адрес Осипова, сегодня и ему пишу и, разумеется, о М. С. Щепкине. Я теперь не в силах ни о чем больше ни писать, ни думать.

105. До М. С. Щепкіна

4 січня 1858 р., Нижній Новгород

4 генваря, 1858.

Друже мій єдиний!

Я ще й досі не вгамувався од того великого свята, що ти мені завдав на самоті. Якщо не полегша трохи згодом, то я не знаю, що мені й робить з моєю дурною головою; думаю, та я й сам тепер не знаю, що я думаю. Думаю на масницю приїхать до тебе в Нікольське, а до того часу, може, дасть бог, вийде мені розрішеніє, то і в Москву. А поки що цілую тебе, друже мій єдиний, і поздоровляю з Новим годом. Поцілуй Аксакова, Максимовича і княжну Рєпніну. І не забувай мене, твого щирого, іскреннього друга

Т. Шевченка

Адрес: В Нижний Новгород, Николаю Александровичу Брылкину [1], з передачею мені.
Тричі цілує тебе твоя Тетяся [2].

На другій сторінці внизу:

Высокоблагородному
Михайлу Семеновичу Щепкину.
В Москве.

106. До М. М. Лазаревського

4 січня 1858 р., Нижній Новгород

4 генваря, 1858.

Вибач мені, моє серце, мій голубе сизий, що я так давно до тебе не пишу, нічого було писать. А тепер набралося так багато того писання, що ніколи писать. Добрий оцей чоловік завтра їде в столицю, зайде до тебе, і ти з ним, як матимеш час, добре набалакаєшся.

Приїжджав до мене колядувать старий М. С. Щепкін, то я після його колядки ще й досі хожу, неначе після похмілля. Нехай йому господь шле добре здоров'я.

Поздравляю тебе з Новим годом. Дай Кулішеві копу серебром і поцілуй за мене графиню Настасію Іванівну,

і більш нічого. Ніколи. Не забувай мене, голубе мій сизий. Чи не знаєш ти, де живе отой Жемчужников? Як знаєш, то напиши мені. Метлинського я получив, спасибі тобі. Прощай, моє серце.

Т. Шевченко

На звороті:

Высокоблагородному Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.
В С.-Петербурге. В Большой Морской.
В доме графа Уварова.

107. До П. О. Куліша

4 січня 1858 р., Нижній Новгород

4 января 1858 года.

Позавчора получив я твоє третє письмо, та ще й з грішми 250 карбованців. Спасибі тобі і тому щедрому землякові, що купив мою невольничу роботу. Спасибі вам, други мої сердечні: зрадували ви мене з великим святом. Нехай вам так господь поможе во всіх ваших начинаніях, як ви мені тепер помогли. Препоганий Нижній Новгород. Копійки нема де заробить; думав уже писать Лазаревському, аж гульк — неначе з неба впали гроші, та ще й на Новий рік. Спасибі вам, друзі мої!

Оповідання Вовчка ще не получив. А «Граматка» твоя так мені на серце пала, що я не знаю, як тобі й розказать. Розкажу колись, як, дасть бог, побачимось, а тепер тільки дякую, і ще раз дякую, і більш нічого.

Копу грошей візьми у М. Лазаревського. З «Чорної ради» тепер не нарисую тобі нічого: нема моделі, нема нічого перед очима нашого, українського, а брехать на старість не хочеться. Не хочеться рисовать так, аби-то.

Тепер посилаю тобі з оцим добрим чоловіком, з Овсянниковим, свої «Неофіти». Ще не добре виконченні. Перепиши їх гарненько й пошли з цим же Овсянниковим старому Щепкіну.

Наробив він мені, оцей старий, лиха: приїзжав до мене на святках колядувать. Я й досі ще хожу, неначе з тяжкого похмілля, од його колядок. Учистив старий! аж пальці знать. І де в його узялась така жива, сердечно трепещуща, жива натура? Диво, та й годі!

Оставайся здоров, мій брате, мій друже єдиний. Нехай тобі бог помагає во всіх твоїх добрих начатках. Не забувай мене, твого щирого рідного брата

Т. Шевченка

Шли мені швидше свого Вовчка. Та будь здоров з Новим годом.

108. До М. О. Максимовича

4 січня 1858 р., Нижній Новгород

Мій голубе сизий!

Я ще й досі не охолонув од мого дорогого гостя, і досі ще стоїть він у мене в очах і не дає мені покою ні вдень ні вночі. Присів оце, щоб написать тобі письмо любенько та подякувать тобі за твої дорогії подарунки. Так що ж, така нісенітниця в голові ходить, неначе, крий боже, з похмілля. Завдав він мені свято. Так учистив, що аж пальці знать.

Вибач мені, мій голубе сизий, ради великого бога, що я тобі так оце нашвидку пишу, єй-богу, нічого в голову не лізе, кроме нашого великого чудотворця Михайла Семеновича. Дасть бог, трохи одпочину та напишу тойді тобі тихесенько, гарнесенько, та, може, ще, як бог поможе, і віршами. А тепер цілую тебе, моє серце, за твої подарунки, поздоровляю з Новим годом і молю господа милосердого послать тобі долголетие і здоров'я на славу нашої преславної України. Поцілуй за мене свою хорошую, добрую пані, а мою щирую землячку, і, други мої іскренії, не забувайте кобзаря, убогого і щиро вас любящого

Т. Шевченка

Нижній Новгород.
4 генваря, 1858.

На звороті:

Высокоблагородному
Михаилу Александровичу Максимовичу.
В Москве.

109. До С. Т. Аксакова

4 січня 1858 р., Нижній Новгород

Чтимый и многоуважаемый
Сергей Тимофеевич!

Не нахожу слов сказать Вам мою благодарность за Ваш милый подарок, за Ваше искреннее сердечное ко мне внимание. Я давно уже и несколько раз прочитал ваше изящнейшее произведение, но теперь я читаю его снова, и читаю с таким высоким наслаждением, как самый нежный любовник читает письмо своей боготворимой милой. Благодарю Вас, много и премного раз благодарю Вас за это высокое сердечное наслаждение.

Простите мне, что я не написал Вам с Михайлом Семеновичем. Не мог. Старый чародей наш своим посещением сделал из меня то, что я и теперь еще не могу прийти в нормальное состояние. Он все еще вертится у меня перед глазами и мешает мне не только приняться за какую-нибудь работу, думать, даже говорить мешает. Да, он таки порядком пошевелил меня. И нужно же было ему такую штуку выкинуть. Нет, таких богатырей друзей немного на белом свете. Да я думаю, что он один только и есть. Как я, однако ж, не по-христиански думаю. А этому причина тот же великий наш чудотворец Михайло Семенович. Храни его господь на поучение людям.

Послал я Вам с моим великим другом свою «Прогулку с удовольствием и не без морали» [1]. Вооружитесь терпением, прочтите ее, и если найдете сию «Прогулку» годною предать тиснению, то предайте, где найдете приличным. Вторая часть «Прогулки» будет прислана Вам, как только покажется в печати первая.

Простите мне, многоуважаемый Сергей Тимофеевич, что я Вам так невежливо навязываю мое аляповатое творение, но лучшего употребления я не мог из него сделать. А где отец враг своему даже и аляповатому чаду? Я как отец любящий, но не ослепленный прелестью своего чада, то убедительнейше прошу Вас, будьте внимательны без снисхождения, в особенности к его хохлацкому выговору.

Поздравляю Вас с Новым годом и желаю Вам всего того, чего Вы сами себе желаете. Еще раз благодарю за Ваш

дорогой подарок и навсегда остаюсь Ваш сердечный поклонник

Т. Шевченко

4 генваря, 1858.

На звороті:

Высокоблагородному
Сергею Тимофеевичу Аксакову.
В Москве.

110. До П. О. Куліша

4 січня 1858 р., Нижній Новгород

Передай оці дві пісні [1] Маркевичу, чи не вчистив би він на їх ноту.

111. До М. С. Щепкіна

15—18 січня 1858 р., Нижній Новгород

1858.
17 генваря.

Друже мій єдиний!

Чи ти угамувався вже хоч трохи з своїм бенефісом? Якщо вже зовсім упорався і маєш час неробочий, то я тебе попрошу зробить ось що.

Твоя і моя люба Тетяся Піунова хоче покинуть Нижній Новгород, і добре зробить, їй тут погано, воно тут захрясне і пропаде, як щеня в базарі. Шкода буде такого молодого добра. Я їй порадив виїхать в Харков, і воно раде виїхать, так от що, мені на горенько,— у Харкові нема у мене ні одного доброго і можного знакомого чоловіка, а в тебе, певне, єсть там такий чолов'яга. Дуже добре зробив би, якби ти йому гарненько написав та попросив од себе, щоб нашу любую Тетясю там не занехаяли, а з неї, ти сам здоров бачив, і тепер уже артистка, а що ж то з його буде, як попотреться та попомнеться меж хорошими та добрими людьми? Алмаз! ей-богу, алмаз! Сам здоров побачиш, що алмаз. Воно з даром божим, а до того — ро-

зумненьке, слухняне і трудяще. І якщо бог не поможе йому вилізти на світ божий із цього старовірського гнилого болота, то воно так захрясне й зогниє. А нам з тобою гріх буде.

Воно тут получає 25 рублів в місяць і два бенефіса в год. А на сей год лукавий Варенцов і того не хоче дать, бо бачить, що нікуди їй, сердешній, дітись. Велика сім'я її, небогу, осіла, а то б вона й сама собі розумно найшла шлях-дорогу до раю. Нам колись добрі люде помагали, поможемо ж і ми тепер посильно, друже мій єдиний! Я вже написав і послав епістолію до директора Харковського театру, а якби ще ти од себе до його вчистив, то, може б, з того пшона зробилася б каша. А воно аж плаче та просить тебе, щоб ти укрив її своєю великою славою. Зроби ж так, як воно і я тебе прошу, мій голубе сизий!

Позавчора я получив не письмо, а просто панегірик од Сергея Тимофеевича. Якби я хоч трошки дурніший був, то я б учадів од його панегірика, а то, слава богу, видержав. Поцілуй його, доброго, благородного, тричі за мене. Та напиши мені його адрес, бо він, мабуть, забув написать мені свій адрес. Я тепер день і ніч сижу та переписую вторую часть тії самої повісті [1], що я з тобою послав Сергею Тимофеевичу. Як кончу, то зараз і пришлю. Незабаром получиш ти од Куліша мої «Неофіти». Тілько се така штука, що друкувать її тепер не можна, а колись згодом її ще треба доробить.

18 генваря.

Тілько що хотів написать: прощай, голубе мій сизий, нехай тобі бог помагає, аж гульк — несуть твоє письмо од Брилкіна. Я і перо положив. Та оце вже сьогодні заходився знову писать. Спасибі тобі, моє серце, за клопоти по лотереї, як збереш гроші, то пришли на ім'я Брилкіна, у мене тепер в кишені пусто, аж гуде. Із Пітера мені пишуть, що я недовго сидітиму в Нижнім. Чи так, чи іначе, а я дальше поста не всижу. Чкурну до тебе в Никольское та й захожусь спасаться, бо мені тут нічого робить. Спасибі тобі, що пооддавав мої письма. Поцілуй ще раз Сергея Тимофеевича і княжну Рєпніну. А тебе цілують други твої Дорохова [2], Голинская [3], Брилкін, а Тетяся Піунова аж тричі. А я аж десять раз, та все в твою розумну благородну лисину, мій єдиний друже! Ще раз прошу тебе, моє серце,

напиши, до кого знаєш, в Харков. Оставайся здоров, мій друже єдиний, нехай тобі бог помагає во всех твоих добрых начинаниях, не забувай щирого твого друга

Т. Шевченка

Сердечне дякують тобі за портрети Брилкін, Дорохова, Голинская і Піунова. А я для себе сам колись нарисую.

112. До М. М. Лазаревського

21 січня 1858 р., Нижній Новгород

21 генваря.

Мій милий друже!

Рекомендую тобі одного з нижегородских друзей моих, Константина Антоновича Шрейдерса [1]. Привітай його во имя дружбы нашей! Чи був у тебе Овсянников? Возьми у Куліша та прочитай мої «Неофіти». Вони ще не виконченні. Шрейдерс швидко вернеться в Нижній, то щоб Куліш переписав «Неофіти» і дав йому для передачі Щепкіну. А ти, мій друже єдиний, купи мені Шекспіра, перевод Кетчера [2], і «Песни Беранже» Курочкіна [3]. Та як успієш, то оддай і переплести Шекспіра. Оставайся здоров, нехай тобі бог помагає на все добре, не забувай щирого твого

Т. Шевченка

На звороті:

Высокоблагородному
Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.
В Большой Морской, в доме графа Уварова.

113. До П. О. Куліша

26 січня 1858 р., Нижній Новгород

26 января, 1858.

Який там тобі нечистий казав, що я приготовив свої «Неофіти» для друку? І гадки, і думки не було! Я послав їх тобі тілько прочитать, щоб ти бачив, що я тут не склавши руки сижу. І старий Щепкін не такий, щоб він там возився

по Москві з ними, як з писаною торбою. І ти оддай гарненько переписать їх і пошли старому, бо він уже знає, що «Неофіти» в твоїх руках. Овсянникова не дожидай; незабаром поїде з Пітера в Нижній приятель мій Шрейдерс, то ти і передай йому, а він передасть моєму старому друзяці. Отак зроби.

Для друку єсть у мене наготовлено на добрих дві книги: тільки перепиши та і в друкарню; але я і з цим добром не спішу, не тільки з «Неофітами». «Ян Гус» повинен буть у Василя Васильовича Тарновського [1], що жив колись в Потоках, Київської губернії. Перероблять його або знову робить у мене щось руки не підіймаються.

Заграй мені, дуднику,
На дуду:
Нехай своє лишенько
Забуду.

Оце тільки не моє, а то вся пісня моя [2].

Про які там ти мені пишеш гроші? Не знаю, з яких грошей прислав мені М. Лазаревський в Новопетровское укрепление, перед виїздом, 75 карбованців. Та 150 карбованців Залеський прислав у Нижній за рисунки через Лазаревського. Та ти, спасибі тобі, 250 карбованців. От і всі гроші. І я їх не циндрю, бо думаю одружиться, обісіло вже молодикувать. Цур йому; і якщо єсть там у вас які мої гроші, то шліть їх сюди. Я возьму на їх акції Меркурьевского общества, то вони принесуть мені 10 процентів в год. Бачиш, який я господар. А тобі якийсь дурень збрехав, що я ще й досі запорожець. Брехня! Не потурай.

Вовчка твого і в очі не бачив. На кого ти його адресував? Пиши мій адрес так: в Нижний Новгород, имярек, в контору пароходства «Меркурий».

Не забувай же свого щирого Т. Шевченка.

Навчи ти мене, будь ласкав, що мені робить з руськими повістями? У мене їх десятків коло двох набереться. Затопить грубу — шкода: багато праці пропаде. Та й грошей би хотілося, бо тепер вони мені дуже потрібні. Порадь, будь ласкав, що мені робить?

Т. Шевченко

114. До М. С. Щепкіна

3 лютого 1858 р., Нижній Новгород

Февраля 3, 1858 г.

Спасибі тобі, мій друже єдиний, за письмо твоє і 200 р. грішми. Все це добро получив я од нашого доброго друга Н. Брилкіна, который тебе щиро цілує і посилає тобі з Олейниковим [1] кожушок. Зноси на добре здоров'я.

Не знаю, коли ми з тобою побачимось. Бо не знаю, чи швидко Овсянников вернеться додому: я тепер у його хазяйную, то мені конечно треба його дожидаться. А якщо він там довго забариться, то я не втерплю: передам його госпóду Брилкіну, а сам чкурну в Нікольське, а за день перед тим гарненько напишу тобі.

Обнімає і цілує тебе тричі твоя й моя любая Тетяся. Воно, порадившись з своїм батьком, посилає тобі свій репертуар і условия такого содержания: 1500 р. в год без бенефіса, а з бенефісом 1200 р. і на переїзд до Харкова 200 р. А поїде воно в Харков з батьком або з матір'ю. А тим часом — воно согласиться на твоє условіє, яке ти скажеш.

Во имя святого бога и святого искусства, поможи їй, друже мій великий, вирваться із сього гнилого Нижнього. Мені тут аж жаль дивиться на неї. По поводу її бенефіса написав я невеличку статейку [2] в газету, котору посилаю тобі: прочитай, та прикинь своє до неї яке мудре слово, та оддай перепечатать в «Московских ведомостях». Для нашої любої Тетясі се було б незгірше.

27 генваря поховали славного старого Улибишева, і не найдеться нікого в Нижньому некролог йому написать! Ще раз гнилий Нижній Новгород.

Поцілуй за мене благородного Сергея Тимофеевича Аксакова і молодика Максимовича. Рєпніну як побачиш, то й її привітай. А тебе цілує М. А. Дорохова з своєю ч у ж о ю дитиною [3]. Цілує Голинская і тричі цілує Піунова, а я й лік теряю.

До свидания, моє серце, мій друже єдиний.

Щирий твій Т. Ш е в ч е н к о

Чи робить там що Катков [4] з моєю повістю? Я вже другу часть кінчаю.

Чи прислав Куліш тобі мої «Неофіти»?

Чом ти мені не написав адреса Сергея Тимофеевича?

115. До М. С. Щепкіна

10 лютого 1858 р., Нижній Новгород

[На початку листа переписані три поезії: I. «Доля», II. «Муза», III. «Слава», датовані 9 февраля, 1858].

Друже мій єдиний!

Яка оце тобі сорока-брехуха на хвості принесла, що я тут нічого не роблю, тілько бенкетую? Брехня. Єй же богу, брехня! Та й сам-таки подумай гарненько. Хто ж нас шануватиме, як ми самі себе не шануєм? Я ж уже не хлопець нерозумний. І од старості, слава богу, ще не одурів, щоб таке вироблять, як ти пишеш. Плюнь, мій голубе сизий, на цю паскудну брехню і знай, коли мене неволя і горе не побороло, то сам я не звалюся. А тобі велике, превелике спасибі за щирую любов твою, мій голубе сизий, мій друже єдиний. Я аж заплакав на старість, як прочитав твоє письмо, полное самой чистой, некупленной любви. Ще раз спасибі тобі, моє серце єдинеє!

Я послав тобі письмо харковського директора. Тетяся цілує тебе, як батька рідного, і просить, щоб ти робив з нею, як тебе бог навчить. На Варенцова нема надії. Дерево, та ще й дубове. Оставайся здоров, мій милий друже. Незабаром прибуду до тебе, а поки що люби мене, оклеветанного твоего щирого друга

Т. Шевченка

10 февраля.
1858.

Хоча ти і не велів, а я таки не втерпів, чмокнув сьогодні разочок нашу любую Тетясю. Чмокни гарненько за мене благородного Сергея Тимофеевича.

116. До С. Т. Аксакова

16 лютого 1858 р., Нижній Новгород

Чтимый и многоуважаемый
Сергей Тимофеевич!

Ради всех святых, простите мне мое грешное, но не умышленное молчание. Вы так сердечно-дружески приняли мою далеко не мастерскую «Прогулку», так сердечно, что я,

прочитавши Ваше дорогое мне письмо, в тот же день и час принялся за вторую и последнюю часть моей «Прогулки». И только сегодня кончил. А как кончил? Не знаю. Судите Вы меня, и судите искренно и милостиво. Я дебютирую этой вещью в великорусском слове. Но это не извинение. Дебютант должен быть проникнут своей ролью, а иначе он шарлатан. Я не шарлатан, я ученик, жаждущий дружеского, искреннего суда и совета. Первая часть «Прогулки» мне показалась растянутою, вялою. Не знаю, какою покажется вторая. Я еще не читал ее, как прочитаю, так и пошлю вам. Нужно работать, работать много, внимательно, и, даст бог, все пойдет хорошо. Трудно мне одолеть великороссийский язык, а одолеть его необходимо. Он у меня теперь как краски на палитре, которые я мешаю без всякой системы. Мне необходим теперь труд, необходима упорная, тяжелая работа, чтобы хоть что-нибудь успеть сделать. Я десять лет потерял напрасно, нужно возвратить потерянное, а иначе будет перед богом грешно и перед добрыми людьми стыдно. Я сознаю и сердцем чувствую потребность работы, но в этом узком Нижнем я не могу на один день спрятаться от невинных моих друзей. Собираюся выехать в Никольское к моему великому другу Михайлу Семеновичу. Дожидаю только товарища из Петербурга. Не знаю, получил ли Михайло Семенович мои «Неофиты» от Кулиша. Мне бы сильно хотелось, чтобы он прочитал вам это новорожденное хохлацкое дитя. На днях послал я ему три, или, лучше сказать, одно в трех лицах тоже новорожденное чадо [1]. Попросите его, пускай прочтет.

Кончили ли Вы печатать Вашу книгу? [2] Если кончили, то, ради самого Аполлона и его прекрасных бессмертных сестер, пришлите мне экземпляр. Я теперь читаю так, что попало, здесь даже порядочно читать невозможно. Старыми, разбитыми журналами пробавляюсь, и за то спасибо добрым людям.

Еще раз прошу Вас, мой чтимый, мой искренний друже! Простите мне мое невольное прегрешение. Не поставьте в вину мне мое долгомолчание. Я хотя и представил Вам причину моего тупого безмолвия, но никакая причина не извиняет невежливости. Еще раз простите и любите сердечно, глубоко полюбившего Вас

Т. Шевченка

Нижний Новгород.
1858.
Февраля 16.

117. До Я. Г. Кухаренка

16 лютого 1858 р., Нижній Новгород

1858.

Батьку отамане кошовий!

Письмо твоє од 7 августа того року із Єкатеринодара получив я 10 февраля сього року аж у Нижньому Новігороді. Попошукало-таки воно мене немало часу, та спасибі, що хоч коли-небудь, а все-таки найшло. А то вже я не знав, що й думать про тебе. Думав уже, нехай бог милує, чи не занапастив ти де-небудь своєї доброї голови на тому іродовому Кавказі. А тепер, слава богу, бачу, що ти живий і здоровий із жінкою, із діточками своїми. Нехай їх бог ховає на многії літа. У мене була думка пробраться до тебе на хутір. Та ба, так думкою і осталась. Од 16 мая до 2 августа не давали знать із корпуса в укрепленіє о моїй свободі. От катові! іродові душі! Мало їм було десяти літ. Кров холоне, як згадаю.

3 августа вирвався із того каторжного укрепленія і через море Волгою попрямував на столицю. Я боявся застрять у тебе до осені. В Нижньому мене спинили, заказано, бачиш, мені в'їжджать і жить в столиці. Отаке-то лихо. Помилували, та тілько до половини. Сів я у цьому поганому Нижньому та й досі сижу. Приїздив до мене на святки колядувать старий Щепкін, спасибі йому. Думаю оце поїхать до його під Москву в село Нікольське та, може, там і до літа останусь, а літом, якщо не пустять у Пітер, то чкурну в Харков, а з Харкова, як бог поможе, то і на Чорноморію. Я до неї коли-небудь, а таки доберусь, до тієї Чорноморії.

Нема в мене тепер нічого такого доброго послать тобі прочитать з товариством, хіба оці «Долю», «Музу» та «Славу», я оце недавно скомпоновав їх, не знаю, як вони тобі подобаються.

[Далі переписано поезії I. «Доля», II, «Муза», III, «Слава»].

Скомпоновав ще я тут з нудьги одну штуку, поему «Неофіти», нібито із римської історії. Але вона ще не вироблена, тим і не посилаю. Як викінчу, то пришлю. А поки що оставайся здоровий, мій батьку отамане, мій друже єдиний; не покидай мене, сердешного сірому

Т. Шевченка

Цілую твою стару пані і твоїх молодих діточок. Як будеш писать, то пиши на ім'я М. С. Щепкіна. Я маю до його їхать.

118. До І. О. Ускова

17 лютого 1858 р., Нижній Новгород

Многоуважаемый Ираклий Александрович!

Письмо Ваше от 7 января получил я 15 февраля, за которое приношу вам мою икреннюю благодарность. И за письмо старого моего друга черноморца Кухаренка приношу такую же вам искреннюю благодарность. Сердечно радуюсь благополучию Вашему, Агафьи Емельяновны и здоровью моих милых и малых друзей Наташеньки и Наденьки. Наденька, я думаю, уже бегает? Как бы мне хотелось ее потютюшкать! А моя умница, красавица Наташенька вспоминает ли своего друга, дядю Тараса Горича? Сердечно жалею, что не могу ничем я ей напомнить о себе. Нижний Новгород без ярманки — настоящая деревня. Хуже, потому что обыкновенные сельские продукты дороже, нежели в селе. Город просто сам по себе дрянь. Семь лет в Новопетровском укреплении мне не казались так длинны, как в Нижнем эти пять месяцев. Это значит перепутье. На рождественских святках приезжал ко мне в гости из Москвы мой старый друг Михайло Семенович Щепкин (известный актер). Теперь я думаю отдать ему, старику, визит. Он мне сделал честь, какой не многие удостоились от знаменитого старца. На будущей неделе думаю оставить навсегда Нижний Новгород, прожить до весны под Москвой у Щепкина, а весною, если не разрешат мне жить в столицах, поеду в Харьков, в Киев, в Одессу и за границу. Бог с ними и с столицами! Деньжонок теперь уже накопилось столько, что безбедно можно прожить года три за границею. А там, что бог даст. Не погиб в неволе, не погибну на воле,— говорит малороссийская песня.

Какова у Вас зима нонишний год? Здесь ужасно много снегу, а морозов сильных еще не было да, кажется, и не будет, больше 15 градусов не было. Письмо мое Вы получите не раньше праздника воскресения Христова. То я и поздравляю Вас с этим светлым праздником и от души целую Вас всех: и Катю, и няню [1], и в особенности больших

друзей моих Наташеньку и Наденьку. Пошли им бог здоровья!

Прощайте, многоуважаемый Ираклий Александрович. Не забывайте искреннего Вашего

Т. Шевченка

Пришлю Вам из Москвы какую-нибудь хорошую книгу. Сердечно жалею, что я не мог из рисунка сделать предполагаемого употребления. Если получу к тому времени фотографический портрет свой из Петербурга, сделанный по моему рисунку, то и портрет пришлю. А Вы мне пришлите собственного изделия портреты друзей моих Наташеньки и Наденьки. А письмо Ваше адресуйте на имя Михайла Семеновича Щепкина в Москву, в контору императорских театров.

Целую Жуйкова с благоверною и Бурцова с благоверною же, а старого паливоду Мостовского без благоверной три раза целую.

Поздравляю Агафью Емельяновну с прошедшим днем ангела.

Нижний Новгород.
1858.
Февраля 17.

119. До М. М. Лазаревського

22 лютого 1858 р., Нижній Новгород

22 февраля.

19 февраля вернувся Шрейдерс из Петербурга, привіз мені Беранже Курочкіна, четыре экземпляра нерукотвореного образа і твоє братнє, сердечное писание. Спасибі тобі, друже мій єдиний, за все і за вся. Добре єси зробив, що заказав 50 штук помянутого образа, нехай поки що земляки дивляться хоть на сей облик бородатого недобитого кобзаря свого. Думаю на тім тижні покинуть оцей поганий Нижній. Поїду аж під Москву в гості до мого старого батька — до М. С. Щепкіна, та в його до весни пробуду. А весною, як не буде мені якої ради з тими проганими столицями, то чкурну в Харков або в Київ, а може, й дальше, як бог поможе. Дожидаю Овсянникова з чемоданом, а то б я вже давно виїхав. Чи здорова графиня Настасія

Іванівна? Поцілуй її за мене. Був у мене в гостях Яков[1]. Славний хлопець! Шрейдерс не нахвалиться тобою і Семеном і тепер цілує вас обох. Добре зробив, що не купив Шекспіра: цур йому, який дорогий! Поцілуй за мене Семена та й прощай, мій друже єдиний. Посилаю тобі оцю недавно спечену штуку, для того і пишу мало, щоб паперу більше осталося для новорожденного чада. Не забувай свого іскреннього

Т. Шевченка

Адрес мій: В Москву. Михайлу Семеновичу Щепкину. С передачею.

В конторе императорских театров.

[Далі переписано поезії I. «Доля», II. «Муза». III. «Слава», 1858, 9 февраля].

Марко Вовчок — це псевдонім якоїсь пані Маркович. Чи не знаєш ти її адреса? Як не знаєш, то спитай у Каменецького[2], в типографії Куліша. Я чув, що він її добре знає. Як довідаєшся, то напиши мені, треба буде хоч письмом подяковать їй за її сердечнії, щирії оповідання. Шкода, що не оставив тобі Куліш «Неофіти». Може, вони єсть у Каменецького? Спитай.

120. До М. С. Щепкіна

23 лютого 1858 р., Нижній Новгород

Друже мій добрий і єдиний!

Посилаю тобі квитанцію із Контори транспортов, через котору я посилаю ящик з моїми книгами. Прийми його, та нехай у тебе полежить де-небудь до якогось часу.

Вибуду я із Нижнього 25 февраля[1]. А коли прибуду в Никольское[2] — не знаю. Думаю вже не вертаться в Нижній. Обісів він мені. Цур йому. Цілує тебе твоя Тетяся[3] тричі, і я тричі, поки побачусь, а то й лік потеряю, а поки що бувай здоров і веселий і не забувай мене.

Т. Шевченко

Поцілуй за мене Сергея Тимофеевича[4] і Максимовича.

23 февраля.
1858.

121. До М. М. Лазаревського

25 лютого 1858 р., Нижній Новгород

25 февраля.

25 февраля, в 7 часов утра получив я твоє письмо. Ніхто зроду не поздравляв мене з іменинами так весело, як ти мене сьогодні поздравив, спасибі тобі. Поцілуй тричі графиню Настасію Івановну і графа Федора Петровича, а через тиждень або два я сам їх поцілую, і тебе, і Семена, і всіх добрих людей, сущих в Петербурге.

Твій іменинник Т. Шевченко

Шрейдерс цілує тебе і Семена.

На звороті:

В С.-Петербург.
Его высокоблагородию
Михаилу Матвеевичу Лазаревскому.
В Большой Морской, в доме графа Уварова.

122. До А. І. Толстої

5 березня 1858 р., Нижній Новгород

5 марта.

Моя святая заступница!

Свидание наше так близко, так близко, что я едва владею собой от ожидания. 2 марта я получил Ваше сердечное, святое письмо и не знал, что с собою делать в ожидании официальной бумаги. Наконец эта всемогущая бумага сегодня получена в губернаторской канцелярии и завтра будет передана полицеймейстеру. Послезавтра я получу от него пропуск и послезавтра же, т. е. 7 марта, в 9 часов вечера (в этот час мальпост отходит из Нижнего в Москву) я оставлю гостеприимный Нижний Новгород. В Москве останусь несколько часов для того только, чтобы поцеловать моего искреннего друга, знаменитого старца М. С. Щепкина. Говорил ли вам Лазаревский, что этот бессмертный старец сделал мне четырехсотверстный визит

о рождественских святках? Каков старик? Самый юный, самый сердечный старик! И мне было бы непростительно грешно не посвятить ему несколько часов в Москве.

Во имя всех святых, простите мне великодушно мой лаконизм. Я в эти долгие дни буквально не владею собою. Не только писать — читать не могу. На днях получил я от Сергея Тимофеевича Аксакова его новую книгу «Детство Багрова». И она у меня так и лежит неразрезанной. Несносно томительное состояние.

До скорого свидания, моя великодушная, святая заступница. Всем сердцем моим целую Вас, графа Федора Петровича и все родное и близкое Вашему нежному, благородному сердцу.

Сердечно благодарный Ваш

Т. Шевченко

Деньги 50 рублей получил.

123. До М. М. Лазаревського

12 березня 1858 р., Москва

Москва, 12 марта.

Я в Москві, нездужаю. Око розпухло і почервоніло, трохи з лоба не вилазить. Доктор посадив мене на дієту і не велів виходить на улицю. От тобі і столиця! Сам чорт простягся поперек шляху та й не пускає мене до вас. Нічого робить, против його, курвиного сина, нічого не вдію. Доктор говорить, що я неділю або й дві остануся в Москві. Прошу тебе, зайди до графині Настасії Івановни і розкажи їй про моє лихо.

З завтрашньою поштою посилаю тобі два рисунка. Закажи снять фотографу дві копії вполовину менше — одну для себе, а другу для мене. А потім передай рисунки графу Федору Петровичу і попроси його, щоб він при случаї передав їх Марії Ніколаєвні для альбома, коли вони будуть варті того. Я сам думав передать їх лично, та бач, що зо мною зробилось.

Будь ласкав, найди там того гульвісу Овсянникова і скажи йому, щоб він непременно побачився зо мною в Москві. Сижу я у Михайла Семеновича Щепкіна близ Садовой улицы, в приходе старого Пимена, в доме Щепотьевой.

Не забувай мене, друже мій єдиний. Поцілуй за мене Семена.

Т. Шевченко

Насчет рисунков, як найде граф і що він з ними зробить, напиши мені. Не держи їх тілько довго у фотографа.

124. До М. М. Лазаревського

19 березня 1858 р., Москва

19 марта.

Друже мій єдиний!

Рад би на крилах летіть до вас, та прокляте око, щоб воно не вилізло, не пускає. Сьогодні був у мене доктор і раньше великодньої неділі не пускає мене в дорогу. А його, розумного, треба послухать, а то не буде чим дивиться на світ божий і на тебе, мій друже єдиний!

Рисунки мої, я думаю, тепер уже получені. Нехай фотограф зробить хоч один екземпляр, бо мені хочеться, щоб граф Федор Петрович (якщо він найде їх достойними того), щоб передав їх на святках Марії Ніколаєвні. Добре було б, якби так зробилося.

Де той там у чорта Овсянников пропадає? Я не знаю, чи купив він мені чемодан, чи ні. Якщо купив, то нехай хоч соломою напха та пришле мені, а то доведеться в Москві купувать. Прощай, мій друже єдиний. Поцілуй Семена за мене.

Щирий твій Т. Шевченко

Як передаси рисунки графу Федору Петровичу, сідай на чугунку та до мене, та вкупі і вернемося в Пітер. Єй-богу, добре б було б.

125. До М. О. Максимовича

5 квітня 1858 р., С.-Петербург

5 апреля.

Друже і голубе мій сизий!

Получив я од Грицька Галагана [1] все твоє добро. Спасибі тобі. «Єретик» мій не ввесь, тут його й половини нема.

Подякуй за мене Бартенєва [2] і попроси його, чи не дістане він де-небудь другу половину, а то я без неї нічого не вдію. Читаю тепер «Гуса» Аннікова [3], добра штука. Пишу тобі мало тим, що ще не роздивився коло себе. Низенький поклон Кошелєвим [4], а ще нижчий Марусі Васильєвні. Посилаю тобі мою обіцянку [5] і прошу тебе, мій голубе сизий, не забувай щирого земляка свого

Т. Шевченка

[Далі подано вірш «Полякам», підписаний: Кобзар Тарас Дармограй].

На звороті:

Высокоблагородному
Михайлу Александровичу Максимовичу.

126. До С. Т. Аксакова

25 квітня 1858 р., С.-Петербург

25 апреля.
1858.

Чтимый и глубокоуважаемый
Сергей Тимофеевич!

Еще на прошедшей неделе получил я Ваше искреннее, драгоценное письмо и только сегодня отвечаю Вам, мой искренний, сердечный друже. Простите мне эту грубую, непростительную и невольную невежливость. Грех сей случился потому, что я до сих пор еще не могу вырваться из восторженных объятий земляков моих. Спасибо им. Они приняли меня как родного, давно не виданного брата и носятся со мною, как с писанкою. Да еще, как на грех, выставка случилась в Академии художеств, которой я так давно не видел и которая для меня теперь самое светлое, самое высокое наслаждение. Какие пейзажи, просто чудо! Калам огромное имеет влияние на наших пейзажистов. Айвазовский [1], увы, спасовал. Он из божественного искусства сотворил себе золотой кумир и ему молится. Грешно так оскорблять бескорыстное, непорочное искусство. Бог ему судия. Выставка не многочисленна, но прекрасна, а в особенности пейзажи, очаровательные пейзажи!

Вы, как великий художник, как самый пламенный любовник безмятежной очаровательной природы, Вы поймете

причину моей невежливости и, как искреннему, нелицемерному поклоннику всего прекрасного и благородного на земле, великодушно простите мне мой невольный грех.

Я сердечно рад, что Вы остались довольны моим бородатым поличием. Это фотографический снимок с рисунка, мною самим сделанного, почему и показался он Вам подрисованным.

Вы обещаете мне написать ваше мнение о моей повести. Если она стоит этого, напишите, ради святого, божественного искусства. Мнение чувствующего и благородно мыслящего художника мне необходимо. И Ваше искреннее слово я приму с благоговением, приму как дорогой, бесценный подарок. Не откажите же мне в этой великой радости!

Предположение мое посмотреть на Москву в конце мая и Вас поцеловать не сбылось. Меня обязали не оставлять Питера в продолжение года. Трагедия перешла в комедию.

Не взыщите, мой искреннейший друже, что я вам на сей раз пишу мало. Когда приду в нормальное состояние, буду писать Вам много и о многом.

От всей души целую Вас, Ваше прекрасное, сердечное семейство и все близкое Вашему сердцу, а Ивана Сергеевича [2] целую трижды за его алмазное стихотворение «На Новый год» [3].

До свидания. Не забывайте искреннего Вашего

Т. Шевченка

Поцелуйте моего великого друга [4], когда он возвратится из Костромы.

Адрес: Его высокоблагородию Михаилу Матвеевичу Лазаревскому. В Большой Морской, в доме графа Уварова.

127. До Г. М. Честахівського[1]

14—19 травня 1858 р., Петербург

Грицю!

Як хочете побачить старого Щепкіна, актора, й матимете час, то приходьте в 7 часов к Лазаревському.

Т. Шевченко

128. До Г. П. Галагана

27 травня 1858 р., Петербург

1858. Мая 27.

Друже мій єдиний!

Може, приблукає в Сокиринці [1] оцей добрий чоловік і маляр дуже дотепний, то ти, мій друже, богу милий, ласкаво привітай його. Воно розумне, добре і любить наш народ і нашу країну. А зовуть його Іван Іванович Соколов [2]. Цілую тебе тричі, і твою пані, і твого малого Павлуся. Вибачай, що пишу мало, єй-богу, ніколи. Оставайся здоров, нехай тобі бог помага на все добре. Згадуй інколи щирого твого

Т. Шевченка

На звороті:

Высокоблагородному
Григорию Павловичу Галагану.
Прилуцкого уезда, село Сокиринцы.

129. До І. О. Ускова

4 липня 1858 р., Петербург

Июля 4. 1858.

Многоуважаемый Ираклий Александрович!

Наконец я добрался до Петербурга и до заветного Павловска. Но Павловск, увы, не обещает ничего хорошего. Три раза в продолжение одной недели побывал я в Павловске и три раза стучался напрасно у дверей Вашего честного и вдобавок высокоблагородного комиссионера. Он никого не принимает, потому что к нему, кроме заимодавцев, никто не заходит. О пребывании моем в Петербурге он узнал от генерала Бюрно, с которым я встретился в Павловске же и имел неосторожность рассказать ему о сделанном мне Вами поручении. А он [Киреевский], как ловкий шарлатан, смекнул делом и не велел меня принимать. А случайно где-то встретившись с Марковичем, уверял его, что он зимним путем ещё выслал Вам отличнейший фотографический аппарат со всеми принадлежностями, даже много лишнего выслал. Подлец! и вдобавок неловкий.

Доверенность Ваша не по форме написана, и Михайло Матвеевич говорит, что она не может иметь никакой силы. Попробуйте написать его матери, она живет в Павловске вместе с ним в собственном доме. За успех ручаться нельзя, а попробовать можно.

Посылка Ваша сегодня же отправляется, кажется, Вы получите все требуемое исправно и лучшего свойства. Я посылаю Вам «Губернские очерки» [1], письма и Вашу доверенность, а Вы мне пришлите две черные мерлушки, чем премного обяжете, и адресуйте Вашу посылку на имя Лазаревского Михайла Матвеевича.

В Питере мне хорошо, пока квартирую я в самой Академии, товарищи-художники меня полюбили, а бесчисленные земляки меня просто на руках носят. Одним словом, я совершенно счастлив. Как-то Вы там поживаете? Что мои великие друзья поделывают? Наденька, я думаю, уже бегает, а Наташа читает. А басен Крылова все-таки не издают с порядочными картинками. Посылаю Вам свой плохой портрет, снятый с натуры в Петербурге. Каков Ваш сад? Нынешнее лето у Вас должно быть много винограду и абрикосов.

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Агафье Емельяновне, целую от всего сердца моих больших друзей и остаюсь уважающий Вас

Т. Шевченко

Кланяюсь Бажановым, Жуйковым и старому волоките Мостовскому.

130. До С. Т. Аксакова

15 липня 1858 р., Петербург

Чтимый и глубокоуважаемый
Сергей Тимофеевич!

Сердечно благодарен Вам за Ваше искренне-благородное письмо. Вы мне сказали то, о чем я сам давным-давно думал, но, не знаю почему, не решался сказать, а Вы сказали, и я трижды Вам благодарен за Ваше искреннее, прямое слово, оно осветило мне дорогу, по которой я шел ощупью. Теперь думаю отложить всякое писание в сторону и заняться исключительно гравюрою, называемой аква-

форта, образчик которой Вам посылаю. Не осудите — чем богат, тем и рад. Этим не новым способом гравирования у нас никто не занимается, и мне пришлось делать опыты без посторонней помощи. Это мучительно трудно. Но, слава богу, первый шаг сделан. Теперь пойду смелее и быстрее и к будущей выставке надеюсь сделать что-нибудь посерьезнее и оконченнее. А кстати о выставке. В Академии выставлена теперь картина Иванова [1], о которой было много и писано, и говорено, и наделала синица шуму, а моря не зажгла. Вялое, сухое произведение. Повторился Овербек [2] в самом непривлекательном виде. Жаль, что это случилось с Ивановым, а не с каким-нибудь немцем, немцу бы это было к лицу. Бедный автор не выдержал приговора товарищей, умер, мир его трудолюбивой душе.

Посылаю моему великому другу невеликое новорожденное стихотворение и прошу его, чтобы он прочитал его Вам на досуге. Сегодня принимаюсь за новую доску, которой хочу передать одно из произведений великого Рембрандта.

Прощайте, глубокоуважаемый Сергей Тимофеевич. Трижды целую Вас и дом Ваш. Не забывайте искреннего Вашего

Т. Шевченка

1858.
15 июля.

На звороті:

Высокоблагородному
Сергею Тимофеевичу Аксакову.

131. До А. О. Лазаревської [1]

9 жовтня 1858 р., Петербург

Чтимая и глубокоуважаемая
Афанасия Алексеевна!

Ради самого бога и всех святых его, простите мне непростительную мою вину перед Вами. Уже прошел месяц, как я получил от сына Вашего Ивана [2] Ваше дорогое для меня письмо и, я просто одичал меж киргизами, и только по этому случаю простите мне, что я сегодня только отвечаю Вам. Другой причины я не знаю.

После долгого и тяжкого испытания (нехай воно і ворогам нашим не сниться) я не освоился еще с радостию свободы, не вошел еще в нормальную колею жизни, мне все еще кажется, что я в гостях, и на этом основании ничего не делаю и даже не отвечаю друзьям моим. Это другая и столько же уважительная причина моего запоздалого ответа. Простите мне великодушно, глубокоуважаемая Афанасия Алексеевна.

Благородных сыновей Ваших я привык называть моими родными братьями, позвольте же Вас называть моею родною, невиданною и искренне любимою матерью и примите сердечный сыновний поцелуй от глубоко любящего Вас

Т. Шевченка

Поздравляю Вас с днем Вашего святого ангела.

9 октября.
1858.
С.-Петербург.

На звороті:

Высокоблагородной
Афанасии Алексеевне Лазаревской.

132. До М. С. Щепкіна

13 листопада 1858 р., Петербург

Ноября 13, 1858 г.

Друже мій єдиний!

Як той щирий віл, запрягся я в роботу,— сплю на етюдах; з натурного класа і не вихожу,— так ніколи! Так ніколи, що якби не оце безгрішшя прокляте, то ніколи б було написать і тобі, мій друже єдиний, оцієї невеличкої цидули. Будь ласкав, вирви ти у того Кокорєва [1] як-небудь оті 100 карбованців та пришли мені. «Гугеноти» [2] ні на що послухать,— таке лихо! Запродав я був свої сочинения книгопродавцу Кожанчикову [3] за 2000 карбованців (та вже така моя вдача), що я замість грошей тілько облизався. Такий-то облизень і заставив мене потурбувать тебе оцією цидулою.

Посилаю тобі через художника Раєва [4] один екземпляр моєї послідньої гравюри: не здивуй — яка вдалась. Чи не

будеш ти часом у графа Алексея Сергеевича Уварова [5] або умисне побувай у його та подякуй йому за мене: гравюра ся напечатана на його гроші, спасибі йому! Поклонись Варваре Николаевне Репниной і привітай М. О. Максимовича, Сергея Тимофеевича тож. Стару свою, дітей і внучат тож. Бабста [6] і Кетчера тож, і всіх, кого побачиш, мною знаємих, тож.

Оставайся здоров, мій друже єдиний! Згадуй інколи тугого мовчана і іскреннього твого

Т. Шевченка

Адресуй: В С.-Петербург, в Большой Морской, дом графа Уварова. Его высокоблагородию Михаилу Матвеевичу Лазаревскому.

Кланяются тебе граф и графиня Толстые.

133. До М. О. Максимовича

22 листопада 1858 р., Петербург

22 ноября, 1858.
С.-Петербург.

Спасибі Вам, мій щирий, мій єдиний земляче, за Ваш шанобний лист, который я читаю, дивуюсь і не надивуюсь: чого б то мені, скажіть, будьте ласкаві, з своїми віршами плисти по суші, яко по морю під тим парусом! Хіба я Олег, нехай бог криє, або що? «Парус» у своєму універсалі перелічив всю слав'янську братію, а про нас і не згадав [1], спасибі йому. Ми вже, бач, дуже близькі родичі. Як наш батько горів, то їх батько руки грів. Не доводиться мені давать під парус свої вірші і того ради, що парус сей надуває заступник того вельможного князя, любителя березової каші [2]. Може, воно так і треба московській натурі. Та нам-то се дуже не вподобалося.

Отак-то! Не здивуйте, добродію, що не вволив я Вашої волі, діло се не жарти; самі маєте розум.

Книжник Кожанчиков заходився був печатать мою поезію, так шеф жандармів запретив. Возмутительна, каже. Отаке-то лихо. Добре, що я ще грошей од книжника не взяв. Попокліпав би очима, проциндривши чужі гроші.

Спасибі Вашій любій Марії Васильєвні за її ласкаве привітання. Перешліть їй, будьте ласкаві, оцей мій листочок

з невеличкими віршами. Та й оставайтеся здорові, нехай Вам бог помагає на все добре. Як побачите С. Т. Аксакова і М. С. Щепкіна, то поцілуйте сих старих дітей за мене тричі.

Згадуйте інколи щирого Вашого

Тараса Шевченка

134. До М. В. Максимович [1]

22 листопада 1858 р., Петербург

Вельми і вельми шанобная і любая моя
пані Мар'є Васильєвно!

Спасибі Вам, моє серце єдинеє, за Ваше щиро ласкаве привітання. Я думав, що Ви давно вже з Москві сумуєте, аж бачу, що Ви тепер по Михайловій горі [2] походжаєте, на сині гори поглядаєте, з Дніпром розмовляєте, та й мене, сірому одинокого на чужині, не забуваєте. Спасибі ж Вам ще раз, моє серце єдинеє.

Якби ще Ви згадали про те, що я просив Вас в Москві, та заходилися гарненько коло сего святого [діла], то ще було б так. А Ви, мабуть, уже і забули мою просьбу? То я ж Вам нагадаю. Я Вас просив, щоб Ви мене оженили. Оженіть, будьте ласкаві, а то як Ви не оженете, то й сам бог не оженить, так і пропаду бурлакою на чужині. На те літо, як бог поможе, я буду в Києві і на Михайловій горі, а Ви там де-небудь під явором або під вербою і поставте мою заквітчану княгиню, а я піду погулять та й зустріну її. Полюбимось, то й поберемося. Бачите, як просто й гарно. Зробіть же так, моє серце єдинеє, а я Вам тепер шлю, замість парчового очіпка, мій невеличкий «Сон», а літом привезу величенну поему, як зробите по моєму прошенію, а як же ні, то й ні.

[Далі подано вірш «Сон» («На панщині пшеницю жала...»)].

Не здивуйте, який удався. Не забудьте ж, моя голубко сизая, моєї великої просьби і мене, іскреннього Вашого

Т. Шевченка

С.-Петербург.
22 ноября 1858 года.

135. До М. С. Щепкіна

6 грудня 1858 р., Петербург

Благородний мій єдиний друже!

Де доткнеться до користі, до грошей, то я бачу, що твоя натура моїй сестра рідна, і соромлива, і боязлива. Чого се воно так? Мабуть, того, що гроші душу холодять, а наші душі бояться холоду. Повинно бути так. Кокорєв, як я бачу, забув про мої гроші, а нагадать йому нікому, проч тебе, а ти соромишся. Я думаю ось що зробить. Напиши ти Кокореву письмо та й адресуй його на моя ім'я, з передачею. Результат повинен буть такий. Я получу свої гроші і лично познакомлюся з цим замечательним чоловіком. Добре було б, якби ти так зробив, або видумай лучше.

Скажи мені, будь ласкав, що б з мене тепер було, якби був я оженився на моїй любій Тетясі? Пропащий чоловік, та й більш нічого.

Не пишеш ти мені, чи був у тебе художник Раєв з моєю новою гравюрою. І чи бачився ти з графом Алексеем Сергеевичем? Як не бачився, то побачся і подякуй йому од мене.

У нас тепер африканський актор [1], чудеса виробляє на сцені. Живого Шекспіра показує. Не знаю, чи поїде він до вас. А більше нового нема нічого.

Цілую твою жінку, дітей і внучаток, нехай здорові ростуть та щасливі будуть. Поцілуй Сергея Тимофеича за мене, і Кетчера, і Міна [2], і Максимовича, і всіх, кого знакомого побачиш.

Оставайся здоров, мій друже єдиний, не забувай мене, твого рідного брата

Т. Шевченка

1858. Декабря 6.

136. До Я. Г. Кухаренка

17 січня 1859 р., Петербург

1859.

Батьку отамане кошовий і мій єдиний друже!

Треба б було мені на тебе сердиться, та ні, розсердься ти перше на мене. Розсердься ти на мене за те, що я вторік ще аж у апрілі місяці получив твоє письмо ласкаве од М. М. Лазаревського та не промовив тобі й півслова й досі. Хоч би подякував за ті 10 карбованців, що ти во ім'я моє дав якомусь моєму братові Петрові Шевченку. Спасибі тобі, мій друже єдиний! У мене єсть брати Микита й Йосип, а Петра нема. Бог його знає, відкіля він узявся? Та дарма! Нехай собі здоровий буде. А ти здоровий і багатий. Не сердься ж на мене, мій друже єдиний, що я й досі до тебе не написав хоч на клаптику паперу. Якби сказать, що ніколи було, то таке слово смерділо б брехнею, а я не пошлю тобі смердячого слова.

А тепер я захожусь сердиться на тебе, отамане, наш батьку кошовий! Мабуть, ти давно в землях християнських не бував і доброї мови християнської не чував, що зовеш мене з а к а д и ш н и м другом. Чи ж чути було коли-небудь меж християнами таке бридке, паскудне слово? Мабуть, ти, батьку, забув нашу християнську мову і дощенту побусурменився? Та дарма! Зови як знаєш, тільки не забувай твого іскреннього

Т. Ш е в ч е н к а

17 января 1859 года.
С.-Петербург.

У нас тут складається «Хата» [1], то чи нема часом у тебе якої доброї деревини на крокву або й сволок. Як є, то присилай її на ім'я П. А. Куліша або в Академію художеств Т. Г. Шевченку. Поцілуй тричі за мене свою стару і своїх діточок.

Не сердься на мене, мій друже єдиний, що я тобі пишу так небагато. Я ще й досі не одпочив після тії проклятої

неволі. Як одпочину, то напишу тобі за одним заходом аркуш або й два.

Чи ти читав «Оповідання» Марка Вовчка? Як не читав, то я пришлю тобі.

137. До М. В. Максимович

25 березня 1859 р., Петербург

25 марта 1859 г.

Сьогодні був я у Александры Михайловны [1]. Вона мені показувала Ваше последнее письмо до неї. Спасибі Вам, моє серденько, що Ви мене згадуєте і не забуваєте моєї просьби. Спасибі Вам ще раз і ще раз. Як бог поможе мені до мая місяця кончить мої діла з цензурою, то насиплю повну кишеню грошей та й чкурну через Москву прямо на Михайлову гору. Добре, дуже б добре було, якби-то воно так сталося, як гадається. Та вже нехай як буде, так і буде, а я хоч без грошей придибаю-таки до Вас сим літом, та як бог та Ви поможете, то, може, й одружуся. Якби-то так сталося, дуже добре було б. Аж страх обісіло вже мені бурлакувати. На сей раз посилаю Вам свій патрет, тілько Ви його не показуйте моїй молодій, а то злякається. Оставайтеся здорові, нехай Вам бог поможе на все добре. Згадуйте інколи іскреннього Вашого

Т. Шевченка

Передайте моїй будущій молодій княгині оцю невеличку і не весільну пісеньку:

[Далі текст вірша «Якби мені черевички...»]

От вам і друга невеличка:

[Далі текст вірша «Якби мені, мамо, намисто...»].

Поздоровляю Вас з святим великоднем!

Фотограф збрехав, не приніс мені портрета. Нехай до другого разу. А на сей раз скажіте їй, що я лисий і сивоусий, то вона, сердешна, і так злякається.

Як буде ласка написать до мене, то напишіть усе гарненько і дрібненько та й адресуйте в С.-Петербург, а Академію художеств, такому-то, цебто мені.

25. мая.

Спасибі тобі моя
доню любая моя єди-
ная що ты мене хоч
у Дрездени згадала. А
ще й досі тут, не пуска-
ють до дому. Печатать не-
дають. Незнаю що й робить
Чи не повіситься часом? —
Ни не повишусь, — а втечу
у Украину, оженюсь и вернусь.
Ех якъ умитий въ столи-
цю. Коли вы вернетесь до
нас? Якби через рік то
дуже добре було б. Ох Ка-
зачинко вашъ я бачивъ
позавчора, и вінъ мене
нічого не казавъ про леда-
щицю. Рідненько моє!

Автограф листа Т. Г. Шевченка до Марка Вовчка від 25 травня 1859 року.

138. До М. В. Максимович

10 травня 1859 р. Петербург

1859. 10 мая.

Воістину Христос воскрес!

Мій любий, мій єдиний друже! Спасибі вам, моє серденько, за ваше щиреє, ласкавеє письмо. В той самий день, як я получив його, заходився клопотать о паспорті, та й досі ще не знаю, чи дадуть мені його, чи ні. Перше в столицю не пускали, а тепер з цієї смердячої столиці не випускають. Доки вони будуть знущатися надо мною? Я не знаю, що мені робить і що почать. Утекти хіба нищечком до вас та, одружившися, у вас і заховаться. Здається, що я так і зроблю. До 15 мая ждатиму паспорта, а там що буде, то нехай те й буде. А поки що буде, посилаю вам свій портрет, тілько, будьте ласкаві, не показуйте портрет дівчатам, а то вони злякаються, подумають, що я гайдамацький батько, та ні одна й заміж не піде за такого паливоду. А тим часом одній, найкращій, скажіть тихенько, щоб рушники дбала та щоб на своєму огороді гарбузів не сажала. Так що ж, позичить, як на своєму не посадить. О! бодай таки сусіди одцурались!

Оставайтеся здорові, мій любий, мій єдиний друже! В маї або в іюні побачимось, а поки що де набачите, що гарбузи посажені, то так з коренем і виривайте.

Іскренній Ваш Т. Шевченко

139. До Марка Вовчка (М. О. Маркович)

25 травня 1859 р., Петербург

25 мая.

Спасибі тобі, моя доню любая, моя єдиная, що ти мене хоч у Дрездені [1] згадала. Я ще й досі тут — не пускають додому. Печатать не дають. Не знаю, що й робить. Чи не повіситься часом? Ні, не повішусь, а втечу на Україну, оженюсь і вернуся, як умитий, в столицю. Коли ви вернетесь до нас? Якби через рік, то дуже добре було б. З Кожанчиковим я бачився позавчора, і він мені нічого не казав про «Ледащицю» [2]. Серденько моє! Не посилайте

поки що нічого отим книгарям — поки вас лихо не прискріпало. Бо вони не бачать, а носом чують наші злидні, а втім, робіть, як самі знаєте. Восени буде у нас свій журнал [3] під редакцією Білозерського і Макарова. Підождіть трошки. А поки що нехай вам бог помагає на все добре. Тричі цілую вас і вашого Богдася [4]. Амінь.

Т. Шевченко

Як матимете час, то пишіть до мене через Каменецького, бо він знатиме, де я повертаюсь.

140. До М. М. Лазаревського

10 липня 1859 р., с. Межирічі [1]

10 июля.

Спасибі тобі за твоє письмо і за письмо Марии Александровны. Я оце думаю їхать у Гирівку [2], добре було б, якби й ти туди хоч к половині августа приїхав, а раньше — то ще лучше, лучше б. А поки те буде, пошли мій коротенький лист Марии Александровне. Та щоб недаром німці папір возили, то напиши і ти їй на другім, чистім, боці, вона, я знаю, буде дуже, дуже рада.

Добре було б, якби ти побачився з Кожанчиковим та розпитав би його про ту прокляту цензуру. Як побачиш Костомарова, то поцілуй його за мене, Каменецького теж, а Александру Ивановну [3] аж тричі. Оставайся здоров! Нехай тобі бог помагає на все добре.

Т. Шевченко

Чи граф Федір Петрович в Академії, чи ні?

141. До В. Г. Шевченка [1]

13 липня 1859 р., с. Межирічі

Я не дождався Парчевського [2], то й не зробив нічого, тілько купив гербового паперу; а на папері тім пишіть вже Ви, що знаєте і що Вам бог на розум пошле. Оставайтеся здорові; нехай Вам бог допомагає на все добре. Щирий брат Ваш

Т. Шевченко

Июль, 13, 1859.

142. До М. В. і М. О. Максимовичів

22 липня 1859 р., Мошни

Мошны [1].
22 июля.
1859.

Мои единые други!

Я опинився аж у Мошнах, а чого я тут опинився, про те скажу Вам, як побачимось, а на сей раз вручителю сего вручите мои вещи, і гроші, і сорочку, як пошита, і бриль. Може, я ще заїду до Вас, як вертатимусь у Петербург, а може, й ні, я ще й сам добре не знаю. Оставайтеся здорові! Нехай Вам бог помагає на все добре. На той рік, може, буду вашим сусідом, а поки що не забувайте щирого Вашого

Т. Шевченка

А саквояж Ваш я таки трохи попом'яв. Вибачайте!

На звороті:

В Прохоровке.
Ее превосходительству
Марье Васильевне Максимович.
Или Михайлу Александровичу Максимовичу.

143. До М. В. і М. О. Максимовичів

26 липня 1859 р., Мошни

Други мои единые!

По требованию начальства я завтра буду в Києві. Добре б Ви зробили, якби й Ви рушили в Київ. Помолилися б богу і за одним заходом зо мною б побачилися, бо на Михайловій горі, не знаю, чи швидко нам доведеться бачитися. А тим часом нехай Вам добро сниться.

Не забувайте

Т. Шевченка

1859.
26 июля.
Мошны.

На звороті:

Ее превосходительству
Марии Васильевне Максимович.
В Прохоровке.

144. До В. Г. Шевченка

20 серпня 1859 р., Прилуки.

20 августа.
Прилуки.

14 августа вирвався я з того святого Києва і простую тепер не оглядаючись до Петербурга. А проїжджаючи Пирятинський повіт, я прочув, що в Кочубеєвих добрах не було добра та й не буде. Отой Ракович, що писав до тебе, посадив у Згурівці свого приятеля, якогось п'яницю і здирцю Браньковича. Тепер він тільки що приймається управлять. Цур йому, тому Кочубеєві! Ладнай з отим жидом, що ти казав мені, лучче буде.

Чи ти зробив що з Вольським? [1] Як ні, то зроби, як умієш і як тобі бог поможе, бо мені і вдень і вночі сниться ота благодать над Дніпром, що ми з тобою оглядали.

Не здивуй, що я так мало пишу тобі. Ніколи. Сьогодні рушаю в Конотоп. Напиши мені в Петербург по тому адресу, що єсть у тебе. А тим часом цілую тебе, сестру і ваших діточок. Оставайся здоров.

Щирий брат твій Т. Шевченко

145. До В. Г. Шевченка

10 вересня 1859 р., Петербург

С.-Петербург, 1859, 10 сентября.

7 сентября вранці приїхав я в Петербург і прочитав твоє письмо у М. М. Лазаревського. Пишеш, що тебе не було дома, що ти хлопців возив у Херсон. Добре зробив єси! Та тілько чи притокмив ти їх у те училище торгового мореплаванія? Якщо притокмив, то молися богу та лягай спати: з хлопців будуть люде... тілько треба спать на одно око.

Пишеш, що бачився з Парчевським; і я з ним бачився в Черкасах. Те саме він і мені говорив, що й тобі; нехай собі робить, як знає, а ти, мій рідний брате, зроби так, як умієш і як тобі бог допоможе. Продать він землі тієї не волен, а законтрактувать на 25 літ волен з согласія опеки. Якби ти побачився з Вольським, та з ним добре поговорив, та умовився! Та вже там роби, як знаєш і умієш, та тілько зроби, бо мені й досі сниться Дніпро і темний ліс попід горою. Контрактуй на своє ім'я: на сей случай я оставив письмо у Вольського і аркуш гербового паперу в 90 коп.

На тім тижні у мене будуть гроші, то як треба буде, то я зараз і пошлю тобі. Добре було б, якби Йосип або Микита взялися за постройку, веселіше б гроші платить. Якби ти побачився з ними. Як побачиш Дзендзеновського, Липомана і Грудзинського і його стару матір, то поцілуй їх всіх за мене.

Чи ти получив моє письмо з Прилук?

Пришли мені оту маленьку книжечку і клаптики з нею; хоч перепиши; мені розрішено друкувать, то книжечка та тепер мені треба.

Посилаю Рузі [1] не всеобщую историю, а «Робінзона Крузо»; для языка се буде лучче. Історію пришлю на той рік або сам привезу.

Сестру, тебе і всіх діточок ваших тричі цілую. Оставайся здоров. Нехай тобі бог помагає на все добре.

Брат Т. Шевченко

146. До В. В. Тарновського (молодшого) [1]

28 вересня 1859 р., Петербург

Любий мій Василь Васильєвич!

Якби не трапилися Ви або я до Вас не заїхав, то довелося б мені в Москві захряснуть на безгрішші. А тепер, спасибі Вам і моїй неледачій долі, тепер я в Петербурге неначе в своїй господі. Вчора бачився я з Вашим батьком і матір'ю і з моєю кумасею [2]. Ви їх ще не швидко побачите дома. Посилаю Вам з братом Вашим [3] письмо оце і по четыре экземпляра моєї роботи, а один любому невеличкому Горленяткові [4]. Перешліть йому, будьте ласкаві. Та напишіть, щоб воно не забувало обіцянки. Як побачите Іванишева і Селіна [5], то поцілуйте їх за мене.

Нехай Вам бог помага на все добре.

Щирий Ваш Т. Шевченко

1859.
Сентября 28.

147. До М. В. і М. О. Максимовичів

9 жовтня 1859 р., Петербург

1859. 9 октября.

Мої любії, мої єдиніі друзі!

Чи ви ще й досі, на Михайловій горі гуляючи, дивитесь на задніпрянські гори? Благо Вам, мої єдині друзі! Я вже

другий місяць як гнию в петербурзькому болоті, та тільки сьогодні урвав швидкий час, щоб написать Вам хоч тільки те, що я живий і здоровий. До 16 августа я піджидав Вас у Києві, а потім як чкурнув, то через тиждень і дома опинився. А тепер сижу собі, работаю та згадую собачого сина черкаського ісправника Табашникова[1] та іноді мошнянських панночок. Щоб женихи снилися!

На те літо, як бог поможе, побачимось, то розкажу Вам дрібненько все, що робили з мене в Києві, а тепер ніколи.

Пишіть до мене, як буде ласка, так: В С.-Петербург. В Большой Морской, в доме графа Уварова. Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.

Бувайте здорові та веселі, поклоніться низенько од мене старим Деркачам[2] та задніпрянським горам.

Не забувайте щирого Вашого друга

Т. Шевченка

148. До І. М. Сошенка[1]

9 жовтня 1859 р., Петербург

1859. 9 октября.

Посилаю тобі, мій іскренній друже, дещо моєї нікчемної роботи. А любій панночці Ганнусі[2], замість мазурок Шопена — наші пісні[3]. Нехай грає та виспівує, та не радиться з панною Валентиною[4], вона її доброму не научить.

Напиши мені свій адрес і напиши, як зовуть пана і пані Красковських[5] і як зовуть Чалого і Чалиху[6]. Андрієвському[7] сам занеси рисунок і гарненько поклонись йому од мене.

Не забувай іскреннього твого друга

Т. Шевченка

Адрес: В С.-Петербург. В Большой Морской, в доме графа Уварова. Его высокоблагородию Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.

149. До Н. В. Тарновської

22 жовтня 1859 р., Петербург

Кумасю, серце моє!

Увечері я буду у Карташевських[1]. Ще на тім тижні обіцяно. Як матиму час, то прийду обідать, і поговоримо.

А поки що прийміть, моє серденько, моя єдиная кумасю! оцей нікчемний рисунок на згадування 8 октября 1859 року.

Оставайтеся здорові!

І кум, і друг, і брат Ваш щирий

Т. Шевченко

22 октября.
1859.

150. До В. Г. Шевченка

2 листопада 1859 р., Петербург

1859 г., 2 ноября.

Ще позавчора передано мені твоє і Прісине письмо, а я тільки сьогодні заходився одвітувать. За лежнею, бачиш, ніколи й посидіть. Погане ти пишеш про мою справу. Вольський, я знаю, добрий і щирий чолов'яга, та чи вдіє він що в цій справі? От що! Я пишу йому, а ти, будь ласкав, перешли або сам, як матимеш час, передай йому письмо моє. Нехай він тобі просто скаже: чи буде що з сього, чи ні? А поки каша, то будемо масла добувать. У мене думка ось яка: яка твоя на сеє буде порада? Поки що буде, купить би у Вольського дубів 40 лісу, вирубать, та й нехай би собі сохне. А скласти його можна коло Пекарів[1], на Росі, на жидівській лісній пристані і пильні. Як ти думаєш: чи до ладу воно буде? Якщо до ладу, то хутенько напиши мені, то я зараз і гроші вишлю. Чи так, чи сяк, а денебудь треба зупиниться. В Петербурзі я не всижу, він мене задушить. Нудьга така, що нехай бог боронить всякого і хрещеного, і нехрещеного чоловіка.

Чи Хариту[2] ще не приходив ніхто з нагаєм сватать? Якщо ні, то спитай у неї нишком, чи не дала б вона за мене рушників? Або нехай сестра[3] спитає, се жіноча річ. Оті одуковані та не одрюковані панночки у мене в зубах зав'язли. Нехворощ!.. та й більш нічого!

А тим часом прошу твоєї щирої братньої поради — і перше так було, а тепер аж надто стало тяжко на самоті. Якби не робота, то я давно одурів би; а тим часом не знаю сам, для кого і для чого роблю. Слава мені не помага, і мені здається, як не заведу свого кишла, то вона мене і вдруге поведе Макарові телята пасти... Харитина мені дуже, дуже подобалась. Порадься з своєю жінкою, а з моєю се-

строю, то й мені раду дайте. А поки що, нехай вам бог помагає на все добре.

Щирий твій друг і брат Т. Шевченко

Напиши Прісі, що як буде добре вчиться та не пустовать, то я ще кращий пришлю їй подарунок.

Нащот отієї книжечки [4] ти сказав правду, і спасибі тобі!

Ще ось що: може, Харита скаже, що вона вбога, сирота, наймичка, а я багатий та гордий, то ти скажи їй, що в мене багато дечого нема, а часом і чистої сорочки; а гордості та пихи я ще в моєї матері позичив, у мужички, у безталанної крепачки.

Чи так, чи сяк, а я повинен ожениться, а то проклята нудьга зжене мене з світа. Ярина сестра обіцяла найти мені дівчину в Кериловці; та яку ще вона найде? А Харитина сама найшлась. Навчи ж її і врозуми, що вона безталанною зо мною не буде.

Максимович у Прохорівці уступає мені таке саме добро, як і в Парчевського, тілько що не коло Дніпра, от моє лихо! Видко Дніпро, та здалека, а мені його треба коло порогу. Ні вже! нехай Вольський хоч чорта перескочить, а мені дружбу докаже. А нащот дубового лісу, як ти лучче придумаєш, так і зроби. Низенько кланяюся сестрі і цілую тричі Йосипка.

151. До В. М. Лазаревського

11 листопада 1859 р., Петербург

Шлю Вам дві «Блудниці» [1], обидві недороблені; у гості до Вас не поїду, не можна, ніколи байдикувать, треба трохи полежать. Ви казали, що в Вас єсть якась зелена рясна рослина на шталт хмелю чи винограду. Вручіть її вручителю «Блудниць», а я, неблудний, скажу Вам спасибі.

P. S. А хміль таки хмелем!

На звороті:

Превысокоблагородному
Василию Матвеевичу Лазаревскому.

152. До П. Ф. Симиренка [1]

26 листопада 1859 р., Петербург

С.-Петербург, 26 ноября, 1859.

Милостивый государь Платон Федорович!

Сегодня получил я мои сочинения из Цензурного комитета, сильно пострадавшие от долговременной пытки. Пострадавшие так, что издатель соглашается их напечатать на условии, на которое я не могу и не должен согласиться. Ваше благородное предложение приму я теперь, как благодеяние, с глубочайшей благодарностию. Издание будет стоить 1100 рублей. Если вы согласитесь получить Ваши деньги экземплярами книги, для меня это будет легче. Если же деньгами, то я не обещаюсь вам уплатить ближе году с десятым процентом. Делайте, как Вам бог на мысль положит. Книга выйдет из типографии к Новому году.

Я слышал, что здоровье Кондрата Михайловича [2] после его путешествия значительно восстановилось. Дай бог. Свидетельствую ему мое глубочайшее уважение. Поклонитесь от меня Федору Степановичу [3], Настасии Михайловне [4] и трижды — Татьяне Ивановне [5]. У Вас теперь в самом разгаре сахарное дело, и если не будете иметь время написать мне, то поручите это дело Алексею Ивановичу [6]. Примите мое глубокое почтение.

Ваш покорный слуга Т. Шевченко

Мой адрес: С.-Петербург, в Большой Морской улице, дом графа Уварова. Его высокоблагородию Михайлу Матвеевичу Лазаревскому.

153. До О. І. Хропаля

26 листопада 1859 р., Петербург

Щиро шануємий і многоуважаемый Алексій Іванович!

Мені оце прийшлось до скруту: сьогодні цензура випустила із своїх пазурів мої безталаннії думи [1], та так, проклята, одчистила, що я ледве пізнав свої діточки, а издатель [2], кацапська душа, половини не дає того, що я прошу і що мені притьмом треба. З таким моїм лихом я оце до Вас з Платоном Федоровичем: вишліть мені, будьте ласкаві, 1100 карбованців, і я Вам з великою дякою пришлю к Новому року екземплярів книги на такую сумму або

через рік гроші з невеликим процентом. Зробіть, як знаєте і як Вам бог на розум положе. Поклоніться од мене тричі Кондрату Михайловичу, Федору Степановичу і всім, і всім! Титарівну [3] ж тричі поцілуйте за мене, нехай воно здорове росте та щасливе буде! Оставайтесь здорові! Нехай Вам бог помагає на все добре!

Не забувайте іскреннього Вашого

Т. Шевченка

P. S. Як побачите Табачникова, то заплюйте йому всю його собачу морду. Диво мені, що таку подлую гнусную тварь земля носить. Другим разом я Вам напишу, що він хотів зо мною зробить.

154. До В. Г. Шевченка

7 грудня 1859 р., Петербург

7 декабря.

Не було в куми і запаски, аж глядь — кума у плахті походжає. То так оце і з твоїми письмами сталося: вчора одно, а сьогодні друге. Спасибі тобі, мій рідний брате! мій друже єдиний! за твою турбацію. Вольський мені пише, що тепер зробить нічого не можна. Пек йому, тому шепотинникові Парчевському, може, той клапоть од нас не втече. А поки що торгуйся якомога з Понятовським [1] через того старого економа. У Києві у мене нема нікого такого, щоб хто добре знав Понятовського; пошукаю, чи не найду тут. Багатих усюди знають. Ще ось що: напиши мені, чи багато там землі у тій Забарі? Яка вона? Чи можна буде садочок розвести, та ще щоб справді сердитий Дніпро не пошкодив? Розпитайся гарненько. До Чижова [2] я завтра сам напишу або попрошу його великого приятеля Галагана: йому він щиріше скаже, як мені.

Тепер о Хариті. Твоя порада добра. Спасибі тобі. Та тільки забув ось що, а ти це добре знаєш: я по плоті і духу син і рідний брат нашого безталанного народу. То й як же себе поєднать з собачою панською кров'ю? Та й що та панночка одукована робитиме в моїй мужицькій хаті! З нудьги пропаде та й мені укоротить недовгого віку. Так-то, брате мій! друже мій єдиний!

Харита мені подобалася, хоч я її і назирки бачив; нехай ще сестра Ярина подивиться на неї, та що вона скаже, то так воно й буде. Мати — всюди однакова мати. Коли розумна та щира, то й діти вийдуть в люди, хоч попідтин-

ню; а хоч і одукована, та без розуму, без серця, то й діти виростуть, як те ледащо в шинку.

У тебе, здається, годується кабан в сажі. Я бачив, як Харита йому їсти носила, і ти, певно, заколеш його к святкам, то пришли мені по пошті 20 фунтів ковбас, бо я лучче тричі в німця пострижусь і всю пилипівку буду м'ясо їсти, як матиму німецькими ковбасами розговлятьсѧ. Та щоб ковбаси були такі самі, як ми з тобою їли на меду у Гната Бондаренка[3], під яблунею сидячи. Нагадай лиш добре. Та якби до ковбас та ще й сала додать, то воно б дуже добре було! На се добре діло посилаю тобі 10 карбованців: решту оддай сестрі Ярині.

К Новому року вийдуть печатні мої сочиненія (не всі). Я через тебе пошлю чотири книжки Алексію Івановичу Хропалю, то тоді він тобі й скаже, як і що робить, а до того я й йому напишу.

Ще ось що: спасибі тобі, що ти зовеш на пораду і на розглядини сестру Ярину. Що ж вона побачить? Те, що й я бачив: Хариту та й більш нічого! А якби твоя жінка, а моя сестра, сказала слово, то це б було до ладу. Попроси її — нехай скаже, нехай порадиться.

А поки що буде — нехай бог шле добре здоров'я і жінці, і діточкам твоїм. Оставайся здоровий та швидше пиши до мене, до твого іскреннього друга і брата

Т. Шевченка

О людській волі я розпитував; але ніхто нічого не знає, коли, як і що з того буде.

А дубового і ясенового дерева треба купить і вирубать, нехай собі лежить та сохне, поки що буде.

155. До О. О. Оболонського

Вересень, 1859 — 1 серпня 1860 р. Петербург

Милостивый государь Александр Демьянович! [1]

Стихотворения, которые вам нравятся, выпишите из прилагаемой рукописи; я не имею времени. Рукопись оставьте у себя до будущей субботы.

Ваш покорный слуга Т. Шевченко

Предложите перевести Курочкину [2] то, что вы найдете удобопереводимым.

156. До П. Ф. Симиренка

3 січня 1860 р., Петербург

С Новым годом поздравляю Вас и весь завод Ваш с механическими мастерскими, с паровым млином, с садом и со всем добром, сущим коло Вас. А в особенности поздравляю с Новым годом Кондрата Михайловича, Федора Степановича и Настасью Михайловну. Нехай їм бог шле довгий вік і добре здоров'я.

Спасибі вам за Ваше письмо, двічі спасибі Вам за 1100 карбованців. Я получив їх од г. Гротина 31 декабря уже минувшего года. Искренно благодарю Вас. 15 або 20 генваря выпустится книга из типографии і в той же день пошлются экземпляры Савве Дмитриевичу Пурлевскому [1], а не цензурный экземпляр Вам доставит брат Варфоломей. Ще ось що! Хто подає, то у того і просять. Примкніть, во ім'я божіе, мого брата коло свого завода, хоч коло буряків; а він це діло дуже добре тямить. Йому так обрид отой нікчемний світлійший з своєю німотою, що він помандрував би на край світа, якби було можна і жінку з дітками у торбу покласти. Во ім'я божіе, привітайте його коло себе! Чоловік він не дуже дурний і не дуже розумний, а дуже, дуже щирий. У вас в заводі єсть школа, а в його малі діти, то воно дуже до ладу б було. Во ім'я святого просвіщенія, привітайте його.

Свидетельствую глубочайшее почтение Татьяні Івановні і трижди цілую ваших діточок.

Іскренній Ваш Т. Шевченко

(Трижды кланяюсь Алексею Ивановичу).

157. До В. Г. Шевченка

12 січня 1860 р., Петербург

С.-Петербург, 12 генваря 1860 г.

Насилу я дождався твого письма; я вже думав, що ти, крий боже! занедужав або принаймні на Бессарабію помандрував. За ковбаси і сало спасибі тобі; а як получу та

покоштую, то ще раз скажу: спасибі! Думаю, що вони такі самі будуть, як і ті, що ми з тобою колись під яблунею вкушали. Мені байдуже, що ми вже не ті стали, аби ковбаси не старілися, а з ними і ми помолодіємо; коли б тільки нам отой хутір придбать та поєднать Хариту. Дуже, дуже я зрадів, що вона вподобалась Ярині. Чи Ярина ще й досі у тебе гостює? Якщо й досі, то нехай би вона нишком, по-своєму спитала Хариту, а ти б мені написав те слово, або сам спитай, що вона скаже.

Вольський мені пише, що Пекарі будуть Змієвського [1]. Мені самому здається, що він моторненький панок; я з ним бачився в Черкасах. Нехай і буде добра надія. А з Понятовським тепер треба зробить; його вже прошено.

Мені самому здається, що лучче взять на посесію; а тим часом роби, як тебе бог навчить; якщо треба буде грошей, то пиши. На тім тижні вийде моя книга, то будуть і гроші. А дубового лісу все-таки треба купить заздалегідь, нехай собі сохне. Писав я позавчора про тебе до Симиренка; не знаю, що він тобі скаже. Як получиш мого «Кобзаря», то одвезеш їм усім по книжці, то, може, вони й поласкавішають.

Другим разом напишу тобі більше, а тепер бувай здоров; поцілуй за мене сестру Ярину, Катерину, свою жінку і своїх діточок. Оставайся здоровий. Не забувай іскреннього твого друга і брата

Т. Шевченка

158. До В. Г. Шевченка

24 січня 1860 р., Петербург

Одвези сам книжки в Городище і оддай своїми руками; в Кериловку перешли, а п'ять книжок роздай, кому сам знаєш. Та пиши мені, бо я вже аж утомився, ждучи твого листу.

159. До А. Й. Козачковського

24 січня 1860 р., Петербург

Андрей Осипович!

Будьте ласкаві, перешліть три екземпляри в Прохоровку на ім'я Максимовича Михайла Александровича, а

один екземпляр передайте Тарасевичу. А за це я Вам подякую так, як за оті карасі та лящі дніпрові.

Щирий Ваш Т. Шевченко

24 генваря.
1860.

160. До В. Г. Шевченка

1 лютого 1860 р., Петербург

1860. Февраля 1.

Ти мені дуже нашвидку писав, а я тобі оце навзаводи пишу,— ніколи. Ось що! Чи получив ти моє письмо і «Кобзаря»? Чи був ти у Городищі? Чи бачився з П. Ф. Симиренком? Якщо бачився, то напиши мені, що він тобі сказав. Та ще ось що: напиши мені гарненько, що то за пан Трощинський? [1]. Де той Кагарлик і що то за грунт, що він нам пропонує, що він коштує? Я се літо до тебе не приїду, ніколи,— роби, як сам знаєш, о грошах не турбуйся. «Кобзар» добрий чинш платить, спасибі йому. Та напиши мені хоч півслова о Хариті; вона мені спать не дає. Оставайся здоров. Цілую твою жінку і твоїх діточок.

Т. Шевченко

Як матимеш час, то сам одвези письмо Платону Федоровичу, а ні, то одішли.

161. До П. Ф. Симиренка

1 лютого 1860 р., Петербург

1860. 1 февраля.

Платон Федорович!

Сегодня просьба моя к Вам такого содержания. Редактор журнала «Народное чтение» [1], желая поместить в своем журнале краткую биографию Кондрата Михайловича и Федора Степановича, обратился ко мне, как к лично их знающему. Я ничего не знаю. Да если бы и знал, то без їх волі нічого б не сказав. Спитайте ж Ви їх, і як буде на се їх воля, то коротесенько напишіть мені одні тільки факти і пришліть брошюру о Вашем заводе. На сей раз годі, ніколи, вибачайте. Кланяюся Татьяні Івановні і цілую Ваших діточок.

Т. Шевченко

Чи получили Ви «Кобзаря»? Недодрукований екземпляр, може, я Вам сам привезу.

На звороті:

Благородному Платону Федоровичу Симиренку.

162. До В. Г. Шевченка

1—18 лютого 1860 р., Пстербург

Прочитай оце письмо та, помірковавши гарненько, запечатай, та або сам одвези, або одішли, або під лаву кинь. Та ще! Нехай Харита, добре подумавши, скаже: чи піде вона за мене, чи ні? Чи бачився ти з П. Ф. Симиренком? Та напиши, чи той грунт у Трощинського над самим Дніпром? Бо як не над Дніпром, то мені й за копу його не треба! Ще як скаже Харита, що піде за мене, то прийми ти її в своїй хаті, як рідну сестру. Нехай вона, сердешна, од наймів трохи одпочине. На харч і її одежу я тобі вишлю гроші. Попроси за мене і сестру мою, а свою жінку, щоб і вона її привітала. Тричі спасибі тобі за Васю [1]. Як побачиш брата Йосипа, то скажи йому, нехай очунює та заходжується мені хату ставить.

А о волі ще й досі не чуть нічого доброго.

Напиши мені, чи є в Харити батько або мати, чи крепачка вона, чи вольна. Коли крепачка, то чия, і яка плата за її волю.

163. До М. Я. Макарова [1]

7 лютого 1860 р., Петербург

Дознайтесь, будьте ласкаві, чи буде дома завтра ввечері Варвара Яковлевна [2]. Якщо буде, то і я до неї прибуду з І. С. Тургенєвим [3]. І Ви прибувайте, як матимете час. Оставайтеся здорові та не забудьте завтра вранці оповістить мене, іскреннього Вашого

Т. Шевченка

7 февраля.

На звороті:

Высокоблагородному Николаю Яковлевичу Макарову.

164. До В. Г. Шевченка

18 лютого 1860 р., Петербург

18 лютого.

Напиши мені швиденько адрес жаботинського і кериловського пана [1], як його зовуть і що воно таке. Та напиши, як зовуть синів брата Микити, брата Йосипа і сестри Ярини. Жінки й дівчата уже не панщане, а про чоловіків, парубків і хлопців ще нічого не чуть, і за грунти теж.

Та напиши мені гарненько, як і що зробив ти з Трощинським. Якщо добре зроблено о грунті, то дбай дубовий, берестовий, ясеновий, кленовий і липовий ліс і пиши о грошах.

Чи бачився ти з Симиренком, і що він тобі сказав? Посилаю тобі нашвидку зроблений план хати. Поміркуй і роби, як сам добре знаєш. Мені тільки треба, щоб робоча була дубова та круглий ганок скляний на Дніпро.

Спитай у Харити, що вона скаже, щоб я знав, що мені думать і що робить. На се літо я не приїду до вас, роби, як сам здоров знаєш, а я тобі скажу спасибі.

Чи получив ти «Кобзаря» і письмо Трощинському? У Кериловської був; вона нездужа, і я її не бачив, а Маню тричі поціловав за тебе і один фунт добрих конфет оддав.

Ще раз прошу тебе: спитай у Харити, що вона скаже, і напиши мені швиденько.

«Русская газета» [2] запрещена. Послав я тобі «Современник» і «Народное чтение», чи получив? Послав я тобі ненадписаних п'ять книжок «Кобзаря». Може, тобі ще треба буде, то напиши, бо його швидко й не стане. Пани дуже кривляться на сліпого старця.

Ще раз благаю тебе: напиши, що скаже Харита. Оставайся здоров! Цілую тричі твою жінку і твого Йосипка, Ганулю, Прісю, Андрійка, Каленика [3] і тебе, мій щирий брате і друже!

Ти б добре зробив, якби мені прислав ковбас, а то я захляв без сього добра.

165. До В. Г. Шевченка

23 березня 1860 р., Петербург

23 марта.

Чого се ти замовк, мов тобі защипило? Чи не завадила тобі ота казань, що ти для мене так мудро скомпонував?

Спасибі тобі, брате мій рідний, друже мій єдиний! Брехня цьому! Я тільки не фарисей, не ідолопоклонник такий, як оті християни — сіпаки і брехуни. Собака погавка, а вітер рознесе.

В послідньому письмі просив я тебе, щоб ти мені швиденько написав о Микиті, Йосипі і Ярині і об їх дітях і грунтах. Робота моя аж шкварчить, а ти анітелень!

Чи ти вмер, чи тільки ще занедужав? Чи, може, крий боже, запишався? Пиши ж мені все, та пиши гарненько.

А надто о Хариті: чи ти казав їй про мене, і що вона тобі сказала? Будь ласкав, поверни цим ділом на мою руку, а то не втерплю — одружусь з такою шерепою, що і тобі сором буде.

Ще ось що: як будуть питать брата Йосипа, на чиїм він грунті живе, то нехай скаже — на своїм. За грунти положена якась плата, то сестрі Катерині доведеться потім платить, а тепер Йосипові без плати оддадуть. А тим часом не знаю, як ще воно зробиться.

Чи ти зробив що з Понятовським або з Трощинським? Якщо ні, то чи не зробиш чого з Змієвським? От би добре було! А дубового, кленового, липового й осинового — певне, не придбав?

Що тобі бог послав, чи дочку, чи сина? Зови мене в куми.

Чи получаєш ти книжки, що я тобі посилаю?

Яке здоров'я твоєї жінки, а моєї сестри?

Чи приїдуть твої хлопці і дівчата на святки додому? Для Прісі єсть у мене гостинець, та нехай перше прочитає добре «Робінзона Крузо».

Чи Вася вже вчиться письму?

Бувай здоровий з жінкою і з діточками. Пиши до мене швидче, бо я трохи не одурів, ждучи твого письма о братах і о Хариті.

166. До Я. Г. Кухаренка

25 березня 1860 р., Петербург

1860 року, 25 марта.

Батьку отамане кошовий!

Посилаю тобі к великодню замість писанки «Хату». І не журнал, а тільки альманах, попередник нашого будущого журнала «Основа» [1]. Начнеться він з того року. Збирай,

батьку, чорноморську запорозьку старовину та присилай на моє ім'я, а я передаватиму в редакцію. Треба б багато дечого тобі написать, та ніколи, нехай другим разом, лучшим часом. Цілую твою жінку і твох діточок, а тебе аж тричі. Згадуй інколи щирого твого

Т. Шевченка

167. До В. Г. Шевченка

28 березня 1860 р., Петербург

28 марта.

23 марта я писав до тебе трохи не лаючи, а 26 марта получив твоє і пана Трощинського письмо. Добре ти зробиш, як поєднаєш мене з паном Трощинським, але спершу поєднай мене з Харитою, а потім проси Трощинського, щоб він розклав плату на три часті по 500 карбованців: до нового, 1861, року я виплачу йому всі 1500 карбованців. Якщо він здається на се, то зараз пиши мені, бери гроші, приймай добро і хазяйнуй. Грунт законтрактуй на 25 літ на своє ім'я або на моє, як знаєш.

Добре б ти зробив, якби поїхав у Керилівку та сказав би Микиті, Йосипові і Ярині, щоб вони не квапилися на волю без поля й без грунту; нехай лучче підождуть.

Трощинському сьогодні не пишу, ніколи; поки що торгуйся з ним сам, як тобі бог поможе. А дуже б, дуже добре б було нам укупі вік докоротать над староденним Дніпром! Посилаю тобі 10 книжок «Кобзаря», продай їх, як можна буде, і гроші оддай сестрі Ярині. Жду твого обіцяного письма од 15 марта, а тим часом цілую тебе, твою жінку і твоїх діточок.

168. До М. Я. Макарова

12 квітня 1860 р., Петербург

І вчора, і позавчора не найшов я Вас дома. Де це Ви гайнуєте? Нехай Вам бог допомага! Попросіть у Петра Аркадьєвича [1] до осені мой рисунок «Русалки». Я хочу дещо поправить и выгравировать к выставке. Ежели можно, то подателю сего и вручите рисунок та скажіть, коли Ви буваєте дома. Бо мені дуже треба побачиться з Вами.

Щирий ваш Шевченко

12 апреля.

Як сьогодні не можна, то пришліть завтра раненько рисунок.

На звороті:

Высокоблагородному
Николаю Яковлевичу Макарову.

169. До М. Я. Макарова

12—30 квітня 1860 р., Петербург

Посылаю Вам экземпляр «Кобзаря» на всякий случай без надписи. Передайте его Александру Ивановичу[1] с моим благоговейным поклоном. Во имя божее, найдіть та пришліть мені оті прокляті «Русалки», а то вони, чортові дочки, мені спать не дають. Чи будете Ви сьогодні в четвертому часу дома?

Т. Шевченко

170. До В. Г. Шевченка[1]

22 квітня 1860 р., Петербург

22 березня,
1860.

Сьогодні я получив твої письма. Сьогодні у мене велике свято. Сьогодні, 22 березня 1838 року, я глянув із неволі на світ божий. Сьогодні ж ота придуркувата Харита зробила з мого великого свята такий дрібний будень, що я трохи-трохи не записався в ченці. Та дарма! Нехай собі погуляє до тієї весни (мені ні восени, ні навіть зимою до тебе приїхать не можна). А тим часом ти врозумляй її потроху, і жінку свою попроси, і сестер Катерину і Ярину. Скажи їй, що ми з тобою такі самі пани, як вона панна. Викупувать її на волю не треба, вона вже вольна, і всі жінки і дівчата в нашім краї уже не панщані. Це я добре знаю.

Якщо ти добре поєднаєшся з Трощинським і як бог тобі поможе поєднать мене з Харитою, то купуй отой дом у Ржищеві та придбай мені лісу дубового на надвірню комору. То моя буде робоча. Дуже б, дуже добре було, якби нам укупі довелося вік свій докоротать.

Пану Фліорковському нехай Микита скаже, щоб він тричі чмокнувся з своїм рідним батьком, з чортом. По 85

карбованців нехай бере тепер чистими грішми з грунтами і полем, а потім (восени) возьме дулю.

Посліднього мого письма ти, мабуть, ще не получив. Я там писав, що і як робить з Трощинським. Як получиш, то напиши мені, що ти думаєш і що можна зробить. Послав я тобі 10 «Кобзарів» і дуже-дуже розумну книжечку для Прісі. Напиши, як получиш.

Каменецький мені сказав, що Григорович од потилиці до п'ят паскуда, та й більш нічого не сказав.

Михайло Матвійович [2] перемінив квартиру. Адресуй йому так: С.-Петербург. На Васильевском острове, в 5 линии, дом Воронина, против Академии художеств.

Чи не побачишся ти сам коли-небудь з батьком і з матір'ю Харити, порадься з ними та розтовчи ти їм, що я і ти не пани, а такі ж самі прості люде, що панам і в лакеї не годимось. Нехай вони, дурні, урозуміють сеє слово.

Чи получив ти сьогорічну другу книжку «Народного чтения»? Там єсть моє письмо до редактора [3]. Воно вже перетлумачене і надруковане в польських газетах. Прислухуйся, що пани і полупанки на се письмо казатимуть.

Може, літом заїде до тебе Куліш, то привітай його гарненько.

Поцілуй Васю за мене і скажи їй, що як буде добре учиться, то я їй і намисто, і серги, і перстень привезу, а як же ні, то привезу березової каші, а вона тут, скажи, дуже добре росте.

Сьогодні ж з пошти принесли мені і твої ковбаси, та ота придуркувата Харита таке мені зробила свято, що я на їх тілько поглянув.

Напиши мені швидше, що і як ти сподієш з Трощинським?

Нехай Микита спитає, що той поганець Фліорковський положить за десятину поля і за грунт.

А я вже Хариті і намисто, і дукач, і хрест купив. Дурень думкою багатіє, як то кажуть. А ти все-таки з очей її не спускай, може, ще що-небудь і буде.

Брат і щирий твій друг Т. Шевченко

Не спускай з очей і пана Зміївського.

171. До Є. П. Ковалевського [1]

23 квітня 1860 р., Петербург

Чтимый и глубокоуважаемый
Егор Петрович!

Во имя всех святых и в особенности во имя великомученика Георгия, извините мне, что я не самолично поздравляю Вас с днем Вашего ангела (легче верблюду в игольное ухо пройти, нежели доброму художнику среди бела дня оставить свою рабочую).

По обычаю предков наших, вместо злата-серебра нетленного, посылаю Вам тленное последнее дело рук моих и пребываю сердечно любящий Вас

Т. Шевченко

23 апреля.
1860.

172. До В. Г. Шевченка

15 травня 1860 р., Петербург

15 мая.

Чи ти мої письма не читаєш, чи, прочитавши, занехаєш? Я вже тобі тричі, а оце в четвертий раз пишу, що я се літо не вирвуся з Петербурга, що не прибуду додому, чи до тебе, а ти мені щоразу товкмачиш, що я тебе жду, що чи будеш ти, чи ні. Знай же тепер, що я і літо, і зиму не буду на Україні; а на ту весну, як бог поможе, то прибуду, а ти до того часу дбай о клапті землі чи по тім, чи по сім боці Дніпра, тілько щоб над самісеньким Дніпром, та дбай так, щоб нам укупі оселиться. Занехай Ржищів, цур йому, тому домові, повітці, вітрякові й отим трьом грушам. Якщо тобі дуже уподобався пан Трощинський, то бери у його службу; я чув, що він пан і заможний, і не дуже лукавий. А там, як матимеш час, то подивися сам на ті Рудяки [1], бо Григорович і збрехать уміє. Якщо подобаються тобі оті Рудяки, то возьми в посесію 20 десятин на 25 літ, гарненько поторговавшись з Трощинським, та захожуйся будувати. Се літо ніколи, а на те хіба. Та ще ось що: як зробиться отак, як я оце пишу, то дбай о дубовім

лісі на надвірню комору (на робочу), і якщо та придуркувата Харита не схаменулась, то проси сестру Катерину і сестру Ярину, чи не накинуть вони оком у Кериловці яку огрядну та чепурну дівчину, хоч і вдовицю, аби чесного роду, та щоб не стара і доладна була. Без жінки і над самісеньким Дніпром, і в новій великій хаті, і з тобою, мій друже-брате, я буду на самоті, я буду одинокий.

Що робиться в Межирічі? Чи не бачився ти з Змієвським? А той грунт, що ми з тобою оглядали, у печінках сидить. Одішли оцей екземпляр об'явленія о «Основі» П. Ф. Симиренку. Я йому після «Кобзаря» уже двічі писав, а він мені анітелень! Хай собі сердиться, коли в його така сердита натура. На сім тижні я або Білозерський пошле Трощинському такий же екземпляр об'явленія.

Оставайся здоровий. Цілую твою жінку і твоїх діточок.

Друг і брат твій Т. Шевченко

Шкода, що твої хлопці написали до мене чортзна по-якому; вони хоч би у Прісі вчилися писати по-людському.

В половині іюня, а може, й раніше, заїде до тебе офіцер Новицький [2]. Привітай його гарненько і найми або сам позич йому коней до Жаботина. Йому поручено самолично торгуватися з Фліорковським, а в Городище на завод сам його повези.

173. До Ф. Л. Ткаченка [1]

30 травня 1860 р., Пстербург

1860, 30 мая. С.-Петербург.

А знаєш що, Федоте? Я чув, що ти вже на другій оженився. Накинь оком Полтавку, кирпу чорнобривку, то на ту весну будеш у мене старшим боярином. Скажи мені, чи буде що з цього, чи ні? Якщо буде, то я на ту весну приїду в Полтаву і щиро поцілую тебе.

Дуже давній твій друг-товариш

Тарас Шевченко

Багатої мені не треба, аби була кирпатенька та чорнобрива. А мене ще лихо не взяло. Нехай тобі оцей добрий чоловік скаже.

Адрес: В Академию художеств

Тарасу Григорьевичу Шевченку

На звороті:

Федоту Леонтьевичу Ткаченку.

174. До В. Г. Шевченка

29 червня 1860 р., Петербург

29 июня 1860 року.

Сьогодні в Корсуні премерзенне свято [1], а в моїй тихій хаті і такого, благодарить бога, нема. Добре б ти зробив, якби побачився та привітав од мене оту шляхту, много знаную мною лично; а вона сьогодні вся повинна бути у Корсуні. Сьогодні, певно, буде у Корсуні і Наталка Шулячівна [2], то ти, яко чоловік не без розуму, поклонися їй од мене, а більш анітелень. Коли так зробив, то зробив добре. Я її добре не розглядів, здається, трошки педантка і не дуже чепурна; а нечепурна жінка і циганові не дружина. На ту весну, бог поможе, приїду подивлюся та пораджуся з сестрою і з тобою, а поки що, коли трапляється їй неледачий чоловік, то нехай їй бог помагає. Шкода, що ота Харита зледащіла, а мені б луччої жінки і на край світа шукать не треба.

Чи був ти у Рудяках? Що ти там бачив і чи зробив що з тим паном Трощинським? Напиши мені швиденько.

Ще ось що: на тім тижні президент Общества літературного получив письмо од Фліорковського. Він пише, що братів і сестру Ярину з дітьми випускає на волю без грунтів і без землі безплатно; але вони не беруть такої поганої волі. І добре роблять.

Як ще не був, то незабаром буде у тебе Новицький. Добре б ти зробив, якби вкрав у Лопухіна день або й другий і поїхав з Новицьким у Жаботин, та вдвох сказали б отому дурневі, щоб він не боявся керилівчан, а положив би яку хоче плату за грунти і за землю (не менш чотирьох десятин на душу) і щоб зараз написав тому ж президентові Єгору Петровичу Ковалевському.

Поцілуй за мене свою жінку, Йосипка, дівчат і хлопців, коли вони дома. Керилівчанам скажи, щоб вони на ту погану безземельну волю не дуже квапились.

Чи бачився ти з Кулішем, і що зроблено з хатиною і садочком над Россю, і де те добро, чи в самому Корсуні, чи недалеко його? Напиши мені. Подякуй ще раз отого пана за сукно на свитку; а свитка, як пошита, то нехай у тебе жде мене, твого брата і друга

Т. Шевченка

175. До В. Г. Шевченка

1 липня 1860 р., Петербург

1 июля.

Позавчора я послав тобі письмо, а сьогодні получив твоє. На чорта ти їх адресував біс батька зна кому? Я од його получив розпечатане.

Коли ти кажеш, що коло Канева добре буде, то бери десять десятин землі з умовою заплатить гроші в продолжение года в три срока.

І зараз же напиши мені, чи багато треба грошей для почину.

Обудуваться так, як кажеш, добре буде. Бувай здоровий! Нехай тобі бог помагає на все добре.

Т. Шевченко

176. До В. Е. Фліорковського

27 липня 1860 р., Петербург

Милостивый государь Валерий Эразмович!

Господин председатель Общества литераторов и ученых и его товарищи [1], подписывая и адресуя на Ваше имя письмо, которым просят Вас освободить моих братьев и сестру от крепостного состояния, предполагали, что письмо это, как дело домашнее, не будет оглашено во всеуслышание. Но когда оно огласилось печатно, то я, как сочлен этого благородного общества и как родной брат Никиты, Осипа и Ирины (Ваших крепостных крестьян), в судьбе которых Общество это приняло такое живое, великодушное участие, считаю святым долгом благодарить председателя и его товарищей, благодарить во всеуслышание за их братски-человеческое участие к судьбе лиц, близких моему сердцу.

О письме моем редактору журнала «Народное чтение» и о наших народностях я Вашего мнения[2] не оспариваю; Ваше мнение, как и мое, может быть верно и неверно, это дело (если оно в самом деле дело?) — дело критики, досужей полемики и бесплодного словопрения. Дело это впереди. А теперь примите мою глубокую благодарность за то, что Вы освободили моих братьев и сестру с их семействами от банкового долга и предложили им безвозмездную свободу, от которой они, не знаю почему, отказались. Еще раз сердечно Вас благодарю за Ваше великодушное предложение и сердечнейше прошу Вас: назначьте последнюю цену за десятину пахотной и грунтовой земли Вашей. Вы, как собственник, имеете полное право распорядиться по Вашему благоусмотрению Вашей собственностью, не ожидая правительственных учреждений, касающихся уничтожения крепостного права. Во имя божие и человеческое, прошу Вас, назначьте цену, какую Вам угодно, за землю и сообщите о Вашей воле председателю нашего скромного Общества письменно или печатно. А за то, что Вы уже сделали для моих братьев и сестры, примите мою искреннюю благодарность.

Письмо это я намерен напечатать в одной из здешних газет. Но если Вы найдете его почему-либо неудобопечатным, то известите меня. В ожидании Вашего благосклонного ответа остаюсь готовый к услугам Вашим.

Т. Ш.

С.-Петербург.
27 июля, 1860 года.

Адрес: В С.-Петербург, в Императорскую Академию художеств.
Академик Тарас Григорьевич Шевченко.

177. До В. Г. Шевченка

29 липня 1860 р., Петербург

29 июля.

Посилаю тобі 1000 карбованців грошей. Якщо можна буде розділить плату за грунт на три сроки — розділи, а як же ні — заплати разом за 10 десятин землі, а купчую кріпость зроби на своє ім'я. Про хату напишу тобі, як діждусь твого письма.

Друг і брат Шевченко

P. S. Нехай мені Пріся напише, що вона прочитала в тих книжках, що я їй послав. Скажи Васі, що як буде вчиться, то я їй на ту весну намистечко привезу.

Йосип п'яний і дурний — вибач йому. А сестрам, як побачиш, од мене поклонися. У сестри Ярини спитай (як побачиш), чи оженила вона свого сердешного сина, чи ні.

На хату купи тільки соснового дерева, на двері і одвірки дубового або ясенового. Хата щоб було 10 аршин вперек і 20 вздовж.

Як найдеш сухого береста, то бери: здасться на що-небудь, хоч на лави.

Чом мені Пріся і Ганнуся нічого не напишуть? Вася — та ще, думаю, і читать не вміє?

178. До М. Я. Макарова

30 липня 1860 р., Петербург

30 іюля
1860 року.

Бог в лиці Надежды и Александры Михайловны [1] помагає мені одружиться з Вашою дочкою і сестрою Ликерою [2], помагайте ж і Ви вкупі з Варварою Яковлевною. Бо вона (Ликеря) 28 іюля при купних наших друзьях сказала мені, що без братнього і батьківського Вашого святого слова вона не дасть мені свого такого ж слова (розумна і щира душа). Вертайтеся ж швидше до нас та поблагословіть і одружіть Ликерю з Тарасом, з Вашим іскреннійшим другом. А поки що буде, напишіть їй і мені Вашу і думу, і пораду.

Іскренній Ваш Т. Шевченко

P. S. Як побачите Марью Александровну [3], то поцілуйте її гарненько за мене.

179. До В. В. Тарновського (молодшого)

7 серпня 1860 р., Петербург

Милостивый государь Василий Васильевич!

100 экземпляров «Кобзаря», взятые Вами у Д. С. Каменецкого для передачи Михаилу Корнеевичу Чалому (инспектору второй Киевской гимназии), я эти сто экземпляров «Кобзаря» подарил моей невесте, а она покорнейше

Вас просит и я тоже 50 экземпляров переслать в Чернигов в пользу воскресных школ[1] на имя Романа Дмитриевича Тризны[2]. А 50 экземпляров в пользу тех же школ в Киев на имя М. К. Чалого. И будущая жена моя, и я будем Вам благодарны, если Вы исполните нашу просьбу.

Готовый к услугам Т. Шевченко

1860,
7 августа,
С.-Петербург.

180. До М. К. Чалого

11 серпня 1860 р., Петербург

1860, С.-Петербург.
11 августа.

Милостивый государь Михаил Корнеевич!

Убедительнейше прошу Вас получить (с почты) 50 экземпляров моего «Кобзаря» и по Вашему усмотрению передать помянутые 50 экземпляров одному из киевских книгопродавцов, а вырученные деньги отдайте в кассу киевских воскресных школ и на досуге известите меня о Вашем здоровье, Вашей супруги и о здоровье И. М. Сошенка, за что будет вам благодарен и на услуги готовый

Т. Шевченко

Адрес: С.-Петербург, в Академию художеств,
Тарасу Григорьевичу Шевченко.

Получили ли Вы «Кобзаря», надписанного моею рукою на Ваше имя?

181. До В. Г. Шевченка

22, 25 серпня 1860 р., Петербург

22 августа.

Ми з тобою, здається, і розумні люде, а робимо чортзна по-якому: ти мого письма не дождешся — пишеш мені, а я, на тебе дивлячись, тобі одвітую, не знавши, що ти мені писатимеш. Розумні люде, здається, так не роблять.

Я сьогодні пишу до тебе, бо маю час, але на пошту письма не подам, аж поки не получу од тебе звістки о получении 1000 карбованців. Якби ти, для почину, до весни обійшовся цими грішми, то добре було б, а якщо ні, то напиши,— я ще пришлю, тілько небагато.

Я оце заходився жениться, то мені, бач, і тут треба гроші; а вся надія на «Основу» та на «Кобзаря». Будущее подружіє моє зоветься Ликеря — крепачка, сирота, така сама наймичка, як і Харита, тілько розумніша од неї, письменна і по-московському не говорить. Вона землячка наша із-під Ніжина. Тутешні земляки наші (а надто панночки) як почули, що мені бог таке добро посилає, то ще трошки подурнішали. Гвалтом голосять: не до пари, не до пари! Нехай їм здається, що не до пари, а я добре знаю, що до пари.

Восени, як одробишся з полем і окопаєш наше будущее кишло, вибери на тому кишлі найкраще місце і посади яблуню і грушу, на пам'ять 1860 року 28 июля [1].

Поберемося ми після покрови. Добре б ти зробив, якби к нашому весіллю прислав сушених карасів десяток-другий або й третій та запеченого дніпрового ляща одного, другого або й третього. Ти писав мені, що в Каневі цього добра хоч лопатою горни, а тут і за гроші не добудеш: от тобі й столиця!

В Пекарях якась вдова-попадя продає хату: купить би та к осені перевезти на грунт і поставить. А весною нехай би сестра Ярина з меншим сином перевезлася в ту хату та й хазяйнувала, а тим часом я з жінкою прибуду: то вона б і нам пораду дала. Бо я і жінка моя, хоч і в неволі, і в роботі зросли, але в простому сільському ділі нічого не тямим,— то порада б сестри Ярини дуже б до ладу була і мені, і Ликері.

Отаке-то скоїлось! Несподівано я до тебе приїду в гості з жінкою — сиротою і наймичкою! Сказано, коли чоловік чого добре шукає, то й найде: так і зо мною тепер трапилось. Мені тепер не жаль, що Харита трошки придуркувата.

25 августа.

Добре я зробив, що позавчора не дописав сього письма і не послав тобі: сьогодня я получив твоє письмо і бачу, що ти з Кулішем аж надто расфантазировались. Книгар Кожанчиков сьогодня сказав мені от що (а він се

діло добре знає): «На 3000 готовика и на 3000 кредиту в книжной торговле можно получить 10% с усиленным трудом». Мені самому не подобається твоє сіпачество, та нема де діться! Бумаги і чай — се інша річ. Напиши ти мені гарненько, чи багато тобі треба кредиту на се діло. А тим часом отого клятого сіпачества не кидай: воно тебе хлібом годує, а хліб велика річ!

Посилаю тобі план хати. Коли ти найдеш не так, то поправ і пришли мені: а тим часом окопуй леваду і купуй ліс сосновий; на одвірки тільки і на двері купи дубового і ясенового, та на поміст — липи. Якщо дуже треба буде грошей,— напиши, я добуду і пришлю. Добре було б, якби Ярина весною рано перевезлася на мій грунт: може, можна найнять у Каневі для неї хаточку на літо? Найми, а літом ми з жінкою прибудемо та вкупі порадимося, що нам робить.

Цілую твою жінку, діточок і тебе.

Шевченко

P. S. На надвірню комору (робочу) при случаї дубового лісу купи: нехай лежить та висихає, поки що буде.

182. До Н. М. Забіли (Білозерської)

Між 15 і 31 серпня 1860 р., Петербург

Любая Надежда Михайловна!

Передайте оце добро Ликері. Я вчора тільки почув, що вона занедужала. Дурна десь тьопала по калюжах та й простудилася. Пришліть з Федором мерку з її ноги. Закажу теплі черевики, а може, найду готові, то в неділю привезу.

Щирий Ваш Т. Шевченко

Перекажіть з Федором, чи лучше їй, чи ні.

183. До М. Я. Макарова

6 вересня 1860 р., Петербург

6 сентября.

Искреннейший мій друже єдиний!

Порадившись добре з А. Н. Марковичем, от що ми зробили з твоєю дочкою і сестрою. До Вашого з Варварою

Яковлевною благословенія перевезли Ликерю до Катерини Іванівни Ивановой (родная сестра моеї рідної матері, графини Анастасии Ивановны Толстой). Мені здається, що ми добре зробили. Що Ви на се скажете? В ожидании Вашего доброго слова остаємось і я, і Ликеря Вашими искреннейшими друзьями.

P. S. Ликеря просить Вас не вертаться швидко, а вернуться здоровим. На її добру раду і я здався.

184. До Н. М. Забіли (Білозерської)

6 вересня 1860 р., Петербург

Многоуважаемая Надежда Михайловна!

Вручіте Федорові мізерію і паспорт моеї любої Ликери і прийміте мою іскреннюю благодарность за Ваши материнские попечения о сироте Ликере и за внимание ко мне, нехитростному Вашему другу

Т. Шевченку

На звороті:

Ее высокоблагородию Надежде Михайловне Забела.
На углу Малой Мещанской, в доме Астафьевой.

185. До Ф. Л. Ткаченка

28 вересня 1860 р., Петербург

1860 рік, 28 сентября.
С.-Петербург.

Спасибі тобі, мій давній друже Федоте, за твоє письмо. А ще більше спасибі за те, що ти діточок своїх ведеш не битим, але добрим шляхом. Поцілуй їх всіх по тричі за мене. Спасибі тобі і за кирпатеньку чорнобривку, якщо вона справді доладна і хоч трохи в батька вдалася, то ти швиденько да дрібненько напиши мені. Та (ти пишеш, що єсть у вас німець, добрий фотограф)... та хоч украдучи або одурячи нехай він (німець) зніме її поличіє. А ти в письмі пришли до мене. Бач, яким я принцем зробився! Якщо теє, то я і весни не діжду, о пів зими до вас прибуду. Самотина мене отут допікає! А її батькові низенько кланяємось я і В. М. Білозерський [1]. Пиши мені швидче. І нехай тобі бог помогає на все добре.

Твій давній і щирий друг Т. Шевченко

186. До В. Г. Шевченка

5 жовтня 1860 р., Петербург

5 октября.

Спасибі тобі, мій друже-брате, за твої великі клопоти з тим землеміром та з іншими п'явками людськими. Спасибі ще раз!

Дуже, дуже добре ти зробив, що не посадив яблуні і груші; прищепи весною на дичках: вони й швидче, і більші виростуть. Я з своєю молодою, не побравшись, розійшовся. Ликеря така самісінька, як і Харита, дурніша тільки тим од Харити, що письменна. Що мені на світі робити? Я одурію на чужині та на самоті.

Добре б зробив (як матимеш час), щоб сам поїхав у Київ та своїм оком подивився на оту мадам Соар. По слуху вона мені не подобалась; подивись лиш на неї своїм батьківським оком. Ремінна свита з відлогою на тім тижні тобі пошлеться; на заказ і добре зроблена. Коштує 32 карбованці. На сі гроші справ Йосиповим дітям на зиму одежу, а довги його не плати, нехай сам платить. Микиті скажи (як побачиш), що він дурний, ні з ким не порадившись, зробив чортзна-що.

Письмо Фліорковського, і моє письмо, і копія з условія печатаються в п'ятій книжці «Народного чтения», тим я тобі тієї копії і не посилаю.

Порадь їм, будь ласкав, щоб вони швидче записались в міщане, в Звенигородці один, другий в Черкасах, а Ярина в Каневі: мені тут радять так, не знаю, як ти порадиш. Грошей, що там треба буде, то я вишлю.

Каленика поцілуй тричі за мене і скажи йому, що, як добре знатиме математику, то астрономію і навігацію за пояс заткне. Отак і скажи йому.

Шкода мені Йосипкової лапочки, а ще більше шкода того дурня, що він і не бачить, що він нівечить... шкода, та й годі.

Спасибі тобі за лящі і карасі: на весілля вони не прибудуть, бо весілля того й не буде, а ми вдвох собі з М. М. Лазаревським по-чумацькому та по-бурлацькому зварімо борщу з карасями, лящем закусимо та подякуємо тобі з жінкою і помолимось за щастя і здоров'я твоїх діточок. Бувай здоров!

Твій брат і друг Т. Ш.

Пришлю або сам привезу Васі гостинця, як буде добре вчиться, а як же ні, то й ні!

187. До А. Болдіна

5 листопада 1860 р., Петербург

1860, 5 ноября,
С.-Петербург.

Вельми і вельми шануємий
добродію ласкавий!

Ми з Вами неначе і не бачились у цім смердячім Петрограді. Цією зимою, може, як бог поможе, побачимося в Харкові. А як же не поможе, то я пришлю вам 50 або 100 екземпляров свого «Кобзаря», а Ви передайте його на комісію під час ярмарки харківським книгарям. Напишіть мені, будьте ласкаві, швиденько, чи можна буде так зробить. А поки що нехай Вам бог помагає на все добре.

Щирий Ваш Т. Шевченко

Що роблять Ваші воскресні школи?

188. До М. К. Чалого

6 листопада 1860 р., Петербург

1860, 6 ноября, С.-Петербург.

Любий мій і щирий земляче!

Спасибі вам за письмо ваше і велике спасибі за «Кобзаря» мого, що ви його так щиро привітали. А тепер ось що! Або самі, або скажіть І. М. Сошенку, щоб він дознався, де там у Києві живе мадам Соар. Як дознається, то щоб пішов до неї та подивився, як там живуть мої небоги Пріся і Ганнуся. Та, будьте ласкаві, і напишіть мені.

Ще ось що! Напишіть мені швиденько, чи можна буде послать вам 100 екземплярів «Кобзаря» для передачі на комісію київським книгопродавцям. І, во ім'я божіє, напишіть мені, що робиться у ваших воскресних школах.

Ще ось що! Скажіть Івану Максимовичу, щоб він вам щиро сказав, чи здорова його жінка і його чорнява Ганнуся. Він мені сам не напише, ледащо. Та ще й старе ледащо!

Оставайтеся здорові, нехай вам бог помагає на все добре!

Іскренній ваш Т. Шевченко

Передайте мое искреннее почтение вашей супруге.

189. До Д. С. Каменецького

18 листопада 1860 р., Петербург

18 ноября.

Данило Семенович! Дайте Федорові рукопис «Южнорусского букваря» [1], його треба показать Бекетову [2].

Т. Шевченко

На звороті:

Его благородию
Данилу Семеновичу Каменецкому.

В типографії Куліша.

190. До В. Г. Шевченка

2 грудня 1860 р., Петербург

2 декабря 1860.

На місці Аркаса [1] в Одесі якийсь Павлов, але і той Павлов нічого не вдіє без оцього Іваницького [2]. Перешли йому моє письмо, та будемо ждать, що з того буде. Добре б ти зробив, якби ще і сам йому написав гарненько. Та це як знаєш, так і роби. Посилаю тобі письмо мого великого приятеля київського [3], прочитай його; та як будеш у Києві, зайди в 2 гімназію, спроси квартиру інспектора Михайла Корнійовича Чалого, поклонися йому од мене. Це він мені пише про мадам Соар. Та зайди ще до І. М. Сошенка. Чалий тобі скаже, де він живе. Вони тобі порадять, що робити з Прісею і Ганнусею. Ніколи. Бувай здоровий. Кланяється тобі Куліш.

191. До М. К. Чалого

2 грудня 1860 р., Петербург

2 декабря.

Во ім'я господнє, вибачайте мені за те, що я Вам пишу тепер коротенько. Єй-богу, ніколи. Передайте під розпис-

ку книгареві 100 екземплярів «Кобзаря», нехай він продає його по 1 крб. 50 копійок с вычетом 20 процентов за комиссию і нехай заплатить за транспорт. Низенько кланяюся Вашій жінці, а купно і Вам. Як зайде до вас брат Варфоломей, то привітайте і порадьте, що йому зробить з Прісею і Ганнусею.

До мене щодень приходить Орловський [1], здається, з його будуть люди. Бувайте здорові, нехай Вам бог помага на все добре.

Щирий Ваш Т. Шевченко

Чом ота сука Соха не обізветься до мене?

192. До Я. В. Тарновського

23 грудня 1860 р., Петербург

1860, 23 декабря,
С.-Петербург.

Давно, дуже давно ми з Вами не бачились, щиро шануємий Яков Васильєвич! І так як ви чоловік щирий і розумний, а я теж трошки похожий на таких людей, як Ви, то ми безплодно і не писали один другому измятое слово милостивый государь! Лучше любить і робить, аніж писать і говорить.

Двоюродний брат мій Варфоломей Григорьевич Шевченко, почти управляющий корсунским имением князя Лопухина, чоловік розумний, щирий і, как говорят, мастер своего дела. Это Вы лучше меня можете узнать от Ваших соседей, нежели от меня.

Брат мой тяготится немцами и ляхами и в особенности его светлейшеством. Прочувши, що Вам треба замістить чим-небудь лучшим Вашого теперішнього управителя, хочет, а я прошу Вас, прийміть його до себе. Та й більш нічого!

Літом, як бог поможе, я буду в Потоках і щиро, щиро Вас поцілую, а поки що бувайте здорові.

Іскренній Ваш Т. Шевченко

Кума моя Надія Василівна занедужала і осталася в Петербурге, а Василь Васильович і Людмила Владимировна поїхали в Качановку.

193. До М. К. Чалого

4 січня 1861 р., Петербург

4 генваря, 1861.

Вельми шануємий Михайло Корнієвич!

Посилаю Вам на показ 10 екземплярів мого «Букваря», а із Конторы транспортов Вы получите 100 экземплярів. Добре було б, якби можна розпустить його по уездных та по сельских школах. Та вже що хочете, те й робіть з ним, а як бог поможе,— зберете за його гроші,— то положіть їх в касу ваших воскресних школ.

Я і чув, і читав, що високопреосвященний Арсеній [1] дуже возревновав о сельских школах и жалуется, що не печатають дешевих букварів. Покажіть йому мій «Букварь», і якщо вподобається, то я і йому пришлю хоч 5000 екземплярів, звичайно, за гроші (по 3 к.), бо це не моє добро, а добро наших убогих воскресных шкіл. Так і скажіть йому.

Думка єсть за «Букварем» напечатать л і ч б у (арифметику) — і ціни, і величини такої ж, як «Букварь». За лічбою — етнографію і географію в 5 копійок. А історію, тілько нашу, може, вбгаю в 10 копійок. Якби бог поміг оце мале діло зробить, то велике б само зробилося.

Старе ледащо [2] таки спромоглося на аркуш паперу та вже так його змережав, що й курці нема де клюнуть. Та так по-письменному, що я насилу второпав. Кланяюсь і йому, і його жінці. Те, що просив він, може, зробиться.

Бувайте здорові! Нехай Вам бог помагає на все добре. Низенько кланяюсь Вашій жінці і Вам.

Іскренній Ваш Т. Шевченко

P. S. Чи був мій брат у Вас і що він там зробив з своїми недолітками? [3]

194. До Ф. Л. Ткаченка

4 січня 1861 р., Петербург

4 генваря, 1861.

Посилаю тобі 10 моїх «Букварів» напоказ, а з Конторы транспортов ты получишь их 1000 і, не розв'язувавши тюка, передай його: хто там у вас старший над воскресними школами, то йому і передай. А він нехай, як знає, спродасть, а грошики положить в касу воскресної школи. От що!

Щоб тебе курка вбрикнула з твоєю кирпатенькою чорнобривкою. Тілько роздратував мене. Я весною заїду до тебе, та як не найдеш мені другу кирпу, то я тебе попомну.

Дай один «Букварь» редактору «Губернских ведомостей» [1] і попроси його, щоб він напечатав, що такий-то і такий «Букварь» продається по три копійки в пользу воскресных школ.

Бувай здоровий, цілую твоїх діточок. Аж шкура болить — ніколи.

Щирий твій Т. Шевченко

195. До М. К. Чалого

12 січня 1861 р., Петербург

12 генваря, 1861.

Будьте здорові з Новим роком!

Послав я сьогодні Вам свого добра 1000 штук. Прийміть його та, що хочете, те з ним і робіть. Добре було б, якби його можна було пустить в села: там би воно швидше прийнялося. А втім, як знаєте, так і робіть. Низенько кланяюся Вашій жінці і Вам.

Т. Шевченко

Чом ота сука Соха не обізветься до мене?

196. До Ф. Л. Ткаченка

12 січня 1861 р., Петербург

12 генваря, 1861.

Сьогодні посилаю тобі, Федоте, 1000 «Букварів» і оцю квитанцію. Коло 15 февраля получиш ти посилку і зроби з нею так, як я тобі вже писав, або найди десять чоловік добрих людей та роздай їм по сотні книжечок, по 3 карб. сотня. Та, зобравши оті сердешні 30 карб., оддай на воскресну школу. А тим часом роби, як сам здоров знаєш. Цілую твоїх діточок. Прощай.

Т. Шевченко

Гляди о кирпі не забудь. Я весною прибуду до тебе.

На звороті:

В Полтаву, учителю гимназии
Его благородию Федоту Леонтьевичу Ткаченку.

197. До В. Г. Шевченка

22 січня 1861 р., Петербург

22 генваря 1861 р.

Погано я зустрів оцей Новий поганий рік. Другий тиждень не вихожу з хати: чхаю та кашляю, аж обісіло. Як тебе там бог милує? Ти, мабуть, послідніх двох моїх писем не получив, що нічого не пишеш. В першому письмі, адресованому в Корсунь, послав я письмо незапечатане, щоб ти прочитав і переслав в Одесу полковникові Іваницькому, главному начальнику механического заведения при Обществе мореходства и торговли. Письмо про Каленика. Друге письмо адресоване в Київ, в дім Соар, в которому также незапечатане письмо в Потоки на ім'я Я. Я. Тарновського. Чи получив ти оті письма, чи ні? Чи получив ти «Букварь» і «Основу»?

Заткни пельку отому проклятому землемірові та роби швидше з тим сердешним грунтом. Та що ти зробиш, зараз же і напиши мені, щоб я знав, що з собою робити: чи їхать мені весною в Канів, чи ні. Як треба буде грошей, то

напиши; а може, я сам привезу. Багато б ще треба дечого сказать тобі, та нездужаю. Нехай до другого разу. Бувай здоровий! Цілую твоїх діточок і твою жінку.

Т.

198. До В. Г. Шевченка

29 січня 1861 р., Петербург

29 генваря, 1861.

Так мені погано, що я ледве перо в руках держу, і кат його батька знає, коли воно полегшає. Ось що! Вчора заходив до мене прощаться полковник Антонович [1], він сьогодні поїхав в Одесу. Антонович цей — один із самоглавних членов Общества пароходства и торговли в Одесі. Я просив його за твого Каленика, і він мені сказав от що: щоб ти йому, не барившися, написав, котрий Каленикові год і чому він учився в Херсоні: чи навігації, чи механіки, чи математики? Йому це треба знать для того, щоб до чого лучче притулить Каленика. Напиши ж йому та попроси гарненько, то, може, що й буде. Адресуй так: «В Одесу, в дежурство Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора его высокоблагородию Платону Александровичу Антоновичу».

Чи послав ти моє письмо Іваницькому в Одесу? Чи получив «Буквар» і «Основу»?

Начхай ти в ярмулку отому жидові, що ти пишеш, з його грунтом і з його хатою. Кончай швидче в Каневі та напиши мені, як кончиш, щоб я знав, що робити з собою весною. Прощай! утомився, наче копу жита за одним заходом змолотив. Цілую твою жінку і твоїх діточок.

Т.

199. До В. В. Тарновського (молодшого)

10 лютого 1861 р., Петербург

10 февраля, 1861.
С.-Петербург.

Милостивый государь Василий Васильевич!

Сегодня получил я письмо из Чернигова от Романа Дмитриевича Тризны, на имя которого в прошлом году

просил я Вас переслать 50 экземпляров «Кобзаря» в пользу Черниговской воскресной школы. Тризна пишет мне, что он и до сего дня не получил Вашей посылки. Во имя божие, уведомьте меня, на чье имя и когда послали Вы в Чернигов помянутые экземпляры, чем много обяжете готового к услугам

Т. Шевченка

200. До І. М. Мокрицького [1]

24 лютого 1861 р., Петербург

Многоуважаемый Иван Николаевич!

Поздравляю Вас с вожделенным днем Вашего святого ангела, извините, что я не могу лично принести моего искреннего поздравления. Я болен, другой месяц не только на улицу, меня в коридор не пускают. И не знаю, чем кончится мое затворничество. Глубоко кланяюсь Марье Львовне и лобызаю Ваших деточек. От души желаю Вам повеселиться по-прошлогоднему. До свидания.

Искренний Ваш Т. Шевченко

ПРИМІТКИ

Вміщені у цьому томі тексти подаються за виданням: Тарас Шевченко. Повне зібрання творів у шести томах, т.т. 5—6. К., Вид-во АН УРСР, 1963—1964.

АВТОБІОГРАФІЯ

Автобіографію Т. Г. Шевченко написав у лютому 1860 р. для петербурзького журналу «Народное чтение». Але там вона була надрукована в іншій редакції. А цей варіант опубліковано тільки 1885 р. в журналі «Киевская старина», № 11.

[1] Шевченко народився у с. Моринцях. До Кирилівки його батьки переїхали наприкінці 1815 р.

[2] Мати Шевченка померла 1823 р., батько — 1825 р., коли Тарасові минув одинадцятий рік.

[3] Куштык — малюнок, візерунок, заставка, кінцівка у книзі.

[4] Апеллес — старогрецький живописець, придворний художник і друг Александра Македонського (2-а пол. IV ст. до н. е.).

[5] Рессурсы *(франц.)*— приміщення для зібрання дворян в урочисті дні.

[6] Сошенко Иван Максимович (1806—1876) — художник-портретист, родом з Богуслава; у той час — учень Академії мистецтв. Відіграв важливу роль у Шевченковому житті, перший помітив й оцінив його велике обдарування. Після викупу Шевченка з кріпацтва жив з ним на одній квартирі (з осені 1838 до січня 1839 р.). Про знайомство і приятелювання з Сошенком поет розповів у повісті «Художник». Закінчивши Академію, Сошенко був учителем малювання в Ніжинській, потім у Немирівській і нарешті у Київській гімназіях.

[7] Третье отделение «його імператорської величності канцелярії» — установа, що очолювала таємну поліцію за царювання Миколи I та Олександра II, одна з наймерзенніших установ, що душили всяку прогресивну думку.

[8] Толстая Анастасия Ивановна (1817—1889) — дружина Ф. П. Толстого, віце-президента Академії мистецтв, скульптора і медальєра.

[9] Акватинта, аквафорта — способи гравірування на мідних дошках для друку.

[10] Автобіографію Шевченко не закінчив. За дорученням поета П. Куліш переробив цей текст автобіографії, і її було надруковано в журналі «Народное чтение» (1860, кн. 2, стор. 229—236) в такій редакції:

ПИСЬМО Т. Г. ШЕВЧЕНКА К РЕДАКТОРУ «НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ»

Милостивый государь Александр Александрович!

Я вполне сочувствую вашему желанию познакомить читателей «Народного чтения с историей жизни людей, выбившихся своими способностями и делами из темной и безгласной толпы простолюдинов. Подобные сведения поведут, мне кажется, многих к сознанию своего человеческого достоинства, без которого невозможны успехи общественного развития в низших слоях населения России. Моя собственная судьба, представленная в истинном свете, могла бы навести не только простолюдина, но и тех, у кого простолюдин находится в полной зависимости, на размышления, глубокие и полезные для обеих сторон. Вот почему я решаюсь обнаружить перед светом несколько печальных фактов моего существования. Я бы желал изложить их в такой полноте, в какой покойный С. Т. Аксаков представил свои детские и юношеские годы,— тем более, что история моей жизни составляет часть истории моей родины. Но я не имею духу входить во все ее подробности. Это мог бы сделать человек, успокоившийся внутренне и успокоенный насчет себе подобных внешними обстоятельствами. Все, что я могу покамест сделать в исполнение вашего желания, это — представить вам в коротких словах фактический ход моей жизни. Когда вы прочтете эти строки, вы, я надеюсь, оправдаете чувство, от которого у меня сжимается сердце и коснеет рука.

Я — сын крепостного крестьянина Григория Шевченка. Родился в 1814 году, февраля 25, в селе Кирилловке, Звенигородского уезда, Киевской губернии, в имении одного помещика. Лишившись отца и матери, на осьмом году жизни приютился я в школе у приходского дьячка, в виде школяра-п о п ы х а ч а. Эти школяры в отношении к дьячкам то же самое, что мальчики, отданные родителями или иною властью на выучку к ремесленникам. Права́ над ними ма́стера не имеют никаких определенных границ: они — полные рабы его. Все домашние работы и выполнение всевозможных прихотей самого хозяина и его домашних лежат на них безусловно. Предоставляю вашему воображению представить, чего мог требовать от меня дьячок,— заметьте, горький пьяница,— и что я должен был все исполнять с рабской покорностью, не имея ни единого существа в мире, которое заботилось бы, или могло заботиться, о моем положении. Как бы то ни было, только в течение двухлетней тяжкой жизни в так называемой школе, прошел я Г р а м а́ т к у, Ч а с л о́ в е ц и, наконец, Псалтырь. Под конец моего школьного курса дьячок посылал меня читать вместо себя Псалтырь по усопших крепостных душах и благоволил платить мне за то десятую копейку, в виде поощрения. Моя

помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежнего любимому своему занятию вместе с своим другом Ионою Лымарем, так что по возвращении от молитвословного подвига я почти всегда находил их обоих мертвецки пьяными. Дьячок мой обходился жестоко не со мною одним, но и с другими школярами, и мы все глубоко его ненавидели. Бестолковая его придирчивость сделала нас в отношении к нему лукавыми и мстительными. Мы надували его при всяком удобном случае и делали ему всевозможные пакости. Этот первый деспот, на которого я наткнулся в моей жизни, поселил во мне на всю жизнь глубокое отвращение и презрение ко всякому насилию одного человека над другим. Мое детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз, и я кончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения беззащитные люди,— местью и бегством. Найдя его однажды бесчувственно пьяным, я употребил против него собственное его оружие — розги — и, насколько хватило детских сил, отплатил ему за все его жестокости. Из всех пожитков пьяницы дьячка драгоценнейшею вещью казалась мне всегда какая-то книжечка с к у н ш т ы к а м и, то есть гравированными картинками, вероятно, самой плохой работы. Я не счел грехом или не устоял против искушения — похитить эту драгоценность — и ночью бежал в местечко Лысянку.

Там я нашел себе нового учителя в особе маляра-диакона, который, как я скоро убедился, очень мало отличался своими правилами и обычаями от моего первого наставника. Три дня я терпеливо таскал на гору ведрами воду из речки Тикыча и растирал на железном листе краску медянку. На четвертый день терпенье мне изменило, и я бежал в село Тарасовку к дьяку-маляру, славившемуся в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана Воина. К сему-то Апеллесу обратился я с твердою решимостью перенести все испытания, как думал я тогда, неразлучные со всякою наукою. Усвоить себе его великое искусство хоть в самой малой степени желал я страстно. Но увы! Апеллес посмотрел внимательно на мою левую руку и отказал мне наотрез. Он объяснил мне, к моему крайнему огорчению, что во мне нет способности ни к чему, ни даже к ш е в с т в у или б о н д а р с т в у.

Потеряв всякую надежду сделаться когда-нибудь хоть посредственным маляром, с сокрушенным сердцем возвратился я в родное село. У меня была в виду скромная участь, которой мое воображение придавало, однако ж, какую-то простодушную прелесть: я хотел сделаться, как выражается Гомер, «пастырем стад непорочным», с тем, чтобы, ходя за громадскою в а т а г о ю, читать свою любезную краденую книжку с куншты ками. Но и это не удалось мне. Помещику, только что наследовавшему достояние отца своего, понадобился расторо-

ный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие же шаровары и, наконец,— в комнатные козачки.

Изобретение комнатных козачков принадлежит цивилизаторам заднепровской Украины, полякам: помещики иных национальностей перенимали и перенимают у них козачков как выдумку неоспоримо умную. В краю, некогда козацком, сделать козака ручным с самого детства — это то же самое, что в Лапландии покорить произволу человека быстроногого оленя... Польские помещики былого времени содержали козачков, кроме лакейства, еще в качестве музыкантов и танцоров. Козачки играли, для панской потехи, веселые двусмысленные песенки, сочиненные народною музою с горя под пьяную руку, и пускались перед панами, как говорят поляки, с ю д ы - т у д ы - н а в п р и с ю д ы. Новейшие представители вельможной шляхты с чувством просвещенной гордости называют это покровительством украинской народности, которым-де всегда отличались их предки. Мой помещик, в качестве русского немца, смотрел на козачка более практическим взглядом и, покровительствуя моей народности на свой манер, вменил мне в обязанность только молчание и неподвижность в уголку передней, пока не раздастся его голос, повелевающий подать стоящую тут же возле него трубку или налить у него перед носом стакан воды. По врожденной мне продерзости характера, я нарушал барский наказ, напевая чуть слышным голосом гайдамацкие унылые песни и срисовывая украдкой картины суздальской школы, украшавшие панские покои. Рисовал я карандашом, который — признаюсь в этом без всякой совести — украл у конторщика.

Барин мой был человек деятельный: он беспрестанно ездил то в Киев, то в Вильно, то в Петербург и таскал за собой в обозе меня для сиденья в передней, подаванья трубки и тому подобных надобностей. Нельзя сказать, чтоб я тяготился своим тогдашним положением: оно только теперь приводит меня в ужас и кажется мне каким-то диким и несвязным сном. Вероятно, многие из русского народа посмотрят когда-то по-моему на свое прошедшее. Странствуя с своим барином с одного постоялого двора на другой, я пользовался всяким удобным случаем украсть со стены лубочную картинку и составил себе таким образом драгоценную коллекцию. Особенными моими любимцами были исторические герои, как-то: Соловей Разбойник, Кульнев, Кутузов, козак Платов и другие. Впрочем, не жажда стяжания управляла мною, но непреодолимое желание срисовать с них как только возможно верные копии.

Однажды, во время пребывания нашего в Вильно, в 1829 году, декабря 6, пан и пани уехали на бал в так называемые р е с с у р с ы (дворянское собрание), по случаю тезоименитства в бозе почившего императора Николая Павловича. В доме все успокоилось, уснуло.

Я зажег свечку в уединенной комнате, развернул свои краденые сокровища и, выбрав из них козака Платова, принялся с благоговением копировать. Время летело для меня незаметно. Уже я добрался до маленьких козачков, гарцующих около дюжих копыт генеральского коня, как позади меня отворилась дверь и вошел мой помещик, возвратившийся с бала. Он с остервенением выдрал меня за уши и надавал пощечин — не за мое искусство, нет! (на искусство он не обратил внимания), а за то, что я мог бы сжечь не только дом, но и город. На другой день он велел кучеру Сидорке выпороть меня хорошенько, что и было исполнено с достодолжным усердием.

В 1832 году мне исполнилось восемнадцать лет, и так как надежды моего помещика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то он, вняв неотступной моей просьбе, законтрактовал меня на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширяеву, в С.-Петербурге. Ширяев соединял в себе все качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьячка — хиромантика; но, несмотря на весь гнет тройственного его гения, я в светлые весенние ночи бегал в Летний сад рисовать со статуй, украшающих сие прямолинейное создание Петра. В один из таких сеансов познакомился я с художником Иваном Максимовичем Сошенком, с которым и до сих пор нахожусь в самых искренних братских отношениях. По совету Сошенка я начал пробовать акварелью портреты с натуры. Для многочисленных грязных проб терпеливо служил мне моделью другой мой земляк и друг — козак Иван Ничипоренко, дворовый человек нашего помещика. Однажды помещик увидел у Ничипоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что он начал употреблять меня для снятия портретов с любимых своих любовниц, за которые иногда награждал меня целым рублем серебра.

В 1837 году Сошенко представил меня конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу с просьбой — освободить меня от моей жалкой участи. Григорович передал его просьбу В. А. Жуковскому. Тот сторговался предварительно с моим помещиком и просил К. П. Брюллова написать с него, Жуковского, портрет, с целью разыграть его в частной лотерее. Великий Брюллов тотчас согласился, и вскоре портрет Жуковского был у него готов. Жуковский, с помощью графа М. Ю. Вьельгорского, устроил лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и этою ценою куплена была моя свобода, в 1838 году, апреля 22.

С того же дня начал я посещать классы Академии художеств и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей Брюллова. В 1844 году удостоился я звания свободного художника.

О первых литературных моих опытах скажу только, что они начались в том же Летнем саду в светлые, безлунные ночи. Украинская

строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещичьей передней, на постоялых дворах и в городских квартирах; но когда дыхание свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных под убогою батьковскою стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой стороне. Из первых слабых моих опытов, написанных в Летнем саду, напечатана только одна баллада «Причинна». Как и когда писались последовавшие за нею стихотворения, об этом теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая история моей жизни, набросанная мною в этом нестройном рассказе в угождение вам, сказать правду, обошлась мне дороже, чем я думал. Сколько лет потерянных! сколько цветов увядших! И что же я купил у судьбы своими усилиями не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумение своего прошедшего. Оно ужасно, оно тем более для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которых мне тяжело было вспоминать в своем рассказе, до сих пор — крепостные. Да, милостивый государь, они крепостные до сих пор!

Примите уверение и проч.

Т. Шевченко

1860, февраля 18.

В листах до В. Шевченка від 22. IV 1860 р. і В. Фліорковського від 27. VII 1860 р. цей текст поет називає своїм. Отже, нову редакцію автобіографії Шевченко авторизував. Є підстави вважати, що доповнення П. Куліш вніс за вказівками самого Шевченка.

ЩОДЕННИК

Автограф заголовка не має. На оправі, очевидно уже після смерті Шевченка, золотом витиснено: «Дневникъ Шевченка».

Писати щоденник поет почав 12 червня 1857 р. у Новопетровському укріпленні, а закінчив 13 липня 1858 р. в Петербурзі. Вперше надруковано в журналі «Основа» (1861, №№ 5—12; 1862, №№ 1—8) з численними купюрами, зашифруванням багатьох прізвищ і зміною окремих слів та виразів.

Автограф зберігається в Інституті літератури ім. Т. Г. Шевченка АН УРСР.

1857

12 ИЮНЯ

[1] Новопетровское укрепление — форт на півострові Мангишлак, на східному березі Каспійського моря, де пробув Шевченко на засланні майже сім років. Нині — Форт Шевченко.

[2] Чихирь — місцеве неміцне вино.

[1] Шканечный журнал — вахтовий запис погоди і всіх подій на судні. Шканці — місце на горішній палубі.

[2] Пишу не для мгновенной славы... — Ці рядки належать російському поетові Олексію Васильовичу Кольцову (1809—1842), твори якого Шевченко дуже цінив. Перебуваючи в Орській фортеці (1848), Шевченко в листі до Лизогуба просив, щоб йому надіслали твори Кольцова, «поезії святої ради».

[3] Лазаревский Михаил Матвеевич (1818—1867) — близький друг поета. В другій половині 40-х років служив «попечителем прилінійних киргизів» у Троїцькому (Оренбурзької губернії) і в Орському укріпленнях. 1847 р. познайомився з Шевченком. Згодом клопотався про полегшення його долі, перший з радістю сповістив про визволення його з солдатчини. Поет подарував М. Лазаревському свій щоденник.

[4] Нижний Новгород — місто на Волзі. Шевченко жив там з 20. IX 1857 р. до 8. III 1858 р. Нині — місто Горький.

[5] За Фультонову душу... — Фультона тут згадано помилково. Шевченко мав на увазі винахідника паровоза Стефенсона. Мова йде про переїзд залізницею з Москви до Петербурга.

[6] Питер — Петербург. Шевченко прожив там загалом 12 років.

[7] Гурьев-городок — повітове місто Оренбурзької губернії на річці Уралі. Шевченко був там у жовтні 1850 р. Нині — місто Казахської РСР.

[8] Батько кошовый — Кухаренко Яків Герасимович (1800—1862), український письменник, автор п'єси «Чорноморський побит на Кубані між 1794 і 1796 роками», казки «Вороний кінь» та інших творів. Йому Шевченко присвятив «Москалеву криницю». З 1851 р. був наказним отаманом Азовського війська, а згодом — отаманом всього Чорноморського козачого війська; звідси — «батько кошовий».

[9] Старик Щепкин — геніальний актор, родоначальник російського реалістичного театру Щепкін Михайло Семенович (1788—1863). Як і Шевченко, вийшов з кріпаків, був одним з найближчих його друзів; познайомились вони у Києві 1843 р. Щепкіну поет присвятив вірш «Заворожи мені, волхве...» і поему «Неофіти».

[10] Кизляр — місто Терської області, нині — Дагестанської АРСР.

[11] Екатеринодар — місто на Кубані, нині — Краснодар.

[12] Несвиж — містечко в Західній Білорусії.

[13] Чирковичи — Шевченко помилився: маєток Залеського був у Рачкевичах, поблизу Слуцька.

[14] Бронислав Залецкий — Залеський Броніслав (1820—1880), поляк, за зв'язки з таємними революційними гуртками 1846 р.

був засланий в Оренбурзький корпус рядовим. З Шевченком познайомився 1849 р. в Оренбурзі. З 1860 р. жив за кордоном. Художник-аматор та історик.

[15] Вильно — Вільнюс — місто, в якому був Шевченко у 1829—1830 рр. Нині столиця Литовської РСР.

[16] Толстой Федор Петрович (1783—1873) — віце-президент Академії мистецтв, скульптор, живописець, архітектор, особливо відомий як медальєр. Ф. Толстой і його дружина Анастасія Іванівна багато зробили для визволення Шевченка із заслання.

14 ИЮНЯ

[1] Казак Луганский — псевдонім Володимира Івановича Даля (1801—1872), російського письменника, етнографа, фольклориста, мовознавця, автора відомого «Толкового словаря живого великорусского языка». Шевченко познайомився з Далем ще до заслання, в Петербурзі. «Солдатские досуги» Даля (видано в 1843 р.) містять в собі оповідання й загадки для солдатського читання.

15 ИЮНЯ

[1] г. Бажанов — підпоручик Новопетровського укріплення, наглядач госпіталю Бажанов Микола Єфремович. Зберігся його лист до Шевченка від 8. VIII 1860 р. Доля портрета невідома.

[2] Чарц — підпоручик, див. дальші записи від 16 і 17. VI, 6 і 11. VII.

[3] Мостовский — артилерійський офіцер (з польських засланців), помітно виділявся людяним ставленням до солдатів серед некультурного, розбещеного середовища офіцерів Новопетровського укріплення.

16 ИЮНЯ

[1] Комендантша — Ускова Агафія Омелянівна, дружина Іраклія Олександровича, коменданта Новопетровського укріплення в 1853—1865 рр. Наташенька й Наденька — їхні діти. Наталія Ускова зберегла спогади про «своего лучшего друга детства» Тараса Григоровича; ці спогади надруковані в журналі «Киевская старина», 1889, № 2 (Н. Зарянко, Воспоминания Н. И. Усковой о Т. Г. Шевченко). Шевченко намалював кілька портретів Ускових.

17 ИЮНЯ

[1] Поэт — Лермонтов Михайло Юрійович (1814—1841). Шевченко мав на увазі рядки з його поезії «Когда волнуется желтеющая нива».

[2] «Записки о Южной Руси» — двотомна збірка (1856 і 1857 рр.) українських народних переказів, казок, пісень та літературних творів («Наймичка» Шевченка, «Орися» Куліша та ін.), впорядкована і видана українським письменником Пантелеймоном Олександровичем Кулішем (1819—1897). Прихильний відгук Шевченка викликала саме поява збірника української народної творчості (йдеться про перший том). Поет познайомився з Кулішем 1843 р. в Києві. Обидва вони були членами Кирило-Мефодіївського товариства, але не однодумцями. Куліш очолював праве крило, обстоював ліберально-буржуазні погляди.

[3] Субботов — село на Черкащині, поблизу Чигирина, де був маєток Богдана Хмельницького. Шевченко, очевидно, не погоджувався зі словами Куліша в «Записках о Южной Руси», де сказано, що від будинку Б. Хмельницького «не осталось уже никаких следов». Подорожуючи по Україні, Шевченко намалював акварелі «Богданові руїни в Суботові» і «Богданова церква в Суботові».

18 ИЮНЯ

[1] Межигорский Спас — запорозький монастир під Києвом, 1787 р. згорів. Шевченко відвідав ту місцевість влітку 1843 р. Дзвонковая криниця — джерело в яру біля монастиря.

[2] Видубецкий монастырь — одна з найстародавніших споруд Києва, над Дніпром. Шевченко змалював його 1843 р.

19 ИЮНЯ

[1] Никольский Сергей Родионович — батальйонний лікар у Новопетровську; Шевченко часто брав у нього книги для читання.

[2] Гиппократ — лікар і природознавець у стародавній Греції (V—IV ст. до н. е.).

[3] Публий Овидий Назон (43 р. до н. е.— 17 р. н. е.) — римський поет. Імператор Август заслав його на узбережжя Чорного моря до гирла Дунаю, де жило войовниче плем'я гетів.

[4] Христианин Николай — цар Микола I. Конфірмуючи (затверджуючи) вирок «III отделения» про віддання Шевченка в солдати, він написав: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

[5] Данте Алигьери (1265—1321) — славетний італійський поет, автор «Божественної комедії», у 1302 р. за політичні переконання був вигнаний з рідного міста Флоренції.

[6] Майор Мешков — командир 5-го батальйону в Орській фортеці.

[7] **Бездушный сатрап и наперсник царя** — граф Перовський Василь Олексійович (1794—1857), командир Оренбурзького окремого корпусу й оренбурзький генерал-губернатор у 1831—1841 рр. та з 1851 до 1857 р.

20 ИЮНЯ

[1] **Кроніон** — син титана Крона — Зевс, головний бог у стародавніх греків.

[2] **Эскулап** — римський бог, що нібито повертав людям здоров'я; тут в іронічному розумінні — лікар.

[3] **Нагаев Григорий Николаевич** — прапорщик у Новопетровському укріпленні, який переписував повість Шевченка «Матрос» («Прогулка с удовольствием и не без морали»).

[4] **Сатурн** — бог посівів, покровитель хліборобства у римлян, якого пізніше стали іменувати богом часу.

[5] **«Москалева криниця»** — йдеться про другу редакцію поеми, датовану Шевченком 16 травня 1857 р. і присвячену Я. Г. Кухаренкові.

21 ИЮНЯ

[1] **Вперед, вперед, моя исторья...** — рядки з IV строфи VI глави «Евгения Онегина» О. С. Пушкіна.

[2] **Харон** — у грецькій міфології — перевізник душ померлих через підземну річку в царство мертвих.

[3] **Маркович** — Маркевич Андрій Миколайович (1830—1907), син Миколи Андрійовича Маркевича (1804—1860), автора збірки поезій «Украинские мелодии» (1831), історика, етнографа.

[4] **«Русский инвалид»** — газета військового міністерства. Виходила з 1813 до 1917 р.

[5] **Катенин Александр Андреевич** (1803—1860) — оренбурзький генерал-губернатор і командир Оренбурзького корпусу з 7 квітня 1857 р. (після Перовського).

25 ИЮНЯ

[1] **Профос** — у миколаївській армії солдат, що чистив відхідні місця і був полковим катом.

[2] **Сю Эжен** (1804—1857) — французький белетрист, автор романів «Паризькі таємниці», «Вічний Жид» та ін. Шевченко негативно висловлювався про його творчість.

[3] **Орская крепость** — місце заслання Шевченка в Оренбурзькій губернії, де він пробув з 23. VI 1847 р. до 11. V 1848 р. і з 12. V до половини вересня 1850 р. Нині значний промисловий центр Оренбурзької області

[4] **...я имел случай просидеть под арестом...** — Йдеться про арешт 1850 р. у зв'язку з доносом оренбурзькому військовому

губернатору і командиру корпусу. У 1842—1851 рр. цю посаду обіймав Обручов Володимир Панасович (1793—1866).

26 ИЮНЯ

[1] Надеждою живут ничтожные умы — рядок з «Фауста» Гете (1749—1832) в перекладі Е. Губера.

[2] Эрмитаж — художній та історико-культурний музей світового значення у Петербурзі; 1852 р. відкритий для громадського огляду. Шевченко побував у цьому новому приміщенні Ермітажу після повернення із заслання.

[3] Акватинта — див. 8 прим. до «Автобіографії».

[4] «Казарма» — одна з кращих картин відомого фламандського живописця Давида Тенірса Молодшого (1610—1690). Свого задуму Шевченко не здійснив.

[5] Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — великий російський художник (автор картин «Последний день Помпеи», «Осада Пскова», «Нашествие Гензериха на Рим»), учитель Шевченка в Академії мистецтв; брав участь у визволенні його з кріпацтва, намалювавши портрет В. А. Жуковського: портрет було розіграно в лотереї і за виручені 2500 крб. Шевченка викуплено у пана. Поет відтворив образ Брюллова в повісті «Художник», часто згадує і в «Щоденнику».

[6] Федотов Павел Андресвич (1815—1852) — основоположник російського жанрового живопису, автор реалістичних сатиричних картин. Шевченко має на увазі одну з цих картин, а саме: «Приезд жениха».

[7] «Свои люди — сочтемся» — комедія Островського Олександра Миколайовича (1823—1886), написана 1850 р., спершу була заборонена цензурою (до 1861 р.). Надрукована 1850 р. Є відомості, що в Новопетровську її ставив гурток аматорів і Шевченко грав Ризположенського.

[8] Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), комедію якого «Ревізор» Шевченко відносить до «сатиры умной, благородной», був для українського поета, як і О. С. Пушкін, одним з найвищих і неперевершених взірців в історії світової літератури. Гоголю Шевченко присвятив відому поезію «За думою дума роєм вилітає...» (1844). У листі до В. М. Рєпніної (1850) Шевченко писав, що «перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовию к людям! ...Гоголь — истинный ведатель сердца человеческого! Самый мудрый философ! и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним, как перед человеколюбцем!» «Мертвые души» Гоголя Шевченко називав «бессмертным созданием».

[9] Данилевский Николай Яковлевич (1822—1885) — природознавець, статистик, публіцист. Притягався до суду у справі Петрашевського. Брав участь в експедиції російського вченого академіка Бера для дослідження рибальства на Волзі й Каспійському морі (1853—1856); в той час, перебуваючи в Новопетровську, познайомився з Шевченком. Згодом перейшов на позиції реакційного слов'янофільства.

27 ИЮНЯ

[1] Кампиньони Андрей Анжелович — підпоручик, начальник артилерії у Новопетровському укріпленні.

[2] Шаховской Александр Александрович (1777—1846) — російський драматург і театральний діяч, автор кількох десятків п'єс. «Двумужница» — «романтическая драма» з піснями, танками, хороводами та святковими іграми.

29 ИЮНЯ

[1] Мадам Эйгерт (правильно — Еггерт) — дружина помічника ветеринарного лікаря, що служив до 1852 р. в Новопетровському, а потім оселився в Оренбурзі.

30 ИЮНЯ

[1] Зигмонтовский — Зигмунтовський Костянтин Миколайович — акцизний чиновник у Новопетровську, вперше його згадано в щоденнику 14 червня як «спиртомера». Софія Самійлівна — його дружина.

[2] Эдип, Фингал, Димитрий Донской — герої трагедій російського драматурга Владислава Олександровича Озерова (1769—1816).

[3] Каннист Василий Васильевич (1758—1823)—російський поет (автор «Оды на рабство») і драматург. «Ябеда» — комедія, написана 1798 р.

[4] Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — визначний російський трагік. Шевченко бачив актора в Петербурзі під час найвищого піднесення його слави.

[5] Яковлев Алексей Семенович (1773—1817)— талановитий російський актор-трагік, що вславив себе в ролях трагедій В. О. Озерова.

[6] Лазарев Михаил Петрович (1788—1851) — адмірал; у 1819—1821 рр. брав участь в експедиції адмірала Беллінгсгаузена на Південний полюс; експедиція досягла 70° південної широти, відкривши кілька невідомих островів і Антарктиду.

[7] «Петербургские ведомости» — «Санкт-петербургские ведомости» (з 1703 до 1728 р. під назвою «Ведомости Московского государства»)—найдавніша російська газета. Виходила до кінця 1917 р.

1 ИЮЛЯ

[1] Петергоф — місто поблизу Петербурга (Ленінграда), нині — місто Петродворець.

[2] Ширяев Василий Григорьевич (1795 — ?) — цеховий живописець-альфрейщик, якому 1832 р. Енгельгардт законтрактував Шевченка в учні.

[3] Петровский Петр Степанович (1814—1842) — художник, учень Брюллова, учився в Академії мистецтв разом з Шевченком.

[4] Михайлов Григорій Карпович (1814—1867) — академік історичного малярства, вчився в Академії мистецтв разом з Шевченком.

[5] Пора, пора душой смириться...— рядки з поезії «Как в наши лучшие года» революційно-демократичного поета-сатирика і перекладача Василя Степановича Курочкіна (1831—1875); ця поезія записана в «Щоденнику» 29. XI 1857 р. Шевченко був особисто знайомий з Курочкіним. П'єр-Жан Беранже (1780—1857) — французький поет-пісняр, твори якого перекладав Курочкін.

[6] «Библиотека для чтения» — журнал, керований О. Сенковським, пізніше — Старчевським, Дружиніним та ін.; орган консервативного напряму, хоч часом вміщував на своїх сторінках переклади Беранже тощо.

2 ИЮЛЯ

[1] Приятель — Афанасьєв Олександр Степанович (1817—1875), етнограф і поет-романтик (псевдонім — А. Чужбинський), писав російською і українською мовами.

[2] Тредьяковский Василий Кириллович (1703—1769) — російський поет і теоретик поезії.

[3] Бархвиц Станислав Августович — підпоручик 5-го батальйону Оренбурзького корпусу. Зимою 1848 р. позичив у Шевченка 63 крб. 30 коп. сріблом і не повернув. Коли поет подав скаргу, Бархвіц просив начальство покарати «рядового Шевченка» нібито за обмову.

[4] Апрелев Василий Петрович (1805—1855) — кавалергардський полковник.

[1] Рені Гвидо (1575—1642) — відомий італійський художник болонської школи, автор картин «Клеопатра», «Ессе homo» («Це людина»), «Геркулесові подвиги» та ін. Його картини Шевченко бачив в Ермітажі.

[2] Калам Александр (1810—1864) — швейцарський пейзажист і гравер, популярний тоді в Росії.

[3] «Современник» — журнал, заснований Пушкіним у 1836 р. З 1847 р. його редакторами й видавцями стали Некрасов і Панаєв. Відділ критики журналу вів Бєлінський. З 1856 р. «Современник» очолили революційні демократи Некрасов, Чернишевський і трохи згодом Добролюбов. «Современник» цього періоду був для Шевченка найавторитетнішим журналом.

5 ИЮЛЯ

[1] Ригельман Александр Иванович (1720—1789) — військовий інженер, історик. Крім згаданої праці, написав також «Летописное повествование о Малой России».

[2] Либельт Кароль (1807—1875) — польський філософ-ідеаліст, критик і теоретик мистецтва; учасник повстання 1830 р. Тут названо його працю «Естетика, або Наука про прекрасне».

[3] Кулих — унтер-офіцер, поляк, приятель Шевченка (див. запис від 8, 22 і 23. VII).

[4] Пшевлоцкий Северин — солдат 1-го батальйону в Новопетровську, поляк-засланець.

[5] Галич Александр Иванович (1783—1848) — професор Петербурзького університету, представник ідеалістичного напряму в філософії Йдеться, очевидно, про його книгу «Опыт науки изящного» (СПб., 1825).

[6] Григорович Василий Иванович (1786—1865) — конференц-секретар і викладач теорії мистецтва в Академії мистецтв. Григоровичу Шевченко присвятив поему «Гайдамаки» на знак вдячності за участь у визволенні його з кріпацтва.

7 ИЮЛЯ

[1] Князь Константин Николаевич (1827—1892) — другий син Миколи I, в 50-х роках керував морськими справами.

[2] Капитан Косарев — Косарев Єгор Михайлович (1818—1891) — ротний командир у Новопетровському форті, лишив спогади про Шевченка.

[3] Адмирал Васильев — віце-адмірал, астраханський військовий губернатор.

8 ИЮЛЯ

[1] Обрядин Яков Максимович — командир другої роти, до якої належав і Шевченко.

[2] ...в честь известного балагура — Русского Инвалида, Скобелева. — Русский Инвалид — літературний псевдонім генерала Скобелева Івана Микитовича (1778—1849), автора оповідань, написаних у жартівливо-розповідній манері. Вони друкувалися на сторінках журналу «Библиотека для чтения», а потім вийшли окремими збірками.

[3] Эдикуль — семибаштовий замок у Стамбулі, служив тюрмою для державних злочинців.

9 ИЮЛЯ

[1] Родзянко Аркадий Гаврилович (1793—1846) — поміщик, автор порнографічних віршів; тому Шевченко й зіставляє його з російським поетом XVIII ст. І. С. Барковим, а Пушкін називає «наместником Приапа». Веселий Поділ — маєток Родзянків у Хорольському повіті.

10 ИЮЛЯ

[1] Иосиф Вернет — Верне Клод-Жозеф (1714—1789) — французький художник, майстер морських пейзажів, картин дикої природи.

[2] Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — російський поет-романтик і перекладач, який брав участь у визволенні Шевченка з кріпацтва. На згадку про це поет присвятив йому поему «Катерина».

[3] Корнелиус Петер (1783—1867) — німецький художник, автор творів на релігійні та історичні сюжети.

[4] Гессе — Гесс Генріх (1798—1863), німецький художник, писав картини на релігійні теми, належав до Мюнхенської школи ідеалістичного живопису.

[5] Штернберг Василий Иванович (1818—1845) — талановитий живописець-пейзажист і жанрист, друг Шевченка за часів перебування поета в Академії мистецтв. Збереглося кілька портретів Шевченка, намальованих Штернбергом. Останньому присвячено поезії «Іван Підкова», «На незабудь Штернбергові».

[6] Гольбейн Ганс (1497—1543) — знаменитий німецький художник, найбільш відомий як портретист.

[7] Дюрер Альбрехт (1471—1528) — німецький живописець і гравер, автор теоретичних праць. Один з найбільших художників німецького Відродження.

[8] Кленце Лео (1784—1864) — німецький архітектор; в Росії брав участь у побудові Ермітажу та Ісааківського собору.

[9] Князь Вяземский — Вяземський Петро Андрійович (1792—1878), російський поет і критик, друг Пушкіна і Жуковського.

[10] Бруни Федор Антонович (1799—1875) — художник, ректор Академії мистецтв у Петербурзі по відділу історичного й портретного живопису.

11 ИЮЛЯ

[1] Часовенный — уральська місцева назва розкольників.

[2] Стенька Разин — Разін Степан Тимофійович (страчений 1671 р.) — організатор селянського повстання в XVII ст.; Шевченко не раз згадував про нього в «Щоденнику», наділяючи, як і Кармелюка, епітетом «славний лицар».

[3] Уж сколько раз твердили миру... — рядки з байки «Ворона і Лисиця» російського байкаря Івана Андрійовича Крилова (1769—1844). Крилова Шевченко надзвичайно шанував. Саме цим пояснюється й гостра критика ним пам'ятника Крилову в Петербурзі роботи барона Клодта. В цьому пам'ятнику Шевченко вбачав образу для великого байкаря (див. запис від 30. IV 1858 р.).

[4] ...козаченько Швачка — Швачка Микита — один з керівників гайдамацьких загонів під час Коліївщини 1768 р. Шевченко присвятив йому поезію «Швачка» (1848).

[5] Жена Кулиша — Олександра Михайлівна Куліш (1828—1911), з роду Білозерських, літературний псевдонім — Ганна Барвінок.

[6] «Алексей Однорог» — історична повість П. Куліша, надрукована в «Современнике» (1852, кн. 12; 1853, кн. 1—2).

[7] Гулак-Артемовский Семен Степанович (1813—1873) — визначний український композитор (автор «Запорожця за Дунаєм» та ін. творів) і оперний співак, «найвидатніший соліст нашої епохи» в оцінці М. Глінки. Близький друг Шевченка з початку 40-х років і до смерті поета.

12 ИЮЛЯ

[1] ...вредны... такие списатели — тобто Небольсін Павло Іванович (1817—1893) і Желєзнов Йосип Гнатович (1824—1863) — етнографи, дослідники побуту російського народу. Шевченко критикує роботи Небольсіна (стаття «Уральцы») і Желєзнова (книга «Уральцы. Очерки быта уральских казаков»), справедливо вбачаючи в них ідеалізацію консервативних рис побуту уральських козаків.

[2] Зарянко Сергей Константинович (1818—1870) — художник-портретист, що намагався з фотографічною («дагеротипною») точністю копіювати найдрібніші зовнішні риси оригіналу.

[3] Булавин Кондратий Афанасьевич (бл. 1660—1708) — козачий сотник, який очолював повстання селян і козаків 1707—1708 рр., що вибухнуло у відповідь на спробу уряду Петра I повернути з Дону втікачів, головним чином селян і солдатів. Ім'я та по батькові Булавіна Шевченко дав за народною піснею.

[4] Сакен Фабиан Вильгельмович (1752—1837) — генерал-фельдмаршал, брав участь у придушенні польського повстання 1830—1831 рр. Останні роки життя перебував у Києві, командував 1-ю армією, розташованою на Україні.

[5] Болховитинов Евгений (1767—1837) — російський історик, археолог і бібліограф. З 1822 р. і до смерті — митрополит київський.

14 ИЮЛЯ

[1] Беллона — богиня війни, за віруванням стародавніх римлян.

15 ИЮЛЯ

[1] ...по не исследованному еще Аральскому морю... — Тут мова йде про експедицію по вивченню Аральського моря, що тривала з 25. VII 1848 р. до вересня 1849 р., в якій Шевченко виконував обов'язки художника.

[2] Могила Петр (1596—1647) — київський митрополит, засновник Києво-Могилянської колегії, чимало сприяв культурному зближенню Росії і України; автор богослужебної книги («Могилянського требника»), призначеної для відправи різних християнських обрядів (хрестин, вінчання, похорону тощо).

16 ИЮЛЯ

[1] Каймак — вершок пряженого молока. Джурмица — кисле молоко.

[2] Раим — укріплення на річці Сир-Дар'ї, за 60 км. від її гирла. Шевченко був у Раїмі з 19. VI до 25. VII 1848 р., а також у 1849 р. під час зимівлі на Кос-Аралі. Він описав Раїм у повісті «Близнецы».

17 ИЮЛЯ

[1] Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — історик («Исторические монографии» в 21 томі та ін. праці) і український письменник буржуазно-ліберального напряму (автор драм «Сава Чалий», «Переяславська ніч»); один з організаторів Кирило-Мефодіївського товариства; був заарештований у 1847 р., але зазнав значно легшої кари, ніж Шевченко.

18 ИЮЛЯ

[1] Бэр Карл Максимович (1792—1876) — видатний біолог, в 1853—1856 рр очолював наукову експедицію, яка мала визначити перспективу рибальства на Волзі і Каспійському морі. Відвідуючи не раз Новопетровське укріплення, Бер познайомився з Шевченком.

[2] Гебрийский город Баку.— Шевченко, очевидно, говорить про гвебрів, гебрів, або парсі — вогнепоклонників, які в XVII ст. оселилися коло Баку і спорудили «храм вогню». Баку — теперішня столиця Азербайджанської РСР.

[3] Триестская Ллойда — австрійське спочатку страхове судноплавне, а пізніше пароплавне товариство, що мало нагляд за суднобудуванням і судноплавством. Перебувало в Трієсті, який тоді був під Австрією.

19 ИЮЛЯ

[1] Левицкий Сергей Петрович (1822—1855) — вихованець Київського університету, чиновник Оренбурзької прикордонної комісії, знайомий Шевченка в 1847—1849 рр., у 1850 р. був заарештований в Петербурзі за зв'язки з Шевченком.

[2] Писарев Николай Эврестович (1806—1884) — управитель канцелярії горезвісного київського генерал-губернатора Д. Г. Бібікова (1792—1870), «капрала Гавриловича Безрукого», за характеристикою Шевченка в «Юродивому»; за розпорядженням Бібікова було заарештовано членів Кирило-Мефодіївського товариства; Писарєв — права рука Бібікова в «производстве секретных и политических дел», голова секретної комісії в справах таємних товариств.

[5] Поему «Сатрап и дервиш», «вроде «Анджело» Пушкина», Шевченко не написав. Як гадають, незакінчена поезія «Юродивий» (1857) становить фрагмент задуманої ним поеми.

20 ИЮЛЯ

[1] Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — державний діяч, мандрівник по Палестині, Єгипту та ін. місцях Азії й Африки, автор п'ятитомних «Путешествий по Сицилии, святым местам, Египту и Нубии» (СПб., 1854).

[2] Павел Викторович Свичка — Свічка Лев Миколайович (1800—1845),— ім'я і по батькові у «Щоденнику» названо помилково,— один із випадкових знайомих Шевченка, власник маєтку в Городищі, Пирятинського повіту, син полковника Миколи Петровича Свічки, далі згаданого в «Щоденнику», а також у повісті «Близнецы».

[3] ...видел гениального ...Соленика — Соленик Карпо Трохимович (1811—1851), великий український артист, основопо-

ложник реалістичного театру на Україні; уславився в ролях п'єс І. П. Котляревського («Наталка Полтавка», «Москаль-чарівник»), Г. Ф. Квітки-Основ'яненка («Шельменко-денщик»), М. В. Гоголя («Ревізор»), О. С. Грибоєдова («Лихо з розуму»).

[4] Не пылит дорога... і далі — строфа поезії М. Ю. Лермонтова «Из Гете. Горные вершины». Лермонтов був одним з найбільш улюблених після Пушкіна поетів Шевченка. Перебуваючи на засланні, Шевченко просив надіслати йому твори поета, не раз їх перечитував.

[5] Якубович Иван Александрович — батько декабриста Олександра Івановича, роменський поміщик і повітовий маршалок. Шевченко познайомився з ним і другим його сином Іваном — братом декабриста — в Ромнах улітку 1845 р. Менший син Іван був каліка. Тому, очевидно, Шевченко й назвав його Квазімодо (герой роману Гюго «Собор Паризької богоматері»).

[6] Ромодановский шлях — шлях через Полтавщину з півночі на південь, до Криму. Описом цього шляху починається повість «Наймичка». З Росії через Конотоп, Ромни, Лубни до Кременчука він прокладений військом князя Ромодановського, що виступило проти гетьмана Дорошенка.

21 ИЮЛЯ

[1] Фиалковский Феликс — унтер-офіцер, поляк-засланець, 1848 р. засуджений за спробу втекти за кордон, щоб приєднатись до угорських повстанців.

22 ИЮЛЯ

[1] Бюрно Карл Иванович — генерал-майор, військовий інженер, співчутливо поставився до засланого Шевченка. Герн Карл Иванович — штабний офіцер Оренбурзького корпусу, хороший Шевченків приятель часів заслання. В Оренбурзі на квартирі у нього поет жив з січня по квітень 1850 р. (до арешту 23. IV). Герн попередив Шевченка про обшук і своєчасно заховав його рукописи.

23 ИЮЛЯ

[1] Вазари Джорджо (1511—1574) — італійський художник, архітектор, історик мистецтва, автор праці «Біографії найславетніших живописців, скульпторів і архітекторів», яку читав Шевченко.

27 ИЮЛЯ

[1] Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — видатний російський художник, автор картин «З'явлення Христа наро-

дові», «З'явлення Христа Магдалині» та багатьох етюдів і ескізів. Шевченко про ці картини й говорить, називаючи першу «Иоанн Креститель».

[2] Восторженное письмо Гоголя — це лист Гоголя до М. Ю. Вієльгорського з проханням допомогти Іванову, картину якого великий російський письменник характеризує як «явление небывалое».

[3] Граф де Кенси — Катрмер де Кенсі (1755—1849) — французький археолог, автор праці про Юпітера Олімпійського (статуя великого грецького скульптора Фідія, V ст. до н. е.).

[4] Моллер Федор Антонович (1812—1875) — учень Брюллова, історичний живописець і портретист.

28 ИЮЛЯ

[1] Кебаб — шашлик.

29 ИЮЛЯ

[1] Дружина С. Гулака-Артемовського — Артемовська Олександра Іванівна — піаністка, арфістка. Шевченко познайомився з нею після повернення із заслання (див. записи від 3, 18, 20. V 1858 р.).

[2] Чаем шклянкою.. — вислів із думи про Ганджу Андибера: «дуки-сріблянники... стали його вітати медом шклянкою і горілки чаркою».

7 АВГУСТА

[1] Бурцов Лев Александрович — прапорщик, служив у Новопетровському укріпленні, добре ставився до Шевченка.

8 АВГУСТА

[1] Гваренги — Кваренгі Джакомо (1744—1817) — італійський архітектор і живописець; з 1779 р. жив у Петербурзі. За його проектами зведено будинок Академії наук, Ермітажний театр, Смольний інститут та ін.

[2] Сапожников Александр Александрович — астраханський рибопромисловець, з яким Шевченко познайомився ще 1842 р. (див. записи від 23 серпня і 2 вересня); згодом у Москві і Петербурзі Сапожников виявив своє справжнє обличчя, не прийнявши Шевченка, коли поет завітав до нього.

[3] «Роберт-дьявол» — опера французького композитора Джакомо Мейєрбера (1791—1864), автора опер «Пророк», «Гугеноти», «Африканка».

[4] «Уж как веет ветерок» — пісня з опери «Аскольдова

могила» російського композитора Олексія Миколайовича Верстовського (1799—1862).

[5] Фиалковский Феликс — засланець-поляк. Як і Олександр Храбчинський, Еразм Ольшевський та Станіслав Домарацький, був звільнений з військової служби разом з Шевченком, але всі вони вирушили з Новопетровська іншим шляхом, ніж Шевченко,— через Гур'єв, Уральськ та Оренбург.

9 АВГУСТА

[1] Хвалынское море — стародавня російська назва Каспійського моря.

[2] «Описание города Астрахани» — книга М. С. Рибушкіна «Записки об Астрахани».

10 АВГУСТА

[1] Варвараци — Варваці Іван Андрійович (1750—1825) — грецький купець, що брав участь у російсько-турецькій війні 1769 — 1770 рр., а потім оселився в Астрахані; рибопромисловець.

[2] Шевченко висловив тут помилкову думку: калмики — лише одна з монгольських народностей.

11 АВГУСТА

[1] Плащаница — церковне покривало з зображенням Христа.

[2] Тон Константин Андреевич (1794—1881) — архітектор, викладач в Академії мистецтв, будівник ряду храмів і Великого Кремлівського палацу.

13 АВГУСТА

[1] «Вестник Европы» — журнал, заснований М. Карамзіним, виходив у Москві в 1802—1830 рр.

[2] «Московский телеграф» — журнал М. О. Полевого (видавався у 1825—1834 рр), в якому брали участь Пушкін, Одоєвський, Вяземський.

[3] Граф Хвостов — Хвостов Дмитро Іванович (1757—1835)— бездарний поет, обер-прокурор синода.

[4] Державин Гавриил Романович (1743—1816) — відомий російський поет (див. запис від 13 вересня, де Шевченко називає його «певцом Екатерины»).

[5] Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — відомий російський історик і письменник.

[6] «Дух законов» — політико-філософський трактат французького мислителя Шарля-Луї Монтеск'е (1689—1755), кілька разів виданий російською мовою.

[7] Дюма Александр (1802—1870) — французький романіст і драматург, автор багатьох популярних романів: «Три мушкетери», «20 років потому», «Віконт де Бражелон», «Граф Монте-Крісто» та ін. Сю Ежен — див. 2 прим. до запису від 25 червня.

[8] «Русский вестник» — журнал, заснований 1856 р. М. Н. Катковим; спочатку в ньому брали участь М. Є. Салтиков-Щедрін, Л. М. Толстой, І. С. Тургенєв та ін. Після 1863 р. стає органом реакції.

[9] Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — російський буржуазний історик, автор праці «История России с древнейших времен», у 29 томах.

[10] Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — російський письменник, твори якого добре були відомі Шевченкові. Примірник «Семейной хроники» з авторським написом він надіслав Шевченкові до Нижнього Новгорода наприкінці грудня 1857 р. Вони почали листуватися, а згодом (22. III 1858 р.) і познайомились у Москві.

[11] Савор-могила. Відомості про археологічні дослідження великої могили на території кол. Катеринославщини Шевченко прочитав у першій книзі журналу «Русский вестник» за 1856 р. Це викликало в нього здогад, що це і є та сама, оспівана в народних думах, Савур-могила. Насправді Савур-могила була на території Міуської округи, Донської області.

15 И 16 АВГУСТА

[1] Записи від 15 до 20 серпня зроблені земляками й шанувальниками Шевченка, з якими поет зустрівся в Астрахані.

[2] Бывшего профессора Киевского университета...— Шевченко професором Київського університету не був; він тільки подав прошення на цю посаду в кінці 1846 р. Костомаров у березні 1847 р. писав Шевченкові, що його «вже настановлено учителем малярського іскуства в університеті», і просив, щоб він швидше повертався до Києва. 5 квітня 1847 р. Шевченка заарештовано при в'їзді в Київ.

[3] Клопотовский Иван Петрович — студент Київського університету в середині 40-х років, знайомий Шевченка. В 50-х роках — учитель в Астрахані, лишив спогади про перебування Шевченка в цьому місті.

[4] Незабытовский Степан Андреевич (1829—1902)— закінчив Київський університет 1854 р., лікар в Астрахані.

16 АВГУСТА

[1] Чельцов Федор — морський лікар, родом з Київщини, закінчив Київський університет 1853 р.

17 АВГУСТА

Це запис рукою Ф. Чельцова народного переказу про чорта, що відбував солдатську службу. Иван Рогожин — тут псевдонім Ф. Чельцова. Жартівливий образ сатани Івана Рогожина Шевченко згодом використав у листі до І. Клопотовського. Іваном Рогожиним він назвав автора цього запису також у двох дарчих написах: на автографі уривка «І поживе Давид на світі» («Царі») — «Федору Чельцову (И. Рогожину) на память 16 августа 1857» і на примірнику «Кобзаря» — «Федору Чельцову (он же и Иван Рогожин) от автора 12 лютого 1860 року».

18 АВГУСТА

[1] Кишкин Владимир Васильевич — капітан пароплава «Князь Пожарский», що ним Шевченко їхав з Астрахані до Нижнього Новгорода. Як видно із запису, вони познайомилися ще до зустрічі в Астрахані, можливо, у Новопетровському укріпленні (до 1857 р. Кишкін служив у військовому флоті).

20 АВГУСТА

[1] Зброжек Томаш (Хома Іванович) — старший лікар 17-го робочого екіпажу в Астрахані, у 1856—1858 рр., вихованець Київського університету (закінчив 1850 р.). Подаємо переклад запису, зробленого ним польською мовою: «Красномовство припало на долю небагатьох; мені ж, позбавленому цього божественного дару, залишається тільки мовчки дивуватися та благословляти твою творчу силу, святий народний пророче-мученику Малоросії. Твоє теперішнє перебування серед нас робить мене цілком щасливим, і хвилини єднання ніколи з моєї пам'яті не зітруться. О, стократ, стократ благословляю той дорогий день, в який небо дозволило мені особисто познайомитися з тобою, щирий і безстрашний оповіснику слова правди. Хай же ці кілька слів нагадують тобі — поету-художникові — глибоку повагу шануючого тебе Томаша Зброжека».

25 АВГУСТА

[1] Панов Алексей Панфилович — «крепостной Паганини» (запис від 27 серпня) — його рукою записані ці рядки і, очевидно, дальші рядки нот.

27 АВГУСТА

[1] Шопен Фридерик Францишек (1810—1849) — великий польський композитор і піаніст.

[2] Паганини Никколо (1782—1840) — італійський композитор; скрипаль-віртуоз могутнього темпераменту й витонченої техніки; автор концертів, що й досі входять до репертуару кращих музикантів-скрипалів.

[3] Фультон Роберт (1765—1815) — американський механік, винахідник пароплава (1807).

[4] Уатт Джемс (1736—1819) — англійський механік, що удосконалив парову машину в 1769 р. Шевченко не знав, що російський винахідник Іван Іванович Ползунов (1730—1766) випередив своїм винаходом Уатта в 1762 р.

[5] Енциклопедисты — група французьких філософів, учених і письменників-просвітителів другої половини XVIII ст., об'єднаних навколо видання «Енциклопедії» (1751—1780) — Дідро, Д'Аламбер та ін. Вони були ідеологічними попередниками Великої Французької революції 1789 р.

28 АВГУСТА

[1] «Королева Варвара» — історична повість Попова Нила Олександровича (1833—1891).

[2] Борей — північно-східний вітер у стародавніх греків і його міфологічне уособлення — крилатий бог.

29 АВГУСТА

[1] Камышин — повітове місто Саратовської губернії. Малюнок Шевченка камишинської пристані зберігається в Державному літературно-художньому музеї Т. Г. Шевченка у Києві.

[2] Иосиф — митрополит астраханський і терський, був убитий не Разіним, а повстанцями 11 травня 1671 р. Сам Разін у той час уже був у полоні й сидів у тюрмі в Москві. Шевченко записав місцевий переказ, який не відповідає дійсності.

30 АВГУСТА

[1] Козаченко Екатерина Никифоровна — теща Сапожникова (див. 2 прим. до запису від 8 серпня). Шевченко намалював її портрет.

[2] Костомарова Татьяна Петровна (1798—1875) — мати М. І. Костомарова, колишня кріпачка. Шевченко познайомився з нею ще 1846 р. у Києві; в Саратові Шевченко передав їй поезію «Н. Костомарову» («Веселе сонечко ховалось ...»).

31 АВГУСТА

[1] ... роковое 30 мая 1847 года... — день, в який після оголошення вироку III відділу Шевченка віддали в солдати.

1 СЕНТЯБРЯ

[1] Петр Ульянов Чекмарев — записано, очевидно, рукою самого Чекмарьова, ротмістра у відставці.

[2] Солонина Мария Григорьевна — дружина майора З. К. Солонини, чиновника провіантської комісії в Саратові.

2 СЕНТЯБРЯ

[1] Ці рядки записані рукою Сапожникова.

[2] Барбье Огюст (1805—1882) — французький поет, автор «Ямбів» — книги гострих сатиричних поезій, спрямованих проти французької буржуазії часів революції 1830 р. Вірш «Собачий пир»— з цієї збірки.

[3] Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873)— російський поет, що від віршів, повних риторичних прикрас і «музики чистих звуків» в 30-х роках, перейшов у 50-х роках до поезії з передовим громадянським змістом.

[4] Тормоз — так називав Герцен царя Миколу I.

[5] Искандер — псевдонім великого російського революційного діяча, публіциста, мислителя, письменника Олександра Івановича Герцена (1812—1870). Шевченко з глибокою пошаною ставився до Герцена — «нашего изгнанника-апостола», а Герцен вважав Шевченка за «совершенно народного писателя», «борца за свободу».

[6] Волжск — Вольськ — повітове місто Саратовської губернії.

3 СЕНТЯБРЯ

[1] Цей рядок записано рукою Івана Никифоровича Явленського — брата К. Н. Козаченко.

4 СЕНТЯБРЯ

[1] Хвалынск — повітове місто Саратовської губернії.

[2] Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поет, історик, публіцист-слов'янофіл; автор поезії «Кающаяся Россия» («России»), двічі записаної в Шевченковому «Щоденнику» (див. ще запис від 16. IV 1858 р.).

5 СЕНТЯБРЯ

[1] Гусиковская Дуня — дівчина-швачка, яку полюбив у Вільно 16-літній Шевченко, тоді ще кріпак Енгельгардта.

[2] Стаття «Турецкая война в царствование Федора Алексеевича» надрукована в журналі «Русский вестник», 1857, т. VIII (березень — квітень). Автором її був не Н. О. Попов, автор «Королевы Варвары», як гадав Шевченко, а Попов Олександр Миколайович (1821—1877), член-кореспондент Академії наук.

[3] «Губернские очерки» великого російського сатирика Михайла Євграфовича Салтикова-Щедріна (1826—1889) друкувалися в «Русском вестнике» за 1856—1857 рр. Нарис «Матушка Мавра Кузьмовна» надрукований в журналі «Русский вестник», 1857, т. VIII, квітень, кн. 2.

6 СЕНТЯБРЯ

[1] Самара — нині — місто Куйбишев.

[2] Гонг — керівник китайських інсургентів (повстанців), т. зв. «тайпінгів», проти маньчжурської династії в 1850—1864 рр. Шевченко прочитав статтю в «Русском инвалиде» під назвою «Новейшие сведения о действиях китайских инсургентов». Повстання, очолюване Гонгом, було придушене за допомогою американських, англійських і французьких військ.

7 СЕНТЯБРЯ

[1] Жигулевские горы — Жигулі — високий горяний берег Волги (правий, а не лівий, як зазначено у Шевченка).

[2] Гудзивщи — село під Звенигородкою на Київщині, де є гора під назвою Звенигора.

[3] Князь Воронцов — Воронцов Михайло Семенович (1782—1856) — генерал-губернатор Новоросійського краю, а потім намісник на Кавказі. Далі він зветься англоманом, тому що не в міру схилявся перед всім англійським.

[4] Мошны — містечко на Черкащині, де був маєток Воронцова.

[9] Грабовский Михайло (1804—1863) — польський письменник, критик і історик, представник української школи в польській літературі, автор статті «Парк князя М. С. Воронцова в Киевской губернии» («Современник», 1853, № 4).

8 СЕНТЯБРЯ

[1] Симбирск — тоді губернське місто, в якому двічі проїздом був Шевченко; нині — місто Ульяновськ.

9 СЕНТЯБРЯ

[1] Монумент Карамзина — пам'ятник Миколі Михайловичу Карамзіну в Сімбірську, збудований 1845 р. Головну частину пам'ятника — скульптуру музи історії Кліо — виліпили А. А. Іванов і згаданий далі у Шевченка Петро Андрійович Ставассер (1816—1850).

11 СЕНТЯБРЯ

[1] Запис цього дня зроблено рукою капітана пароплава В. В. Кишкіна і витримано в жартівливому стилі сотенного писаря Пістряка, персонажа повісті Квітки-Основ'яненка «Конотопська відьма».

12 СЕНТЯБРЯ

[1] Казань — губернське місто над рікою Казанкою. Шевченко був там 13. IX 1857 р. Нині — столиця Татарської АРСР.

13 СЕНТЯБРЯ

[1] Монумент певца Екатерины — пам'ятник видатному російському поетові другої половини XVIII ст. Гаврилу Романовичу Державіну. Висловлена Шевченком у цьому запису думка про невдалий вибір місця для пам'ятника незабаром стала загальновизнаною, і 1870 р. пам'ятник перенесено на Театральну площу.

[2] Посяда Іван Якович і Андрузький Георгій Львович притягались у справі Кирило-Мефодіївського товариства, бувши тоді студентами Київського університету. В 1847 р. обидва, за рішенням слідчої комісії, були переведені в Казанський університет. 1857 р. у Казані їх уже не було. 1848 р. Посяду послано на службу до Рязанської губернії, а Андрузького — до Петрозаводська, де його знову заарештовано і заслано на Соловки.

15 СЕНТЯБРЯ

[1] Дубельт Леонтий Васильевич (1792—1862) — керуючий III відділом у 1839—1856 рр., жорстоко переслідував будь-які передові віяння в миколаївській Росії; один з найлютіших ворогів Шевченка.

[2] Попов Михаил Максимович (1800—1871) — спочатку вчитель Пензенської гімназії, в часи, коли там учився Белінський; в 30-х роках — співробітник III відділу, допомагав Дубельту вести слідство у справі Кирило-Мефодіївського товариства. Дестрем — очевидно, Шевченко помилився, маючи на увазі співробітника III відділу надвірного сотника І. А. Нордстрема.

[3] Байрон Джордж-Гордон (1788—1824) — великий англійський поет, твори якого були відомі Шевченкові в деяких російських і польських (Жуковського, Міцкевича та ін.) перекладах.

17 СЕНТЯБРЯ

[1] «Полярная звезда» — літературний альманах, що його у 1823—1825 рр. видавали декабристи поет Кіндрат Федорович Рилєєв (1795—1826), страчений за наказом Миколи I, та прозаїк і критик Олександр Бестужев-Марлінський (1797—1837). Навколо цього

альманаху згуртувались найвидатніші російські письменники (Пушкін, Жуковський, Дельвіг, Крилов та ін.).

[2] Поеми «Наливайко» і «Войнаровський» написані К. Ф. Рилєєвим.

18 СЕНТЯБРЯ

[1] «Русскому народу» — вірш відомого революційного діяча, теоретика народництва, арештованого 1866 р. в справі замаху Каракозова на царя, Петра Лавровича Лаврова (1823—1900).

[2] Клейнмихель П. А. (1793—1869) — один з найближчих прихильників Миколи I, з 1842 р. до 1855 р.— міністр шляхів.

[3] Закінчення запису зроблено чужою рукою, очевидно, І. Н. Яковенського.

[4] Рашель — французька трагічна актриса; з успіхом грала у 1853—1854 рр. в Росії.

[5] Фреццолини — артистка італійської опери, виступала в Петербурзі у 1847—1848 рр.

20 СЕНТЯБРЯ

[1] Бобржицкий — Бобржецький Олексій, учитель латинської мови, закінчив Київський університет 1848 р., знайомий Шевченка.

[2] Великим патріотам російського народу, організаторам переможної боротьби з польськими інтервентами в XVII ст. Козьмі Мініну і ки. Пожарському нижегородські дворяни і купці замість гідного пам'ятника поставили тільки «грошовый обелиск» з цегли. Цей факт і викликав обурення Шевченка.

[3] «Голоса из России» — неперіодичні збірники, які з 1856 р. видавав у Лондоні О. І. Герцен; третій збірник вийшов у червні 1857 р.

[4] Овсянников Павел Абрамович — архітектор у Нижньому Новгороді, в якого жив Шевченко і намалював його портрет.

22 СЕНТЯБРЯ

[1] «Богдан Хмельницкий» Костомарова — праця М. І Костомарова «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России», надрукована 1857 р. в журналі «Отечественные записки» (кн. I—VIII). Окремим виданням вийшла 1859 р. Ця монографія була однією з перших праць, де зібрано великий фактичний матеріал про народно-визвольну війну 1648—1654 рр. і видатного державного діяча та полководця Богдана Хмельницького. Саме за це і цінив монографію Т. Шевченко, хоч у трактуванні фактів Костомаров стояв на буржуазно-ліберальних позиціях. Шевченкова оцінка дослідження Костомарова збігається з оцінкою, яку дав цій праці М. Чернишевський.

28 СЕНТЯБРЯ

[1] «Доходное место» — комедія О. М. Островського, надрукована в журналі «Русская беседа», 1857, кн. 1, і того ж року заборонена до вистави за різку критику чиновництва. Оцінка п'єси Островського Шевченком у цілому несправедлива, хоч тогочасна демократична критика також вробила певні закиди драматургові, зокрема Добролюбов відзначав в образі Жадова «фальшивый тон» і «громкие фразы».

30 СЕНТЯБРЯ

[1] Лапа — Лапо-Старженецький — поліцмейстер у Нижньому Новгороді.

[2] «Рассказ маркера» — твір Льва Миколайовича Толстого (1828—1910) «Записки маркера», надрукований в журналі «Современник» за 1855 р. (кн. 1). Оцінка ранніх творів Толстого демократичною критикою була цілком позитивною. Шевченко так само вбачав у Толстому виняткове явище в літературному житті Росії 50-х років. Зауваження ж до «Записок маркера» («поддельная простота») надто різке й помилкове.

1 ОКТЯБРЯ

[1] Гартвиг — Гартвінг Август Генріхович, міський лікар у Нижньому Новгороді.

[2] Потехин Алексей Антипович (1829—1908) — російський повістяр і драматург. Згадана Шевченком п'єса «Суд людской — не божий» належить до найслабших його творів.

[3] Мочалова Мария Васильевна — небога відомого трагіка, артистка.

[4] Климовский — псевдонім Євгена Оглобліна, артиста-співака, автора романса «Хуторок».

[5] «Коломенский нахлебник» — водевіль Павла Степановича Федорова (1803—1879), перероблений з французької мови.

[6] Моцарт Вольфганг-Амадей (1756—1791) — великий австрійський композитор, автор 15 опер («Дон-Жуан», «Весілля Фігаро», «Чарівна флейта» та ін.) і десятків симфоній, концертів, серенад тощо.

2 ОКТЯБРЯ

[1] Якоби Николай Карлович — знайомий Шевченка у Нижньому Новгороді, через якого він познайомився з декабристом Анненковим і в якого брав читати нелегальну літературу. Шевченко намалював портрет Якобі і його дружини.

[2] Гверчино — Франческо Барбієрі (1591—1666), італійський художник болонської школи, автор понад 250 картин, переважно на біблійні і міфологічні теми.

[3] Чампиери Доменико (1581—1641) — прозваний Доменікіно (маленький Доменіко) — італійський художник болонської школи.

3 ОКТЯБРЯ

[1] Веймарн Александр Владимирович — генерал, командир карабінерного полку в Нижньому Новгороді.

4 ОКТЯБРЯ

[1] Цей безграмотний запис зроблено рукою слуги П. А. Овсянникова, Михайла, про що Шевченко й пише 5. X 1857 р.

6 ОКТЯБРЯ

[1] «Сын любви» — драма німецького драматурга Августа Коцебу (1761—1819).

[2] Госпожа Васильева — Васильева Катерина Миколаївна, дружина московського актора і сама актриса.

[3] «Путаница» — популярний у той час, перероблений з французької мови П. С. Федоровим водевіль.

8 ОКТЯБРЯ

[1] Шрейдерс Константин Антонович (помер 1894 р.) — чиновник для особливих доручень при губернаторі в Нижньому Новгороді, асесор казенної палати, вихованець Київського університету. З 8 січня по 8 березня 1858 р. у нього жив Шевченко.

[2] Ковалевский Егор Петрович (1811—1868) (у Шевченка ім'я та по батькові зазначено неправильно) — закінчив Харківський університет, багато подорожував, був начальником Азіатського департаменту. Зберігся лист Шевченка до Є. Ковалевського. Як голова Товариства для допомоги письменникам і вченим клопотався 1860 р. про звільнення з кріпацтва родичів Шевченка.

9 ОКТЯБРЯ

[1] «Краткое историческое описание Нижнего Новгорода», составленное неким Н. Храповским.— Точна назва цієї книги «Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, в двух частях, составленные Н. Храмцовским», 1857.

11 ОКТЯБРЯ

[1] «Крещеная собственность» — стаття О. І. Герцена, що вийшла 1853 р. в Лондоні окремою брошурою (друге вид. у 1857 р.); в ній Герцен гостро виступає проти кріпосницької системи в Росії, перегукується з думками і настроями Шевченка.

13 ОКТЯБРЯ

[1] Пиунова Екатерина Борисовна (1843—1909) — молода нижегородська артистка. Згодом вона стала досить відомою провінціальною актрисою, виступаючи переважно в побутових ролях п'єс Островського, а також у різних водевілях. Залишила далеко не вірогідні спогади про Шевченка («Волжский вестник», 1892).

[2] «Вильгельм Телль» — опера видатного італійського композитора Джоаккіно Россіні (1792—1868), автора опер «Севільський цирульник», «Танкред» та ін.

15 ОКТЯБРЯ

[1] «Пчела» — «Северная пчела», реакційна за своїм напрямом політична й літературна газета, керована Ф. Булгаріним і М. Гречем. Виходила з 1825 до 1864 р.

[2] Варенцов Виктор Гаврилович (1825—1867) — педагог, етнограф. З 1857 р. інспектор дворянського інституту в Нижньому Новгороді.

16 ОКТЯБРЯ

[1] Сазонов Николай Иванович (1815—1862) — співробітничав з О. І. Герценом, але потім порвав з ним, пішовши на угоду з царським урядом. Чутка про видання журналу «Посредник» безпідставна. Такого журналу не існувало.

[2] «Le Nord» — газета, неофіційний орган царського уряду; виходила з червня 1855 р. в Брюсселі під редакцією Поггенполя, інтригана, «русского немца», за словами І. С. Тургенєва.

[3] Картуш — Бургіньйон, ватажок зграї грабіжників у Парижі на початку XVIII ст. Під «коронованным Картушем» (тобто розбійником) Шевченко розуміє французького імператора Наполеона III, який вчинив державний переворот, ліквідував у Франції республіканський устрій.

[4] Анненков Иван Александрович (1801—1878) — декабрист, член Північного товариства. Був засуджений на 20-літню каторгу й поселення в Сибіру.

[5] Чернышов и Левашов — були тільки членами слідчої комісії та верховного суду над декабристами, а не головами.

[8] Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — декабрист, політичний емігрант, заочно засуджений на довічну каторгу. Після 30-річного перебування за кордоном у 1857 р. повернувся в Росію. Книга, про яку згадує Шевченко,— це тритомна праця М. І. Тургенєва французькою мовою «Росія і росіяни», що в ній велику увагу приділено селянському питанню в кріпосницькій Росії.

17 ОКТЯБРЯ

[1] Мария Николаевна (1819—1876)—дочка Миколи I, була президентом Академії мистецтв з 1852 до 1876 р.

22 ОКТЯБРЯ

[1] Рукопись моего «Матроса» («Матрос, или Старая погудка на новый лад») — перша назва повісті Шевченка «Прогулка с удовольствием и не без морали».

26 ОКТЯБРЯ

[1] «Русская беседа» — орган слов'янофілів, що виходив у Москві в 1856 до 1860 р. Куліш друкував у цьому журналі свій роман «Чорна рада», закінчивши його статтею «Эпилог к «Черной раде» (т. III за 1857 р.), в якій дано високу оцінку творчості Шевченка.

[2] Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — один з видатних російських ліриків. Згодом у Москві Шевченко одержав у подарунок від Станкевича збірку поезій Тютчева.

28 ОКТЯБРЯ

[1] Никон (1605—1681) — патріарх «всея Руси» за царювання Олексія Михайловича. Був звинувачений в бажанні захопити повноваження царя, за що висланий на заслання, де і помер.

31 ОКТЯБРЯ

[1] Репнина Варвара Николаевна (1808—1891) — дочка кн. М. Г. Репніна, рідного брата декабриста С. Волконського; знайома Шевченка, високо цінила його поетичний талант, клопоталась про полегшення його долі; залишила спогади про поета. Шевченко присвятив їй поему «Тризна».

2 НОЯБРЯ

[1] «Отечественные записки» — літературний і політичний журнал, що видавався щомісячно в Петербурзі в 1820 р. У першій половині 40-х років у ньому працював В. Г. Белінський, з другої половини 60-х років — М. О. Некрасов, М. Є. Салтиков-Щедрін,

Гл. Успенський та ін. Закритий 1884 р. В січневій книжці за 1857 р., з якої переписано поезію З. Тура, були ще поезії В. Курочкіна, А. Майкова та інших поетів.

3 НОЯБРЯ

[1] Иордан Федор Иванович (1800—1883) — російський художник-гравер, професор і ректор Академії мистецтв. Шевченко згодом познайомився з ним і працював під його керівництвом.

[2] «Полярная звезда» — збірники, що їх видавав Герцен за кордоном у 1855—1869 рр. (вийшло 8 книг). Назву дістало видання від однойменного літературного альманаху декабристів. На обгортці «Полярной звезды» були портрети п'яти страчених декабристів.

4 НОЯБРЯ

[1] Пущин Иван Иванович (1798—1859) — товариш Пушкіна по ліцею, декабрист. Кара на смерть була замінена йому на 20-літню каторгу. Згадана тут дочка його Ніна справді звалася Аннушкою.

6 НОЯБРЯ

[1] Лабзин Александр Федорович (1766—1825) — віцепрезидент Академії мистецтв у 1812—1822 рр. Епізод з Байковим Шевченко переказав слідом за Герценом («Былое и думы» друкувалися в «Полярной звезде», яку читав поет у цей час). Справді ж на засіданні ради Академії було запропоновано обрати на почесного члена ради міністра фінансів графа Гур'єва, як людину близьку до царя. Тоді Лабзін запропонував обрати Іллю Байкова — царського кучера. Олександр I заслав Лабзіна в Сенгілей, звідки його перевели до Сімбірська.

[2] Аракчеев А. А. (1769—1834) — фаворит Павла I й Олександра I, яскравий представник феодально-кріпосницької реакції.

[3] Мадмуазель Поль.— В згаданому оповіданні О. І. Герцена з книги «Былое и думы» мова йде про декабриста Івашова Василя Петровича (1794—1840) і гувернантку родини Івашових Камілу Ледантю, що пішла за ним у Сибір, де вони й одружились. Історія дружини І. О. Анненкова Поліни Гебль, що також пішла за своїм нареченим на заслання, подібна до історії Івашова і Ледантю; цим можна пояснити помилку співбесідниць Шевченка, що переплутали Поліну Гебль з Камілою Ледантю. Згаданий далі роман — твір О. Дюма (батька) «Учитель фехтування».

[4] Шевченко помилився: дружиною І. І. Пущина була не Коцебу, а Наталія Дмитрівна Фонвізіна, вдова його товариша й приятеля,

декабриста. Не служив він і «на видном месте в Москве», там йому було заборонено жити.

10 НОЯБРЯ

[1] Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — російський художник, відомий серією реалістичних картин «Живописная Украина» (48 картин на українські теми), фольклорист (записані ним матеріали надруковано в «Записках о Южной Руси» Куліша). Шевченко зацікавився Жемчужниковим, прочитавши замітку про нього, яку П. Куліш вмістив у другому томі «Записок о Южной Руси» (де надруковані українські народні казки у записі Жемчужникова).

Л. Жемчужников дуже поважав поетичний і художній талант Шевченка і в останні роки життя поета був одним із близьких його друзів. В журналі «Основа» за 1861 р. кн. III, Л. Жемчужников надрукував тепле «Воспоминание о Шевченке».

12 НОЯБРЯ

[1] Фанданго — іспанський танок.

[2] «Мать-испанка» — мелодрама журналіста й драматурга Полевого Миколи Олексійовича (1796—1846). В оцінці п'єси Полевого Шевченко цілком сходиться з Бєлінським.

19 НОЯБРЯ

[1] Бобелина — героїня грецького повстання 1821 р. проти турецького гніту, головний персонаж роману німецького письменника Вульпіуса «Бобелина, героїня Греції нашого часу», що в російському перекладі з'явився 1828 р. У переносному значенні — кремезна, енергійна жінка.

26 НОЯБРЯ

[1] Лазаревський Федор Матвеевич (1820—1890) — один з братів Лазаревських, поетів приятель, закінчив Харківський університет; з 1846 р.— чиновник Оренбурзької прикордонної комісії. Як тільки Шевченка привезли до Оренбурга, він перший тепло зустрів поета, відвідав його в казармі і познайомився; з 11 на 12 червня 1847 р. Шевченко ночував у Ф. Лазаревського. До 1854 р. служив в Оренбурзі, а потім переїхав до Петербурга, де 1858 р. знову зустрівся з поетом.

2 ДЕКАБРЯ

[1] Гюден Жан Антуан (1802—1880) — французький живописець-пейзажист (особливо відомий морськими пейзажами), в 1841 р. був у Росії.

[2] Старик Улыбашев — Улибишев Олександр Дмитрович (1794—1858) — притягався до відповідальності в справі декабристів, історик музики, автор відомих тоді в Європі біографій Моцарта і Бетховена.

[3] Бетговен — Бетховен Людвіг (1770—1827), великий німецький композитор.

10 ДЕКАБРЯ

[1] Бодянский Осип Максимович (1808—1877)—професор Московського університету, філолог-славіст, автор відомої у свій час праці «О народной поэзии славянских племен». У 1835 р. видав книжку «Наські українські казки». З Шевченком Бодянський познайомився в лютому 1844 р.

12 ДЕКАБРЯ

[1] «Станционный смотритель» — інсценізація відомого оповідання Пушкіна, з'явилась у середині 50-х років. Видрукувана не була.

17 ДЕКАБРЯ

[1] «Дообеденный сон» — п'єса О. М. Островського «Праздничный сон до обеда»; була надрукована в журналі «Современник», 1857, № 3, і поставлена того ж року в Москві.

18 ДЕКАБРЯ

[1] Це рядки з епіграми В. Капніста на самого себе:

Капниста я прочел и сердцем сокрушился,
Зачем читать учился.

21 ДЕКАБРЯ

[1] Осипов Николай Осипович (1825 — ?) — художник, близький до родини Ф. П. та А. І. Толстих, листувався з Шевченком, брав діяльну участь у клопотах по звільненню поета з солдатчини.

30 ДЕКАБРЯ

[1] Як видно з названих Шевченком дійових осіб (городничий, матрос, Михайло Чупрун і Любим Торцов), М. С. Щепкін виступав на сцені нижегородського театру в ролях п'єс М. В. Гоголя («Ревизор»), Шевельова (водевіль «Матрос»), І. П. Котляревського («Москаль-чарівник») і О. М. Островського («Бедность — не порок»).

1858

1 ЯНВАРЯ

[1] Приап — у грецькій міфології — бог садів і полів, покровитель виноградарства; пізніше, в Римі,— бог почуттєвих насолод, любострастя.

[2] Ленский Дмитрий Тимофеевич (1805—1860) — автор понад 70 водевілів (здебільшого переробок з французької), перекладач. Шевченко згадує далі популярний водевіль Ленського «Простушка и воспитанная» (див. запис від 6.I 1858 р.) і перекладену Ленським пісню Беранже «Старый холостяк», переписану Шевченком до «Щоденника» (5. II 1858 р.). Чи дійсно йому належить байка, переписана Шевченком,— невідомо. В образі Хазяїна автор мав, очевидно, на увазі Олександра II.

[3] Самойлова Надежда Васильевна (1823—1899) — видатна петербурзька актриса.

2 ЯНВАРЯ

[1] Шевченко записав переклад В. Курочкіна з Беранже з неточної копії, яка значно відрізняється від друкованого тексту.

3 ЯНВАРЯ

[1] Сераковский Сигизмунд (1826—1863) — видатний польський революціонер-демократ. 1848 р. був засланий в Оренбурзький корпус рядовим. З Шевченком познайомився у роки заслання заочно (через спільних друзів, польських засланців). Під час польського повстання 1863 р. командував повстанськими загонами Литви, був захоплений в полон і повішений. У Петербурзі зблизився з Шевченком і колом Чернишевського. 1860 р. за кордоном зустрічався з Герценом і Гарібальді.

5 ЯНВАРЯ

[3] Щепкин Дмитрий Михайлович (1817—1857) — старший син М. С. Щепкіна, магістр астрономії і філолог.

9 ЯНВАРЯ

[1] «Московские ведомости» — газета, заснована 1756 р. В 1850-і роки мала ліберальний напрям, а пізніше, особливо в 60-х роках, редагована М. Катковим, стає реакційним органом; дуже гостро виступала проти української мови і літератури, мала великий вплив на урядову політику.

13 ЯНВАРЯ

[1] Людовик XVI — король Франції, страчений на гільйотині 1793 р.

[2] Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — професор Московського університету, редактор журналу «Русский вестник» (з 1851 р.) і газети «Московские ведомости» (1850—1855 і 1863—1887 рр.). До 60-х років — ліберал, пізніше — реакціонер і шовініст. В «Русском вестнике» повість Шевченка «Матрос» («Прогулка с удовольствием и не без морали») надрукована не була.

21 ЯНВАРЯ

[1] Статтю Шевченко написав. Під назвою «Бенефис г-жи Пиуновой, января 21, 1858 года» вона була надрукована в газеті «Нижегородские губернские ведомости» 1. II 1858 р., № 5; того ж року передрукована в «Московских ведомостях» (№ 18). Подаємо цю статтю.

«Бенефис г-жи Пиуновой, января 21, 1858 года.

Приняв в соображение нравы нижегородских обитателей, в особенности обитательниц, я немало удивился, войдя в театр и найдя его почти полным. «Что бы значило это?» — спросил я у незнакомого мне отъявленного нетеатрала. «Как что? Сегодня бенефис миленькой Пиуновой. Еще девочкой поступила она на нашу сцену; миловидностью и грациозностью своею обратила на себя внимание и, надо отдать ей справедливость, умела это внимание поддержать и заслужить любовь нашей не очень щедро расточающей свои чувства публики. Вы сами увидите сейчас, насколько это справедливо».

И действительно, г-жа Пиунова достойно поддержала лестное мнение о себе. Независимо от юности и располагающей наружности, она так мила и естественна, что, глядя на нее, забываешь театральные подмостки. Давали в этот вечер драму «Парижские нищие» и водевиль «Бедовая бабушка». Водевиль сам по себе хорош, но в исполнении г-жи Пиуновой и г-жи Трусовой (бабушка) это вышла такая миленькая игрушка, что хоть на любую столичную сцену: так грациозна наивностью своею Глаша и так добродушно-комична бабушка.

Бенефициантка обладает всеми задатками сценичного искусства, а это, вместе с молодостью ее, конечно, подает большие надежды и в будущем. Но мы не скроем, что самые успехи ее порождают и большие требования. Сколько можно судить, г-жа Пиунова с особенным пристрастием выбирает роли наивно-милых девушек. Слова нет: это лучшие ее роли, но она не должна забывать, что в них же кроется однообразие и легкость, которые могут вредить ее таланту. Мы искренно думаем, что она может смело расширить свой репертуар; труда будет больше и вдумываться в роли нужно будет серьезнее; но

зато талант развернется шире. Наше мнение подтверждает сама г-жа Пиунова: в комедии Островского «Бедность — не порок» она играла разбитную вдовушку и выполнила эту роль с большим тактом, а тут, конечно, обыкновенными способностями не обойдешься, особливо в 17 лет. Сюда же можно отнести и роль Татьяны в «Москале-чарівныке»; пьеса эта была поставлена в два дня по желанию Михаила Семеновича Щепкина, приехавшего случайно в Нижний и согласившегося участвовать в трех спектаклях, и, несмотря на поспешность постановки, а также незнание малороссийского языка, г-жа Пиунова в роли Татьяны была очень хороша, так что наш ветеран-артист был в восторге и говорил, что он ни с кем с таким удовольствием не играл, а мнение Щепкина может служить авторитетом. В нашей милой бенефицианткe он принял сердечное участие, советовал ей серьезно трудиться, и, конечно, советы и напутствие вполне оценены ею. В «Парижских нищих» г-жа Пиунова исполнила роль Антуанетты весьма совестливо, но видно, что у ней не было сочувствия к роли. Еще как-то мы заметили в одном месте, именно в свиданье с дочерью банкира, когда она приходит просить работы, неправильность в дикции и позволяем себе обратить ее внимание на этот предмет.

Господин Владимиров выполнил роль бродяги Гастона чрезвычайно рельефно и талантливо; в сцене, когда его берут в рабочий дом и когда он своему бывшему патрону с поклоном говорит «мерзавец»,— он удивительно хорош. В г. Владимирове видеи весьма опытный артист, занимавшийся своим искусством добросовестно. Он вовсе не односторонен, и игра его в особенности замечательна в пьесах, имеющих литературное достоинство, к какому бы роду они ни прикадлежали. Тут он вполне выказывает себя. В гримировке и костюмировке он просто совершенен. Вообще о г. Владимирове мало отозваться лестно,— в нем видно и развитие, и необыденное понимание искусства. Почти то же можно сказать и о г. Климовском. Судить его нужно не по пустой роли Д'Обиньи. Кажется, целью его поступления на нижегородскую сцену были испытание себя и окончательный выбор тех ролей, которые более подойдут к свойству его таланта. Нам в особенности понравился он в пьесе «Суд людской — не божий» и в пьесах г. Островского.

Г-жа Васильева передала очень верно тщаславную и своевольную Алиду, дочь банкира. Мимика ее замечательна, роль же сама по себе не может дать полного понятия об ее игре. Лучше всего она в «Бедной невесте». Но странное впечатление оставляет г-жа Васильева: видна какая-то законченность в ее игре, как будто она выказала все свои средства, и что дальше ожидать нечего; впечатление, не говорящее в пользу будущего развития; признать же совершенно установившимся талантом г-жу Васильеву нельзя. Очень желательно бы-

ло бы, если бы г-жа Васильева вникнула в причину такого явления, и нам кажется, что выяснение этого себе может принести ей большую пользу».

22 ЯНВАРЯ

[1] Лазаревский Яков Матвеевич (1829—1880) — молодший брат Михайла і Федора Лазаревських, спочатку офіцер, потім чиновник.

[2] Белозерский Николай Данилович — чернігівський поміщик, родич учасника Кирило-Мефодіївського товариства В. М. Білозерського. Познайомився з Шевченком у 1847 р. на весіллі П. Куліша.

23 ЯНВАРЯ

[1] Доницетти Гаэтано (1797—1848) — італійський композитор, автор близько 70 опер: «Дочка полку», «Лукреція Борджіа», «Любовний напій», «Фаворитка» та ін.

[2] Гедеонов Александр Михайлович (1790—1867) — директор імператорських театрів у Петербурзі й Москві; тип миколаївського чиновника-солдафона, що нічого спільного з мистецтвом не мав.

30 ЯНВАРЯ

[1] Запис — лист до К. Б. Піунової — зроблено чужою, не Шевченковою рукою.

2 ФЕВРАЛЯ

[1] Ливрезон *(франц.)* — видання, твори, випуск (частина твору); випуск книжок частинами.

[2] Гогарт Вильям (1697—1764) — англійський художник-сатирик, творець кількох серій сюжетно об'єднаних картин («Життя гультяя», «Життя загубленої дівчини», «Модний шлюб» та ін.).

[3] «Парижские нищие» — мелодрама Ежена Сю, перекладена актором Ф. Бурдіним.

5 ФЕВРАЛЯ

[1] «Фрейшиц» — «Фрейшютц» («Чарівний стрілець») — опера німецького композитора-романтика Карла Вебера (1786—1826). Шевченко знав і інші твори Вебера (див. повість «Музыкант»).

[2] Гайден — Гайдн Йозеф (1732—1809) — відомий австрійський композитор, автор багатьох симфоній, ряду ораторій та інших музичних творів. Музика Гайдна багата мотивами народної творчості.

6 ФЕВРАЛЯ

[1] Козлов Иван Иванович (1779—1840) — російський поет-романтик.

[2] Шумахер Петр Васильевич (1820—1891) — російський поет-сатирик, завдяки якому Шевченко вперше побачив газету Герцена «Колокол».

10 ФЕВРАЛЯ

[1] Погожев Василий Николаевич (1802—1859) — інженер у Ярославлі, знайомий Шевченка.

[2] «Пустка» — поезія Шевченка 1844 р., присвячена М. С. Щепкіну («Заворожи мені, волхве...»).

11 ФЕВРАЛЯ

[1] Щербина Иван Александрович — директор Харківського театру.

16 ФЕВРАЛЯ

[1] Майоров — декоратор і актор Нижегородського театру.

[2] Губер Эдуард Иванович (1814—1847) — російський поет, відомий своїм перекладом першої частини «Фауста», знайомий Шевченка. Остання сцена з «Фауста» — побачення Фауста з Маргаритою в тюрмі.

[3] Реч — Ретш Фрідріх-Август (1779—1857) — німецький живописець і гравер, автор ілюстрацій до «Фауста» Гете. Кажучи про Ретша, Шевченко, очевидно, і мав на увазі ці ілюстрації, що могли б стати в пригоді при інсценуванні певних картин «Фауста».

18 ФЕВРАЛЯ

[1] Марко Вовчок — Марія Олександрівна Вілінська-Маркович (1833—1907) — видатна українська письменниця революційно-демократичного напряму.

[2] Вдохновенная книга — «Народні оповідання» Марка Вовчка, високо оцінені Шевченком, Герценом, Чернишевським, Добролюбовим, Тургенєвим. Поет їх щойно прочитав, одержавши від П. Куліша.

19 ФЕВРАЛЯ

[1] Комітет іменувався : «Губернский комитет по устройству и улучшению быта помещичьих крестьян».

[2] Муравьев Александр Николаевич (1792—1863) — учасник декабристського руху, засланий у 1826 р. до Сибіру. З 50-х років був нижегородським губернатором. Згадана в запису його

промова була надрукована в «Нижегородских губернских ведомостях» (1858, № 10, 8, III).

21 ФЕВРАЛЯ

[1] Начал переписывать свою поэзию для печати...— Одержавши з Оренбурга «захалявні книжечки» (вони переховувалися там у К. І. Герна), Шевченко почав обробляти й переписувати свою «невольничу поезію» до так званої «більшої книжки».

23 ФЕВРАЛЯ

[1] Мирцов М. И. — директор не Нижегородського, а Казанського театру. За угодою з Мирцовим восени 1858 р. Піунова переїхала до Казані.

24 ФЕВРАЛЯ

[1] Владимир — губернське місто на річках Клязьмі і Либеді. Шевченко був там 10 березня проїздом до Москви.

[2] Автор вірша «Когда он в вечность преселился...» — П. Л. Лавров. 1861 р. М. Огарьов опублікував його у зб. «Русская потаенная литература XIX ст.» (Лондон).

1 МАРТА

[1] Адлерберг Владимир Федорович (1790—1884) — ад'ютант і найближчий приятель царя Миколи I, міністр царського двору також за Олександра II.

4 МАРТА

[1] Поема «Відьма» — це грунтовна переробка поеми, яка в першій редакції мала назву «Осика» (написана 7.III 1847 р.).

6 МАРТА

[1] Поезії «Лілея» і «Русалка» написані влітку 1846 р. в Києві.

[2] Вильде Николай Евстафьевич (1832—1896) — московський актор, автор кількох п'єс.

10 МАРТА

[1] Бутаков Алексей Иванович (1816—1869) — флотський офіцер, дослідник Аральського моря, за опис цього моря обраний почесним членом Берлінського географічного товариства. Порушуючи наказ царя про заборону Шевченкові писати й малювати, Бутаков узяв Шевченка з собою в експедицію (1848— 1849) «для снимания видов в степи и на берегах Аральского моря».

12 МАРТА

[1] Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — професор Московського, а згодом професор і перший ректор Київського університету, історик, археолог; український фольклорист, упорядник збірок «Малороссийские песни», «Украинские народные песни», «Сборник украинских песен»; перекладач «Слова о полку Игореве».

[2] Кетчер Николай Христофорович (1809—1886) — перекладач творів Шекспіра, за молодих років — друг Герцена й Огарьова.

[3] Бабст Иван Кондратьевич (1824—1881) — історик і економіст, професор Казанського, а згодом Московського університету, автор праці «Об украинских ярмонках».

[4] Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871) — відомий російський дослідник фольклору. Упорядкував і видав систематизований і коментований збірник «Русские народные сказки» (в кількох томах).

13 МАРТА

[1] Мин Дмитрий Егорович (1818—1885) — поет, перекладач Данте, Шіллера та інших поетів; за фахом — медик.

[2] Маркович.— Див. 3 прим. до запису від 21. VI 1857 р.

14 МАРТА

[1] Мария Николаевна.— Див. 1 прим. до запису від 17. X 1857 р.

15 МАРТА

[1] Щепкин Петр Михайлович (1824—1877) — третій син М. С. Щепкіна, юрист, товариш (помічник) голови Московського окружного суду.

18 МАРТА

[1] «Весенний вечер» — поезія, написана Шевченком 1847 р. в казематі («Садок вишневий коло хати...»).

[2] Мокрицкий Аполлон Николаевич (1810—1870) — художник, учень К. Брюллова, товариш Шевченка по Академії мистецтв.

[3] Щепкин Николай Михайлович (1820—1886) — другий син М. С. Щепкіна; виданав твори Бєлінського, Полежаєва, Огарьова, Кольцова та інших письменників.

[4] Якушкин Евгений Иванович (1826—1905) — син декабриста; етнограф, літератор, юрист.

[5] Новиков Николай Иванович (1744—1818) — передовий громадський діяч часів Катерини II, проти якої виступав з статтями у видаваних ним сатиричних журналах «Трутень», «Живописец» та ін. Катерина II ув'язнила Новикова в Шліссельбурзькій фортеці.

19 МАРТА

[1] Станкевич Елена Константиновна — дружина письменника О. В. Станкевича, двоюрідна сестра Т. М. Грановського. Познайомився з нею Шевченко в лютому 1844 р. у Москві.

20 МАРТА

[1] Величко Самойло Васильевич (помер не раніш 1728 р.) — «канцеляриста війська Запорозького», український літописець кінця XVII — початку XVIII ст., автор «Летописи событий в Юго-Западной России в XVII веке», де описано визвольну війну українського народу на чолі з Богданом Хмельницьким проти шляхетської Польщі. Шевченко дуже цікавився цим літописом.

[2] Станкевич Александр Владимирович (1821—1912) — брат М. В. Станкевича, засновника відомого в 30-х роках гуртка Станкевича; автор біографії Т. М. Грановського (1813—1855).

21 МАРТА

[1] Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865) — декабрист, член Південного товариства. Засуджений до каторжних робіт, Волконський повернувся з Сибіру тільки через 30 років.

[2] Забелин Иван Егорович (1820—1908) — російський історик і археолог, автор праці «Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв.» та ін.

[3] Вельтман Александр Хомич (1800—1870) — російський письменник, археолог, директор московської Оружейної палати.

22 МАРТА

[1] Воронцова-Дашкова Екатерина Романовна (1743—1810) — відома діячка часу Катерини II, перший президент Академії наук; була знайома з видатними людьми своєї епохи (Вольтером, Дідро та ін.), залишила записки з фактичними даними для характеристики Катерини II. Стаття про ці записки, яку прочитав Шевченко в № 3 «Полярной звезды» за 1857 р., належить О. І. Герцену («Княгиня Екатерина Романовна Дашкова»).

23 МАРТА

[1] Самарин Иван Васильевич (1817—1885) — відомий московський артист, учень і наступник М. С. Щепкіна, писав також драми.

[2] Наведена епіграма належить не Щербині, а російському поетові Олексію Миколайовичу Апухтіну (1840—1893), і є пародією на вірш О. Фета «Лесом мы шли по тропинке единственной».

24 МАРТА

[1] Шумский Сергей Васильевич (1821—1878) — талановитий актор московських театрів, учень Щепкіна, кращий свого часу виконавець ролей Хлестакова, Кречинського тощо.

[2] Чичерін Борис Николаевич (1828—1904) — історик права, професор Московського університету, учень Грановського.

[3] Кронеберг Алексей Иванович — син професора Харківського університету, класика-латиніста І. Кронеберга; сам він був перекладачем з латинської мови, а також перекладачем Шекспіра.

[4] Корш Евгений Федорович (1810—1897) — журналіст і перекладач, у молоді роки був близький до гуртка Грановського — Герцена.

[5] Крузе Николай Федорович (1823—1901) — ліберально настроєний цензор і журналіст. Пізніше — голова петербурзької земської управи.

25 МАРТА

[1] Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — професор Московського університету, історик і публіцист. Реакціонер і запеклий захисник самодержавства, видавав журнал «Москвитянин».

[2] Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — професор Московського університету, історик і теоретик літератури, критик реакційного напряму, як і Погодін, обстоював офіційну народність, православ'я, самодержавство. З ним багато полемізував В. Г. Белінський.

[3] Згаданий тут вірш Максимовича «25 марта 1858» («На святе благовіщення тебе привітаю») надрукований в журналі «Основа» за червень 1861 р.

[4] Аксаковы — Іван Сергійович (1823—1886) і Костянтин Сергійович (1817—1860) — сини Сергія Тимофійовича, слов'янофіли-публіцисти; Надія Сергіївна — дочка С. Т. Аксакова.

[5] Кошелев Александр Иванович (1806—1883) — слов'янофіл-публіцист, один з видавців журналу «Русская беседа».

28 МАРТА

[1] Галаган Григорій Павлович (1819—1888) — український поміщик-ліберал, голова «Юго-Западного отдела» Географічного товариства, засновник учбового закладу «Коллегия Павла Галагана» у Києві; автор статті «Малорусский вертеп» («Киевская старина», 1882); залишив (ненадрукований) збірник матеріалів з української етнографії, видав «Южнорускі пісні» (1857), знайомий Шевченка ще з початку 40-х років.

[2] Поема «Ян Гус» («Єретик»), написана Шевченком в 1845 р., потрапила до рук жандармів разом з іншими поезіями і збіркою «Три літа». Галаган привіз Шевченкові лише частину його поеми.

[3] Белозерский Василий Михайлович (1825—1899)— ліберал, був членом Кирило-Мефодіївського товариства, редактор журналу «Основа».

[4] Желяковский — Желіговський Едвард-Вітольд (1820—1864), псевдонім Антоній Сова, польський поет і драматург, був на засланні в Оренбурзі, де заочно познайомився з Шевченком. 1859 р. Шевченко написав поезію «Подражаніе Едуарду Сові» («Посажу коло хатини...»), де наслідував пісню з драми Желіговського «Зорський».

29 МАРТА

[1] Мокрицкий — Таволга-Мокрицький Іван Миколайович — управитель канцелярії петербурзького обер-поліцмейстера, родом з Полтавщини, родич Є. Гребінки; Шевченко з ним познайомився в 40-х роках.

[2] Шувалов Петр Андреевич (1827—1889) — петербурзький обер-поліцмейстер.

[3] Лазаревский Василий Матвеевич (1817—1890) — найстарший з братів Лазаревських, закінчив Харківський університет, був управителем канцелярії міністра державних маєтностей, перекладач Шекспіра.

[4] Це була остання з лекцій професора Роде. Точна назва її — «Оптические картины к истории образования земной коры». Після доносу петербурзького митрополита читати лекції Роде заборонили.

30 МАРТА

[1] Лавров Николай Андреевич (1820—1875) — художник-портретист, учень Брюллова, товариш Шевченка по Академії мистецтв.

31 МАРТА

[1] Лукашевич Алексей (1816—?) — художник, 1839 р. закінчив архітектурний відділ Академії мистецтв.

[2] Неудобозабываемый дрессированный медведь — цар Микола I.

[3] Семен — С. С. Гулак-Артемовський. Його ім'я неодноразово згадується далі в «Щоденнику».

1 АПРЕЛЯ

[1] Кокорев Василий Александрович (1817—1889) — мільйонер; один із засновників Волзько-Камського банку. Друкував статті на економічні теми в журналі «Русский вестник». В кінці 50-х років відомий своїми ліберальними настроями.

[2] Марья Степановна — Кржисевич (1824—1905), племінниця поміщика Г. С. Тарновського з Качанівки.

2 АПРЕЛЯ

[1] «Бронзовый конь» — опера французького композитора Данієля-Франсуа Обера (1782—1871).

3 АПРЕЛЯ

[1] «Навуходоносор» — вірш Беранже. В. Курочкін пристосував його до умов царської дійсності. Тоді він не був надрукований і поширювався у списках.

[2] Элькан Александр Львович (1819—1869) — театральний критик, фейлетоніст і перекладач. З Шевченком познайомився ще у 40-х роках.

6 АПРЕЛЯ

[1] Контский Антоний (1817—1899) — польський композитор і піаніст, у 1854—1867 рр. жив у Петербурзі.

[2] Щербина Николай Федорович (1821—1869) — російський поет-лірик і сатирик, постійний відвідувач вечорів у родині Ф. Толстого.

7 АПРЕЛЯ

[1] Соколов Иван Иванович (1823—1910) — професор Академії мистецтв, писав картини з життя України: «Проводы в город парубков, назначенных в рекруты», «Кобзарь», «Возвращение с ярмарки», «Малороссийская свадьба» та ін. З його картини «Приятелі» Шевченко виконав офорт, який подав 1859 р. (разом з офортом з картини Рембрандта) до ради Академії мистецтв з проханням надати йому звання академіка.

8 АПРЕЛЯ

[1] Корбе Илларион Михайлович (1800—?) — відставний генерал-майор, поміщик, власник маєтків на Чернігівщині та Катеринославщині, знайомий Шевченка ще з 40-х років.

[1] Севастопольская песня — пісня про бій 4.VIII 1855 р. на р. Чорній («Как четвертого числа нас нелегкая несла...»), складена гуртком офіцерів, серед яких був і Л. М. Толстой. Але тоді Шевченко побачив не Л. М. Толстого, а його брата Миколу — офіцера й автора нарису «Охота на Кавказе».

[3] Хрулев Степан Александрович (1807—1870) — генерал, герой оборони Севастополя, де був поранений.

10 АПРЕЛЯ

[1] Рамазанов Николай Александрович (1815—1867) — російський скульптор, творець відомого погруддя Шевченка. Викладач Московського училища живопису, скульптури і архітектури.

11 АПРЕЛЯ

[1] Петров Осип Афанасьевич (1806—1878) — оперний артист, бас; був особливо популярний в ролях Івана Сусаніна, Руслана, мельника з «Русалки» (ці ролі Глінка і Даргомижський писали для Петрова).

[2] Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) — великий російський поет, революційний демократ. Ми не знаємо, які саме твори Некрасова викликали негативну оцінку Шевченка. Можливо, ранні поезії (збірки «Мечты и звуки», 1840; «Статейки в стихах», 1843), що зазнали суворої критики Бєлінського. Можливо, деякі окремі пізніші вірші та поема «Тишина», де Некрасов славословив Олександра II. А може, Шевченко піддавав сумніву його естетичні позиції. Але не слід забувати того, що відомі поеми Некрасова («Кому на Руси жить хорошо» та ін.) вийшли в світ уже після смерті Шевченка.

12 АПРЕЛЯ

[1] Старов Николай Дмитриевич — педагог-гуманіст, прихильник Бєлінського й Герцена, тоді — учитель дочки Ф. П. Толстого Катерини (за чоловіком — Юнге).

13 АПРЕЛЯ

[1] Остроградський Михаил Васильевич (1801—1861) — видатний математик, член Російської Академії наук, а також ряду західноєвропейських академій, родом з Полтавщини.

[2] Жадовская Юлия Валерьяновна (1824—1883) — російська поетеса, творчість якої позитивно оцінена М. О. Добролюбовим. Народилась калікою (без лівої руки, з трьома пальцями на правій руці), тому Шевченко говорить про неї з таким співчуттям («Жалкая, бедная девушка!»).

14 АПРЕЛЯ

[1] Энгельгардт Василий Павлович (1828—1910) — син поміщика, кріпаком якого був Шевченко, одержав музичне виховання, був близьким до багатьох композиторів, зокрема до Глінки, займався астрономією, пізніше член-кореспондент Академії наук.

[2] Карташевские — Варвара Яківна (1832—1902) та її дочка Надія Володимирівна — знайомі Шевченка по Петербургу. У них влаштовувались літературні вечори, на яких бували Тургенєв, Писемський, Жемчужников та інші російські й українські письменники. В. Карташевська залишила спогади про Шевченка.

15 АПРЕЛЯ

[1] Долгоруков Василий Павлович (1804—1868) — князь, шеф жандармів і головний начальник III відділу.

[2] Тупица Трофим Семенович (помер 1870 р.) — закінчив Ніжинський ліцей ки. Безбородька, чиновник у Петербурзі, автор статті «О цели жизни человеческой по учению древних греческих философов».

[3] Громека Степан Степанович (1823—1877) — полковник корпусу жандармів; наприкінці 50-х років виступав з ліберальними статтями, але згодом перейшов на одверто реакційні позиції. Був седлецьким губернатором.

[4] Персидский — декабрист під таким прізвищем невідомий; можливо, Шевченко мав на увазі А. А. Бистрицького (1799—1872), який 1858 р. приїздив до Петербурга клопотати про пенсію.

16 АПРЕЛЯ

[1] Мей Лев Александрович (1822—1862) — російський поет, драматург і прозаїк, також перекладач, особливо із слов'янських поетів. З Шевченка Мей переклав «Садок вишневий коло хати...», «Хустину», «Наймичку» і уривок з «Гайдамаків».

17 АПРЕЛЯ

[1] Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) — професор цивільного права, ліберальний діяч, публіцист. У 1861 р., після заворушень студентів Петербурзького університету, вийшов у відставку. З того часу стає крайнім реакціонером.

[2] Братья Жемчужниковы, про яких пише Шевченко, це — Володимир і Олексій, що разом з третім братом Олександром та поетом Олексієм Костянтиновичем Толстим виступали в літературі як колективний автор знаменитих «Афоризмів» Козьми Пруткова; четвертий брат — Лев Михайлович (див. 1 прим. до запису від 10.XI 1857 р.).

[5] «Жизнь за царя» — «Иван Сусанин», народно-патріотична опера геніального російського композитора Михайла Івановича Глінки (1804—1857), належить до найкращих класичних творів російської музики. Цю оперу, як і «Руслана та Людмилу», Шевченко дуже високо ставив.

18 АПРЕЛЯ

[1] «Лунатика» — не відомий досі твір Шевченка.

[2] Грубнер — очевидно, Грінберг Ізабелла Львівна — салонна співачка, про яку був високої думки М. Глінка.

[3] Даргомыжский Александр Сергеевич (1813—1869) — видатний російський композитор. Як свідчить художник Е. Мікешин, Шевченко «глубоко почитал Даргомыжского», хоч у той же час критикував вокальні виступи композитора як співака.

[4] Кузьмин Роман Иванович (1810—1867) — професор архітектури в Академії мистецтв, Шевченків знайомий ще з часу навчання в Академії.

19 АПРЕЛЯ

[1] Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862) — декабрист, член Північного товариства, десять років був на каторзі, потім жив у Тобольську; 1856 р. одержав дозвіл жити в Петербурзі. Шевченко познайомився з ним 14 травня 1858 р.

[2] Голенищев Аркадий Васильевич — тоді генерал-лейтенант, «состоящий по морскому министерству».

20 АПРЕЛЯ

[1] Галахов Алексей Дмитриевич (1807—1892) — історик російської літератури, автор хрестоматій та підручників.

21 АПРЕЛЯ

[1] Сетов — Сетгоф Йосип Якович (1835—1894) — артист, тенор, родом з Угорщини. Згодом — антрепренер оперної трупи.

23 АПРЕЛЯ

[1] Гумбольдт Александр-Фридрих-Вильгельм (1769—1859) — німецький вчений, природознавець. «Космос» — його праця в п'яти томах, спроба зведення природничих знань першої половини XIX ст.

24 АПРЕЛЯ

[1] Клодт Петр Карлович (1805—1867) — скульптор, творець пам'ятників Володимиру в Києві, І. А. Крилову в Петербурзі тощо.

[2] Зимбулатов — Зембулатов Михайло Іванович, підполковник, учитель малювання у військовій школі.

[3] Борисполець — Борисполець Платон Тимофійович (1805—1880), художник, походив з села Гоголева, Остерського повіту на Чернігівщині, був артилерійським офіцером; з 1836 р. вчився в Академії мистецтв (по класу батального живопису). Вийшовши у відставку в чині полковника, цілком віддався мистецтву. Копіюючи картину при поганому освітленні, втратив зір.

25 АПРЕЛЯ

[1] Сухомлинов Михаил Иванович (1828—1901) — професор Петербурзького університету, згодом — академік, історик літератури.

[2] Петров Николай Иванович (помер 1878 р.) — закінчив Ніжинський ліцей кн. Безбородька, служив у Петербурзі, інколи виступав у літературі.

26 АПРЕЛЯ

[1] Курочкин Николай Степанович (1830—1884) — брат відомого російського поета-демократа, сатирика, редактора журналу «Искра» В. Курочкіна; сам також поет, перекладач Шевченка. Обидва брати — друзі Шевченка.

29 АПРЕЛЯ

[1] «Послание...» — Цей автограф до нас не дійшов. Зберігся автограф цього твору під назвою «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм...», датований 14 грудня 1845 р.

30 АПРЕЛЯ

[1] Тыранов Алексей Васильевич (1801—1859) — російський художник-портретист. Тяжка нервова хвороба привела до занепаду його творчості (звідси вислів «Бедный Тыранов»).

[2] Дациаро — магазин мистецьких речей на Васильевському острові, поблизу Академії мистецтв, за прізвищем його власника.

1 МАЯ

[1] Екатерингоф — парк з палацом поблизу Петербурга, де відбувались весняні гуляння.

2 МАЯ

[1] Танерини — Тенерані П'єтро (1789—1869) — італійський скульптор; його «Псіхея» («Душенька», як пише Шевченко) знаходиться в Ермітажі.

3 МАЯ

[1] Мурильо Бартоломео (1617—1682) — іспанський живописець. Багато його картин є в Ермітажі. Висока майстерність і тенденції реалізму в творчості Мурільйо захоплювали Шевченка — художника-реаліста — і він здійснив свій задум: виконав гравюру з картини «Свята родина».

4 МАЯ

[1] Служинский — Слюджинський Франц — гравер, учень знаменитого гравера Академії мистецтв Миколи Івановича Уткіна (1780—1868), Академію закінчив 1837 р. із званням «неклассного художника по части гравирования».

5 МАЯ

[1] Рембрандт Харменс ван Рейн (1606—1669) — видатний голландський художник, майстер мистецтва світлотіні, гравер. Поміж Шевченкових малюнків є ряд офортів з Рембрандта.

6 МАЯ

[1] Юзефович Виктор Владимирович (1817—1871) — брат Михайла Володимировича (1802—1889) — помічника попечителя Київського учбового округу. В справі викриття Кирило-Мефодіївського товариства Юзефович відіграв роль провокатора; звідси епітет, даний йому Шевченком,— «предатель».

[2] Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) — цензор, критик, професор і академік, історик літератури. Залишив мемуари («Моя повесть о самом себе»), де є згадки про Шевченка.

8 МАЯ

[1] Вильбуа — Вільбоа Костянтин Петрович (1817—1882) — композитор, автор кількох опер («Наташа, или Волжские разбойники», «Тарас Бульба», «Цыганка») і вокальних творів.

10 МАЯ

[1] До освячення Ісаакіївського собору (будувався з 1819 до 1858 р.), яке відбулося 30 травня 1858 р., його дозволялося оглядати тільки за спеціальними квитками. Згадані тут О. Д. Гур'єв (1786—1865) — голова комісії по спорудженню Ісаакіївського собору. В. І. Васильчиков — член тієї ж комісії.

11 МАЯ

[1] «Słowo» — польська газета, виходила в Петербурзі з початку 1859 р. (редактор І. Огризко). Заборонена після виходу № 15 за вміщення статті польського революційного діяча І. Лелевеля.

12 МАЯ

[1] Микешин Михаил Осипович (1835—1896) — живописець і скульптор, творець пам'ятника Богдану Хмельницькому в Києві. Ілюстрував «Кобзар» Шевченка (СПб., 1896). У празькому виданні Шевченкового «Кобзаря» 1876 р. є його спомини про Шевченка.

[2] Троцина Константин Елисеевич (1827—?) — закінчив Ніжинський ліцей кн. Безбородька, предводитель дворянства Ніжинського повіту, земський діяч; 1858 р. деякий час жив у Петербурзі як представник у комітеті по розмежуванню Чернігівської і Полтавської губерній.

[3] Макаров Николай Яковлевич (1828—1892)—закінчив Ніжинський ліцей кн. Безбородька, чиновник, публіцист. Брат Шевченкової знайомої В. Карташевської. 1860 р. поет йому присвятив вірш «Барвінок цвів і зеленів...». Того ж року, коли Макаров їхав за кордон, Шевченко передав через нього «Кобзар» для Герцена.

13 МАЯ

Переклад М. Т. Рильського поезії Антонія Сови (Едуарда-Вітольда Желіговського) «Do brata Tarasa Szewczenki».

Братові Тарасу Шевченку

Синові й співцю народу
Личить гордість, милий брате;
Лаври, пишна нагорода,
Чисті, як твій сум крилатий.
Ти в гіркій і скорбній долі
Два вінки дістав криваві,
Не служив-бо марній славі,
А братам, що у неволі.
Тяжко плакав люд голодний,
Але й стогін був виною!
Та могучою луною
Підхопив ти зойк народний.
Ти росив сльозами слово,
Кожна пісня — муки вияв...
І натхнення дух чудовий
Чоло страдника овіяв.
Чудо слова бачиш, брате?
Так, як сонця не сховати
В ясний день,— сховать не може

Слова жоден із тиранів,
Бо воно, те слово боже,
У співців, не в капеланів!
Утікає морок з поля,
Коли день забагрянів,
Не за горами там воля,
Де народ співця родив!

Цей вірш до Шевченкового «Щоденника» Желіговський записав своєю рукою.

18 МАЯ

[1] Ильин Николай Иванович (1777—1823) — російський драматург, наслідувач Коцебу.

19 МАЯ

[1] Садовский Пров Михайлович (1818—1872) — славетний російський актор, представник реалістичних традицій Малого театру, виступав переважно в п'єсах Островського.

[2] «Свадьба Кречинского» — п'єса О. В. Сухово-Кобиліна (1817—1903), автора реалістичної трилогії «Свадьба Кречинского», «Дело» і «Смерть Тарелкина». Роль Расплюєва в цій п'єсі була однією з кращих у репертуарі П. Садовського.

[3] Самойлов Василий Васильевич (1813—1887) — видатний петербурзький актор. В «Свадьбе Кречинского» виконував роль Кречинського.

20 МАЯ

[1] «Трубадур» — опера італійського композитора Джузеппе Верді (1813—1901), який відомий також операми «Аїда», «Травіата», «Ріголетто».

[2] Записана тут рукою І. Лазаревського пісня про відомого повстанця, героя народних пісень і легенд Устима Кармелюка належить не Тимкові Падурі (1801—1871, український і польський поет-романтик, автор українських романтичних віршів-думок, де ідеалізовано козацьку старовину), а кременецькому каноніку Яну Комарницькому, який належав до того ж гуртка аматорів української пісні і козацької старовини. Шевченко називає Падуру «мизерным», бо Падура не досить добре знав українську мову і не виявив у своїх стилізаціях справжнього розуміння народної пісні.

ВИБРАНІ ЛИСТИ

1. ДО Г. Ф. КВІТКИ-ОСНОВ'ЯНЕНКА. 19. II 1841 р.

[1] Квітка-Основ'яненко Григорій Федорович (1778—1843) — перший визначний прозаїк нової української літератури. Шевченко написав вірш «До Основ'яненка» («Б'ють пороги...»). Особисто письменники не були знайомі.

[2] Маруся, сердешна Оксана, панна Сотниківна — героїні однойменних повістей Квітки (остання російською мовою — «Панна Сотниковна»).

[3] Орарь — частина одягу диякона під час церковної служби (широка довга стрічка).

[4] Брюллов К. П. — див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 26. VI 1857 р.

2. ДО Г. Ф. КВІТКИ-ОСНОВ'ЯНЕНКА. 8. XII 1841 р.

[1] «Гаянус я» — так Шевченко називає свою баладу «Утоплена», за ім'ям її героїні. Посилав поет свій твір для альманаху «Молодик».

[2] «Слепая красавица» — драма, яку згодом Шевченко переробив на поему «Слепая». Автограф драми до нас не дійшов.

[3] Артемовський — Гулак-Артемовський Петро Петрович (1790—1865) — український поет, автор байок («Пан та собака») та балад («Рибалка» — на сюжет Гете, і «Твардовський» — на сюжет А. Міцкевича), ректор Харківського університету.

3. ДО О. О. КОРСУНА. 11—12. I 1842р.

[1] Корсун Олександр Олексійович (1818—1891) — український поет-романтик і видавець альманаху «Сніп» (1841). Особисто письменники не були знайомі.

[2] Текст поеми див. у I томі даного видання.

[3] «Черниця» — поема «Мар'яна-черниця», уривки з якої Шевченко надіслав Корсунові для друку в другому випуску альманаху «Сніп» (у світ не вийшов).

[4] Граматика — український фонетичний правопис, вжитий Корсуном у «Снопі», на відміну від етимологічного, якого дотримувалися інші.

4. ДО Г. С. ТАРНОВСЬКОГО. 26. III 1842 р.

[1] Тарновський Григорій Степанович (помер 1853 р.) — поміщик, власник маєтку в селі Качанівці на Чернігівщині, де бували Шевченко, Глінка, Гоголь, Максимович, Штернберг та інші видатні діячі літератури, мистецтва й науки. Шевченко швидко розпізнав у Тарновському кріпосника і дав негативний образ його у повісті «Музыкант» під ім'ям Арновського.

[2] «Гайдамаки» — поема Шевченка, вийшла з друку в Петербурзі 1841 р., попсована царською цензурою.

[3] Маркевич М. А.— див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 21. VI 1857 р. Йому поет присвятив поезію «Н. Маркевичу» («Бандуристе, орле сизий!»).

[4] Забіла Віктор Миколайович (1808—1869) — український поет-романтик. Шевченко бував у нього 1847 р. на хуторі під Борзною. Образ Забіли Шевченко дав у повісті «Капитанша».

[5] Корбе І. М. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 8. IV 1858 р.

5. ДО Г. Ф. КВІТКИ-ОСНОВ'ЯНЕНКА. 28. III 1842 р.

[1] «Утоплена» — балада Шевченка, написана в грудні 1841 р., надрукована в харківському альманасі «Молодик» за 1843 р.

6. ДО П. М. КОРОЛЬОВА. 22. V 1842 р.

[1] Корольов Пилип Миколайович (1821—1894) — учитель гімназії в Харкові, а згодом — професор сільськогосподарського інституту в Горках, Могильовської губернії в Білорусії. Один з найактивніших читачів і популяризаторів «Кобзаря».

[2] «Старина запорозька» — «Запорожская старина», шість збірників пісень, українських дум та козацьких літописів, що їх зібрав і видав у Харкові І. Срезневський 1833—1838 рр. Сучасники сприйняли опубліковані в них пісні й думи як народні. Тільки згодом фольклористи виявили в збірках чимало творів, написаних самим Срезневським.

7. ДО П. М. КОРОЛЬОВА. 18. XI 1842 р.

[1] Мене носив... пароход у Шведчину і Датчину.— Шевченко весь час мріяв поїхати за кордон, зокрема в Італію. Оскільки офіційного відрядження йому не давали, він сам у жовтні 1842 р. виїхав з Петербурга на пароплаві, що прямував до Стокгольма.

[2] «Гамалія» — поема, вийшла в Петербурзі 1844 р. окремим виданням.

[3] Ревель — місто Таллін (Естонія).

[4] Старий Грицько — Г. Ф. Квітка-Основ'яненко.

[5] Петро Гулак — П. П. Гулак-Артемовський.

[6] Сотниківна — героїня оповідання «Панна Сотниковна» Г. Квітки-Основ'яненка.

[7] Метлинський Амвросій Лук'янович (1814—1870) — український поет-романтик. Під псевдонімом Амвросій Могила видав 1839 р. збірку «Думки і пісні та ще дещо». 1854 р. вийшла його збірка «Народные южнорусские песни».

8 ДО Я. Г. КУХАРЕНКА. Кінець лютого 1843 р.

[1] Кухаренко Я. Г. — див. 8 прим. до «Щоденника», запис від 13. VI 1857 р.

[2] Головатий Антін Андрійович (помер 1797 р.) — військовий суддя і кошовий Чорноморського козацького війська, один з організаторів війська чорноморських козаків, колишній писар війська Запорозького. Прочитавши нарис Квітки-Основ'яненка «Головатый», Шевченко хотів намалювати його портрет чи ілюстрацію до нарису. Зберігся ескіз олівцем «А. Головатий біля Неви».

[3] Ваш кошовий — очевидно, наказний отаман Чорноморського війська генерал М. С. Завадовський (1788—1853).

[4] Полуботок Павло Леонтійович (1660—1724) — полковник чернігівський, а потім наказний гетьман. За виступ проти Петра I був ув'язнений у Петропавловській фортеці, де й помер.

[5] «Чорноморський побит» — п'єса Я. Г. Кухаренка, написана 1836 р., відомостей про подання до цензури немає.

[6] І ду за границю — сподівання Шевченка виїхати за кордон не здійснились.

[7] Хтодент — Ткаченко Федот Леонтійович, учився в Академії мистецтв разом з Шевченком; в 1844 р. — учитель малювання в Полтавській гімназії. «Умер у Києві» — іронічний вираз; означає, що Ткаченко не писав Шевченкові після виїзду в Петербурга.

[8] Гулак — С. С. Гулак-Артемовський, див. 7 прим. до «Щоденника», запис від 11. VII 1857 р.

[9] Елькан О. Л. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 3. IV 1858 р.

[10] Семененко — Семененко-Крамаревський, близький приятель Шевченка з початку 40-х років.

[11] Кіндрат — Єжов, учився разом з Шевченком в Академії мистецтв і деякий час жив з ним на одній квартирі.

9. ДО В. М. РЄПНІНОЇ. Між 23 і 25. XI 1843 р.

[1] Репніна В. М. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 31. X. 1857 р.

10. ДО В. І. ГРИГОРОВИЧА. 28. XII 1843 р.

[1] Григорович В. І. — див. 6 прим. до «Щоденника», запис від 5, VII 1857 р.

[2] Аполлон Миколайович Мокрицький (1810—1870) — художник, учень К. Брюллова, приятель Шевченка. 1841 р. поїхав на власні кошти завершувати освіту в Римі.

[3] Григорій Степанович — Тарновський, див. 1 прим. до «Вибраних листів» (лист 4-й).

[4] Вид — білет на право переїзду або проживання в певній місцевості.

11. ДО С. О БУРАЧЕКА. Між 22 і 24. III 1844 р.

[1] Бурачек Степан Онисимович (1800—1876) — інженер, редактор-видавець реакційного журналу «Маяк», що виходив у Петербурзі від 1840 до 1845 р.

[2] «Історія» Маркевича — п'ятитомна праця М. А. Маркевича «История Малороссии», що вийшла в 1842—1843 рр. у Москві.

12. ДО С. О. БУРАЧЕКА. Між 29 і 31. III 1844р.

[1] «Молодик» — літературно-художній альманах, що його в 1843—1844 рр. видавав у Харкові (три книги) і в Петербурзі (одну книгу) Бецький Іван Єгорович (1818—1890). Друкувався російською мовою. Лише в другій книжці був «малоросійський відділ». Це і є той малоросійський «Молодик», про який пише Шевченко.

13. ДО Й. М. БОДЯНСЬКОГО. 29. VI 1844 р.

[1] Бодянський Й. М.— див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 10. XII 1857 р.

[2] «Тризна» — поема Шевченка російською мовою, видана в Петербурзі 1844 р. У журналі «Маяк» друкувалася під заголовком «Бесталанный».

[3] Я рисую тепер Україну.— Йдеться про збірку естампів-офортів «Живописная Украина».

[4] Бутков Петро Григорович (1775—1857) — академік, історик. Є в нього праці і з історії України.

[5] Стороженко Андрій Якович (1791—1858) — чиновник у Варшаві, знавець історії України, мав колекції історичних документів.

[6] Грабовський М. — див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 7. IX 1857 р.

[7] Куліш — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 17. VI 1857 р.

14. ДО М. А. ЦЕРТЕЛЄВА. 23. IX 1844 р.

[1] Цертелєв (Церетелі) Микола Андрійович (1790—1869) — помічник попечителя Харківського учбового округу, за молодих років фольклорист. У 1819 р. видав збірку «Опыт собрания старинных малороссийских песней».

[2] Субскрибент — передплатник.

[3] Генерал-губернатор — князь Долгоруков Микола Ан-

дрійович (1792—1847), що одночасно був і попечителем Харківського учбового округу.

15. ДО П. І. ГЕССЕ. 1. X 1844 р.

[1] Гессе Павло Іванович (1801—1880) — чернігівський цивільний губернатор, з 1855 р.— київський цивільний губернатор.

16. ДО Я. Г. КУХАРЕНКА. 26. XI 1844 р.

[1] Був у Межигорського Спаса — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 18. VI 1857 р.

[2] Ina Хортиці, і скрізь був і все плакав, сплюндрували нашу Україну катової віри німота з москалями.— Хортиця — назва острова, на якому була Запорозька Січ (коло теперішнього міста Запоріжжя). У часи Шевченка на Хортиці була німецька колонія. «Німота з москалями» — представники царського уряду, що «плюндрували Україну», тобто звірячими методами здійснювали гнобительську, колонізаторську політику самодержавства, ворожу інтересам і російського, і українського народів.

[3] Шамрай Павло — учень Академії мистецтв, родом з Катеринодара (тепер — Краснодар).

[4] Гулак — С. С. Гулак-Артемовський.

[5] Хтодот — див. 7 прим. до «Вибраних листів» (лист 8-й).

18. ДО Я. Г. КУХАРЕНКА. 23. III 1845 р.

[1] У Таганрозі Шевченко не був. З Петербурга виїхав, одержавши білет, тобто після 25 березня.

[2] До Лук'яновича О. А. (1803—1880), поміщика села Мар'їнського Миргородського повіту, Шевченко був запрошений малювати портрети членів родини.

19. ДО А. Г. та Н. Я. РОДЗЯНКІВ. 23. X 1845 р.

[1] Родзянко А. Г. і Н. Я. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 9. VII 1857 р.

[2] Мечеслав Вячеславович — Алоїз Вячеславович Едлічка (1819—1894) — український музикознавець і композитор, походженням чех. Був учителем музики у Родзянка.

[3] Фанна Ивановна и Осип Иванович — подружжя Дрекслерів, сусіди Родзянка.

20. ДО М. І. КОСТОМАРОВА. 1. II 1847 р.

[1] Глушановський Антон Андрійович (1815—?) — після закінчення Київського університету був при ньому синдиком, чиновником у судових справах (юристом).

[2] Хома — слуга М. Костомарова.

[3] Юзефович М. В. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 6. V 1858 р.

[4] Білозер — Білозерський В. М., див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 28 III 1858 р.

21. ДО А. І. ЛИЗОГУБА. 22. X 1847 р.

[1] Лизогуб Андрій Іванович (1804—1864) — поміщик села Седнєва на Чернігівщині. Шевченко познайомився з ним у 1846 р. й часто бував у нього.

[2] Кузьма Трохимович — персонаж оповідання Квітки-Основ'яненка «Салдацький патрет».

[3] Киргизи — так тоді називали казахів. Шевченко і далі вживає цю офіційну назву.

[4] Фундуклей Іван Іванович (1804—1880) — київський цивільний губернатор.

[5] Варвара Миколаївна — Рєпніна.

[6] Лазаревський Ф. М. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 26. XI 1857 р.

[7] Ілля Іванович — Лизогуб (1787—1867), старший брат А. І. Лизогуба.

[8] Кікуатови — Кейкуатови, князь Микола Іванович і його дружина Єлизавета, родичі й сусіди Лизогубів, поміщики села Бігача.

22. ДО В. М. РЄПНІНОЇ. 24. X 1847 р.

[1] ...я был определен в Киевский университет... — Шевченка призначено на посаду вчителя малювання Київського університету наказом міністра народної освіти О. С. Уварова 21 лютого, але довідався він про це значно пізніше.

[2] ...отвезли в Петербург 22 апреля... — Шевченка привезли до Петербурга 17 квітня. «Памятным днем» 22 квітня названо тому, що в цей день 1838 року Шевченка було викуплено з кріпацтва.

[3] Конфирмация — вирок III відділу з волі царя, затверджений царем.

[4] Шевченко по пам'яті цитував рядки з поеми «Войнаровський» поета-декабриста К. Рилєєва і помилився. Треба так:

О как неверны наши блага!
О как подвластны мы судьбе!

[5] «Письма к друзьям» — книга М. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847).

[5] «Чтение московского археологического общества» — «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских» почали виходити з 1845 р. за редакцією Й. Бодянського.

[7] Варвара Алексеевна (1778—1864) — мати Варвари Репніної.

23. ДО А. І. ЛИЗОГУБА. 11. XII 1847 р.

[1] Жаль і дуже мені вашої маленької... — дочки А. Лизогуба Лізи, що померла 5 вересня 1847 р.

[2] Яготинські анахоретки — самітниці, жінки сім'ї Репніних та сестри Псьол (Глафіра, Тетяна і Олександра).

[3] Сажин Михайло Макарович — товариш Шевченка по Академії мистецтв, згодом академік перспективного малярства. 1846 р. вони жили разом у Києві на Козиному болоті (тепер пров. Шевченка, 8-а).

[4] Пензель Шаріона — привезений з Парижа, за ім'ям французького майстра.

[5] Кетчер М. Х. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 12. III 1858 р.

[6] «Одіссея» в перекладі Жуковського вийшла з друку тільки 1848 р.

[7] Глафіра Іванівна — Псьол, за чоловіком Дуніна-Борковська (1823—1886), художниця, зі своїми сестрами жила 1843 р. в Яготині у Репніних, де й познайомилася з Шевченком.

[8] Надія Дмитрівна Лизогуб — дружина А. І. Лизогуба, сестра Дуніна-Борковського.

24. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 20. XII 1847 р.

[1] Лазаревський М. М. — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 13. VI 1857 р.

[2] Дзюбін Л. М. — знайомий Шевченка по Петербургу; 31. III 1858 р. про нього згадує поет і в «Щоденнику». 1859 р. Шевченко подарував йому свій автопортрет та автограф посланія «І мертвим, і живим...».

[3] Ізлер — власник ресторану в Петербурзі.

[4] N. N. Плетньов — Плетньов Петро Олександрович (1792—1866) — професор і ректор Петербурзького університету, літературний критик, поет. Друг Пушкіна.

[5] Борисполець П. Т. — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 24. IV 1858 р.

[6] Чернишов Олексій Пилипович (1824—1863) — ху-

дожник, закінчив Академію мистецтв. У 1847 р. приїжджав до Оренбурга і бачився з Шевченком.

[7] Карл Павлович — Брюллов, див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 26. VI 1857 р.

[8] Дубельт Л. В. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 15. IX 1857 р.

[9] Даль В. І. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 14. VI 1857 р.

[10] Перовський В. О. — див. 7 прим. до «Щоденника», запис від 19. VI 1857 р.

[11] Єзучевський Василь Йосипович — чиновник головного управління шляхів у Петербурзі, знайомий Шевченка.

[12] Галуза — Галузевський Я. Ю., чиновник міністерства державних маєтків, знайомий Шевченка.

25. ДО А. І. ЛИЗОГУБА, 1. II 1848 р.

[1] Всяк другу речет... — цитата з біблії.

[2] Раїм — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 16. VII 1857 р.

[3] Давид добре сказав... — далі цитата з біблії; вона нібито належить Давиду (цар Ізраїлю у 1055—1015 рр. до н. е.).

[4] «Свячена вода» — вірш Олександри Іванівни Псьол. Про цей вірш Шевченко згадав у передмові до проектованого видання «Кобзаря» 1847 р.

[5] Тетяна Іванівна — Псьол, сестра Олександри й Глафіри.

[6] Іваненко Федір Григорович (1799—1850) — поміщик Пирятинського повіту, сусід Рєпніних.

26. ДО В. М. РЄПНІНОЇ. 25—29. II 1848 р.

[1] Праздную 25 февраля — тобто свій день народження (9 березня за новим стилем).

[2] Фома Кемпейский (1380—1471) — середньовічний схоласт, монах. Згаданий далі його твір у перекладі М. Сперанського з'явився 1833 р. і 1844 р.

[3] Андрей Иванович — Лизогуб.

[4] Лукашевич Платон Ефимович (бл. 1806—1887) — збирач і видавець українських народних пісень, власник маєтку в селі Березань, недалеко від Яготина. Шевченко був обурений вчинком цього кріпосника, який прислав в Яготин свого кріпака з листом пішки у великий мороз і наказав того ж дня повернутися з відповіддю.

[5] Мир праху... — Йдеться про смерть батька В. Репніної—Рєпніна Миколи Григоровича (1778—1845).

[6] Василий Николаевич — брат В. Рєпніної.

28. ДО Ф. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 22. IV 1848 р.

[1] Устрялов Микола Герасимович (1805—1870) — історик, професор Петербурзького університету, автор шкільних підручників з російської історії.

[2] Василь Матвійович — Лазаревський, див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 29. III 1858 р.

[3] Левицький С. П. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 19. VII 1857 р.

29. ДО А. І. ЛИЗОГУБА. 9. V 1848 р.

[1] Александрійський Михайло Семенович — чиновник Оренбурзької прикордонної комісії, лікар за професією, жив в Орському укріпленні як «попечитель прилінійних киргизів».

30. ДО О. І. МАКШЕЄВА. 26. III 1849 р.

[1] Макшеєв Олексій Іванович (1822—1892) — офіцер генерального штабу, згодом відомий мандрівник. Учасник гуртка Петрашевського. З Шевченком познайомився в Аральській експедиції.

31. ДО А. І. ЛИЗОГУБА. 8. XI 1849 р.

[1] Герн К. І. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 22. VII 1857 р.

32. ДО В. М. РЄПНІНОЇ. 14. XI 1849 р.

[1] Лазаревский — Федір Матвійович.

[2] Много есть любопытного... — Йдеться про враження від походу в складі Аральської експедиції, в якій брав участь Шевченко як художник у 1848—1849 рр.

[3] Бутаков — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 10. III 1858 р.

33. ДО А. І. ЛИЗОГУБА. 29. XII 1849 р.

[1] Рафаель Санті (1483—1520) — великий італійський художник доби Відродження.

35. ДО Й. М. БОДЯНСЬКОГО. 3. I 1850 р.

[1] Конисський Георгій (1717—1795) — архієпископ білоруський. Під його ім'ям видано 1846 р. «Историю Русов, или Малой России». Справжній автор цієї праці невідомий.

36. ДО В. А. ЖУКОВСЬКОГО. Між 1 і 10. 1850 р.

[1] Орлов Олексій Федорович (1786—1861) — шеф жандармів і начальник III відділу з 1844 р. Чи Жуковський писав Орлову — невідомо.

37. ДО В. М. РЄПНІНОЇ. 7. III 1850 р.

[1] Сю Ежен — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 25. VI 1857 р.

38. ДО А. І. ЛИЗОГУБА. 14. III 1850 р.

[1] Михайло.— Кого саме має на увазі Шевченко — встановити не вдалося. Про який «листочок», надісланий для цієї особи, йдеться,— невідомо.

39. ДО В. М. РЄПНІНОЇ. 12. I 1851 р.

[1] Вольховская Татьяна Густавовна (1763—1855) — поміщиця, власниця села Мойсівки на Полтавщині. Шевченко познайомився з нею у червні 1843 р.

[2] Алексей Васильевич — Капніст (1796—1869), син російського письменника В. В. Капніста, притягався до відповідальності у справі декабристів. Шевченко познайомився з ним у 1843 р.

[3] Гур'єв — див. 7 прим. до «Щоденника», запис від 13. VI 1857 р.

[4] Маєвский Антон Петрович (помер 1853 р.) — підполковник, комендант Новопетровського форту (перед Усковим).

40. ДО В. М. РЄПНІНОЇ. Між 10 і 20. IX 1851 р.

[1] Матвєєв — підполковник Уральського козачого війська, чиновник для особливих доручень при командирі Оренбурзького корпусу генералі Обручову.

[2] Кусок материи — так Шевченко з метою конспірації називав свої малюнки, оскільки малювати йому було заборонено.

41. ДО С. С. ГУЛАКА-АРТЕМОВСЬКОГО. 1. VII 1852 р.

[1] Иван Михайлович — очевидна помилка. Як видно з дальших слів, Шевченко мав на увазі Іларіона Михайловича Корбе, через якого С. Гулак-Артемовський переслав Шевченкові гроші.

[2] «Русский инвалид» — див. 4 прим. до «Щоденника», запис від 21. VI 1857 р.

[3] «Северная пчела» — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 15. X 1857 р.

[4] Г-жа Артемовская — Артемовська О. І., див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 29. VII 1857 р.

42. ДО А. І. ЛИЗОГУБА. 16. VII 1852 р.

[1] Корпусного командира — В. О. Перовського, див. 7 прим. до «Щоденника», запис від 19. VI 1857 р.

[2] Бегач — село Бігач, маєток кн. Кейкуатова.

43. ДО А. И. КОЗАЧКОВСЬКОГО. 16. VII 1852 р.

[1] Козачковський Андрій Йосипович (1812—1889) — переяславський міський лікар, близький приятель Шевченка. З ним Шевченко познайомився в Петербурзі 1841 р. В його домі поет написав «Кавказ», «Заповіт», поему «Наймичка».

[2] Эскулап — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 20. VI 1857 р.

[3] Самойлов Степан Никифорович — небагатий пан з села В'юнища, Переяславського повіту. Перебуваючи в нього, Шевченко написав у 1845 р. багато творів («І мертвим, і живим...», «Три літа», «Холодний Яр», «Минають дні...» та ін.).

44. ДО Ф. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 2. VIII 1852 р.

[1] F — один з поляків-засланців (можливо, Фелікс Фіалковський). Z — можливо, Зелінський (польський засланець) або Бр. Залеський.

[2] Костромитенов — Костромитинов Микола Федорович, чиновник прикордонної комісії, знайомий Шевченка по Оренбургу.

[3] Хаїров Ахмет — сотник, башкир, був перекладачем у Новопетровському укріпленні.

[4] Поспелов Ксенофонт Єгорович — командир шхуни «Николай», помічник Бутакова в Аральській експедиції.

[5] Залецкий — Залеський Броніслав, див. 14 прим. до «Щоденника», запис від 13. VI 1857 р.

45. ДО Й. М. БОДЯНСЬКОГО. 15. XI 1852 р.

[1] Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поет, перекладач. Шевченко цитує рядки з його популярної пісні «Среди долины ровныя».

[2] Величко — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 20. III 1858 р. «Летопись» Конїського — це «История Русов».

[3] Лекарь — С. Р. Нікольський, див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 19. VI 1857 р.

[4] Головачов Андриан Филиппович (1820—1889) — зоолог, член Московського товариства природодослідників, професор Ярославського ліцею, в кінці життя — помічник бібліотекаря Московського університету.

[5] Карелин Григорий Силыч (1801—1872) — природознавець, мандрівник, дослідник Каспійського моря.

[6] Козачковский Андрей Осипович — див. 1 прим. до «Вибраних листів» (лист. 43-й).

46. ДО А. П. ГОЛОВАЧОВА. 15. XI 1852 р.

[1] Головачов Андріан Пилипович — див. 4 прим. до «Вибраних листів» (лист 45-й).

[2] Щербина Николай Федорович — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 6. IV 1858 р.

[3] Рамазанов Николай Александрович — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 10. IV 1858 р.

47. ДО Ф. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. X—XII 1852 р.

[1] Заграй мені, дудинку... — слова з народної пісні «Ой ходила дівчина бережком».

48. ДО С. С. ГУЛАКА-АРТЕМОВСЬКОГО. 15. VI 1853 р.

[1] Новий комендант — І. О. Усков, див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 16. VI 1857 р.

[2] К. І. Йохим — Іоахим Карл Іванович (1804—1859), учився разом з Шевченком в Академії мистецтв, мав звання некласного художника, спеціалізувався по відливтю скульптур.

[3] Перовський В. О. — див. 7 прим. до «Щоденника», запис від 19. VI 1857 р.

[4] Горонович Андрій Миколайович (1818—1868) — художник, учився в Академії мистецтв у К. Брюллова.

[5] Граф Толстой — Толстой Ф. П., див. 16 прим. до «Щоденника», запис від 13. VI 1857 р.

[6] Физика Писаревского — «Общепонятная физика, составленная Н. Писаревским» (СПб., 1852).

[7] Одних уж нет... — перефразовані рядки з останньої строфи VIII глави «Євгенія Онєгіна» О. С. Пушкіна:

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

[8] Доле моя... — уривок з народної пісні «Та йшов козак з Дону...».

50. ДО С. С. ГУЛАКА-АРТЕМОВСЬКОГО. 6. X 1853 р.

[1] Бер К. Е. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 18. VII 1857 р.

[2] Софія Іванівна — дружина В. І. Григоровича, дочка скульптора І. Мартоса.

[3] Дациаро — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 30. IV 1858 р.

[4] Калам О. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 4. VII 1857 р.

51. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. IX—XI 1853 р.

[1] Послал тебе «Байгушей» — малюнок сепією, що зображує казахських дітей-жебраків.

[2] Агата — Ускова, див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 16. VI 1857 р.

[3] Посади secondo Цейзика—тобто сина Михайла Цейзика, засланого поляка, аптекаря в Оренбурзі. Secondo (*лат.*) — другого.

[4] Начальник штаба — генерал-майор М. Л. Фантон де Верраїон.

[5] Защита — Ілецька Защита, місто Оренбурзької губернії.

[6] Дмитриев — можливо, Д. Дмитрієв, батько професора батального живопису в Академії мистецтв.

[7] Делакруа Эжен (1798—1863) — французький художник-романтик.

[8] Деларош Поль (1797—1856) — французький художник, автор картин на історичні теми.

[9] Верньє Орас (1758—1836) — французький художник-баталіст.

[10] Мостовский — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 15. VI 1857 р.

[11] Колесинский Балтазар — поляк, покараний за участь у визвольному революційно-демократичному русі.

[12] Сова Антони — псевдонім Е. Желіговського. Див. 4 прим. до «Щоденника», запис від 28. III 1858 р.

[13] Михайло — можливо, засланці М. Цейзик чи М. Білінський, або фотограф-аматор Михайло Ігнатьєв.

[14] Карл — К. І. Герн.

[15] Ojciec prefekt — отець-префект, Зельонка Михайло Тадейович, капелан (ксьондз) Оренбурзького корпусу, засланець. До того був префектом гімназії.

[16] Средницкий — Середницький Стах, поляк, учасник змови Конарського в 1839 р., засланий у солдати.

[17] Турно Людвиг — син польського полковника, учасника повстання 1830—1831 рр., засланий 1846 р. в Оренбурзький корпус.

[18] Аркадий — Венгжиновський, поляк-засланець; в цей час він був уже в Одесі.

52. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. Січень 1854 р.

[1] Байрам у Ираклия. — Байрам — мусульманське свято, тут йдеться про іменини Агати Ускової, дружини коменданта Новопетровського укріплення.

[2] Юнг Эдуард (1683—1765) — англійський поет, автор релігійно-дидактичної поеми «Нічні думи».

[3] «Трио» — скульптурна робота Шевченка. Мова йде, очевидно, про фотокопію, надіслану Б. Залеським.

[4] Варвара — В. Репніна, дочка князя М. Г. Репніна.

[5] «Монах» — малюнок Шевченка, на якому зображена скеля над Каспійським морем.

[6] Лев Филиппович — Екельн, штабовий офіцер, добивався у Перовського дозволу Шевченкові малювати.

[7] Ак-Тау и Кара-Тау — пасма гір. У 1851 р. Шевченко брав участь в експедиції, що вела розшуки корисних копалин у тих місцях.

[8] «Иордан» — драма А. Сови (Желіговського), що з'явилась друком 1846 р. у Вільно.

[9] Алексей Иванович — Бутаков.

[10] Сераковский — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 3. I 1858 р. Згадані тут «земляки» — особи невідомі.

[11] Михайлов — мабуть, прапорщик В. О. Михайлов, що служив у Новопетровському укріпленні. «Бык с киргизом» — очевидно, малюнок чи барельеф Шевченка, що до нас не дійшов.

[12] Фома — Томаш Вернер, був з Шевченком в Аральській експедиції як геолог.

[13] Фома Лазаревский — очевидно, описка, треба — Федір.

53. ДО Я. Г. КУХАРЕНКА 1, 10, 16. IV 1854 р.

[1] У Москві 1846 р. Шевченко не був. Уся ця частина листа має жартівливий характер і, очевидно, викликана датою 1 квітня. А може, Шевченко помилився в роках, згадуючи минуле.

[2] Шамрай-маляр — Шамрай Павло — див. 4 прим. до «Вибраних листів» (лист 16-й).

[3] Порохня — учився в Академії мистецтв, походив з Кубані.

[4] Вернувшись вторік з Аральського моря. — Шевченко повернувся з Аральської експедиції восени 1849 р.

[5] «Тече річка» — один з варіантів народної пісні.

[6] Усков І. О. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 16. VI 1857 р.

54. ДО А. О. КОЗАЧКОВСЬКОГО. 14. IV 1854 р.

[1] Андруші — село недалеко від Переяслава. Шевченко намалював краєвид села.

[2] Трахтемировські гори — гори і село Трахтемирів на правому березі Дніпра проти Переяслава.

[3] «Слово о полку Игоря» — безсмертний твір стародавньої руської літератури (XII ст.). Шевченкові не пощастило повністю здійснити свій задум. Він переклав лише кілька уривків.

[4] Шишков О. С. (1754—1841) — адмірал, президент Російської Академії, міністр народної освіти, переклав «Слово о полку Игореве» прозою (1805).

[5] Максимович М. О. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 12. III 1858 р. Його прозовий переклад «Слова» надруковано в Києві 1837 р. Віршований переклад «Слова» українською мовою М. Максимович надрукував у Києві 1857 р.

[6] Гербель Микола Васильович (1827—1883) — російський поет, перекладач. Гербель перекладав Шевченка і видав «Кобзар» у перекладах російських поетів.

55. ДО Й. М. БОДЯНСЬКОГО. 1. V 1854 р.

[1] Уральський козачина — Савичев Микита Федорович. Залишив спогади про поета.

[2] Іванишев Микола Дмитрович (1811—1874) — професор Київського університету, історик. Шевченко познайомився з ним у 1845—1846 рр. під час роботи в Археографічній комісії.

[3] Щербина Микола Федорович — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 6. IV 1858 р. Йдеться про його збірку «Греческие стихотворения».

[4] Симонов монастир — у Москві; Шевченко помилився: Гоголь був похований у Даниловому монастирі. Останки його пізніше перенесені на кладовище Новодівичого монастиря.

56. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 6. VI 1854 р.

[1] Оссиан — легендарний кельтський народний співець, поеми якого видав Макферсон у 1762—1763 рр.; згодом виявилось, що то були не переклади з Оссіана, а обробки Макферсона стародавніх кельтських переказів та легенд.

[2] Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — російський поет і перекладач, учасник гуртка Петрашевського, заслany у солдати в Оренбурзький край, знайомий Шевченка, перекладач його поезій.

[3] Кернер Карл-Теодор (1791—1813) — німецький поет-романтик; виступав із творами, спрямованими проти загарбницької політики Наполеона.

[4] Залесский Юзеф-Богдан (1802—1886) — польський поет-романтик, представник «української школи» в польській літературі. Учасник польського повстання 1830—1831 рр. У нього є вірш «Могила Тараса».

[5] Пономарев Федор Павлович (1822 — 1884) — художник, товариш Шевченка по Академії мистецтв, написав спогади про Шевченка.

[6] Зелинский — поляк-засланець.

[7] Василий Алексеевич — Перовський.

57. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 9. X 1854 р.

[1] Данилевский Н. Я.— див. 9 прим. до «Щоденника», запис від 26. VI 1857 р.

[2] Эмба — річка, що впадає в Каспійське море, обслідувана тоді експедицією Бера. Тепер басейн Емби — нафтопромисловий район.

[3] Златоуст — повітове місто Уфімської губернії.

[4] Богдан Z.— Залеський. Шевченко, очевидно, одержав один з томів його творів петербурзького видання 1852 р.

[5] Тут іде мова про переклад поезії Сови — Желіговського — «Два слова», що став відомий Шевченкові з рукопису.

[6] Новины русской литературы — Шевченко мав на увазі загалом літературні новини, те, що з'являлося в друку.

[7] Биография Гоголя — праця «Опыт биографии Н. В. Гоголя... Сочинение Николая М.» (П. Куліша), видана в Петербурзі 1854 р.

[8] Одесские события — очевидно, бомбардування міста англійськими військовими кораблями і спроба висадити десант.

[9] «Цыган» — малюнок Шевченка (сепія, 1851), відомий ще під назвою «На етапі».

[10] Богословский завод — у Верхотурському повіті, Пермської губернії.

58. ДО Й. М. БОДЯНСЬКОГО. 3. XI 1854 р.

[1] Семенов.— Про якого Семенова тут йдеться, встановити не вдалося.

[2] Поличчя оцього нікчемного гетьманця — очевидно, автопортрет Шевченка, що до нас не дійшов.

60. ДО А. О. КРАЄВСЬКОГО. Кінець 1854 або початок 1855 р.

[1] Краєвський Андрій Олександрович (1810—1889) — російський журналіст, виданав журнал «Отечественные записки» у 1839—1867 рр. і «Литературные прибавления к Русскому инвалиду» (від 1831 до 1839 р.).

[2] «Княгиня» — повість Шевченка російською мовою, датована 1853 р., була надіслана для друку в журналі «Отечественные записки». Опублікована не була.

[3] К. Дармограй — псевдонім Шевченка, яким він підписував деякі свої повісті.

61. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 10. II 1855 р.

[1] Рустем Яп (помер 1835 р.) — художник, професор Віденського університету.

[2] «Трио», «Христос», «Иван Креститель» — скульптурні роботи Шевченка, що не збереглися.

[5] Фрейман — генерал, що представляв Шевченка в унтер-офіцери.

[6] «Ночь» — акварель Шевченка під такою назвою не збереглася.

62. ДО О. М. ПЛЕЩЕЄВА. 6 IV 1855 р.

[1] Майор Львов — батальйонний командир Шевченка; див. про нього записи в «Щоденнику» від 25 і 26. VI 1857 р.

[2] «Отечественные записки» — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 2. XI 1857 р.

63. ДО С. СЕРАКОВСЬКОГО. 6. IV 1855 р.

[1] Станевич Ян — поляк, засланець в Оренбурзі.

[2] Киевский студент — особа невідома.

64. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 10. IV 1855 р.

[1] Моя единственная опора... — Агата Ускова.

65. ДО В. І. ГРИГОРОВИЧА. Близько 12. IV 1855 р.

[1] Девятый раз... — Шевченко помилився: восьмий раз; далі він зазначає правильно: «Восемь лет я выстрадал молча...»

66. ДО Ф. П. ТОЛСТОГО. 12. IV 1855 р.

[1] У нашей... покровительницы — президента Академії мистецтв, великої княгині Марії Миколаївни, дружини герцога Максиміліана Лейхтенберзького, дочки Миколи І.

[2] Вашего юбилея — 50-річчя художньої діяльності Ф. П. Толстого; відзначено 10. X 1854 р.

67. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 10. VI 1855 р.

[1] Козлов — штейгер з Уральського заводу, учасник експедиції в гори Кара-Тау; в ній брав участь і Шевченко.

[2] Антипов — гірничий офіцер, начальник експедиції в гори Кара-Тау.

[3] Статья Хотинского и Писаревского — стаття «Светопись и ее современное состояние» М. Хотинського і Н. Писаревського, надрукована в «Современнике», 1852, № 8, стор. 1—38.

[4] Алексей — Плещеєв.

[5] «Киевские ландыши» — «Ландыши Киевской Украйны», книга первая, сочинения Гр. і Ст. Карпенко, СПб., 1848. бездарна книга віршів і прози.

68. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 25. IX 1855 р.

[1] Всемилостивейший манифест — маніфест Олександра II про смерть Миколи І і початок свого царювання від 19. II

1855 р. Шевченко чекав на амністію, але цар викреслив його із списку амністованих.

69. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 21. IV 1856 р.

[1] Два куска шерстяной материи — малюнки Шевченка. Так він писав з метою конспірації.

[2] «Варнак» — повість Шевченка російською мовою має дату «1845 года. Киев», але справді написана на засланні, як і повість «Княгиня». Посилав для друку.

[3] Осипов Н. О. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 21. XII 1857 р.

[4] «Monumenta Regum Poloniae Cracoviensia» — збірник документів «Пам'ятники королів Польщі у Кракові», що вийшов у Петербурзі 1852 р.

[5] Бюрно К. И. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 22. VII 1857 р.

70. ДО А. І. ТОЛСТОЇ. 22. IV 1856 р.

[1] Мне уже 50 лет — тоді Шевченкові сповнилось 42 роки, але він виглядав значно старше своїх літ.

[2] Ученик Мартоса и первый учитель покойника Витали.— Мова йде про талановитого скульптора І. Т. Тимофєєва. Ображений тим, що його участь у встановленні пам'ятника Мініну і Пожарському (роботи І. П. Мартоса) не була належно оцінена Мартосом, він залишився у Москві працювати простим робітником у мармурових майстернях Пено, а потім Віталі і став фактично його учителем. З горя Тимофєєв почав пити і 1830 р. помер. Мартос І. П. (1752—1835) — видатний російський скульптор. Віталі І. П. (1794—1855) — видатний російський скульптор.

71. ДО М. Й. ОСИПОВА. 20. V 1856 р.

[1] Феб — по-грецькому «світло» — друге ім'я бога сонця Аполлона в стародавній грецькій міфології.

[2] Арей — Арес, бог війни у стародавніх грецьких міфах.

[3] Великий шотландець — Вальтер Скотт (1771—1832) — англійський письменник, з походження шотландець, автор історичних романів.

[4] Логановский Александр Васильевич (1810—1855) — скульптор-академік, професор Академії мистецтв.

[5] Пименов Николай Степанович (1812—1864) — скульптор, професор Академії мистецтв, автор погруддя Шевченка і погруддя Гоголя.

[6] Рамазанов М. О. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 10. IV 1858 р.

[7] Карл Иванович — прізвисько Миколи І.

[8] Прадье (1792—1852) — французький скульптор.

[9] Жак — петербурзький скульптор 30-х років, французький підданий.

[10] Лядурнер А. І. (1789—1855) — скульптор-академік, професор Академії мистецтв.

[11] Мельников Абрам Иванович (1784—1854) — ректор архітектури в Академії мистецтв.

[12] Институт благородных девиц — збудовано у 1843 р. за проектом професора архітектури Вікентія Івановича Беретті (1781—1842).

[13] Погода к осени дождливей... — рядки з байки І. А. Крилова «Сочинитель и разбойник».

74. ДО М. Й. ОСИПОВА. 10. IX 1856 р.

[1] Мой добрый аноним... — А. І. Толстая.

75. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. Між 18. VII і 15. IX 1856 р.

[1] Штемпель — тобто підпис Шевченка на малюнках.

[2] Слова великого флорентинского изгнанника — Данте.

76. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 8. X 1856 р.

[1] Семен — С. Гулак-Артемовський.

[2] Осип Єзучевський. — Йдеться про Василя Йосиповича Єзучевського.

[3] Глухий Галуза — Яків Галузевський, див. 12 прим. до «Вибраних листів» (лист 24-й).

77. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО та С. С. ГУЛАКА-АРТЕМОВСЬКОГО. 5. XI 1856 р.

[1] Писемський Олексій Феофілактович (1821—1881) — російський письменник. Т. Шевченко познайомився з ним 1856 р. у Новопетровському укріпленні.

78. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 8. XI 1856 р.

[1] Михайлов. — Тут і далі очевидна помилка переписувача Шевченкового листа. Треба читати — Михайла Білінського або Цейзика.

[2] «Блудный сын» — серія малюнків Шевченка. Всіх їх мало бути дванадцять, до нас дійшло вісім.

79. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 8. XII 1856 р.

[1] «Матрос» — Шевченкова повість російською мовою; в остаточній редакції — «Прогулка с удовольствием и не без морали». За постового життя повість не була надрукована.

[2] Летопись Самовидца — належить до XVII — початку XVIII ст., вперше опубліковано 1846 р. Автором літопису вважають Романа Ракушку-Романовського.

[3] Соловьев С. М. — див. 9 прим. до «Щоденника», запис від 13. VIII 1857 р.

[4] Череполог Лаватер — Лафатер Йоганн (1741—1801) — автор «Фізіогноміки», яку 1817 р. перекладено на російську мову. Він доводив, що найкраще пізнати характер людини можна, вивчаючи будову її черепа і обличчя.

80. ДО А. І. ТОЛСТОЇ. 9. I 1857 р.

[1] Шатобриан Франсуа-Рене (1768—1848) — французький реакційний романтик. Його «Замогильні записки» (1848) мемуарного характеру того ж року надруковано в журналі «Отечественные записки». Там були рядки: «Истинное счастие не многого стоит; а которое дорого, то плохое счастие». «Аттала» — твір Шатобріана.

[2] Лукулл (I ст. до н. е.) — римський політичний діяч і полководець, який прославився розкішними учтами.

[3] «Ад» — перша частина «Божественної комедії». Беатриче — жінка, яку все життя любив Данте, навіть після того, як вона вийшла заміж і незабаром померла; персонаж «Божественної комедії».

81. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 10, 15. II 1857 р.

[1] Siostrzency — діти сестри; небоги, згадані в його листі до Шевченка від 18. IX 1856 р.

[2] Несвижский «Panie kochanku» — князь Радзивілл Кароль-Станіслав (1734—1790), віленський воєвода, прозваний так за часте вживання цих слів.

[3] Рачкевичи — див. 13 прим. до «Щоденника», запис від 13. VI 1857 р.

[4] Стих великого поэта — А. Міцкевича (1798—1855). Шевченко цитує слова з російського перекладу поеми «Фаріс».

[5] Слуцк — місто в Західній Білорусії.

[6] «Космос» — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 23. IV 1858 р.

[7] Песни Вайделоты — з поеми Міцкевича «Конрад Валленрод».

[8] Джугара — зернова культура, різновид сорго; подібна до проса; з неї виготовляють крупи і муку.

82. ДО Я. Г. КУХАРЕНКА. 22. IV 1857 р.

[1] Маркович — Маркевич — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 21. VI 1857 р.

[2] «Пустка» — вірш Шевченка «Заворожи мені, волхве...».

83. ДО А. М. МАРКЕВИЧА. 22. IV 1857 р.

[1] Николай М. — прибране ім'я Куліша.

[2] Перевод «Малоросійської думи» — переклад вірша Шевченка «Нащо мені чорні брови...», надрукований Гербелем у журналі «Библиотека для чтения», 1856, № 11. Це був перший переклад з Шевченка на російську мову.

[3] Качанівка — маєток Тарновських у Борзенському повіті на Чернігівщині, де бували Гоголь, Глінка, Шевченко, Штернберг, Максимович та ін. Качанівку показав Шевченко в повісті «Музыкант».

[4] «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя» — П. Куліша, тт. I і II, СПб., 1856.

[5] Кирєєвський І. О. — полковник, ад'ютант В. Перовського для особливих доручень.

84. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 22. IV, 8. V 1857 р.

[1] Білозерський В. М. — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 28. III 1857 р.

[2] Н. Д. — Білозерський М. Д., див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 22. I 1858 р.

85. ДО БР. ЗАЛЕСЬКОГО. 8, 10, 13, 20. V 1857 р.

[1] Мое рукодельє — малюнки «Дочка хіоського гончара» (не зберігся), «Сцена в казармі» та «Казахський хлопчик бавиться з кошеням».

87. ДО Я. Г. КУХАРЕНКА. 5. VI 1857 р.

[1] «Москалева криниця» — див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 20. VI 1857 р.

[2] «Чернець» — поема Шевченка, написана 1847 р. в Орському укріпленні.

[3] «Вечір» — поезія Шевченка «Садок вишневий коло хати...».

[4] Єленєв Христофор Мойсейович — офіцер, наглядач військового госпіталю в Астрахані, знайомий Шевченка.

[5] Бажанов М. Є. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 15. VI 1857 р.

[6] Могила — А. Метлинський, див. 7 прим. до «Вибраних листів» (лист 7-й).

88. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 30. VI 1857 р.

[1] Пришли мені Метлинського — тобто його збірку «Народныя южнорусскія пѣсни», видану у Києві 1854 р.

89. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 1. VII 1857 р.

[1] Ладиженський Михайло Васильович — генерал-майор, голова Оренбурзької прикордонної комісії. Під його начальством служили брати Лазаревські, які намагалися використати знайомство з ним для полегшення становища Шевченка на засланні.

94. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 8. X 1857 р.

[1] Катенін О. А. — див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 21. VI 1857 р.

[2] Овсянников П. А. — див. 4 прим. до «Щоденника», запис від 20. IX 1857 р.

95 ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 18—19. X 1857 р.

[1] «Богдан Хмельницький» — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 22. IX 1857 р.

[2] Сапожников О. О. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 8. VIII 1857 р.

96. ДО І. П. КЛОПОТОВСЬКОГО. 6. XI 1857 р.

[1] Клопотовський І. П. — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 15 і 16. VIII 1857 р.

[2] Рогожин — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 17. VIII 1857 р.

[3] Незабутовський — Незабитовський, див. 4 прим. до «Щоденника», запис від 15 і 16. VIII 1857 р.

[4] «Le Nord» — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 16. X 1857 р.

[5] Козаченко Олександр (1808—1870) — голова Астраханської казенної палати, тесть О. Сапожникова.

99. ДО І. О. УСКОВА. 12. XI 1857 р.

[1] Наташенька и Наденька — дочки Ускових.

[2] Бурцевы — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 7. VIII 1857 р.

[3] Мостовский — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 15. VI 1857 р.

100. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 29. XI 1857 р.

[1] Варенцов В. Г. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 15. X 1857 р.

101. ДО М. С. ЩЕПКІНА. 5. XII 1857 р.

[1] Улибишев О. Д. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 2. XII 1857 р.

[2] «Москаль-чарівник» — п'єса І. Котляревського, вперше поставлена 1819 р., надрукована 1841 р.

[3] Піунова К. Б. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 13. X 1857 р.

102. ДО П. О. КУЛІША. 5. XII 1857 р.

[1] «Русская беседа» — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 26. X 1857 р.

[2] «Наймичка» — поема Шевченка, написана 1845 р. і надрукована без підпису автора в «Записках о Южной Руси» Куліша, т. II.

[3] «Іван Гус» — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 28. III 1858 р.

[4] Жемчужников Л. М. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 10. XI 1857 р.

[5] «Морозенко» — пісня з нотами для голосу і фортепіано, вміщена А. Маркевичем у «Записках о Южной Руси», т. II.

[6] Михайло, Федір — Лазаревські.

[7] Кебер Густав Васильович — знайомий Шевченка у Нижньому Новгороді, згаданий у «Щоденнику», запис від 3. XII 1857 р.

105. ДО М. С. ЩЕПКІНА. 4. I 1858 р.

[1] Брилкін Микола Олександрович — головний управитель нижегородської контори пароплавної компанії «Меркурій»; згаданий у «Журналі», запис від 20. IX 1857 р.

[2] Тетяся — Піунова Катерина. Тятясею називав її Шевченко тому, що вона виконувала роль Тетяни в п'єсі «Москаль-чарівник», за участю М. Щепкіна, і викликала загальне захоплення.

109. ДО С. Т. АКСАКОВА. 4. I 1858 р.

[1] «Прогулка с удовольствием и не без морали» — повість Шевченка російською мовою. Аксакову надіслано було авторизовану копію першої частини з присвятою С. Т. Аксакову. Над другою частиною Шевченко ще працював (закінчено її 16. II 1858 р.).

110. ДО П. О. КУЛІША. 4. I 1858 р.

[1] Передай оці дві пісні. — Йдеться про пісні «Утоптала стежечку через яр...» та «На вгороді коло броду...».

111. ДО М. С. ЩЕПКІНА. 15—18. I 1858 р.

[1] Повість — «Прогулка с удовольствием и не без морали».

[2] Дорохова Марія Олександрівна (1811—1867) — директор Інституту благородних дівиць у Нижньому Новгороді, згадана в «Щоденнику», запис від 31. X 1857 р.

[5] Голинська Параска Миколаївна — небога нижегородського військового губернатора О. М. Муравйова, згадана в «Щоденнику», запис від 12. I 1858 р.

112. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 21. I 1858 р.

[1] Шрейдерс К. А. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 8. X 1857 р.

[2] Кетчер — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 12. III 1858 р.

[3] «Песни Беранже» Курочкіна — див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 1. VII 1857 р. Тут йдеться про книгу «Песни Беранже. Переводы Василия Курочкина», СПб., 1858.

113. ДО П. О. КУЛІША. 26. I 1858 р.

[1] Тарновський Василь Васильович (1810—1866) — старший; небіж Г. С. Тарновського, одержав по ньому в спадщину Качанівку, збирав пам'ятки української старовини і мистецтва. Шевченко був у його маєтку в селі Потоки на Київщині ще в 40-х роках.

[2] Вся пісня моя — тобто вірш «Утоптала стежечку через яр...».

114. ДО М. С. ЩЕПКІНА. 3. II 1858 р.

[1] Олейников — знайомий Шевченка по Нижньому Новгороду; див. згадки про нього в «Щоденнику», запис від 29. XII 1857 р., 9. I і 8. IV 1858 р.

[2] Написав я невеличку статейку... — тобто «Бенефіс г-жи Пиуновой». Див. передрук її в прим. до «Щоденника», запис від 21. I 1858 р.

[3] Чужа дитина — А. Пущина, див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 4. XI 1857 р.

[4] Катков М. Н. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 13. I 1858 р.

116. ДО С. Т. АКСАКОВА. 16. II 1858 р.

[1] Новорожденное чадо — поезії «Доля», «Муза», «Слава», надіслані М. Щепкіну 10. II 1858 р.

[2] Кончили ли Вы печатать Вашу книгу? — «Детские годы Багрова внука» (М., 1858).

118. ДО І. О. УСКОВА. 17. II 1858 р.

[1] Катя — дівчина-казашка, що виховувалась в Ускових. Шевченко намалював її портрет. Няня — Авдотья, уральська козачка. Про неї згадує Шевченко в «Щоденнику», запис від 11. VII 1857 р.

119. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 22. II 1858 р.

[1] Я к і в — Лазаревський, див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 22. I 1858 р.

[2] К а м е н е ц ь к и й Д а н и л о С е м е н о в и ч (1830—1881) — управитель друкарні Куліша в Петербурзі. Наглядав за друкуванням «Кобзаря» 1860 р., допоміг виготувати нецензурні примірники.

120. ДО М. С. ЩЕПКІНА. 23. II 1858 р.

[1] В и б у д у я і з Н и ж н ь о г о 2 5 ф е в р а л я. — Шевченко виїхав 8 березня 1858 р.

[2] Н и к о л ь с к о е — село під Москвою, в якому була дача сина М. С. Щепкіна.

[3] Т е т я с я — див. 2 прим. до «Вибраних листів» (лист 105-й).

[4] С е р г е я Т и м о ф е е в и ч а — Аксакова.

125. ДО М. О. МАКСИМОВИЧА. 5. IV 1858 р.

[1] Г р и ц ь к о Г а л а г а н — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 26 III 1858 р.

[2] Б а р т е н ь е в П е т р о І в а н о в и ч (1829—1912) — архівіст, який зберіг частину рукопису поеми «Єретик», видавець та редактор журналу «Русский архив».

[3] Ч и т а ю т е п е р ь «Г у с а» А н н і к о в а... — Очевидно, Шевченко мав на увазі працю Є. Новикова «Гус и Лютер», надруковану в журналі «Русская беседа», 1857, IV; 1858, I—IV. В листі до Шевченка про неї писав П. Куліш.

[4] К о ш е л е в О. І. — див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 25. III 1858 р.

[5] П о с и л а ю т о б і м о ю о б і ц я н к у... — тобто вірш «Полякам», вміщений у цьому ж листі за підписом «Кобзар Тарас Дармограй». У нашому виданні до тексту листа вірш не додається.

126. ДО С. Т. АКСАКОВА. 25. IV 1858 р.

[1] А й в а з о в с к и й И в а н К о н с т а н т и н о в и ч (1817—1900) — видатний російський художник, майстер морського пейзажу, знайомий Шевченка ще з часів навчання в Академії мистецтв.

[2] И в а н С е р г е е в и ч — Аксаков, див. 4 прим. до «Щоденника», запис від 25. III 1858 р.

[3] А л м а з н о е с т и х о т в о р е н и е — І. С. Аксакова «На новый 1858 год» — надруковано в журналі «Русская беседа», 1858, № 1.

[4] В е л и к о г о д р у г а — М. Щепкіна.

127. ДО Г. М. ЧЕСТАХІВСЬКОГО. 14—19. V 1858 р.

[1] Ч е с т а х і в с ь к и й Г р и г о р і й М и к о л а й о в и ч (1820—1893) — художник, знайомий Шевченка. Супроводжував труну з ті-

дом Шевченка з Петербурга на Україну, один з організаторів поховання поета на Чернечій горі.

128. ДО Г. П. ГАЛАГАНА. 27. V 1858 р.

[1] Сокиринці — село Прилуцького повіту на Полтавщині, маєток Г. Галагана. Шевченко бував там у 40-х роках.

[2] Соколов І. І. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 7. IV 1858 р.

129. ДО І. О. УСКОВА. 4. VII 1858 р.

[1] «Губернские очерки» — твір М. Є. Салтикова-Щедріна, окреме видання у двох книгах (М., 1857).

130. ДО С. Т. АКСАКОВА. 15. VII 1858 р.

[1] Картина Иванова — «З'явлення Христа народові», див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 27. VII 1857 р.

[2] Овербек Йоганн-Фридрих (1789—1869) — німецький художник.

131. ДО А. О. ЛАЗАРЕВСЬКОЇ. 9. X 1858 р.

[1] Лазаревська Афанасія Олексіївна (1801—1879) — мати братів Лазаревських, з якими поет дружив; жила на хуторі біля села Гирівки на Чернігівщині. 1859 р. Шевченко відвідав її, намалював портрет.

[2] Іван Матвійович Лазаревський (помер 1887 р.) — наймолодший з братів Лазаревських, тоді студент Петербурзького університету.

132. ДО М. С. ЩЕПКІНА. 13. XI 1858 р.

[1] Кокорєв В. О. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 1. IV 1858 р.

[2] «Гугеноти» — опера французького композитора Жака Мейербера (1791—1864). В «Щоденнику» (запис від 16. XII 1857 р.) Шевченко назвав її «геніальним твором».

[3] Кожанчиков Дмитро Юкимович (помер 1877 р.) — прогресивний петербурзький видавець; 1867 р. дав перше посмертне видання «Кобзаря».

[4] Раєв Василь Юр'євич (1807—1870) — академік пейзажного малярства.

[5] Уваров Олексій Сергійович (1825—1884) — син міністра за Миколи I, сам археолог, заснував Уваровські премії Академії наук за праці з російської історії та історії літератури й мови.

[6] Бабст — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 12. III 1858 р.

133. ДО М. О. МАКСИМОВИЧА. 22. XI 1858 р.

[1] «Парус» у своєму універсалі... про нас і не згадав.— Шевченко мав на увазі повідомлення І. С. Аксакова про видання ним з 1859 р. слов'янофільської газети «Парус». У повідомленні серед слов'янських народів не згадано український народ.

[2] Вельможного князя, любителя березової каші.— Шевченко говорить тут про князя В. О. Черкаського, який у журналі «Сельское благоустройство» радив застосовувати до селян кару різками. «Заступником» його Шевченко називає І. Аксакова, який надрукував статтю на захист Черкаського.

134. ДО М. В. МАКСИМОВИЧ. 22. XI 1858 р.

[1] Максимович Марія Василівна — дружина М. О. Максимовича.

[2] На Михайловій горі — на хуторі Максимовичів біля села Прохорівки проти Канева, на лівому березі Дніпра.

135. ДО М. С. ЩЕПКІНА. 6. XII 1858 р.

[1] Африканський актор — Айра Олдрідж (бл. 1805—1867), талановитий актор, мати якого була негритянка з Африки; з успіхом гастролював у багатьох країнах Західної Європи, а 1858 р.— в Петербурзі.

[2] Мін Д. Є.— див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 13. III 1858 р.

136. ДО Я. Г. КУХАРЕНКА. 17. I 1859 р.

[1] «Хата» — альманах П. Куліша, виданий у Петербурзі 1860 р. Творів Кухаренка в ньому нема.

137. ДО М. В. МАКСИМОВИЧ. 25. III 1859 р.

[1] Олександра Михайлівна — Куліш, див. 5 прим. до «Щоденника», запис від 11. VII 1857 р.

[2] Обидві наведені в листі поезії написані 1848 р. на Кос-Аралі.

139. ДО МАРКА ВОВЧКА (М. О. МАРКОВИЧ). 25. V 1859 р.

[1] Лист Марка Вовчка з Дрездена не зберігся.

[2] «Ледащиця» — оповідання Марка Вовчка, надруковане в журналі «Основа» (1861, VI). Письменниця завершила його за кордоном і надіслала до Петербурга для друку.

[3] Свій журнал — «Основа», що почав виходити тільки на початку 1861 р.

[4] Богдась — син М. О. і П. В. Марковичів.

140. ДО М. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 10. VII 1859 р.

[1] Межиріч і — село Черкаського повіту, недалеко від Канева, на межиріччі Росі й Росави, маєток Н. Парчевського. Поет приїздив сюди, щоб домовитися про купівлю землі.

[2] Гирівка — маєток Лазаревських у Конотопському повіті на Чернігівщині.

[3] Олександра Іванівна — Гулак-Артемовська, див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 29. VII 1857 р.

141. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 13. VII 1859 р.

[1] Шевченко Варфоломій Григорович (1821—1892) — родич Т. Шевченка. З його сестрою був одружений брат поета Йосип.

[2] Парчевський Никодим Павлович (1813—?) — багатий поміщик у Черкаському повіті. Шевченко збирався купити в нього ділянку землі над Дніпром біля села Пекарі під садибу і побудувати там хату.

142. ДО М. В. і М. О. МАКСИМОВИЧІВ. 22. VII 1859р.

[1] Мошни — містечко Черкаського повіту на Київщині, куди доставлено Шевченка після арешту біля Прохорівки 15. VII 1859 р.

144. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 20. VIII 1859 р.

[1] Чи ти зробив що з Вольським? — Вольський Вітольд Мартинович (1817—1884), управитель у поміщика Н. Парчевського.

145. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 10. IX 1859 р.

[1] Рузя — дочка В. Шевченка Євфросина (вона ж і Пріся).

146. ДО В. В. ТАРНОВСЬКОГО (молодшого) 28. IX 1859 р.

[1] Тарновський Василь Васильович (1837—1899) — молодший син В. В. Тарновського, поміщик, закінчив Київський університет. Згадана далі його мати — Людмила Володимирівна — сестра М. Юзефовича.

[2] Кумася — Тарновська Надія Василівна (померла 1891 р.) тітка В. Тарновського (молодшого).

[3] З братом Ваším... — Тарновським Володимиром Васильовичем (1839—1917), що тоді вчився в Москві, передати лист і офорти Шевченко не встиг.

[4] Горленятко — Горленки, сусіди Тарновських, поміщики села Іваниці. О. І. Горленко, що помер 1847 р., мав кількох синів.

[5] Селін Олександр Іванович (1816—1877) — закінчив Московський університет, професор Київського університету. Шевченко познайомився з ним 1845 р.

147. ДО М. О. і М. В. МАКСИМОВИЧІВ. 9. X 1859 р.

[1] Табачников — черкаський справник (начальник поліції), за наказом якого Шевченко був арештований 15 липня 1859 р., нібито за «богохульство».

[2] Старі Деркачі — Деркач Лев Павлович (1788—?), засідатель золотоніського земського суду, і його дружина Катерина Іванівна, що жили в селі Сушках, Золотоніського повіту, приятелі Максимовичів.

148. ДО І. М. СОШЕНКА. 9. X 1859 р.

[1] Сошенко Іван Максимович — див. 6 прим. до «Автобіографії».

[2] Ганнуся — небога Сошенка. Шевченко познайомився з нею 1859 р.

[3] Наші пісні — «Южнорусские песни» (К., 1857) або підбірка А. Маркевича, надрукована в II т. «Записок о Южной Руси» (СПб., 1857).

[4] Валентина — справжнє її ім'я Леонтина, знайома Сошенків.

[5] Красковські — Іван Данилович і Єлизавета Іванівна. І. Д. Юскевич-Красковський був учителем латини в Київській гімназії.

[6] Чалий Михайло Корнійович (1816—1907) — інспектор гімназії в Києві, автор біографії Шевченка «Жизнь и произведения Тараса Шевченка» (К., 1882).

[7] Андрієвський Марко Олександрович (1811—?) — чиновник канцелярії київського генерал-губернатора, голова слідчої комісії в політичних справах. Розглядаючи справу заарештованого Шевченка (6. VIII 1859 р.), він зробив висновки, що сприяли звільненню поета з-під арешту.

149. ДО Н. В. ТАРНОВСЬКОЇ. 22. X 1859 р.

[1] Буду у Карташевських — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 14. IV 1858 р.

150. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 2. XI 1859 р.

[1] Пекарі — село на ріці Росі, де вона впадає в Дніпро (нижче Канева). Це місто дуже подобалось Шевченкові, і він хотів там оселитись. Власник маєтку, поміщик Парчевський, усіляко зволікав з продажем землі.

[2] Харита — Харитина Василівна Довгополенко, кріпачка з села Самгородки, Канівського повіту, наймичка В. Г. Шевченка.

[3] Сестра — Ярина Григорівна Шевченко, за чоловіком Бойко (1816—?).

[4] Книжечка — це, очевидно, рукописи творів Шевченка. Можливо, це була так звана «Мала книжечка». Прочитавши її, Варфоло-

мій писав поетові: «Неначе там западто багато жалоби за себе; якби вона не вся вкупі, якби воно не все разом... а то неначе з лишкою вже розливається жовч».

151. ДО В. М. ЛАЗАРЕВСЬКОГО. 11. XI 1859 р.

[1] «Блудниці» — два примірники офорта «Сама собі в своїй господі».

152. ДО П. Ф. СИМИРЕНКА. 26. XI 1859 р.

[1] Симиренко Платон Федорович (помер 1863 р.) — з міста Городища, вчився в пансіоні в Одесі, підприємець, один з власників цукрових заводів (фірма Яхненко — Симиренко). Позичив гроші на видання «Кобзаря» 1860 р.

[2] Кіндрат Михайлович — Яхненко (1783—1868), син заможного селянина-кріпака, згодом заснував фірму «брати Яхненки та Симиренки». Поет познайомився з ним в липні 1859 р. під час відвідання цукроварні.

[3] Федір Степанович — Симиренко, батько Платона.

[4] Настасія Михайлівна — дружина Федора (з дому Яхненків), мати Платона.

[5] Тетяна Іванівна — дружина Платона Симиренка.

[6] Олексій Іванович — Хропаль (помер 1886 р.), зять Федора Симиренка, службовець фірми Яхненко — Симиренко.

153. ДО О. І. ХРОПАЛЯ. 26. XI 1859 р.

[1] Мої безталанніі думи — «Кобзар», що вийшов 1860 р.

[2] Іздатель — Д. Кожанчиков.

[3] Титарівна — дочка О. І. Хропаля.

154. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 7. XII 1859 р.

[1] Понятовський — поміщик. У Канівському повіті були маєтки нащадків польського короля чотирьох братів Понятовських: Станіслава, Августа, Цезарія і Ламберта.

[2] Чижов Федір Васильович (1811—1877) — учений, слов'янофіл, промисловець.

[3] Бондаренко Гнат — селянин села Кирилівки (тепер село Шевченкове). Шевченко завітав до нього 26. IX 1845 р. Шкільний товариш поета, титар кирилівської церкви.

155. ДО О. О. ОБОЛОНСЬКОГО. Вересень, 1859 — 1. VIII 1860 р.

[1] Оболонський Олександр Олександрович (1825—1877). Олександр Дем'янович — його батько. Як видно зі змісту листа, його адресовано до О. О. Оболонського — редактора журналу «Народное чтение».

[2] Курочкін М. С. — див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 26. IV 1858 р. М. Курочкін переклав для журналу «Народное чтение» вірші «Доля», «Муза», «Один у другого питаєм».

156. ДО П. Ф. СИМИРЕНКА. 3. I 1860 р.

[1] Пурлєвський — представник фірми Яхненко—Симиренко у Москві.

157. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 12. I 1860 р.

[1] Зміївський — поміщик Канівського повіту.

160. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 1, II 1860 р.

[1] Трощинський Дмитро Андрійович — власник маєтку в містечку Кагарлик, Київського повіту.

161. ДО П. Ф. СИМИРЕНКА. 1. II 1860 р.

[1] Редактор журнала «Народное чтение» — О. О. Оболонський. Журнал виходив у 1859—1860 рр. На прохання поета П. Симиренко не відповів. Біографії К. Яхненка та Ф. Симиренка надруковані не були.

162. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 1—18. II 1860 р.

[1] Вася — дочка сестри поета — Ярини, виховувалась у В. Шевченка.

163. ДО М. Я. МАКАРОВА. 7. II 1860 р.

[1] Макаров М. Я. — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 12. V 1858 р.

[2] Варвара Яковлевна — Карташевська (1832—1902), сестра М. Макарова.

[3] Тургенєв Іван Сергійович (1818—1883) — Шевченко познайомився з ним у Петербурзі наприкінці лютого 1859 р. Зустрічалися вони переважно на літературних вечорах у Карташевської.

164. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 18. II 1860 р.

[1] Адрес жаботинського і кириловського пана... — Йдеться про поміщика Фліорковського Валеріана Еразмовича, що 1850 р. купив у В. В. Енгельгардта село Кирилівку. Адреса була погрібна Шевченкові у зв'язку з тим, що Товариство для допомоги літераторам і вченим почало клопотатися про визволення з кріпацтва його рідних.

[2] «Русская газета» — виходила щотижня в Москві у 1858—1859 рр. за редакцією С. Поля. Заборонена царським урядом за статтю «Отзыв к дворянам Елецкого уезда предводителя дворянства Стаховича».

[2] Йосипка́... — тут перераховано дітей В. Шевченка.

166. ДО Я. Г. КУХАРЕНКА. 25. III 1860 р.

[1] «Основа» — журнал, виходив у 1861—1862 рр. Перший номер вийшов у Петербурзі 12 січня 1861 р.

168. ДО М. Я. МАКАРОВА. 12. IV 1860 р.

[1] Петро Аркадійович Кочубей (1825—1892) — офіцер, князь; замовив Шевченкові чотири картини олійними фарбами, серед них згадану далі картину «Русалки».

169. ДО М. Я. МАКАРОВА. 12—13. IV 1860 р.

[1] Олександр Іванович — О. І. Герцен. Доручення Шевченка М. Я. Макаров виконав не особисто, оскільки 1860 р., перебуваючи за кордоном, він не їздив до Лондона.

170. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 22. IV 1860 р.

[1] Дата в автографі листа помилкова. Адже поет відповідає на лист Барфоломія від квітня 1860 р.

[2] Михайло Матвійович — Лазаревський.

[3] Моє письмо до редактора — «Письмо Т. Г. Шевченка к редактору «Народного чтения» — автобіографія, надрукована в другій книжці журналу і передрукована в газеті «С.-Петербургские ведомости», 1860, № 66.

171. ДО Є. П. КОВАЛЕВСЬКОГО. 23. IV 1860 р.

[1] Ковалевський Є. П. — див. 2 прим. до «Щоденника», запис від 8. X 1857 р.

172. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 15. V 1860 р.

[1] Рудяки — село на Дніпрі, Переяславського повіту, маєток Д. А. Трощинського.

[2] Новицький Микола Дементійович — офіцер, якому «Комитет пособий нуждающимся литераторам и ученым» доручив вести переговори з Фліорковським про викуп родичів Шевченка.

173. ДО Ф. Л. ТКАЧЕНКА. 30. V 1860 р.

[1] Ткаченко Федот Леонтійович — див. 7 прим. до «Вибраних листів» (лист 8-й).

174. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 29. VI 1860 р.

[1] Премерзенне свято — день Петра і Павла, іменини князя Павла Лопухіна, на які до Корсуня з'їздилися навколишні поміщики.

[2] Шулячівна Наталка — няня дітей В. Шевченка. Варфоломій пропонував поетові свататись до неї, вона «людина з розумом і серцем».

176. ДО В. Е. ФЛІОРКОВСЬКОГО. 27. VII 1860 р.

[1] Господин председатель Общества литераторов и ученых и его товарищи... — Голова комітету Є. Ковалевський, члени — М. Чернишевський, І. Тургенєв, П. Анненков, О. Галахов та ін.

[2] Я вашего мнения не оспариваю.—Лист Фліорковського «К редактору» надруковано в газеті «Киевский телеграф», 1860, № 45. Шевченко вважав марним і зайвим вдаватися до полеміки з Фліорковським і переходив до конкретної розмови про умови викупу братів і сестри з землею.

178. ДО М. Я. МАКАРОВА. 30. VII 1860 р.

[1] Надежда и Александра Михайловны — сестри, з роду Білозерських. Надія Михайлівна Забіла і Олександра Михайлівна — дружина П. Куліша.

[2] Ликера — Полусмакова Ликера Іванівна (1842–1917), яка була кріпачкою М. Я. Макарова, а потім — вільновідпущеною покоївкою В. Я. Карташевської.

[3] Як побачите Марью Александровну — тобто Марка Вовчка.

179. ДО В. В. ТАРНОВСЬКОГО (молодшого). 7. VIII 1860 р.

[1] Воскресные школы — недільні школи для дорослих; існували на добровільні пожертви. Наказом царського уряду 12. VI 1862 р. недільні школи закрито, бо в одній з петербурзьких шкіл поширювано прокламацію «Молодая Россия».

[2] Тризна Роман Дмитрович — знайомий Шевченка ще з 1846 р., службовець у Чернігові, організатор тамтешніх недільних шкіл. Клопотався про використання в недільних школах «Букваря» Шевченка.

181. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 22, 25. VIII 1860 р.

[1] На пам'ять 1860 року 28 іюля — день освідчення Шевченка Ликері Полусмак.

185. ДО Ф. Л. ТКАЧЕНКА. 28. IX 1860 р.

[1] Білозерський В. М. — див. 3 прим. до «Щоденника», запис від 28. III 1858 р.

189. ДО Д. С. КАМЕНЕЦЬКОГО. 18. XI 1860 р.

[1] «Букварь южнорусский»—вийшов у Петербурзі 1861 р. Цензурний дозвіл — 21. XI 1860 р.

[2] Бекетов В. — цензор, який дозволив до друку «Буквар» Шевченка.

190. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 2. XII 1860 р.

[1] Аркас Микола Андрійович (1816—1881) — адмірал, командир Чорноморського флоту й портів, один з засновників акціонерної компанії «Русское общество пароходства и торговли» в Одесі; батько українського історика і композитора, автора опери «Катерина» М. М. Аркаса (1853—1909).

[2] Іваницький — полковник, начальник механічних майстерень «Русского общества пароходства и торговли», де мав працювати син В. Шевченка — Каленик.

[3] Приятель київський — М. Чалий.

191. ДО М. К. ЧАЛОГО. 2. XII 1860 р.

[1] Орловський Володимир Донатович (1842—1914) — український художник, учився в Київській гімназії під керівництвом Сошенка, 1861 р. з допомогою Шевченка вступив до Академії мистецтв, згодом став її професором.

193. ДО М. К. ЧАЛОГО. 4. I 1861 р.

[1] Арсеній (1795—1876) — київський митрополит, мракобіс, що видавав себе за прихильника народної освіти; до Шевченкового «Букваря» поставився вороже.

[2] Старе ледащо — І. М. Сошенко.

[3] Недолітки — дочки В. Шевченка.

194. ДО Ф. Л. ТКАЧЕНКА. 4. I 1861 р.

[1] Редактор «Губернских ведомостей» — Бодянський Павло Ілліч (1809—1869), редактор «Полтавських губернських ведомостей», педагог та історик.

198. ДО В. Г. ШЕВЧЕНКА. 29. I 1861 р.

[1] Антонович Платон Олександрович (1812—1883) — свого часу студент Московського університету, учасник гуртка Сунгурова, заарештований 1833 р. і засланий солдатом на Кавказ. Згодом офіцер, чиновник, губернатор Бессарабії. У кінці життя — попечитель Київського учбового округу.

200. ДО І. М. МОКРИЦЬКОГО. 24. II 1861 р.

[1] Мокрицький — Таволга-Мокрицький І. М., див. 1 прим. до «Щоденника», запис від 29. III 1858 р. Марія Львівна — його дружина.

СПИСОК ІЛЮСТРАЦІЙ

Стор.

Т. Шевченко. Фото 1860 р. . . . . 4—5
Сторінка «Щоденника». Автограф запису від 12 грудня 1857 р. з портретом О. Герцена . . . . . 160—161
Т. Шевченко. Байгуші під вікном. Сепія. 1855—1856 рр. . 160—161
Т. Шевченко. Портрет М. Щепкіна. Італійський та білий олівець. 1858 р. . . . . 160—161
Т. Шевченко. Кара шпіцрутенами. Туш, бістр. 1856—1857 рр. . . . . 160—161
Т. Шевченко. Фото 1858—1860 рр. . . . . 320—321
Т. Шевченко. Серед розбійників. Туш, бістр. 1856—1857 рр. . . . . 320—321
Т. Шевченко. Мис Тюк-Карагай на півострові Мангишлак. Акварель. 1854—1857 рр. . . . . 320—321
Т. Шевченко. Крутий берег Аральського моря. Акварель. 1848—1849 рр. . . . . 320—321
Т. Шевченко. Фото 1860 р. . . . . 320—321
Лист Шевченка до Марка Вовчка від 25 травня 1859 р. Автограф. 409

ЗМІСТ

Автобіографія 5

ЩОДЕННИК 9

ВИБРАНІ ЛИСТИ

1841 рік

1. До Г. Ф. Квітки-Основ'яненка 227
2. До Г. Ф. Квітки-Основ'яненка 228

1842 рік

3. До О. О. Корсуна 230
4. До Г. С. Тарновського 230
5. До Г. Ф. Квітки-Основ'яненка 231
6. До П. М. Корольова 231
7. До П. М. Корольова 232

1843 рік

8. До Я. Г. Кухаренка 233
9. До В. М. Рєпніної 234
10. До В. І. Григоровича 235

1844 рік

11. До С. О. Бурачека 236
12. До С. О. Бурачека 236
13. До Й. М. Бодянського 236
14. До М. А. Цертелєва 237
15. До П. І. Гессе 238
16. До Я. Г. Кухаренка 239
17. До Я. Г. Кухаренка 241

1845 рік

18. До Я. Г. Кухаренка 242
19. До А. Г. та Н. Я. Родзянків 242

1847 рік

20. До М. І. Костомарова 244
21. До А. І. Лизогуба 244
22. До В. М. Рєпніної 245
23. До А. І. Лизогуба 247
24. До М. М. Лазаревського 248

1848 рік

25. До А. І. Лизогуба 251
26. До В. М. Рєпніної 252

27. До А. І. Лизогуба 255
28. До Ф. М. Лазаревського 256
29. До А. І. Лизогуба 257

1849 рік

30. До О. І. Макшеєва 259
31. До А. І. Лизогуба 259
32. До В. М. Репніної 260
33. До А. І. Лизогуба 261

1850 рік

34. До В. М. Репніної 263
35. До Й. М. Бодянського 264
36. До В. А. Жуковського 266
37. До В. М. Репніної 267
38. До А. І. Лизогуба 269

1851 рік

39. До В. М. Репніної 271
40. До В. М. Репніної 272

1852 рік

41. До С. С. Гулака-Артемовського 273
42. До А. І. Лизогуба 275
43. До А. Й. Козачковського 277
44. До Ф. М. Лазаревського 278
45. До Й. М. Бодянського 279
46. До А. П. Головачова 281
47. До Ф. М. Лазаревського 282

1853 рік

48. До С. С. Гулака-Артемовського 283
49. До А. Й. Козачковського 285
50. До С. С. Гулака-Артемовського 287
51. До Бр. Залеського 288

1854 рік

52. До Бр. Залеського 290
53. До Я. Г. Кухаренка 292
54. До А. Й. Козачковського 295
55. До Й. М. Бодянського 297
56. До Бр. Залеського 298
57. До Бр. Залеського 301
58. До Й. М. Бодянського 303
59. До Бр. Залеського 304

1854—1855 роки

60. До А. О. Краєвського 306

1855 рік

61. До Бр. Залеського 307
62. До О. М. Плещеєва 309
63. До С. Сераковського 310
64. До Бр. Залеського 311
65. До В. І. Григоровича 312
66. До Ф. П. Толстого 313
67. До Бр. Залеського 314
68. До Бр. Залеського 316

1856 рік

69. До Бр. Залеського 320
70. До А. І. Толстої 321
71. До М. Й. Осипова 324
72. До Бр. Залеського 329
73. До С. С. Гулака-Артемовського 330
74. До М. Й. Осипова 331
75. До Бр. Залеського 332
76. До М. М. Лазаревського 334
77. До М. М. Лазаревського та С. С. Гулака-Артемовського 335
78. До Бр. Залеського 336
79. До М. М. Лазаревського 339

1857 рік

80. До А. І. Толстої 340
81. До Бр. Залеського 342
82. До Я. Г. Кухаренка 346
83. До А. М. Маркевича 348
84. До М. М. Лазаревського 350
85. До Бр. Залеського 352
86. До М. М. Лазаревського 356
87. До Я. Г. Кухаренка 357
88. До М. М. Лазаревського 358
89. До М. М. Лазаревського 359
90. До Ф. П. Толстого 360
91. До Бр. Залеського 362
92. До М. М. Лазаревського 363
93. До Я. Г. Кухаренка 364
94. До М. М. Лазаревського 365
95. До М. М. Лазаревського 366
96. До І. П. Клопотовського 367
97. До А. І. Толстої 369
98. До М. С. Щепкіна 370
99. До І. О. Ускова 371
100. До М. М. Лазаревського 373
101. До М. С. Щепкіна 374
102. До П. О. Куліша 376
103. До М. Й. Осипова 377

1858 рік

104. До А. І. Толстої 379
105. До М. С. Щепкіна 380
106. До М. М. Лазаревського 380
107. До П. О. Куліша 381
108. До М. О. Максимовича 382
109. До С. Т. Аксакова 383
110. До П. О. Куліша 384
111. До М. С. Щепкіна 384
112. До М. М. Лазаревського 386
113. До П. О. Куліша 386
114. До М. С. Щепкіна 388
115. До М. С. Щепкіна 389
116. До С. Т. Аксакова 389
117. До Я. Г. Кухаренка 391
118. До І. О. Ускова 392
119. До М. М. Лазаревського 393
120. До М. С. Щепкіна 394
121. До М. М. Лазаревського 395
122. До А. І. Толстої 395
123. До М. М. Лазаревського 396
124. До М. М. Лазаревського 397
125. До М. О. Максимовича 397
126. До С. Т. Аксакова 398
127. До Г. М. Честахівського 399
128. До Г. П. Галагана 400
129. До І. О. Ускова 400
130. До С. Т. Аксакова 401
131. До А. О. Лазаревської 402
132. До М. С. Щепкіна 403
133. До М. О. Максимовича 404
134. До М. В. Максимович 405
135. До М. С. Щепкіна 406

1859 рік

136. До Я. Г. Кухаренка 407
137. До М. В. Максимович 408
138. До М. В. Максимович 410
139. До Марка Вовчка (М. О. Маркович) . 410
140. До М. М. Лазаревського 411
141. До В. Г. Шевченка 411
142. До М. В. і М. О Максимовичів . . . 412
143. До М. В. і М. О. Максимовичів . . . 412
144. До В. Г. Шевченка 413
145. До В. Г. Шевченка 413
146. До В. В. Тарновського (молодшого) . 414
147. До М. В. і М. О. Максимовичів . . . 414
148. До І. М. Сошенка 415
149. До Н. В. Тарновської 415
150. До В. Г. Шевченка 416
151. До В. М. Лазаревського 417
152. До П. Ф. Симиренка 418

153. До О. І. Хропаля 418
154. До В. Г. Шевченка 419
155. До О. О. Оболонського 420

1860 рік

156. До П. Ф. Симиренка 421
157. До В. Г. Шевченка 421
158. До В. Г. Шевченка 422
159. До А. Й. Козачковського 422
160. До В. Г. Шевченка 423
161. До П. Ф. Симиренка 423
162. До В. Г. Шевченка 424
163. До М. Я. Макарова 424
164. До В. Г. Шевченка 425
165. До В. Г. Шевченка 425
166. До Я. Г. Кухаренка 426
167. До В. Г. Шевченка 427
168. До М. Я. Макарова 427
169. До М. Я. Макарова 428
170. До В. Г. Шевченка 428
171. До Є. П. Ковалевського 430
172. До В. Г. Шевченка 430
173. До Ф. Л. Ткаченка 431
174. До В. Г. Шевченка 432
175. До В. Г. Шевченка 433
176. До В. Е. Фліорковського 433
177. До В. Г. Шевченка 434
178. До М. Я. Макарова 435
179. До В. В. Тарновського (молодшого) . . 435
180. До М. К. Чалого 436
181. До В. Г. Шевченка 436
182. До Н. М. Забіли (Білозерської) . . . 438
183. До М. Я. Макарова 438
184. До Н. М. Забіли (Білозерської) . . . 439
185. До Ф. Л. Ткаченка 439
186 До В. Г. Шевченка 440
187. До А. Болдіна 441
188. До М. К. Чалого 441
189. До Д. С. Каменецького 442
190. До В. Г. Шевченка 442
191. До М. К. Чалого 442
192. До Я. В. Тарновського 443

1861 рік

193. До М. К. Чалого 444
194. До Ф. Л. Ткаченка 445
195. До М. К. Чалого 445
196. До Ф. Л. Ткаченка 446
197. До В. Г. Шевченка 446
198. До В. Г. Шевченка 447
199. До В. В. Тарновського (молодшого) . . 447
200. До І. М. Мокрицького 448

Примітки 449
Список ілюстрацій 538

ТАРАС ШЕВЧЕНКО
СОЧИНЕНИЯ В ПЯТИ ТОМАХ, т. V

(На украинском языке)

Видавництво «Дніпро»,
Київ, Володимирська, 42.

Редактор *М. Ф. Вишневський*
Художник *П. Т. Вишняк*
Художній редактор *С. П. Савицький*
Технічний редактор *О. П. Яхніс*
Коректор *С. І. Шевцова*

Виготовлено
на Харківській книжковій ф-ці ім. М. В. Фрунзе
Комітету по пресі при Раді Міністрів УРСР,
Харків, Донець-Захаржевська, 6/8.

Здано на виробництво 10/VII 1970 р.
Підписано до друку 2/VIII 1971 р.
Папір № 1. Формат 84×108¹/₃₂.
Фізичн. друк. арк. 17,0.
Умовн. друк. арк. 28,56+5 вкл.
Обліково-видавн. арк. 29,22.
Ціна 1 крб. Замовл. 270.
Тираж 65 000.